

ДРЕВНИЕ
ПАЛЕСТИНСКИЕ
ОБИТЕЛИ

*и прославившие их
святые подвижники*

П. М. Сладкопевцев

**Древние палестинские
обители и прославившие
их святые подвижники**

«Сибирская Благовонница»

1896

УДК 271+235.3
ББК 86.37

Сладкопевцев П. М.

Древние палестинские обители и прославившие их святые подвижники / П. М. Сладкопевцев — «Сибирская Благовонница», 1896

ISBN 978-5-906853-12-7

Вниманию читателей предлагается книга П.М. Сладкопевцева «Древние палестинские обители и прославившие их святые подвижники», впервые изданная в 1895–1896 годах в Санкт-Петербурге. Как писал сам автор, «для благочестивого христианина, желающего в судьбах минувшего поучаться неисповедимым путям Божиим и примером благочестивой жизни подвижников Христовых и словом назидания их умудряться во спасение, драгоценны сведения об этих обителях и пустынях, мужах и женах, в них подвизавшихся». При работе над изданием текст был приведен в соответствие с современными нормами грамматики, орфографии и пунктуации, даны дополнительные библейские ссылки (особенности авторского цитирования сохранены) и примечания; в некоторых случаях уточнены авторские примечания (добавления редакции – в квадратных скобках). Редакция надеется, что книга будет интересна широкому кругу читателей и, в частности, паломникам в Святую Землю.

УДК 271+235.3
ББК 86.37

ISBN 978-5-906853-12-7

© Сладкопевцев П. М., 1896

© Сибирская Благовонница, 1896

Содержание

[К читателю]	8
Общий очерк подвижничества в Святой земле	10
Обители четвертого века	15
Лавры святого Харитона Исповедника	15
Лавра преподобного Илариона Великого	29
Киновия преподобного Сильвана	45
Киновия Елевферопольская	50
Обители Иерусалимские	52
Обитель при храме Воскресения	52
Обители Мелании Старшей	60
Киновии Вифлеемские	73
Киновия блаженного Иеронима	73
Киновия преподобной Павлы Римлянки	74
Монастырь Святого Креста	89
Обители пятого века	90
Лавры преподобного Евфимия Великого	91
Лавра преподобного Феоктиста	107
Киновия преподобного Геласия	110
Киновия преподобного Маркиана	114
Лавра Каламони	116
Хузивская лавра	120
Лавра преподобного Герасима Иорданского	125
Лавра святого Иоанна Предтечи	130
Лавра Илиот	132
Киновия преподобного Феодосия Великого	135
Лавры и киновии преподобного Саввы Освященного	167
Великая лавра	167
Новая лавра	224
Пещерная киновия	228
[Монастыри, о которых почти не сохранилось сведений]	230
Обители шестого и седьмого веков	231
[Историческая справка]	231
Киновия преподобного Анастасия	233
Кесарийская киновия	242
Скифопольская киновия	243
Иорданские обители	244
Лавра преподобного Петра	246
Лавра Евнухов	246
Киновия Пентокль	248
Киновия Пресвятой Богородицы Марии, называемая Новой	250
Лавра Пирги	252
Варихская киновия	254
Лавра преподобного Фирмина	255
Киновия Византийская	259
Газские киновии	260

Киновия Еваге	260
Киновия преподобного Дорофея	297
[Лавры и киновии, о которых почти не сохранилось сведений]	310
Иноческие пустыни Святой земли	313
[Иноческие пустыни]	313
Иерусалимская пустыня	315
Пустыня Елеонской горы	317
Иорданская пустыня	319
Пустыня Рува	333
Пустыня Каламонская	335
Пустыня у Мертвого моря	336
Кармильская пустыня	338

П. М. Сладкопевцев
Древние палестинские обители и
прославившие их святыя подвижники

© Сибирская Благовонница, 2017

* * *

[К читателю]

Известно, что в Палестине, в 18 верстах от Иерусалима к юго-востоку, в Юдоли плача¹, находится православный монастырь – лавра св. Саввы Освященного, существующий со второй половины V столетия христианства. Известно также из сочинений церковных историков, что, кроме лавры Саввы Освященного, было в Палестине множество других обителей, из которых одни возникли в то же время, как основана лавра преподобного Саввы, другие позже, в VI и VII веках, а некоторые – раньше, в первой половине V века и даже в IV веке. Иноческие обители рассеяны были по всей Святой Земле; особенно много находилось их в юго-восточной ее части. Были еще подвижники, которые проводили жизнь не в обителях, но в пустынях, в самом строгом уединении и безмолвии; так сделались славными некоторые пустыни, например пустыня Иорданская, Рува, пустыня у Мертвого моря и др.

Многие из палестинских обителей основаны по особенному откровению Божию, по особенному явлению славы Божией и во время процветания своего видели над собою явные знаки особенного к себе Божия благоволения и Божия о себе промышления. В цветущее время иночества на Святой Земле ее обители оказали много услуг Церкви христианской, принесли много пользы вере Христовой. Наконец, между множеством душ, созревавших в них для небесной жизни и отходивших к Господу, было много дивных мужей и жен, которые необыкновенными подвигами христианского самоотвержения и самоумерщвления достигли ангельской чистоты и бесстрастия и исполнены были всеми дарами благодати. Изумительны их подвиги, высоки добродетели, дивны дары благодати, в них действовавшей, назидательны и душеспасительны их духовные советы и наставления. Давно они переселись на небо, но и доселе не перестают разливать благоухание святости и производить сладость в душах христиан, благоговейно чтущих их необычайное самоотвержение, их подвиги, молитвы, посты, благодатные дары, возбуждая и усиливая в них благоговение и любовь к Богу, дивному во святых Своих, ощущение сладости благочестивой жизни и стремление к нравственному совершенству. По всему этому палестинские обители приснопамятны в летописях христианской Церкви и для благочестивого христианина, желающего в судьбах минувшего поучаться неисповедимым путям Божиим и примером благочестивой жизни подвижников Христовых и словом назидания их умудряться во спасение, драгоценны сведения об этих обителях и пустынях, мужах и женах, в них подвизавшихся. По неисповедимым путям Всевышнего, верховного правителя мира и распорядителя человеческих судеб, настал час возрождения древних палестинских обителей. Уже восстали из развалин и запустения славные лавры Герасима Иорданского, св. Иоанна Предтечи, Хузивская.

¹ Юдоль плача (долина плача) иногда отождествляется с Кедронской долиной под Иерусалимом, где расположены обширные кладбища. – *Примеч. ред.*

Восстанут, уповаем, из развалин, явятся на Божий свет и другие дорогие православному христианству обители Святой Земли... Ввиду всего этого считаем благопотребным и благовременным труд, посвященный историческим судьбам древних иноческих обителей и пустынь Святой Земли. Таковой труд, во славу Божию, в честь и память палестинских отцов-подвижников, и предлагаем благосклонному вниманию и боголюбию читателей.

П. Сладкопевцев Псков. 5 апреля 1887 г.

Общий очерк подвижничества в Святой земле

В III веке по Р. Х., когда в Египте святые Павел Фивейский и Антоний Великий, ревнуя о высшем нравственном совершенстве, проводили жизнь в строгом уединении, в необычайных трудах христианского самоотвержения и таким образом полагали начало иноческой жизни христианской Церкви, в горах Иудейских подвизался в пещере отшельник, коему выпал великий жребий – положить начало подвижничества в Святой Земле. Это был преподобный Харитон Исповедник. Слух о необыкновенных подвигах и высоких добродетелях отшельника распространился далеко, и скоро собрались около него ревнители благочестия и подражатели равноангельской его жизни, явилась первая, знаменитейшая в Святой Земле лавра – Фаранская. Почти одновременно в окрестностях Газы подвизался другой великий отшельник. Это был Иларион, ученик Антония Великого, подобно своему учителю, также заслуживший название Великого. Скоро и к преподобному Илариону стали являться люди, искавшие убежища от суеты мирской, желавшие высшего нравственного совершенства. Святой подвижник принимал всех, и окрестная пустыня населилась бесчисленным множеством ревнителей благочестия, а около места подвигов великого старца явилась благоустроенная обитель. Когда же имена Харитона Исповедника и Илариона Великого огласили христианский мир и наполнили его славою их необыкновенных подвигов и высоких совершенств, в Палестину устремились с разных сторон люди, жаждавшие спасения души; избирая места, озаменованные какими-нибудь священными событиями или отличавшиеся пустынным положением, они любили здесь жить и подвизаться о Господе. Стремление христиан в Палестину для иноческих подвигов усилилось особенно в первой половине следующего столетия, когда, как яркое светило, воссиял в ней великий Евфимий и славою своих дивных подвигов и добродетелей озарил христианский мир. И процвело иночество в Палестине, так же как в Египте и других странах.

Сион, Елеонская гора, Вифлеем, горы Иудейские, гора Искушения, Кармил, пустыни Фаранская, Зиф, Иерихонская, долины Иосафатова и Иорданская увидели подвижников Креста Христова и огласились их священными песнопениями и славословиями Богу. В диких пещерах, в непроходимых дебрях и ущельях, которыми наполнены особенно горы Иудейские и гора Искушения, подвизались отшельники, служа Богу день и ночь постом и молитвою, никому не ведомые, беседуя только с единым Господом. Сделались знаменитыми самые пустынные и неизвестные места: Рува, Каламон, Хузива, Пентокль, как места необыкновенных подвигов славных отшельников. Возникли в разных местах благоустроенные лавры и киновии, в которых находилось все необходимое для удовлетворения духовных потребностей избранных

подвижничества, которое и по видам, и по совершенству своему явилось и здесь на такой же высокой степени развития, на какой оно стояло в Египте.

Историк церковный Созомен, живший в V веке, повествуя в своей «Церковной истории» о начале и развитии подвижнической жизни в Палестине, говорит: «...подражая примерам египтян, подобным образом начала Любомудрствовать и Палестина»². И в другом месте: «...жилищами мужей монашествующих процветала и Палестина, ибо монашество украшалось там частью многими еще из тех, которые перечислены мною при описании царствования Констанция, частью лицами, под их руководством достигшими высоты добродетелей и для большей славы вступившими в тамошние обители»³.

Другой церковный историк – Евагрий, схоластик и почетный префект, живший во второй половине VI столетия, так отзывается о палестинских иноках своего и предыдущего времени: «...в монастырях и в так называемых лаврах уставы различны, хотя образ жизни направляется к одной и той же богоугодной цели. В одних отшельники живут сообща, не задерживаясь ничем, тяготеющим к земле, ибо у них нет золота. Но что я говорю о золоте?

У них нет ни собственной одежды, ни собственной пищи, потому что тот плащ или кафтан, в который теперь оделся один, немного спустя надевает другой, так что одежда всех их принадлежит как будто одному и одежда одного – всем. Общий у них и стол, состоящий не из мяса, изящно приправленных, и не из других кушаний, а из одних овощей и зелени, достаточной только для того, чтобы можно было жить. Общие также денно и нощно возносят они к Богу молитвы и так измощают себя, такими смиряют себя трудами, что, кажется, видишь подземных мертвецов, только не в гробах. Часто совершают они и так называемые сверхзаконные подвиги⁴, по два и по три дня содержа пост. А есть и пятидневники, и даже постятся долее и едва принимают пищу необходимую. Другие же, шествуя путем, противоположным этому, заключаются в своих хижинах поодиночке, а их хижины имеют такую ширину и высоту, что в них нельзя ни прямо стоять, ни свободно склоняться. Это, по слову апостола, жизнь в вертепах и в пропастях земных (см. Евр. 11: 38). Иные из них изливают свои молитвы пред Богом, обитая вместе со зверями в каких-нибудь незаметных расселинах земли. Придуман ими и еще род жизни, превосходящий силу всякого мужества и терпения. Они проникают в сожигаемую солнцем пустыню и, покрывая одни тайные члены своей природы, как мужчины, так и женщины, прочее тело ужасным морозам и знойному воздуху предают нагим и не обращают внимания ни на жар, ни на холод; совсем отвергают также употребляемую людьми пищу и питаются прямо от земли, срывая прозябение, чтобы только жить, и потому называются пасущимися⁵. По временам они становятся зверовидными, то есть изменяют телесный свой образ, да и образ мыслей получают несвойственный людям. Прохожие, увидав их, убегают; а когда кто погонится за ними, они, пользуясь либо быстротою ног, либо недоступным местом земли, тотчас скрываются. Скажу и еще об одном роде жизни, о котором едва было не забыл, хотя он превосходнее всех. Между ними, конечно, весьма немного, но есть и такие, которые через добродетель, достигнув бесстрастия, возвращаются в многолюдные обители или в мир и среди шума, притворяясь помешанными, таким образом попирают тщеславие – по словам мудрого Платона, обыкновенно последнюю снимаемую с души одежду. Любомудрие научило их есть без чувства и в харчевнях, и в мелочных лавках, не стыдясь ни места, ни лица – вообще ничего. Нередко посещают они бани и там бывают и моются большею частью с женщинами, покорив страсти так, что имеют полную власть над своею природою и не склоняются на ее требования ни взглядом, ни прикосновением, ни даже объятиями девы. С мужчинами они – мужчины, с

² Созомен. Церковная история. III, 14.

³ Созомен. Церковная история. VI, 32.

⁴ Сверхзаконными называются такие подвиги, которые не предписываются уставом [т. е. законом] иноческой жизни или которые выходят за пределы его предписаний.

⁵ Такие отшельники называются восками; в переводе с греческого это слово значит «пасущиеся».

женщинами – женщины и хотят иметь не одну, а обе природы. Кратко сказать, в доблестной и богоносной их жизни добродетель противодействует законам природы и предписывает ей собственные законы, то есть чтобы она не принимала ничего необходимого до сытости. Закон повелевает им алкать и жаждать, а тело покрывать столько, сколько требует необходимость. Житие их на самых точных весах взвешивается так, что по мере восхождения в противоположную сторону тяготение становится неощутимым, хотя оно бывает и весьма различно; ибо так как в них смешаны противоположности, то благодать Божия, соединившая несмешимое, предметы соединения снова разделяет так, что и жизнь и смерть, противоположности по природе и действиям, обитают в них совместно. Отсюда если действует в них страсть, им надобно быть мертвыми и в гробах, а когда пробуждается молитва к Богу, они должны проявлять крепость тела и бодрость сил, хотя бы даже вышли из возраста. Обе жизни их сплетены между собою так, что пусть они вовсе оставили плоть, все продолжают жить и сообщаются с живущими, прилагая к телам пластыри, перенося к Богу глас молящихся и, как в прежней жизни, совершая прочее, что не требует вещей необходимых и не ограничено местом, все продолжают слушать других и со всеми беседовать. Бывают еще у них частые и неутомимые коленопреклонения и многотрудные стояния, тогда как их возраст и произвольная слабость оживотворяются к этому одним желанием. Это какие-то бесплотные борцы и бескровные бойцы, вместо открытых и роскошных обедов содержащие пост и вместо сытных блюд не вкушающие, сколько это возможно, ничего. А когда приходит к ним странник, хотя бы рано поутру, они принимают его с таким радушием и благожеланием, что выдумывают другой род поста – едят нехотя. Удивительное дело! Как много нужно им для достаточного питания себя и сколь малым они довольствуются! Враги своих хотений и своей природы, они служат хотениям ближних, чтобы всеми средствами изгонять удовольствия плоти и чтобы правительницею была душа, всегда избирающая и сохраняющая наилучшее и богоугоднейшее. Блаженны они, следуя и здесь такому роду жизни; но еще блаженнее, когда переселяются отсюда в жизнь другую, которой непрестанно жаждут, и это возжеленное стремятся поскорее увидеть»⁶.

В таких же выразительных чертах изображаются жизнь и подвиги иноков лавры преподобного Герасима: «Вступившие в монашество жили [сначала] в монастыре и исполняли в нем обязанности иноческие; а те, которые приучили себя к частым и продолжительным трудам и достигли некоторых степеней совершенства в подвижнической жизни, помещались в кельях. Отшельники так мало заботились о мирских вещах, что не имели ничего, кроме одежды, не имели даже и другой одежды. Постель их была не что иное, как рогожа. В келье находился еще сосудец с водою, которая служила и для питья, и для смачивания пальмовых прутьев. Когда они выходили из кельи, то не затворяли ее, чтобы кто пожелает, мог в келью войти и взять что нужно из маловажных вещей, там находившихся: так они мало привязаны были к мирским вещам. Не дозволялось никому в келье разводить огонь и вкушать вареное. Когда некоторые из пустынников пришли однажды к преподобному Герасиму просить позволения разводить в кельях огонь, греть воду, есть вареное и читать при светильнике, то великий старец сказал им в ответ: “Если вы хотите так жить, то вам гораздо выгоднее быть в монастыре. Но я в продолжение всей жизни моей никак не позволю, чтобы это было у пустынников”. Жители Иерихона, услышав, что жизнь старцев у аввы Герасима так строга и безотраднa, поставили себе за правило в субботу и воскресный день приходить к ним и приносить им какое-либо утешение. Многие из подвижников, узнав, что жители Иерихона приходят к ним с таким намерением, бегали и уклонялись от них»⁷.

Из этих свидетельств церковных историков о подвижниках палестинских видно, что подвижничество в Святой Земле достигло такой же высокой степени развития и совершенства,

⁶ Евагрий. Церковная история. I, 21.

⁷ Жизнь и дела святого Евфимия Великого // Христианское чтение. 1824. Ч. 15. С. 89–93.

на какой оно стояло в Египте. Видно также, что и в Палестине, как и в Египте, развились и утвердились два рода иноческой жизни: общежительный и келейный или отшельнический. Решившиеся проводить подвижническую жизнь жили или в киновиях, или в лаврах. Киновии, или общежития, были иноческими обителями, в которых подвижники жили все вместе и вели одинаковый образ жизни, так что у них никто не имел ничего своего, а все было общее: одежда, пища, физические труды и занятия, молитвословия и духовные подвиги; их кельи огораживались, как это было большею частью, одною стеною. Лаврами же назывались те иноческие обители, в которых подвижники жили отдельно друг от друга, подвизаясь каждый в особой келье; а кельи их, рассеянные вокруг храма и жилища аввы (настоятеля), находились на далеком одна от другой расстоянии и располагались в виде переулков в городе, отчего такое собрание келий и получило название лавры⁸. Подвижниками киновийными были иноки, а насельниками лавры – отшельники, пустынники и пустынножители. Киновии устраивались везде – и в пустынях, и в населенных местах, и в самых городах, а лавры – всегда в пустынях. Хотя образ жизни и в киновиях, и в лаврах направлен к одной богоугодной цели – нравственному усовершенствованию, но уставы в них были различны. В киновии подвижники совершали все свои труды, и телесные и духовные, в определенное время и все вместе: вместе работали, вместе молились, вместе принимали пищу, вместе совершали и другие дела. Киновиат не имел никакой собственности; одежда, какою он прикрывал свое тело, вещи, какие были в его келье, – все это было не его, а принадлежностью обители. В лавре же подвижники такой соблюдали устав и такой вели образ жизни: пять дней недели они пребывали безвыходно каждый в своей келье, не вкушая ничего, кроме хлеба, воды и фиников, занимаясь плетением корзин из пальмовых прутьев, упражняясь в то же время в духовных подвигах. В субботу вечером каждый из них со своею работою, к которой занимался в течение недели, приходил в обитель, а в воскресный день все они собирались в церковь, причащались Святых Таин и вкушали вареную пищу. Вечером в тот же день, взяв на неделю запаса, то есть хлеба, воды и пальмовых прутьев, они опять уходили в пустыню. Жизнь в лавре считалась несравненно строже, подвиги гораздо труднее, чем в киновии. Поэтому в киновиях жили только что поступившие в иночество и еще не усовершенствовавшиеся в иноческих добродетелях, а в лавры допускались только те, которые уже достигли известных степеней совершенства в нравственной жизни. Когда Савва Освященный, еще юный, явился к преподобному Евфимию Великому и просил старца позволить ему остаться в его лавре и под его руководством упражняться в добродетелях, великий старец отвечал ему: «Сын мой! Нельзя тебе, столь юному и еще безбородому, жить в лавре, да и лавре нет никакой пользы иметь у себя юношу, и тебе, юноше, неприлично быть между отшельниками. Для таких полезнее жить в монастыре [то есть в киновии]»⁹. Впрочем, и в киновиях подвижники достигали высокой степени нравственного совершенства, и между киновиатами бывали великие подвижники, каков, например, Феодосий Великий.

Временем цветущего состояния иночества в Святой Земле были V и VI века. С VII века иночество стало приходить в упадок под влиянием внешних обстоятельств. В начале этого века в Палестине большинство обителей было разорено, а иноки умерщвлены огнепоклонниками персами; в середине того же века Святая Земля подпала под власть аравитян, известных в летописях христианских более под именем сарацинов. Владычество неверных над Святой Землею оказало неблагоприятное действие на состояние иноческих обителей ее. В начале IX века, по свидетельству летописца Феофана, когда во время жестоких междоусобиц, возникших между сыновьями знаменитого халифа¹⁰ Гарун-аль-Рашида, от непрестанных грабежей, раз-

⁸ Лавра – слово греческое. *Λαύρα* значит, собственно, то же, что греческое слово *ῥύμις* – общественная, открытая дорога, потом переулок.

⁹ Кирилл Скифопольский, *прп.* Житие преподобного Саввы Освященного, 7.

¹⁰ Халиф (*араб.*) – в ряде стран мусульманского Востока титул верховного правителя. – *Примеч. ред.*

боев и насилий сарацинов многие христиане подверглись мученической смерти, а другие толпами бежали из Сирии и Палестины, покинуты были иноками знаменитые обители св. Евфимия, Феодосия и Харитона¹¹. Владычество над Палестиною новых врагов христианской веры, турок, усилившихся на Востоке с X века, и потом страшные волнения, произведенные в Святой Земле крестовыми походами, были крайне губительны для иноческих обителей Палестины, так же как и для всего Православия на Востоке. В начале XII века большая часть обителей палестинских представляются разоренными и в запустении, как это видно из сказания русского паломника игумена Даниила, ходившего в этом столетии в Иерусалим на поклонение святым местам¹².

Переходя затем от общего очерка подвижничества в Святой Земле к подробному повествованию о судьбе каждой отдельной палестинской обители, мы в этом изложении будем по возможности придерживаться последовательности возникновения каждой из этих обителей, а при ней вспоминать процветавших в ней святых подвижников.

¹¹ См.: *Theophan. Chronographia*. А. М. 6302, Р. X. 802.

¹² См.: Житие и хождение Даниила, Руськия земли игумена: 1106–1108 гг. // Православный Палестинский сборник. 1883. Т. 1. Вып. 3; 1885. Т. 3. Вып. 3 (9) (далее – Житие и хождение игумена Даниила).

Обители четвертого века

Лавры святого Харитона Исповедника

Св. Харитон Исповедник (родился около 280 года по Р. Х.) положил основание иноческому житию в Палестине последовательным основанием трех лавр: Фаранской, Иерихонской и Суккийской.

Лавра Фаранская находилась в шести римских милях¹³ от Иерусалима к северо-востоку и в одной – от того места, где древняя Иерихонская дорога переходила Кутилийский поток¹⁴ и где лежала деревня Фаран. Лавра расположена была в диком ущелье по обоим берегам Кутилийского потока, в береговых пещерах и гротах. Место это¹⁵ до сих пор у туземцев называется Фара и считается одним из диких ущелий гор Иудейских¹⁶. Из того, что до настоящего времени уцелели здесь остатки водопровода и мельницы и в береговых скалах находятся ряды пещер разной величины, служивших жильем, можно заключить, что Фаранская лавра была весьма обширна. Прославленная именем великого Харитона, ее основателя, освященная его святыми останками, она скоро достигла цветущего состояния и сделалась матерью прочих обителей Святой Земли. Многие великие отшельники, основавшие обители, сделавшиеся впоследствии знаменитыми, в ней положили начало иноческой жизни, каковы, например, Евфимий Великий, Феоктист, сопостник его, бывший игуменом одной из его лавр; в ней почерпнули они устав, который дали основанным ими обителям. Она считалась в числе первенствующих обителей палестинских, каковыми были: лавра Евфимия Великого, лавра Саввы Освященного и киновия Феодосия Великого. Время цветущего состояния лавры Фаранской – VI век. В VIII веке она еще существовала: имя ее встречается то в летописях церковных, то в послании того или другого епископа или аввы¹⁷. В начале IX века, когда по причине междоусобиц между детьми Гарун-аль-Рашида настало для Палестинской церкви бедственное время, лавра Фаранская, подобно другим обителям, была на время оставлена иноками¹⁸. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Тридцать лет тому назад развалины Фаранской лавры посетил бывший тогда начальником нашей Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид. По его описанию, по обеим сторонам потока в скалистых берегах повсюду виднеются пещеры, частью природ-

¹³ Римская миля равна 1 версте и 194 сажням. [Верста – старая русская мера длины, равная 1,06 км; сажень – 2,13 м. – Примеч. ред.]

¹⁴ Современное название: *ивр.* Нахаль Прат, *араб.* Вади эль-Кельт. – Примеч. ред.

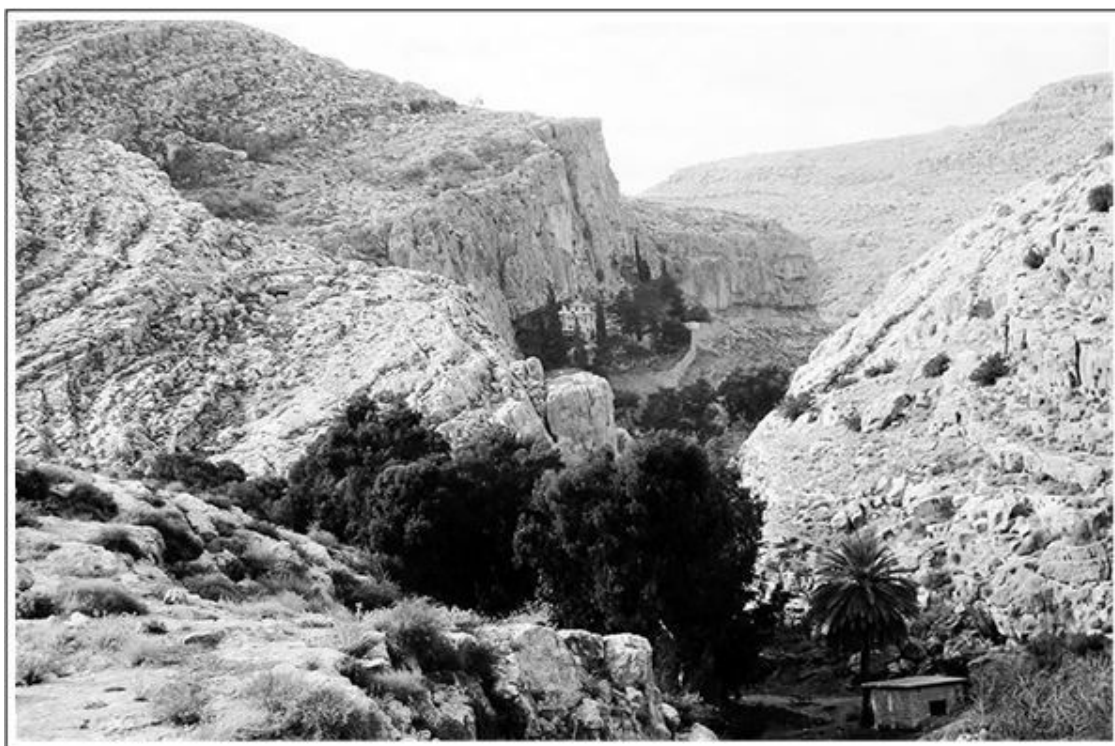
¹⁵ То есть река и ущелье. – Примеч. ред.

¹⁶ См.: Муравьев А. Письма с Востока в 1849–1850 годах. Ч. 2. СПб., 1851. С. 196 (далее – *Муравьев. Письма с Востока*). В древности было другое место, носившее имя Фаран, – на Синайском полуострове, к северу от горы Синай. Филарет, архиепископ Черниговский, помещая лавру Харитона на Синайском полуострове, очевидно, ошибается. См. также: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 41, примеч.; *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873. С. 402–414 (далее – *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности); *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*, Bd. 3, S. 6, 11.

¹⁷ См.: *Муравьев А.* История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших. Ч. 1–2. СПб., 1844. Ч. 1. С. 331 (далее – *Муравьев. История святого града Иерусалима*).

¹⁸ См.: *Муравьев. История святого града Иерусалима*. С. 340; *Theophan. Chronographia*. А. М. 6302, Р. X. 802.

ные, частью искусственно высеченные в скалах; пещеры снизу вверх идут рядами, поднимаясь друг над другом выше и выше; многие из них недостижимы и совершенно недоступны. Пещеры имеют правильные отверстия, которые, очевидно, служили вместо окон и дверей; они показывают, что здесь когда-то обитали люди. На правой стороне потока в отвесно обсеченных скалах находится большая пещера; в ней видны семь правильно высеченных отверстий, которые идут в один ряд: это, как видно, также бывшие двери и окна. В пещеру эту проникнуть можно только через круглое отверстие, до которого с большим трудом поднимаются по наложенным одна на другую каменным глыбам; отверстие выводит на площадку в полсажени ширины и несколько сажен длины; отсюда по шести или семи ступеням, идущим по внутреннему краю площадки, поднимаются к двери, высеченной в скале. «Эта дверь, – говорит архимандрит Леонид, – ввела меня в пещеру, правильно обделанную в виде комнаты в 5½ шагов длины и 4 ширины, вышиною в обыкновенный человеческий рост. Рядом с ней с левой (восточной) стороны два отделения (комнаты), а с правой (западной) одно. Все эти четыре отделения пещеры сообщаются между собою посредством дверей, правильно иссеченных в разделяющих их стенках». В углу второго отделения – ниша в роде жертвенника. Западное отделение самое большое: 12 шагов в длину, 10 – в ширину, с тремя окнами. Это отделение могло служить церковью, а средние – для стояния братий. Повсюду видны следы штукатурки; на стенах в некоторых местах уцелели фрески. У северной стены западного отделения – спуск в усыпальницу, находящуюся под этим отделением; там видны человеческие кости. Над входом в усыпальницу растет куст благовонной травы.

Вид на ущелье, где располагалась Фаранская лавра.

В настоящее время здесь находится скит Святого Харитона

На правой же стороне потока, в нижнем ярусе, находится другая большая пещера, ширины она имеет 10 шагов, длины – 20; стены не обделаны. В камнях и глыбах заметны здесь полуобрушившиеся входы в верхний ярус пещер. При пещере снаружи висит природный навес из выдавшихся камней. Внизу у потока остатки древних сооружений, приспособлен-

ных для жизни многочисленного общества: это цистерна¹⁹, на нижней площадке – арка водопровода, перекинутого с одного берега на другой в виде моста, и следы древней мельницы, правильно высеченной в береговой скале. Чем далее в глубь ущелья, тем скалы выше и число пещер больше. На северной стороне потока отвесные скалы положительно изрыты пещерами на разной высоте, искусственно высеченными в каменных массах. В таком состоянии находится в настоящее время славная некогда лавра великого Харитона²⁰.

О Иерихонской лавре не сохранилось сведений в исторических памятниках христианской Церкви и самое местонахождение ее доселе с точностью не определено. Некоторые исследователи палестинских святых мест помещают ее на том же потоке Фара, в местности, называемой дер-'Абу-л-Ласси²¹.

Суккийская лавра, или просто Сукка, называлась впоследствии также Ветхой или Древнею²² для отличия от Новой лавры, основанной в 507 году при том же Фекойском потоке преподобным Саввою, находилась к юго-востоку от Вифлеема, в двух часах езды от него по направлению к Мертвому морю.

Подобно лавре Фаранской, и Суккийская лавра достигла цветущего состояния и пользовалась в свое время большою славою. Много в ней было дивных старцев, славою своих подвигов и добродетелей наполнивших всю Палестину и окрестные страны. Нередко и великие подвижники удалялись в нее из других обителей, чтобы совершить здесь свое подвижничество Христа ради. Время цветущего состояния ее – V и VI века. Дальнейшая судьба лавры Суккийской мало известна. В XII столетии она еще существовала и была известна под именем обители св. Харитона, как это видно из сказания игумена Даниила, ходившего в начале этого столетия в Святую Землю на поклонение святым местам. Игумен Даниил говорит, что монастырь св. Харитона лежит к югу от Вифлеема на расстоянии пяти верст, близ моря Содомского²³, в пустыне вельми великой и страшной и совершенно безводной, между горами; под ним страшная дебрь. В монастыре две церкви, в главной – гроб св. Харитона; вне монастыря – усыпальница, в которой лежат тела святых отцов; там же лежат св. Кириак и два сына Ксенофонта – Иоанн и Аркадий; от них исходит многое благоухание²⁴. В XVII столетии лавра представляется разоренною и в запустении, как видно это из путешествия в Иерусалим иеродиакона Ионы (Маленького) в 1651 году²⁵.

Место, где находилась Суккийская лавра, в настоящее время хорошо известно. Славная лавра Харитона сохранилась в предании местных жителей арабов и увековечена в названии «Харитун», которое носят разные места и предметы в трех часах пути от Вифлеема к юго-востоку, недалеко от Текуи (древняя Фекоя)²⁶. Так, есть здесь вадии (поток, ущелье)²⁷ Харитун, хирбет (развалина) Харитун, айн (источник) Харитун и мугарат (пещера) Харитун.

Развалины Харитун, остатки бывшей лавры Харитона, находятся у подошвы и по склону высокой скалистой горы. Уцелела большая линия стены, идущая по склону; стоят еще полуразрушенные башни; сохранилась небольшая, но прекрасно сделанная цистерна; в скалах видны небольшие пещеры, жилища отшельников лавры.

¹⁹ Здесь: хранилище для воды. – *Примеч. ред.*

²⁰ *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. С. 402–414.

²¹ См.: *Zeitschrift des Deutschen Palästina – Vereins*. Bd. 3. S. 8, 11.

²² Слово «сукка» в переводе с сирийского означает «шалаш». Старой (Ветхой) лаврой она называется в греческом варианте – ἡ Παλαιά.

²³ Имеется в виду Мертвое море. – *Примеч. ред.*

²⁴ См.: *Житие и хождение игумена Даниила*. С. 79–80.

²⁵ См.: *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. 3-е изд. Т. 2. СПб., 1849. С. 168.

²⁶ Фекоя, город в Иудее (см., например, 2 Цар. 14:2; 2 Пар. 11:6; 20:20; Ам. 1:1); *совр.* Хирбет-Теку. – *Примеч. ред.*

²⁷ Точнее: вадии – арабское название сухих русел рек и речных долин временных или периодических водных потоков, заполняющихся во время сильных ливней. – *Примеч. ред.*

На юг от развалин лавры, на вержение камня, но только сильной пращи Давидовой²⁸, говорит А.Н. Муравьев²⁹, висится отвесная скала; на ней находится пещера Харитун и источник, молитвенно испрошенный Харитоном у Бога.

Развалины Суккийской лавры.

Находятся в 1,5 км от современного израильского поселения Ткоа (Текоа), что в 15 км от Иерусалима

Пещера Харитун глубоко вдается в гору и состоит из ряда непрерывных ходов, галерей и изгибов с боковыми ходами и из множества разной величины пещер и комнат; это целый подземный лабиринт, образованный самою природою. Из пещер одни имеют вид небольших круглых комнат, другие представляют собой огромные залы в 100 и более футов³⁰ длины со сводами и куполами. Ходы и галереи во многих местах столь низки, что нужно по ним ползти, а в других представляют широкое пространство. Во многих местах пол издает глухой звук, потому что различные этажи ходов поднимаются один над другим. В самых последних ходах проделаны ниши. Черепки с пеплом, обломки саркофагов, здесь находимые, указывают на то, что пещера служила для погребения. Есть в разных местах древние надписи, но их прочесть трудно.

Пещера, в которой преподобный Харитон, основав лавру, поселился и жил до старости, находится рядом с чудесным источником, который и до сих пор источает воду, спадающую со скалы в водоем. В пещеру ведет отверстие, виднеющееся поверх источника; отверстие это, по преданию, служило Харитону и дверью, и оконцем, через которое проникал туда дневной свет³¹.

²⁸ Имеется в виду расстояние, на которое можно метнуть камень из пращи. – *Примеч. ред.*

²⁹ См.: *Муравьев. Письма с Востока*. С. 181–182.

³⁰ Мера длины, равная 30,48 см. – *Примеч. ред.*

³¹ См.: *Palästina und Syrien. Bädacker*. Leipzig, 1880 (далее – *Palästina und Syrien*); *Guérin V. Description géographique, historique et archéologique de la Palestine. Judée*. Vol. 3. Paris, 1869. P. 133–134 (далее – *Guérin. Judée*); *Олещицкий А. Святая Земля*. Т. 2. Киев, 1878. С. 91–95 (далее – *Олещицкий. Святая Земля*).

Из подвижников Фаранской лавры, кроме основателя ее преподобного Харитона, знамениты: Григорий игумен, Косма скопец, Павел, Феодор Илиотский и Фалалей Киликийский.

* * *

Преподобный Харитон Исповедник (память 28 сентября) родом был из Малой Азии и жил в столице древней Лакаонии – Иконии, между жителями которой славился благочестием и добродетельною жизнью. В гонение на христиан при римском императоре Аврелиане он обнаружил необыкновенную твердость веры и приобрел славу Христова исповедника.

Когда указ императорский о преследовании христиан пришел в Иконию, св. Харитон, как известный и славный в городе христианин, первый из христиан был представлен на суд к начальнику области.

– Почему ты не поклоняешься богам, пред которыми смиряются царь и все народы? – спросил св. Харитона областеначальник.

– Языческие боги, – смело отвечал Харитон, – суть бесы, которые некогда за гордость свою, за то, что хотели уподобиться Всевышнему, низвержены с неба во ад, ныне же безумными и прельщенными людьми почитаются за богов. Но и они сами, и поклоняющиеся им скоро погибнут и как дым исчезнут. А я имею истинного Бога, Который есть Создатель всяческих, Спаситель мира, пребывающий вовеки.

– Уже по первому твоему дерзкому ответу, – сказал областеначальник, – ты достоин смерти, ибо осмелился хулить бессмертных богов и нас, им поклоняющихся, называть безумными и прельщенными, и потому должно злоглаголивую главу твою отсечь мечом. Но поскольку боги наши долготерпеливы и медлят мстить за наносимое им оскорбление, то и я потерплю и не хочу тотчас погубить тебя: может быть, ты придешь в чувство и принесешь вместе с нами жертву тем, коих теперь хулишь, и испросишь у них прощения за свой грех.

Св. Харитон отвечал, что никакие муки не в силах отторгнуть его от истинного Бога и преклонить к почитанию скверных идолов, ибо он ученик блаженной первомученицы Феклы, в сем городе увенчавшейся венцом мученичества.

– Если бы наши боги не были в самом деле богами, – возразил правитель, – то не даровали бы нам счастливой жизни, богатства, славы, здоровья.

– Напрасно ты думаешь, – отвечал на эти слова правителя Харитон, – что все это у вас от ваших ложных богов, которые сами ничего не имеют, кроме своей гибели. Как, в самом деле, могут дать что-нибудь идолы, когда они сами ничего не имеют? Они не могут ни простереть рук своих, ни услышать ушами, ибо они бездушны. И если ты хочешь узнать истину, испытай на самом деле, и увидишь их ничтожность: приложи зажженную свечу к устам идола, почувствует ли он боль? Возьми секиру и подсеки ему ноги: закричит ли? Принеси молот и сокруши ему ребра: будет ли стонать? Подлинно, ничего ты от него не услышишь, потому что он не имеет жизни и дыхания.

Услышав это, областеначальник сильно разгневался и повелел мучить смелого и твердого исповедника Христова. Его обнажили и, распростерши крестообразно на земле, били воловьими жилами до того, что плоть отпадала от костей и кровь лилась по земле.

– Пожрешь ли ты бессмертным богам³², – спрашивал святого мученика правитель в то время, когда подвергали его жестоким ударам, – или хочешь подвергнуть свое тело еще большим ранам?

– Я лучше бы согласился, – отвечал святой мученик, – тысячу раз умереть за Спасителя моего, нежели поклониться вашим богам.

³² То есть принесешь ли жертву. – *Примеч. ред.*

Когда мучитель увидел, что доблестный страдалец едва жив, то приказал отнести его, истерзанного и изъязвленного, в темницу. Господь же для большего прославления имени Своего ниспослал чудесную помощь страдальцу, исцелив совершенно его раны и язвы. Когда св. Харитон приведен был опять на суд и высказал на этот раз еще большее дерзновение, мучитель велел жечь тело его зажженными свечами – и жгли честное тело страдальца до того, что оно почти испеклось. Среди жестоких страданий мученик Христов радовался и славил Господа, сподобившего его терпеть за имя Христово такие муки. Потом он опять брошен был в темницу. Но не суждено было св. Харитону довершить мученического подвига. В 275 году император Аврелиан был убит своими приближенными. Новый император, опасаясь такой же участи, какая постигла его предшественника, повелел прекратить гонение на христиан, и узники Христовы получили свободу. Тогда и Харитон был освобожден из темницы, хотя и желал страдать до конца и сделаться мучеником за святую веру. Промысл благоволил продолжить жизнь его для пользы других. И св. Харитон, не успевши довершить страдальческого подвига и увенчаться венцом мученическим, сделался мучеником произвольным: из любви к Господу он отвергся мира и всего, что в мире, и решился в уединении служить и благоугождать единому Господу.

Св. Харитон Исповедник. Фреска монастыря св. Герасима, иже на Иордане

Чтобы живее вообразить распятого Христа Спасителя, сильнее чувствовать крестные страдания Его, преподобный Харитон отправился в Иерусалим для поклонения святым местам. Но не суждено было ему тогда видеть святой град. В дикой пустыне, лежащей между Иерусалимом и Иерихоном, он схвачен был разбойниками и отведен в пещеру, служившую им притоном. Здесь они оставили благочестивого путника, наперед крепко связав его, а сами отправились на разбой и грабежи, намереваясь по возвращении лишить его жизни. Св. Харитон радовался и благодарил Бога, что за имя Христово опять находится в узах, и готовился принять мученическую смерть. Но Господь, предызбавший раба Своего для великого дела – спасения через него других, чудесно избавил его от гибели. Гнездившийся в пещере змей вполз в сосуд с вином, оставленный разбойниками, и, утолив из него жажду свою, отравил напиток, и все разбойники, выпив отравленного вина, погибли. Тронутый чудесным избавлением своим от явной смерти, Харитон решил в этом самом диком вертепе остаться, чтобы служить и благоугождать Господу, столь явно о нем промысляющему. Он поселился здесь и начал проводить жизнь в самых строгих иноческих подвигах, в подвигах молитвы, поста, злострдания и терпения.

В глубине Египетской пустыни преподобный Антоний Великий собирал уже к себе ревнителей благочестия и подвигов ради Господа. Распространилась молва и о великом труженике Креста Христова, подвизавшемся в мрачной пещере Фаранской пустыни, и к нему с разных сторон стали стекаться люди – одни ища приюта и защиты от гонений, другие – спасения от суеты мирской, третьи – жажда нравственного совершенства. С любовью принимал всех великий подвижник, заповедуя безмолвствовать и подвизаться уединенно, – и явилось общество подвижников благочестия, первая и знаменитейшая в Палестине лавра Фаранская. Заботясь об устройстве своего общества, преподобный Харитон дал ему и устав. Он заповедал подвижникам однажды в день, вечером, вкушать пищу – хлеб и воду, и то в меру, чтобы не потерять способности к полунощной молитве и бдению, и по молитве упражняться в рукоделье, причем с опасением они должны наблюдать, чтобы ни один час не прошел в праздности, дабы диавол, застав инока в праздности, не уловил его греховною сетью, ибо леность и праздность – начало грехопадения. Также заповедал братьям хранить совесть в чистоте, как зеницу ока, нищету любить более золота и серебра и послушание иметь, как помощника, содействующего спасению, приобретать смирение, любовь, терпение, незлобие и все прочие иноческие добродетели, как многоценное сокровище; постоянно пребывать в келье и безмолвствовать, не переходить с места на место, не собираться на праздные беседы, ибо много преткновения бывает добродетели от суесловия, как говорит Писание: *худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15:33). Такие правила дал своим подвижникам преподобный Харитон. Видно отсюда, что он с самого начала ввел в своей лавре образ жизни келейный или отшельнический, который в то время уже известен был в Египте.

По любви к безмолвию преподобный Харитон не захотел сам управлять своею обителью, но, избрав одного подвижника, превосходившего прочих иноческими добродетелями, поставил его пастырем и руководителем иноков, а сам, благословив свою обитель, удалился в дальнюю пустыню для высших подвигов. Близ Иерихонских пределов старец нашел одну пещеру, которая ему понравилась; он поселился в ней и стал подвизаться о Господе, подобно Ангелам славословя Его день и ночь. Пищею служили подвижнику растущие в тех местах травы. Но больше он питался духовною пищею – словом Божиим, непрестанною молитвою и горячими, лившимися день и ночь от пламенной любви его к Богу слезами; он говорил с пророком Давидом: *слезы были мне день и ночь хлебом* (Пс. 41:4). Но и в новом уединении он недолго наслаждался безмолвием: скоро узнали о сокровенном месте раба Христова и в лавре, и по окрестным весям и городам, и вот к нему опять стали собираться ревнители подвижничества и высшего нравственного совершенства, чтобы около него поселиться и под его мудрым руководством жить и работать о Господе. Видя волю Божию, чтобы и эта дикая пустыня, в которой

преподобный Харитон думал безмолвствовать один, населилась отшельниками и огласилась их священными песнями и молитвословиями, он принимал к себе всех, и образовалось новое общество тружеников Креста Христова, новая лавра Иерихонская. В новой лавре св. Харитон ввел такой же устав, какой был дан первой – Фаранской. Но любовь к уединению и безмолвию не позволила великому отшельнику и здесь долго оставаться: он скрылся в пустыню, лежавшую к востоку от города Фекои и простиравшуюся до Мертвого моря, и там долгое время подвизался один, никому не ведомый, переходя с места на место.

Раз проходили эту пустыню некоторые подвижники и в одном месте встретили дивного отшельника и узнали его. Павши старцу в ноги, умоляли его позволить им жить с ним, чтобы соревновать его высоким подвигам; старец на это согласился. Снова разнеслась молва о месте подвигов преподобного Харитона и снова собралось около него много лиц, желавших под его руководством безмолвствовать: образовалось новое общество отшельников, третья лавра – Суккийская. Новая лавра расположена была у подошвы одной высокой горы, на которой находилась пещера. Старец поселился в этой пещере и пребыл в ней до глубокой старости. На горе не было воды. Не желая, чтобы кто из братии трудился носить ему наверх воду, раб Христов обратился с молитвою к Богу – и из камня потек источник, из которого он и брал себе воду.

Достигнув высокой степени нравственного совершенства, созрев в добродетелях, как спелый грозд, преподобный Харитон приблизился к исходу из сей временной жизни. Предызвещенный Богом о близости своей кончины, старец призвал настоятелей и братию трех своих лавр. «Я отхожу от вас, – сказал он им, – как велит Господь, ибо пришло время, которое я с радостью ожидал, чтобы, разрешившись от плотских уз, идти и явиться пред лице Бога моего. Вы же, чада мои, пекитесь о своем спасении, чтобы каждый из вас, избегнув вражьих сетей, удостоился по исшествии из тела прийти ко Господу и получить от Него милость». Услышав это, все горько заплакали. «Оставляешь ты нас, чад своих, отец и учитель наш, – говорили они, – оставляешь нас, пастырь наш, угасает, светильник и вождь пути нашего». Старец утешал их и говорил: «Господь наш Иисус Христос обещал быть с нами неразлучно до скончания века; Он не оставит вас. Если я обрету у Него дерзновение, то буду молить Его благостыню, чтобы на Страшном суде своем не разлучил вас друг от друга, как овец от козлиц, но поставил одесную Себя вместе с благословенными своими и собрал вас в одну ограду в Царстве Своем». Братия спросили старца, где он заповедует похоронить его. Старец отвечал: «Отдайте персть персти, где хотите, ибо Господня земля и исполнение ее». Братия сказали: «Нет, отче, ты устроил три обители и три собрал стада; каждому хотелось бы иметь у себя честные твои мощи. Посему, чтобы не было между нами распри, ныне завещаю, где положить честное твое тело». Исполняя просьбу учеников своих, старец пожелал, чтобы положили его тело в первой лавре и в той пещере, где он чудесно спасен был от смерти, которую готовили ему разбойники. Приведенный в Фаранскую лавру, старец преподавал собравшейся вокруг него многочисленной братии последнее благословение и мирно предал святую душу в руки Божии. Блаженная кончина его последовала около 350 года.

Преподобный Григорий игумен (память 20 апреля) был настоятелем Фаранской лавры и славился великими подвигами и высоким просвещением. За эти качества он избран был в патриархом Антиохийским и святительствовал с 570 по 593 год. В «Луге духовном» о нем рассказывается следующее.

Св. Григорий Антиохийский

В то время в Палестине славился отшельник Сергей, подвизавшийся в пустыне близ Мертвого моря. «Авва Григорий много упрашивал меня, – рассказывал Сергей армянин, ученик аввы Сергия, Иоанну Мосху и Софронию, – привести его к авве Сергию. Я пошел с ним к старцу. Старец пребывал в то время в пустыне у Мертвого моря. Когда увидел его старец, то очень ласково приветствовал его и, принеся воды, умыл ему ноги и весь день беседовал с ним о пользе душевной, а на другой день отпустил его. Когда авва Григорий ушел, я сказал старцу: “Знаешь ли, отче, я ведь соблазнился. Приводил я к тебе многих епископов, пресвитеров и других отцов, и никому из них ты не умыл ног, кроме аввы Григория”. Тогда старец сказал мне: “Я не знаю, кто это Григорий, знаю только, что я в пещере своей принял патриарха. Ибо я видел на нем омофор и он держал в руке своей Евангелие”. По пророчеству старца спустя пять лет авва Григорий поставлен был патриархом града Божия Антиохии»³³.

Преподобный Косма скопец (память 3 августа) жил в VI веке и подвизался в лавре Фаранской. В этой же лавре он безмолвствовал, когда ею управлял вышеприведенный Григорий игумен.

Дивным подвижником был преподобный Косма. «Пришел я однажды к авве Косме в лавру Фаранскую, – рассказывал Василий, инок, пресвитер монастыря Византийского, Иоанну Мосху и Софронию, странствовавшим по святым местам в конце VI и в первой четверти VII века, – и сказал мне старец: “Пришел мне некогда помысл, что значит изречение Господа ученикам Его: *имеющий одежду, пусть продаст ее и купит нож и пр.* (Лк. 22: 36–37). Будучи не

³³ *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный, 139.*

в состоянии понять этого изречения Господня, я отправился в лавру Пирги к авве Феофилу спросить его о смысле изречения. Это было в самый полдень. Когда я шел по пустыне и находился близ лавры Каламони, то увидел огромного змея, спускавшегося с горы в Каламони. Змей был так велик, что извивавшийся длинный хвост его представлял собою огромную комнату, и я, идя по дороге, вдруг очутился как бы в какой комнате и прошел через нее без всякого для себя вреда. Тотчас же я понял, что это диавол хотел преградить мой путь и воспрепятствовать моей благочестивой ревности, но молитвы старца помогли мне. Я пришел к авве Феофилу и спросил его о сказанном изречении. Он сказал мне: “Два ножа означают делание и видение – деятельность и созерцание: если кто это исполнит, тот совершен”». Тот же пресвитер Василий, пробывший в Фаранской лавре десять дней, рассказывал, что авва Косма говорил о спасении души. Приведя одно место из сочинений св. Афанасия, патриарха Александрийского, он сказал: «Если ты встретишь где изречение св. Афанасия и не имеешь бумаги, напиши его на своей одежде». Такое уважение имел старец к святым отцам и учителям.

Рассказывали еще об авве Косме, что он каждую ночь с вечера до утра стоял в своей келье и читал и пел, а в церкви никак не позволял себе сидеть и, когда заканчивал канон, садился и читал Евангелие, пока все братия соберутся на пение.

Преподобный Косма глубоко уважал и любил настоятеля своей лавры Григория. Когда Григорий за свои высокие качества ума и сердца возведен был на святительскую кафедру Антиохийской церкви, Косма пожелал видеться с ним и для этого, несмотря на свою старость, предпринял далекий и трудный путь в Антиохию. Прибыв туда, он утешился свиданием с патриархом и наслаждался духовною с ним беседою. Но блаженному старцу не суждено было более увидеть своей лавры; он мирно скончался в Антиохии и был погребен в одном из тамошних монастырей.

«Когда я был в Антиохии, – тот же пресвитер Василий рассказывал Иоанну Мосху и Софронию, – в один день пошел я в церковь поклониться мощам старца Космы и увидел, что около гроба его стоит один нищий, который прежде был расслаблен, лежал при церковных дверях и просил у входящих в церковь милостыню. Когда нищий увидел, что я совершил пресвитерскую молитву, то сказал мне: “Господин авва, велик был сей старец, которого похоронили здесь два месяца тому”. Я сказал ему: “Почему ты знаешь?” – “Я был расслаблен двенадцать лет, – отвечал нищий, – и ради сего старца исцелил меня Бог, и, когда я бываю в скорби, старец приходит утешать меня и подает мне успокоение. И вот послушай то, что еще удивительнее: с того самого времени, как похоронили его, я каждую ночь слышу голос старца к епископу: не приближайся и не прикасайся ко мне, еретик, ибо ты – враг Бога и Соборной и Апостольской Церкви”. Я поведал об этом патриарху и просил его положить тело святого старца в другом месте. Патриарх сказал: “Поверь мне, сын мой, авва Косма нисколько не страдает от еретика, но это случилось для того, чтобы мы узнали добродетельную жизнь и ревность старца о благочестии и чтобы обличилось зловерие епископа, которого мы не будем теперь считать православным”»³⁴.

Преподобный Павел подвизался в лавре Фаранской также в VI веке и был мужем святым, богоугодной жизни. Он был великим постником и ни с кем не вступал в разговор, будучи постоянно погружен в богомыслие, непрерывно предаваясь внутренней молитве; умиление же имел такое, что и день и ночь плакал. Так провел великий подвижник пятьдесят лет и мирно почил о Господе³⁵.

³⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 40.

³⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 41.

Преподобный Феодор Илиотский подвизался в лавре Фаранской в VI же веке. Он достиг своими подвигами высокой степени нравственного совершенства и далеко славился даром вразумления и поучения.

На горе Елеонской подвизался некоторый затворник. На него вооружился бес блуда и возбудил в нем сильную плотскую страсть. Всеми силами боролся затворник с плотским вожделением. В один день бес напал на него с ожесточением и сильнее прежнего мучил его плотскими мыслями, так что борьба со страстью становилась почти невыносимой. Затворник стал горько плакать и говорил бесу: «Когда ты перестанешь бороться со мной и меня мучить? Отойди от меня: пора, и ты уже состарился!» И вот явился ему бес видимо и сказал: «Поклянись мне, что ты не передашь того, что я скажу тебе, и потом перестану бороться с тобой». Старец поклялся, говоря: «Клянуся Живущим в вышних, что я никому не открою того, что ты мне скажешь». Бес сказал ему: «Не кланяйся этому образу, и я не буду больше мучить тебя». Образ же этот был Владычицы Богородицы, держащей на руках младенца Господа Иисуса Христа. Затворник сказал бесу: «Позволь мне несколько подумать». Бес позволил. На другой день затворник отправился в лавру Фаранскую к авве Феодору Илиотскому и рассказал ему обо всем, что произошло между ним и бесом. Выслушав рассказ затворника, авва Феодор сказал ему: «Ты весьма поруган, поскольку дал клятву демону, но хорошо сделал, что открылся. Гораздо лучше для тебя посетить в городе все места зазорные, нежели отвергнуться Господа и перестать поклоняться Его образу и образу Пречистой Богородицы». Поучив его довольно, авва Феодор отпустил его с миром, и затворник возвратился в свою келью с новою решимостью продолжать борьбу с бесом. Скоро бес опять явился к затворнику и сказал ему с укоризною: «Что ж ты, старец, сделал? Поклялся мне, что не откроешь никому, что я тебе сказал, а ты поведал другому! Как клятвopеступник, ты осужден будешь за это в день судный». Затворник отвечал ему: «Знаю, что я клялся, но клялся моим Владыкою, Которому, как Творцу моему, кланяться не перестану, тебя же никогда не послушаю». Бес блуда оставил затворника в покое³⁶.

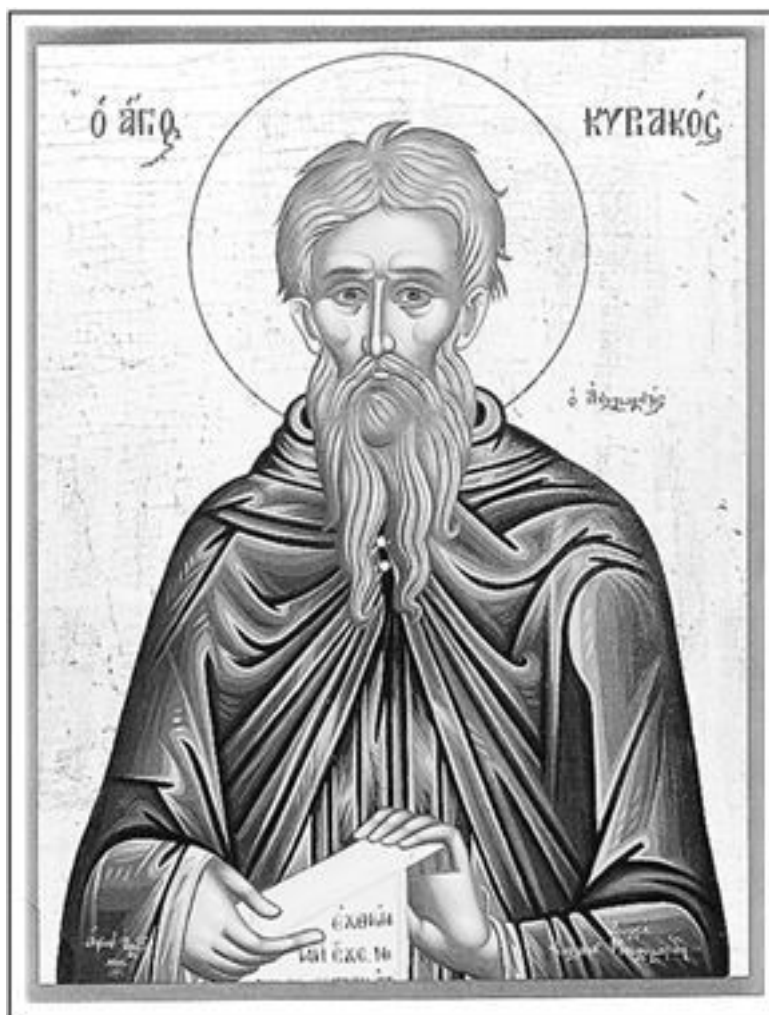
Преподобный Фалалей Киликийский жил также в VI веке. Шестьдесят лет провел он в лавре Фаранской в подвигах поста, молитвы, злострадания и во все это время никогда не переставал плакать. Он говорил: «Время настоящее дал Бог на покаяние, и если мы погубим его, то за это сильно будем истязаться»³⁷.

Из подвижников лавры Суккийской, или Ветхой, известны и знамениты два отшельника. **Преподобный Кириак отшельник** (память 29 сентября) родился в Карфагене в 447 году и был сродником епископу Карфагенскому Петру. Выросши и выучившись читать, Кириак был поставлен чтецом соборной церкви. Частое посещение храма Божия, чтение Божественных книг, повествования о подвигах святых мужей – все это воспитало в нем страх Божий, воспламенило его сердце и возбудило в нем желание подражать подвижникам. И Кириак 18 лет от роду оставил все, что его привязывало к миру, и отправился в Палестину, чтобы там в кругу тружеников Христовых служить и работать единому Господу. Поклонившись святыне в Иерусалиме и окрестных местах, Кириак остался в монастыре Евсторгия, находившемся в самом Иерусалиме близ Сионской горы, и положил здесь начало подвижнической жизни. Жажда безмолвия и высших подвигов, он удалился к великому Евфимию, который поручил его сперва преподобному Феоктисту, а по кончине его преподобному Герасиму Иорданскому. Скоро Кириак снискал любовь преподобного Герасима, и великий подвижник брал его с собою в пустыню Рува, когда сопровождал преподобного Евфимию, обыкновенно удалявшегося

³⁶ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 45.

³⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 59.

туда на все дни Святой Четыредесятницы. По кончине преподобного Герасима Кириак переселился в лавру св. Евфимия, где, затворившись в келье, пребывал в ней как бы погребенный в гробе, беседуя только с единым Господом. В этой лавре он пробыл десять лет. Когда между иноками обителей Евфимия и Феоктиста возникли несогласия, Кириак удалился в Ветхую лавру. Там он принят был как новоначальный и снова проходил все низшие послушания. Восемнадцать лет исполнял он должность канонарха³⁸. Наконец он возведен был в степень пресвитера. Ревнуя о высших иноческих подвигах, Кириак с одним учеником своим удалился в соседнюю пустыню Натуфа, в которой провел пять лет; пять лет он подвизался в другой пустыне – Рува, куда переселился, бегая славы человеческой, быстро распространявшейся о нем повсюду; наконец, когда и здесь стали беспокоить его посетители, ушел в самую сокровенную пустыню – Сусаким, в которой не подвизался дотоле ни один отшельник. Пробыв в этой пустыне семь лет, великий отшельник возвратился в Ветхую лавру по просьбе ее иноков, которые верили, что с возвращением великого старца (ему было в это время уже 70 лет) низойдет на их обитель благословение Божие. Еще раз старец удалился в любимую пустыню свою, будучи уже девяноста девяти лет, и прожил в ней восемь лет. Скончался он ста девяти лет от роду в 556 году.

Прп. Кириак Палестинский

Необыкновенным мужем был отшельник Кириак, достигший высокой степени духовного просвещения и нравственного совершенства. Преподобный Кириак сам говорил о себе, что во

³⁸ Канонарх – клирик, наблюдающий порядок чтения и пения на клиросе.

все время, как он был канонархом, солнце не видело его ядущим или гневающимся на кого. Говорил еще, что он каждый вечер, встав на молитву, начинал читать Псалтирь и продолжал это до удара в било к полуночному пению.

Жил старец с учеником своим в пустыне Натуфа. Им нечем было здесь питаться, потому что росшие в этой пустыне травы были весьма горьки и ядовиты. Старец помолился Богу и потом сказал ученику своему: «Пойди набери трав и свари их: благословен Бог всемогущий! Он пропитает нас этими травами». Ученик исполнил это повеление. Бог сотворил по молитве старца: горькие растения переменились в сладкие, и старец питался ими с учеником своим четыре года. Некоторый благочестивый человек, старейшина из Фекуи, прибыв в старцу, чтобы получить от него благословение, привез с собою несколько хлебов и оставил их старцу. Старец и ученик его стали питаться этими хлебами. Сварил однажды ученик горькие травы без повеления старца и, когда попробовал кушанья, ощутил такую горечь и остроту, что совсем потерял голос. Старец, узнав причину немоты его, помолился над его головою, причастил Святых Животворящих Таин, и он сделался совершенно здоров и стал говорить по-прежнему. Наставляя ученика своего при этом случае, старец говорил: «Бог не всегда хочет творить чудеса, но только во время нашей нужды. Когда мы не имели хлеба, Бог горькое зелие усладил нам в пищу; теперь у нас есть хлеб – зачем же опять требовать чуда, чтобы усладить горькие травы?» Когда хлебы все вышли, старец говорит своему ученику: «Благословен Бог, сын мой! Иди и навари трав». Ученик сделал это, но боялся прикоснуться к кушанью, чтобы опять не пострадать. Старец, благословив пищу, вкусил сам первый, за ним вкусил и ученик, и вреда от нее не испытали они никакого: горькие травы опять сделались сладкими и годными к употреблению.

Когда преподобный Кириак жил и подвизался в пустыне Сусаким, ему служил там лев, который и охранял его от нападения врагов. Под охранением этой дивной стражи увидел однажды старца Кирилл Скифопольский, жизнеописатель Евфимия Великого, Саввы Освященного и самого Кириака, пришедший в пустыню Сусаким посетить великого отшельника с одним учеником его. «Когда мы приближались к тому месту, где жил Кириак, – рассказывает Кирилл в жизнеописании великого отшельника, – встретил нас пребольшой и престрашный лев; увидев его, я сильно испугался. Иоанн, ученик старца, увидев меня в сильном испуге, сказал: “Не бойся, брат Кирилл, лев этот – послушник отца нашего; он не делает вреда никому, кто приходит к старцу”. Лев, увидев нас, сошел с места и уступил нам дорогу, видя, что мы идем к старцу. Старец был очень рад мне и, когда услышал от ученика своего, что я, увидев льва, весьма испугался, сказал мне: “Не бойся, сын мой, этого льва; он со мною живет и стережет малый огород мой от диких коз”. Беседуя с нами, старец много говорил о великом Евфимии и других отцах-пустынниках; потом сели мы за скромный стол. Когда мы вкушали пищу, подошел к нам лев. Старец бросил ему кусок хлеба и послал стережечь свой огород, мне же сказал при этом: “Лев не только стережет мой огород, но и прогоняет разбойников, которые много раз нападали на убогое место сие”. Я подивился, услышав об этом, и прославил Бога, покорившего угоднику Своему диких зверей, как овец. На другой день старец, благословив меня, отпустил с миром и велел ученику своему провести меня. Когда мы пошли от старца, опять встретили на дороге льва. Не смея идти мимо зверя, мы остановились; тогда лев сошел с дороги, и мы спокойно прошли».

Место, где жил преподобный Кириак в Сусакимской пустыне, было диким и безводным; старец зимою запасал на весь год известное количество воды. В одно лето, в июне месяце, был в той стране чрезвычайный жар, и вода у старца вся высохла. Скорбя о недостатке воды, старец помолился Богу, и едва только произнес: «Боже, напоивший в пустыне жаждущего Израиля!

Поддай мне в пустыне сей немного воды для удовлетворения потребностей убогого тела моего» – тотчас явилось над Сусакимом небольшое облако; полился дождь, и все рвы и ямы, находившиеся вокруг кельи старца, наполнились водою. Так скоро услышал Бог молитву раба Своего!

Преподобный Иоанн Ветхопещерник (память 19 апреля). Исторических сведений о нем в памятниках церковной письменности находится весьма мало, так же как свидетельств и опытов духовной его жизни. Известно только, что преподобный Иоанн еще в молодых летах из любви к Богу оставил отечество (откуда он происходил, неизвестно) и, прибыв в Святую Землю, удалился для совершения подвижничества в Ветхую лавру преподобного Харитона Исповедника. В этой лавре он и провел всю свою жизнь в аскетических трудах, достиг высокой степени нравственного совершенства и чистоты. Жил преподобный Иоанн около VIII века.

Лавра преподобного Илариона Великого

В то время, когда в юго-восточной части Палестины явились труженики Креста Христова, руководимые преподобным Харитоном Исповедником, когда пустыни и ущелья гор Иудеи наполнились отшельниками, процвела и юго-западная часть Святой Земли пустынно-жителями и наполнилась обителями подвижников благочестия. Во главе иноческих обителей на юго-западе Палестины стояла лавра преподобного Илариона Великого, основанная между 335 и 341 годами.

Лавра преподобного Илариона Великого находилась в четырех – пяти часах пути от города Газы, к югу, в Газской пустыне³⁹. Прославленная именем великого Илариона, она еще при жизни своего основателя достигла цветущего состояния и сделалась славною в истории христианской Церкви. На далекое пространство расселялись в уединенных кельях и кущах ее отшельники в обширной пустыне, во все стороны простиравшейся от Газы и соприкасавшейся с пустынной Идумеей.

Из лавры преподобного Илариона расходились по разным местам Святой Земли ученики его и основывали новые обители, каков, например, был Епифаний, основавший обитель иноческую в Елевферополе⁴⁰ и бывший впоследствии епископом Кипрским⁴¹; в ней полагали начало подвижнической жизни мужи, являвшиеся потом предстоятелями церквей и на епископских кафедрах, отличавшиеся высокими аскетическими трудами и святостью жизни; таковы, например, были Аврелий Анфидонский, Алафион Асалеийский, Алексии Вифавагонский⁴². Великую услугу оказала Христовой Церкви лавра преподобного Илариона, когда трудами и деятельностью своих подвижников внесла свет истинной веры в густой мрак язычества, покрывавший дотоле южную часть Святой Земли. Быстро распространилось здесь христианство, и уже в половине IV века в городах и селениях явились христианские храмы. Трудом самого Илариона и учеников его положено начало христианства и между арабами, кочевавшими между Палестиною и Египтом; это так называемые гассаниды, коим по просьбе царицы их Мавии поставлен был уже по кончине Илариона епископ⁴³. Незабвенны в этом отношении имена учеников преподобного Илариона: Исихия, любимейшего его ученика, вышеупомянутых Аврелия, Алафиона и Алексии, Зинона, впоследствии епископа Маюмского, Алафиона, предка церковного историка Созомена, и внуков Алафиона: Саламана, Малхиона, Фускона и Криспиона; они особенно ревностно трудились в деле распространения и утверждения христианской веры в обширной Газской округе, силою молитв и слова действуя на простые души поселян, косневших в грубом идолопоклонстве⁴⁴. Дед историка Созомена и Алафион, родственник его, обратили в христианскую веру все многолюдное селение Вефилию⁴⁵, в котором сами жили, и город Газу; как люди благочестивые и состоятельные, они строили церкви и монастыри, учреждали больницы, богадельни и странноприимные дома⁴⁶. Процветала лавра преподобного Илариона

³⁹ См.: *Созомен*. Церковная история. III, 16; *Histoire ecclésiastique par l'Abbè Fleury*. Paris, 1844. Vol. 1. Liv. 10. Ch. 9 (далее – *Histoire ecclésiastique*); *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле. 2-е изд. СПб., 1844. Ч. 1. С. 55 (далее – *Норов*. Путешествие по Святой Земле. Ч. 1).

⁴⁰ *Араб*. Бейт-Джибрин. [Елевферополь (греч. Ελευθερούπολη – свободный город) – греческое название древнеримского города (Eleutheropolis) в Израиле. Расположен на дороге между Иерихоном и Газой, около современного поселка Бейт-Гуврин. – *Примеч. ред.*]

⁴¹ См.: *Созомен*. Церковная история. VI, 32.

⁴² См.: *Созомен*. Церковная история. III, 14.

⁴³ См.: *Арсений, архим.* Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковные, от Рождества Христова до 1879 г. СПб., 1880. С. 124 (далее – *Арсений, архим.* Летопись церковных событий).

⁴⁴ См.: *Созомен*. Церковная история. VII, 28; *Арсений, архим.* Летопись церковных событий. С. 124.

⁴⁵ Город в Палестине, лежащий к югу от Газы.

⁴⁶ См.: *Созомен*. Церковная история. V, 15.

в V и VI веках. Историк Созомен, живший в V веке, свидетельствует, что день памяти преподобного Илариона праздновался в его лавре ежегодно и весьма торжественно и что к этому дню во множестве стекались жители окрестных городов и селений⁴⁷. Судьба лавры в следующих веках неизвестна.

Церковные апсиды и крипта (вверху) и мозаичный пол (внизу). Руины на Телль-Умм-эль-Амр.

Телль расположен близ селения Дейр-эль-Нусейрат, в 10 км от Газы.

⁴⁷ См.: Созомен. Церковная история. III, 14.

Этот монастырский комплекс, раскопанный в 1997–2000 гг., отождествляют с обителью Илариона Великого. Решающим аргументом в пользу этой гипотезы служит мозаичная надпись на полу храма над местом расположения небольшой крипты-склепа: «Молитвами и заступничеством св. отца нашего Илариона помилуй нас. Аминь». Возможно, в этой крипте были помещены мощи Илариона Великого после перенесения с Кипра

Место, где находилась лавра преподобного Илариона Великого, точно не известно. Полагают, что вади Гуззэ, находящийся в семи верстах от Газы к югу, и был древним потоком Тавафа, на коем лежало селение того же имени – место рождения Илариона, предполагаемое ныне в хирбет Атрауи или хирбет эль-Бридте⁴⁸. Так как преподобный Иларион после первых лет подвижничества близ моря удалился в пустыню, начинавшуюся к югу от селения Тавафа, где возникла потом обширная лавра с многочисленным обществом подвижников, для потребностей своих требовавшая близости воды, то следует искать лавру Илариона Великого в южных продолжениях вади Гуззэ, может быть, хирбет Футес в 14 верстах к юго-востоку от Газы.

Из подвижников лавры преподобного Илариона, кроме самого основателя ее, знамениты ученики его: Исихий, Малхион, Зинов и Аякс.

Преподобный Иларион Великий (память 21 октября), славный в отцах, знаменитый в подвижниках, родился в 291 году в местечке Тавафа близ Газы от языческих родителей, как роза от терний, по словам блаженного Иеронима, описавшего жизнь сего великого подвижника. В Александрии, куда родители отправили его для приобретения образования и где сделал он большие успехи в науках, он просветился светом Христовой веры. Учение христианское глубоко проникло в его душу. Любимым занятием его в Александрии сделалось находиться в собрании верных. Слава о подвигах Антония Великого⁴⁹, повсюду в то время распростра-

⁴⁸ См.: Guérin. Judée. Vol. II. P. 255–256.

⁴⁹ Св. Антоний Великий, отец египетских подвижников, родился в 250 г., скончался в 356 г. Память его 17 января.

нившаяся, расположила Илариона идти в пустыню, в которой подвизался Антоний, чтобы научиться духовной жизни под руководством сего славного подвижника. «Добро пожаловать, денница, восходящая заутра!» – приветствовал Илариона Антоний.

«Мир тебе, столп света, просвещающий вселенную!» – отвечал он. Два месяца пробыл у Антония юный Иларион. Образ жизни великого египетского отшельника глубоко подействовал на впечатлительную душу Иллариона; он воспламенился желанием вести такой же род подвижнической жизни, какой вел преподобный Антоний, и, приняв от него благословение на жизнь подвижническую, возвратился в Палестину.

Следуя заповеди Христовой: *кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть моим учеником* (Лк. 14: 33), преподобный Иларион раздал все свое имущество (доставшееся от родителей, которых он не застал в живых) своим братьям и бедным, не оставил себе ничего и удалился в обширную пустыню, во все стороны простиравшуюся от Газы. Напрасно удерживали его родные и знакомые, представляя ему на вид юный возраст его, нежность телосложения, трудность жизни в пустыне, оголенной и опаленной, опасность от разбойников: юный подвижник был непоколебим. «Что ты сделаешь, когда нападут на тебя разбойники?» – спрашивали Илариона. «Кто ничего не имеет, – отвечал он, – тому нечего их бояться». – «Они могут тебя убить», – устрашали его. «Правда это, – спокойно отвечал он, – но потому-то я не боюсь их, я готов умереть». Поселился Иларион сначала близ моря, на расстоянии двадцати стадий⁵⁰ от родного селения, а потом углубился в пустыню далее. Пятнадцать лет только ему минуло, когда он вступил в пустыню. Это было в 306 году.

И начались подвиги преподобного Илариона, изумившие христианский и языческий мир своею необычайностью; подвиги самого строгого поста и воздержания, непрестанной молитвы и богомыслия, телесных и духовных трудов, терпения и злострадания, – подвиги, которым удивлялся блаженный Иероним, сам великий подвижник.

Сначала Иларион стал жить в шалаше, устроенном из древесных ветвей и болотных растений; потом устроил себе хижину из кирпича, хвороста и разбитых черепиц, имевшую четыре фута в ширину, пять футов в длину и столько же в высоту. Хижина вовсе не соответствовала его росту, и он должен был, говорит Созомен, стоя наклонять голову, а лежа подгибать ноги. В такой хижине он жил очень долго. Власяница, кожаное покрывало, подаренное ему Антонием Великим, и грубый плащ, какой носили тогда поселяне, были постоянною его одеждою. Одежды он не переменил, а носил ее до тех пор, пока она совершенно не изнашивалась и необходимость заставляла его взять новую. Пищу принимал Иларион в самом малом количестве, вовсе не заботясь о ее качестве. Сначала он питался фиговыми плодами, но потом, ощущая в этой пище некоторое удовольствие, оставил ее и до 27 лет употреблял только чечевицу, размоченную в холодной воде, три следующие года вкушал хлеб с водою и солью, прибавляя к этому несколько диких трав и жестких корней. В следующие пять лет брал в пищу ежедневно шесть унций ячменного хлеба и вареные травы, но, замечая, что лицо его стало иметь болезненный вид, а на теле появились лишай, начал прибавлять немного масла. Так питался он до 63 лет. В это время, чувствуя слабость в теле и не желая, однако же, ослаблять строгости поста и воздержания, великий подвижник оставил совсем употреблять хлеб, а вместо того стал питаться похлебкой, приготовленной из диких трав с небольшим количеством муки. Такая похлебка служила ему уже до самой смерти. Пищу принимал он раз в день, и всегда после захода солнца; и такого правила он не нарушал ни в праздничные дни, ни во время сильной болезни. Нередко дивный подвижник три – четыре дня оставался совсем без пищи; это он делал особенно в то время, когда с особенною яростью нападал на него диавол – враг добра и спасения человеческого; в таких случаях для восстановления истощенных сил употреблял фиговые плоды и сосал некоторые травы. Спал преподобный Иларион на голой земле, подложив под голову пучок вет-

⁵⁰ Около трех с половиной верст.

вей, и сон его был самый короткий. Один раз в году, именно накануне Пасхи, он обрезывал свои волосы. При таком суровом образе жизни, среди такого злострадания и самоумерщвления, подвижник Христов, следуя словам Спасителя: *бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26:41), находился в непрерывных трудах и занятиях, духовных и телесных, старался хранить трезвение ума, иметь внимание к своему внутреннему состоянию. В одно время он молился и пел псалмы или читал слово Божие, насыщая им свою душу, углубляясь в разумение его смысла; в другое, по примеру египетских пустынников, плел корзины из тростника или копал заступом землю. Но и телесный труд он соединял с духовным деланием: сидя за корзиною, копая землю, он в то же время пел псалмы или говорил наизусть целые места из Библии. От постоянного чтения слова Божия Иларион знал все Священное Писание на память. Такой образ жизни вел преподобный Иларион, такие труды и подвиги совершал во всю жизнь и в самой старости. Поселившись один в пустыне, подвизаясь здесь ради угождения Богу и спасения души, преподобный Иларион должен был выдержать жестокую борьбу с диаволом. Дух злобы, исконный враг рода человеческого, не терпит, когда человек заботится о своем спасении, когда ревнует о Боге и добродетели. С ожесточением вступил он в борьбу с юным подвижником, усиливаясь остановить его рвение к подвигам, смутить его, поколебать, удалить из пустыни и возвратить в мир, и действовал в этом случае всеми мерами. Последовали для подвижника Христова страшные искушения. Хитрый враг то возбуждал в его душе чувственные пожелания, разжигая в нем плотскую страсть, то волновал ум его сомнениями, сердце нечистыми помыслами, то представлял взору его соблазнительные картины и образы, то, наконец, устрашал мрачными видениями; но ратоборец Христов мужественно противостоял всем его усилиям, постом и молитвою отражал его нападения, силою крестного знамения прогонял все вражьи козни и наветы. Подвижник усиливал пост и молитву, когда нападения духа тьмы были особенно сильны и ожесточенны: несколько дней он оставался вовсе без пищи и все стоял на молитве, устремив все силы души горе, к Богу, Отцу щедрот и всяких утех. Видя, что все усилия его напрасны, враг действовал против подвижника и через людей: многократно нападали на него разбойники, жизнь его бывала в опасности, и он должен был в бегстве искать спасения. И устоял ратоборец Христов в этой неравной борьбе, одолел и посрамил злобного врага.

Прп. Иларион Великий

Прошло двадцать два года суровых подвигов преподобного Илариона, тяжелой борьбы его с духом тьмы. Высокой степени нравственного совершенства он достиг теперь: дух его возвысился над греховными влечениями, укрепился в добре и просветлел. Оком благоволения воззрел Господь на раба Своего, ниспослал ему небесное утешение и преисполнил его Своими благодатными дарами: открылась в нем чудодейственная сила, проявился дар исцеления болезней и прозрения в будущее. Узнали о великом подвижнике люди, и не только христиане, коих еще в то время в окрестностях Газы было мало, но и иудеи и самые язычники спешили к нему в пустыню со своими нуждами и скорбями. Раб Божий, пламеневший любовью к Богу и ближним – братьям по плоти, из сокровищницы благодати, в нем обитавшей, неоскудно подавал всем потребное. Последовал ряд чудес преподобного Илариона, началась его известность. Это было в 328 году.

Разнообразны чудеса, совершенные в это время преподобным Иларионом. Жезнеописатели его поместили в описании его жития и дел такие чудесные действия, которые ясно свидетельствуют о высокой степени его нравственного совершенства и о богатстве в нем благодатных даров или представляются особенно назидательными. Представим и мы несколько таких чудесных действий.

Первым чудом, совершенным преподобным Иларионом, было исцеление сыновей Елпидия, бывшего впоследствии начальником претории⁵¹. С тремя детьми и женой Аристенетой, благочестивой и добродетельной христианкой, Елпидий отправился в Египет, чтобы увидеть Антония Великого, наполнившего мир славой своих подвигов и высоких нравственных совершенств. В Газе дети заболели горячкой; болезнь была столь жестока и упорна, что врачи признали жизнь их в опасности. В отчаянии и не зная, что делать, бедная мать услышала об отшельнике Иларионе, подвизавшемся в окрестной пустыне; движимая верой в силу молитв подвижников Христовых, она решилась прибегнуть к газскому подвижнику. На осле, в сопровождении нескольких женщин и рабов, Аристенета отправилась в пустыню, отыскивала великого отшельника и просила его помочь ее горю – спасти ее детей. Иларион отказывался, говорил, что он сам немощен и грешен; говорил еще, что, с тех пор как ушел в пустыню, он положил себе за правило не входить ни в одно населенное место. Несчастливая мать в слезах припала к его ногам и умоляла сжалиться над ней. Уступил слезной мольбе матери строгий подвижник и отправился в город. Прибыв в дом, где остановились путешественники, и приблизившись к детям, находившимся в страшном жару, без всякого чувства и сознания, он призвал имя Господа Иисуса Христа; тотчас выступил на них обильнейший пот, жар стал уменьшаться, дети очнулись, узнали отца, мать, приняли пищи и благодарили своего спасителя, целуя руки святого подвижника. В чувстве живейшей радости все прославили Бога и благодарили Его святого раба. Слух об этом чуде быстро разнесся повсюду и проник в отдаленные страны. И вот не только из Палестины, но и из Сирии и Египта направились в Газскую пустыню разного рода люди, христиане и иудеи, даже язычники, направились видеть дивного пустытника. Многие иудеи и язычники обратились при этом в христианскую веру.

Из селения Факидии, находившегося близ египетского города Риноколуры⁵², прибыла к преподобному Илариону одна слепая женщина, не видевшая света с десяти лет. Все свое имение истратила она на излечение своей слепоты, но пользы никакой не получила. Увидев несчастную, Иларион сжалился над ней. «Если бы ты подавала бедным, Иисус Христос, истинный Врач, давно бы тебя исцелил», – сказал он слепой. Потом плюнул ей на глаза – они прозрели и стали видеть ясно, как прежде.

⁵¹ Претория – судебное место.

⁵² Риноколура, ныне Эль-Ариш в Египте, – город на берегу Средиземного моря.

Маюмский житель по имени Италик, христианин, готовился состязаться в цирке с дуумвиром⁵³ Газы, чтителем языческого бога Марны⁵⁴. Италик, зная, что его противник силою чарований и волшебства может задержать и смешать его коней, обратился к св. Илариону и просил у него себе помощи. Странною представилась подвижнику его просьба, смешным показалось обращаться с молитвою к Богу в таком суетном деле; усмехнувшись, сказал он Италику: «Не лучше ли бы тебе для блага души твоей продать коней и деньги, за них вырученные, отдать бедным?» Италик выставил на вид, что это общественное дело, в котором он по необходимости должен принять участие как житель города, член городского общества, что, как христианин, он хотел бы взять верх над гордым дуумвиром, посрамить его и жителей Газы – язычников, оскорбляющих христианского Бога, издевающихся над его Святою Церковью, и что, как христианин, он не может употребить волшебство и чарования и потому-то за лучшее счел обратиться к помощи Илариона, раба Божия, служителя Иисуса Христа. Подумав немного, Иларион наполнил водою чашу, из которой пил, благословил ее и отдал Италику. Прибыв домой, Италик окропил этой водою конюшню, лошадей, кучера, экипаж и, наконец, барьер или загородку, окружавшую место ристалища. Настал час состязания. Множество собравшегося народа было в напряженном ожидании. Подан условный знак к началу состязания. Кони Италика понеслись и, казалось, летели; кони же его противника сразу смешались. Громкий крик раздался из груди дуумвира, язычники заговорили: «Марна побежден Иисусом Христом». Произошло в народе сильное волнение: язычники пришли в ярость, приписали проигранное состязание Илариону, считая его христианским чародеем, и требовали его наказания. Много неверных обратилось при этом в христианство.

Необычайные подвиги преподобного Илариона, его высокие нравственные совершенства, благодатные дары, коими он был преисполнен, чудеса, кои совершил, – все это привлекло к нему ревнителей благочестия и добродетели, желавших жить и подвизаться о Господе под его руководством и благодатным осенением, – и Газская пустыня наполнилась отшельниками, огласилась их священными песнями и славословиями Богу, и явилась лавра преподобного Илариона, славная в истории христианской Церкви. Основание ее относится к 335–341 годам. Подражая в подвигах преподобному Илариону и руководимые его духовными советами и наставлениями, отшельники быстро достигали нравственного совершенства; созревшие в духовной жизни расходились в разные места Палестины и Сирии и основывали новые обители подвижников благочестия. Таких обителей много явилось и в южной Палестине; к сожалению, и имена их, и места, где они находились, остались неизвестны.

Проникнутый отеческою любовью к лицам, вступившим на трудный путь подвижничества, и заботясь об их духовном благе, преподобный Иларион ежегодно в определенное время, именно перед собиранием винограда, делал обозрение иноческих обителей, рассеянных в разных местах южной Палестины. Обозрение это имело необыкновенный вид. Преподобного Илариона сопровождали подвижники его лавры, к ним присоединялись братии из других обителей – таким образом собиралось иногда до двух тысяч человек. На все время путешествия иноки брали с собой съестные припасы, которые и несли на себе. Со временем жители селений, через которые проходили иноки, стали доставлять в соседнюю обитель необходимые для путников жизненные припасы. По распоряжению преподобного Илариона предварительно составлялась подорожная роспись; в ней обозначались места, через которые должно было проходить или в которых требовалось остановиться. Прибыв в ту или другую обитель, преподобный Иларион с участием входил в ее внутреннюю жизнь, давал инокам необходимые советы и наставления, делал внушения, посещал каждого брата, как бы он ни был по своему положению среди подвижников незначителен.

⁵³ Дуумвир – один из городских начальников.

⁵⁴ Марна – сирийский идол, почитавшийся особенно в Газе.

Пошел преподобному Илариону 65-й год от рождения. Слава его возросла до высшей степени. Повсюду говорили о великом палестинском подвижнике; везде удивлялись его необыкновенному образу жизни, его высоким нравственным совершенствам и добродетелям; в изумление приводила всех чудодейственная сила, в нем действовавшая; его знали в самых отдаленных странах. И текли в Газу всякого звания и состояния люди: епископы и священники, клирики и монахи, горожане и поселяне, простые и благородные жены, судьи и правители спешили в Газскую пустыню, стораая желанием видеть дивного подвижника, принять его благословение, послушать его сладкую беседу, получить от него священный дар – благословенные хлеб или масло. Но не по душе святому старцу была такая слава, не по сердцу ему было такое всеобщее к нему уважение; всегда присущее ему чувство смирения смущалось, сознание своего недостойнства глубоко страдало, его безмолвие нарушено, среди многочисленных посетителей он находится как бы снова в мире. Крайне тяготился старец таким положением и стал печален и озабочен. Наступил 356 год. Явилась однажды к преподобному Илариону известная своим благочестием Аристенета принять благословение старца, причем высказала, что она хочет еще раз видеть преподобного Антония. «Желал бы и сам я идти к нему, – печально сказал старец, – если бы я не был как пленник в обители или если бы это путешествие было полезно; уже два дня, как мир лишился этого великого мужа». Святой старец по откровению уже знал о кончине преподобного Антония. Аристенета остановилась; через два дня пришло известие, что великий египетский пустынножитель действительно скончался. Место преподобного Антония заступил теперь в христианском мире палестинский подвижник; еще большим уважением, большим почтением окружали посетители преподобного Илариона; уважение это переходило у некоторых в благоговение к нему. Но еще печальнее, еще озабоченнее стал старец. Иноки, давно замечавшие в своем духовном отце перемену, теперь особенно были поражены его скорбным состоянием. Недоумевая, что бы это значило, они однажды с искренним участием обратились к старцу и спросили его, отчего он все такой печальный, что его огорчило и расстроило. «Ах, братия мои возлюбленные! – отвечал старец, вздохнув. – Я возвратился в мир и приемлю мзду в этой жизни. Вся Палестина и отдаленные страны находят во мне что-то хорошее, называют своим господином, славят меня!...» Наконец старец решил положить конец своему душевному томлению: решил оставить и место своих подвигов – свою любимую пустыню, в которой он безвыходно провел в подвигах целых пятьдесят лет, и свою лавру с сонмом ее насельников, нуждавшихся в его отеческом руководстве и попечении, и бежать от славы, скрыться в каком-нибудь уединенное место, где бы он снова мог быть наедине с Богом и самим собою. Решил так, и начались странствования преподобного Илариона, продолжавшиеся целых шестнадцать лет, странствования, среди коих он и окончил земную жизнь, и чужая страна приняла в свои недра труженическое его тело. И дивны судьбы Божии! Смиранный старец хотел скрыться от славы, а слава шла по следам его. Господь всюду открывал раба Своего ради славы Своей, во благо и на пользу ближних.

Решив удалиться из лавры, преподобный Иларион объявил о своем решении довереннейшим своим ученикам и велел приготовить для себя осла. Весть об этом с быстротою молнии разнеслась между подвижниками и по всем окрестным местам, и вот более десяти тысяч человек всякого звания, пола и возраста собрались в лавру: в один голос все просили старца не покидать своего места, не оставлять их сирыми и беспомощными. Он оставался непреклонен в своем решении; для успокоения же собравшегося народа говорил, что так необходимо ему поступить. Новые просьбы, новые мольбы народа, более сильные, – не тронулся и тут старец, но, стоя среди густой массы народа и переворачивая посохом песок, произнес: «Оставьте меня, дети мои, пустите: так нужно. Господь не обманывает меня. Могу ли я спокойно смотреть на низверженные храмы, на попранные алтари, на пролитую кровь сынов моих?» Поняли все, что великому старцу открыта тайна, которой он не хотел объявить, и, получив его благословение, разошлись. Но в лавре все-таки решено было не пускать старца, слабого, изможденного

от подвигов: у него от строгого поста и воздержания оставалась на костях только кожа. За ним стали бдительно наблюдать, боясь, как бы он тайно не ушел из лавры. Заметил это старец и прибег к решительной мере. «Не буду ни есть ни пить до тех пор, пока вы меня не отпустите», – твердо сказал преподобный Иларион окружающим его братьям и семь дней пробыл без пищи. Уступили, наконец, братья твердому решению старца и оставили его в покое. Сделав последние распоряжения касательно оставляемой им лавры и преподав благословение подвижникам ее, в слезах окружавшим своего отца, преподобный Иларион простился с ними и в сопровождении сорока монахов отправился по дороге в Египт. Там, в Египте, с его обширными пустынями, в стране, где началось подвижничество ради Господа, Иларион надеялся обрести для себя уединенное место, в котором он укроется от света и славы. Но прежде всего он положил посетить место подвигов своего учителя в подвижничестве – преподобного Антония Великого.

Шестнадцать дней продолжался трудный и утомительный путь до Антониевой горы по песчаной пустыне. Старец ехал на осле, спутники его шли, дорожные запасы несли они на себе. Из Пелузия преподобный Иларион посетил отшельников, подвизавшихся в окрестной пустыне; в Фавасте виделся с епископом Драконтием⁵⁵, жившим там в ссылке, доставив ему этим свиданием несказанное утешение; в Вавилоне⁵⁶ посетил епископа Филона⁵⁷, находившегося здесь также в ссылке, и утешил своим свиданием. Наконец путники достигли Антониевой горы⁵⁸ и прибыли на нее к самому дню памяти великого подвижника. С радостью вступил Иларион на это место, где пятьдесят лет тому внимал он наставлениям Антония Великого. В день кончины преподобного Антония Иларион целую ночь провел в бдении и молитве.

Потом он осматривал место подвигов своего великого учителя – знаменитую Антониеву гору. Руководителями его при этом осмотре были два ученика Антония, жившие на горе, Исаак и Пелузиан. «Здесь пел псалмы отец наш, – говорили ученики, показывая Илариону замечательные места, – здесь молился, тут он трудился, а тут отдыхал, когда чувствовал утомление. Эти виноградники и деревья он сам насадил; этот водоем для орошения сада сам же выкопал с большим трудом, а заступ этот долго ему служил при его труде». Взошли в келью Антония, находившуюся у подошвы горы: она была так мала, что лежа едва можно было протянуть ноги. Увидев в ней ложе, Иларион лег на него, лобызал его и чувствовал, что оно еще теплое. По крутому всходу поднялись затем на самую вершину горы, где были две кельи преподобного Антония, высеченные в скале; к ним приделаны были только двери; сюда обыкновенно удалялся великий подвижник, когда хотел остаться наедине, предаться уединенной молитве и богомыслию. Осмотрев эти кельи, Иларион пожелал видеть и место, где погребен Антоний. Исаак и Пелузиан отошли с ним на некоторое расстояние от горы и сказали, что здесь отец и наставник их погребен, но где именно, не могли указать, так как сами не знали. Св. Антоний, прибавили они, боясь, чтобы Пергамий, искренний почитатель и богатый человек, не взял его тела и не воздвиг над ним храма, завещал скрыть место, где будет оно положено.

С чувством душевного утешения оставил преподобный Иларион Антониеву гору и, отпустив в Палестину всех спутников своих, кроме одного, Газана (или Занана), с этим учеником удалился в Афродитополь⁵⁹, город, лежавший на Ниле, и поселился в пустыне, простиравшейся от него к востоку, надеясь жить здесь в полном уединении и неизвестности. Но не сбылись ожидания старца. Принильская долина страдала в то время от необыкновенной засухи: уже три года не было ни капли дождя; жители томились и изнывали. Страдания их нашли доступ к сердцу преподобного Илариона, возбудили в нем жалость, он обратился с молитвою к Богу,

⁵⁵ Драконтий, епископ Ермопольский; ему писал послания Афанасий Великий.

⁵⁶ Вавилон этот назывался Египетским и лежал к югу от Каира.

⁵⁷ Филон, епископ Киринейский.

⁵⁸ Антониева гора, на которой провел большую часть жизни Антоний Великий, находилась к востоку от Нила, на расстоянии трехдневного пути от Буша в Верхнем Египте.

⁵⁹ Ныне там находится город Атфих (Египет). – *Примеч. ред.*

и обильный дождь напоил жаждущую землю, и все ожило и зазеленело. Узнали раба Божия жители и толпами стали приходить к нему в пустыню, одни – за исцелением своих недугов, другие – получить от него благословение и назидание. Не мог здесь жить смиренный старец, оставил Афродитскую пустыню и переселился на север, к Брухии, предместью Александрии, но и здесь не нашел покоя. Из Палестины дошли до него печальные вести: там открылось жестокое гонение на христиан от богоотступника Юлиана⁶⁰; язычники Газы, помня оскорбление, причиненное их богу Марне во время состязания Италика, с ожесточением напали на Иларионову лавру и разрушили ее, избили множество пустынных и уже искали самого Илариона. Старец решился скрыться в пустыне Оазиса⁶¹. И вот с учеником своим опять он двинулся на юг, опять начался для них трудный и дальний путь: избранная пустыня лежала в Среднем Египте, много южнее Афродитополя, и расстилалась между Нилом и Малым Оазисом к западу. Желанная пустыня дружелюбно приняла смелых пришельцев; несколько времени старец и ученик его наслаждались здесь полным спокойствием. Но вот и в ту пустыню явился из лавры брат Адриан, посланный Исихием. Много труда стоило ему отыскать убежище Илариона. Адриан известил старца о смерти Юлиана и воцарении православного императора и от лица Исихия и братии просил его возвратиться в лавру. Иларион не согласился на просьбу Адриана, не остался и в Оазийской пустыне, а решился искать более отдаленного и более сокровенного места. Снова старец с Газаном пустились на север и снова должны были испытать все трудности отдаленного путешествия. Прибыв в приморский город Паретониум⁶², Иларион с учеником своим сел на корабль и отплыл, положив высадиться на острове Сицилия.

Спокойно началось для преподобного Илариона плавание, никто на корабле его не знал. Вдруг сын владельца корабля, одержимый нечистым духом, вскочил и, обратившись к убогому по виду путнику, закричал: «Иларион, служитель Божий! Зачем ты не даешь нам покоя даже и на море? Дай мне хоть прибыть на сушу свободно». Иларион спокойно отвечал на это: «Если Бог позволяет тебе, оставайся здесь; если же Он изгоняет тебя, зачем обращаешься ко мне, грешному и убогому?» Св. Иларион говорил таким образом, желая скрыть себя. Ребенок освободился от злого духа; смиренный старец взял слово с его отца, что тот никому не откроет его имя. Когда вошли в гавань Пахинума⁶³, Иларион предложил хозяину корабля в уплату за себя и ученика своего Евангелие, которое он собственною рукою переписал для себя еще в юности, так как, кроме этой священной книги и одежды на себе, они ничего не имели. Признательный корабельщик отказался.

Вступив на берег Сицилии, преподобный Иларион поспешил углубиться внутрь острова и поселился в одном пустынном месте, в двадцати милях от морского берега, в полной уверенности, что он нашел наконец безмятежное убежище, где никто его не будет знать. Несколько времени старец и ученик его жили спокойно. Сам он ходил и собирал дрова, а Газан носил их на себе в соседний город, где и продавал; на вырученные деньги они покупали себе хлеба. Скоро, однако же, по воле Божией пустынный-пришлец сделался на острове известен: в Риме возвестил о нем один бесноватый. «Вот несколько уже дней, – кричал он в храме Св. Петра, – Иларион, служитель Иисуса Христа, прибыл в Сицилию; никто его не знает там; он думает скрыться, но это ему не удастся: я его открою». Бесноватого, принадлежавшего к богатому семейству, отправили в Сицилию, и, когда он пал к ногам св. Илариона, злой дух оставил его, и он сделался совершенно здоров. Весть об этом быстро разнеслась по острову, и вот массами стали являться к святому старцу посетители, желая видеть раба Христова, получить его благословение, послушать его беседы; во множестве приходили больные и страждущие; из обла-

⁶⁰ Юлиан Отступник, римский император в 361–363 гг.

⁶¹ Ныне Эль-Фаюм (Египет). – *Примеч. ред.*

⁶² Ныне город Мерса-Матрух (Египет). – *Примеч. ред.*

⁶³ Мыс в юго-восточной Сицилии; ныне называется Сиро ди Пассаро. – *Примеч. ред.*

годатствованной души своей раб Божий раздавал всем благодатные дары по мере и роду нужд каждого. Один начальник, исцеленный им от водяной болезни, из чувства благодарности предложил ему большой подарок, но отрекшийся от всего земного подвижник отвечал ему словами Евангелия: *даром получили, даром и давайте* (Мф. 10:8). Неожиданно для святого старца явился в его уединенное жилище и Исихий, преданнейший его ученик. С сердечною скорбью получили в Иларионовой лавре известие, что старца в Египте нет, что он отплыл на корабле неизвестно куда. Подвижники все надеялись, что отец их возвратится к ним, но теперь с этою надеждой они должны были проститься окончательно. Исихий, напутствованный благожеланиями братий, сам отправился отыскивать старца. Долго он странствовал по разным местам, переходил из страны в страну, посетил ближайшие к Сирии острова, являлся и на суше – в Греции и Македонии, везде разузнавая о преподобном Иларионе, и долго поиски его были тщетны. Наконец в Метане, морской гавани, лежащей на южной оконечности Пелопоннеса, Исихию посчастливилось получить некоторые сведения о старце. Один еврей, торговавший старым платьем, сообщил Исихию, что в Сицилии явился христианский пророк, совершающий такие чудеса, что его признают за одного из древних пророков. Исихий тотчас отправился в Сицилию и, высадившись в гавани Пахинума, в первом же городе узнал о местопребывании св. Илариона. Наконец он увидал убогое жилище святого старца – человека, имя которого было известно и славно во всем христианском мире. Вот и сам он – блаженный старец. В порыве радости преданный ученик пал к ногам своего учителя и отца, лобызал его руки и ноги и от умиления плакал. Радовался и старец: перед ним – ученик, которого он любил как сына; радость свидания отразилась и на лице старца, оно просветлело. Но непродолжительно было такое настроение преподобного Илариона; Исихий скоро заметил на лице его выражение грусти и озабоченности. Решительным отказом отвечал старец на просьбу Исихия возвратиться в лавру и утешить скорбящих о разлуке с ним братий-подвижников. Глубоко опечалился Исихий, когда узнал от Газана, что старец хочет уйти в неизвестную варварскую страну, где бы жители не знали его языка. И в один день старец велел Газану приготовиться в путь, прибавив, что он намерен удалиться в Далмацию⁶⁴. Зная твердость преподобного Илариона, Исихий предложил ему и свои услуги, вызываясь проводить его в новую страну; старец согласился. И вот Иларион с двумя учениками своими сел в Пахинуме на корабль и после благополучного плавания прибыл в далматский город Епидавр⁶⁵ и поселился в окрестности его, в самом пустынном месте, в горах. Исихий, простившись со старцем и Газаном, отбыл в Палестину. Это было в 365 году.

И в Далмации, куда преподобный Иларион стремился всей душой из Сицилии, не нашел он себе покоя: ни горы и пустынность места, где он стал жить, ни язык его, непонятный населению, не скрыли его от людей. Благодатная сила, в нем обитавшая, не могла оставаться без действия; его сердце, полное любви к людям, и в самом удалении от них не могло не отзываться на всякий призыв, на всякое горе и страдание. Начались чудесные действия. Огромный змей, гнездившийся в ущельях окрестных гор, причинял стране страшное зло, пожирая скот и людей; сочувствуя общему бедствию, раб Божий силою своей молитвы избавил страну от змея; чудовище в один день найдено было издохшим. Сразу же после этого имя дивного пришельца, живущего уединенно в горах, огласилось по окрестности. И вот когда в том же 365 году произошло в Далмации сильное землетрясение⁶⁶ и взволнованное море выступило из берегов и грозило разрушить Епидавр, толпами бросились к святому отшельнику жители, умоляя его прийти к морскому берегу. Не мог остаться безучастным к страшному народному

⁶⁴ Далмация – историческая область на северо-западе Балканского полуострова на побережье Адриатического моря; на территории современных Хорватии и Черногории. – *Примеч. ред.*

⁶⁵ Речь, возможно, идет о Дубровнике (Хорватия). – *Примеч. ред.*

⁶⁶ Землетрясение произошло 21 июля 365 г. О нем упоминает языческий писатель Аммиан Марцеллин.

бедствию святой старец; он явился на морской берег. Увидев ярость волнующегося моря, раб Христов начертил на песке три креста, а руки поднял и простер на море. Разъяренная водная стихия тотчас остановилась и поднялась наподобие высокой горы, вода устремилась назад, и море вошло в свои пределы. Слава о чудном пустынноике распространилась теперь по всей Далмации и соседним странам. Видя, что и в Далмации, этой варварской стране, он не может жить спокойно, смиренный подвижник, этот поистине мученик славы, бежал ночью из своего уединения, которое ему было полюбилось. У морского берега он нашел корабль, готовившийся плыть на Кипр, и сел в него, предавшись водительству Божию и переносясь думами в новую страну, где он, может быть, найдет наконец давно желанный покой. «Ибо не по душе ему было жить там, где его хвалят, – говорит Созомен. – Через перемену местопребывания он старался оставаться в неизвестности и посредством частых переходов из страны в страну думал уничтожить распространявшуюся о нем славу».

Рано утром корабль отчалил от берега. Присутствие на нем св. Илариона спасло его от явной опасности.

Лишь только вышли в открытое море, как увидели с корабля вдали пиратов, которые неслись к нему на всех парусах. Все на корабле очень встревожились и, растерянные, не зная, что делать, друг за другом подходили к святому старцу, который один сидел спокойно, и сообщали ему печальную весть о грозившей им опасности. Старец смеялся, смотря на море и наблюдая, как пираты действительно приближались к кораблю, и, обратившись к окружающим, сказал: «Маловерные! Чего боитесь? Больше ли они фараонова войска?» Когда суда пиратов были уже весьма близко от корабля, старец встал, взошел на корму, поднял руку и, протянув ее по направлению к пиратам, строго произнес: «Не подходите сюда». Неприятельские судна тотчас повернули назад и сами неудержимо понеслись к берегу, несмотря на все усилия пиратов удерживать их, и скоро скрылись из глаз. Дальнейшее плавание корабля было благополучно: он вошел в Кипрскую гавань Пафос.

Остров Кипр был последней страной, в которой окончились странствования преподобного Илариона.

Он поселился здесь в двух милях от Пафоса в уединенном месте и был совершенно уверен, что никто не знает о прибытии его на остров. Но не прошло и трех недель, как имя его огласилось по острову. Одержимые нечистым духом начали громко кричать, что прибыл Иларион, служитель Бога Вышнего, что они хорошо знают его, не знают только места, где он находится, что они должны отыскать его. Найдено было и место это, и началось стечение народа к св. Илариону: явились бесноватые, больные и страждущие всякого рода. Раб Христов силою молитвы своей исцелял всякие недуги и болезни. Явился и Исихий, извещенный Газаном о переселении их на остров Кипр. Скорбным и печальным нашел своего учителя и отца Исихий; старец жаловался любимому ученику своему, что он и здесь не имеет покоя от посетителей.

Жаль его стало Исихию. Он сам предложил старцу искать новое, более сокровенное место на острове. С радостью принял старец его предложение, и вот они ушли в глубь острова еще на двенадцать миль и остановились в одной местности, привлекавшей их внимание своею живописностью и вместе пустынностью. Среди долины, окруженной крутыми скалами, возвышалась небольшая гора, покрытая лесом; на плоской вершине горы находился садик с фруктовыми деревьями; у подошвы бил источник чистой воды. В этой местности, всем очень понравившейся и известной под названием Харвириса, и остался преподобный Иларион: поселился он на вершине горы, в садике, и провел здесь последние пять лет своей жизни. Долго никто не нарушал его покоя. Старец радовался. Изредка только на вещал его Исихий, своим свиданием доставляя новую радость его сердцу. Одно обстоятельство открыло жителям сокровенный приют великого отшельника. Однажды старец ходил по склону горы, созерцая красоты чудной природы и возносясь умом к Богу – красоте вечной. Вдруг он увидел человека, сидевшего неподвижно на одном месте; человек этот был весь расслаблен. Открылось, что это был сам

владелец местности, в которой жил преподобный Иларион; он прибыл сюда с людьми, которые, оставив его на время одного, сами отправились на охоту. Сжалился старец над несчастным и, призвав имя Божие, исцелил его. Это чудесное событие скоро разгласилось по окрестности, и снова к рабу Божию потек народ, жаждающая ощутить в себе веяние благодатной силы, в нем обитавшей, и едва заметная тропинка, проложенная Газаном, спускавшимся по ней вниз за водой, стала торным путем, по которому двигались массы народа, то поднимаясь на гору, то спускаясь с нее. Много чудес совершил в это время св. Иларион.

Приблизилось, наконец, отшествие великого подвижника в другую жизнь. Предузнал св. Иларион свою кончину и стал к ней готовиться. Дрожащею рукою он написал Исихию, любимейшему ученику своему и другу, письмо, в котором, прощаясь и с братьями – подвижниками лавры, отказывал Исихию все свое имущество:

Евангелие, власяницу, куколь и плащ. Когда весть о близости кончины св. Илариона разнеслась по окрестным местам, благочестивые люди поспешили в Харвирису увидеть в последний раз дивного подвижника и получить его святое благословение. Готовясь предстать пред лицом Бога – Судии и Мздовоздаятеля, блаженный старец был спокоен; радость сияла на его старческом лице. Собрав последние силы, он поспешил высказать последнее свое земное желание; просил посетителей, теснившихся у его смертного ложа, не оставлять у себя и не хранить его тело, но положить его в землю в этом же садике, где он жил пять лет; предусмотрительный старец взял с них даже клятву. Настали последние минуты.

Св. Иларион, совсем было умолкший, вдруг заговорил, обратясь к своей душе: «Изыде, душа моя: чего боишься? Семьдесят почти лет служила ты Христу – и смерти ли бояться тебе?» С этими словами великий подвижник мирно предал дух свой Господу в 371 году. Ему было тогда восемьдесят лет.

Свято исполнили последнюю волю св. Илариона благочестивые почитатели; тело его было погребено на горе, в любимом его садике. Спустя десять месяцев прибыл на остров Кипр Исихий и, тайно вынув из земли нетленные останки св. Илариона, перенес их в Палестину и положил в его лавре.

Сразу же по кончине св. Илариона началось чествование его как великого угодника Божия. На острове Кипр благочестивые христиане часто посещали его могилу, проводили на ней целые ночи в бдении и молитве, испрашивали его святых молитв, обращаясь к нему как бы к живому. В Палестине, в его лавре, ежедневно стали совершать в честь святого основателя ее и великого в отцах Илариона торжественное празднество, на которое сходились все пустынники и в многолюдстве стекались окрестные жители.

Благодатная сила, обитавшая и действовавшая в преподобном Иларионе при его жизни, не переставала действовать и по его блаженной кончине: у святых мощей его продолжали совершаться различные чудеса и исцеления; она осталась присущею даже месту погребения его на острове Кипр. Там, на его могиле, когда не было уже в ней святого тела, больные и одержимые нечистым духом, по свидетельству Созомена, получали исцеление.

Таков был преподобный Иларион великий, основатель славной лавры своего имени! «Подлинно, из всех людей, известных нам по неослабному и испытанному воздержанию, – говорит историк Созомен, – он никому не уступил первенства, ибо побеждал голод и жажду, холод и зной и другие ощущения и пожелания тела и души. Нравом был он добр, в беседе важен и тщательно упражнялся в Священном Писании, Богу же так благоугодил, что на его могиле еще донныне многие больные и одержимые демоном получают исцеление и, что всего удивительнее, исцеляются как на острове Кипр, где он был погребен прежде, так и в Палестине, где почивает теперь»⁶⁷.

⁶⁷ Об Иларионе Великом см.: *Иероним Стридонский, блж.* Житие преподобного отца нашего Илариона Великого; *Созомен*. Церковная история. III, 10; V, 14.

Преподобный Исихий был самым близким и довереннейшим лицом у преподобного Илариона Великого. Как сына, как друга любил его великий подвижник; ему открывал душевные мысли и намерения, его посвящал в тайны своей внутренней, сокровенной от других жизни; ему же поручил и управление своею обширною лаврой. Исихий заслуживал такой любви и такой доверенности св. Илариона. Он во всем подражал своему необыкновенному учителю – как в подвигах поста и молитвы, так и в терпении и злострадании, в любви и снисходительности к ближним. Сердечно любивший св. Илариона, до глубины души ему преданный, Исихий постоянно заботился о нем и охранял его, всячески утешал и успокаивал, особенно во время его страннической жизни, как мы это видели в житии преподобного Илариона. Его любви горячее к великому подвижнику, его усердию и старанию Иларионова лавра была обязана тем, что в ней, как драгоценное сокровище, как видимый залог ее процветания, явилось блаженное тело ее славного основателя, явилось на радость и утешение братий-подвижников и на пользу палестинских христиан. Зная, что киприоты, глубоко почитавшие св. Илариона, ни за что не отдали бы его нетленные останки, Исихий по кончине его оставил на время лавру, прибыл на остров Кипр и поселился на той же горе и в том садике, где проводил последние годы своей жизни Иларион, объявив, что он намерен навсегда остаться здесь и будет подвизаться у гроба своего отца и учителя; но потом, тайно взяв из земли честное тело его, перенес в Палестину⁶⁸.

Преподобный Малхион происходил из благородного и благочестивого дома Алафиона, имевшего обширные поместья в Газском округе. Начало подвижнической жизни полагал он в лавре преподобного Илариона, вступив в число учеников его еще в юном возрасте. Потом с братьями своими: Саламаном, Фусконом и Криспионом – подвизался близ родного своего селения Вефилия и достиг высокой степени нравственного совершенства. На какой высоте духовной жизни стоял преподобный Малхион, показывает случай, приводимый современником и родственником его Созоменом в своей «Церковной истории». По словам Созомена, шли однажды братья от преподобного Илариона домой, между ними находился и Малхион. Вдруг Малхион стал невидим, какою-то силою он как бы исторгнут был из среды братьев; потом снова явился и пошел с ними далее. Это событие служило предуказанием близкого отшествия Малхиона в другую жизнь, к которой он был уже приготовлен. И действительно, вскоре после этого события он скончался, не достигнув зрелых лет⁶⁹.

Преподобный Зинов (память 26 декабря) родился около половины IV века в Газе. В то время, когда в Палестине сиял подвигами и добродетелями великий Иларион, привлекая на путь подвижничества ревнителей высшего нравственного совершенства, и Зинов еще юношей 15–17 лет вступил на этот путь и стал подвизаться, подражая св. Илариону в молитве, посте, бдении, трудах телесных и духовных. При Юлиане Богоотступнике Зинов страдал за веру Христову и явился исповедником; вместе с родственниками своими, Евсевием и Неставою, он был схвачен преданными язычеству жителями Газы, заключен в темницу и претерпел сильные побои. Не суждено было ему увенчаться мученическим венцом, как его родственникам, которые были замучены до смерти и сожжены. Зинову готовилось высшее служение в Христовой Церкви. В то время, когда мучили Евсевия и Неставу, Зинов скрылся в приморский город Анфедон, но анфедоняне, также зараженные языческим зловерием, узнав, что он христианин, схватили его, жестоко избили и изгнали из города; он удалился в Маюму – пристань Газы⁷⁰, где и скрывался во все время гонения. Господь, ведающий Своих рабов, знал уже Зинова и видел в нем Своего раба; его указал Он во сне одной благочестивой женщине-христианке, собравшей кости мучеников Евсевия и Неставы; повелев передать их ему для хране-

⁶⁸ См.: Созомен. Церковная история. VI, 33.

⁶⁹ См.: Созомен. Церковная история. VI, 32.

⁷⁰ Маюма отстояла от Газы на 20 стадий.

ния, указал ей и место, где Зинов находился. В царствование Феодосия Великого⁷¹ преподобный Зинов сделался предстоятелем Маюмской церкви, которую управлял весьма долго. Теперь он мог позаботиться о достойном месте для блаженных останков святых мучеников, которые хранились доселе в его доме. Он построил за городом молитвенный дом, в котором и положил кости святых мучеников.

И на святительской кафедре, среди разнообразных занятий по управлению Маюмской церковью, преподобный Зинов продолжал вести строгую подвижническую жизнь. «Говорят, да и мы сами видели, – передает современник Зинова Созомен, – что в качестве епископа церкви Маюмской, достигнув уже старости и имея около ста лет, он никогда не пропускал ни утренних, ни вечерних песнопений, ни другого какого-либо богослужения, если только не препятствовала ему болезнь. Проводя жизнь в монашеском любомудрии, он ткал на одноверетенном станке льняную одежду и через это не только доставал все нужное для себя, но и помогал другим, и до самой кончины не переставал заниматься сим делом, хотя был старше всех местных епископов и начальствовал над многочисленной и богатейшей церковью»⁷². Скончался преподобный Зинов около половины V века.

Преподобный Аякс, брат преподобного Зинова, епископа Маюмского, вместе с ним проводил в молодых годах подвижническую жизнь и вместе с ним подвергался гонению за веру от жителей Газы, терпел и темничное заключение, и тяжкие побои. Достигнув зрелого возраста, Аякс женился, избрав себе в супругу одну благочестивую девицу. Господь благословил его супружество: у него было трое сыновей, коих он воспитал в благочестии и страхе Божиим. Двое сыновей оставили свет, отреклись от всех земных привязанностей и удовольствий и посвятили себя служению Богу, избрав подвижнический путь; третий остался в мире, женился и был честным гражданином и наилучшим отцом семейства. Вырастив и воспитав детей, Аякс с согласия своей добродетельной супруги оставил семейную жизнь и снова стал вести жизнь подвижническую. Подвигов он не оставлял и в то время, когда занял епископскую кафедру Бетулийской церкви. Преподобный Аякс достиг высокой степени нравственного совершенства. «Сам Бог свидетельствовал об их [епископов Зинова, Аякса, также Акакия Берийского] доброй жизни, – говорит современник преподобного Аякса Созомен, – скоро внемля их молитвам и совершая через них весьма много чудес»⁷³.

⁷¹ Римский император в 379–395 гг.

⁷² Созомен. Церковная история. V, 9; VII, 28.

⁷³ Созомен. Церковная история. VII, 28.

Киновия преподобного Сильвана

Тридцать лет спустя после того, как в юго-западной части Палестины возникла близ Газы лавра преподобного Илариона и Газская пустыня населилась отшельниками, явилась в той же части Святой Земли, именно в Гераре, обитель подвижников благочестия с другим родом подвижничества. Это киновия преподобного Сильвана.

Герар⁷⁴ находился в трех часах пути от Газы на юго-восток, в долине, орошаемой потоком, известным в древности под именем Весор⁷⁵, и другими небольшими ручьями. Герарская долина славилась обилием воды и плодородием⁷⁶. В ней жили некоторое время патриархи Авраам и Исаак и заключали с царем герарским Авимелехом мирные договоры. В 365 году по Р. Х. прибыл в Герар с Синайской горы преподобный Сильван и основал здесь, в окрестностях этого города, при Весоре общежительную обитель, которая скоро достигла цветущего состояния⁷⁷. В следующем столетии Герарская киновия славилась повсюду и своим внешним и внутренним благоустройством, и многочисленностью иноков, и их высокими подвигами и нравственными совершенствами. Историк Созомен называет ее обширнейшей и знаменитейшей общежительною обителью весьма многих доблестных мужей⁷⁸. Думают, что настоятель киновии преподобного Сильвана почтен был даже достоинством епископа. В актах Халкидонского собора (451 год) упоминается Маркиан, епископ Герарский, подписавшийся под определениями собора, между тем как в исторических памятниках нет указания на Герарскую епископию⁷⁹. Дальнейшая судьба Герарской киновии неизвестна.

⁷⁴ Ныне хирбет умм Джарар. [Древний Герар отождествляют с теллем Харор, расположенным при главной дороге между Газой и Вирсавией. Телль – искусственный холм, содержащий культурные слои, который вырастает на месте поселений. – *Примеч. ред.*]

⁷⁵ Ныне вади Газзэ.

⁷⁶ С такими качествами долина была известна и во времена церковного историка Созомена (III, 32).

⁷⁷ См.: Созомен. Церковная история. VI, 32; IX, 17. [Созомен локализует монастырь, основанный прп. Сильваном, «в Гера-рах, у потока», т. е. в русле Вади-эш-Шария. – *Примеч. ред.*]

⁷⁸ См.: Созомен. Церковная история. VI, 32.

⁷⁹ См.: Knobel A. W. Die Völkertafel der Genesis. Giessen, 1850. S. 216 и след. (далее – Knobel. Die Völkertafel der Genesis).

Окрестности Герара. Телль-Харор

Место киновии Сильвана в настоящее время полагают в развалинах Шех Небхан на южной стороне потока, к северо-западу от Герара, где сохранились следы древней церкви.

Знаменит в истории христианского подвижничества основатель Герарской киновии преподобный Сильван; знамениты и ученики его Зинов и Захария.

* * *

Преподобный Сильван был родом из Палестины и подвизался сначала в Нижнем Египте, в Скиту⁸⁰, где жило под руководством его много других подвижников, между коими славились особенно Марк и Нетра⁸¹. В половине IV века Сильван с двенадцатью учениками удалился на Синайскую гору, куда со всех сторон стекались любители безмолвия и отшельнической жизни, желавшие жить и подвизаться о Господе у подножия священного Хорива и божественного Синая. Прожив на Синайской горе около пятнадцати лет, преподобный Сильван переселился с учениками своими в Палестину, где в Гераре и основал свою общежительную обитель. Когда скончался он, неизвестно.

Дивный муж был преподобный Сильван. Историк Созомен говорит, что за его великие добродетели Господь послал к нему Ангела, который видимо служил ему⁸². О его высоких нравственных совершенствах и духовной мудрости свидетельствуют некоторые частные черты

⁸⁰ Так называлась пустыня в Нижнем Египте, к юго-западу от Александрии.

⁸¹ Марк отличался необыкновенным послушанием, а Нетра, сделавшись епископом Фаранским на Синае, стал жить в городе гораздо строже, чем в пустыне. См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845. С. 166–167, 181 (далее – Достопамятные сказания).

⁸² См.: Созомен. Церковная история. VI, 32.

его подвижнической жизни, сохранившиеся в «Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцев»⁸³. Черты эти глубоко назидательны и поучительны.

Так, некогда авва Сильван и ученик его Захария, рассказывается в «Достопамятных сказаниях», пришли в один монастырь, где упросили их вкусить немного пищи на дорогу. Когда вышли они из монастыря, ученик аввы увидел на дороге воду и хотел пить. Старец говорит ему: «Захария, ныне пост!» – «Разве мы не ели, отец?» – отвечал ученик. «Ели, но это было дело любви, – сказал старец, – а теперь, сын мой, должны мы соблюсти пост свой».

Авва Сильван, беседуя однажды с братиею, пришел в исступление и пал на лице свое. Долго лежал на земле, потом встал и начал плакать. Братия спросили его: «Что с тобою, отец, сделалось?» Он молчал и плакал. Когда же братия принудили его говорить, сказал: «Я восхищен был на Суд и видел, что многие из нашего сословия шли в муку, а многие из мирян шли в Царство Небесное». Старец продолжал плакать и не хотел выходить из своей кельи. Если принуждали его выходить, всегда закрывал лицо свое куколем⁸⁴ и говорил: «Зачем мне смотреть на этот временный свет, от которого нет мне никакой пользы?»

В другой раз пришел к авве Сильвану ученик его Захария и нашел его в восхищении, а руки его распростерты были к небу. Затворив дверь, Захария вышел, потом опять приходил около шестого и девятого часа и находил его в том же положении. Наконец постучался в девятом часу, вошел в келью и увидел, что он отдыхает. «Что с тобою, отец, сделалось?» – спросил Захария старца. «Сегодня, сын мой, занемог я», – отвечал старец. Но Захария, обняв ноги его, сказал: «Не отстану от тебя, авва, если не скажешь мне, что ты видел». Старец открывает ему: «Был я восхищен на небо и видел славу Божию и находился там до сего времени, а теперь отпущен».

Когда авва Сильван жил на горе Синайской, ученик его Захария, отходя однажды на работу, говорит старцу: «Авва! Сходи за водою и полей сад». Старец, выйдя из кельи, закрыл лицо свое куколем и смотрел только себе под ноги. В это время шел к нему брат и, увидев его издали, наблюдал, что он делает. Потом подошел к нему и спросил: «Авва! Скажи мне: для чего ты, идя поливать сад, закрыл лицо свое куколем?» – «Для того, сын мой, – отвечал старец, – чтобы глаза мои не видели дерев и ум мой не развлекался ими в своей деятельности».

Один брат пришел к авве Сильвану на гору Синайскую. Увидев, что братия работают, он сказал: *Старайтесь не о пище тленной* (Ин. 6:27), *Мария же избрала благуя часть* (Лк. 16:22). Старец сказал своему ученику: «Захария! Поддай брату книгу и отведи его в пустую келью». Когда наступил девятый час, брат прислушивался у двери, не посылают ли звать его на трапезу. Но так как никто его не звал, он сам, встав, пошел к старцу и говорит ему: «Авва! Ужели братия сегодня не ели?» – «Ели», – отвечал старец. «Почему же не позвали меня?» – опять спросил брат. «Потому, – отвечал старец, – что ты человек духовный и не имеешь нужды в такой пище, а мы, как плотские, хотим есть и потому работаем. Ты избрал благуя часть, читая целый день, и не хочешь вкушать плотской пищи». Брат, выслушав это, поклонился старцу и сказал: «Прости меня, авва!» Тогда старец говорит ему: «Так и Мария имеет нужду в Марфе, ибо и Мария похвывается из-за Марфы».

Однажды спросили авву Сильвана: «Какую ты, отец, проводил жизнь, что достиг такого благоразумия?» Авва отвечал: «Никогда я не впускал в сердце свое помыслов, прогневающих Бога».

Также авва говорил: «Горе тому человеку, у которого имя знаменитее дел его».

Авва Моисей спросил авву Сильвана: «Может ли человек каждый день начинать свои дела?» Старец отвечал: «Если он добрый делатель, то может и каждый час».

⁸³ См.: Достопамятные сказания. С. 259–262.

⁸⁴ Куколь – покрывало, возлагаемое монашествующими на голову поверх камилавки и простирающееся на плечи. В первые века иночества куколь носили спереди и закрывали им лицо.

Один из отцов рассказывал: некто встретился с аввою Сильваном и, увидев, что он лицом и телом светел, как Ангел, пал на лице свое. Он говорил при сем, что и некоторые другие старцы имели сей дар.

Таков был основатель Герарской киновии Сильван!

Преподобный Зинон долго жил и подвизался под руководством преподобного Сильвана сначала в Скиту, потом на Синайской горе, наконец и в Герарской киновии, всюду за ним следуя и ему сопутствуя; подвизался одно время и в Сирии. Зинон достиг высокой степени нравственного совершенства – имел дар чудотворения и отличался глубокою духовною мудростью. Скончался он в V веке.

В «Достопамятных сказаниях» сохранились опыты высокой духовной жизни и мудрости преподобного Зиновия. Представим эти опыты подлинными словами сказаний.

Авва Зинон, ученик блаженного Сильвана, говорил: «Не живи в славном месте; не садись со знаменитым человеком и не полагай основания, чтобы когда-либо строить себе келью».

Сказывали об авве Зиноне, что сначала он ни от кого ничего не хотел принимать. И посему делавшие ему приношения уходили от него, скорбя о том, что он не брал. А другие приходили к нему, желая получить от него что-нибудь, как от великого старца, но ему нечего было давать им, и они отходили с скорбью. Видя это, старец сказал: «Что мне делать? И те скорбят, которые приносят, и те, которые хотят получить. Вот что будет лучше: если кто принесет, возьму, а если кто попросит, отдам ему». Так делая, и сам он был спокоен, и все были им довольны.

Один брат египтянин пришел к авве Зинону в Сирию и жаловался старцу на свои помыслы. Старец, удивляясь, сказал: «Египтяне скрывают добродетели, которые имеют, но всегда обвиняют себя в грехах, которых не имеют. Ассирийцы и греки присвояют себе добродетели, которых не имеют, и скрывают грехи, которые имеют».

К авве Зинону пришли братия и спрашивали: «Что это написано в книге Иова: *небо же нечисто пред Ним* (Иов. 15:15)?» Старец сказал им в ответ: «Братия оставили грехи свои и исследуют небеса. А значение слов такое: поскольку один Бог чист, потому он и сказал: *небо же нечисто*».

Рассказывали об авве Зиноне, что он, живя в Скиту, пошел однажды ночью из своей кельи к озеру, но, заблудившись, он ходил три дня и три ночи. Усталый и изнемогший, он пал как бы умирающий. Но вот встал перед ним отрок, держа в руках хлеб и сосуд с водою, и сказал ему: «Встань, ешь!» Старец, встав, помолился, думая, что это призрак. Юноша сказал ему: «Хорошо ты сделал». Старец еще помолился в другой и третий раз, а юноша опять сказал: «Хорошо ты сделал». Тогда старец встал, взял и поел. После сего говорит ему юноша: «Сколько ты ходил, настолько удалился от своей кельи, но встань и иди за мною». Тотчас старец увидел себя у своей кельи и сказал юноше: «Войди сотвори у нас молитву». Когда старец взошел в келью, юноша стал невидим.

В другое время тот же авва Зинон проходил Палестину и, утомившись, сел для принятия пищи у огуречного огорода. Помысл говорил ему: «Возьми один огурец и съешь, ибо что в этом важного?» Но он отвечал своему помыслу: «Воры подвергаются наказанию; так испытай себя, можешь ли ты перенести наказание». Встав, он пять дней простоял на жаре и, изнуренный жаром, сказал сам себе: «Не могу снести наказания»; потом говорит своему помыслу: «Если не можешь, то не воруй и не ешь».

Авва Зинон сказал: «Кто хочет, чтобы Бог скоро услышал молитву его, тот, когда станет пред Богом и прострет руки свои к Нему, прежде всего, даже прежде молитвы о душе своей, должен от всего сердца молиться о врагах своих. За сие доброе дело Бог услышит его, о чем бы он ни молился».

Говорили, что в одном селении некто много постился, так что прозвали его постником. Услышав о нем, авва Зинов позвал его к себе. Тот с радостью пришел к нему. Помолившись, они сели. Старец начал работать молча. Постник, не находя, о чем говорить с ним, начал сильно скучать и наконец говорит старцу: «Помолись обо мне, авва! Я хочу идти домой». – «Зачем?» – спросил его старец. Он отвечал: «У меня сердце будто в огне, и я не знаю, что с ним делается; когда был я в селении, постился до самого вечера, и никогда не случалось со мной подобного». Старец говорит ему: «В селении ты сыт был слухом; но теперь ступай и с сего времени принимай пищу в девятом часу, а если что делаешь, делай тайно». Когда постник начал так делать, то уже с болезнью ожидал девятого часа. Знавшие его говорили: «Постник одержим бесом». Когда он пришел к старцу и рассказал ему обо всем, он отвечал: «Такой путь угоден Богу»⁸⁵

Преподобный Захария, так же как Зинов, сопровождал преподобному Сильвану из Скита на Синай и потом в Палестину. Он был любимейшим учеником преподобного Сильвана. Захария подражал старцу в подвигах самоумерщвления и терпения и был ему всецело предан; старец удостоивал его полной своей доверенности, открывал ему тайны своей внутренней духовной жизни. После блаженной кончины преподобного Сильвана Захария довольно долго управлял его киновией и был далеко известен и славен. Созомен называет его мужем дивным. Скончался он в первой половине V века.

Имя преподобного Захарии Герарского связано с историей обретения мощей ветхозаветного пророка Захарии. По указанию самого пророка, явившегося однажды Калимеру, старосте селения Хафар-Захария близ Елевферополя, в одном саду найден был двойной гроб: внутри деревянный, а снаружи обитый свинцом; около гроба стоял сосуд с водою; в ногах же, вне гроба, лежало дитя в золотом венце, в золотых сандалиях и драгоценной одежде. Когда открыли гроб, явилось тело святого пророка, облеченного в белую ризу, потому что, как полагал Созомен, он был священником. Не знали только, кто было это дитя. Преподобный Захария, прибыв на открытие мощей пророка, объявил, что это сын иудейского царя Иоаса, как нашел он в одной древней еврейской книге, не значащейся в числе книг, признанных Церковью. В этой книге написано, что, когда пророк Захария убит был Иоасом и в седьмой день по убиении пророка умер любимейший сын Иоаса, царь, видя в этом тяжком для себя бедствии наказание Божие, велел похоронить дитя в ногах пророка, чтобы через то искупить свой грех. «Что касается пророка, – заключает свой рассказ об обретении мощей его Созомен, – сколь ни много веков лежал он под землею, найден был неповрежденным, волосы у него были обриты, нос прямой, борода недлинная, голова небольшая, глаза немного впалые и закрытые ресницами»⁸⁶.

⁸⁵ См.: Достопамятные сказания. С. 80–82.

⁸⁶ Созомен. Церковная история. VI, 32; IX, 17; см. также: Достопамятные сказания. С. 259–261.

Киновия Елевферопольская

Киновия эта была основана около половины VI века иноком лавры Илариона Великого св. Епифанием (память 12 мая), который сначала управлял ею сам, а потом, когда возведен был на архиепископский престол острова Кипр, поддерживал ее до самой своей смерти⁸⁷.

Св. Епифаний Кипрский

Находилась эта киновия в окрестностях Елевферополя, близ селения Визандухи. Точное местонахождение ее в настоящее время не вполне исследовано. Некоторые предполагают, что она занимала то место, на котором ныне в полутора верстах от Бейт-Джибрина [Бейт-Гуврина] находятся развалины Мар Ханна. Здесь стоит полуразрушенная церковь, главная и боковая абсиды которой хорошо сохранились, по обеим сторонам входа – пиластры, под северною частью сход в подземную пещеру, которая со сводом⁸⁸.

⁸⁷ В 368 г.

⁸⁸ См.: Palästina und Syrien. S. 201.

Апсида церкви св. Ханны (Анны) в Бейт-Гуврине

Обители Иерусалимские

Когда на окраинах Святой Земли возникали иноческие обители, славные своими подвижниками, не могло не просиять ими сердце Святой Земли – Иерусалим, великий град Небесного Царя. Когда равноапостольный Константин Великий⁸⁹ объявил христианскую веру господствующей и повелел очистить Иерусалим от мерзостей языческого нечестия, когда вновь открылись миру священные места, а там, где был распят и погребен Христос Спаситель, воздвигнут великолепный храм, тогда устремились сюда со всех сторон люди, избравшие тесный и скорбный путь подвижничества из любви ко Господу и ради Царства Небесного желавшие жить и умереть о Господе на священном Сионе, у подножия спасительной Голгофы, на богошественном Елеоне. Уже с начала IV века являются в Иерусалиме труженики Креста Христова, одни – чтобы, у Голгофской скалы простившись с миром, удалиться в окружающие пустыни, другие – чтобы в Иерусалиме земном добиваться достигнуть Иерусалима Небесного. Недаром св. Кирилл Иерусалимский⁹⁰, тогда еще пресвитер, видит их во множестве в церковных собраниях и, обращаясь к ним со своим Словом⁹¹, желает, чтобы «Родившийся от Девы как о нас, хранящих чистоту мужах, так и о достойных венца женах сказал: *вселюсь в них и буду ходить в них* (2 Кор. 6:16; Лев. 26:12)».

Во второй половине этого века возникают в Святом граде обители подвижников благочестия. Так, по церковно-историческим памятникам известны такие иерусалимские обители этого времени: некоего Филиппа⁹² и преподобного Пассариона, в коей полагал начало подвижнической жизни Савва Освященный⁹³, но, кроме имен их, к сожалению, нам неизвестны никакие о них подробности. Одновременно с ними основаны дошедшие до наших дней две иерусалимские обители, а именно: при храме Воскресения и Мелании Старшей.

Обитель при храме Воскресения

Обитель, находившаяся при храме Воскресения⁹⁴, существовала с основания самого храма в 333 году. Много она испытала над собою перемен; перед ее глазами прошли и многочисленные то радостные, то скорбные судьбы Святого города. Были в ней великие подвижники, удивлявшие христианский мир высотой своих подвигов и нравственных совершенств. Многие иноки ее восседали на патриаршем престоле Святого города⁹⁵.

⁸⁹ Император в 306–337 гг.

⁹⁰ Архиепископ Иерусалимский в 350–386 гг.

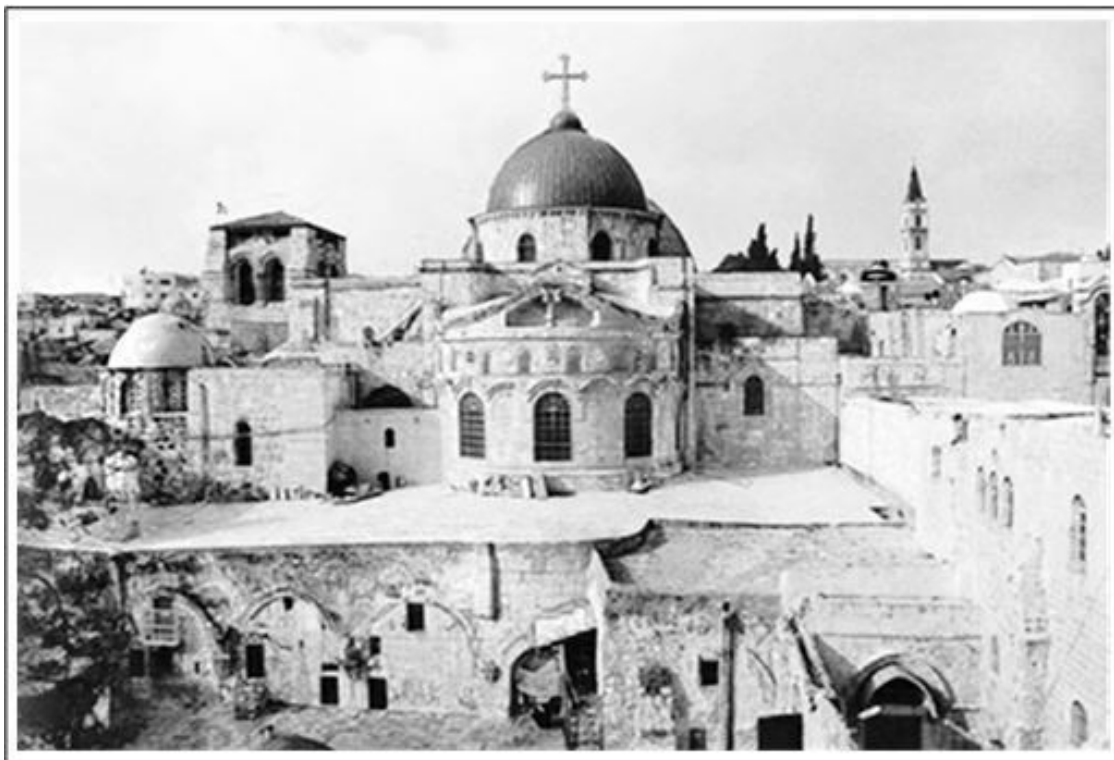
⁹¹ См.: Кирилл Иерусалимский, св. Поучения огласительные и тайноводственные. 4, 24; 12, 33–34.

⁹² См.: Руфин Аквилейский. Церковная история. XI, 28.

⁹³ См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 6.

⁹⁴ Храм Гроба Господня. – Примеч. ред.

⁹⁵ Например, св. Кирилл Иерусалимский, Иоанн, преемник его на кафедре Иерусалимской церкви, и др.

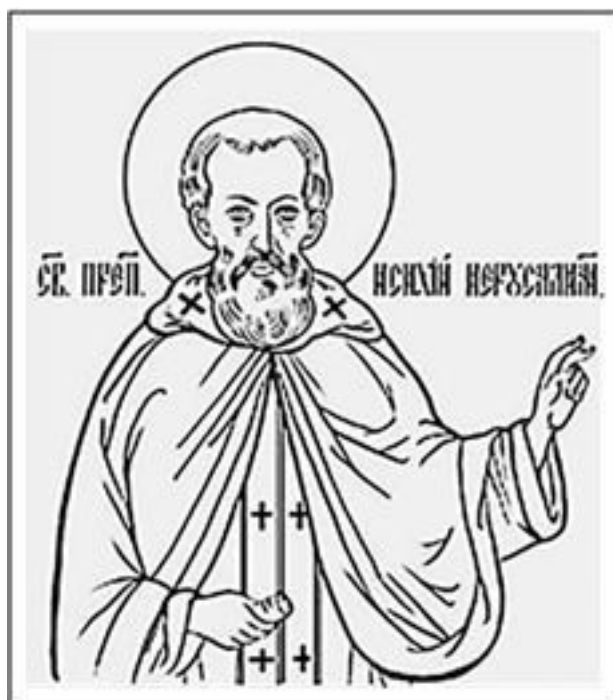

Храм Воскресения Христова в Иерусалиме

Между иноками, подвижниками Иерусалимской обители, знамениты Исихий пресвитер и Илия, бывший впоследствии Иерусалимским патриархом.

Преподобный Исихий пресвитер (память 28 марта) родился в Иерусалиме во второй половине IV века и в молодых годах слушал св. Григория Богослова, коего был учеником. По внутреннему влечению к духовно-созерцательной жизни он по кончине великого учителя в 389 году удалился в одну из палестинских пустынь, где по следам знаменитых подвижников восходил с одной степени нравственного совершенства на другую. В то же время Исихий продолжал изучать и усвоить дух христианской веры то в книгах, то в устных беседах с просвещенными подвижниками, то в собственных опытах жизни и собственными размышлениями. В 412 году архиепископ Иерусалимский вызвал просвещенного подвижника из пустыни и посвятил его в пресвитеры храма Воскресения, возложив на него обязанность говорить с церковной кафедры беседы и поучения. Двадцать лет неутомимо действовал преподобный Исихий на пользу Христовой Церкви и устным и письменным словом приобрел себе славу знаменитого учителя христианской Церкви. И в Иерусалиме, живя и обращаясь среди общества, он не оставлял подвижничества, своею аскетическою жизнью назидая иноков обители Воскресения. У современников Исихий пользовался глубоким уважением. Сам Евфимий Великий утешался и радовался, когда патриарх Ювеналий, прибыв в 429 году в его обитель для освящения храма, взял с собою и просвещенного своего пресвитера⁹⁶. Преподобный Исихий скончался в 434 году.

⁹⁶ См.: Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. СПб., 1858. Т. 3. С. 55–56 (далее – Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Историческое учение об отцах Церкви); Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 26–27.

Св. Исихий Иерусалимский

Преподобный Исихий оставил после себя на пользу Церкви творения разного содержания. Между его творениями есть толкования на Святое Писание⁹⁷, беседы на разные случаи⁹⁸, есть сочинения исторические⁹⁹, есть, наконец, превосходное сочинение нравоучительное. Творения преподобного Исихия исполнены глубокой духовной мудрости и опытности.

Нравоучительное произведение Исихия под названием «К Феодулу слово душеполезное и спасительное о трезвении и добродетели, разделенное на главы» особенно прославило иерусалимского пресвитера. Оно относится к области подвижничества и во все века пользовалось, как и доселе пользуется, большим уважением у подвижников. Но и для каждого христианина, ревнующего о своем спасении, слово преподобного Исихия может быть полезно и спасительно: трезвение души, внимание ума к движениям, в ней происходящим, хранение сердца – такие качества, без которых не может совершаться преуспеяние в добре. Извлечем из него некоторые мысли¹⁰⁰.

1. Трезвение есть способ духовного упражнения при помощи Божией, вовсе не освобождающий нас от страстных мыслей и слов и от злых дел, постоянный и усердно продолжаемый... Говоря собственно, оно есть чистота сердца, которая по величию и красоте своей или, справедливее сказать, по нерадению нашему редка ныне у монахов и которую Христос ублажает, говоря: *блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5:8). Сие великое сокровище дорого и покупается. Трезвение, сделавшись в человеке постоянным, становится путеводителем праведной и богоугодной жизни и лестницею к созерцанию; оно научает нас управлять движениями трех сил душевных (мыслительной, вожделевательной и раздражительной), неослабно бдеть над чувствами и со дня на день возвращать четыре главные добродетели (благоразумие, справедливость, умеренность и мужество).

⁹⁷ Известны толкования на книгу Левит, псалмы, 12 малых пророков и соглашение евангельских повествований о воскресении Иисуса Христа.

⁹⁸ Известно двенадцать бесед.

⁹⁹ Часть церковной истории и жизнь Лонгина сотника.

¹⁰⁰ По переводу, помещенному в: Христианское чтение. 1827. Ч. 25.

2. Великий законодатель Моисей или, лучше, Дух Святой показывает, сколь сия добродетель благородна, чиста, обширна и возвышенна, и научает нас, как должно приступать к ней и достигать в ней совершенства, когда говорит: *внимай себе, да не будет в сердце твоём тайного слова беззаконного* (Втор. 15:9). Тайным словом называет он одно мысленное представление чего-нибудь злого, ненавидимого Богом, что также отцы называют прилогом (приражением), наводимым на сердце от диавола, за которым, коль скоро он является уму, тотчас устремляются наши мысли и страстно с ним сообщаются.

3. Трезвение есть прохождение всякой добродетели и всякой заповеди Божией. Оно называется и сердечным безмолвием. Оно же есть хранение ума, когда совершается без мысленных образов.

4. Слепорожденный не видит солнечного света; подобно сему не упражняющийся в трезвении не видит обильных лучей вышней благодати и не освободится от злых и ненавидных Богу дел, слов и помышлений. Таковые, отходя из сей жизни, не пройдут свободно мимо адских властей.

5. Внимание есть непрестанное сердечное от всякого помысла безмолвие, в котором душа единым Иисусом Христом, Сыном Божиим и Богом, всегда непрерывно и непрестанно дышит и Его призывает; мужественно с ним ополчается на врагов; Единому, имеющему власть отпускать грехи, исповедуется; часто тайным призыванием объемлет Христа, единого ведущего сердца; от человеков же всячески старается скрывать сладость его [безмолвия] и внутренний подвиг, чтобы лукавый, подкравшись, не ввел в нее порока и не разрушил прекрасного дела.

7. Сугубый страх, производимый оставлениями от Бога и вразумляющими приключениями искушений, рождает непрерывность строгого внимания в уме человека, старающегося заградить источник худых мыслей и дел. Для нее-то бывают оставления от Бога и нечаянные искушения, служащие для исправления нашей жизни, особенно же вкушившим покоя в сем благе и нерадящим. От непрерывности сей рождается навык; от сего как бы естественная некая непресекаемость трезвения; от сей постепенно, по свойству ее, видение брани. За сим следует постоянная молитва к Иисусу, сладкая без мечтаний тишина ума и состояние, непоколебимое в Иисусе.

10. Моря составляют множество вод. Так полноту и силу трезвения, воздержания, глубокого безмолвия душевного, бездну созерцаний дивных и сокровенных, рассудительного смирения, правоты и любви составляет крайнее трезвение и молитва к Иисусу без помыслов, и притом продолжительная, частая и без уныния.

12. Образец всякой добродетели, пример роду человеческому и средство к восстановлению от древнего падения предложил нам Владыка наш и Воплощенный, живописав во плоти своей вседобродетельное житие. Он сверх прочих благ, которые показал нам по крещении, отходит в пустыню и в посте начинает мысленную брань с диаволом, подошедшим к Нему, как к простому человеку. Сим образом победы Владыка научил и нас, непотребных, как должно вести борьбу с духами злобы, то есть в смирении, посте, молитве, трезвении, хотя Сам не имел в сем нужды, как Бог и Бог богов.

13. Какие же суть, по моему мнению, образы трезвения, могущие мало-помалу очищать ум от страстных помыслов, я не замедлю означить тебе словом неукрашенным и невитийственным.

14. Один образ трезвения есть непрерывно смотреть за воображением или, иначе, за прилогом, ибо без воображения сатана не может созидать помыслов и представлять их ему без лукавого прельщения.

15. Другой образ есть иметь сердце глубоко всегда молчащее и безмолвствующее от всякого помысла и молиться.

16. Иной образ есть непрестанно в смирении призывать на помощь Господа Иисуса Христа.

17. Еще иной образ есть – иметь в душе непрестанное памятование смерти.

20. Подвизающийся внутренно всякую минуту должен иметь следующие четыре вещи: смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву. Смирение – дабы Христову помощь удержать рукою сердца, поскольку сопротивники его в брани суть гордые демоны, а Господь ненавидит гордых. Внимание – чтобы не попускать сердцу иметь никакой помысел, хотя бы он и добрым казался. Противоречие – дабы как скоро усмотрит пришедший [помысл], тотчас с гневом отразить лукавого, как сказано: *я дам ответ поносящим меня злобно* (Пс. 118:42); *не Богу ли повиноваться будет душа моя* (Пс. 61:1). Молитву – дабы после противоречия тотчас возопить ко Христу воздыханием неизглаголанном. И тогда сей подвижник увидит врага связанного или гонимого поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром, или как дым исчезающего с мечтанием своим.

23. Как держащий в руке зеркало и стоящий между многими другими, смотря в зеркало, видит и свое лицо, каково оно, а равным образом в том же зеркале видит [лица] и других, проникающих к нему, так совершенно вникнувший в сердце свое видит в нем и свое состояние, а также видит и черные лица мысленных эфиопов.

41. Дождь чем в большем количестве нисходит на землю, тем более умягчает ее, так и землю сердца нашего радует и веселит святое имя Христово, чем чаще его изрекаем и призываем.

46. Первое есть прилог, второе – соединение, то есть когда помыслы наши и лукавых демонов смешиваются; третье – согласие в том, что должно происходить между обоими помыслами, совещающимися на злое; четвертое же есть чувственное действие, то есть грех. Итак, если ум внимает трезвенно и противоречием и призыванием Господа Иисуса отражает прилог при самом его появлении, то и все последующее затем остается без действия.

65. Уста Христовы, столп Церкви, великий отец наш Василий говорит: для того, чтобы не грешить и чтобы на другой день не впадать в те же проступки, весьма полезно по окончании дня рассматривать в совести своей самих себя и в себе то, в чем мы погрешили и что доброго сделали. Так поступал и Иов с собою и с детьми своими. Такое ежедневное требование от себя отчета постепенно более и более просвещает [ум].

112. Образ внешнего и чувственного телесного упражнения – Ветхий Завет, а Святое Евангелие, или Новый Завет, служит образом внимания, то есть чистоты сердца. Как Ветхий Завет не доводил до совершенства и неудовлетворительно руководствовал внутреннего человека в благочестии, ибо никого, говорит апостол, *закон не довел до совершенства* (Евр. 7:19), а только возбуждал грехи грубые, потому что в отношении чистоты души повеление евангельское отсекает от сердца даже помыслы и пожелания порочные гораздо важнее запрещения исторгать глаз или зуб у ближнего, – так должно думать и о телесной праведности и деятельности, то есть о посте, воздержании, возлежании на голой земле, стоянии, бдении и прочем... Полезны и сии подвиги, как я сказал и о Ветхом Завете, потому что способствуют образованию внешнего нашего человека и охраняют его от действительных грехов; но они не могут охранять нас и от грехов мысленных или отвращать их, так чтобы освобождали нас при помощи Божией от зависти, гнева и пр.

113. А чистота сердца, то есть блюдение и хранение ума, образом которой служит Новый Завет, если сохраняется нами как должно, искореняет и исторгает из сердца все страсти и все пороки и на место их вводит в него радость, благонадежие, сокрушение, сетование, познание самих себя и грехов своих, памятование о смерти, истинное смирение, беспредельную любовь к Богу и человекам и божественное сердечное вождение.

121. Из наук наука и из искусств искусство есть искусство отражать злые помыслы. А самый лучший способ и искусство отражать их состоит в том, чтобы с помощью Господа усматривать мечтание прилога и хранить ум, как храним чувственное око и остро смотрим, если кто по какому случаю угрожал ему ударом, и всемерно стараемся устранять от него всякую пищу.

142. Как нельзя переплыть морскую глубину без большого судна, так без призывания имени Иисуса Христа невозможно отражать прилог лукавого помысла.

152. Начав упражняться во внимании ума, если соединим с трезвением смирение и с прекословием совокупим молитву, то будем хорошо проходить путь мысленный, выметая и очищая от греха, украшая и убирая дом сердца нашего, как при светильнике светлом, при достопоклоняемом и святом имени Иисуса Христа.

Если же понадемся на одно свое внимание и трезвение, то при устремлении на нас врагов не устоим и тотчас упадем, и ниспровергнут нас злодеи коварные, и в сетях их – порочных пожеланиях еще более запутаемся или даже легко можем быть заколоты ими, не имея крепкого меча – имени Иисуса Христа. Ибо только сей досточтимый меч, будучи часто вращаем в неразвлеченном сердце, может низлагать и посекасть их, пожигать и истреблять, как огонь солому.

153. Дело непрестанного трезвения, от которого душа получает великую пользу и выгоду, состоит в том, чтобы скоро усматривать возникающие в уме мечтательные помыслы. Дело прекословия – открывать и указывать помысл, покушающийся войти в воздух ума нашего посредством мысленного образа чего-нибудь чувственного. Истреблять же и разрушать всякую мысль вражескую, всякое слово, всякую мечту, всякого идола, всякий столп порока имеет силу призывание Господа. И мы сами в уме видим, как мощно поражает их Иисус, великий Бог наш, и защищает нас, смиренных, и бедных, и непотребных.

163. За простыми и бесстрастными помыслами следуют страстные, как мы узнали из долговременного опыта и наблюдения, и первые служат входом для последних, бесстрастные для страстных.

168. Корабль не может без воды пройти много верст; нельзя преуспеть и в хранении ума без трезвения со смирением и непрестанною молитвою к Иисусу Христу.

169. Основание дома – камни, а сей добродетели и основание и верх – достопоклоняемое и святое имя Господа нашего Иисуса Христа. И тот кормчий неразумный, который, во время бури отогнав корабельщиков и повергнув в море паруса и весла, сам спит, скоро потерпит кораблекрушение; но еще скорее потоплена будет демонами душа, небрегающая о трезвении и призывании имени Иисуса Христа при начинающихся прилогах.

194. Хранение ума, когда по милости и при помощи единого Бога делается постоянным занятием души, умудряет ум в богоугодных подвигах и упражняющемуся в нем дает немалую способность – употреблять слова и дела с рассуждением, благоугодным Господу.

195. Отличия ветхозаветного иерея были преобразованиями чистого сердца. И мы должны внимательно смотреть за *дишцею* (Исх. 28:36) сердца, не потускла ли она как-нибудь от греха, и в таком случае отирать ее слезами, покаянием и молитвою.

196. Подлинно блажен тот, чей ум и сердце так прилепились к непрестанному призыванию Иисуса в молитве, как воздух прилежит телам нашим или пламень воску. И солнце, проходя над землею, делает день, а святое и досточтимое имя Иисуса, непрестанно сияя в уме, производит бесчисленное множество помышлений, светлых, как солнце.

197. Когда рассеиваются облака, воздух делается чист; когда страстные мечтания рассеиваются Солнцем Правды – Иисусом Христом и освещается Им воздух сердца, немедленно рождаются в нем мысли светлые и как звезды сияющие, ибо Премудрый говорит: *надеющиеся на Господа уразумеют истину и вернии в любви пребудут Ему* (Прем. 3:6).

Преподобный Илия, патриарх Иерусалимский (память 4 июля), родом сарацин, родился в 438 году и подвизался сначала в Египте, на Нитрийской горе; потом, во время смут, произведенных лжепатриархом Александрийским Тимофеем Елуром¹⁰¹, удалился вместе

¹⁰¹ Тимофей Елур, пресвитер Александрийский, противник Халкидонского Собора. Самовольно занял в 457 г. патриарший престол Александрийской церкви, причем православный патриарх Протерий был убит его единомышленниками.

с другим подвижником Мартирием в Палестину, где сияли уже светила иночества Евфимий Великий и Савва Освященный. Под руководством этих великих подвижников Илия усовершенствовался в подвижнической жизни. Желая высших подвигов, он уединился в одном пустынном месте близ Иерихона и провел здесь несколько лет в посте, молитве и богомыслии, терпя голод и жажду. В 473 году был Илия вызван патриархом Анастасием¹⁰² в Иерусалим и посвящен в пресвитера храма Святого Воскресения. В 494 году, по смерти патриарха Саллюстия¹⁰³, Илия был избран на святительскую кафедру Святого города и семнадцать лет мудро управлял Иерусалимской Церковью. В 516 году блаженный патриарх был сослан императором Анастасием¹⁰⁴ в заточение в Айлу¹⁰⁵ на берега Чермного моря за то, что отказался вступить в общение с Антиохийским патриархом Севиром, противником Халкидонского Собора. В заточении святитель скончался в 518 году¹⁰⁶.

Св. Илия Иерусалимский

Высокой степени нравственного совершенства достиг преподобный Илия, и глубокой духовной мудрости был он исполнен. Об этом свидетельствуют некоторые черты подвижнической его жизни и сохранившиеся наставления его в «Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцев»¹⁰⁷.

Авва Илия говорил: «Я боюсь трех событий: когда душа моя будет выходить из тела; когда предстану Богу и когда будет произнесено последнее определение о мне».

Старцы говорили авве Илии в Египте об авве Агафоне, что он – добрый авва. Старец отвечал им: «Он добр в своем роде». Они опять спрашивают его: «Что же скажешь о древних отцах?» Авва Илия отвечал: «Я сказал вам, что он добр в своем роде; а что касается до древних, то я видел в Скиту одного человека, который мог остановить солнце на небе, подобно Иисусу Навину». Услышав сие, старцы изумились и прославили Бога.

¹⁰² Анастасий I, патриарх Иерусалимский в 458–478 гг.

¹⁰³ Саллюстий, патриарх Иерусалимский в 486–494 гг.

¹⁰⁴ Анастасий I Диоскор, император Византии в 491–518 гг.

¹⁰⁵ Ныне развалины близ Акабы (Иордания) на берегу Красного моря.

¹⁰⁶ См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 50–56.

¹⁰⁷ См.: Достопамятные сказания. С. 87–88.

Авва Илия рассказывал: «Увидел я, что один взял себе под мышку тыкву с вином. Чтобы пристыдить бесов (ибо это был призрак), я сказал брату: “Сделай милость, подними мне это”. Как он поднял свою одежду, оказалось, что у него ничего нет. Это сказал я вам для того, чтобы вы иному не верили, хотя бы сами видели это или слышали. Особенно же наблюдайте за помыслами, пожеланиями и мыслями, зная, что их часто внушают демоны, дабы осквернить душу помышлением о вещах бесполезных и отвлечь ум от размышления о грехах своих и о Боге».

Также говорил: «Люди обращают ум свой или ко грехам, или к Иисусу, или к людям».

Также говорил: «Если душа не поет вместе с телом, напрасный труд. Если кто любит скорбь, впоследствии она доставит ему радость и успокоение».

Он же (авва Илия) сказывал: «Один старец жил в капище. Демоны пришли и говорят: “Выйди из нашего места”. Старец отвечал: “Вы не имеете места”. Демоны стали разбрасывать его ветви. Старец терпеливо собирал их. После сего демон, схватив его за руку, повлек вон. Когда же старец подошел к двери, то другою рукою ухватился за дверь и воскликнул: “Иисусе, помоги мне!” Демон тотчас побежал, а старец начал плакать. Господь сказал ему: “О чем ты плачешь?” – “О том, – говорит старец, – что демоны дерзают владеть человеком и это делать ему”. Господь сказал ему: “Ты был нерадив, а когда взыскал Меня, ты видел, как скоро Я помог тебе”. Говорю это к тому, что надобно много трудиться, а кто не будет трудиться, не будет иметь Бога с собою, ибо Он был распят за нас».

Брат пришел к авве Илии молчальнику в монастырь при пещере аввы Саввы и говорит ему: «Авва! Дай мне наставление». Старец отвечает брату: «Во дни отцов наших были три любимые добродетели сии: нестяжание, кротость и воздержание; а ныне преобладают между монахами: любостяжание, гордость и невоздержание. Избирай, что хочешь»¹⁰⁸.

Некоторые черты и случаи из жизни преподобного Илии ясно также показывают высоту его духовной жизни и нравственных совершенств, какими он обладал. Преподобный Илия с того времени, как стал иноком, никогда не пил вина. Это правило соблюдал он во всей целостности и тогда, когда занял патриарший престол Святого города¹⁰⁹.

Блаженный патриарх Илия, сосланный в заточение, пробыл там пять лет. Во все это время Палестину одно за другим поражали необычайные бедствия: засуха, саранча и голод. Жители Палестины уверены были, что их постиг праведный гнев Божий за изгнание достойного и добродетельного пастыря¹¹⁰.

Когда настал пятый год пребывания блаженного Илии в заточении, посетили его в это время преподобный Савва Освященный со Стефаном, начальником обители Евфимия Великого, и Евфалом, игуменом Иерихонских обителей, основанных патриархом. Обрадовался их прибытию патриарх и удержал у себя на несколько дней; но они видели его только около девяти часов дня, то есть вечером, ибо все прочее время он проводил в безмолвии, в посте и молитве. Однажды собрались посетители в обычное время и ждали патриарха, но он не пришел к ним. Явился он уже около полуночи и сказал: «Вы вкушайте пищу, мне же некогда». Преподобный Савва, заметив в патриархе внутреннее волнение, просил его сказать, что у него на сердце. Тогда, помолчав и прослезившись несколько, святитель сказал: «Император Анастасий скончался в сию самую минуту, как я говорю с вами; и я должен последовать за ним через десять дней, чтобы нам судиться пред судилищем Господа Иисуса». С этого времени патриарх питался только Бескровною жертвою. За три дня до своей кончины он впал в легкую болезнь, положившую предел его святой жизни. Св. Савва и бывшие с ним игумены не отходили от смертного одра патриарха. В десятый день, приняв в последний раз Святые Таины, мирно преставился на их руках восьмидесятилетний святитель. Это было 9 июля 518 года.

¹⁰⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 52.

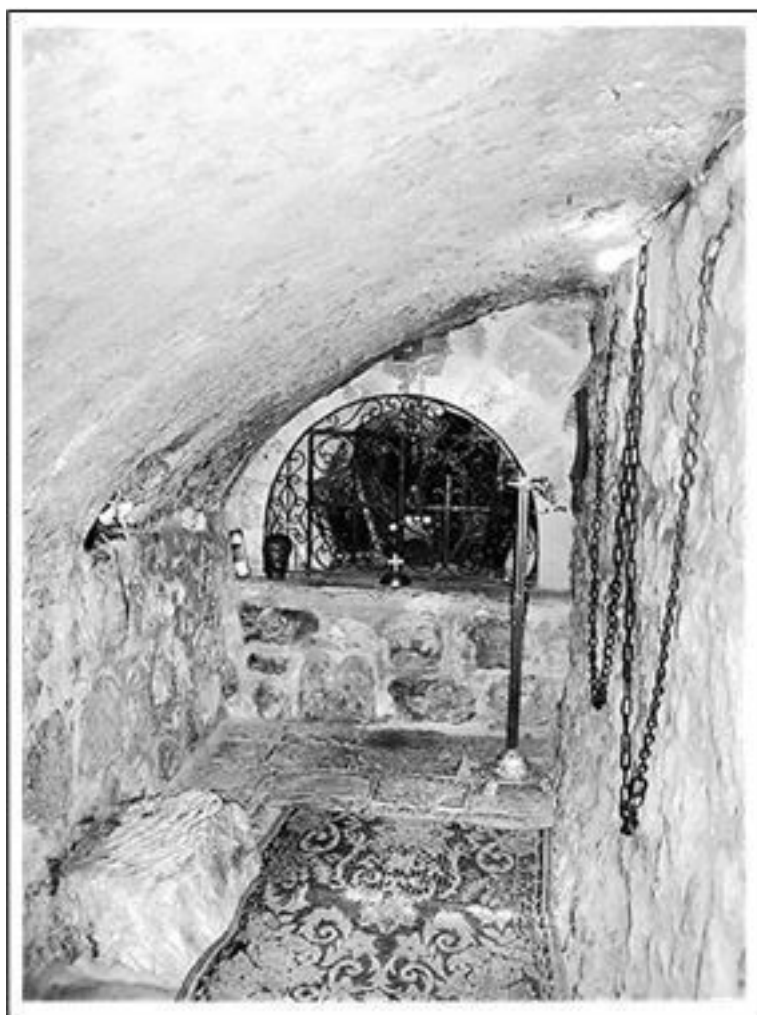
¹⁰⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 35.

¹¹⁰ См.: *Кирилл Скифопольский.* Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 58.

В одно же время с патриархом Иерусалимским был послан в заточение и Антиохийский патриарх Флавиан, державшийся Халкидонского Собора. В один день оба патриарха послали один к другому сказать: «Анастасий царь сегодня умер: пойдем с ним судиться».

Обители Мелании Старшей

Одна из этих обителей существует доселе в Святом граде, именуясь обителью Великой Панагии¹¹¹. В церкви обители, посвященной Рождеству Пресвятой Богородицы, указывают небольшую продолговатую подземную пещеру, где преподобная Мелания проводила свою подвижническую жизнь и где сохранилось каменное ложе, место ее отдохновения после трудов и молитв, а также гробница, в которой почивали ее святые мощи до того, как их увезли крестоносцы в Венецию¹¹².

*Пещерка прп. Мелании
Монастырь Великая Панагия.*

Блаженная Мелания Старшая была знатного римского рода; родилась она около 340 года. В молодых годах вышла она замуж, но уже 23-х лет потеряла мужа и одновременно двух старших детей. Эти непосланные ей свыше испытания не сломили ее, как всякую другую

¹¹¹ Именуется так по названию чудотворного образа Пресвятой Богородицы, который здесь пребывает. — *Примеч. ред.*

¹¹² См.: Михайловский Василий, прот. Спутник православного поклонника в Святую Землю. СПб., 1887. С. 324, 328.

жену и мать. «Благодарю Тебя, Спасе, – воскликнула она, – что порвал путы, удерживавшие меня, теперь я свободна служить Тебе». Покинув единственного остававшегося в живых сына – «Господь сохранил его лучше меня», – она тайно оставила Рим, не сказав никому, куда именно отправляется. Возмутилась вся ее знатная родня и за нею весь Рим, в особенности многочисленные еще в то время язычники, обрадовавшиеся случаю напасть на христианство: они обвиняли христиан в этом непростительном, по их мнению, поступке Мелании¹¹³. Это было около 365 года. Между тем Мелания прибыла в Египет, куда влекло ее желание посетить ангело-подобных подвижников, населявших его пустыни. Так последовательно с духовным вождем своим Руфином посетила она Нитрийскую и Фиваидскую пустыни. Здесь пришлось ей пережить преследование, воздвигнутое императором Валентом на этих пустынных за непризнание ими арианского учения. Прислуживая в заключении одним, она в то же время заботилась о всех преследуемых, расходуя на них средства своего огромного состояния. Так, жизнеописатель ее говорит, что в течение трех дней она кормила до пяти тысяч человек¹¹⁴. Между тем двое из этих пустынных – Аммоний и Исидор, беседою которых она наслаждалась еще в Риме, по повелению императора в цепях были сосланы в Диокесарию¹¹⁵. Мелания покинула Египет и предварила их на месте их ссылки, дабы попечениями о них подкрепить и утешить их в ниспосылаемом им свыше испытании. Здесь заботы ее о невинно страдавших в темнице за правое исповедание Иисуса Христа возбудили подозрение местного областеначальника, который, не зная, кто она, заключил блаженную Меланию в темницу, видя в ней противницу императорских повелений. Тогда блаженная объявила свое происхождение, перечисляя длинный ряд своих предков, занимавших высокие должности в империи. Испуганный областеначальник поспешил выпустить ее на свободу.

¹¹³ См.: S. Jérôme par Am. Thierry. Т. 1. Р. 44.

¹¹⁴ См.: Ibid. Р. 55.

¹¹⁵ Сепфорис – историческая столица Галилеи; переименована в Диокесарию при римском императоре Адриане; во времена арабского владычества называлась Саффурия. Ныне на месте этого древнего города (находится рядом с поселением Ципори, Израиль) ведутся археологические раскопки. – *Примеч. ред.*

Св. Мелания Старшая

Из Диокесарии в 383 году блаженная Мелания отправилась в Иерусалим, где основала свою женскую обитель в то время, как Руфин на Елеонской горе в виду Иерусалима полагал основание мужской обители. К этой последней присоединилась впоследствии вторая, а блаженной Меланией и внучкой ее Меланией младшей, о которой будет говорено ниже, основаны были на той же Елеонской горе три женские обители.

Так прожила блаженная Мелания двадцать лет. Протекло более 38 лет с тех пор, как она молодою вдовою покинула Рим, и она решилась вновь посетить этот город, куда ее в особенности призывала судьба ее внучки. Из Кесарии в сопровождении нескольких духовных лиц покинула она Святую Землю и после 20-дневного морского путешествия высадилась в Неаполе. Ее сын Публикола, жена его Альбина, дочь обоих Мелания и муж ее Пиниан со всеми знатными родственниками встретили ее на берегу. Умилительно было зрелище этой встречи, как бы встречи древнего отходящего и нового восходящего мира. С одной стороны – эти знатные римляне, окруженные всем современным блеском и пышностью, с другой – блаженная Мелания, которой уже минуло 62 года, с лицом, загоревшим от южного солнца и обрамленным седыми волосами. По словам очевидца¹¹⁶, единственное одеяние ее составляло темное платье из грубой шерсти и сверху такого же цвета короткий плащ. Привезенный же ею из Палестины для переездов осел, служивший ей в Иерусалиме, был так невзрачен, что худший из итальянских ослов мог считаться в сравнении с ним великолепным животным.

В Риме провела она не много лет и, похоронив сына своего Публиколу, возвратилась обратно в Иерусалим около 405 года, где через сорок дней по прибытии преставилась и была погребена в основанной ею в Иерусалиме обители¹¹⁷.

¹¹⁶ См.: *Павлин Нольский*, св. Письмо 10.

¹¹⁷ О Мелании Старшей говорят с великим уважением церковные историки IV–V веков. См., например: *Палладий, епископ*

Из процветавших в ее обители подвижниц назовем соименную внучку ее и св. Пелагию.

Преподобная Мелания Младшая (память 31 декабря). «Добрый плод рождается от доброго дерева, святая ветвь прозябает от благословенного корня», – говорит св. Димитрий Ростовский¹¹⁸, начиная жизнеописание св. Мелании Младшей, родившейся в 382 году.

Рано пробудилось в юной душе Мелании Младшей семя добра, наследованное от благочестивых родителей, и под благотворным влиянием общества, в котором обращалась она, оно быстро развивалось и созревало. Со всем жаром юного сердца Мелания возлюбила Господа и, приходя в сознательный возраст, заявляла родителям, что она желает остаться навсегда в девстве и благоугождать единому Господу. Но она была у родителей единственной дочерью, кроме нее не было у них наследника их огромного состояния, и потому ее на четырнадцатом году выдали против ее желания замуж. Тяжело было сердцу Мелании, когда она увидела себя связанною супружескими узами. Муж ее Пиниан, сын префекта Италии и Африки, был доброго, мягкого характера, но человек светский. Попыталась было Мелания просить мужа жить с нею в телесной чистоте, но он не согласился; он обещал ей это, когда у них родится сын. Радовалась благочестивая мать, когда явилась на свет дочь, первый плод благословенного супружества. Мелания посвятила дочь Богу и дала обет сохранить ее девство, отдавая этим за себя как бы долг Богу. Снова обратилась она с прежнею просьбой к мужу. «Если ты согласен жить со мною целомудренно, – сказала она Пиниану, – я буду почитать тебя своим господином и признавать властелином моей жизни; если же тебе, по молодости, покажется это тяжким, возьми все мое имение, только тело мое оставь в покое, чтобы я могла исполнить свое богоугодное желание и сделаться наследницею богоугодных добродетелей моей бабки, имя которой я ношу». И на этот раз муж не согласился. Не зная, что делать, Мелания обратилась с молитвою к Богу: она молилась об исполнении своего сердечного желания служить и благоугождать Ему единому, о муже, об изменении его сердца и обращении его на путь благочестивой жизни. Между тем сама начала вести строгую жизнь: более прежнего уединялась от людей, более прежнего постилась и молилась; тайком от мужа и домашних надела власяницу, снимая ее только тогда, когда ожидала, что муж увидит; в порыве сердца, пламенно стремившегося к Господу, однажды решилась было бежать из дому и скрыться где-нибудь в неизвестном сокровенном месте, и только близкие ей лица отговорили ее от этого несвоевременного решения. Продолжая просить Бога о перемене своего тяжелого положения, Мелания с особенною горячностью молилась в день памяти святого мученика Лаврентия¹¹⁹. Услышал Господь молитву рабы Своей. Тяжелы были для Мелании наступившие вторые роды: она чрезвычайно мучилась; жизнь ее была в опасности. В страхе и опасении за жизнь любимой жены Пиниан бросился в храм, где умолял милосердие Божие о спасении дорогого ему существа. Мелания послала передать ему там же, в храме, что, если он даст обещание пред живым Богом исполнить ее сердечное желание, услышит Господь его молитву – она останется жива: сердце ей говорит это. Муж дал обещание. Мелания благополучно разрешилась от бремени: родился сын. Но недолго радовались родители: вдруг после крещения сын умер; за ним вскоре умерла и дочь. В этом обстоятельстве верующая мать видела для себя и для мужа указание свыше, видела глас Божий, зовущий их к подвижничеству. «Вот видишь, – сказала Мелания мужу, – что Сам Бог призывает нас обоих на путь воздержания и чистоты и на служение Себе. Если бы Ему благоугодно было, чтобы мы оставались в свете и жили супружескою жизнью, Он не взял бы детей наших». Пиниан и сам это видел и понимал и решился жить и действовать согласно желанию своей благочестивой супруги. И вот Пиниан и Мелания начали мало-помалу разрывать связи с миром, стали уеди-

Еленопольский. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов, 102, 104.

¹¹⁸ См.: Четьи-Минеи, 31 декабря; *Филарет (Гумилевский)*, архиеп. Черниговский. Святые подвижники Восточной Церкви. СПб., 1871. С. 122–131.

¹¹⁹ Память 10 августа.

няться и проводить жизнь в воздержании, чистоте душевной и телесной, в посте и молитве. Так, замечает Палладий в «Лавсаике», исполнилось слово апостола: *Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?* (1 Кор. 7:16). Пиниану было в это время 24 года, Мелании 20 лет.

Прп. Мелания Младшая

Порадовалась за внучку и ее мужа блаженная Мелания Старшая, когда, узнав о доброй перемене в их жизни, несмотря на свои шестьдесят два года, прибыла из Иерусалима в Рим. Святая бабка благословила их на избранный ими благой путь, утвердила их святую решимость жить для Бога и настойчиво советовала им продать недвижимые имущества и удалиться из столицы. Пиниан и Мелания последовали совету и наставлениям бабки. И вот они усиливают строгость жизни, в то же время продают имущества, сначала отдаленные (в Англии, Галлии и Испании), потом ближайшие (в Италии), и предаются самой широкой благотворительности. «Мелания, – говорит Палладий, – сперва все свои шелковые покрывала раздала по церквям; другие же шелковые одежды разрешила по частям и сделала из них различные церковные утвари. Пищу стала было принимать через четыре дня, но потом, умерив ревность, принимала через день. Вместе с мужем она посещает больницы, выкупает содержащихся за долги, принимает странников, открывает дом свой всем нуждающимся. В то же время рассылает дары и приношения на восток и запад в монастыри, церкви, в темницы, на выкуп пленных». Так, блаженная Мелания поручила, по словам Палладия, далматскому иеромонаху Павлу большие суммы золота и серебра раздать на востоке: 10 000 златниц для обитателей Египта и Фиваиды; 10 000 – в Антиохию и ее округи; 10 000 – для церквей на островах и в пользу изгнанных; 15 000 – в Палестину; а церквям западным, монастырям, странноприимницам и всем нуждающимся своими руками раздала вчетверо более. Всем рабам дарована была свобода. В 407 году Мелания по смерти отца своего удалась с мужем из столицы; они стали жить в своем поместье в полном уединении, проводя время в посте и молитве. По временам благочестивые супруги оставляли свое уединение и путешествовали в Нолу для свидания с тамошним епископом св.

Павлином¹²⁰. Свидание с великим святителем доставляло им духовную радость; беседы с ним укрепляли их в трудном подвиге, на который они вступили. Нашествие готов, три года опустошавших Италию (408–410 годы), заставило Меланию и Пиниана удалиться сначала в Сицилию, где оставались еще непроданные имения, а потом в Африку. С ними была и мать Мелании, благочестивая Альбина. В Африке Мелания и Пиниан провели семь лет и жили большею частию в городе Тагаст¹²¹. И здесь они щедро расточали свои благотворения. В Тагасте пожертвовали для кафедры епископа Алипия земли, а для храма его металлы и дорогие камни; построили два монастыря: мужской для 24 иноков и женский для 130 инокинь – и содержание их обеспечили вкладом значительной суммы денег; помогали сиротам, вдовицам, больным, бедным и нуждающимся всякого рода. Для себя Мелания построила новую обитель, которую поручила в управление настоятельнице, а сама жила в убогой келье и вела самый строгий образ жизни. Келья, в которой она подвизалась, была так мала и тесна, что Мелания едва могла встать и повернуться. Удивителен был ее пост, необычаен сон. Пищу принимала она сначала один раз через три дня, потом один раз через пять дней и, наконец, всю неделю пребывала без пищи. Сну предавалась только два часа в сутки, и то не на постели, а на земле, подостлавши рогожу или вретище. Она говорила: «Должно постоянно бодрствовать, ибо мы не знаем, в какой час придет тать». Молитва, богомыслие и чтение слова Божия были ее главными занятиями. У нее был обычай – три раза в год прочитывать весь Ветхий и Новый Заветы. В то же время она совершала и телесные труды: владея прекрасным почерком, переписывала книги, шила для бедных и сирот одежду; деньги, вырученные за продажу книг, раздавала нищим. Когда руки ее уставали от физического труда, она садилась читать слово Божие; ослабевали глаза от чтения – поручала другим читать, сама же со всем вниманием слушала. Такому же образу жизни она научила дев и рабынь, с ней бывших. Своею подвижническою жизнью, своею ревностью о спасении души и угождении Богу Мелания так действовала на современников, что многие молодые люди обратились на путь добра; евреи и язычники принимали христианскую веру.

Не остались в Африке Мелания и Пиниан навсегда: их сердца давно стремились в Святую Землю, к местам, освященным учением и делами Спасителя. В 419 году они простились с Алипием, иноками и инокинями тагастских обителей и отплыли в Палестину. В Александрии, где остановился в гавани на несколько дней корабль, они посетили св. Кирилла, архиепископа Александрийского; беседы с ним доставили им великое утешение. Необычайная радость и умиление объяли душу Мелании, когда она прибыла в Святой город, где совершилось таинство искупления нашего, где Сын Божий пострадал и умер на Кресте. С чувством глубокого смирения и благоговения обошла она с матерью и Пинианом все святые места, с коими соединялось воспоминание о том или другом событии из жизни Господа. Несколько ночей сряду блаженная Мелания провела у Гроба Господня в пламенной молитве: проливая радостные слезы, она со священным трепетом поклонялась Живоносному Гробу и с благоговением лобызала его и затем удалилась в киновию, основанную ее бабкою на Елеонской горе.

Поселившись на Елеонской горе, преподобная Мелания заключилась в тесную хramину, положив себе завет никого к себе не принимать, ни с кем не беседовать, и завет этот свято исполнила: целых четырнадцать лет она провела в затворе в полном уединении и безмолвии, в духовных подвигах, беседуя только с Богом и со своею душою. Посещали ее однажды в неделю, и то на короткое время, только мать ее и Пиниан, теперь уже духовный ее брат, живший и подвизавшийся в Иерусалимской мужской обители. Один раз блаженная затворница отворяла двери своей кельи и выходила из нее: это когда скончалась мать ее, блаженная Альбина. Похоронив мать, Мелания усилила строгость жизни в келье, еще более тесной и темной, и провела в ней год.

¹²⁰ Нола, город в южной Италии. Св. Павлин Нольский славился милосердием и ученостью. Память его 23 января.

¹²¹ Тагаст лежал в Нумидии.

Но не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5:14). Не скрылась от людей раба Христова, затворившись в тесной храмине. Повсюду прошла слава о Мелании как о великой подвижнице, и вот стали стекаться к ней люди – и мужи, и жены, желая видеть угодницу Божию, получить назидание от ее беседы. Она вышла из затвора и всех с любовью принимала, подавая каждому потребное – совет, утешение, вразумление, наставление в благочестивой, богоугодной жизни. Многие жены и девы обращались к ней с просьбой дозволить жить с ней и подвизаться под ее руководством; она уступила их просьбам, движимая любовью к ближним, ревнуя о спасении сестер, и вот на том месте, где она жила, явилась женская обитель, в которой с первого же раза собралось значительное число подвижниц. Построила в обители Мелания и храм, величественный и благолепный, в который положила часть мощей пророка Захарии, первомученика архидиакона Стефана и Сорока мучеников. Поручив управление обителью благонадежной настоятельнице, Мелания продолжала жить в своей келье, но сама служила сестрам, как раба, и заботилась обо всех, как мать. В храме и вне храма при каждом случае она беседовала с подвижницами, наставляла их, как лучше вести подвиг, для которого они вступили в обитель, поучала их душевной и телесной чистоте, послушанию, воздержанию, терпению и незлобию, особенно же любви, без которой никакая добродетель не может быть совершенна.

Так подвизалась преподобная Мелания, усиливая более и более строгость жизни! В 435 году почил Пиниан, сподвижник ее в служении Богу. Похоронив последнее дорогое себе лицо и чувству упадок сил, великая подвижница стала готовиться к исходу из временной жизни в другую – небесную. Но встретилось обстоятельство, заставившее пуститься в далекий путь – в Константинополь. Родной дядя ее Волузиан, живший в то время по делам в Константинополе и остававшийся еще язычником, сильно желал видеть племянницу. Питаясь надеждою просветить дядю светом христианской веры, Мелания отправилась в столицу, где, с уважением принятая императорским семейством и высшими лицами, она имела радость видеть исполнение своей надежды: дядя ее, находясь при смерти, принял христианскую веру и был крещен св. Проклом, патриархом Константинопольским¹²².

Возвратившись из Константинополя, преподобная Мелания близ своей обители построила другую обитель – мужскую и, соединив обе обители, вверила управление одному настоятелю. Такое соединение двух разнородных обителей под одно управление было в обычае того времени и не казалось неприличным и предосудительным: в то время была вера горячее, нравы проще, ревность о спасении души и угождении Богу сильнее.

Высокой степени нравственной чистоты и святости достигла преподобная Мелания и за то сподобилась благодати Святого Духа и получила дар чудес – исцеления болезней. Так, императрица Евдокия, прибыв в 438 году в Святую Землю, случайно вывихнула себе ногу, так что не могла ступить на нее, и сильно мучилась. Но едва св. Мелания коснулась ноги, боль тотчас прекратилась и нога сделалась здоровою. Некоторая женщина была одержима нечистым духом; ее уста были совершенно стиснуты, так что она не могла ни говорить, ни принимать пищи. Она была уже при смерти. Св. Мелания помолилась о ней Богу, помазала ее освященным елеем – бес из нее вышел, она стала здорова. Еще одна женщина страшно мучилась родами; плод в матерней утробе был уже мертвый, и искусство врачей ничего не могло сделать для несчастной, ожидала ее неминуемая смерть. Когда узнала о бедной страдальце преподобная Мелания, то, помолившись о ней Богу, послала ей свой пояс. Молитва святой угодницы и пояс, положенный на перси страдальцы, произвели благотворное действие: мертвый младенец свободно вышел из утробы, и мать поправилась.

Настал 439 год. Провидела преподобная Мелания свое близкое отшествие к Богу и стала готовиться к нему. Еще раз обошла она все святые места; еще раз Иерусалим, Вифлеем, Хев-

¹²² Св. Прокл, патриарх Константинопольский в 434–447 гг.

рон, Назарет, Иордан увидели ее у себя, увидели ее благоговение, ее умиление, ее радостные слезы и святой восторг. Наступил праздник Рождества Христова. Праздник этот Мелания встретила в Вифлееме, в вертепе, где торжественно совершалось всенощное бдение. Здесь она сообщила сестре, своей сроднице, что в последний раз она празднует на земле рождение Сына Божия. В день святого первомученика Стефана всенощное бдение Мелания стояла в храме, посвященном его имени; в это время, читая сестрам по обычаю о убиении святого первомученика, сказала им, что в последний раз читает им в храме, и, когда сестры заплакали, она успокаивала их и утешала. С этого дня святая старица почувствовала ослабление сил и слегла в постель. Елевферопольский епископ, прибывший посетить елеонскую подвижницу, причастил ее Святых Таин. Умилительна была кончина св. Мелании. В слезах обступили сестры одр, на котором лежала умирающая их мать. Тихим, прерывающимся голосом Мелания говорила им о Боге, о любви к Нему, о верности обетам подвижничества, о терпении; наконец, простившись со всеми, сама закрыла глаза, сама сложила на груди крестообразно руки и, произнеся: «Как Господу угодно было, так и случилось», мирно предала дух свой в руки Божии. Это было 31 декабря 439 года, на 57-м году ее жизни.

Св. Пелагия (память 8 октября). В елеонских обителях св. Мелании нашла свое спасение грешница Пелагия, которую Господь призвал к Себе через посредство святого епископа Нонна, известного высокими добродетелями еще в Тавенском монастыре. В 448 году он был приглашен на кафедру в Эдессе¹²³, на место низложенного Ивы. Когда же в 451 году Халкидонский Собор возвратил Иве Эдесскую кафедру и патриарху Антиохийскому предоставлено было дать блаженному Нонну другую кафедру, то он занял кафедру в Илиополе¹²⁴. Здесь деятельность его была чудная; им обращено было к святой вере до тридцати тысяч арабов. По смерти Ивы св. Нонн в 457 году опять занял Эдесскую кафедру¹²⁵ и пробыл на ней до своей кончины, последовавшей в 471 году¹²⁶.

«Святейший епископ Антиохии, – пишет очевидец святых Нонна и Пелагии¹²⁷, – собрал к себе по одному делу восемь епископов; между ними был святой Божий человек, епископ Нонн, муж дивный и инок самый крепкий монастыря Тавенского. За несравненную жизнь свою он взят был из монастыря и поставлен в епископа. Епископ Антиохии повелел собравшимся епископам быть в храме святого мученика Юлиана. Мы вошли, и все прочие епископы сели перед входом храма мученика. Когда сидели епископы, владыку моего Нонна просили сказать поучение. Святой епископ тотчас стал говорить наставление. Все дивились святому поучению его. И вот проходит главная плясунья и пантомимистка Антиохии; сидя на осле, ехала она с великою пышностью, разряженная так, что на ней видны были только золото, жемчуг и дорогие камни; ноги ее покрыты были золотом и жемчугом; на шее была цепь. С нею было множество молодых людей и девиц, одетых в дорогие одежды. Одни ехали впереди нее, другие сзади. Светская молодежь не могла наглядеться на красоту ее. Когда она проезжала мимо нас, воздух наполнился мускусом и другими ароматами. Когда епископы увидели ее, проезжавшую без покрывала и столь бесстыдно, то вздыхали от души и отворачивались от лица ее, как от греха. Блаженнейший же Нонн пристально и долго смотрел на нее, так, что оглядывался на нее, когда проехала она. Затем, обратясь к епископам, говорит: “Вас не заняла красота ее?”

¹²³ Древняя Эдесса находилась на территории Шанлыурфа – города на юго-востоке современной Турции. – *Примеч. ред.*

¹²⁴ Древний Илиополь (Гелиополь) находился на территории современных окраинных районов Каира Аль-Матария и Айн Шамс. – *Примеч. ред.*

¹²⁵ См.: Asseman. orient. Bibl. I, 47, 64, 135; Libertus Breviar., 12; Concil. chalced., act. 10.

¹²⁶ Св. Нонн воспоминается Восточной церковью между подвижниками в субботу Сырной недели. Римский мартиролог под 2 декабря: «...в Эдессе кончина св. Нонна епископа; его молитвами кающаяся Пелагия обратилась ко Христу».

¹²⁷ См.: Повествование диакона Иакова в Vit. Patr. i. 663–672; см. также: Acta Sanctorum. Oct. IV. S. 248; Четьи-Миней, 8 октября.

Те молчали. Он склонил лицо и омочил слезами своими не только платок, бывший в руках его, но и все колени свои. Тяжко вздыхая, говорил он к епископам: “Вас не заняла красота ее? А я истинно увлечен красотой ее. На эту красоту Бог укажет нам, епископам, на суде Своем, когда будет судить нас и наше управление. Как думаете, возлюбленные, сколько времени провела эта жена в своей одеальной комнате, моясь, прибираясь, со всем напряжением мыслей осматривая себя в зеркало, чтобы не было какого-нибудь недостатка в уборе, чтобы не быть униженной любовниками, которые ныне живы, а завтра пропали. У нас есть Отец Небесный, Жених бессмертный, дарующий верным Своим награды вечные, которых оценить нельзя. Глаз не видел, ухо не слышало, на ум не всходило то, что Бог приготовил любящим Его. Что говорить много! Мы, которым обещана честь видеть великое, светлое, несравнимое лицо Жениха, на которое не смеют взирать херувимы, мы не украшаем себя, не очищаем нечистот с сердец наших бедных, а оставляем их по нерадению”.

После того епископ взял меня, грешного диакона, и мы вошли в гостиницу, где была дана нам келья.

Войдя в спальню, упал он на землю лицом своим и, ударяя в грудь свою, плакал и стонал. “Господи Иисусе Христе! – говорил он. – Прости меня, грешника и недостойного. Уборы одного дня на блуднице далеко превышают убор души моей. Каким лицом буду смотреть я на Тебя? Как оправдаюсь пред Тобою? Скрыть души моей пред Тобою не могу, Ты видишь все тайны. Горе мне, грешнику! Стою пред престолом Твоим и не выставляю души моей в той красоте, какой желаешь Ты. Она обещалась нравиться людям – и нравится. Я обещал угождать Тебе – и солгал от нерадения моего. Нагой я пред небом и землею, не выполняю заповедей Твоих. Итак, нет мне надежды на дела мои; надежда моя только на Твое милосердие, от которого ожидаю спасения”. Так говорил он и долго горевал. В тот же день праздновали мы праздник.

На следующий день, который был воскресным, после того как совершили мы ночные молитвы, святой епископ Нонн говорит мне: “Брат диакон! Я видел сон и сильно смущаюсь. Я видел во сне: стоит у алтаря черная голубка, покрытая всякою грязью; она летала около меня, и зловония ее не мог я выносить. Она стояла около меня, пока не совершилась молитва оглашаемых. Когда диакон возгласил: *Оглашенные, изыдите*, она уже более не являлась. Когда после молитвы верных и совершения приношения отпущен был народ, голубка, покрытая нечистотами, опять пришла и летала около меня. Протянув руку, я взял ее и опустил в купель преддверия церковного. Голубка вышла из воды совсем чистой и белой как снег. Летая, понеслась она вверх и исчезла из глаз”. Когда святой Божий епископ Нонн рассказал свой сон, то взял меня, и мы с прочими епископами пришли в великую церковь, где поздравляли епископа города.

Войдя в церковь, поучал он народ; епископы сидели на кафедрах. После уставного служения, или после чтения Евангелия, епископ города, подавая святое Евангелие блаженнейшему Нонну, предложил ему сказать поучение народу. Он изрекал премудрость Божию, обитавшую в нем, – ничего не говорил он изысканного или беспорядочного, но, исполненный Святого Духа, обличал и увещевал народ, со всею искренностью говоря о будущем суде и о будущем воздаянии. Весь народ сильно сокрушался от его слова, так что пол обливался слезами. По устройству милосердия Божия пришла в ту же церковь и та блудница, о которой говорено было. И дивное дело: та, которая никогда не думала о грехах своих и никогда не ходила в церковь, внезапно поражена была страхом Божиим, пролиwała потоки слез и никак не могла удержаться от рыданий. Потом она сказала двум слугам своим: “Стойте здесь; когда выйдет святой епископ Нонн, идите за ним и узнайте, где живет он; потом придите и скажите мне”. Слуги поступили так, как приказала госпожа; следуя за нами, пришли в церковь святого мученика Юлиана, где для нас была гостиница или келья. Потом ушли и сказали госпоже: “Он живет в церкви святого мученика Юлиана”. Услышав это, она тотчас прислала с теми же слугами такое письмо: “Святому ученику Христову – грешница и ученица диавола. Слышала я о Боге твоём, что Он преклонил

небеса и нисшел на землю не для праведных, а для того, чтобы спасти грешников. Он столько смирялся, что приближался к мытарю, и Тот, на Кого не смеют смотреть Херувимы, шел между грешниками. И ты, господин мой, в котором так много святости, хотя не видал телесными очами Христа Иисуса, говорившего с самарянкою у колодца, но искренний поклонник Его, как слышала я от христиан. Если же ты ученик Его, то ты не отвергнешь меня, желающую через тебя видеть Спасителя». Святой епископ Нонн отвечал ей письмом так: «Все открыто Богу: и дела твои, и желание твое. Но говорю тебе: не искушай смирения моего, я грешный раб Божий. Если ты искренно желаешь благочестия, принять веру и видеть меня, то в присутствии других епископов, которые тут со мною, можешь видеть меня, но одного не увидишь». Когда прочитала это грешница, то весьма обрадовалась, бегом пришла в церковь святого мученика Юлиана и дала знать о своем приходе. Святой епископ Нонн, услышав о том, пригласил к себе епископов и затем приказал ей войти. Войдя туда, где собраны были епископы, она упала на пол и ухватилась за ноги блаженного Нонна епископа. «Умоляю тебя, Владыко мой, – говорила она, – будь подражателем учителя твоего Господа Иисуса, излей на меня доброту твою, сотвори меня христианкою. Я, владыко мой, море грехов и бездна нечестия. Прошу, чтобы крестили меня». Едва святой епископ мог убедить ее встать. Потом сказал ей: «Правила церковные велят крестить блудницу только если представит она поручителей в том, что не будет более валяться в грехах». Выслушав это решение, она опять упала на пол, ухватилась за ноги святого епископа и, омывая их слезами, говорила: «Дашь ответ Богу за душу мою, и на тебя возложу нечестие дел моих, если станешь откладывать крещение гнусной грешницы; не найдешь ты доли у Бога со святыми, если меня не удалишь от злых дел моих». Тогда все епископы и собравшиеся клирики, видя такую грешницу, так горячо желающую благочестия, сказали: «Мы еще не видали такой веры, какова вера этой грешницы». Тотчас послали меня, диакона, к епископу города возвестить ему о всем и просить, чтобы блаженство его приказало прислать одну из диаконисс. Услышав это, он сказал: «Хорошо, почтенный отец». И тотчас прислал со мною первую из диаконисс, госпожу Роману. Она застала ее еще у ног епископа Нонна. Он едва мог поднять ее. «Встань, дочь, для совершения заклинания; исповедуй все грехи твои». Она отвечала: «Если посмотрю на сердце мое, то не нахожу в себе ни одного доброго дела. Знаю грехи мои, их более, чем песка в море. Уповаю на Бога твоего, что Он Сам взвесит тяжесть грехов моих и призрит на меня». Тогда епископ Нонн спросил: «Как твое имя?» – «Родители мои, – сказала она, – называли меня Пелагиею, а граждане Антиохии зовут меня Маргаритою¹²⁸ – по тяжести украшений, которыми украсили меня грехи мои; я краса и сосуд диавола». Святой епископ сказал: «Природное твое имя Пелагия?» – «Точно так», – отвечала она. Тогда епископ совершил над нею заклинание и крестил ее; возложил на нее печать Господа¹²⁹ и преподал ей Тело Христово. Духовною матерью ее была госпожа Романа, первая диаконисса. Взяв ее, привела она ее в покой оглашенных, потому что и мы там были. Святой епископ Нонн сказал мне: «Брат диакон, возрадуемся ныне с Ангелами Божиими, сверх обычая будем вкушать пищу с елеем и примем вино с веселием духовным ради спасения этой девицы».

¹²⁸ Имя Маргарита произошло от греч. μαργαρίτης, что означает «жемчужина». – *Примеч. ред.*

¹²⁹ «Возложил на нее печать Господа» – совершил над нею таинство Миропомазания. Это видно из описания, где возложение печати отличается как от Крещения, так и от Евхаристии. Миропомазание обыкновенно называется у отцов печатью Господнею. Св. Киприан писал: «...чего недоставало, то совершили Петр и Иоанн... Так бывает и у нас... Совершенствуются Господнею печатью». См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Православное догматическое богословие: В 2 т. Чернигов, 1865–1866. Т. 2. С. 232–233, 238–240.

*Епископ Нонн крестит Пелагию Антиохийскую.
Фреска монастыря Дечаны. Косово (Сербия). XIV в.*

Когда мы кушали, вдруг слышится крик как бы человека, которого давят; диавол кричал: “Увы, увy! Что терплю я от этого старика? Не довольно тебе тридцати тысяч арабов, которых ты отнял и крестил и принес Богу твоему? Не довольно тебе Илиополя, который также был моим: все жители его чтили меня, а ты отнял и принес Богу твоему! Теперь ты отнял у меня самую лучшую надежду мою. И я не выношу уловок твоих. Проклят день, в который родился ты!” Потом, обратясь к новокрещеной девушке, говорил: “Что это ты делаешь, госпожа моя Пелагия? Ты подражаешь Иуде. Он, увенчанный почестью, предал Господа своего, и ты то же со мною сделала”. Святый епископ Нонн говорит ей: “Огради себя крестом Христовым и прокляни его”. Она ознаменовалась во имя Христово, дунула на демона, и он тотчас исчез¹³⁰.

¹³⁰ Ср.: «...он, оградив чело свое знаменiem креста, дунул на него [на демона], и он убежал» (Жизнь св. Пахомия, 17); «ограждая себя крестом и дуя на него, сказал: “Отойди от меня, диавол, проклят ты, и видение твое, и хитрости твои, нет тебе места у рабов Божиих”. И стал он прахом и наполнил келью отвратительным смрадом» (Жизнь св. Пахомия, 48). Палладий в разговоре о жизни Златоуста: «...демоны связываются одним дуновением верующих». Дунуть на демона – то же, что проклясть его. Тертуллиан писал: «Христианин, торгующий ладаном, идя мимо языческого храма, плюнет ли на дымящиеся жертвенники и дунет ли на них, о которых так заботится?» (О идолопоклонстве, 11).

Спустя два дня, когда спала она со святою Романою, явился ей ночью диавол, разбудил рабу Божию Пелагию и говорил: “Госпожа моя Маргарита, не обогащена ли ты золотом и серебром? Не украсил ли я тебя жемчугом и камнями? Чем же оскорблена ты? Отвечай мне, и я все сделаю для тебя, только ты не делай меня посмешищем христиан”. Тогда раба Божия Пелагия ознаменовалась и, дунув на демона, сказала: “Бог мой, Который исхитил меня из зубов твоих и ввел в небесный чертог Свой, Он да восстанет за меня против тебя”. И диавол более не являлся.

В третий день после крещения своего святая Пелагия позвала слугу своего, который всем у нее заведовал, и сказала ему: “Ступай в гардеробную мою и перепиши все что есть: серебро и золото, наряды, дорогие одежды – и принеси мне”. Слуга исполнил волю госпожи и все имущество ее принес. Она тотчас через мать свою Роману пригласила святого епископа Нонна и все имущество свое передала в его руки. “Вот, владыка, – говорила, – богатства, которыми наделил меня сатана; передаю их в волю святых твоих, делай с ними что хочешь: мне надобно желать даров Господа моего Иисуса Христа”. Он позвал старшего хранителя церковного и в ее присутствии все имение отдал в его руки. “Заклинаю тебя, – говорил он, – нераздельною Троицею, ничто из этого не должно поступить в дом епископа или в церковь, а все должно быть роздано нищим, вдовам и сиротам; пусть худо собранное расточено будет умно...” Она пригласила всех слуг и служанок своих и всем дала свободу; она им дала золотые цепи и сказала: “Спешите освободиться из мира нечестивого, дабы как были мы вместе в этом веке, так пребывать бы нам вместе в той блаженной жизни”.

В восьмой день, когда надлежало снять белые одежды, встав ночью, чего не знали мы, сняла она одежду крещения своего и оделась во власяницу и подрясник святого епископа Нонна и с того времени исчезла из города Антиохии. Святая Романа плакала о ней, но святой Нонн утешал ее и говорил: “Не плачь, дочь, а радуйся: Пелагия избрала добрую долю, подобно Марии, которую предпочел Господь Марфе”.

Пелагия ушла в Иерусалим и устроила себе келью на Елеонской горе, где молился Господь. Епископы отпущены были каждый в свой город.

Спустя три или четыре года захотелось мне, диакону Иакову, сходить в Иерусалим для поклонения воскресению Господа нашего Иисуса Христа, и я выпросил у епископа моего дозволение на путь. Отпуская меня, сказал он: “Брат диакон! Когда придешь в Иерусалим, отыщи там некоего брата Пелагия, монаха и евнуха, живущего несколько годов в затворе, – истинно ты получишь пользу от него”. Это говорил он прикровенно о рабе Божией Пелагии.

Я пришел в Иерусалим, поклонился святому воскресению Господа нашего и на другой день отыскал раба Божия. Я нашел его на Елеонской горе, где молился Господь, в маленькой запертой келийке, с малым окошечком в стене. Я постучал в окошко.

Она отворила и узнала меня, но я не узнал ее. Как мне было узнать ту, которую когда-то видал красавицею и которая теперь была высохшей от поста? Глаза ее как бы ввалились в углубления. Она сказала мне: “Откуда пришел ты, брат?” – “Я послан к тебе епископом Нонном”, – отвечал я. “Да помолится он обо мне! Он истинно святой Божий”, – сказала она и тотчас затворила окошко и начала петь третий час. Я молился у стены кельи ее и потом удался с великою пользою от того, что видел ангела. Возвратясь в Иерусалим, начал я обходить монастыри. По обителям носилась великая слава о господине Пелагии. Потому положил я еще раз побывать у него, дабы воспользоваться спасительными наставлениями его. Когда пришел я к келийке и стал толкать и звать даже по имени, ответа не было. Я ждал другой и третий день, называл по имени Пелагия и ничего не слышал. Потом сказал я себе: “Или тут нет никого, или ушел монах”. Потом говорил себе: посмотрю, не умер ли. Я отворил окошко, посмотрел и – вижу умершего. Затворив окошко и замазав глиною, поспешил я в Иерусалим с известием: святой монах Пелагий, творивший чудеса, почил.

Тогда святые отцы пришли с иноками разных монастырей и отворен был вход в келью. Святое тело вынесено было наружу и положено было как драгоценность. Когда святые отцы намащали его миром, то узнали, что это женщина. Они хотели скрыть это, но народ узнал, и все восклицали: “Слава Тебе, Господи Иисусе, что у Тебя есть сокровенные на земле не только мужи, но и жены”. Молва распространилась всюду, и все монастыри девственников пришли, как из Иерихона, так и с Иордана, со свечами, лампадами и гимнами. Святые останки с честью похоронены были святыми отцами». Так, очищенная водами крещения, Пелагия за четыре года самоотверженной жизни столько возвысилась, что еще при жизни творила чудеса.

По времени илиопольского пастырства св. Нонна надобно положить, что св. Пелагия скончалась не позже 461 года.

Киновии Вифлеемские

Киновия блаженного Иеронима

Эта киновия основана была этим славным отцом Церкви в 388 году, когда он окончательно избрал Вифлеем последним своим приютом и поселился здесь в пещере близ самого вертепа, в котором Иисус Христос родился и положен был в яслях. Она имела все устройство общежительной обители: кроме святого храма и келий, были в ней трапезная, странноприимница, здания для хозяйственных принадлежностей; было особое помещение, в котором учнейший подвижник объяснял инокам и многочисленным посетителям Священное Писание и в котором он обучал детей начаткам веры и знания. Имя Иеронима, глубокого толкователя слова Божия, гремело тогда по всему христианскому миру, и отовсюду стремились в Вифлеем люди разного состояния и образования: одни чтобы видеть великого учителя, послушать его учения, другие – пожить с ним, воспользоваться его руководством и наставлениями в подвижнической жизни.

Келья прп. Иеронима Стридонского

Из древних зданий его киновии уцелели донныне пещеры близ вертепа Рождества Христова, в одной из них, по преданию, он переводил на латинский язык Священное Писание, а в другой был погребен.

Погребальная пещера при. Иеронима Стридонского

Так, в Вифлеемской обители жили несколько лет Руфин писатель¹³¹, Кассиан и Герман – подвижники. Из славных подвижников обители блаженного Иеронима известны Евсевий, бывший впоследствии настоятелем в Кремоне, Иоанн и Полувий; все они – ученики великого отца. Основатель киновии блаженный Иероним скончался в 420 году¹³².

Киновия преподобной Павлы Римлянки

Эта киновия находилась в Вифлееме близ вертепа Рождества и основана была преподобной Павлой около 388 года. Блаженный Иероним, описавший жизнь основательницы ее, гово-

¹³¹ Имеется в виду Руфин Аквилейский. – *Примеч. ред.*

¹³² См.: Житие блаженного Иеронима Стридонского в «Христанском чтении» за 1847 г.

рит, что обитель уже в самом начале была обширна и имела прекрасное устройство. По его рассказу, в воскресный день все подвижницы собирались на молитву в храм; в прочие же дни молились в кельях. В будни сестры занимались работой и все необходимое приготавливали сами; собственности не позволялось иметь никакой; одежда, пища были готовые и для всех одинаковые. Полное послушание, воздерженность в словах, скромность во взгляде и поступи, опрятность в одежде, целомудрие – качества, строго требовавшиеся от каждой девственницы. Если случалась между ними сварливая, дерзкая, заносчивая, говорит блаженный Иероним, Павла, остановив ее не раз, принуждала таковую молиться у дверей трапезной позади всех сестер и есть отдельно от них, дабы стыд образумил ту, которую не вразумили слова. Если подвижница чрезмерно занималась своею внешностью, заботилась слишком об изысканности в одежде, о такой говорили, что щегольство ее – вывеска грязной души. О слабых и больных сестрах заботились ревностно. В V веке киновия процветала и славилась строгостью жизни девственниц, в ней подвизавшихся, а дальнейшая судьба ее неизвестна.

Между подвижницами киновии известны: преподобная Павла, дочь ее Евстохия, Павла Младшая и Зоя.

Преподобная Павла Римлянка (память 26 января). В 341 году прибыл в Рим св. Афанасий Великий и своим рассказом о жизни и подвигах Антония Великого возбудил в некоторых лицах высшего общества столицы расположение к строго христианской жизни. И вот Рим представил необычайное, неслыханное зрелище: женщины высшего круга, знаменитые родом и заслугами предков, среди обаяний богатства, роскоши и удовольствий света проводили жизнь в подвигах поста, молитвы, воздержания и целомудрия, в делах милосердия и благотворительности, и такой образ жизни вели не только жены, но и девы. Известны имена этих лиц, таковы: вдова Маркелла; Мелания старшая, о которой рассказано было выше; Азелла, сестра Маркеллы; Принципия, Альбина, Павлина, Лета, Фабиола, Фурия¹³³ и др. К такому-то обществу принадлежала и преподобная Павла, которая родилась в Риме в 346 году в христианском семействе, принадлежавшем к высшему римскому обществу. Родители ее славились знатностью рода: отец вел род от Агамемнона, мать – от Сципиона и Гракхов. Павла воспитана была в благочестии и страхе Божиим. Достигнув совершеннолетия, она вышла замуж за Токсотия, человека также знатного рода, и имела пятерых детей. Честная супруга и добрая мать, любимая мужем, уважаемая в обществе, она наслаждалась семейным счастьем. Но Господь, испытующий сердца, знающий Своих рабов, обратил сердце Павлы к Себе. Один за другим постигают ее жестокие удары: в цвете лет умирает Токсотий, и Павла остается вдовою, когда ей было только 32 года. В глубокой скорби она нашла поддержку в родственнице своей Маркелле. Эта благочестивая женщина, также знатного рода и также оставшаяся вдовую в молодых годах, утешала и ободряла скорбящую Павлу, помогала ей своими внушениями переносить горе благодушно, без ропота. Павла смиренно покорилась воле Божией, распоряжающейся нашею жизнью, – и вот ее сердце обратилось к Богу, в ее душе родилось желание благоугождать и служить Всевышнему строго нравственною жизнью. Павла стала внимательна к своему внутреннему состоянию и начала во всем себя сдерживать и ограничивать, постепенно порывая связи с миром и его удовольствиями, в то же время с большей ревностью стала заботиться о воспитании и направлении своих детей в духе христианского благочестия и всецело предавалась делам милосердия. Чувствительное сердце Павлы привлекли теперь бедность и нужда; всякое страдание до глубины души ее трогало, и потоком полились ее благотворения, щедрою рукою она стала расточать огромное богатство свое нуждающимся: больные, увечные, пострадавшие от пожара и другого несчастья получали от нее материальную помощь и нравственное утешение; дом ее сделался приютом странников. Новый удар жестоко поразил нежную душу

¹³³ Эти лица известны из писем к ним блаженного Иеронима.

Павлы: умирает старшая дочь ее Блезилла, прожившая с мужем только семь месяцев. Это была необыкновенно даровитая женщина. Потеряв мужа, Блезилла предалась литературным занятиям; кроме отличного знания греческого и латинского языков, она в короткий срок в совершенстве изучила язык еврейский, особенным предметом ее занятий было чтение и изучение слова Божия под руководством знаменитого учителя Церкви блаженного Иеронима, жившего в то время в Риме. Объясняя Блезилле трудные места Екклесиаста, Иероним возбудил в ней расположение отречься от мира и его суеты и посвятить себя подвижнической жизни. Она и готовилась оставить свет и заключиться в монастырское уединение, как жестокая болезнь свела ее в могилу. Чувствуя приближение смерти, она просила окружающих об одном: «Да умоляют они Господа простить ее в том, что она не могла исполнить того, что хотела». Безутешно скорбела мать об утрате любимой дочери и долго не могла успокоиться; естественное чувство скорби боролось в ней с сознанием его недостойнства для христианина. Блаженный Иероним написал Павле сильное письмо, в котором утешал и успокаивал ее, представляя, что плачь и безутешная скорбь об умершей дочери оскорбительны для Бога, недостойны истинно верующего и служат соблазном для христиан и язычников.

Прп. Павла Римлянка

«Зачем мы скорбим об умерших? – говорит между прочим в письме этом Иероним. – Мы не для того родились, чтобы жить здесь вечно. Авраам, Моисей, Исаия, Петр, Иаков, Иоанн,

Павел, сосуд избранный, и даже Сам Сын Божий, умирают, а мы сетуем, когда покинет тело какой-нибудь человек, который, быть может, для того и восхищен был, да не злоба изменит разум его. *Угодна бо бе Господеви душа его. Сего ради Бог и поспешил извести ее от среды лукавствия* (Прем. 4:11, 14), чтобы на долгом жизненном пути она не заблудилась на извилистых тропинках. Пусть плачут о мертвом, но о таком, которого принимает геенна, которого пожирает тартар, для чьей казни пылает вечный огонь. А мы при конце жизни, сопровождаемые сонмом Ангелов, встречаемые Самим Христом, мы, напротив того, должны тяготиться, если слишком долго заживем в этой смертной храме. Порадуемся за нашу Блезиллу, которая из тьмы перешла в свет и, пылая живою верою, приняла венец за совершенное дело. Поистине, если бы ранняя смерть застала ее среди мыслей о временных привязанностях и земных успехах, неугодных Богу, в таком случае следовало бы пролить поток слез. А ныне, когда за четыре почти месяца до смерти она очистилась, так сказать, вторым крещением преднамеренного подвига и, наконец, жила так, что, поправ мир, постоянно думала о монастыре, – ныне убойся, как бы Спаситель не сказал тебе: “Зачем ты гневаешься, Павла, что твоя дочь сделалась Моею дочерью? Зачем ты досадуешь на Мой приговор и своими непокорными слезами выражаешь ко Мне нерасположение? Ведь ты знаешь, что Я думаю о тебе и о близких твоих. Ты отказываешь себе в пище не ради поста, но по причине печали. Я не люблю такого воздержания. Такие посты противны Мне. Если бы ты верила, что дочь твоя жива, то ты никогда не сокрушалась бы о том, что она перешла в лучший мир. Через своего апостола Я заповедал не скорбеть об умерших, подобно язычникам...” Мы извиняем слезы матери, но должна же быть мера скорби. Если я смотрю на тебя как на родительницу Блезиллы, то не могу осуждать твоего сетования, но если смотрю на тебя как на христианку и монахиню, то своими именами уже исключаются материнские чувства... Отчего не попытаться внушениями разума подавить горе, которое должно быть смягчено временем?.. Пожалуйста, пощади себя, пощади дочь свою, уже царствующую со Христом, пощади, по крайней мере, свою Евстохию, юный и неопытный возраст который нуждается в твоём руководстве... Излишняя любовь к своим родным есть нелюбовь по отношению к Богу. Не могу без стенаний высказать того, что хочу. Когда из средины погребальной процессии выносили тебя, упавшую в обморок, народ перешептывался между собою: “Не правду ли мы говаривали? Мать жалеет о дочери, доведенной до смерти постами, жалеет о том, что не имела внуков по крайней мере от второго брака. Доколе этих противных монахов не выгонят из города, не побьют камнями, не потопят в реках? Они обманули несчастную матрону. Что она не хочет быть монахиней, видно из того, что ни одна язычница никогда не оплакивала так детей своих”. Как, ты думаешь, эти речи прискорбны для Христа!.. Нужно оставить эти слезы, полные оскорбления святыни, полные неверия, не имеющие меры, могущие приблизить к смерти. Ты рыдаешь и причитаешь и, как бы поджигаемая каким-то пламенем, всеми силами постоянно убиваешь себя. Но к подобной тебе женщине идет милостивый Иисус и говорит: что плачешь?

Отроковица *не умерла, но спит* (Мк. 5:39). Пусть смеются окружающие; такое неверие свойственно иудеям. А если ты станешь припадать к гробнице своей дочери, то Ангел с упреком скажет: “Зачем ты ищешь живую *между мертвыми*? (Лк. 24:5)”. Какие, ты думаешь, кресты, какие мучения терпит ныне наша Блезилла, видя, что Христос гневается на тебя? В ответ на твои стенания она ныне взывает к тебе: “Если ты, мать, когда-нибудь меня любила, если я сосала твои сосцы, если я воспитана твоими наставлениями, то да не будет моя слава для тебя поводом к неудовольствию; не делай того, чтобы нам пришлось разлучиться навеки. Ты, может быть, думаешь, что я одинока. Нет, вместо тебя у меня есть Мария, Матерь Божия. Я вижу здесь многих женщин, которых прежде не знала. О, как прекрасно это общество! Здесь есть евангельская Анна пророчица, и, порадуясь, я в три месяца стяжала то, что она приобрела многолетними трудами. Ты жалеешь, что я оставила мир? А я жалею о вашей участи, жалею вас, доселе заключенных в темнице века, – вас, ежедневно ведущих борьбу и увлекае-

мых к гибели то гневом, то скупостью, то нечистыми пожеланиями, то иными порочными возбуждениями. Если ты хочешь быть моею матерью, постарайся угодить Христу. Я не признаю матери, неугодной моему Господу». Много еще говорит Блезилла, о чем я умалчиваю. Она молит Бога за тебя, и у меня, спокойного за нее, просит прощения прегрешений за то, что ради ее спасения я увещевал, умолял и перенес на себе нерасположение ее близких»¹³⁴.

Смерть любимой дочери окончательно решила судьбу Павлы: ее сердце, пораженное двумя жестокими ударами, всецело отдалось Господу; ее мысли неслись теперь в уединение, где бы она беспрепятственно могла служить и благоугождать Всевышнему, коего возлюбила она всем порывом своей души, – служить и благоугождать беспрепятственно, отрешенная от всех забот и привязанностей земных. Но где всего лучше обрести такое место, как не на Востоке, в Святой Земле, где родился, жил и пострадал за нас Сын Божий? И вот блаженная Павла оставляет все: столицу с ее удовольствиями, дом с его роскошью и сокровищами, блеск высокого сана, друзей и знакомых, родных, даже детей своих, из коих двое были несовершеннолетними, и с дочерью Евстохией, решившейся последовать за матерью и проводить, подобно ей, подвижническую жизнь, отплывает в 385 году в Палестину¹³⁵.

Со слезами благодарила Павла Бога, когда после продолжительного и трудного пути сначала морем, а потом от Антиохии по горам Сирии вступила наконец в Святую Землю. Она горела желанием увидеть достопамятные для христианина места, и потому прежде всего посетила все те места, на которых совершились священнейшие для сердца верующего события, осмотрела все предметы, с коими связаны дорогие воспоминания. Усердие и любовь к этим местам и предметам были в благочестивой путнице столь сильны, что только желание видеть и облобызать другие предметы заставляло ее отрываться от прежних. В Иерусалиме проконсул Сирии и Палестины из уважения к ее высокому сану приготовил было для нее богатое помещение, но она предпочла остановиться в убогом доме. В Святом городе, где совершилось таинство нашего искупления, блаженная Павла нашла полное удовлетворение своему религиозному чувству. С пламенной верою она простерлась пред Честным и Животворящим древом, на котором был распят Сын Божий, Господь и Спаситель наш: очами веры и любви она как бы еще видела на нем Самого распятого Господа. С благоговением любызала она камень, отваленный от гроба Ангелом; со смирением приникла к тому месту, где лежало тело Божественного Страдальца: у сего места она желала утолить духовную жажду, ее томившую. Сколько тут пролито было слез! Сколько вздохов и скорби! На Сионе показывали ей столп, к которому привязан был Спаситель во время бичевания; на нем находились еще следы Божественной крови. Там же указывали и место, где сошел Святой Дух на апостолов. Вот, наконец, Павла в Вифлееме. При виде вертепа и яслей восторг объял ее душу, восторг любви к Господу и сердечной радости о спасении, открывшемся здесь в рождении Сына Божия: духовному взору ее живо представились Божественный Младенец в пеленах посреди пастырей и волхвов и Матерь Дева с обручником Ее праведным Иосифом; над ними сонм Ангелов, хвалящих Бога. «Приветствую тебя, – воскликнула Павла в порыве святого восторга и со слезами на очах, – приветствую тебя, Вифлеем, поистине дом хлеба, в коем родился для нас Хлеб жизни, спешший с небес! О, какое счастье для меня! Я, убогая грешница, удостоилась прикоснуться нечистыми устами к яслям, где лежал воплотившийся Сын Божий! Искать ли мне еще другого места после того, которое избрал для Себя Спаситель мой? Здесь – место покоя моего! Здесь, в избранной родине Господа, здесь и я вселюсь!»

Она и действительно поселилась навсегда в Вифлееме, посетив прежде славных отшельников египетских. С ней осталась также навсегда и дочь ее Евстохия. У яслей Божественного

¹³⁴ Так писал блаженный Иероним в письме к Павле.

¹³⁵ Это благочестивое странствование Павлы по святым местам подробно описывает блаженный Иероним в письме о добродетелях Павлы. Он сопутствовал ей в этом странствовании.

Младенца мать и дочь обрели то, что искали: возможность в уединении служить и благоугождать Господу, коего они возлюбили всем сердцем, внутренний мир, сердечную радость и духовный восторг от мысли, что пребывают и служат Господу там, где Он благоволил родиться и возлечь в яслях. Павла заключилась в убогую и тесную келью, в которой провела оставшиеся годы жизни в подвигах поста, молитвы, богомыслия, помыслами ума, чувствами сердца возносясь непрестанно к Воплотившемуся нас ради. Слух о необыкновенной вифлеемской подвижнице, подвижнице из самого Рима, высокого сана, привел в движение мир палестинских и других подвижниц, и вот благочестивые жены и девы стали являться к Павле и просили ее принять их к себе, чтобы вместе с нею проходить тесный путь креста Христова. Никому она не отказывала; таким образом собралась около нее община жен и дев-подвижниц. Это обстоятельство, а также советы блаженного Иеронима, также поселившегося в Вифлееме близ вертепа и яслей, расположили Павлу основать иноческую обитель. В 388 году явилась в Вифлееме обширная женская киновия, получившая прекрасное устройство. Блаженная основательница сама стала управлять своею обителью, следуя наставлениям и руководству Иеронима. Кроме того, движимая чувством христианской любви, Павла устроила на пути из Вифлеема в Иерусалим обширный странноприимный дом, а при пещере, где родился Спаситель, основала мужской монастырь по желанию и совету Иеронима, который и принял его под свое управление.

Вифлеем. Общий вид

В обители своей блаженная Павла представляла для сестер подвижниц живой пример иноческих подвигов и добродетелей. «Когда она была окружена сонмом дев, – говорит Иероним, – то казалась последнею между ними и по одежде, и по голосу, и по приемам и поступи. Она спала на голой земле даже в лихорадке, мало вкушала пищи, и притом самой простой, а питалась более слезами. Исключая праздничные дни, она почти вовсе не подбавляла в пищу масла. Когда просили ее поберечь свое слабое здоровье, она отвечала: “Мне надобно обезобразить лицо свое, которое столько раз выставляла я напоказ, натирая красками в оскорбление воли Божией; справедливость требует истязать тело, которое слишком много вкушало сладостей, надобно мне плакать много после безумных и преступных веселостей; я должна заменить

власяницею роскошные одежды, которые льстили суетности и неге; довольно я старалась нравиться свету, хочу употребить все, чтобы сколько-нибудь быть угодной Богу»».

Много обид и оскорблений перенесла блаженная Павла от оригенистов: так назывались приверженцы неправых мнений Оригена, знаменитейшего учителя Церкви III века¹³⁶. Напрасно они старались привлечь на свою сторону славную подвижницу и ее общину: поддерживаемая и руководимая блаженным Иеронимом, она твердо держалась учения Святой Церкви, сохранила в правой вере и своих подвижниц. Тогда пущены были в ход против Павлы насмешки, клевета и злоречие, враги выставляли ее не в своем уме, называли ее помешанною и говорили, что надобно бы позаботиться о несчастной, предохранить ее от окончательного расстройства. Благодушно и терпеливо переносила труженица Христова все клеветы и злоречия. Нападения на нее продолжались и все усиливались. Блаженный Иероним, сам также много зла потерпевший от оригенистов, советовал Павле оставить Вифлеем и удалиться из Святой Земли в другое место. «Ты был бы справедлив, отец мой, – отвечала ему Павла, – если бы где-либо могла я найти любимый мною Вифлеем. И зачем скрываться от людской злости? Надобно превозмогать ее терпением. Почему смирением не одержать победы над гордостью? Почему, получая удар в одну щеку, не подставлять другой?»

Семнадцать лет провела великая подвижница в Вифлееме и наконец приблизилась к исходу в блаженную вечность, куда она давно уже была готова уйти. Наступила предсмертная болезнь. Дочь ее Евстохия с глубоким чувством и слезами припадала к священным яслям и умоляла Божественного Младенца сохранить и продлить жизнь любимой матери, но умирающая жаждала переселения к возлюбленному ею Господу и тихо повторяла стихи псалма: *Как возжеленны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и тело мое рвутся к Богу живому. Ибо один день во дворах Твоих лучше тысячи, Желая лучше быть у порога дома Божия, нежели жить в шатрах нечестия* (Пс. 83:2–3, 11). «Не слишком ли страдаешь ты и не оттого ли не просишь советов?» – спросил ее духовник. «Мне хорошо», – отвечала умирающая по-гречески. Блаженный Иероним, присутствовавший при блаженной кончине Павлы, тихо спросил ее: «Не препятствуют ли ей страдания говорить?» Она отвечала, что ей не больно, и с этой минуты, закрыв глаза, шептала только псалмы и, сотворив дрожащею рукою над устами крестное знамение, предала святую душу свою в руки Божии. Это было 26 января 404 года. Скончалась она на 58-м году своей жизни.

Торжественно было погребение блаженной Павлы. Епископы соседних городов подняли на свои ремена святое тело ее и понесли в храм вертепа Рождества Христова, предшествуемые иноками и инокинями с факелами и зажженными свечами; масса народу из окрестных сел и деревень сопровождала шествие. Неутешно плакали бедные, вдовы и сироты. Бедные громко говорили, что они в почившей потеряли мать и кормилицу; вдовы и сироты показывали одежды, которые она им доставила. На пути пели псалмы на языках еврейском, греческом, латинском и сирийском. Отпевание совершал сам архиепископ иерусалимский Иоанн с множеством епископов, пресвитеров и диаконов. Тело блаженной Павлы положено было в пещере, соседней с вертепом Рождества.

Преподобная Евстохия (память 28 сентября). Третья дочь блаженной Павлы уже в ранних годах обнаруживала расположение к благочестию: это был тихий, скромный, набожный ребенок. Видно, семя добра, посеянное и взращенное в юном сердце дочери благочестивою матерью, пало на добрую почву. Доброй настроенности Евстохии весьма много содействовала блаженная Маркелла примером своей высоконравственной жизни, своими наставлениями и

¹³⁶ Главнейшими неправыми мнениями Оригена считаются следующие: человеческие души были некогда Ангелами, но потом за грехи были низведены с неба на землю и заключены в тела; диавол и демоны раскаются и будут царствовать на небе вместе со святыми; мы не воскреснем с теми членами, которые образуют наше тело и которые отличают один пол от другого; Адам и Ева до падения были бестелесны; человек после падения потерял образ Божий.

внушениями: как родственница Павлы, Маркелла наблюдала за воспитанием ее детей. И вот когда Евстохия сделалась взрослою, удовольствия и развлечения света ее не так сильно увлекали, как надо было ожидать по ее молодым годам и положению в высшем обществе: она любила находиться больше в кругу благочестивых жен и дев, любила слушать их назидательные беседы о Боге, человеке и мире, о вере, о добродетели и пороках, ей нравилось чтение религиозных книг. Скоро она почувствовала пустоту светской жизни, стала мало-помалу отказываться от мирских развлечений, стала подражать в образе жизни благочестивой Маркелле и своей матери. Не милы стали теперь Евстохии подруги, кружившиеся в вихре шумных удовольствий столицы; не привлекали ее и женихи, богатые и знатные, предлагавшие ей руку и сердце: ее сердце уже пламенно возлюбило высочайшего Жениха – Господа и стремилось к Нему со всем порывом юной души. И вот Евстохия, первая из благородных дев Рима, решила навсегда остаться девою и посвятить себя подвижнической жизни. Изумились родные, когда в один день увидели Евстохию в смиренной одежде подвижницы. Они решились во что бы то ни стало отклонить ее от несвойственного, по их мнению, летам ее и положению в свете образа жизни. Пущены были в дело просьбы, увещания, укоры, осмеяние, но все это нисколько на Евстохию не действовало. Тетка Претекстата сочла лучшим действовать решительно: она сбросила с кроткой рабы Христовой смиренную одежду и против ее воли нарядила по-прежнему – в роскошную одежду. Господь вступился за рабу Свою и Сам защитил ее от неразумных и чувственных родственников. Произошел поразительный случай, описанный блаженным Иеронимом, бывшим в то время в Риме. По словам Иеронима, «видит она – тетка – в ту же ночь: явился ей грозный Ангел и говорит: “Ты ли смела предпочесть волю мужа воле Христовой? Ты коснулась святотатственными руками главы девы Божией. Руки твои будут сохнуть, чтобы не чувствовала ты себя; спустя пять месяцев приблизишься ты к гробу. Если будешь упорствовать в нечестии, лишишься мужа и детей”. Все исполнилось в свое время, и позднее раскаяние запечатлела смерть»¹³⁷. Оставленная в покое, Евстохия продолжала идти тем путем, какой избрала. Блаженный Иероним своими советами и наставлениями окончательно утвердил ее в святой решимости пребыть в девстве и жить единственно для Господа. В 383 году Иероним написал для нее превосходное сочинение *о девстве*. «Ты идешь с грузом золота, – говорит в этом сочинении блаженный Иероним, обращая внимание Евстохии на подвиг девства, который избрала она, – тебе следует избегать разбойников. Здешняя жизнь – поприще подвигов для смертных; здесь мы подвигаемся, чтобы там увенчаться. Никто не ходит в безопасности среди змей и скорпионов. *Упился меч мой на небесах* (Ис. 34:5), говорит Господь. Тебе ли ожидать спокойствия на земле, которая рождает тернии и волчцы, которую поедает змий? *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6:12). Мы окружены великими полчищами неприятелей; весь мир полон врагами... Если же смутит тебя множество грехов и ты станешь волноваться какими-нибудь греховными пожеланиями, и скажет тебе помысл твой: “Что делать?” – то ответит тебе Елисей: *не бойся, ибо больше тех, которые с нами, нежели с ними*, – и помолится и скажет: *Господи! открой ныне очи отроковицы Твоей, чтобы они увидели* (ср. 4 Цар. 6:16, 17), и отверстыми очами ты увидишь огненную колесницу, которая вознесет тебя, как Илию, к звездам; и тогда в восторге ты воспоешь: *душа наша избавилась, как птица из сети ловящих; сеть расторгнута, и мы избавлены* (Пс. 123:7). Пока мы живем в сем тленном теле, пока мы имеем сокровище в скудельных сосудах (2 Кор. 4:7) и *плоть желает противного духу, а дух противного плоти* (Гал. 5:17), до тех пор нет верной победы... Девственность погибает и вследствие мыслей. От этого и бывают девы злые, девы телом, но не духом, девы юродивые, не имеющие елєя, для которых затворен будет брачный чертог». Потому постоянно необходимы смирение и труд.

¹³⁷ Так писал блаженный Иероним в письме к Лете.

Изобразив высоту и трудность девства, Иероним указывает средства сохранять это дорогое сокровище; средства эти – воздержание, простота в пище, уединение, молитва: «Если я могу сколько-нибудь советовать, если моя опытность заслуживает доверия, то я прежде всего увещаю и умоляю, чтобы невеста Христова избегала вина, как яда. Это первое оружие демонов против молодости... Мне не хочется, чтобы ты ходила в дома вельмож, чтобы ты часто смотрела на то, что ты презрела, возжелав быть девою... Да будут тебе подругами женщины, истощенные постами, бледные лицом, умудренные возрастом и жизнью, ежедневно воспевающие в сердцах своих: *где посеешь? где почиваешь до полудня?* (Песн. 1:6) и от души говорящие: *желаю разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1:23). Будь послушна родителям; подражай Жениху своему. Нечасто выходи в общество. Вспоминай о мучениках на ложе твоём. Трудно, чтобы душа человеческая не любила ничего, не увлекалась какими-нибудь чувствами. Пусть же плотская любовь побеждается любовью духовною. Пусть одно желание ослабляется другим... Всего тщательнее тебе должно избегать огня тщеславия. Когда творишь милостыню, пусть видит один Бог; когда постишься, да будет радостно лице твое. Одежда твоя должна быть не очень чистая и не грязная, не выдающаяся ничем особенным, чтобы не останавливалась пред тобою толпа прохожих и не указывала на тебя пальцем... Не говори намеренно тихим голосом, как бы истощенная постом; не опирайся на плечи другого, подражая походке человека, истощенного в силах. Убегай мужчин, которых увидишь в веригах с отращенными наподобие женских волосами вопреки повелению апостольскому, с козлиной бородой, в черном плаще, с обнаженными на жертву холода ногами. Это все орудие дьявола».

Изобразив жизнь разных подвижников Востока, Иероним говорит: «Ничто не тяжело для любящих. Никакой труд не труден для благорасположенного... Станем и мы любить Христа, станем искать постоянно Его объятий – и нам все трудное покажется легким, все долгое будем считать коротким... Прошу тебя, – обращается блаженный отец в заключение к Евстохии, – прошу тебя представь пред своими глазами те награды за настоящий подвиг, *которых не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2:9). Каков будет тот день, когда встретит тебя с ликами дев Мария, Матерь Господа? Когда Мария, сестра Аарона, как по переходе через Чермное море и после потопления фараона с его войском, держа в руке тимпан, запоем и ей ответит хор: *поим Господеву, славно бо прославился: коня и всадника вверже в море* (Исх. 15:1)? Тут Фекла радостно бросится в твои объятия. Тут и Сам Жених выйдет навстречу тебе и скажет: *возстань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!* (Песн. 2:10). Тогда удивятся Ангелы и скажут: *Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце?* (Песн. 6:10). Будут смотреть на тебя дочери, будут хвалить царицы, будут славить замужние. Встретят тебя и другие целомудренные лики: Сарра выйдет с женами; Анна, дочь Фануилова, со вдовами. В различных ликах предстанут твои по плоти и духу матери: возрадуется та, которая родила, возвеселится та, которая научила... Всякий раз, как будет прельщать тебя мирское тщеславие, сколько бы ни казалось тебе что-нибудь славным в мире, переносись умом в рай: начинай быть тем, чем намерена быть в будущем, и ты услышишь от своего Жениха: *положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою* (Песн. 8:6) – и, огражденная телесно и духовно вместе, ты воскликнешь и скажешь: *Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее* (Песн. 8:7)».

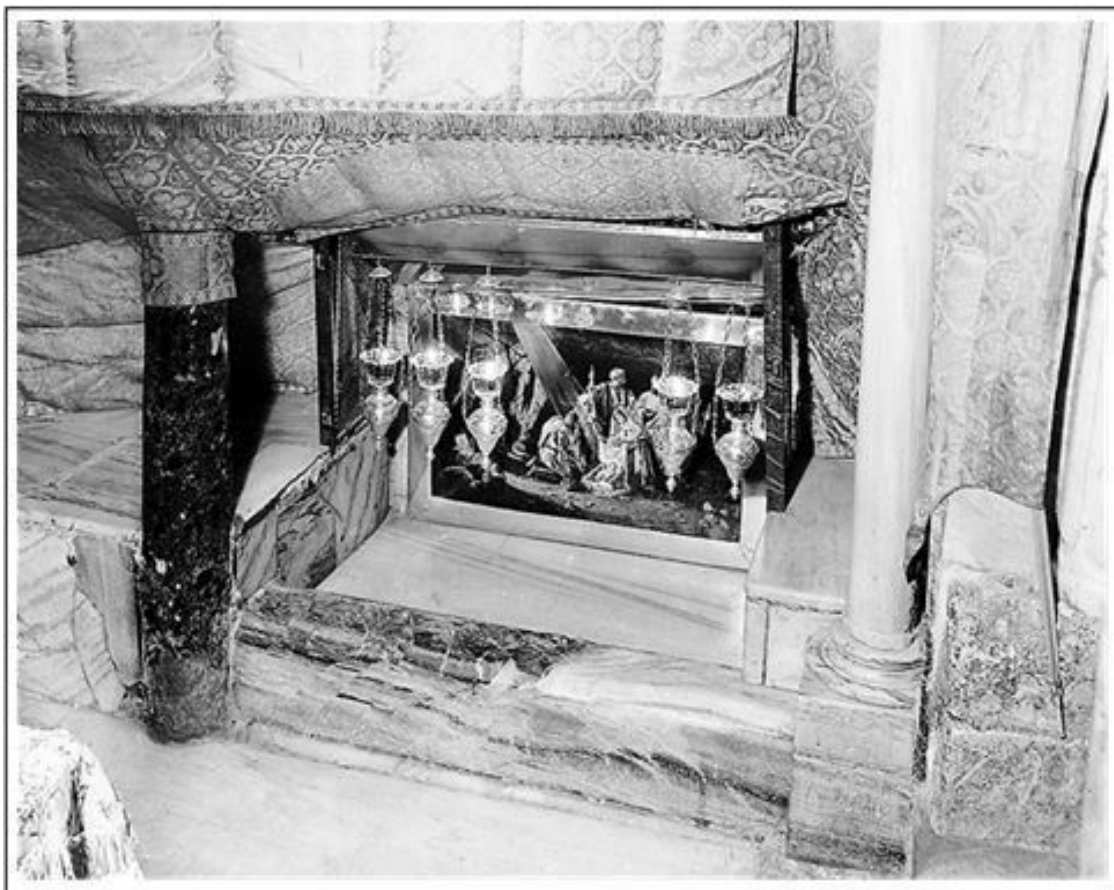
Поселившись с блаженной матерью своей в Вифлееме, обретя здесь, у яслей Божественного Младенца, внутренний мир и радость о Господе, Евстохия от своего имени и матери пишет к Маркелле письмо, в котором убедительно приглашает ее в Святую Землю разделить с ними сладости Вифлеемского уединения.

«Любовь не знает меры, – начинает письмо Евстохия, – нетерпение не руководствуется никакими соображениями, желание неудержимо. Так вот и мы, забыв о своих силах и думая только о том, чего нам хочется, а не о том, что можем исполнить, решились, будучи ученицами,

учить наставницу, по народной пословице: свинья Минерву¹³⁸. Ты, которая бросила первую искру в наш труп, ты, которая и словом и примером приглашала нас к подвигу и, как птица, собирала птенцов своих под крылья (ср. Мф. 23: 37), – ты ли теперь оставляешь нас летать на свободе без матери и трепетать пред коршунами и пред всякими мимолетающими птицами? Нам осталось только вдали от тебя изливать жалобные просьбы и не столько слезами, сколько рыданиями выражать нашу просьбу: возврати нам нашу Маркеллу, не попусти, чтобы эта нежная, кроткая, сладчайшая паче всякого меда и сота женщина оставалась сурова и угрюма по отношению к тем, кого своею снисходительностью привлекла к подражанию своей жизни».

Изображая высокое достоинство Святой Земли и Иерусалима, Евстохия говорит: «Говорят, что в этом городе, даже и на этом, что и теперь, месте, жил и умер Адам, и будто место, на котором распят Господь наш, потому именно и называется Лобным, что на нем зарыт был череп ветхого человека, так что струившейся со креста кровью второго Адама, то есть Христа, и были омыты грехи первого, лежавшего тут первозданного Адама, причем исполнилось слово апостола: *встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос* (Еф. 5:14). Долго перечислять, сколько пророков, сколько святых мужей произвел этот город. Вся религия наша имеет родину в этой стране и в этом городе... Начиная от вознесения Господня и до сего дня сколько епископов, сколько мучеников, сколько искуснейших в церковном учении мужей посещали Иерусалим! Им как бы недоставало чего-то в их благочестии, уме, добродетели, если бы не поклонялись Христу в тех местах, откуда распространился свет евангельский, зажегшийся с креста. И в самом деле, если оратора осуждают за то, что изучал он греческие науки не в Афинах, а в Ливии и с латинским знакомился не в Риме, а в Сицилии, так как каждая провинция имеет свои преимущества, которых нет у другой, – как же верить, что, не посещая христианских Афин, могут восходить на высоту христианской мудрости? Не отвергаем, что Царство Божие внутри нас и что есть великие, святые люди и в других странах. Но мы хотим сказать, что первые, лучшие люди всего света собираются здесь. Мы принадлежим не к первым, а к последним и пришли сюда, чтобы видеть первых всех стран. Лучшие цветы, дорогие камни – это лики иноков. Каждый из лучших людей Галлии спешит сюда. Удаленный от нашего мира британец едва только начинает преуспевать в религии, оставив Запад, стремится к месту, столько известному по молве и библейским воспоминаниям. А что сказать об армянах, персах, народах Индии и Эфиопии, о стране близ Египта, кипящей иноками, о Понте, Каппадокии, Сирии и Месопотамии и обо всех вообще народах Востока? Они, по слову Спасителя: *где будет труп, там соберутся орлы* (Мф. 24: 28), стекаются к этим местам и представляют нам зрелище всевозможных добродетелей. Как ни различны голоса, но религия одна. Сколько разностей народных, столько же почти и поющих хором. При этом первая добродетель христиан – обращение, далекое от гордости и суетности; спорят только о том, чтобы превзойти в смирении».

¹³⁸ Минерва – в римской мифологии богиня мудрости. – *Примеч. ред.*

Ясли Христовы

Описав другие добродетели, которые видятся в христианах, посещающих Святую Землю, Евстохия обращается к Вифлеему: «Подойдем к домику Христову и гостинице Марииной (ибо всякий хвалит более то, чем владеет). Какой речью, какими словами можем мы представить тебе вертеп Спасителя? Эти ясли, в которых Он плакал, будучи младенцем, должны быть чтимы более молчанием, чем бессильною речью. Где широкие входы? Где своды золоченные? Где дома, убранные денежными штрафами с бедняков и трудом осужденных на казнь? Где наподобие дворцов возведенные богатством частных лиц храмы, чтобы расхаживало, как драгоценность, дешевое тело человека и, как будто ничего не может быть прекраснее его в мире, засматривалось более на свои ступни, чем на небо? Вот в этом маленьком земляном углублении родился Строитель неба; здесь обвит Он был пеленами; здесь видели Его пастыри; здесь указала Его звезда; здесь поклонились Ему волхвы... Конечно, и там [в Риме] есть Святая Церковь, есть трофеи¹³⁹ апостолов и мучеников, есть истинное исповедание Христа, есть вера, проповеданная апостолом, но самый блеск, могущество и обширность города, необходимость видеться и видеть, поздравлять и поздравляться, хвалить или бранить, слушать или говорить, почти по необходимости видеть такое множество народу очень далеки от подвига и покоя иноческого. Если станешь принимать приходящих к тебе, то потеряешь молчание; не станешь принимать – упрекнут в гордости. А иногда, отдавая визит за визит, подходим к пышным дверям и вступаем под позолоченные своды среди ругательств прислуги. Но в Христовом домике все – простота, и только пением псалмов нарушается молчание. Обратись куда угодно: земледелец, идя за плугом, поет “Алилуйя”; покрытый потом жнец оглашает себя псалмами и виноградарь,

¹³⁹ Слово «трофей» в данном контексте, вероятнее всего, означает: «то, что осталось от мучеников». – *Примеч. ред.*

срезывая кривым ножом ветви, поет Давидовы песни. Таковы в этой стране песни, и это любимые песни здесь: это и песнь пастуха, и песнь пахаря».

После этого Евстохия живо описывает воображаемое пребывание Маркеллы в Святой Земле: «О! Когда же ангел-путник принесет нам весть: наша Маркелла у берегов Палестины! Когда лики иноков и инокинь суетливо будут готовиться к ее приему!.. Вот наступает день, когда рука об руку вступаем в пещеру Спасителя, плачем на гробе Господа, плачем с сестрою, плачем с матерью; лобызаем крест; входим на Елеонскую гору и летим на крыльях духа вслед возносящегося Спасителя; видим Лазаря, обвитого погребальными пеленами; видим реку Иордан, который так весел был при крещении Иисуса; посещаем пещеры пастухов и молимся в гробнице Давидовой; видим пророка Амоса, как он на скале играет на пастушеской свирели. Спешим к Аврааму, Исааку и Иакову и к памятникам жен их; видим поток, в котором Филипп крестил евнуха... Идем в Назарет и по значению имени его видим цвет Галилеи. Не вдали отсюда увидим Кану, где Спаситель претворил воду в вино. Потом идем на Фавор и желаем видеть пребывание Спасителя не с Моисеем и Илиею, как Петр, а с Отцем и Святым Духом... Идем далее и видим городок Наин, при воротах которого воскрешен сын вдовы; далее в виду гора Ермон и поток Ендор¹⁴⁰, при котором побежден Сисара¹⁴¹, еще Капернаум, избранное место знамений Господних, и вместе всю Галилею. И когда по следам Господа, через Силоам, Вефиль и другие места, в которых, как знамена побед Господних, возносятся церкви, возвратимся в свою пещеру, тогда мы будем часто плакать и еще чаще петь, молиться непрерывно и, уязвленные любовью к Иисусу, станем повторять: “Я нашла Его, которого любит душа моя, я нашла Его и держу Его и никогда не отпущу Его” (ср. Песн. 3:4)».

Несмотря на столь сильные, столь убедительные просьбы Павлы и Евстохии, Маркелла не могла отправиться на Восток, в Святую Землю, как ни желала этого: она была уже в преклонных годах.

Семнадцать лет мирно прожила Евстохия при своей блаженной матери, соревнуя ей в подвигах иноческих. Келья и храм были местами, где она постоянно пребывала. Молитва, богомыслие, чтение и изучение Священного Писания, рукоделье составляли ее постоянные занятия. Тишина уединения нарушалась только беседою духовною с матерью да свиданием и перепиской с блаженным Иеронимом, руководителем ее в духовной жизни. Иероним помогал Евстохии при изучении еврейского языка, который она желала знать, чтобы лучше понимать трудные места Писания. Со страхом и трепетом содеяв свое спасение, Евстохия восходила от силы в силу по степеням нравственного совершенства. «Кто мужественнее Евстохии, – удивлялся Иероним в письме к Паммахию, – которая обетом девства разрушила преграду благородного звания и гордость консульского происхождения и в первом городе первую фамилию подчинила целомудрию?»¹⁴² «И слово, и походка, и жизнь ее – училище добродетелей», – писал о ней Иероним к Лете, когда советовал отослать дочь на воспитание к ее тетке в Вифлеем.

Спокойствие Евстохии нарушилось, когда отошла в другую жизнь мать ее, блаженная Павла. Евстохия приняла на себя попечение о вифлеемских обителях, основанных матерью. Много трудов она перенесла, много забот и скорбей испытала во время управления своею общиною. Особенно ощутителен был недостаток материальных средств на содержание общины. «Свидетель Иисус, – писал в Рим Иероним, – мать не оставила для дочери ни копейки: все роздано бедным; осталась только чужая медь, долги и множество братий и сестер. Содержать их трудно, а отсылать грешно. Но будь покойна, Евстохия: ты богата великим наслед-

¹⁴⁰ Ен-Дор (источник дома, жилища) – город при потоке Киссон. См. Нав. 17:11; Суд. 4. – *Примеч. ред.*

¹⁴¹ См. Суд. 4. – *Примеч. ред.*

¹⁴² Паммахий, друг Иеронима, учившийся вместе с ним в Риме, муж Павлины, сестры Евстохии, отличался глубоким благочестием.

ством, часть твоя – Господь». Блаженный Иероним поддерживал Евстохию; он помогал ей своими советами, ободрял небесными утешениями.

Могилы преподобных Павлы и Евстохии в пещере под церковью св. Екатерины в Вифлееме

Новые скорби испытала Евстохия с сестрами в 416 году, когда пелагиане, буйствовавшие в Святой Земле, ворвались в ее обитель¹⁴³. Они ограбили здесь все, что могли захватить; подвижницы спаслись бегством; прислуга вся была перебита. Волнения и бедствия от пелагиан продолжались и в следующем году. Евстохия и племянница ее Павла писали о своем беззащитном положении в Рим папе Иннокентию, так как Иерусалимский архиепископ Иоанн держал сторону пелагиан. Еретики были усмирены новым Иерусалимским архиепископом Праилием, и спокойствие восстановилось в Святой Земле. В 418 году произошло в Палестине страшное землетрясение: оно привело всех в ужас, и многие ожидали кончины света. Бедствие это отразилось смятением и душевною тревогою и в обители Евстохии.

Святая жизнь и ряд скорбей и испытаний приготовили Евстохию к переходу в другую жизнь. 28 сентября 419 года блаженная подвижница с миром почилла, завещав управление своею обителью племяннице Павле младшей. Блаженный Иероним называет Евстохию дорогим украшением девства и Церкви¹⁴⁴. Высоко отзывается о ней другой современник, Палладий, епископ Еленопольский, в своей книге «Лавсаик»: «...дочь блаженной Павлы Евстохия... жена целомудреннейшая и имеет общежитие из пятидесяти дев».

¹⁴³ Пелагиане – последователи еретика Пелагия, учившего, что нет первородного греха, нет благодати спасающей и человек сам может спастись.

¹⁴⁴ В письме к Паммахию.

Преподобная Павла Младшая¹⁴⁵, внучка Павлы Старшей, еще от утробы матерней посвящена была Богу и предназначена к подвижнической жизни и девству. Ее рождение исполнило радостью сердца родителей и всех им близких и знакомых; радостью оно отозвалось и в сердце блаженной бабки и Иеронима. В воспитании юной Павлы самое живое участие принимала вместе с матерью Летою незабвенная в истории римского христианского общества IV века Маркелла. Считая святым делом воспитать Павлу в истинно христианском духе, Лета и Маркелла обратились за советом к блаженному Иерониму. Вифлеемский подвижник написал к Лете письмо о воспитании ее дочери. Письмо это, одно из замечательнейших творений великого учителя Церкви, включает в себе превосходное руководство к воспитанию детей в духе истинно христианского благочестия. В нем святой отец подробно останавливается на всех предметах, которые могут иметь благотворное или вредное влияние на юную душу, и предлагает мудрые наставления, как пользоваться благотворными влияниями при воспитании и какими средствами отклонять влияния пагубные. Имея в виду, что дочь Леты предназначена к девству, он местами дает правила и советы в аскетическом духе, а в конце письма убеждает мать отпустить маленькую Павлу в Вифлеем к бабке и тетке, если предлагаемые им советы и правила трудно будет исполнить среди многолюдного общества в столице. «Даю верное слово, – писал он, – что я сам буду ее учителем и воспитателем; буду сам носить ее на руках своих. При всей дряхлости своей, я позабочусь приучить к верным звукам лепечущие уста младенца, и тогда прославлюсь более известного всемирного философа [Аристотеля]. Он воспитал царя македонского, который в конце концов погиб от яда в Вавилоне¹⁴⁶; я, напротив, воспитаю рабу и невесту Христову, которая готовится для Небесного Царства».

Юная Павла выросла и воспитана была, однако же, в родительском доме. Всю любовь, все старания приложили Лета и Маркелла, чтобы развить и воспитать ее согласно наставлениям блаженного Иеронима. Старания и труды их увенчались полным успехом. Достигнув совершеннолетия, Павла чувствовала уже суету мирской жизни и все благо, все счастье ставила в *едином на потребу* – в попечении о спасении души и в благоугождении Богу: в ее сердце чистым пламенем горел огонь любви к Господу Спасителю. Она решилась идти по следам святой бабки и тетки – вступить на скорбный путь подвижничества и совершить этот путь там же, в Вифлееме, у яслей божественного Младенца. С согласия и благословения родителей, к неопишуемой радости благочестивой своей матери и блаженной Маркеллы, Павла оставила родной дом, друзей, знакомых, шумную столицу со всеми ее радостями и удовольствиями и удалилась в Святую Землю.

Когда Павла явилась в Вифлеем, бабки ее уже не было в живых. С родственною любовью приняла племянницу Евстохия, с духовною любовью встретил ее и Иероним. Старец-подвижник благословил пришлицу на святой труд подвижничества. И Павла, вступив в общество сестер-подвижниц, со всем рвением предалась подвигам иноческой жизни: она старалась во всем подражать своей благочестивой тетке. С полной любовью руководил блаженный Иероним юную подвижницу, столь близкую ему по духу, руководил своими советами и наставлениями. Быстро возрастала в духовной жизни Павла и своею ревностью о благоугождении Богу радовала и утешала и тетку Евстохию, и святого старца. С видимым удовольствием упоминает о Павле Иероним в письмах своих к римским друзьям и знакомым, передавая им от нее поклоны. После кончины Евстохии Павла приняла на себя управление общиною, но должна была испытать большие труды и огорчения, чем Евстохия. У Павлы не было мудрого и опытного руководителя: блаженный Иероним через год после кончины Евстохии и сам с миром почил о Господе (420 год). Когда скончалась Павла Младшая, неизвестно.

¹⁴⁵ О ней см.: Письма блж. Иеронима Стридонского; *Histoire ecclésiastique*. Vol. 2. Liv. XXIV. Ch. XII.

¹⁴⁶ Имеется в виду Александр Македонский. – *Примеч. ред.*

Преподобная Зоя (память 13 февраля) сначала жила в Кесарии и в молодых годах проводила жизнь в плотских страстях. Не давая себе отчета в своих действиях, пылкая Зоя отважилась искушать Мартиниана, подвизавшегося в окрестностях города в пустыне. Однажды в бурную ночь явилась к келье подвижника бедная женщина, одетая в рубище, и просила у него себе убежища от непогоды. Это была известная в городе блудница. Сострадательный пустыжник принял ее и поместил в преддверии кельи. На другой день с изумлением видит он у себя в келье молодую красивую женщину, одетую в роскошную одежду. Подвижник сложил посреди кельи дрова, зажег их и, вступив в огонь босыми ногами, говорил самому себе: «Каков кажется тебе, Мартиниан, огонь этот? Но ведь это не то, что огонь гееннский. Если хочешь гееннского огня, то, пожалуй, подойди к этой женщине». До глубины существа поражена была таким поступком подвижника Зоя. Она тотчас бросилась к ногам святого отшельника, исповедала ему грехи свои и в слезах просила спасти ее. Мартиниан, подивившись чудному действию благодати на грешницу, отвел ее в обитель преподобной Павлы старшей и потом Евстохии. Зоя проводила жизнь в подвигах поста, молитвы, покаяния, загладила грехи молодости, угодила Богу и с миром отошла в блаженную вечность.

Прп. Зоя Вифлеемская

Монастырь Святого Креста

Не только с юга и моря, но и с дальнего севера шли подвижники в град Великого Царя. Не только из пустынь Нитрийских, из раззолоченных палат Рима, но и с гор Кавказских, тогдашнего конца света, от иверов или грузин, только что воспринявших свет Христова учения, видим представителей в основании обителей вокруг Святого града.

Монастырь Святого Креста. Общий вид

По преданию, первый грузинский царь Мириан, обращенный в христианство св. Ниною, посетил в начале IV века Иерусалим и положил основание монастырю Святого Креста на том месте, где росло древо Креста Господня¹⁴⁷.

Обитель эта существует донныне и находится в получасе пути от Иерусалима на юго-запад. Она до прошедшего столетия принадлежала грузинам. Святыню обители составляет место, где, по преданию, росло древо Креста Господня, показываемое ныне сквозь отверстие помоста под главным престолом¹⁴⁸.

¹⁴⁷ См.: Цагарели А.А. Памятники грузинской старины в Святой Земле и на Синае // Православный Палестинский сборник. 1888. Т. 4. Вып. 1 (10). С. 32.

¹⁴⁸ Ныне это мужской монастырь Иерусалимской Православной Церкви; расположен в Иерусалиме (Израиль). – *Примеч. ред.*

Обители пятого века

Подвижничество, насажденное в Палестине Харитоном Исповедником и Иларионом Великим, поддержанное и распространенное их учениками и подражателями, еще более развивается и усиливается в V веке. Являются в Святой Земле новые отцы подвижничества, светила иноческой жизни – Евфимий Великий, Герасим Иорданский, Савва Освященный, Феодосий Великий с бесчисленным сонмом славных учеников, возникают новые обители, как цветы на ниве Божией после плодотворного дождя. Судьбы этих обителей, возникших в V веке, мы постараемся изложить в порядке их возникновения.

Лавры преподобного Евфимия Великого

Лавра преподобного Евфимия Великого, или Верхняя, как видно из определенного указания в житии святого отца, написанного Кириллом Скифопольским, находилась в той же дикой, гористой пустыне, в которой лежали лавры Фаранская, Феоктистова и Хузива, именно: она находилась в 12–13 верстах от Иерусалима к северо-востоку, на расстоянии получаса от Иерихонской дороги влево (по направлению из Иерусалима) и недалеко от лавры Фаранской, на одном из потоков, параллельных потоку Кутилийскому. «Я, Евфимий, – говорил великий подвижник в сонном видении сыну сарацинского князя Теревону, – живу же на восточной стороне в пустыне от Иерусалима, на расстоянии десяти поприщ, недалече от пути, ведущего к Иерихону»¹⁴⁹. Так как лавре св. Евфимия суждено было по кончине его сделаться общежительною обителью, то место, на коем она была расположена, по счастливому выбору святого подвижника, оказалось приятным и удобным для жительства многолюдного общества. Она была расположена на небольшой лежавшей между двумя долинами возвышенности, северная часть коей представляла плодородную, орошаемую потоком равнину; глубокий поток омывал невысокие скалистые берега возвышенности; долины с востока и запада были ограничены холмами, которые соединялись между собою на юге; холмы эти совершенно ограждали обитель с южной стороны и скрывали ее от взора путешественников. Воздух в этой местности был благоуханный и здоровый. Кельи и кущи¹⁵⁰ отшельников лавры были разбросаны по возвышенности на обширном пространстве. Так изображает положение лавры Евфимия жизнеописатель его Кирилл Скифопольский, живший несколько лет в его обители. Основанная по особому откровению Божию, лавра через 12 лет по кончине его была обращена в киновию; тогда явились в ней все необходимые для общежительной обители здания и постройки; вместо прежнего небольшого храма и на его же месте был построен величественный храм; обитель ограждена была со всех сторон стеною с высокою башнею, которая стала господствовать над окрестностью и была видна издалека; под башнею находились и Святые врата¹⁵¹. Славная при жизни преподобного Евфимия, обитель его и по блаженной кончине его продолжала процветать и скоро стала наряду с первыми палестинскими обителями¹⁵². Она была весьма обширна по числу своих подвижников. Много в ней было лиц, сделавшихся впоследствии известными и славными; из нее выходили подвижники, основывавшие новые обители, например Савва Освященный; она давала мужей на святительские кафедры, каковы, например, были Илия и Мартирий¹⁵³, занимавшие патриарший престол в Иерусалиме, и Домн, избранный на первосвятительскую кафедру города Антиохии¹⁵⁴; в нее удалялись для высших подвигов отшельники, приобретшие уже известность своими высокими нравственными совершенствами, например Кириак и Герасим Иорданский. Во время страшных смут, произведенных на востоке несторианами и монофизитами, коснувшихся и Святой Земли, лавра преподобного Евфимия твердо стояла на страже святой веры, охраняя истинность и чистоту православных догматов, и тем оказала Церкви незабвенную услугу. Бедственную участь испытала Евфимиева лавра вместе с другими обителями Святой Земли в страшное нашествие персидского царя Хозроя в начале VII века (614 год), когда персы с огнем и мечом прошли всю Палестину, взяли Иерусалим и пленили Честное Древо Креста Господня; обе обители преподобного Евфимия были разорены,

¹⁴⁹ Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 18.

¹⁵⁰ Куща – шатер, хижина, жилище (устар.). – *Примеч. ред.*

¹⁵¹ См.: *Муравьев*. История святого града Иерусалима. С. 150.

¹⁵² См.: *Муравьев*. Письма с Востока. С. 196–197.

¹⁵³ Мартирий был патриархом Иерусалимским в 478–486 гг., а Илия в 494–516 гг.

¹⁵⁴ Домн занимал Антиохийский престол в 441–449 гг.

причем умерщвлено было, говорят, до 14 000 иноков¹⁵⁵. Но потом лавра Евфимиева восстала из своего разорения и снова пришла в цветущее состояние. Когда прекратилось ее существование, неизвестно.

Развалины монастыря Евфимия Великого (Хан эль-Ахмар) в центре промышленной зоны Мишор Адуммим

Трудно в настоящее время сказать, где именно находилась славная лавра Евфимия Великого; место ее до сих пор не узнано и в точности не определено. Современные исследователи палестинских святых мест помещают Евфимиеву лавру в разных местах: одни полагают ее в Хирбет-Мирд, боковой долине Кедронского потока, к северу от лавры Саввы Освященного, там, где находятся обширные развалины, как видно, древней обители¹⁵⁶; другие – в наби Мусса¹⁵⁷, на месте, которое занимает ныне мусульманский монастырь дервишей¹⁵⁸; третьи хотят видеть ее в том месте, где в настоящее время находятся развалины, называемые Дейр-Мукаллик¹⁵⁹. Но надо сознаться, что все эти мнения не согласны с указаниями, какие находятся у жизнеописателя преподобного Евфимия Кирилла Скифопольского и у других писателей, в этом сознаются сами эти исследователи¹⁶⁰. На основании определенных указаний Кирилла Скифопольского о месте лавры Евфимия Великого мы полагаем, что развалины различных

¹⁵⁵ См.: *Норов*. Путешествие по Святой Земле. С. 51.

¹⁵⁶ См.: *Zeitschrift des Deutschen Palästina Vereins*. Bd. 3. S. 19.

¹⁵⁷ «Наби» в переводе с арабского «пророк»; Мусса – Моисей. – *Примеч. ред.*

¹⁵⁸ См.: *Леонид (Кавелин)*, архим. Старый Иерусалим и его окрестности. С. 392; *Норов А.С.* Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. С. 38–39 (далее – *Норов*. Иерусалим и Синай).

¹⁵⁹ См.: *Кирилл Скифопольский*. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 7. [«Дейр» (дир) в переводе с арабского «монастырь». – *Примеч. ред.*]

¹⁶⁰ См.: *Ueber die alten Lauren und Klöster in der Wüste Juda v. Marti // Zeitschrift des Deutschen Palästina Vereins*. Bd. 3.

древних зданий (явно обличающих древнюю иноческую обитель), которые находятся влево от Иерихонской дороги (по направлению из Иерусалима), на расстоянии получаса от древней крепости Адоним, в вадии эль-Кельт на левом берегу иссохшего глубокого потока, суть остатки этой знаменитой лавры¹⁶¹. Здесь же указывает лавру Евфимия и паломник наш А. Муравьев, посетивший это место в 1850 году и в своих «Письмах с Востока» описавший найденные тут развалины. Приведем здесь описание этих развалин А. Муравьева, чтобы видеть, в каком состоянии нашел он лавру Евфимия Великого.

«Древняя лавра Евфимиева, – говорит Муравьев в 22-м письме¹⁶², – предстала нам, огражденная высокою стеною со стороны потока, недоступная, хотя и полуобрушенная; только низкое отверстие, сквозь которое должно было пролезать, открыло нам несвободный вход в ее заветную внутренность. Еще недавно местные арабы укрывались в ней от воинов Ибрагима-паши и заложили таким образом бывшие пространные ворота. Над ними сохранилась греческая и арабская надпись о не весьма давнем обновлении лавры двумя братьями из Иерихона; но мы не могли хорошо разобрать имена и число лет. Из первой ограды поднялись по груде обломков в самую церковь, довольно обширную, двухпрестольную, в которой сохранились еще фрески на полуобрушенных стенах, уже без сводов и купола: Предтеча и богоотцы Иоаким и Анна и пустынножители, сам Евфимий и Савва, Герасим Иорданский, названный Каламонитом, и Георгий Хозевит. Под церковью, со стороны алтаря, был сход в усыпальницу братии, где еще хранятся многие кости; повыше приникла к скале самая гробница великого Евфимия под аркою, украшенною крестами, но уже упразднена его могила; мы только поклонились месту, где лежало тело святого старца, и вошли в пещеру, где обитал он и где для него устроил первую церковь патриарх Анастасий, пришедший утешить старца с великим аввою Пассарионом. О, если бы восстановилась опять сия лавра Евфимиева, как возникла вновь лавра его ученика Саввы в долине Плачевной, видевшая над собою также дни запустения!»

Из подвижников лавры Евфимия, кроме самого основателя ее, известны: Дометиан, братья Косма, Хрисипп и Гавриил и Эмилиан.

* * *

Преподобный Евфимий Великий (память 20 января) родился в 377 году¹⁶³ в армянском городе Мелитине¹⁶⁴ от знаменитых по происхождению и добродетелям родителей Павла и Дионисии. Подобно св. Иоанну Предтече, он был сыном молитвы. Добродетельная Дионисия была неплодна и бездетна. Скорбь о своем неплодстве раздирала ее душу, печаль снедала сердце. Долго находясь в этом состоянии, она отправилась однажды с супругом своим в ближайший храм мученика Полиевкта. Там оба они, изливая пред Богом в пламенной молитве печаль свою, долго просили Его разрешить узы их неплодства. И вот в одну ночь в божественном видении слышат они голос: ободритесь, и Бог даст вам сына; он получит имя Евфимия – от бодрости и спокойствия духа, которыми будет отличаться в жизни. И церковь Христова восстанет и успокоится¹⁶⁵. Заметив время сего видения, сетующие родители возвратились домой, обещая имеющее родиться от них дитя посвятить навсегда Богу. Ожидание их оправдалось событием. У них родился сын, которого они называли Евфимием. Еще не было ему трех лет, как

¹⁶¹ Современные исследователи полагают, что развалины лавры Евфимия Великого (араб. Хан эль-Ахмар) находятся в 8 км к востоку от Иерусалима, в центре промышленной зоны Мишор-Адуммим. – *Примеч. ред.*

¹⁶² *Муравьев. Письма с Востока. С. 197–199.*

¹⁶³ См.: *Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого.*

¹⁶⁴ Мелитина – главный город Малой Армении [провинция Римской империи], ныне Малатья в Турции. Город этот замечателен мученическою кончиною св. Полиевкта (9 января).

¹⁶⁵ В следующем году умер император Валент, приверженец арианства, и Церковь успокоилась после жестокого гонения, воздвигнутого им на православных.

отец его умер. Мать Дионисия привела юного сироту к св. Отрию¹⁶⁶, епископу Мелитинскому, и посвятила его по обещанию Богу. Прозорливый святитель провидел в этом дитяти необыкновенного по душе человека. Дух Божий, сказал он, почиет на сем отроке. Отрий усыновил его и со всем тщанием стал его воспитывать: он был для юного Евфимия отцом и матерью по любви. Когда Евфимий достиг семилетнего возраста, епископ поручил заботиться о его образовании Акакию¹⁶⁷ и Синодию, образованным чтецам, которые были особенно сведущи в Священном Писании, и Евфимий, приняв в недра ума своего семена их учения, в короткое время принес плод, превышавший его возраст. Епископ причислил его к чину чтецов. Самым любимым занятием Евфимия в это время было упражнение в Божественном Писании; занятие это соединялось у него с нравственным назиданием; когда он находил в Писании повествование о ком-либо из древних знаменитых мужей, сиявших добродетелями, то одушевлялся любовью к нему и воспламенялся подобно ему ревностью к добродетели. В образе жизни Евфимий подражал Акакию, своему учителю, и жил как самый строгий подвижник. Пищу он употреблял только необходимую и простую; при богослужении присутствовал с особенным благоговением, памятуя всегда, что он предстоит пред лицом Самого Бога и устно с Ним беседует; в промежутки времени занимался благочестивыми размышлениями. Уже и в этом возрасте Евфимий весьма полюбил уединенную жизнь. По благословению святого епископа он часто посещал обитель святого мученика Полиевкта и обитель тридцати трех святых мучеников, где оставался подолгу, упражняясь в подвигах поста и молитвы; и один раз в году после великого праздника Светов¹⁶⁸ выходил из города на ближнюю гору, на которой проводил священные дни поста один – в богомыслии и молитве. Епископ, видя высокодобродетельную жизнь Евфимия, рукоположил его в пресвитеры к одной из мелитенских церквей и вверил его надзору все иноческие обители, находившиеся в Мелитине. Но жизнь в городе была Евфимию не по сердцу: его душа жаждала уединения, стремилась к большим и большим подвигам; и вот он тайно удаляется из города, направив путь свой к Иерусалиму. Это было на 29-м году его жизни.

Прибыв в Святую Землю и посетив святые места, Евфимий вращался сначала в кругу отшельников, подвизавшихся в окрестностях Иерусалима, и, изучив их образ жизни, удалился в Фаранскую лавру, где поселился в одной уединенной келье, вне лавры.

К нему присоединился подвижник Феоктист, имевший одинаковые с ним мысли, одинаково сильное стремление к отшельничеству, и подвижническая жизнь их потекла с той поры неразлучно. В восьмой день после праздника Светов они ежегодно удалялись на все время Четыредесятницы в глубокую пустыню Иорданскую, где беседовали в молитве с одним только Богом. Так прошло пять лет. Приближалась Четыредесятница. Подвижники по обыкновению на время поста удалились в пустыню. Проходя Кутилийскою пустынею, Евфимий и Феоктист увидели здесь в одном месте, не на большом расстоянии от Иерихона, над одним потоком неприступную пещеру; пещера им понравилась, и они избрали ее местом своих подвигов. Долго укрывались они в ущельях гор, неведомые миру, доколе не увидели их однажды пастухи, пригнавшие стада свои к потоку. На высоте, едва доступной, двумя призраками показались пастухам дивные отшельники, и простые люди в первые минуты испугались, но потом их страх обратился в радость, когда они узнали в этих призраках мужей молитвы. Разнеслась по окрестности молва о великих подвижниках, и вот к пещере их стали стекаться посетители, желавшие видеть Божьих людей, и, увидев их необычайные подвиги, прославляли Бога. Добро любезно человеку, добродетель привлекательна. И вот многие, приходившие лишь посмотреть на жизнь необыкновенных людей, увидев их подвиги, решались навсегда остаться при них,

¹⁶⁶ Память св. Отрия 17 апреля.

¹⁶⁷ Св. Акакий был епископом в Мелитине после Отрия. Память его 17 апреля.

¹⁶⁸ В первые века Церковь христианская вспоминала Рождество Христово и Крещение вместе в один день; праздник этот назывался праздником Богоявлений и Светов.

чтобы подвизаться под их руководством; преподобный Евфимий принимал всех. Так как число лиц, желавших жить и трудиться о Господе под руководством Евфимия и Феоктиста, было значительно, то они внизу, при подошве пещеры, построили для братьев кельи, а пещеру обратили в церковь. Таким образом возникла обитель, которую Евфимий поручил Феоктисту, сам же продолжал жить в другой пещере. Евфимий назидал иноков беседами, внушал им совершенное отречение от мира и непрестанный труд по примеру апостола Павла, дабы праздность не лишила их средств содержать себя и творить милостыню.

Прп. Евфимий Великий

Скоро открылось, каков был преподобный Евфимий. Некто Теревон, сын Аспевета, начальника одного сарацинского племени, кочевавшего за Иорданом, был одержим злым духом, который до того измучил несчастного, что правая половина его тела иссохла и омертвела и не могла произвести никакого действия. В одно время Теревон видел во сне некоторого инока с длинною седою бородою, который спрашивал его, какая у него болезнь. Когда Теревон рассказал ему о своей болезни, инок спросил его, желает ли он переменить свой образ жизни и сделаться христианином. Теревон отвечал, что готов все исполнить, лишь бы только быть здоровым. Инок сказал: «Я Евфимий» – и, рассказав отроку о своем местопребывании, присовокупил: «Если желаешь освободиться от болезни, приди ко мне, и Бог через меня исцелит тебя». Следуя видению, Теревон и отец его Аспевет с отрядом сарацин прибыли в Палестину, отыскали Кутилийскую пустыню и явились к преподобному Евфимию. Евфимий, осенив отрока крестным знамением, исцелил его совершенно. Изумленные сарацины пали на землю пред дивным мужем и просили его принять их в число христиан; немедленно совершено было над ними таинство Крещения. Сорок дней продержал у себя сарацин преподобный Евфимий, научил их христианским догматам и потом с миром отпустил домой.

Молва о чудесном исцелении сына сарацинского князя быстро распространилась по всей Палестине, так что имя преподобного Евфимия сделалось повсюду известно, и одержимые различными болезнями со всех сторон начали стекаться к нему за исцелением. Но не по сердцу была такая известность строгому отшельнику; по глубокому смирению он не терпел славы

человеческой, а по любви к безмолвию и уединению не мог выносить постоянного стечения народа, и вот, желая избежать славы человеческой, он взял с собою ученика своего Дометияна и тайно удалился в пустыню к Мертвому морю. Здесь он переходил с места на место. Сначала жил в пустыне Рува на невысокой горе в заброшенной келье; питался с учеником своим пустынными травами и кореньями. Потом переселился в пустыню Зиф¹⁶⁹. В эту последнюю пустыню увлекло Евфимия желание видеть ту пещеру, в которой скрывался Давид во время гонений, воздвигнутых на него Саулом. Он нашел эту пещеру и стал жить в ней: пещера ему очень понравилась. Но и здесь подвижник не укрылся от людей. Узнали о нем жители селения Аристовулиады, находившегося в этой же пустыне, и вот по какому случаю. Сын одного жителя этого селения был одержим злым духом и постоянно произносил имя Евфимия. Родители старались разузнать, кто это Евфимий, и, узнав о его святой жизни, отправились к нему с сыном. Не успели они приблизиться к пещере, в которой жил отшельник, как злой дух, до крайней степени измучив юношу, вышел из него. Быстро разнесся по окрестности слух об этом чуде, и окрестные жители толпами начали являться к св. Евфимию: одни желали посмотреть святого человека, другие – принять от него благословение, иные – получить исцеление от болезни, а некоторые – остаться при нем и жить с ним. Божий человек принимал всех, со всеми беседовал и из сокровищницы благодатных даров, коими был преисполнен, подавал всем потребное. Многих, зараженных ересью Манеса¹⁷⁰, он обратил к истинной вере. Около пещеры скоро возникла и обитель – так значительно было число желавших подвизаться под руководством Евфимия! Жители окрестных селений доставили ему все потребное для устройства обители. Видел преподобный Евфимий, что он нигде не может скрыться от людей, что везде, где бы он ни укрывался, о нем узнавали, и потому решился возвратиться в свою лавру. С сожалением он оставил пустыню и с учеником своим Дометияном направился к лавре. Вот они уже в Кутилийской пустыне, на потоке, на коем их лавра. Не доходя несколько до лавры, обрели они уединенное место на левой же стороне потока, которое особенно полюбилось Евфимию: среди живописной, но совершенно пустынной местности, в береговой скале была природная пещера; в этой пещере он с учеником своим и поселился, и поселился навсегда. Обрадовались Феоктист и братия, когда узнали о возвращении Евфимия из пустыни, и тотчас явились к нему; но напрасно умолял его Феоктист поселиться и жить с ним в обители: великий отшельник решительно отказал; он обещал только посещать обитель в воскресные дни, чтобы участвовать с братиею в богослужении и приобщаться Святых Таин.

Когда весть о возвращении преподобного Евфимия достигла Аспевета, он пожелал видеть святого мужа и привел к нему с собою множество сарацинского народа – мужчин, женщин и детей; все они были крещены Евфимием. Так как сарадины не хотели возвращаться домой, то Евфимий позволил им поселиться между своим уединением и обителью, и таким образом устроилось сарацинское селение. Аспевет, в христианстве названный Петром, поставлен был для сарацин епископом. Это было в 421 году.

Спокойно жил несколько лет преподобный Евфимий в своем уединении, работая единому Господу; он наслаждался полным безмолвием, которого так жаждала его душа. В свой уединенный приют никого он не принимал и всех искавших его руководства и духовных советов отсылал в обитель к Феоктисту. Но Господь в сонном видении открыл ему Свою волю, чтобы пустыня, в которой он жил, населилась ревнителями благочестия и чтобы он принимал к себе всех, кто бы ни пожелал под его руководством содевать свое спасение. Поспешил исполнить волю Божию преподобный Евфимий. И вот мало-помалу собралось около него много любителей отшельничества, и дотоле необитаемая пустыня огласилась пением и славословием.

¹⁶⁹ Пустыня Зиф находилась в юго-западной части Иудейской пустыни, юго-восточнее Хеврона.

¹⁷⁰ Манес, еретик, перс из Вавилона, маг, после принятия христианства пресвитер; внес в христианское учение многие воззрения из других религий, особенно из персидской – о двух вечных началах (свет и тьма); учил, что Христос – не Бог, что сам Манес есть Париклит – Утешитель, Дух святой, что Ветхий Завет есть произведение злого духа.

ями Богу; по ней на далекое пространство рассеялись уединенные кельи и кущи. В числе прибывших к Евфимию для пустынных подвигов были лица, сделавшиеся славными и приснопамятными в истории его лавры и в истории всей Христовой Церкви; это были между прочими три брата из Мелитины, родины Евфимия, племянники учителя его Синодия: Стефан, Андрей и Гаиан; Иоанн, пресвитер Раифский; Кирион, также пресвитер церкви святого мученика Василия из Скифополя, и другие.

Возникла в Кутилийской пустыне вторая лавра преподобного Евфимия, скоро занявшая одно из первых мест между палестинскими лаврами. Радостнейшим событием в новой лавре было освящение храма, построенного для нее ее великим основателем. Для освящения храма прибыл сам патриарх Святого града Ювеналий¹⁷¹ с хореписком Пассарионом и просвещенным пресвитером Исихием, которые сияли как звезды на тверди иноческой, по выражению историка. Радовался Евфимий прибытию этих святых мужей; утешался он чрезвычайно, видя, что место сокровенных подвигов и нравственного преуспеяния боголюбивых душ, назначенное Самим Богом, теперь вполне устроено. По его желанию для служения при храме Дометиан и Домн были рукоположены св. Ювеналием в диаконы, а пресвитерами были Иоанн и Кирион. Это было в 429 году, на 53-м году жизни преподобного Евфимия. Устроив по воле Божией новое место для ревнителей уединения и пустынных трудов, преподобный Евфимий, казалось, должен был расстаться с безмолвием, которое было ему столь любезно, чтобы посвятить себя заботам о духовном благе и спасении насельников лавры, вверивших себя его руководству. Но великий подвижник умел соединить то и другое: и удовлетворять любви своей к безмолвию и самому строгому подвижничеству, и заботиться о нравственном преуспеянии братий-отшельников: великим отцам подвижничества всегда присущи благоразумие и духовная рассудительность. Мало того, из своего уединения он простирает взоры свои и на Церковь Христову, ревновал о ее благе и спокойствии.

Преподобный Евфимий жил в своей лавре, как самый строгий подвижник. Шесть дней он неисходно пребывал в келье; в субботу вечером отворялась дверь кельи, и он принимал эконома лавры и других посетителей; в воскресенье являлся в храм для участия в богослужении. В келье своей проводил он время в молитве, пении псалмов, чтении слова Божия, в духовных размышлениях и богомыслии, занимаясь в то же время, по обычаю тогдашних отшельников, и рукоделием – плетением корзин и рогож. Пищу принимал один раз в неделю; сон его был самый короткий. «Никогда мы не видали, – рассказывал отшельник Кириак, живший в Евфимиевой лавре десять лет, иноку Кириллу, жизнеописателю преподобного Евфимия, – никогда мы не видали, чтобы старец когда ел, кроме субботы и воскресенья, входил с кем в сношение или с кем разговаривал. Никто также не видал, чтобы он ложился и спал на боку; обыкновенно он сидел и недолго дремал или несколько засыпал стоя, ухватившись обеими руками за веревку, привязанную к стене в одном углу; как скоро веревка выпадала из рук, он просыпался; таким образом всю почти ночь он проводил в бдении и молитве, сопровождая ее сердечными воздыханиями и коленопреклонениями». Ежегодно строгий подвижник после праздника Богоявления уходил на всю Четыредесятницу для высших подвигов в пустыню, куда брал с собою ближайших и любимейших учеников; обыкновенно уходил он в Кутилийскую пустыню, или в пустыню Иорданскую, или чаще всего в пустыню Рува. Такого образа жизни держался преподобный Евфимий всю последующую жизнь до самой своей кончины. Но в некоторых случаях он позволял себе отступать от принятых правил, когда, например, требовало того духовное благо ближнего, угрожала кому-нибудь из братий нравственная опасность. Так, однажды старец отворил дверь своей кельи и вышел среди недели: по откровению он узнал, что два брата – Марон и Елимакий, тяготясь строгостью жизни в лавре, задумали ночью бежать из нее. Призвав братьев к себе, великий авва убедил их остаться в лавре и Господа ради и ради своего соб-

¹⁷¹ Св. Ювеналий, патриарх в 422–458 гг. Память его 2 июля.

ственного блага терпеть все трудности и тягости. Строгий подвижник оставлял также однажды пустыню для свидания с императрицей Евдокией, чтобы спасти ее от зловерия, в которое она была увлечена коварными последователями еретиков Евтихия и Диоскора.

Несмотря на всю любовь к уединению и к самому строгому подвижничеству, преподобный Евфимий сам управлял своею лаврою, сам неустанно заботился о ее благе и процветании. Он знал все, что происходит в лавре, знал ее нужды и потребности, внутреннее состояние и настроение братий-отшельников, их слабости и уклонения от требований подвижничества; знал он обо всем этом и через эконома, который являлся к нему каждую субботу и сообщал ему о состоянии обители, и непосредственно – духом, по дару прозорливости, которым он был наделен, или по особому откровению, которое ему бывало свыше. С экономом лавры мудрый авва входил в подробное рассмотрение нужд ее, сам указывал, что для нее потребно, указывал пути, изыскивал средства для удовлетворения ее потребностей, входил иногда даже в мелочи. Особенно же великий отец заботился о нравственном преуспевании подвижников своей лавры. При каждом случае он поучал братий, давал им наставления, внушал быть верными обетам иночества, ими на себя принятым, внимать себе, бодрствовать и молиться, со страхом и трепетом содевать свое спасение, не ослабевая в подвигах. «За чем вышли вы из мира, – говорил он им, – в том и пребывайте, о том и подвизайтесь, бодрствуйте на всякий час и молитесь, чтобы не подвергнуться напасти. Помните, что отрекшимся от мира и желающим иночествовать должно отречься от своей воли, иметь во всем послушание, хранить смиренномудрие, постоянно держать в уме память смертную, судный час, бояться огня вечного, любить славу Царствия Небесного. Еще и то ведайте, что с внутренним богомыслием должно соединять и телесный труд, чтобы быть подражателями апостолу Павлу, который трудился день и ночь, работая своими руками. Как много работают в мире живущие, какие великие труды и заботы принимают, чтобы прокормить жену и детей, Богу делать приношение, творить по силе милостыню, платить подати! Мы ли не должны трудиться, чтобы прокормить одно свое тело, избежать праздности и не поедать чужих трудов?» Мудрый Евфимий постепенно вел тружеников креста по лестнице иноческих добродетелей и совершенства. Не вдруг и не всем он позволял подвизаться больше других; только уже успевшие в трудном деле подвижничества получали позволение брать на себя высшие подвиги. Особенное внимание он обращал на молодых подвижников: внушал им удручать свое тело постом, бдением, физическими трудами, чтобы доставить господство над ним духу. Бдительно наблюдая за внутренним состоянием подвижников, он охранял их от нравственных падений, увещевал, умолял их трезвиться и именем Господа Иисуса Христа прогонять нечистые помыслы ума и вожделения плоти, силою крестного знамения отражать козни и наветы исконного врага нашего спасения. Если же случалось брату по нерадению впасть в искушение, немедленно он восставлял от падения, возбуждая в нем бодрость духа и решимость неусыпно стоять на страже своего спасения. Внушая подвижникам отречение от своей воли, авва не терпел непослушания, особенно упорства, ожесточения. В этом случае он гневался, и Сам Господь вступался за раба Своего: непослушный, упорный подвергался наказанию и через то исправлялся. Так, однажды эконом назначил пасти рабочий скот одному брату по имени Авксентий; тот отказался. Эконом взял с собою двух пресвитеров – Иоанна и Кириона, и все они просили Авксентия принять на себя эту службу. Дождались субботы; Дометиан доложил о непослушании брата великому авве. Призвав Авксентия, преподобный Евфимий ласково сам просил его принять назначенную ему службу. «Не могу, честный отче, – отвечал Авксентий, – три вещи возбраняют мне это. Первое: я иностранец и не умею говорить по-здешнему; второе: боюсь впасть в грех; третье: присматривая за скотом, не могу быть в безмолвии и сидеть, помышляя непременно о Боге». Великий Евфимий на это сказал: «Будем молить Господа, и ты от всего этого не потерпишь никакого зла; знает Господь, что ты ради него служишь рабам Его. Послушай, что Господь говорит: *не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин. 5:30)». И теперь Авксентий не послушался: он стоял и упорно

молчал. Разгневался тогда авва и сказал: «Мы советуем тебе, чадо, что тебе на пользу; ты же не слушаешь; увидишь возмездие за свое непослушание». Не успел окончить своих слов авва, как Авксентий затрясся и пал на землю, продолжая дрожать и трястись. Дометиан и прочие отцы, бывшие при этом, испугались и стали просить авву за непослушного брата. Сжалился старец, осенил полумертвого Авксентия крестным знамением и поднял его. Он встал совершенно здоровый. Пал в ноги святому старцу Авксентий и просил у него прощения в грехе непослушания. «Ну хорошо, чадо: Бог тебя простит. Помни: послушание – великая добродетель; послушания Бог требует больше жертвы». Потом старец благословил его и, сказав: *Вот, теперь ты здоров, не грешь больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5:14), – отпустил его. Охотно принялся Авксентий пасти скот и нес эту службу со всем старанием.

Руководя братьев-подвижников в аскетических трудах, ревностно заботясь о их духовном благе, преподобный Евфимий заботился в то же время и о благе Христовой Церкви: он боролся с еретиками и защищал от них православную веру. С самых первых лет своей жизни на Святой Земле великий подвижник, встречая последователей Манеса, с успехом противодействовал им в распространении лжеучения этого еретика и многих, зараженных еретическими мнениями, обратил к истинной вере; успешно также боролся с оригенистами и способствовал ослаблению и искоренению неправых Оригеновых мнений, сильно распространившихся в V веке в Палестине и преимущественно между иноками. Скорбел душою Евфимий, когда явился еретик Несторий¹⁷² и своим лжеучением возмутил мир христианской Церкви. Он крепко наказывал епископу сарацинскому Петру, отправлявшемуся с другими палестинскими епископами в Ефес на Третий Вселенский Собор, держаться Кирилла Александрийского¹⁷³ и Акакия Мелитинского и сохранить веру чистою и неповрежденною. Когда епископ Петр по окончании Собора возвратился в Палестину и рассказал преподобному Евфимию о действиях и определениях Собора, возрадовался духом великий подвижник, что еретик низложен и православное учение о Господе Иисусе Христе восторжествовало. Особенно великую ревность о чистоте и целости православной веры показал великий Евфимий во время смятений, произошедших в Палестине после Четвертого Вселенского Собора.

Когда бывшие на Халкидонском Соборе палестинские епископы Иоанн Сарацинский и Стефан Иамнийский принесли преподобному Евфимию известие о действиях и определениях Собора, о низложении еретиков Евтихия¹⁷⁴ и Диоскора¹⁷⁵ и утверждении православного учения о Лице Господа Иисуса Христа, великий отец с сердечною радостью принял это известие, одобрил и похвалил действия и постановления православных отцов, бывших на Соборе, и благодарил Бога, промышляющего о благе святой Церкви. По примеру великого аввы уже все иноки палестинские готовы были принять учение Халкидонского Собора, когда явился возмутитель мира церковного инок Феодосий, осужденный своим епископом за преступление и однажды наказанный в Александрии за участие в возмущении¹⁷⁶. Этот инок распространил в обителях палестинских нелепую молву, будто Халкидонский собор извратил истинную веру, принял и утвердил учение Нестория о двух лицах во Христе, и показывал искаженный перевод послания папы Римского Льва Великого¹⁷⁷ св. Флавиану, архиепископу Константинопольскому¹⁷⁸. Многих соблазнила наглая уверенность, с какою Феодосий подтверждал мнения свои

¹⁷² Несторий учил, что Иисус Христос родился простым человеком, а Божество соединилось с Ним после и что Божия Мать не Богородица, а Христородица.

¹⁷³ Св. Кирилл, патриарх Александрийский; скончался в 444 г. Память его 9 июля, 18 января.

¹⁷⁴ Евтихий учил, что в Иисусе Христе одно естество – Божеское. Его последователи – монофизиты и евтихиане.

¹⁷⁵ Диоскор – приверженец Евтихия.

¹⁷⁶ Феодосий, как возмутитель, по распоряжению патриарха Александрийского Диоскора получил много ударов розгами и возим был на осле по городу (см.: *Евагрий*. Церковная история. II, 5).

¹⁷⁷ Св. Лев Великий, папа Римский в 440–461 гг. Память его 18 февраля.

¹⁷⁸ Св. Флавиан был патриархом Константинопольским в 447–449 гг. Память 18 февраля.

ложными свидетельствами; он увлек на свою сторону и императрицу Евдокию, которая жила в Иерусалиме. Евдокия увлекла за собою иноков и народ. Когда патриарх Ювеналий возвратился с собора, его хотели принудить предать проклятию православный Халкидонский Собор; был даже подослан к патриарху убийца, но кинжал его поразил другого епископа. Ювеналий оставил Иерусалим и удалился в Константинополь, а приверженцы Феодосия, собравшись в храме Святого Воскресения, поставили на его место этого еретика. Целых восемнадцать месяцев Феодосий держался на кафедре Иерусалимской и страшно неистовствовал в Палестине. Лжепатриарх старался всеми силами склонить на свою сторону и св. Евфимия: он то приглашал великого старца к себе, то писал ему особые послания, то грозил: старец отказался от приглашения. Феодосий послал к нему двух игуменов – Елпидия и Геронтия. «Господь да сохранит меня, – отвечал им Евфимий, – от участия в преступлениях и ереси Феодосия». – «Итак, мы должны принять догматы о двух природах, утвержденные на Халкидонском Соборе», – возразили игумены. «Я не читал всех деяний соборных, – сказал им Евфимий, – но в изложении догматов не нашел ничего неправославного». И он объяснил им, как согласовался Собор в своих мнениях с учением св. Кирилла Александрийского. Игумены возвратились к Феодосию. Но лжепатриарх не остался спокоен: он посылал к св. Евфимию еще несколько духовных с теми же убеждениями. Великий авва, видя его наглость, предварил иноков своей лавры и настоятелей других обителей, чтобы не сообщались с лжепатриархом, а сам удалился с некоторыми подвижниками, в числе коих был преподобный Герасим, в глубину пустыни Иорданской, где оставался до тех пор, пока мятежники не были усмирены военною силою. Феодосий бежал тайно из Иерусалима.

Когда св. Ювеналий по низложении лжепатриарха Феодосия возвратился в Иерусалим и стал приводить в порядок расстроенную Иерусалимскую церковь, императрица Евдокия колебалась и не знала, какого исповедания ей держаться. Получив от папы Римского Льва Великого письмо, в котором святой отец изъяснял то, что было искажено дурным переводом письма его к св. Флавиану, и тронувшись сильно известием о пленении дочери ее, супруги императора Западного, и внучат, отведенных в плен в Карфаген¹⁷⁹, Евдокия решилась искать общения с Православною Церковью. Но прежде она хотела узнать мысли знаменитейших пустынных. Св. Симеон Столпник¹⁸⁰, к которому она прежде всего послала за советом, отвечал ей: «Знай, что демон, позавидовав богатству твоих добродетелей, восхотел искутить тебя, и орудием послужил ему нечестивый Феодосий, наполнивший душу твою смятением; но бодрствуй: вера твоя не оскудела. Изумляюсь, однако, – велел прибавить знаменитый пустынный, – зачем, будучи у потока, ищешь ты столь далеко струи; близ тебя божественный Евфимий; следуй его советам, и спасешься». Евдокия не замедлила исполнить спасительный совет великого подвижника; но зная, что Евфимий не входит ни в какой город, она велела построить недалеко от его лавры башню, чтобы там с ним беседовать. Преподобный Евфимий согласился на просьбу – видаться и беседовать с ним в устроенной ею башне, и когда святой старец прибыл туда, императрица бросилась к ногам его и сказала: «Теперь ясно я вижу, что Сам Господь посетил меня твоим присутствием». Но смиренный старец отвечал ей: «Дочь моя, отныне внимай себе; бедствия, твоим присным приключившиеся в Италии, посетили тебя за лесть Феодосиеву, которой ты предалась. Итак, оставь свое упорство, признавай наравне с тремя первыми Вселенскими Соборами и четвертый – Халкидонский и возвратись к общению епископа нашего Ювеналия». Благословив ее, Евфимий удалился; она же тотчас исполнила его совет, вступила в общение с патриархом и присоединилась к Православной Церкви.

¹⁷⁹ Евдокия, супруга императора Западной Римской империи, с дочерью Плакидией и Евдокией была взята в плен королем вандалов в 455 г. и томила в плену семь лет.

¹⁸⁰ Св. Симеон, первый столпник, подвизался близ Антиохии в Сирии. Память его 1 сентября.

Высокой степени духовного совершенства и нравственной чистоты достиг преподобный Евфимий, близок к Господу и угоден Ему стал он. Призирая оком божественного благоволения на раба Своего, Господь наделил его разнообразными благодатными дарами, каковы: дар чудес, дар прозорливости, предведения будущего и др. И проявлял эти дары благодатствованный Евфимий в разных случаях и при разных обстоятельствах. Некоторые опыты благодатных дарований мы уже видели. Представим еще несколько таких опытов.

По словам самого великого аввы, он часто видел во храме Ангелов, которые вместе с ним служили и священнодействовали; видел также, что во время принятия Животворящего Тела и Крови Господней некоторые из приступающих к святой чаше осиявались светом, а некоторые как бы помрачались и мертвели – это те, которые недостойны были света и сияния. Однажды, когда преподобный Евфимий вместе с Дометианом совершал литургию, во время пения Трисвятого, огонь, нисшедший с неба, окружил их и пребывал с ними до окончания литургии.

Армянский караван в 400 человек, направляясь по дороге от Иерусалима к Иерихону, заблудился в пустыне и уклонился на путь, ведущий в лавру преподобного Евфимия. Евфимий уже знал об этом. Когда караван находился недалеко от лавры, Евфимий призывает к себе эконома Дометиана и говорит ему, что к ним скоро будут гости: необходимо приготовить обед для четырехсот человек. Дометиан отговаривался недостатком хлеба в лавре. «У нас нет пищи не только для четырехсот человек, но и для братии, – говорил он, – даже на день мало пищи». Тогда преподобный Евфимий послал Домициана в житницу, сказав: «Божественная благодать неожиданно все может сделать». Дометиан отправился в житницу и нашел в ней столько хлебов, что и дверей нельзя было отворить: житница вся сверху донизу была наполнена хлебами. С этого времени благодать Божия видимым образом ознаменовала свое присутствие в лавре преподобного Евфимия. Лавра уже ни в чем не терпела недостатка.

Два брата, Марон и Климатий, соскучившись жить в лавре по причине строгой жизни, задумали тайно бежать из нее. Евфимий узнал об этом таким образом: он видел, будто диавол налагает узду на Марона и Климатия в то время, когда они стояли на молитве, и влечет их в смертную сень. Призвав братьев, старец уговаривает их оставить намерение и ведет с ними продолжительную беседу, в которой научает их терпению и духовному бодрствованию. «Везде необходимо хранить себя и наблюдать за собою, – говорил им Евфимий. – Адам в раю нарушил волю Божию; Иов на гноище сохранил заповеди. Не должно допускать худых помыслов, наводящих уныние и печаль или отвращение к сему месту, ненависть к живущим с нами; но должно каждый час бодрствовать, охранять ум от козней бесовских, чтобы с переходом на другое место не разорился наш устав. Дерево, часто пересаживаемое, не приносит плода. Если кто хочет творить добро на месте, где живет, и не может, пусть он не думает, что в другом месте будет лучше поступать, ибо не местом, но доброю волею и верою совершается добродетель. Послушайте повесть, которую я слышал от египетских подвижников. Жил некоторый брат в общежительном монастыре в Египте. Он был недоволен жизнью, расстроен, часто гневался на братьев, с которыми встречался, роптал и произносил слова брани и укоризны. В таком состоянии он оставил обитель, поселился в одном уединенном месте и стал жить один в полной уверенности, что в уединении не с кем будет ему говорить и потому он отстанет от своей дурной привычки на всех гневаться. В один день брат налил в сосуд воды и поставил его, сосуд опрокинулся; в другой раз налил, сосуд также опрокинулся; налил его в третий раз, и в этот раз с сосудом произошло то же. Рассердился брат на сосуд, схватил его и разбил». При этих словах Климатий рассмеялся. «Или и ты прельщен бесом, что безумно смеешься? – сказал старец, гневно взглянув на него. – Не слышал ли, что Господь смеющихся называет несчастными, а плачущих блаженными?» Старец тотчас отворотился от Климатия и ушел в келью; Климатий же пал на землю, дрожал и бился. По просьбе Дометиана и других отцов великий старец силою крестного знамения возвратил Климатию здоровье. Марон и Климатий остались в лавре.

Ризничий иерусалимского храма Святого Воскресения Анастасий, давно желая видеть преподобного Евфимия, решился с некоторыми другими клириками посетить его лавру. Лишь только Анастасий отправился в путь, как Евфимий, призвав эконома своей лавры, сказал ему, что сам патриарх идет к ним, и велел приготовить все нужное для принятия его. Когда Анастасий прибыл в лавру, Евфимий, оказав ему почести, приличные патриарху, обращался потом и разговаривал с ним, как с патриархом Иерусалимским. Присутствовавшие удивлялись этому, а эконом на ухо сказал авве: «Ведь это не патриарх, а только хранитель святых сосудов; посмотри, у него и одежда такая, какую нельзя надевать патриарху Иерусалимскому». Тогда Евфимий сказал: «Поверь мне, сын мой, я видел на нем в это время одежду, приличную патриарху, и думаю, что не обманываюсь». И действительно, великий старец не обманывался: он духом прозрел в будущее, провидел грядущее высокое служение Анастасия Святой Церкви, и прозрение его сбылось в свое время на самом деле. В 458 году по Р. Х. патриарх Ювеналий скончался, и Анастасий, согласно с прозрением преподобного Евфимия, по общему желанию народа был возведен на патриарший престол святого града.

В одно время в Палестине долго не было дождя; стояла страшная засуха: в реках и ручьях не стало воды; растения засохли; животные, томясь от жажды, падали; люди изнемогали; была общая печаль. Братия Евфимиевой лавры, сочувствуя общему бедствию, собрались вместе с преподобным Феоктистом к великому авве и просили его помолиться и испросить у Бога дождя. Он отказался. Засуха продолжалась. После праздника Светов приближался день, в который преподобный Евфимий намерен был по обычаю удалиться на Четыредесятницу в пустыню. В большом количестве из Иерусалима и окрестных селений и городов собрался народ и в преднесении Креста Господня с пением «Господи помилуй!» направился к лавре. Прибыв в обитель и окружив келью преподобного Евфимия, народ умолял великого подвижника испросить дождя у Бога, говоря, что в противном случае не пустит его в пустыню. Услышав мольбы народа, старец вышел к нему и сказал: «Чего вы ищите от человека грешного? Я, дети, будучи грешен, не имею дерзновения молиться об этом Богу и больше других требую Его милосердия, особенно в настоящее время Его праведного гнева. Грехи наши – средостение между Им и нами. Мы осквернили святой образ, работая похотям и различным страстям; мерзкими сделались мы, ненавидя друг друга. За это Господь послал на нас эту казнь, чтобы мы покались и исправились. Когда же мы покаемся и исправимся, тогда услышит нас Господь, ибо Он бесконечно милосерд». – «Ты, отче, помолись за нас, – заговорили все в один голос, – веруем, услышит Господь твою молитву». Сжалился раб Божий и, повелев народу молиться, отправился с отцами-подвижниками в храм, где повергся на землю и со слезами умолял Бога помиловать Свое творение, посетить землю милостию и напоить ее дождем. Господь услышал молитву раба Своего. Еще молился великий старец, как поднялся с юга сильный ветер, появились облака, скопились тучи и полился сильный дождь с громом и молнией. Окончив молитву, преподобный Евфимий с радостным лицом вышел к народу и сказал: «Вот, дети мои, услышал Господь вашу молитву и благословит наступающий год плодородием больше других годов. Постарайтесь и вы благими делами угодить Ему, показавшему вам безмерную милость». Благодаря Бога, народ в радости и веселии духа оставил лавру. Дождь лился несколько дней, так что Евфимий не мог выйти в пустыню и остался на этот раз в своей лавре.

Когда преподобному Евфимию шел 82-й год от рождения, прибыл к нему юноша Савва-каппадокиянин и просил принять его в лавру. Он принял, но послал Савву в нижнюю обитель к преподобному Феоктисту. При этом прозорливый старец предсказал, что Савва просияет в подвижничестве больше других, что и сбылось на самом деле.

Прибыли в то же время в Евфимиеву лавру нитрийские отшельники Мартирий и Илия, в Нитрийской горе уже славившиеся подвижничеством. Полюбил их преподобный Евфимий и брал нередко с собою на Четыредесятницу в пустыню в числе ближайших своих учеников. Провидя будущую судьбу Мартирия и Илии, богоносный Евфимий предсказал, что оба они

в свое время один за другим займут престол св. Иакова, брата Божия, в Иерусалиме и будут служить украшением Иерусалимской церкви. Предсказание это во всей точности сбылось.

Исполнились дни жизни преподобного Евфимия, приблизилось время отшествия его в другую жизнь. В восьмой день после праздника Светов собрались по обычаю к великому старцу братия, которые должны были сопутствовать ему в пустыню на время поста, и изумились, увидев, что у него ничего не было приготовлено для пути. На вопрос их, пойдет ли авва завтра в пустыню, он отвечал: «Я пробуду с вами в лавре всю эту неделю и в субботу, среди ночи, расстанусь с вами». На третий день после этого, на память преподобного Антония Великого, после всенощного бдения Евфимий собрал в церкви пресвитеров, объявил им, что совершил с ними последнее бдение, и велел утром собраться к нему всем братиям. Когда же утром на другой день собрались к нему братия обители, старец, помолчав немного, так начал говорить: «Возлюбленные мои о Господе отцы и братия и дети! Я уже иду в последний путь отцов моих. Вы же покажите любовь свою ко мне исполнением заповедей, из коих первая есть любовь, союз совершенства добродетелей (см. Кол. 3:14). Что соль для хлеба, то любовь для добродетели. Без нее невозможно быть добродетельным, как должно, потому что всякая добродетель тверда любовью и смирением. Смирение возводит смиренного на высоту добродетелей, а любовь держит его крепко и не позволяет ему ниспасть с сей высоты. Но любовь выше смирения, как видно из примера Господа и Творца, Который по Своей к нам любви произвольно смирил Себя и сделался подобен нам. Итак, должно прославлять Его во всякое время и воссылать хвалы. Должно и всем людям строго соблюдать сие, но всего более нам, ибо мы дали Ему обещание; мы свободны от всякого смятения и дел житейских, живем уединенно и одни, наедине, стараемся только о самих себе. Да будут всегда чисты и души и тела ваши, братия! Обычные церковные славословия и устав, прежде вам данный, храните со всею точностию. О тех, которые изнемогают, заботьтесь, сколько есть сил. Брата, борющегося с нечистыми помыслами, всегда оберегайте, непрестанно утешайте, учите и увещайте, дабы он по незнанию не преткнулся и, к радости диавола, не пал жестоко. Вот и еще последнее мое вам завещание: никогда не затворяйте ворот для приходящих. Они должны быть отворены для всякого прохожего. Самое ваше жилище да будет общим для всех странников и пришельцев, и с неимущими разделяйте все то, что имеете. За это вы удостоитесь щедрых даров с небес». Такое завещание дал братии старец. После этого он спросил их, кого они желают иметь своим настоятелем, и, когда все единодушно назвали Дометиана, старец, к общему изумлению, объявил, что это невозможно, ибо Дометиан последует за ним на восьмой день. Избран был Илия, уроженец иерихонский, экононом нижней обители. Евфимий поручил ему братию, объявил, что по воле Божией лавра его скоро должна обратиться в монастырь общежительный, и заповедал, где строить монастырь и как строить. Наконец, обратившись ко всем, старец сказал: «Если я обрету дерзновение пред Богом, то буду просить у Него той особенной милости, чтобы мне всегда пребывать духом моим с вами и с вашими преемниками даже до конца». Дав потом братиям последнее целование, он отпустил всех, кроме Дометиана, которого оставил свидетелем блаженной своей кончины, и спустя три дня мирно предал Богу святую душу свою на 97-м году от рождения. Это было в 473 году 20 января – в этот день и доныне Церковь совершает память преподобного Евфимия.

Торжественно было погребение великого подвижника. При первой вести о его кончине собрались в лавру аввы и иноки окрестных обителей; в несметном множестве стекся народ из окрестных селений и городов. Прибыл из Иерусалима сам патриарх Анастасий с клириками. После торжественного отпевания тело святого старца при пении псалмов было предано земле около храма. При погребении св. Евфимия произошли различные чудеса и исцеления.

Не оставил своей лавры преподобный Евфимий и после отшествия своего из сей жизни. Угодник Божий и теперь о ней заботился; прошло десять лет со дня кончины св. Евфимия, а завещание его касательно преобразования лавры в киновию еще не было исполнено. Кафедру Иерусалимской церкви занимал в то время Мартирий, ученик Евфимия. Ревнуя о

благе Христовой Церкви, Мартирий в 483 году отправил письма в Константинополь к императору Зенону¹⁸¹ и патриарху Акакию по делу воссоединения с Церковью палестинских иноков, зараженных монофизитскою ересью. Корабль, на котором плыл диакон Фид, везший письма, потерпел кораблекрушение. Фид очутился среди моря, носимый волнами на бревне, за которое он ухватился. Видя неминуемую гибель, он призвал св. Евфимия и обратился к нему с молитвою о помощи. Угодник Божий явился; он шел по морю, направляясь к Фиду. Приблизившись к диакону, Евфимий сказал: «Знай, что путешествие твое негодно Богу и не принесет никакой пользы матери Церкви (то есть Иерусалимской церкви). Возвратись к тому, кто тебя послал, и скажи ему от меня, чтобы он не скорбел об отделении еретиков: соединение их со святой Церковью произойдет в его святительство. Ты же иди в мою лавру и устрой там общежительную обитель». С этими словами св. Евфимий накрыл Фида своим плащом, и вдруг Фид очутился на берегу и потом в Иерусалиме в своем доме, не зная, как это произошло.

Тотчас же Фид поведал о случившемся патриарху, который вспомнил завещание Евфимия и поспешил привести его в исполнение. Это дело он поручил Фиду, для чего послал с ним из Иерусалима рабочих и потребные материалы. Через два года на месте лавры явилась киновия. Среди киновии был воздвигнут великолепный храм; в пещере, где первоначально подвизался Евфимий, устроена прекрасная церковь. Патриархом Мартирием 7 мая 485 года совершено было освящение киновии с ее храмами и всеми зданиями. В этот же день было перенесено тело св. Евфимия в пещерную церковь: сам патриарх с клириками нес его на плечах. Оно было положено в мраморном гробе, окруженном прекрасными колоннами, под великолепным балдахином; на гробе поставлена была серебряная урна. И при перенесении мощей св. Евфимия совершались различные чудодействия.

Жизнеописатель преподобного Евфимия инок Кирилл Скифопольский оставил изображение внешнего вида великого подвижника. По его словам, Евфимий Великий всю свою продолжительную жизнь и несмотря на необычайные подвиги пользовался полным здоровьем; в глубокой старости вид имел свежий; даже зубы были у него все целы. Роста был он среднего; лицо имел круглое; цвет лица белый, взгляд спокойный и светлый; борода доходила до пояса; движения его были мягкие и приятные.

Таков был преподобный Евфимий, за свои необыкновенные подвиги и высоту добродетелей и нравственных совершенств справедливо почтенный Церковью именем Великого.

«Радуйся, пустыня нераждающая, благодуществуй, неболящая, – поет Святая Церковь (тропарь службе 20 января) в день памяти великого угодника Божия, – муж желаний духовных умножил тебе чад, насадив их благочестием, воспитав до совершенства добродетелей воздержанием. Молитвами его умири, Христе Боже, жизнь нашу».

Преподобный Дометиан, родом мелитинянин, был любимейшим и довереннейшим учеником преподобного Евфимия. Пятьдесят лет он жил и подвизался со св. Евфимием. Великий подвижник поставил его экономом своей лавры и через него ею управлял. Дометиан бывал свидетелем необыкновенных подвигов великого подвижника в пустыне, куда Евфимий брал его с собою на время Четыредесятницы, бывал свидетелем и многих чудесных действий его. Под руководством Евфимия Дометиан достиг высокой степени нравственного совершенства.

Однажды преподобный Евфимий служил литургию. Дометиан стоял по правую сторону его с рипидой. Когда наступило время пения Трисвятого, находившиеся в то время в храме иноки Гавриил и Теревон, из коих первый стоял в алтаре, а последний близ алтаря, увидели огонь, нисшедший с неба и окруживший св. Евфимия и Дометиана. Огонь пребывал с ними до самого окончания литургии.

¹⁸¹ Император в 474–491 гг.

Когда Евфимий Великий, перед кончиною своею собрав братию, спросил, кого они хотят иметь после него своим настоятелем, и когда все единодушно указали на Дометиана, старец открыл им, что Дометиан последует за ним в другую жизнь чрез семь дней после его кончины. Когда Евфимий скончался, Дометиан пребывал при гробе его день и ночь, рассуждая, что ему уже не жить более, и потому вовсе не должно смотреть на сей свет. Наступил седьмой день по кончине Евфимия. Ночью явился Дометиану св. Евфимий с радостным лицом и сказал ему: «Иди наслаждаться уготованною тебе славою. Вот умолен владыка Христос, чтобы ты был со мною и чтобы мы и здесь жили вместе. Дометиан, пришед утром в храм, поведал об этом братиям и в тот же день в радости и надежде на будущие блага мирно скончался и погребен был при гробе святого Евфимия¹⁸².

Преподобные Косма, Хрисипп и Гавриил были родными братьями и вступили на трудный подвиг иночества в молодых годах. Родившись в Каппадокии от христианских родителей и получив отличное воспитание в Сирии, славившейся в то время хорошими училищами, братья оставили все: свой дом, родителей, друзей и знакомых – и, увлекаемые далеко прошедшею славою о великом подвижнике Евфимии, удалились в его лавру. Приняты были они сюда по особому повелению Божию. Увидев, что братья очень молоды, Евфимий отказался принять их в свою лавру и посылал их в нижнюю обитель к преподобному Феоктисту. Смушал великого отца особенно младший брат Гавриил. Он был еще очень юн, к тому же имел особенность: был от чрева матери скопец и женственного сложения: красивое лицо его походило на женское. Братья желали подвизаться под руководством самого великого аввы. Ночью последовало преподобному Евфимию Божественное извещение: прими братьев; Бог послал их сюда. Евфимий принял братьев и, обратившись к старшему, Косме, сказал: «Вот я принимаю вас, как Бог мне повелел; сделай и ты, что я тебе повелю: пусть младший брат твой постоянно пребывает в келье, и не позволяй ему никуда из нее выходить, чтобы не увидал его кто из братий, ибо нехорошо жить в лавре человеку с женским видом: враг силен и может воздвигнуть в ком из братии брань». Во всей точности было исполнено мудрое распоряжение аввы. И подвизались братья, работая со всем тщанием о Господе для своего нравственного усовершенствования. Юный Гавриил неисходно пребывал в келье, проводя время в посте, молитве, бдении, занимаясь чтением слова Божия; не выходил он из кельи даже и тогда, когда другие в субботу и воскресенье шли в храм Божий на общую молитву. И подвизался так Гавриил долго – до тех пор, пока не прошла молодость и лицо его от поста и бдения не изменилось совершенно. Доблестно переносил он свое затворничество и, усиливая ревность к духовному деланию, увеличивая подвиги, восходил от силы в силу по лестнице иноческих добродетелей и достиг высокой степени нравственного совершенства. Господь возлюбил раба Своего и еще при жизни его открывал ему тайны благодатного Царства. Так, однажды преподобный Евфимий совершал литургию. Гавриил стоял около престола и держал в руках рипиду. Вдруг видит: на св. Евфимия нисшел огонь и образовал столп, в котором святой муж и пребывал до окончания Божественной службы.

Успели в духовной жизни и Косма и Хрисипп. Косма был избран на святительскую кафедру Скифополя, а Хрисиппа Евфимий поставил экономом лавры¹⁸³. Впоследствии Хрисипп был взят патриархом в Иерусалим и, как достойнейший муж, поставлен хранителем святого Креста. Он известен и как церковный писатель¹⁸⁴.

¹⁸² См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 60.

¹⁸³ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 16.

¹⁸⁴ Хрисиппом написаны были: похвала Богоматери, Иоанну Крестителю, мч. Феодору Тирону. См.: Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Историческое учение об отцах Церкви. Т. 3. С. 8.

Преподобный Эмилиан поступил в Евфимиеву лавру также в молодых годах и повел жизнь самую строгую. Все удивлялись его необыкновенным подвигам. Исконный враг человеческого спасения восстал на подвижника со всею своею адскою силою. В душе Эмилиана поднялась плотская страсть; он боролся с ней сколько мог, но диавол огонь страсти разжег в нем до такой степени, что подвижник не выдержал и стал предаваться нечистым мыслям и ими услаждаться. В воскресный день рано утром шел преподобный Евфимий в храм к богослужению мимо кельи, в которой несчастный брат стоял, палимый страстью. Узнал благодатный старец, что делается с братом; он ощутил смрад от блудного беса. «Да запретит тебе Бог, проклятый нечистый дух!» – сказал Евфимий. С этими словами Эмилиан пал на пол: в него вошел бес. Старец дал знать братиям; вошли со свечей в келью Эмилиана и увидели его в самом ужасном положении: он бился об пол, дрожал и трясся, изо рта шла пена. «Вот брат наш, – сказал великий авва окружающим, – от юности добре подвизался и жил в чистоте телесной и душевной; ныне же, ослабев, допустил родиться в себе плотской похоти и услаждаться скверными мыслями. Научимся от него, что, если кто и не прикасается к чужому телу, не творит скверного греха телесно, умом же допускает в себе блудные мысли, удерживает их, соизволяет им и услаждается ими, таковой есть блудник, и бес им обладает. Теперь же помолимся о несчастном брате Эмилиане Богу, наказывающему, но не предающему смерти, да избавит его от беса и плотских страстей». Помолился святой отец, помолились и братия, и вышел из Эмилиана бес с криком и воплем, говоря: «Я дух блудодеяния». Эмилиан совершенно освободился от плотской страсти, продолжал подвизаться с большею ревностью, угодил Богу и сделался избранным сосудом благодати¹⁸⁵.

¹⁸⁵ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 36–37; Муравьев. Письма с Востока. С. 199.

Лавра преподобного Феоктиста

Лавра преподобного Феоктиста, или Нижняя, находилась в той же дикой местности, в которой расположена была лавра преподобного Евфимия, в пяти верстах от лавры, на левой стороне потока, в окрестностях Иерихона. Она была основана преподобным Евфимием в первые годы подвижничества его в Кутилийской пустыне и расположена на полугоре, у подошвы пещеры, в которой он первоначально подвизался с преподобным Феоктистом. При лавре была киновия, в которую поступали новоначные, то есть только что принятые преподобным Евфимием; лица, уже навывшие подвижничеству и достигшие известной степени духовной жизни, или переходили в Евфимиеву лавру, или удалялись в окрестную пустыню, где жили в отдельных кельях в полном уединении. Лавра эта с самого начала поручена была в управление преподобному Феоктисту, отчего и была известна под именем обители Феоктистовой. В ней полагали начала подвижничества лица, сделавшиеся впоследствии славными, например Савва Освященный. О судьбе Феоктистовой лавры в следующих веках скудны сведения в церковно-исторических сочинениях; в XII столетии она была уже в запустении. В состоянии запустения она осталась и в последующие века. Место Феоктистовой лавры до сих пор в точности не узнано¹⁸⁶. Некоторые исследователи палестинских святых мест помещают ее в смежной с вادي эль-Кельт ложбине ез-Зараник, на левом скалистом берегу потока, на месте развалин, называемых ныне Вар ез-Зараник. Здесь недоступное ущелье: с обеих сторон потока высокие скалы, отвесные утесы. На левом берегу снизу идет трудный и опасный подъем на длинную и узкую площадку, над которою поднимаются скалы; в скалах видны пещеры и по местам искусственно высеченные в них ступени для подъема вверх; внизу – остатки стены или ограды, которая поднималась на площадку и заключала в себе выше и ниже лежащие помещения и кельи. Уцелела небольшая цистерна, находящаяся на площадке.

Развалины Дейр-Мукаллик.

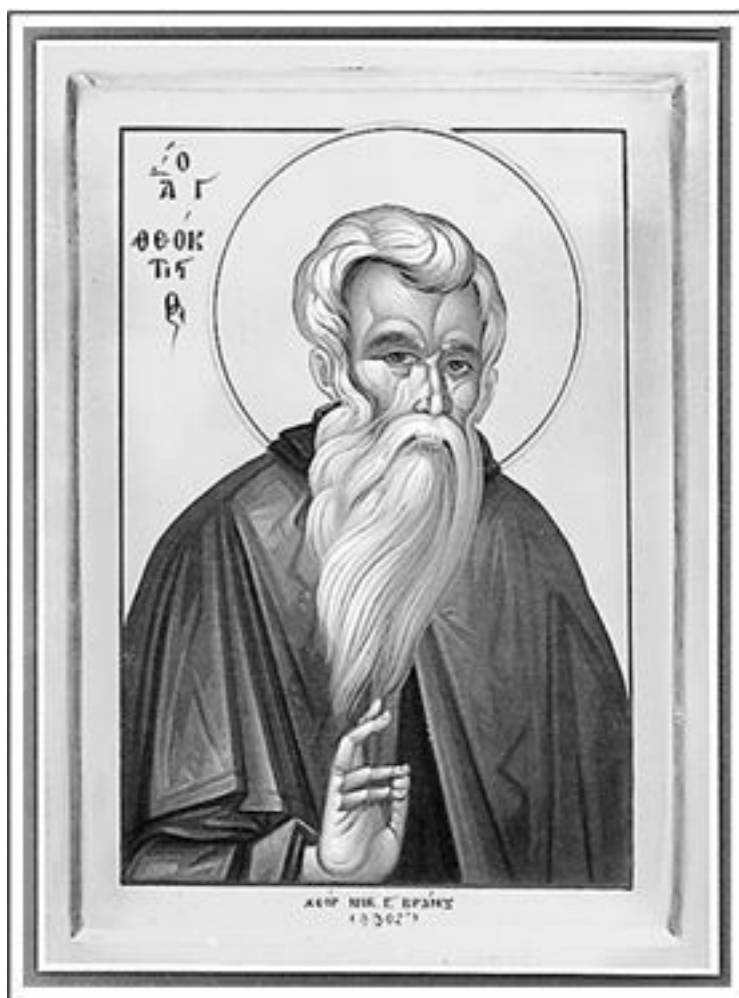
Предположительно здесь находилась Феоктистова лавра

¹⁸⁶ См.: Леонид (Кавелин), архим. Старый Иерусалим и его окрестности. С. 391. [Современные исследователи предполагают, что лавра прп. Феоктиста находилась на месте развалин Дейр-Мукаллик, что в 15 км от Иерусалима. – Примеч. ред.]

Из подвижников Феоктистовой лавры известны преподобные Феоктист и Марис.

* * *

Преподобный Феоктист (память 3 сентября). Сопостник и друг Евфимия Великого подвизался вместе с ним в Фаранской лавре и в пустыне Кутилийской и потом вместе с ним разделял заботы о спасении лиц, приходивших к св. Евфимию и вверявших ему свою вечную судьбу. Феоктист был игуменом Нижней лавры до самой своей блаженной кончины, последовавшей в 467 году по Р.Х. Преподобный Феоктист достиг высокой степени нравственного совершенства и был надежным руководителем других к духовному совершенству. Под его руководством учились подвижнической жизни преподобный Савва Освященный и Кириак отшельник.

Прп. Феоктист Палестинский

Преподобный Марис, родом сарацин, брат жены сарацинского князя Аспевета, родился и вырос в языческой вере. Чудесное исцеление племянника его Теревона, совершенное преподобным Евфимием, расположило Мариса принять христианскую веру. Образ жизни кутилийских подвижников, особенно душевные качества и благодатные дарования великого Евфимия, пленили сердце Мариса: он остался в обществе подвижников и посвятил себя иноческой жизни. Все свое весьма значительное богатство он пожертвовал преподобному Евфимию, который употребил его на лучшее устройство и содержание Феоктистовой лавры. Полстолетия

провел Марис в лавре под руководством преподобного Феоктиста и достиг высокой степени духовной жизни. Его избрал преподобный Евфимий преемником Феоктисту после блаженной кончины его в 467 году; ему поручил управление лаврою и руководство братий-подвижников в духовной жизни. Два с небольшим года пробыл Марис игуменом Феоктистовой лавры и с миром почил в 470 году.

Киновия преподобного Геласия

Киновия преподобного Геласия находилась в 30–35 верстах от Иерусалима, в окрестностях города Никополь¹⁸⁷. Она основана в первой половине V века славившимся тогда отшельником Геласием и в VI–VII веках пользовалась большим уважением среди палестинских обителей и известностью в народе. Киновия эта достопамятна особенно тем, что во времена господства на Святой Земле евтихиан, когда на патриаршем престоле Святого града восседал лжепатриарх Феодосий, она одна поддержала и защитила догматы Халкидонского Собора в западной части Палестины, так же как лавра Евфимия Великого – в восточной¹⁸⁸. Дальнейшая судьба Геласиевой киновии неизвестна.

* * *

Знаменит и приснопамятен сам основатель Никопольской киновии **преподобный Геласий**¹⁸⁹.

Неизвестно, откуда преподобный Геласий (память 31 декабря) был родом и где полагал он начало подвижничеству, известно только, что, подобно прочим отшельникам своего времени, жившим в уединенных кельях отдельно от других, и преподобный Геласий проводил пустынножизнь в окрестности Никополь, подвизаясь о Господе для своего нравственного преуспевания. Когда же собрались около отшельника ревнители благочестия, явились ученики и подражатели его жизни, он устроил общежительную обитель, в которой завел рабочий скот и все хозяйственные принадлежности, так как обитель владела полями, ей пожертвованными. Высокой степени духовного совершенства достиг преподобный Геласий. Твердость в исповедании веры, духовная рассудительность, совершенное отречение от всего земного, свобода от чувственных пожеланий и страстей, спокойствие и благодушие в бедах и напастях – черты, резко отличавшие его от других подвижников. Преподобный Геласий исполнен был и благодатных даров. Слава о никопольском подвижнике далеко прошла по Святой Земле и даже за ее пределы; большое уважение приобрел он особенно среди простого народа. Неудивительно поэтому, что Феодосий, приверженец Евтихия, прибыв в Палестину, всеми силами старался склонить на свою сторону Геласия: сам являлся к нему в его обитель, вызывал в Иерусалим, когда самовольно занял патриарший престол, просил его, ласкал, грозил; только напрасны были все его усилия: великий старец твердо стоял на страже святой веры, пребыл верным Халкидонскому Собору и законному патриарху Ювеналию.

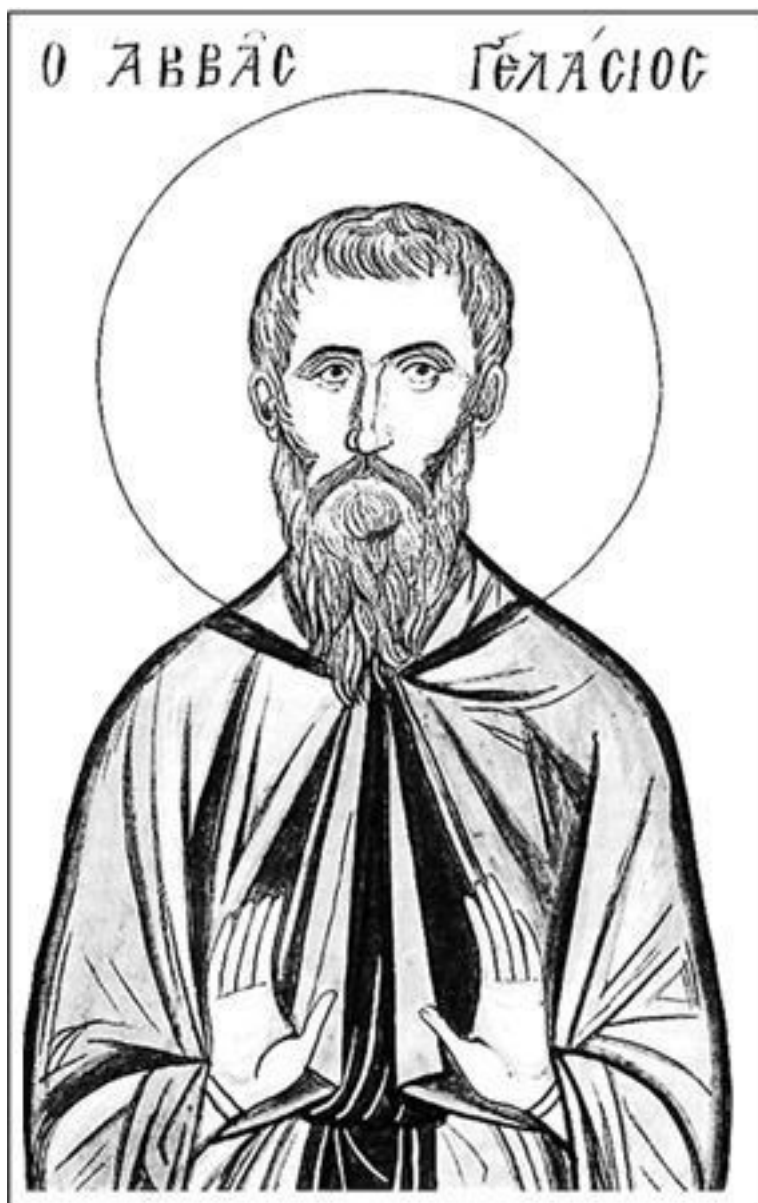
На какой высоте духовной жизни стоял преподобный Геласий, это показывают некоторые черты его нравственного характера и образа действий, сохранившиеся в «Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцов»¹⁹⁰. Представим здесь эти черты.

¹⁸⁷ См.: Достопамятные сказания С. 57. Здесь говорится, что преподобный Геласий владел близ Никополь полем, которое хотел отнять у него никопольский житель. В исторических сведениях о Геласии есть указания, что киновия его находилась в Иерусалиме, как говорится у Муравьева в «Истории святого града Иерусалима» (с. 134). Может быть, это была другая обитель Геласия. Никополь лежал в 176 стадиях от Иерусалима, вправо от большой дороги, ведущей в Яффу, на месте древнего Эммауса (отличного от Эммауса евангельского, который отстоял от Святого города на 60 стадий). Никополь, ныне Амвас, – деревня по дороге из Рамле к Иерусалиму. См. также: *Норов*. Путешествие по Святой Земле. Ч. 2. С. 117–118.

¹⁸⁸ См.: *Histoire ecclésiastique*. Vol. 1. Liv. 10. Ch. 9.

¹⁸⁹ См.: *Вершинский Д. С.* Месяцеслов Православно-кафолической Церкви. СПб., 1856. С. 214 (далее – *Вершинский*. Месяцеслов); Достопамятные сказания. С. 56–62; *Histoire ecclésiastique*. Liv. 10. Ch. 9; *Les vies des peres des déserts d'Orient, avec leur doctrine spirituelle et leur discipline monastique* / Par le R.P. Michel-Ange Marin. Paris, 1869. Liv. 7. Ch. 18 (далее – *Les vies des peres des déserts d'Orient*).

¹⁹⁰ См. С. 56–62.

Прп. Геласий Палестинский

Имел он (преподобный Геласий), рассказывается в «Достопамятных сказаниях», книгу в коже, стоящую восемнадцать златниц, в которой написан был весь Ветхий и Новый Завет. Книга лежала в церкви, чтобы мог читать ее всякий желающий из братий. Один брат, странник, пришел посетить старца и, увидав книгу, покусился на нее. Он взял ее и ушел. Старец, хотя и узнал об этом, не погнался за братом, чтобы остановить его. Брат пришел в город и искал, кому бы продать книгу; и когда нашел человека, желавшего купить ее, то назначил ей цену в шестнадцать златниц. Желавший купить сказал брату: «Дай мне ее прежде, я узнаю об ней и тогда отдам тебе эту цену». Брат отдал книгу. Тот, взяв ее, принес к авве Геласию показать ему и сказал о цене, какую назначил продавец. Старец говорит ему: «Купи эту книгу; она хороша и стоит назначенной цены». Но покупавший, возвратясь, сказал продавцу иначе, а не так, как говорил старец. «Вот я, – сказал он, – показывал ее авве Геласию, и он сказал мне, что книга дорога, она не стоит назначенной цены». Брат, услышав это, спросил: «Ничего тебе еще не говорил старец?» – «Ничего», – отвечал тот. Тогда брат сказал: «Теперь уже не хочу продавать книгу». Мучимый совестью, он пошел к старцу, признался ему и просил его взять книгу назад, но старец не хотел взять. Тогда брат говорит ему: «Если ты не возьмешь ее, я не буду иметь

покая». Старец отвечал: «Если не можешь быть спокойным, то я беру книгу». Брат, получив назидаение от поступка старца, жил с ним до самой кончины своей.

Один старец-монах, живший близ Никополя, после себя оставил авве Геласию келью с окружающим ее полем. Но родственник умершего старца пришел к некоему Вакате, знамени-тому в Никополе, и просил его взять то поле, как бы долженствовавшее по законам к нему перейти. Вакат, как человек сильный, покушался самовольно отнять поле у аввы Геласия, но старец, не желая отдать монашеской кельи мирянину, не уступал. Вакат подстерег, когда рабочий скот аввы Геласия перевозил маслины с доставшегося ему поля, силою увез его, взял маслины в свой дом и едва, и то с бранью, отпустил скот с упряжью. Блаженный старец совсем не присвоил себе плодов, а только не уступал во владение поле по сказанной причине. Вакат, раздраженный против старца и побуждаемый другими нуждами, отправляется в Константинополь, путешествуя пешком. Проходя через Антиохию, где тогда сиял святой Симеон, как великое светило, Вакат услышал о делах его и, как христианин, пожелал видеть святого. Святой Симеон, увидев со столпа Ваката, только вошедшего в монастырь, спросил: «Откуда ты и куда идешь?» Вакат отвечает: «Я из Палестины и иду в Константинополь». – «А зачем?» – спросил св. Симеон. «По многим нуждам, – отвечал Вакат, – надеюсь по молитвам твоей святости возвратиться назад и припасть к святым стопам твоим». Св. Симеон отвечает ему: «Жалкий человек! Ты не хочешь признаться, что идешь против человека Божия; но не будет тебе счастья, и ты не увидишь более своего дома. Итак, если ты послушаешь моего совета, то поспеши отсюда к нему, раскайся пред ним, ежели только живым дойдешь до места». Вакат тотчас впал в горячку, а бывшие с ним положили его на носилки и поспешили, по слову св. Симеона, достигнуть страны своей, чтобы раскаяться пред аввою Геласием. Но пришед в Вирит¹⁹¹, Вакат скончался, не увидав дома своего, по предсказанию святого. Сын его, также Вакат по имени, по смерти своего отца об этом рассказывал многим людям, достойным веры.

Многие из учеников аввы Геласия рассказывали о нем следующее. Однажды принесли братии рыбу; повар, изжарив ее, отнес ключнику монастырскому. Ключник в это время по какой-то нужде вышел из кельи, оставив рыбу в сосуде на полу; он велел мальчику, прислужнику блаженного Геласия, стеречь ее до того времени, как он возвратится. Мальчик разлакомился и без пощады начал есть рыбу. Ключник пришел и, видя, что мальчик сидит на полу и ест рыбу, в негодовании неосторожно толкнул его ногою. По какому-то действию мальчик поражен был смертельно и, испустив дух, умер. Ключник, объятый страхом, положил его на свою постель и накрыл, а сам, прибежав, пал к ногам аввы Геласия и рассказал ему о случившемся. Старец, запретив рассказывать о том кому-либо другому, велел ему вечером, когда все успокоится, принести мальчика в церковь и положить его пред жертвенником, а самому уйти. Старец пришел в церковь и стал на молитву. Когда настал час ночного псалмопения и собрались братия, старец вышел, а за ним шел и мальчик. О сем деле никто не знал при жизни старца, кроме его самого и ключника.

Не одни только ученики Геласия, но многие часто посещавшие его рассказывали о нем следующее. Во время Вселенского Собора, бывшего в Халкидоне, Феодосий, один из первых защитников Диоскорова раскола в Палестине, предупреждая других епископов, уже намеривавшихся возвратиться к своим церквам (а он был в Константинополе, уже изгнанный из своего отечества за всегдашние вмешательства и возмущения), бросился в монастырь к авве Геласию и говорил, будто собор утвердил учение Нестория, думая таким образом увлечь святого на помощь своему обману и расколу. Старец, по внешности сего человека и по разумению, свыше ему дарованному, проникнув злое намерение Феодосия, не увлекся на сторону сего отступника, как тогда сделали почти все, но отослал его с бесчестьем, как и прилично было. Он вывел на средину мальчика, которого воскресил из мертвых, и с важным видом сказал

¹⁹¹ Ныне Бейрут.

Феодосию: «Если ты хочешь рассуждать о вере, то вот он будет тебя слушать и рассуждать с тобою, а мне недосуг слушать тебя». Феодосий, пристыженный такими словами, устремляется в Святой град и там под видом ревности по Богу увлекает на свою сторону все монашество, увлекает также бывшую в то время там царицу, и таким образом, при ее содействии он силою занял Иерусалимский престол, предвосхитил его убийствами и другими неистовыми и противозаконными делами, о которых еще и ныне помнят многие. Получив власть и достигнув своей цели, он рукоположил множество епископов, отнимая в то же время престолы у епископов, еще не возвратившихся. Тогда он призывает и авву Геласия, приводит его в храм, лаская и вместе устрашая. Когда старец вошел в храм, Феодосий говорит ему: «Произнеси анафему на Ювеналия». Нимало не уstraшившись, Геласий отвечал: «Я не знаю другого епископа Иерусалимского, кроме Ювеналия». Феодосий, опасаясь, чтобы и другие не стали подражать благочестивой ревности его, велел с бесчестьем выгнать его из церкви. Последователи раскола Феодосиева взяли старца, обложили его со всех сторон дровами и грозили сжечь его; но видя, что он не боится и не страшится этого, и опасаясь возмущения народного, потому что Геласий был в большой славе (все же это происходило по Божию Промыслу), без всякого вреда отпустили мученика, который мысленно уже принес себя во всесожжение.

Сказывали об авве Геласии, что он еще с юности проводил жизнь бедную и пустынночскую. В это же время и в тех же местах весьма многие вели одинаковую с ним жизнь. Между ними был один старец, самый простой и бедный, который жил до смерти своей в уединенной келье, хотя в старости своей имел учеников. Он до конца жизни соблюдал то подвижническое правило, чтобы не иметь двух хитонов и не заботиться со своими учениками о завтрашнем дне. Когда авва Геласий, при помощи Божией, устроил общежительную обитель, жертвовали ему большими полями, и заводил он также для нужд общежития рабочий скот и волов, ибо Тот, Кто древле внушил св. Пахомию устроить общежительную обитель, помогал и авве Геласию во всем устроении монастыря. Вышеупомянутый старец, искренно любивший Геласия, видя его в сих занятиях, сказал ему: «Боюсь, авва Геласий, чтобы ум твой не прилепился к полям и прочему имуществу общежития». Авва Геласий отвечал ему: «Скорее ум твой прилепится к шилу, которым ты работаешь, нежели ум Геласия к стяжаниям».

Рассказывали об авве Геласии, что, быв часто возмущаем помыслами, побуждавшими его удалиться в пустыню, в один день он сказал ученику своему: «Сделай милость, брат, потерпи, если что я сделаю, и не говори со мною ни о чем в продолжение сей недели». Затем он взял пальмовую палку и начал ходить по монастырскому двору; утомившись, сел на некоторое время, а потом, встав, опять ходил. Когда настал вечер, он говорил своему помыслу: «Странствующий по пустыне не хлебом питается, но травую, а ты по немощи своей съешь небольшой овощ». Сделавши так, он опять говорит помыслу: «Пустынник живет не под кровлею, а на открытом воздухе, и ты так сделай». После сего он ложился спать на дворе. Когда авва ходил таким образом по монастырю три дня, вечером вкушая немного цикория, а ночью ложась спать под открытым небом, он утомился. Тогда, укоряя помысл, возмущавший его, он обличил его так: «Если не можешь совершать дел пустынных, то сиди в своей келье, постоянно оплакивая свои грехи, и не вдавайся в обман. Око Божие везде видит дела человеческие; ничто не скрывается от него, и оно знает делающих добро».

Сколь высоким уважением пользовался преподобный Геласий у современных славных подвижников, видно из того, что сам великий столпник Симеон назвал его Божиим человеком в ответе своем никопольскому жителю Вакату. Православная Церковь, совершая память св. Геласия в субботу Сырной недели, ублажает его наряду с преподобными и богоносными отцами, в подвиге просиявшими, и усваивает ему имя приснопамятного царя страстей¹⁹².

¹⁹² См. службу в субботу Сырной недели.

Киновия преподобного Маркиана

О ней известно только, что она находилась близ Вифлеема, на пути между этим городом и Фекоею, и основана была в половине V века иноком иерусалимской обители аввы Пассариона Маркианом¹⁹³. Известно также, что в VI веке Маркианова киновия существовала, как это видно из того, что в нее заходил для отдыха на пути в Вифлеем преподобный Феодосий Великий, и нередко ощущался в ней недостаток хлеба¹⁹⁴. Знаменит между палестинскими подвижниками основатель этой киновии преподобный Маркиан¹⁹⁵.

* * *

Преподобный Маркиан начало иноческой жизни полагал в Иерусалимской обители аввы Пассариона и вслед за настоятелем своим Елпидием увлекся на сторону евтихиан и вступил в общение с лжепатриархом Феодосием. Когда же Елпидий, убежденный Евфимием Великим в достоинстве и православии Халкидонского Собора, присоединился опять к православному, Маркиан удалился из Пассарионовой обители и около Вифлеема основал свою собственную киновию, продолжая действовать в пользу евтихиан вместе с Геронтием, настоятелем обителей блаженной Мелании Римлянки, и Романом, настоятелем собственной обители в Фекое. Но не остался навсегда Маркиан вне общения с Православною Церковью. По кончине Евфимия Великого благочестивый Маркиан, мучимый упреками совести, собрал всех отщепенцев в своей обители и сказал: «Доколе, братия и отцы, мы будем раздирать на части тело Церкви, не испытав воли Божией, и основываться только на собственном мнении? Нам должно смотреть, чтобы тогда, как мы думаем идти истинным путем, не попасть в непроходимые места. Последуем лучше примеру апостолов и бросим жребий: кому нам следовать — епископам или инокам? Ежели жребий падет на сторону иноков, то мы останемся при том, чего теперь держимся; а если на сторону епископов, то присоединимся к ним». Все одобрили слова аввы; бросили жребий, и он пал на епископов. Тогда все иноки, державшиеся евтихианства, присоединились к Православной Церкви, кроме Геронтия и Романа. Предводимые Маркианом, все иноки его обители отправились в Иерусалим, и патриарх Мартирий принял их в общение с Церковью с распростертыми объятиями; событие это сопровождалось великим торжеством, в котором принимал участие и весь город.

Возвратившись в недра Православной Церкви, преподобный Маркиан усугубил ревность свою о нравственном преуспевании, умножил духовные подвиги — и при помощи Божией достиг высокого нравственного совершенства и сподобился дара чудес и небесных видений.

Преподобный Савва Освященный, основавший много иноческих обителей, трудился в одно время с братьями над устройством Каstellийской киновии. Съестные припасы у них давно уже истощились, и они изнемогали от голода. В это время, в одну ночь, когда преподобный Маркиан сидел в своей келье и дремал, вдруг келья его осветилась, и перед ним предстал светоносный Ангел, который сказал ему: «Вот ты, Маркиан, сидишь спокойно и имеешь все нужное для телесной пищи, а раб Божий Савва из любви к Богу трудится в Каstellии с братьями: они изнемогают от голода. Итак, без отлагательства пошли им пищи, дабы они не ослабели». Сказав это, Ангел стал невидим. Маркиан тотчас же отправил в Каstellий к великому Савве различных съестных припасов.

¹⁹³ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 46.

¹⁹⁴ См.: Четы-Минеи, 11 января.

¹⁹⁵ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 46; Histoire ecclésiastique. Vol. 1. Liv. 28. Ch. 60; Les vies des peres des déserts d'Orient. Liv. 7. Ch. 14.

Патриарх Иерусалимский Саллюстий, зная высокое достоинство и заслуги Маркиана, избрал его благочинным всех обителей палестинских, чтобы предохранить их от расслабления духовного.

Лавра Каламони

Лавра Каламони находилась в самой дикой и безжизненной местности, именно при устье Иордана и Мертвом море¹⁹⁶. Когда она основана и кем, неизвестно; достоверно только, что в конце первой половины V века она уже существовала: о ней упоминает в своих творениях св. Кирилл, архиепископ Александрийский¹⁹⁷. Лавра Каламони посвящена была Пресвятой Богородице и хранила в себе драгоценное сокровище – чудотворный Ее образ, как свидетельствует наш паломник игумен Даниил¹⁹⁸. Это была первая иноческая обитель, посвященная имени Божией Матери. В VI и VII веках лавра процветала: много в ней было дивных подвижников, имена коих, к сожалению, большею частью остались неизвестны. Находясь в недоступной местности, вдали от главных путей, лавра Каламони весьма долго существовала: в XII веке посетил ее игумен Даниил. Он говорит, что в ней тогда были подвижники. Место этой лавры в настоящее время неизвестно. На основании свидетельства игумена Даниила, что она лежала при самом устье Иордана, архимандрит Леонид предполагает, что лавра Каламони находилась на высоком холме близ устья священной реки. По его мнению, место ее указывает довольно определенно высокий холм, видимо покрывающий какие-то развалины¹⁹⁹.

¹⁹⁶ [Лавра Каламон была расположена в 6,5 км от г. Иерихон. – *Примеч. ред.*] См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 25; *Житие и хождение игумена Даниила; Норов.* Путешествие по Святой Земле. С. 40; *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. С. 196. На том основании, что прп. Герасим Иорданский в некоторых древних надписях называется Каламонитом, с XII столетия стали смешивать лавры Герасима и Каламонскую и соединять их в одну лавру. Но в гл. 25 «Луга духовного» говорится о Каламони, что эта обитель находится около св. Иордана, а игумен Даниил прямо говорит, что она расположена при самом устье Иордана. Каламонитом Герасим Иорданский, по объяснению архимандрита Леонида (Кавелина), назывался или потому, что жил в ней временно, до основания своей лавры, или потому, что основал ее, или же потому, что лавра Каламони присоединилась к Герасимовой после какого-нибудь опустошения, что всего вероятнее.

¹⁹⁷ Св. Кирилл Александрийский скончался в 444 г.

¹⁹⁸ См.: *Житие и хождение игумена Даниила.*

¹⁹⁹ *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. С. 196.

Монастырь св. Герасима, иже на Иордане.

С конца XIII в. лавра Каламони стала называться монастырем Герасима Иорданского. Современный монастырь св. Герасима был возведен на развалинах лавры Каламони в 1882–1885 гг.; принадлежит Иерусалимской церкви

Из подвижников лавры Каламони известны Александр и Кириак пресвитер. Они жили в VI веке.

* * *

Преподобный Александр славился опытностью в духовной жизни; к нему и обращались другие за духовными советами и наставлениями.

Вот несколько наставлений преподобного Александра, сохранившихся в «Лимонаре» блаженного Иоанна Мосха²⁰⁰.

Старец авва Александр говорил братии: «Отцы наши искали пустыни и скорбей; мы же ищем городов и покоя».

Еще говорил старец: «У отцов наших были добродетели: нестяжание и смирение; в нас же ныне – любостяжание и гордость».

Еще говорил: «Отцы наши редко умывали свое лицо; а мы требуем бани и покоя».

Еще говорил старец: «Горе мне, чада! Как далеко мы отступили от ангельского жития!»

«Я немощен, отче!» – сказал ученик старца Викентий. «Ты немощен, – отвечал ему старец, – поверь мне, сын мой, что по мере того, как тело наше укрепляется, душа ослабевает».

²⁰⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 168.

Еще говорил: «Много есть, пить и хорошо одеваться мы можем, а поститься и сохранять смирение не можем».

«Горе тебе, Александр! – говорил в заключение всего Александр, обращаясь к самому себе. – Горе тебе! Как ты будешь посрамлен, когда другие увенчаются».

Преподобный Кириак пресвитер был великим подвижником и стоял на высокой ступени духовной жизни. Это показывают два случая из жизни подвижника, записанные в «Лимонаре».

«Пришли мы, – говорит блаженный Иоанн Мосх к авве Кириаку, пресвитеру лавры Каламони, что у святого Иордана, – и рассказал он нам такой случай, с ним бывший:

– В один день видел я во сне жену световидную, одетую в порфиру, и с ней двух священнолепных мужей: они стояли вне моей кельи. Уразумев, что это Владычица наша Пресвятая Богородица и с ней Иоанн Богослов и Петр апостол, я вышел из кельи и молил Ее войти внутрь кельи и освятить ее. Она не хотела войти. Долго и прилежно умолял я Божию Матерь, говоря: “Не отвращайся, Владычица моя, от раба Твоего, не оставь его в унижении и посрамленным”, и многое другое говорил я. Видя мою прилежную мольбу, мой душевный вопль, Она грозно сказала: “Ты у себя держишь Моего врага. Как же ты просишь меня войти к тебе в келью?” Сказав это, Она стала невидима. Проснувшись, я начал скорбеть и плакать; потом стал размышлять и припоминать себе, не согрешил ли я как против Божией Матери мыслю, ибо в келье никого другого не было, я только один и жил в ней. Не найдя в себе никакого прегрешения против Пресвятой Богородицы и томясь великою печалью, я взял в руки книгу блаженного Исихия, пресвитера Иерусалимского, и стал ее читать, чтобы ослабить скольконибудь мою скорбь. Прочитав всю книгу, в конце ее нашел я два Слова зловерного Нестория и вдруг понял, что это и есть враг Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Тотчас же отнес я книгу брату, у коего взял ее, и сказал ему: “Возьми, брат, свою книгу: никакой пользы я от нее не приобрел, получил только зло и вред”. Брат спросил меня о причине этого, и я ему рассказал обо всем, со мной случившемся. Исполнившись божественной ревности, брат вырезал два Слова безбожного Нестория и сжег их на огне, говоря: “Пусть не будет в моей келье врага Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии!”».

Пришел к преподобному Кириаку некий брат по имени Феофан спросить старца о душевной чистоте, особенно о нечистых помыслах. Старец дал ему наставление; много говорил ему о помыслах нечистых, оскверняющих душу, и о душевной чистоте, о внимании и трезвении. Феофан был весьма доволен наставлениями старца и сказал ему: «Господин авва! В моей стране я нахожусь в общении с несторианами, и, если бы не эта причина, я остался бы жить с тобою». Услышав это, старец опечалился и, сожалея о гибели брата, вразумлял и научал его отступить от общения с Несторием и соединиться со Святою Соборною и Апостольскою Церковью. «Нет иного спасения, – говорил он, – как православно веровать и признавать, что Пресвятая Мария есть истинно Богородица». Брат на это сказал старцу: «Все еретики говорят, господин авва, что, если с ними не будешь в общении, не спасешься. Что мне делать, не знаю. Помолись Господу, чтобы Он открыл мне самым делом, какая вера истинная». – «Хорошо, – сказал старец, – оставайся ты в моей пещере, а я пойду помолюсь. Надеюсь, что Господь откроет тебе истину». Брат остался в пещере, а старец пошел к Мертвому морю и стал молиться. И вот на другой день в девятом часу Феофан видит: кто-то взошел в пещеру и, гневно на него взглянув, сказал: «Иди и посмотри истину». И повел его сначала в место темное, смрадное, потом в место, где пылал огонь. И увидел Феофан в огне Нестория, Евтихия, Диоскора, Аполлинария и других еретиков. И сказал ему явившийся: «Это место уготовано еретикам и хульникам и всем слушающим их учение. Если тебе нравится это место, оставайся в общении с Несторием; если же не хочешь подвергнуться такому мучению, то соединишься с Соборною и Апостольскою Церковью, как научает тебя старец. Скажу тебе, что если человек

приобретет все добродетели и неправо верует, то попадет в это место и подвергнется такому мучению». С этими словами явившийся сделался невидим. Пришед в себя, Феофан поведал преподобному Кириаку, возвратившемуся в пещеру, это видение, соединился с Православною Церковью, остался жить у старца и через четыре года с миром преставился.

Хузивская лавра

Лавра Хузивская находилась в пустыне Хузив, или Хозев, между Иерусалимом и Иерихоном, влево от большой Иерихонской дороги по направлению от Святого града и недалеко от спуска в низменную долину Иорданскую²⁰¹. Она расположена была по скатам и горным ущельям, а церковь и другие необходимые здания находились в глубине оврага, как бы прилепленные к скале на высоте около 50 сажень²⁰². Лавра эта возникла в конце V века, но кем именно основана, неизвестно. Она уже существовала, когда в конце V или начале VI века прибыл в нее фиваидский отшельник, знаменитый Иоанн Хозевит. Храм был построен в честь и славу Владычицы Богородицы, а потому лавра Хузивская была второй иноческой обителью на Святой Земле, посвященной имени Божией Матери²⁰³. В V–VIII веках лавра процветала и славилась строгостью жизни своих отшельников²⁰⁴. В IX веке Хузивская лавра еще существовала²⁰⁵. О дальнейшей судьбе ее неизвестно. Лавра Хузивская в настоящее время возобновлена²⁰⁶.

Из подвижников лавры Хузивской знамениты преподобные Иоанн Хозевит и Георгий Хозевит.

Монастырь Георгия Хозевита

²⁰¹ Ныне монастырь св. Георгия Хозевита.

²⁰² См.: Zeitschrift des Deutschen Palästina Vereins. Bd. 3. P. 12–13; *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 24.

²⁰³ См.: Zeitschrift des Deutschen Palästina Vereins. Bd. 3. P. 13.

²⁰⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 24.

²⁰⁵ См.: *Вершинский.* Месяцеслов, 8 января.

²⁰⁶ См.: *Павел (Леднев), архим.* Краткое описание путешествия во Святой град Иерусалим и прочие святые места // Душеполезное чтение. 1883. Февраль (далее – *Павел (Леднев), архим.* Краткое описание путешествия во Святой град Иерусалим). [В наши дни это действующий монастырь; расположен в Иудейской пустыне, на территории Палестинской автономии, в 5 км от Иерихона. – *Примеч. ред.*]

Преподобный Иоанн Хозевит (память 3 октября) родился в Верхнем Египте, в Фивах. Вступив на тесный путь подвижничества в молодые годы, он сначала трудился о Господе под руководством деда своего, подвизавшегося в пустыне Фиваидской. Сильное религиозное чувство побудило Иоанна по совету и с благословения деда предпринять путешествие в Палестину для поклонения святым местам. Возвратившись оттуда и пожив несколько времени со своим дедом, он удалился во внутреннюю пустыню, где поселился в пещере среди скал и ущелий, и работал Богу, питаясь дикими травами и кореньями. Но не остался Иоанн навсегда в Фиваиде. Движимый внутренним голосом, он снова удалился в Палестину, в лавру Хузивскую, где стал жить в дикой пустыне в расщелине утеса. Скоро открылось, как высоко стоял в духовной жизни отшельник Иоанн и как был он близок к Богу. В тех местах славился некоторый подвижник по имени Анания, великий постник. Однажды приведен был к Анании сын богатого гражданина, одержимый бесом. Святой муж, по смирению своему, не принял бесноватого, но людям, приведшим его, велел отыскать во внутренней пустыне Иоанна Египтянина. Они нашли Иоанна в Хузивском ущелье и открыли ему свою нужду. Смиренный отшельник сначала отказывался исполнить их просьбу, но потом, видя их настоятельную мольбу, помолился Богу и, обратившись к нечистому духу, сказал: «О имени Иисуса Христа не я, но Анания повелевает тебе, нечистый дух, выйти из отрока сего», – и нечистый дух тотчас вышел, и отрок сделался совершенно здоров. Слух об этом чуде распространился далеко и сделал имя Хузивского отшельника повсюду известным. В царствование императора Юстина I²⁰⁷, когда упразднилась кафедра Кесарийской архиепископии, Иоанн извлечен был из пустыни и против воли поставлен архиепископом Кесарийским. Святительскую кафедру в Кесарии он занимал несколько времени и при императоре Юстиниане I²⁰⁸. Но друг пустыни, любитель безмолвия и сокровенного духовного делания, не терпевший молвы житейской, св. Иоанн оставил Кесарию и удалился в любимую свою пустыню для суровых иноческих подвигов.

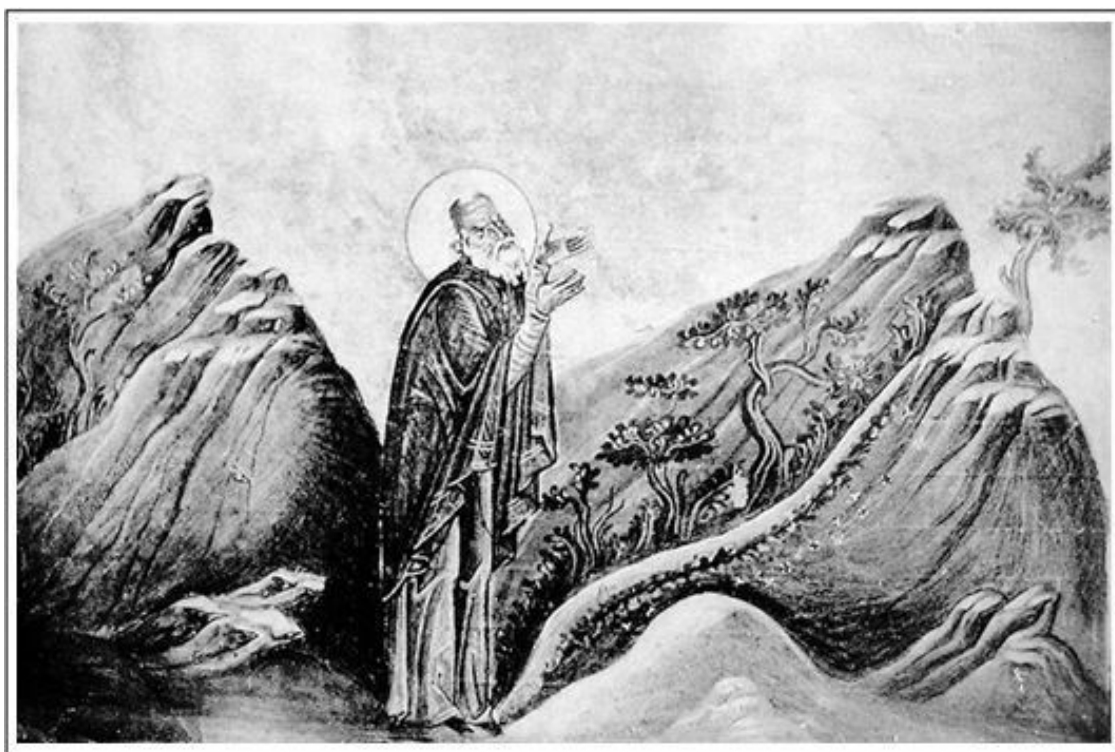
Из жизни преподобного Иоанна Хозевита, кроме упомянутого выше случая, записано в отеческих книгах еще несколько случаев, которые показывают, что он достиг высокой степени духовного совершенства и был сосудом Божественной благодати.

У некоторого человека малолетний сын был одержим нечистым духом. Отец, посадив сына в корзину и закрыв ее травой, пошел с ним к преподобному Иоанну и, прибыв к пещере отшельника, оставил около нее корзину. Когда дитя заплакало, святой подвижник вышел из пещеры и, увидев дитя, узнал, что в нем гнездится нечистый дух, и тотчас изгнал его из дитяти. Сильно озлобился за это на св. Иоанна нечистый дух и стал ему мстить; началась между ними ожесточенная борьба, в которой подвижник одолел злобного врага. Приняв человеческий вид, нечистый дух встретил однажды Иоанна на берегу глубокого потока, в диком ущелье, припал к святому подвижнику, как бы прося у него благословения, и, ухватившись за его ноги, свергнул его с берега, и тот стремглав полетел на дно потока; но благодать Божия поддержала подвижника и сохранила его невредимым. Видя, что сам он не может причинить подвижнику никакого зла, диавол наслал на него разбойника, который то срывал с него одежду, то жестоко бил его, то жег ему тело. Святой страдалец мужественно переносил все это и только говорил: «Благодарю Тебя, Всевышний Господи, если Тебе это угодно». Разбойник наконец был пойман и получил достойную казнь, а святой подвижник нашел покой²⁰⁹.

²⁰⁷ В 518–527 гг.

²⁰⁸ В 527–565 гг.

²⁰⁹ См.: Четы-Минси, 3 октября; Пролог, 3 октября.

Прп. Иоанн Хозевит.

Миниатюра из Минология Василия II. Ватиканская библиотека. Рим

Историк Евагрий в своей «Церковной истории» приводит из жизни св. Иоанна в Кесарии необычайный случай, ясно показывающий, как велика была в нем чудодейственная сила. Иоанн Хозевит, говорит Евагрий в своей «Истории», услышав, что жена Арцезилая (житель Кесарии, евпатрид²¹⁰, муж ученый, отличенный почестями и другими украшениями жизни) ткацким челноком выколола себе один глаз, поспешил к ней осмотреть рану. Видя, что зрачок выпал и глаз совсем разорван, он приказал одному из пришедших сюда врачей принести губку и поврежденный глаз вправить на свое место; потом, обложив его губкою, прикрепил губку посредством повязок. Арцезилая тогда не было дома. Он проживал у Зосимы²¹¹ в его монастыре, находившемся в селе Синде, которое лежало почти в пятистах стадиях от Кесарии. Посему немедленно отправлены были к нему гонцы с известием. В ту минуту Арцезилай сидел с Зосимою и разговаривал. Но, узнав о случившемся несчастье, он с воплем и рыданиями стал рвать на себе волосы и, исторгая их, бросал к небу. На вопрос Зосимы о причине он рассказал о событии, постоянно прерывая свою речь всхлипыванием и слезами. После сего Зосима, оставив Арцезилая, поспешно уединился в особую комнату, где по обычаю подобного рода людей беседовал с Богом.

²¹⁰ Евпатрид – человек древнего славного рода.

²¹¹ Зосима – святой финикийский подвижник. Память 8 июня.

Преподобные Иоанн и Георгий Хозевит

Спустя несколько времени он вышел с веселым лицом и скромною улыбкою и, приветливо взяв Арцезилая за руку, сказал ему: «Ступай, ступай, не кручинься. Хозевиту дана благодать. Жена твоя исцелена и остается с обоими глазами: настоящий случай ничего не лишил ее, потому что этого восхотел Хозевит»²¹².

Преподобный Иоанн Хозевит скончался раньше 536 года.

Преподобный Георгий Хозевит (память 8 января) был игуменом лавры Хузивской и жил, как полагают, в IX веке. Он был родом с Кипра; по смерти родителей удалился сперва в обитель, где был игуменом дядя его, потом в лавру Каламони, близ Иордана, и, наконец, в Хузивскую обитель, где и провел всю жизнь в иноческих подвигах и достиг душевной чистоты и святости.

Сострадательный подвижник, имя которого не сохранилось, жил в Хузивской лавре и отличался необыкновенною сострадательностью к ближним. Когда он жил еще в своем селе, в котором родился, то имел здесь такого рода занятие: если замечал, что у кого-либо из жителей того села не было хлеба для посева, он брал ослов и семян, выходил на ниву бедного земледельца и без ведома его засеивал его ниву. И когда старец пришел в пустыню и стал жить в

²¹² См.: *Евагрий*. Церковная история. IV, 7.

Хузивской обители, то продолжал заниматься тем же, то есть старался всяким образом и при всех случаях помогать ближним. Запасшись хлебами и водою, он выходил на дорогу, которая вела от Иордана в Иерусалим, и, если встречал путешественника, уставшего под тяжкою ношей и изнемогшего от голода и жажды, давал ему хлеба и воды, снимал с него ношу и, положив ее на себя, шел с ним далее; таким образом старец доходил до горы Елеонской и назад от горы Елеонской до Иордана. Иногда он брал к себе детей, одного или двух, и нес их на плечах своих; если встречал нагого, снимал с себя одежду и отдавал эту одежду ему; когда находил на дороге мертвого, пел над ним псалмы, читал молитвы и, вырыв могилу, погребал его²¹³.

²¹³ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 24.

Лавра преподобного Герасима Иорданского

Лавра преподобного Герасима Иорданского находилась к юго-востоку от Иерихона, на расстоянии одной стадии от Иордана, и расположена была на отлогой высоте, с которой открывался вид на всю Иорданскую долину и Мертвое море. Она основана в середине V века преподобным Герасимом и еще при жизни самого основателя прославилась необычайно строгим подвижничеством отшельников, в ней обитавших. Сам высокий подвижник, преподобный Герасим и от насельников своей лавры требовал самого строгого подвижничества. И действительно, это были необыкновенные подвижники. Кельи их, рассеянные по пустыне, удалены были одна от другой на значительное расстояние. Они так мало заботились о мирских вещах, что не имели ничего, кроме одежды, не имели даже и другой одежды. В келье у них ничего не было, кроме рогожи, служившей им постелью, и глиняного сосуда с водою, которая служила им и для питья, и для намачивания пальмовых прутьев. Выходя из келий, они их не затворяли: *у них, подобно апостолам, было одно сердце и одна душа*; никто и из скудного имущества *ничего не называл своим, но все у них было общее* (см. Деян. 4:32). Не дозволялось в кельях разводить огонь и вкушать вареную пищу. Жители Иерихона, услышав, что жизнь отшельников Герасимовой лавры так строга, в субботу и воскресенье приходили к ним и приносили им утешение, но подвижники приходу их вовсе не были рады; мало того, даже от них бегали и уклонялись. Опытный в духовной жизни, Герасим только совершенным в подвижничестве позволял жить в пустынных кельях, а для новоначальных устроил среди лавры общежитие, где они под руководством самого преподобного Герасима научались иноческой жизни²¹⁴.

Река Иордан и Мертвое море

²¹⁴ См.: Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого; Histoire ecclésiastique. Vol. 2. Liv. 28. Ch. 37.

Лавра преподобного Герасима и после него процветала и в IV–VIII веках была одною из первых иноческих обителей Святой Земли. Верная завету великого своего основателя, она долго и во всей целостности сохраняла его строгий устав: суровость пустынной жизни, высота и необычайность аскетизма долго составляли отличительную черту насельников лавры Герасима Иорданского. Были в ней мужи, стоявшие на высокой степени духовной жизни, угодные Богу, еще на земле соделывавшиеся способными проникать в духовный мир и принимать Божественные откровения. Из дальнейшей исторической судьбы Герасимовой лавры известно только то, что она существовала весьма долго, гораздо долее прочих лавр, как это видно из сказаний путешественников разных времен, ходивших в Святую Землю на поклонение святым местам²¹⁵. Когда именно лавра преподобного Герасима была оставлена иноками и пришла в запустение, неизвестно: в конце первой половины XV столетия, когда ходил в Святую Землю русский богомолец иеродиакон Зосима, она находилась уже в запустении²¹⁶. В настоящее время обитель Герасима Иорданского восстановлена, есть кельи и уже живет в ней около десяти иноков²¹⁷.

Из подвижников, процветавших в лавре преподобного Герасима, знамениты: сам основатель ее Герасим, игумен Агиодул, пресвитер Олимпий, игумен Александр и игумен Никон.

* * *

Преподобный Герасим Иорданский (память 4 марта), *великая слава постников*²¹⁸, родом был из малоазиатской области Ликия и еще в отечестве своем прославился высокими иноческими подвигами. Желая достигнуть высокого совершенства в подвижничестве, он удалился в Палестину, где уединился на берегах Иордана и основал свою лавру. Во время смятений, происходивших в Палестине после Халкидонского Собора, Герасим уклонился в общение с лжепатриархом Феодосием, но ненадолго: когда он увиделся с Евфимием Великим в пустыне Рува и великий старец преподавал ему православное объяснение учения Халкидонского собора, он тотчас же присоединился опять к православным. Суровость пустынной жизни, необычайный пост и воздержание были отличительною чертою подвижничества преподобного Герасима. За это особенно любил его Евфимий Великий, сам великий постник. Преподобный Герасим скончался в 475 году.

Великий подвижник, преподобный Герасим стоял на высокой степени духовной жизни.

Звери служили Герасиму, как домашний скот. Трогательный рассказ сохранился в жизнеописании великого иорданского отшельника о том, как служил ему царь пустыни – лев. Однажды, ходя по пустыне, Герасим встретил льва, который с умильным взглядом и печальным ревом, как бы прося у него какой милости, показывал ему свою уязвленную ногу. Подвигнутый состраданием к животному, старец вынул из ноги его занозу, из раны выжал гной и, обвязав ногу платком, пошел в монастырь. За ним, как за благодетелем своим, пошел и лев, почувствовавший облегчение; старец взял его с собою, и лев стал жить в монастыре. Герасим поручил ему охранять ночью осла, на котором возили в монастырь воду. Лев с усердием и в точности исполнял возложенную на него обязанность: ночью пас в поле осла, а утром приводил его в

²¹⁵ См.: Житие и хождение игумена Даниила и др.

²¹⁶ См.: Житие и хождение инок Зосимы 1419–1422 гг. // Православный Палестинский сборник. 1889. Т. 8. Вып. 3 (24) (далее – Житие и хождение инок Зосимы).

²¹⁷ См.: Павел (Леднев), архим. Краткое описание путешествия во Святой град Иерусалим и прочие святые места. [Речь идет о монастыре св. Герасима, иже на Иордане, возведенном в 1882–1885 гг. на развалинах лавры Каламон, которая с конца XIII в. стала называться монастырем Герасима Иорданского. Сам же монастырь Герасима Иорданского был заброшен в XII в. В «Хождении» русского игумена Даниила (начало XII в.) говорится только о местонахождении монастыря Герасима Иорданского между монастырями св. Иоанна Предтечи и Каламон, на расстоянии одной версты от каждого. Иоанн Фока (1185 г.) сообщает, что монастырь Герасима Иорданского был «разрушен до основания течением Иордана», остались только руины храма и столп, на котором подвизался затворник грузинского происхождения. – *Примеч. ред.*]

²¹⁸ Четы-Минеи, 4 марта.

монастырь. Однажды лев, находясь при осле в поле, уснул и один аравитянин, прогонявший в это время той местностью верблюдов, взял осла и увел его с собою. Лев, пробудившись, долго искал осла и наконец явился в монастырь без него. «Где же осел?» – спросил его Герасим. Лев стоял, потупив глаза в землю. «Верно, ты съел осла?» – сказал Герасим. – Знай же, что с этого времени ты будешь вместо осла служить в монастыре». И действительно, с того времени стали возить на льве воду. Но осел нашелся. Аравитянин, укравший его, в одно время вез в Иерусалим пищу для продажи и остановился на берегу Иордана кормить верблюдов.

Прп. Герасим Иорданский со львом

При нем был и монастырский осел. Лев, случившийся в том месте, где аравитянин остановился, узнал своего осла и начал подходить к нему. Аравитянин испугался льва и убежал. Лев подошел к обозу, взял трех верблюдов и осла и привел всех этих животных в монастырь к преподобному Герасиму. Убедившись теперь в невинности льва, Герасим обласкал его и сказал братии: «Вот как несправедливо обвиняли мы льва в том, будто он съел осла». Затем старец приказал льву постоянно быть при монастыре и никуда не отлучаться. Лев целых пять лет не отлучался от Герасима и питался монастырскою пищею.

Однажды лев отлучился на несколько дней из монастыря. В это время преподобный Герасим скончался и уже был похоронен. Возвратившись в обитель, лев долго искал своего благодетеля. Один из учеников почившего старца, по имени Савватий, заметив это, подошел ко льву и сказал ему: «Иордан (так Герасим называл льва после того, как нашелся осел)! Старец наш оставил нас. Он пошел ко Господу». Лев недоверчиво посмотрел на Савватия и заревел громким и страшным голосом. Тогда Савватий сказал льву: «Если ты сомневаешься в справедливости моих слов, пойдем, я покажу тебе могилу старца». Приведши льва на могилу Герасима, Савватий сказал: «Вот здесь покоится отец наш Герасим», – и сам горько заплакал. Лев, поняв, что Герасима нет, взревел необыкновенным образом, вспрыгнул вверх над могилою старца и, опустившись вниз, так сильно ударился головою о землю, что здесь же и пал.

Когда преподобный Евфимий Великий скончался, в то время Герасим видел, как его святая душа возносилась на небо. Герасим сообщил об этом другому великому отшельнику – Кириаку²¹⁹.

Преподобный Агиодул, игумен, управлявший лаврою преподобного Герасима в VI веке, за свои высокие подвиги и нравственные совершенства сподобился от Бога благодатных даров и был таинником духовного мира. Это видно из следующего случая. Скончался в лавре один подвижник. Агиодул по некоторым обстоятельствам узнал о смерти подвижника только тогда, когда пришел в церковь, где собрались уже прочие иноки; среди церкви лежал во гробе умерший. Скорбя о том, что не успел проститься с умершим братом до его кончины, Агиодул подошел ко гробу и сказал умершему: «Встань, любезный брат, простимся!» На глазах всех умерший встал и облобызал настоятеля. Тогда Агиодул сказал ему: «Спи теперь, брат, доколе придет Христос, Сын Божий, и воздвигнет тебя»²²⁰.

Преподобный Олимпий, пресвитер, подвизавшийся в лавре преподобного Герасима, был одарен от Бога особенным даром учительства и приходящих к нему постоянно наставлял и словом, и примером. Так, в некоторое время пришел к нему один брат и просил у него какого-либо полезного для души наставления. Олимпий дал ему такое наставление: «Не сообщайся с еретиком, обуздывай язык и чрево и где будешь жить, говори всегда: “Я странник”».

Другой брат пришел к Олимпию, когда он находился на одном острове. Это было летом. Брат сказал старцу: «Как ты живешь здесь в таком жару, окруженный таким множеством этих язвительных насекомых?» Старец отвечал: «Я страдаю от жара здесь, чтобы избавиться от вечного огня там, и терплю здесь от насекомых, чтобы там избавиться от неумирающих червей. Здешные мучения кратковременны, а тамошние вечны и никогда не кончатся»²²¹.

Преподобный Александр в лавре Герасима Иорданского был игуменом. В одно время пришел к нему некоторый инок и сказал: «Не могу переносить трудностей отшельнической жизни, хочу оставить подвижничество и уйти из того места, где живу». Александр отвечал ему: «Удивляюсь, сын мой, что ты не думаешь вовсе о Царствии Небесном и о вечных мучениях. Если бы ты чаще размышлял об этом, то, верно, никогда бы не вздумал выйти из своей кельи»²²².

Преподобный Никон, настоятель лавры преподобного Герасима, жил в VI веке. Господь в видениях не раз открывал ему Свою волю, не раз через него делал те или другие распоряжения касательно подвижников. Так, Господь в сонном видении повелел Никону выйти и отворить монастырские врата для двух юношей-сириан, которые положили вступить в ту обитель, ворота которой будут отворены, и потом благословить и отпустить их на пустынные подвиги. Юноши эти были Симеон, принявший впоследствии юродство Христа ради, и Иоанн, сопостник его. Никон исполнил волю Божию²²³.

Преподобный Никон отличался великою ревностью о спасении братий-подвижников и славился даром учить и назидать других. В жизнеописании св. Симеона юродивого и Иоанна есть несколько наставлений этого великого аввы.

²¹⁹ Кириак – подвижник Фаранской лавры, живший некоторое время и в Герасимовой лавре. См. о нем на с. 43–47 настоящей книги.

²²⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 11.

²²¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 12, 141.

²²² См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 142.

²²³ См.: Четы-Минси, 21 июля.

Он говорил так: хороши братия по плоти, но лучше братия по духу; хорошо иметь друзей в мире, но еще лучше приобретать друзей в святых угодниках; хорошо иметь заступников и ходатаев у царя или князя, но они не то, что ангелы, ходатайствующие о нас пред Богом; хорошо творить милостыню нищим Бога ради, но никакое приношение так Ему не приятно, как всецело предать Ему и тело и душу; сладко наслаждение сею жизнью, но оно не таково, как наслаждение райское; прекрасно богатство и все его любят, но оно не сравнится с теми благами, коих око не видело, о коих ухо не слышало и кои на сердце человеку не приходили (ср. 1 Кор. 2:9); прекрасны юноши, цветущие здоровьем и красотою, но они ничто в сравнении с Краснейшим более всех сынов человеческих; добро сделаться воином царя земного, но маловременно и многобедно бывает оно: быть воином Царя Небесного значит торжествовать над всею сопротивною силой.

Лавра святого Иоанна Предтечи

Лавра св. Иоанна Предтечи основана в конце V века, в патриаршество Илии²²⁴, некоторым старцем Иоанном вследствие явления ему св. Предтечи²²⁵. Она первоначально находилась по ту сторону Иордана, недалеко от него, на месте, называвшемся Сапсас; потом была перенесена на эту сторону священной реки и расположена была также недалеко от нее, на прибрежном возвышении, против того места, где крестился Господь. В царствование императора Юстиниана лавра св. Предтечи находилась уже на новом месте и тогда, по воспоминанию о важнейшем евангельском событии, с ней соединенном, числилась между знаменитыми палестинскими обителями²²⁶. Скудны сведения о дальнейшей ее судьбе, но существовала она весьма долго. Во времена крестовых походов в лавре св. Предтечи поселились воинственные братья ордена св. Иоанна Иерусалимского, и она, укрепленная башнями и бойницами, представляла из себя крепкий замок. Когда султан Саладин вытеснил крестоносцев из Палестины, они были принуждены оставить обитель, которую султан тогда разорил по ненависти к франкам (так называли тогда на Востоке европейцев). Но обитель св. Предтечи была возобновлена: в ней поселились опять православные иноки и владели ею до окончательного ее разорения и запустения, последовавшего в XIII–XV веках. Иконы и утварь перенесены были из лавры в Иерусалим, в патриаршую обитель при храме св. Воскресения, где и доселе многие иконы называются иорданскими²²⁷.

Монастырь св. Иоанна Предтечи

²²⁴ В 494–516 гг.

²²⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 1.

²²⁶ См.: Проскор. De aedific. lib. V. С. 9.

²²⁷ См.: *Муравьев.* Письма с Востока. С. 202–203.

В настоящее время лавра св. Предтечи возобновлена и в ней живут несколько монахов²²⁸. Из подвижников лавры св. Предтечи известны: основатель ее Иоанн, Лев и Зосима, который сохранил, как увидим ниже, рассказ о св. Марии Египетской.

* * *

Преподобный Иоанн был иноком и пресвитером иерусалимской обители Евсторгия, в которой он и состарился²²⁹. Патриарх Илия, зная его высокие нравственные качества и добродетели, хотел поставить его игуменом этой обители. Смиренный старец, избегая власти и соединенной с нею чести, упросил патриарха отпустить его на Синайскую гору помолиться, обещая по возвращении в обитель принять на себя управление ею.

По дороге старец заболел: он подвергся сильной горячке. Будучи не в состоянии продолжать путь, Иоанн принужден был остановиться с учеником своим в одной пещере²³⁰. Это было по другую сторону Иордана, не на дальнем от него расстоянии, на месте, которое называется Сапсас. Три дня пролежал в пещере старец: болезнь не проходила. И вот ночью видит он во сне: подошел к нему некоторый благолепный муж и спросил его: «Скажи мне, старец, куда ты идешь?» – «На Синайскую гору», – отвечал старец. «Прошу тебя, не уходи отсюда», – сказал явившийся. Старец на это промолчал, и явившийся удалился. Горячка между тем усилилась. На другую ночь снова явился тот же благолепный муж и сказал уже с неудовольствием старцу: «Зачем, калугер²³¹, хочешь ты идти туда (в Синайскую гору)? Послушайся меня: не уходи вовсе отсюда». – «Кто ты?» – спросил его старец во вторую ночь. «Я – Иоанн Креститель», – отвечал явившийся, – и вот почему я не велю тебе уходить отсюда в Синайскую гору. Малый этот вертеп больше Синайской горы: в нем посещал меня много раз Сам Господь наш Иисус Христос. Дай мне слово, что ты останешься здесь, и я тебя исцелю». Услышав это, старец с радостью обещал навсегда остаться жить в этой знаменитой пещере. Явившийся оставил старца, и он тотчас же выздоровел. Скоро собрались около старца ученики, и таким образом возникла обитель, знаменитая лавра св. Иоанна Предтечи²³².

Старец Лев был великим подвижником и праведным мужем. Львы часто приходили к нему в пещеру, в которой он жил, и он кормил их из своих рук²³³.

²²⁸ См.: Павел (Леднев), архим. Краткое описание путешествия во Святой град Иерусалим.

²²⁹ См.: Иоанн Мосх, блж. Луг духовный, 1.

²³⁰ Пещера до сих пор существует и известна инокам лавры св. Саввы.

²³¹ Др.-русск. калогер (калугер) – монах. – Примеч. ред.

²³² См.: Иоанн Мосх, блж. Луг духовный, 1.

²³³ См.: Иоанн Мосх, блж. Луг духовный, 2.

Лавра Илиот

Лавра Илиот (или горы Сорокадневной) возникла во второй половине V века при горе Искушения, или Сорокадневной, на Хорафском потоке.

На северо-западе от Иерихона, там, где Иудейские горы принимают северо-восточное направление и называются горами Ефраимскими, возвышаются две высокие горы, имеющие самый дикий и грозный вид; сверху донизу они наполнены глубокими пещерами, мрачными вертепами и ущельями; местность вокруг них самая дикая и безжизненная. Вторая гора, самая конечная в этом горном углу, спускается от середины отвесною, неприступною стеной на дно пропасти, из которой вырывается Хорафский поток, направляющийся к Иордану; пещеры расположены в ней рядами или ярусами, в два-три яруса и больше. Эта гора носит название Сорокадневной, или горы Искушения. В одной из мрачных пещер ее, по преданию христианской Церкви, сорок дней провел в посте и молитве Спаситель, приготавливаясь к великому подвигу искупления рода человеческого, и был искушаем от диавола. Пещера эта, по тому же преданию, находится в верхнем ярусе, ближе к вершине горы. На этой же горе, в другой пещере, в нижнем ярусе, уединялся великий ветхозаветный подвижник пророк Илия, укрываясь от преследования Иезавели. Сюда-то, на эту священную гору, в эту приснопамятную пустыню, когда возникло иночество на Святой Земле, устремились во множестве ревнители благочестия и пустынных подвигов, чтобы шествовать по следам Господа и подражать ревности по Боге ветхозаветного ревнителя Божией славы пророка Илии. Они наполнили все пещеры и вертепы, рассеялись в хижинах и кущах по окрестной пустыне. И явилась здесь лавра Илиот в честь и память славного пророка Илии Фесвитянина. Она была весьма обширна по числу подвижников. Церковь устроена была в самой пещере пророка Божия. Для молитвы илиоты уединялись и в пещеру Спасителя, где была также церковь, устроенная еще царицею Еленою²³⁴. В VI–VII веках лавра Илиот процветала: в ней были отшельники, славившиеся необычайными подвигами и высотой духовной жизни. О некоторых великих подвижниках упоминают в «Лимонаре» Иоанн Мосх и Софроний, посещавшие палестинские обители в конце VI века²³⁵. Как долго лавра Илиот существовала и когда пришла в запустение, неизвестно.

²³⁴ См.: *Норов*. Путешествие по Святой Земле. Ч. 2. С. 29–30, 209–210.

²³⁵ См.: *Иоанн Мосх*, *блж.* Луг духовный, 62, 66.

Греческий мужской монастырь Искушения (Каранталь) на Сорокадневной (Искушения) горе

Путешественники по Святой Земле святою обязанностью считают посетить Сорокадневную гору – место искушения Спасителя и подвигов илиотов. По их описанию, в мрачной пещере Спасителя находится камень, на котором, по местному преданию, сидел Сам Господь во время сорокадневного подвига поста; на камне высечен крест, а сверху он осенен херувимом славы. На стене уцелели образ Благовещения и несколько ангельских ликов, изображенных альфреско²³⁶. В пещере пророка Илии также сохранились фрески. В длинных рядах пещер, смежных с пещерою Спасителя, по свидетельству Бонифация, почивали нетленные останки святых угодников Божиих на каменных ложах, с обращенными к небу лицами. Многие из них были застигнуты кончиною коленопреклоненными и с молитвою на устах²³⁷. Ныне там сооружается небольшой православный монастырь, а в пещерах горы доселе живут отшельники, преимущественно абиссинцы.

Из подвижников лавры Илиот известны: Феодосий Молчальник и Стефан пресвитер.

* * *

Преподобный Феодосий Молчальник славен подвигом молчаливчества и нестяжательностью. Тридцать пять лет провел Феодосий в самом строгом безмолвии и молчании, так что за все это время ни с кем не говорил ни слова, а если что нужно было сказать, показывал знаками, складывая пальцы руки своей. Во все время пребывания своего в лавре Илиот преподобный Феодосий вкушал только через два дня.

²³⁶ Альфреско – техника настенной живописи водяными красками по сырой подготовленной штукатурке. – *Примеч. ред.*

²³⁷ См.: *Норов. Путешествие по Святой Земле. Ч. 2. С. 29–30; Муравьев. Письма с Востока. С. 209–212; Олесницкий. Святая Земля. С. 47.*

Аврамий, игумен обители Пресвятой Богородицы, называемой Новой, услышав однажды зимою, что у Феодосия нет одежды, купил новую одежду и послал ее Феодосию. Однажды ночью вошли в келью Феодосия воры и стащили с него присланную ему одежду; и старец не только не противился, но ничего не сказал им²³⁸.

Преподобный Стефан пресвитер был также одним из дивных подвижников. Из жизни его известны четыре случая, показывающие, на какой высокой степени духовной жизни он находился.

Однажды Стефан сидел в своей келье. Вдруг в нем родились такие мысли: «Стефан! Что ты здесь живешь? Иди отсюда, здесь нет тебе никакой пользы». Поняв, что эти мысли от нечистого духа, подвижник сказал: «Не послушаю тебя; я знаю, кто ты. Ты никого не хочешь видеть спасенным. Но да сокрушит тебя Христос, Сын Божий». После сего злой дух на время оставил подвижника в покое.

В другой раз диавол явился Стефану, уже приняв видимый образ, и опять говорил ему: «Иди отсюда, нет тебе здесь пользы жить». Подвижник в это время сидел на плетеном стуле. «Если хочешь, чтобы я ушел отсюда, – говорил Стефан, – сделай, чтобы стул, на котором я сижу, ходил по комнате». Диавол сделал это: стул стал двигаться и ходить по всей комнате. Подвижник этим не смутился, но сказал диаволу: «Хотя ты скор и силен на коварства, я все-таки не оставлю своей кельи». Он помолился, и диавол исчез.

Пришли к авве Стефану пресвитеру в некоторое время три старца и все то время, как они пробыли у него, беседовали о пользе душевной; авва же молчал. Наконец иноки сказали ему: «Что же ты ничего не говоришь? Мы ведь пришли к тебе для пользы душевной». Старец отвечал им: «Простите меня, я не понимаю, о чем вы доселе говорили, но что знаю, то и скажу вам: и днем и ночью я ничего не вижу, кроме Господа моего Иисуса Христа, распятого на древе». Услышав это и получив пользу, они ушли.

Перед кончиною своею преподобный Стефан впал в жестокую болезнь. Врачи, лечившие старца, заставили его вкушать мясную пищу. В это время прибыл к нему брат его, мирянин, человек богобоязненный и добродетельный, и, увидев, что он употребляет мясную пищу, соблазнился этим и стал весьма скорбеть, что Стефан после стольких лет поста и воздержания вкусил перед своею кончиною мяса. Вдруг он пришел в восторг и слышит кто-то говорит ему: «Отчего ты соблазнился, увидев, что брат твой ест мясное? Разве ты не знаешь, что он это сделал по причине болезни и ради лечения, а также и из послушания? Посему и не надо было тебе соблазняться. Если же ты хочешь знать о богоугодности и славе брата твоего, обратись назад и смотри». Он обратился назад и увидел брата своего распятым на кресте так же, как был распят Господь. «Знай же теперь, – присовокупил явившийся, – в какой славе находится брат твой»²³⁹.

²³⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 67–68.

²³⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 62–65.

Киновия преподобного Феодосия Великого

Пятый век в истории подвижничества в Святой Земле закончился появлением общежительной обители, которая сделалась славнее всех палестинских киновий и стала наравне с Великою лаврою Саввы Освященного. Это киновия преподобного Феодосия Великого²⁴⁰.

На двухчасовом расстоянии от Иерусалима (по направлению к лавре Саввы Освященного) и в получасовом от Кедронского потока (к Фекойской пустыне) среди Иудейских гор возвышается гора, венчающаяся широкою и ровною поляною; гора эта представляет срединный пункт между Иерусалимом, Вифлеемом и лаврою преподобного Саввы. На этой-то горе в конце V века, немного спустя после того, как в Юдоли плача возникла Великая лавра Саввы Освященного, основал киновию и преподобный Феодосий Великий – при той пещере, в которой, по изначальному преданию христианской Церкви, скрывались волхвы, когда получили во сне откровение не возвращаться к Ироду, и в которой тридцать лет провел в подвигах сам великий подвижник²⁴¹. Скоро, еще при жизни самого Феодосия, киновия его разрослась в обширнейшую обитель, благоустроилась и благоукрасилась и сделалась образцовым общежительным монастырем. Расположенная и на плоской вершине горы, и по отлогому склону ее, она занимала обширное пространство. Высокая ограда окружала ее со всех сторон. Население киновии было разнородным и разноплеменным. Слава Феодосия Великого, распространившаяся до отдаленных пределов христианского мира, привлекла к нему людей из разных племен и народов. Между иноками обители, кроме греков, были армяне, грузины, персы, арабы; встречались даже славяне, каковыми, например, можно признавать вессов из Фракии. Ввиду такого состава киновии Феодосий дал ей своеобразное устройство. Подробно об устройстве обители и человеколюбивых при ней учреждениях мы узнаем из жизнеописания преподобного Феодосия. Здесь скажем только, что по своему прекрасному внутреннему и внешнему устройству, прочности и великолепию зданий, численности населения, по разнообразию занятий иноков и их оживленной деятельности, одушевлявшейся и направлявшейся к одной цели мыслью и волею мудрого и неутомимого правителя, эта обитель представляла из себя как бы город. Так и показалась она нашему паломнику игумену Даниилу: «Монастырь, – говорит он, – на горе градом оделан был и видети от Иерусалима»²⁴². Киновия Феодосия Великого и по кончине своего великого основателя долгое время процветала так же, как при нем самом. По молитве св. Феодосия, из горнего мира ниспославшего Божие благословение на свою обитель и ее насельников, Господь посылал ей достойных правителей, которые поддерживали в ней то же устройство и порядок, какие даны были ей основателем, тот же дух и настроение, какие он сообщил ее общежитию. Довольно вспомнить имена архимандритов киновии св. Феодосия: Софрония, первого его преемника, Георгия и знаменитого Модеста, возобновителя разрушенного в нашествие Хозроя²⁴³ храма Гроба Господня²⁴⁴. В обители св. Феодосия учились подвижничеству и приготавлились к управлению и руководству другими лицами становившиеся потом настоятелями иных обителей; из нее выходили мужи на святительские кафедры, ей оказывали покровительство и щедроты византийские императоры; боголюбивые люди делали в нее значительные денежные вклады, давали богатые вещественные приношения. Славная именем своего основателя, знаменитая своим устройством и высокою благотворительною деятельностью, она во все время

²⁴⁰ Арабское название Дейр Мар-Доси. – *Примеч. ред.*

²⁴¹ См.: *Муравьев*. Письма с Востока. С. 109–110.

²⁴² Житие и хождение игумена Даниила. С. 53.

²⁴³ Хозрой, царь Персидский в 590–628 гг.; нашествие его на Сирию и Палестину было в 614 г. – *Примеч. ред.*

²⁴⁴ После того как иерусалимский патриарх Захария в 628 г. возвратился из персидского плена и в том же году скончался, св. Модест был избран на первосвятительскую кафедру Иерусалимской церкви, которую занимал шесть лет; скончался в 634 г. Память его 18 декабря.

своего существования занимала между обителями Святой Земли одно из первых мест, и даже по временам между ними первенствовала: архимандрит ее на соборах частных нередко восседал выше прочих палестинских настоятелей. Незабвенные услуги Феодосиева киновия оказала и Святой Земле, и всей Православной Церкви во время еретических смут и особенно в годину тяжких бедствий, которые испытала Палестина от персов и сарацин. Вместе с лаврой Саввы Освященного она стояла на страже православной веры: ее просвещенные настоятели и иноки успешно вели борьбу с еретиками и защищали от них истинное Христово учение. В страшное нашествие Хозроя Феодосиева обитель, находясь в стороне среди пустынной, гористой местности и счастливо поэтому избежав нападения персов, служила убежищем для несчастных, спасавшихся от меча врагов. Ее знаменитый архимандрит Модест поддерживал дух и мужество верующих, утешал страждущих, восстанавливал разрушенные храмы, разоренные и опустошенные обители. Верная завету своего великого основателя, она и в тяжкое для Церкви время владычества мусульман так же ревностно и так же благотворно действовала во благо страждущих христиан. Она пережила множество погромов и опустошений, которые наставляли каждый раз с переменой владычествовавших династий, и просуществовала долее всех палестинских обителей, кроме лавры Саввы Освященного. В XII веке киновия Феодосиева находилась еще в цветущем состоянии²⁴⁵. Совершенное запустение киновии Феодосия полагают в начале XVI века, когда Сирия и Палестина окончательно подпали под владычество новых врагов христианства – турок. В таком состоянии видел ее в половине XVII столетия русский богомолец иеродиакон Иона²⁴⁶.

В настоящее время киновия Феодосия Великого находится в том же печальном запустении, прежние великолепные здания представляют собой одни развалины; груды обломков наполняют все пространство, которое занимала обитель. Среди развалин уцелели, однако же, стены со сводами соборного храма, а также алтарь; в храме во многих местах видны фрески и мраморная мозаика; сохранились цистерны, хотя уже недействующие; ясно заметно основание монастырской ограды; цела и пещера волхвов, место тридцатилетних подвигов Феодосия Великого, с церковью, на стенах которой остаются еще фрески; только вся она засыпана обломками камней и мусором, и самый вход в нее завален камнями. Больно сердцу православного паломника смотреть на запустение знаменитой киновии, но еще больнее видеть, как водворившиеся здесь с давних пор кочевые бедуины небрежно относятся к самому святилищу христианскому²⁴⁷.

²⁴⁵ См.: *Муравьев*. История святого града Иерусалима; *Les vies des peres des déserts d'Orient*. Liv. 2. Ch. 36.

²⁴⁶ См.: Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицко-Сергиева монастыря черного диакона Ионы, по реклому Маленького: 1649–1652 гг. // Православный Палестинский сборник. 1895. Т. 14. Вып. 3 (42). С. 20, 51 (далее – Повесть и сказание о походе... диакона Ионы).

²⁴⁷ В наши дни здесь действующий женский монастырь Иерусалимской церкви; находится в деревне Абадийя около Вифлеема. – *Примеч. ред.*

Действующий женский монастырь Иерусалимской церкви, построенный на месте обители прп. Феодосия Великого

Теперь сообщим сведения о жизни и деяниях основателя знаменитой обители преподобного Феодосия Великого и других подвижников, процветавших в его киновии при нем и в последующие времена, подражателей его жизни и подвигов.

* * *

Преподобный Феодосий Великий (память 11 января) родился около 424 года в Каппадокийском селении Гаррис. Родители его Проерсий и Евлогия были православными и благочестивыми. Воспитание Феодосия шло общепринятым тогда у христиан путем. После грамоты ему дали читать священные книги, между коими слово Божие стояло на первом месте. Эти книги и были для отрока главным средством развития ума, источником просвещения. Чтение их в то же время благотворно действовало на его нежное сердце, возбуждая и развивая в нем религиозное и нравственное чувство, чему еще содействовали благочестивые родители своими наставлениями и особенно примером своей добродетельной жизни. Отрок от природы был светлого и быстрого ума и имел приятный голос. Ему давали читать в местной церкви слово Божие и из богослужебных книг, и читал он священные книги раздельно и с чувством, производя на молящихся сильное впечатление. Но, читая слово Божие на пользу других, юноша извлекал из него еще большую пользу для себя. Внимая словам Господа, то призывающего Авраама из отечества, погруженного в нечестие и безбожие, то повелевающего оставить отца, мать, братьев, сестер и идти вслед за Ним, Феодосий воспламенился любовью к Спасителю; в его душе родилось желание жить для Господа, оставив ради Него все на свете, служить и благоугождать Ему единому ревностным исполнением Его заповедей, заботой о нравственном усовершенении души своей, о преуспении ее в добре. Он решился посвятить себя подвижни-

честву. Благочестивые родители не только не подавляли в сыне такого святого расположения, напротив – еще поддерживали и усиливали его своими советами и внушениями.

Прп. Феодосий Великий

И вот когда сын объявил родителям о своей решимости посвятить себя подвижнической жизни в Святой Земле, они благословили его и с радостью отпустили. Возложив надежду на Промысл Божий, Феодосий отправился в Иерусалим, чтобы там, у Святого Гроба и Животворящего Креста Господня, окончательно избрать себе место и род подвижничества. Это было в царствование императора Маркиана, когда собирался Четвертый Вселенский Собор в Халкидоне²⁴⁸; Феодосию в это время было около 27 лет.

Путь Феодосия лежал через Антиохию. Там стоял еще на столпе изумлявший всех необычайным подвижничеством св. Симеон Столпник. Феодосий пожелал видеть великого подвижника, чтобы получить от него благословение. Едва только он подошел к столпу, на котором подвизался св. Симеон, как подвижник воззвал: «Добрый путь тебе, человек Божий Феодосий!» Крайне удивился Феодосий тому, что подвижник назвал по имени человека, которого никогда не видал, и до земли поклонился прозорливому старцу. Симеон подозвал его к себе. Когда Феодосий поднялся на столп и увидел благолепный лик угодника Божия, то, до глубины души пораженный всем, что видел, пал к ногам святого старца, со слезами испрашивая его молитв. Подняв юношу, старец обнял его и облобызал, ласково вступил с ним в беседу и предсказал ему, что будет он пастырем словесных овец и многих исхитит из челюстей мысленного волка; наконец, благословив, отпустил его. Напутствованный благословением и молитвами святого подвижника, Феодосий благополучно достиг Иерусалима. Священный восторг объял душу Феодосия, когда он вступил в святой город. Он обошел все дорогие для христиа-

²⁴⁸ 451 г.

нина места: с умилением и слезами повергся пред Животворящим Древом, на котором распят был Сын Божий; с благоговением поклонился Живоносному Гробу; со священным восторгом молился в величественном храме Воскресения. У подножия Креста Господня он решил окончательно вступить на путь подвижничества. Но мысль, какой ему избрать род подвижничества: начать ли подвизаться прямо в пустыне, в уединенной келье, или прежде вступить в общество других подвижников, привела его в некоторое недоумение и разномыслие. Тут обнаружилась в нем черта, которая у него проявлялась потом всю последующую жизнь при важнейших случаях: это христианская рассудительность и благоразумие. Прежде чем начать какое дело, Феодосий обсуждает его, рассматривает со всех сторон, разбирает последствия, к которым оно может повести, и потом уже решается, испросив у Бога благословения и помощи. Так он поступил и на этот раз. Сердце его жаждало уединения, порывалось в пустыню, но ум говорил другое. Начать подвизаться одному в пустыне опасно; предстоит жестокая борьба с духами злобы, истинными врагами человеческого спасения, а он еще неопытен в духовной борьбе, не знает тех приемов и способов этой борьбы, не ведает всех ухищрений темных сил. «Если и в мире нет такого неразумного человека, который, только что поступив в военную службу и не обучившись хорошо военному искусству, бросился бы прямо в битву, как же я, – думал Феодосий, – не научившись искусству духовной брани, осмелюсь выйти и стать против страшных врагов, вступить в брань с духами злобы поднебесной, с князем власти воздушной, миродержателем тьмы века сего?» Рассудив таким образом, Феодосий решил начать подвизаться в общежитии под руководством опытного в духовной жизни подвижника.

В Иерусалиме, при столпе, издавна называвшемся Давидовым, жил старец по имени Лонгин. Он был великим подвижником и славился святостью жизни и духовною мудростью. К этому-то подвижнику и поступил Феодосий и отдал себя в полную его волю. Под руководством опытного в духовной жизни старца он положил прочное начало подвижничеству, научился правильному ведению аскетических упражнений, вниканию в свою внутреннюю жизнь, особенно различению помыслов и сердечных движений. С Лонгином пробыл Феодосий довольно долгое время и преуспел в духовной жизни. Он хотел было остаться при старце до конца его дней, но Промысл судил иначе. Старец послал ученика своего в место, называвшееся Ветхое седалище, близ Вифлеема, по просьбе благочестивой вдовы Икелии, которая построила здесь храм во имя Богоматери и упросила Лонгина дать ей Феодосия пресвитером в созданную ею церковь. Не хотелось Феодосию разлучаться с Лонгином, к которому он питал самую искреннюю любовь и преданность, однако из послушания согласился исполнить его волю. Он переселился в указанное место, но и здесь надолго не остался. Смирненное чувство своего недостойнства при совершении бескровной жертвы и множество посетителей, которых привлекал к нему слух о его подвижнической жизни, – все это так устрасило его, что он в скором времени оставил Ветхое седалище. Его влекло в уединение и полное безмолвие, к которому он уже чувствовал себя приготовленным. В гористой местности между Иерусалимом, Вифлеемом и потоком Кедронским, отыскивая новое место для своего поселения, Феодосий увидел гору, заметно возвышавшуюся среди других гор, и поспешил на нее подняться. Гора эта ему чрезвычайно понравилась. С нее открывался обширный вид на далекое пространство. Вифлеем, Иерусалим, Иордан, Мертвое море – все эти священные места были видны с ее ровной вершины. На ней нашел он обширную пещеру, удобную для жительства. На этой горе, в этой пещере, в которой, по преданию, провели ночь волхвы, приходившие с дарами к родившемуся Спасителю, когда получили во сне весть не возвращаться к Ироду, Феодосий и поселился, в усердной молитве испросив у Господа помощи и благословения на отшельничество и пустынные подвиги.

Обрел, наконец, Феодосий, к чему порывалась душа его: это совершенное уединение и безмолвие. С полным самоотвержением вступил он теперь на путь истинно тесный и тернистый, предался необычайным подвигам, и духовным и телесным. Он пламенел такою любовью к Богу, что приучал и настраивал себя ни о чем не думать, ничего не желать и не искать, кроме

Его единого. В его душе развилось непрерывное богомыслие и богосозерцание. С этим внутренним, самым трудным подвигом отшельник соединял и внешние разнообразные и высокие подвиги. Молитва его была непрестанная; стояние всенощное; слезы текли из глаз его, как поток из источника; пост его, наконец, был необычаен в продолжение тридцати лет, проведенных им в пещере: он никогда не вкушал хлеба, но употреблял в пищу только финики, сочиво, травы и корни трав, и то весьма мало, чтобы только не умереть с голоду. Когда и этой пищи подчас недоставало, подвижник размачивал в воде финиковые кости и ими питался. Душу свою он насыщал словом Божиим и внутренним созерцанием Создателя Бога.

Не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5:14). Узнали Феодосия ревнители благочестия и добродетели и, явившись к нему, просили отшельника принять их к себе в пещеру, чтобы под его руководством проводить пустынную и безмолвную жизнь. Не мог отказать им Феодосий: любивший Бога паче всего на свете, он горячо любил и ближнего, как Его образ и подобие, и в любви к ближним видел обнаружение и свидетельство любви к Богу. Сначала у него было семь учеников, потом двенадцать. Феодосий руководил их в духовной жизни, наставлял и поучал. Зная, что для начинающих жить богоугодно нет ничего полезнее постоянного памятования о смерти, Феодосий велел своим ученикам вырыть могилу, чтобы, взирая на нее, они как бы пред глазами постоянно имели смерть. Когда могила была приготовлена, Феодосий пришел посмотреть ее и, как бы шутя, предложил ученикам вопрос: кто из них готов умереть, чтобы обновить это жилище? Тогда один из учеников, по имени Василий, саном пресвитер, изъявил желание и, преклонив колена, просил у аввы благословения умереть и лечь в могилу. Феодосий благословил и велел совершать по нем, как бы уже по умершем, поминаение в третий, девятый и сороковой день. По окончании поминаения Василий, не испытав никакой болезни, тихо скончался и первый был положен в могилу.

Многими знамениями явил Господь Свое благоволение и небесное покровительство возлюбившему Его пустынножителю. Раз наступал праздник Пасхи, а у подвижников не оставалось никаких съестных припасов, и, что всего важнее, нельзя было совершить даже литургию в наступающий великий праздник, потому что не было ни просфор, ни вина – необходимых принадлежностей для Евхаристии. Ученики Феодосия скорбели и тайно на него роптали. В твердом уповании на помощь Божию Феодосий велел им благоукрасить церковь и приготовляться к богослужению и убеждал их не предаваться печали. Пропитавший древле Израиля в пустыне, говорил он, насытивший несколькими хлебами многие тысячи народа и о нас промыслит, ибо ныне Он не слабее против прежнего силой, не менее ревнует о промышленности. Надежда великого аввы на Промысл Божий скоро оправдалась; под вечер один боголюбивый муж, имевший обыкновение перед праздниками раздавать приношения и дары во все обители палестинские, привез на двух лошадях в пещеру Феодосия разного рода съестные припасы и, кроме того, просфор и вина; съестных припасов достало не только на дни Пасхи, но и на всю Пятидесятницу. Случилось и в другой раз у подвижников оскудение пищи. Между учениками, томившимися от голода, опять открылся ропот; Феодосий утешал малодушных и поучал в терпении ожидать помощи Божией, уповая на Того, Кто насыщает всякую душу алчущую. В это время некто вез съестные припасы в одну обитель и, когда находился близ горы, на которой жил с учениками Феодосий, лошадь его вдруг остановилась; сколько он ни принуждал ее ударами продолжать путь, она, как бы удерживаемая невидимой рукой, не трогалась с места. Почему хозяин дал ей свободу идти, куда она хочет, и лошадь тотчас пошла к Феодосиевой пещере. Видя в этом действие Промысла Божия, хозяин отдал нуждающимся все припасы, какие он вез. Ученики прославили Бога и с того времени перестали малодушествовать и старались подражать вере и упованию отца своего Феодосия.

Далеко огласилось имя Феодосия, как великого подвижника, исполненного дарами благодати, угодного Богу; и устремились к нему со всех сторон разного звания, состояния и возраста люди, чтобы вместе с ним жить и подвизаться о Господе. Многие оставляли броню воен-

ную, величие светского сана и богатство, чтобы под его руководством обрести спасение души. Пещера не могла более вмещать всех. И потому ученики Феодосия обратились к нему с просьбой позволить им строить вне пещеры монастырь. «Не заботься, отец наш, – говорили они, – об иждивении, повели только, – и средства готовы, и руки наши способны к совершению этого святого дела». Видя, что ему приходится сделаться пастырем многочисленного стада, Феодосий приведен был этим в немалое смущение и душевное расстройство. Ему не хотелось расстаться с безмолвием, которое столь ему любезно было и вождельно, с которым он сроднился всею душой, и в то же время жаль было собравшихся к нему отовсюду учеников: они порывались к горному отечеству, ревнуют об угождении Богу и спасении души; попечение о них, об их вечном благе – весьма высокое дело, но и как трудно оно и ответственно пред Богом! Долго Феодосий колебался, долго был в нерешительности, что делать, как поступить в его положении; долго он обсуждал свое положение. Наконец он остановился на таких мыслях: человек должен жить не для одного себя, но и для ближних, и даже больше для них. Пример и образец этого показал нам Христос Господь: Он собрал около Себя учеников, заботился о них, учил и наставлял их; Он всю жизнь Свою трудился для людей, так что и душу Свою за них положил. Благо уединение и безмолвие, вождельно богомыслие и богосозерцание, но и служение ближним благопотребно, и общежитие драгоценно. Иноческая жизнь, в сущности, не в телесном уединении и безмолвии состоит, но в благонастроении души, в самособранности духа, в безмятежии и спокойствии сердца, уповающего на Бога. Господь премудрый и благопопечительный поможет соединить то и другое во благо человека, Ему преданного, – и безмолвие сохранить, и жить в общежитии. Вспомнил при этом Феодосий и предсказание Симеона Столпника, что он будет пастырем словесного стада. Рассудив таким образом, Феодосий решил основать общежительную обитель. Начинаясь дело он предал воле Божией и просил усердно Господа открыть, угодно ли Ему будет создание обители, и чудесным знамением указать место, на котором ее устроить во славу Его пресвятого имени. С этою целью, наполнив кадильницу холодными угольями и положив на них фимиам, Феодосий пошел в пустыню, произнося молитву, в которой просил Бога ознаменовать место новой обители воспламенением углей в кадильнице. Он осмотрел разные места, особенно такие, которые считал удобными для обители; был на Кутилийском потоке, доходил даже до берегов Мертвого моря, но знамения от Бога не было. На обратном пути, когда он приближался уже к пещере своей, вдруг из кадильницы пошел благовонный дым и угли воспламенились. Феодосий тотчас познал, что это место Господь благоволил избрать для новой обители, пал на землю и со слезами благодарил Бога. С радостью услышали ученики Феодосия о воле Божией, чудесным знамением назначившей место для обители, и немедленно приступили к построению киновии.

Преподобный Феодосий начал строить киновию, а не лавру, как естественно было ожидать судя по тому, что сам он был великим анахоретом²⁴⁹, тридцать лет проведенным в совершенном уединении. Он видел преимущества киновии: тут ревнующий о подвижничестве удобнее и легче может достигнуть нравственного совершенства и спасения; тут подвижнику и пример, и побуждение к неослабному труду, и ободрение, когда станет ослабевать в подвигах, и поддержка, когда преткнется, и, наконец, помощь и услуги в болезни и изнеможении тела. Кроме того, светлым умом своим Феодосий видел другое дело киновии. По его мысли, вытекавшей из горячей любви его к ближним, киновия должна быть прибежищем и мирских людей, нуждающихся и трудящихся: богомольцев, странников; местом приюта и упокоения несчастных всякого рода: больных, дряхлых, калек, сирот; словом, должна быть благотворительным заведением. Было еще особенное обстоятельство, имевшее влияние на устройство киновии. Ученики Феодосия происходили из разных народов и говорили на разных языках. Сообразно со всем этим Феодосий дал мудрое и целесообразное устройство. Для разноплеменных иноков

²⁴⁹ Анахорет – отшельник, пустынный. – *Примеч. ред.*

построены были особые помещения; они жили своими общинами, и каждая община имела особый храм или придел в храме, где совершала богослужение на своем языке. Храмов и приделов поэтому было несколько; соборный, во имя Успения Божией Матери, принадлежал грекам. Заведено было свое хозяйство; явились необходимые хозяйственные постройки, орудия для обработки огородов и виноградников. В основание деятельности иноков положен был труд духовный и телесный. Постройки и работы по хозяйству производили большею частью иноки; между ними были знающие всякое практическое дело, и потому в обители введены были полезные ремесла и искусства. Почти все необходимое для содержания населения обитель производила сама, кроме хлеба и необходимых материалов для работ: шерсти, волоса, кожи и пр. (за всем этим она должна была обращаться в другие места). Согласно со взглядом Феодосия на киновию как на место, которое должно служить и целям человеколюбия, явились в обители обширные благотворительные заведения: странноприимница, больница и богадельня. Эти заведения разделялись на отделы и были устроены со всеми удобствами. Понимая, какое великое благо для христианина храм, Феодосий устроил домовую церковь в больнице. Но не пренебрежено было главное дело обители – споспешествовать нравственному совершенству и спасению иноков; на него Феодосий обратил полное внимание. Чин богослужения, соблюдавшийся в лаврах Евфимия и Саввы, он ввел и в свою обитель, но сделал в нем некоторые перемены и дополнения применительно к особенностям своей киновии. Вечерние и утренние службы, каноны и правила, а также и литургию оглашенных отправляли разноплеменные иноки в своих храмах и приделах, на своих наречиях; после же чтения Евангелия, к литургии верных, совершавшейся преимущественно по чину св. Василия Великого, все они сходились в соборный храм греческий, где и причащались Святых Таин. Подражая св. пророку Давиду, который семь раз в сутки хвалил Бога, и Феодосий узаконил в своей обители семь же раз собираться братии на молитву и славословие Господа. Духовная, внутренняя молитва, богомыслие, чтение слова Божия и святоотеческих творений в кельях предоставлялись усердию и ревности самих иноков. В то же время обязателен был и физический труд: иноки должны были заниматься тем делом, какое кто знал и какое кому поручалось.

Такое устройство дал преподобный Феодосий киновии, основанной им по Божию указанию при пещере волхвов. И стала она местом подвигов душ спасающихся, прибежищем людей, истомленных суетой и многоятежием земной жизни и жаждавших внутреннего мира и успокоения о Господе; под ее кровом обретали они мир душевный и успокоение и достигали спасения и небесного отечества. И умножалась, и расширялась святая обитель; в нее со всех концов христианского мира прибывали постоянно новые и новые ревнители подвижничества; в ней новые и новые являлись здания. Но не одних иноков воспитывала для небесной жизни обитель преподобного Феодосия; ее святые врата были постоянно открыты и для мирян. Она гостеприимно принимала и посторонних людей всякого звания и состояния. Богомольцы и странники из Иерусалима и Вифлеема, посещавшие ее, чтобы видеть ее чудное устройство и великого ее основателя, во множестве стекавшиеся в нее, особенно в большие праздники, находили в ней временное пристанище и успокоение. Бедным и нищим в ней доставлялся приют, и пища, и одежда; в ее богадельне успокаивались дряхлые старцы и калеки; в больнице врачевались недужные и больные всякого рода. Даже несчастных сирот призревала обитель и воспитывала, заботясь о них с материнскою лаской и попечительностью.

Основав и устроив общежительную обитель с многолюдным и разнообразным населением, преподобный Феодосий сам стал и управлять ею. И, отшельник в душе, все время дотоле проведенный в самом строгом уединении, незнакомый с делами житейскими, он, однако же, сумел вести обитель по пути, на какой была она поставлена, поддерживать в ней то устройство и тот порядок, какие были даны ей сначала. Благодаря своему здоровому и светлому уму, он обнаружил в управлении ею глубокую рассудительность, редкое благоразумие, твердость и настойчивость в достижении цели, в приобретении средств, ясное понимание нужд обители,

характера и свойств братий, вверявших себя его руководству. Он всего себя предал заботам о благосостоянии киновии, о благе всего столь многочисленного и разнородного населения, собравшегося в ее священную ограду, и в деятельности своей был неутомим. Неопустительно присутствуя при всех бдениях и службах церковных, первым являясь в храм Божий и последним оставляя его, великий авва сам смотрел потом за состоянием разных частей и заведений обители, входил во все ее нужды и потребности, наблюдал за работами и занятиями иноков и делал необходимые распоряжения. Главным и постоянным предметом его попечения были иноки. Бдительно наблюдал Феодосий за их нравственным состоянием, возбуждал к ревностному исполнению принятых ими на себя обязанностей, поощрял к непрерывному труду, утешал, давал советы и указания, обличал и вразумлял согрешающих, поддерживал падающих, поучал и наставлял. И не уставал он особенно поучать и наставлять братий, зная, что слово, произносимое от души, часто повторяемое, действует на душу так же, как капля, долго падающая на камень. Поучал он при каждом случае, черпая мысли и наставления из Слова Божия, которым питал и свою душу, из святоотеческих творений, особенно из аскетических трудов Василия Великого, которые особенно он любил и изучал; обращался к собственному опыту, представляя в пример самого себя; обращался и к природе. И поучения Феодосия были убедительны и с силой: действовали на ум, говорили сердцу, трогали чувство, побуждали волю к добру. Ибо слова святого мужа происходили, говорит его жизнеописатель, от обитавшей и действовавшей в нем благодати Святого Духа, источника премудрости и истинного ведения. Любовь его к братиям была беспредельна, ревность о их спасении безгранична. В обращении с ними, вместе с этими свойствами, он проявлял и другие великие качества: кротость, смирение, снисходительность и терпение. Для спасения братий ревностный пастырь употреблял все средства: внушения, замечания, выговор, ободрение, обнадеживание, просьбу, но бывал и строг: за тяжкие проступки отлучал виновного на известное время от общества братий и даже совсем изгонял из обители. Если он видел, что неоднократные замечания его и внушения не действуют на неисправимых иноков, они упорствуют, продолжают небрежно относиться к своим обязанностям, то, забывая свое достоинство и сан, авва падал к их ногам и умолял порадеть о душе ради их собственного блага, порадеть хотя из снисхождения к его просьбе. Происходили нередко глубоко трогательные и назидательные случаи. Однажды инок, допустив тяжкий проступок, был отлучен: ему было запрещено Феодосием являться в собрание братий, но вместо того, чтобы раскаяться и смиренно просить у своего настоятеля прощения, он отважился отлучить самого авву и наложил на него епитимию. Что же делает св. Феодосий? Истинный духовный врач душ и сердец, он, хотя и тронут был до глубины души таким ожесточением инока, с кротостью и смирением исполняет возложенную на него епитимию, и, смятенный его поступком, инок смиряется пред своим великим аввой и раскаивается.

Необычайная любовь преподобного Феодосия к ближнему обнаружилась также в призрении бедных и нищих и в служении больным и дряхлым в больнице и в богадельне. Бедные и больные для Феодосия были меньшими братьями Христовыми (ср. Мф. 25:40, 45), и потому он всех велел пускать в обитель, всех кормить, всем давать пищу и одежду; и массами толпились они на дворе обители, особенно в голодные годы. Он сам проходил через ряды их, с участием вступал в беседу с ними, ободрял их, утешал. Особенно ярко евангельская любовь св. Феодосия проявлялась в больнице и богадельне. Здесь сердолобивый авва сам служил больным и увечным, сам очищал язвы и струпы страдалцев, омывал нагноившиеся раны, кормил и поил прокаженных и не гнушался никакими смрадными недугами: в каждом увечном, в каждом больном он зрел Самого Господа Иисуса. Как был милостив великий Феодосий, так он был сердоболен и сострадателен! Поистине преподобный Феодосий и для всего многочисленного и разнородного населения своей обители, и для посторонних посетителей – странников, бедных, нищих и убогих был попечительным отцом, для всех другом, смиренным рабом и ревностным слугой. И был он, говорит св. Димитрий Ростовский, общим всем пристанищем, общей лечеб-

нищей, общим домом, общим пиром, общим сокровищем недугующих, алчущих, наготующих, странствующих; все пользовались от его любви, милости и щедрот, и никто не был им презрен.

Попечительная любовь преподобного Феодосия не ограничивалась одною своею обителью, но простиралась за ее стены: его сочувствующие и сострадающие мысли неслись в горы – к труженикам, подвизавшимся в ущельях и пещерах. Он нередко отыскивал в пещерах отшельников и доставлял им необходимое для телесных потребностей, а вместе и утешение свидания и духовной беседы.

Но где находил преподобный Феодосий средства для содержания многолюдного населения своей обители, для своей широкой щедрости и благотворительности? Находил он их частью в собственном хозяйстве, которое велось рачительно, в рукоделье и ремеслах иноков, частью – в приношениях боголюбивых христиан, в щедрых дарах императоров, но главным образом – в твердой вере в промышляющего обо всех Господа, в крепком уповании на милость Божию. Господь, видя необычайную любовь раба Своего к ближним, ниспосылал ему Свою небесную помощь, благословлял его обитель, так что в ней пища никогда не оскудевала и немногие запасы умножались и насыщали тысячи людей. Так, однажды в голодный год собралось в обитель необычайное множество народа. Это было на Пасху. Озабоченные пропитанием народа, распорядители при трапезе положили уменьшить по возможности обычную раздачу хлеба, чтобы всех удовлетворить, и для сохранения порядка затворили монастырские ворота. Узнав об этом, преподобный Феодосий велел отворить ворота и кормить всех до сытости. И что же? Распорядители с радостным изумлением увидели чудное размножение хлебов в собственных руках своих, как было это некогда в руках святых апостолов. В другой раз, во время голода, бывшего во всей Палестине, множество нищих собралось к воротам обители для принятия обычной милостыни. Распорядители сказали Феодосию, что нет такого количества хлебов, чтобы достаточно было для всех. Несмотря на это, настоятель велел впустить всех в обитель и, когда впущенные уселись в порядке, приказал ученикам выдавать им хлебы. С прискорбием пошли распорядители в кладовую, зная, что там мало хлебов. Но, к великому своему удивлению, к славе угодника Божия, отворив кладовую, увидели, что она полна хлебов. Еще раз то же случилось в праздник Успения Богоматери: преподобный Феодосий, благословив несколько хлебов, насытил ими множество народа, и остатками наполнено было еще несколько корзин.

При непрерывной и неутомимой деятельности, среди многообразных забот и попечений о благе многочисленного населения своей обители преподобный Феодосий, величайший отшельник, любитель уединения и безмолвия, сумел остаться в душе отшельником – удержать и сохранить то благонастроение души, ту самособранность духа, то безмятежие и спокойствие сердца, которые составляют, на его взгляд, сущность и истинное достоинство отшельничества. «О, какой муж!» – восклицает его жизнеописатель инок Кирилл, изображая жизнь и разнообразную деятельность его в киновии. Он весь принадлежал другим и в то же время себе. Спокойный посреди обременявших его забот и всегда одинакового расположения духа, внимательный к другим, с нежною к ним своею любовью, к себе же – с необычайною строгостью, заботясь телом и душой о спасении ближнего, но и не забывая собственной души. Чтение Святого Писания, которое возлюбил он с юного возраста, питало дух его и во все течение его жизни, умножая в нем сокровище познания слова Божия. И преклонный возраст не угасил в нем ревности к церковному бдению; когда же болезнь не позволяла ему участвовать с братией в молитве соборной, он бодрствовал, сидя в келье, и сам распределял оттуда порядок чтения и пения, присутствуя духом среди сонма иноков.

По основании киновии скоро узнал преподобный Феодосий о своем соотечественнике преподобном Савве и его лавре; великие подвижники свиделись и, будучи одинакового образа мыслей и одинаковых целей жизни и деятельности, сделались навсегда самыми искренними друзьями. Между ними и их обителями началось и до конца их святой жизни продолжалось

непрерывное общение; с апостольскою ревностью они вместе действовали и трудились для блага Христовой Церкви.

Таков был сей великий киновиярх, то есть начальник общежития, преимущественно так названный, так же как и св. Савва назван Освященным. И его вместе с преподобным Саввой по смерти игумена Маркиана патриарх Саллюстий назначил (около 495 года) блюстителем и благочинным палестинских обителей; преподобному Феодосию были поручены все киновии и подвизавшиеся в киновиях.

Преуспевая в духовной жизни, заботясь о благе своей обители, преподобный Феодосий заботился в то же время и о Православной Церкви и, подобно св. Савве Освященному, был ревностнейшим защитником ее и поборником православной веры. Когда император Анастасий, зараженный ересью Евтихия и Севира, решился склонить на свою сторону и преподобного Феодосия, пользовавшегося таким же уважением у палестинских христиан, в каком был преподобный Савва, то прислал Феодосию 30 лир золота, по видимости с хорошою целью – на пропитание и одежду нищим и нужды больных, но на самом деле этим даром он надеялся уловить великого авву. Феодосий понял хитрость и лукавство царя, принял, однако же, золото, но только для того, чтобы отказом не подать повода для гнева. Когда же Анастасий, уже считавший Феодосия своим единомышленником, потребовал от него через своих послов исповедания веры – исповедания, как он надеялся, согласного с исповеданием Евтихия и Севира, великий авва, собрав всех пустынных граждан, решился мужественно отстаивать чистоту истинной веры и от лица всех послал императору пространное письмо, в котором, исповедав четыре Вселенских Собора, изъявил полную готовность лучше лишиться жизни, нежели изменить постановления святых отцов и последовать ереси Евтихия²⁵⁰. Император, тронутый письмом Феодосия, прекратил на время свои покушения против Православия и православных и в ответе своем Феодосию возлагал вину за церковные смуты на распри иноков и поручал ему молиться Господу об умирении Церкви и державы.

Потом Феодосий действовал в защиту Православия вместе с преподобным Саввой и другими пустынными отцами в Иерусалиме, поддерживая патриарха Иоанна и анафематствуя еретиков. Когда заключен был в темницу первосвятитель Иоанн и, потом освобожденный, созвал в Святой город окрестных иноков и когда в храме первомученика Стефана патриарх, Савва и Феодосий, взошедши на амвон, торжественно предали проклятию Нестория, Евтихия, Севира и всех, кто не соглашался принять Собор Халкидонский, ревностный Феодосий этим не удовольствовался, а еще раз взошел один на амвон и, мановением руки потребовав общего молчания, громко произнес: «Кто не принимает четыре святых Вселенских Собора, как четырех евангелистов, тот да будет анафема!» Взяв после того учеников, особенно твердых в вере, он обходил с ними города и селения, чтобы утвердить народ в истинной вере. За это император Анастасий осудил ревностного поборника Православия на заточение. С радостью покорился он неправому царскому приговору, почитая блаженством страдать ради имени Христова. Заточение святого исповедника, однако же, не продлилось долго: император скоро умер (в 518 году), и Феодосий был возвращен из заточения.

Своими необычайными подвигами, своею пламенною ревностью об угождении Богу преподобный Феодосий достиг высокой степени духовной чистоты и святости, и Господь благоволил к рабу Своему и удостоил его дара чудотворений и прозорливости. Опыты благодатной силы, обитавшей и действовавшей в св. Феодосии, мы уже видели; представим еще некоторые опыты благодатных дарований, которыми он был исполнен.

Преподобный Феодосий прибыл с другими палестинскими отцами в Иерусалим, чтобы предать анафеме еретиков. Одна женщина, страдавшая раком груди весьма долгое время, уви-

²⁵⁰ Письмо это помещено в: *Муравьев. История святого града Иерусалима*. С. 188–189.

дев св. Феодосия, тайно прикоснулась больною грудью к куколю, который он носил, и тотчас получила исцеление.

По возвращении из заточения преподобный Феодосий имел обыкновение ходить в Вифлеем молиться. Однажды во время подобного путешествия Феодосий, желая отдохнуть от усталости, зашел в обитель блаженного Маркиана, который с радостью принял вожделенного гостя, но не имел, чем угостить его, потому что в это время не было в его обители ни хлеба, ни пшеницы. Когда после продолжительной беседы настало время обеда, Маркиан велел своим ученикам подать на стол вареное сочиво. Феодосий, заметив, что у них нет хлеба, приказал подать свои хлебы, взятые из обители. За обедом, когда Маркиан извинялся перед Феодосием за скудость пищи, Феодосий, взглянув на бороду Маркианову, увидел на ней пшеничное зерно, взял его и с улыбкой сказал: «Вот и пшеница, – как же вы говорите, что не имеете пшеницы?» Маркиан с радостью взял из рук Феодосиевых зерно, как бы некоторое *доброродное семя*, по выражению жизнеописателя Феодосия, и велел отнести его в житницу, веруя, что благословением святого отца без труда оно принесет обильнейший плод. Это и сбылось: по отшествии Феодосия, когда ученики Маркиановы пошли утром в житницу, то нашли в ней такое количество пшеницы, что нельзя было отворить дверей.

Некогда в обитель св. Феодосия пришла из Александрии одна знатная женщина с малолетним сыном. Сын ее, увидев издалека Феодосия, сказал матери: «Вот этот старец избавил меня от потопления, поддерживая меня рукой на поверхности воды». Мать пала к ногам великого подвижника и рассказала ему случай, бывший с ее сыном. «Отрок этот играл однажды со своими сверстниками, – говорила мать, – и упал по неосторожности в глубокий колодезь. Мы думали, что он ушибся и утонул, и когда, оплакивая его, как бы уже умершего, спустили в колодезь человека, который бы достал оттуда тело его, он нашел отрока живым, сидящим поверх воды. В удивлении мы спросили его, как он остался жив. Отрок отвечал, что откуда-то явился старец, взял его за руку и держал на поверхности воды. С того времени я обхожу города, села, горы и пустыни, чтобы найти избавителя моего сына; и вот наконец отрок узнал в тебе того самого старца, который сохранил его от потопления». Мать и ее сын сердечно возблагодарили Феодосия.

В одно время в Палестине явилась саранча; густым слоем покрыла она все засеянные поля. Феодосий, будучи не в силах по глубокой старости ходить, велел своим ученикам свести себя на то место, где саранча истребляла нивы. Там, лишь только святой старец произнес: «Общий всех нас Владыка повелевает вам (насекомым) не губить трудов человеческих и не истреблять пищи убогих», одни из насекомых тотчас улетели, а другие погибли.

Однажды ученики преподобного Феодосия терпели крайнюю нужду в одежде. С горем своим они пришли к нему и просили его найти средства помочь им. Старец, не имея средств помочь им, только утешал их и поучал в терпении ожидать помощи Божией. «*Не заботьтесь*, – говорил он, – *о завтрашнем дне. Ищите прежде Царства Божия и правды его*, и все это само собой придет к вам, ибо Отец ваш Небесный знает о нуждах ваших прежде, нежели вы Его просите» (см. Мф. 6:31–34). В это время некоторый муж, никому не известный, пришел к Феодосию и вручил ему 30 златниц. Старец, возблагодарив Бога за Его о них промышление, отдал деньги ученикам; они запаслись одеждой на долгое время.

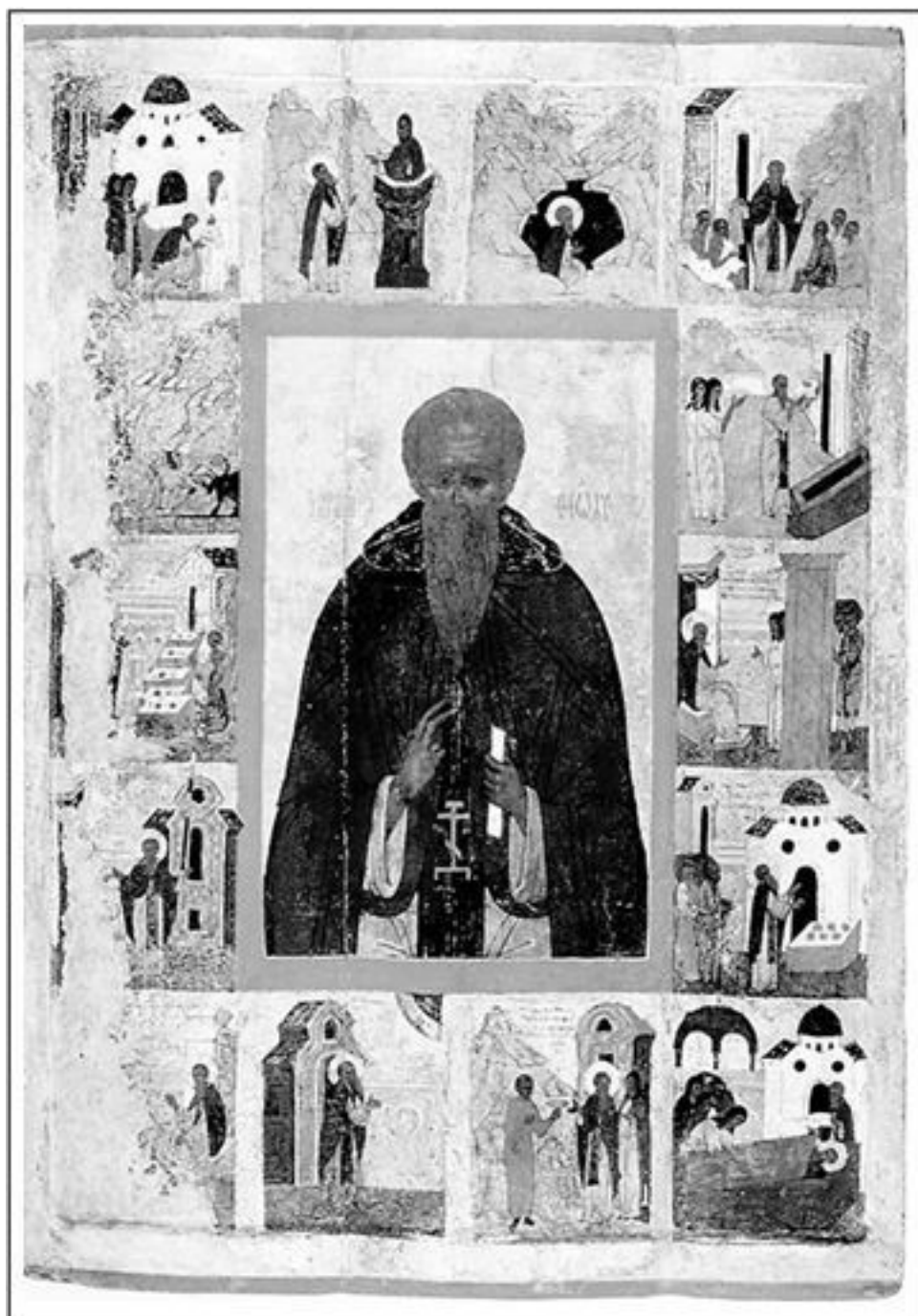
Греческий военачальник Кирик, отправляясь на войну с персами, прибыл прежде в Иерусалим поклониться святым местам и затем счел необходимым делом получить благословение св. Феодосия. Явившись к святому старцу и принятый им ласково, военачальник имел с ним продолжительную беседу, после которой, отходя из обители, выпросил себе у него власяницу, которую Феодосий носил. Кирик веровал, что власяница раба Божия будет служить ему на брани вместо щита. Когда греческое войско сошлось с персидским и вступило с ним в кровавую сечу, Кирик, облеченный власяницей Феодосия, показал необыкновенную храбрость и не получил ни одной раны от стрел, копий и мечей неприятельских. По окончании войны Кирик

опять явился к преподобному Феодосию и говорил ему: «Я тебя самого, отец мой, видел на брани, видел, как ты помогал мне и делал меня страшным для врагов, доколе мы не победили их».

Не одному полководцу Кирику приходил на помощь св. Феодосий, и многим другим являлся угодник Божий в разных местах и оказывал скорую помощь. Он спасал на море обуреваемых волнами; блуждающих в пустынях сохранял от нападения свирепых зверей. Помогал он не только людям, но и бессловесным животным. Так, один странник вел осла и повстречался на пути со львом, который тотчас устремился на осла и хотел было его растерзать. Объятый ужасом, странник громко произнес имя св. Феодосия, говоря: «Помоги мне, человек Божий, Феодосий!» – и лев, услышав имя раба Божия, убежал в пустыню.

Незадолго до своей кончины преподобный Феодосий велел ударить в колокол для собрания братий, а когда они собрались, вздохнул и со слезами сказал: «Молиться нужно, отцы и братия, молиться нужно, ибо я вижу гнев Божий, уже постигающий восточную страну». Через семь дней после этого в обители услышали, что Антиохия разрушена великим землетрясением и разрушена в то самое время, когда Феодосий возбуждал братию молиться.

Преподобный Феодосий впал в тяжкую болезнь и целый год пролежал на страдальческом одре, но с совершенным спокойствием духа переносил жесточайшие страдания, на которые нельзя было даже равнодушно смотреть предстоявшим. Один из братий сказал страдальцу, чтобы он попросил Господа хотя несколько ослабить болезнь. «Ах, отец мой! – отвечал Феодосий. – Часто приходила мне мысль эта, но я отгонял ее, как искушение дьявольское. Успевший во всех предприятиях моей жизни, окруженный славой и почестями, не должен ли я скорее радоваться этим страданиям на исходе, чтобы мне не лишиться обещанного блаженства и не услышать из уст Авраама страшных слов: вспомни, чадо, что ты уже получил все блага твои во время жизни твоей (ср. Лк. 16:25)?» Братия, тронутые его смирением, с любовью и состраданием окружали болящего. И теперь любвеобильный старец уже слабым голосом поучал своих сподвижников, увещевая и умолая их и после него мужественно нести до конца святой подвиг, который они ревностно проходили вместе с ним, делал последние распоряжения и не переставал читать псалмы. «Если стадо мое умножится и усовершится после моей смерти, – говорил при этом святой старец, – верьте, что сбудутся утешительные мои предсказания о благоденствии обители; если же нет – горьки будут последствия». Наконец он призвал к себе трех особенно любимых им епископов, велел собраться около себя всей братии обители, открыл им о своем скором отшествии к Богу и дал им последнее целование. Это было за три дня до его блаженной кончины. Все, окружавшие великого старца, безутешно плакали, ибо чувствовали, чего лишались они и какому сиротству подвергалась его обитель. Но сам святой старец сиял неземною радостью при мысли о скором отшествии в горний мир, в селения Отца Небесного. В час кончины блаженный старец поднял к небу руки и зашевелил устами, как бы вступая в беседу с Богом, в сладостном восторге; потом сложил крестообразно руки на смиренной груди и тихо предал святую душу свою, совершившую столько подвигов, в руки Божии. Это было на 105-м году его жизни, 11 января 529 года.

*Прп. Феодосий Великий с житием.
Икона. Москва. Первая половина XVI в.*

Преставление раба Своего Господь почтил чудом. Некоторый муж по имени Стефан, родом александриец, долгое время был одержим злым духом. Когда преподобный Феодосий преставился, Стефан прикоснулся к одру его и тотчас получил совершенное исцеление. Это чудо показало всем, какого великого заступника приобрела себе Церковь христианская в усопшем святом муже.

Торжественно совершено было погребение подвижнического тела св. Феодосия. При первой вести о преставлении великого подвижника массы народа из окрестных городов и селений собрались в киновию; явились настоятели и иноки пустынных обителей; прибыл патриарх

Петр²⁵¹ с клиром; поспешил отдать последний долг любви и уважения почившему и девяностодвухлетний старец Савва Освященный. Все глубоко скорбели и плакали о кончине защитника Христовой Церкви, поборника святой веры, светильника, на весь мир сиявшего необычайными своими подвигами и добродетелями. Бедные и нищие, старцы, увечные, для которых Феодосий истинно был отцом, рыдали неутешно, чувствуя, чего они с потерей его лишались; плакал и св. Савва о великом своем соотечественнике: их связывала тесная дружба и сердечная приязнь; в управлении обителями, в руководстве иноками они помогали друг другу советом, указанием и одобрением; вместе они трудились для блага Святой Церкви, вместе действовали в борьбе с еретиками. Торжественно сам патриарх с епископами, игуменами и пресвитерами совершил в соборном храме чин отпевания над священным прахом угодника Божия в присутствии народа, переполнявшего храм. Необычайное движение поднялось в храме, когда началось прощание с почившим и особенно когда святое тело его на раменах епископов и игуменов было перенесено в пещеру волхвов: каждый хотел дать последнее целование о Господе рабу Божию, каждый порывался хотя прикоснуться к его раке; с большим трудом донесли раку до пещеры, но и здесь едва могли улучшить минуту, чтобы положить в недра земли бречное тело святого старца. Столь великую любовь и уважение стяжал у всех св. Феодосий Киновиярх!

В день памяти св. Феодосия Киновиярха Церковь обращается к нему с таким приветствием: «Насажден во дворах Господа твоего, преподобными твоими добродетельми красно процвел еси и умножил еси чада твоя в пустыни, слез твоих тучами напаяема, стадоначальниче Божий, божественных дворов. Темже зовем: радуйся, отче Феодосие»²⁵².

«Если стадо мое после моей смерти умножится и усовершится, то благословится обитель и будет благоденствовать, исполнится и мое сердечное ожидание; если же нет, то горьки будут последствия». Так говорил преподобный Феодосий на смертном одре, прощаясь с окружавшею его братией. Исполнилось сердечное ожидание великого старца, сбылись его утешительные предсказания: стадо его, общество подвижников, после блаженной кончины его продолжало не только умножаться, но и усовершаться, и святая обитель его благоденствовала и процветала. В ней во все время продолжительного ее существования всегда были великие подвижники, высокою подвигов и нравственных совершенств удивлявшие христианский мир; являлись мужи благодатные, исполненные духовного разума, прозорливости и чудодейственной силы, мужи, приснопамятные для Христовой Церкви, оказавшие ей незабвенные услуги. Неизвестны имена всех знаменитых подвижников Феодосиевой киновии, но и тех имен, какие сохранились в церковной истории, достаточно для того, чтобы судить о той нравственной высоте, на которой она стояла во все времена. Из подвижников, процветавших в киновии после ее великого основателя, известны: V века – Василий пресвитер; VI века – Софроний архимандрит, Коприй, Христофор, Леонтий игумен, Конон, Феодул, Георгий Каппадокиянин, Юлиан, бывший епископом Бострским, Ианф или Антоний, Петр пресвитер, Пард или Павел, Нонн пресвитер, Георгий архимандрит, Юлиан аравитянин, Патрикий, Стратигий игумен; VI–VII веков – Иоанн Мосх.

Преподобный Василий пресвитер (память в субботу Сырной недели) – тот самый ученик преподобного Феодосия, который из послушания, как нам известно, первый согласился на предложение его обновить приготовленную могилу, чтобы служить живым примером для напоминания братии о смерти, и потом, после поминовения братии о нем как бы уже умершем в третий, девятый и сороковой день, мирно и без всякой болезни отошел в другую жизнь. После сорокового дня блаженный Василий явился среди братии в храме и вместе с ними пел. Вся братия увидела его по молитве св. Феодосия, и один из братии, именем Астий, от радости хотел было обнять Василия, но не мог этого сделать: явившийся тотчас сделался невидим.

²⁵¹ В 524–544 гг.

²⁵² Кондак в службе 11 января.

Отходя же, он сказал братиям вслух: «Спасайтесь, отцы и братия, спасайтесь; меня же здесь более не увидите»²⁵³.

Преподобный Софроний, архимандрит, был учеником св. Феодосия и достойным преемником его по управлению киновией, им самим избранный в ее настоятели. Софроний во всем подражал своему великому учителю: и в подвигах, и в управлении, и в обращении с братией – и ревностно старался поддерживать в обители все то устройство, тот порядок, какие были при самом ее основателе. Бдительно он хранил иноков от еретической заразы. Когда оригенисты в числе сорока человек были изгнаны из Великой лавры Саввы Освященного и хотели было поселиться в Феодосиевой обители, благоразумный Софроний нашел в себе достаточно силы и умения отразить их, несмотря на всю их настойчивость. Открывшийся в Константинополе собор против зараженного ересью Евтихия антиохийского лжепатриарха Севира, на который приглашены были и игумены важнейших палестинских обителей, вызвал к деятельности также и Софрония. Считая благоразумным не оставлять своей обширной и многолюдной обители без личного надзора, вместо себя он послал на собор представителем своей обители и всей Иерусалимской пустыни инока Исихия, дав ему предварительно необходимые наставления.

Исихий и подписался в актах собора вместо своего настоятеля: «Я, Исихий, по милости Божией священноинок обители блаженного аввы Феодосия, местоблюститель Софрония, священноархимандрита сей обители и всей пустыни Иерусалимской, подписался с прочими архимандритами Иерусалима, посланными в сей царствующий град и представляющими собой лице всех архимандритов и иноков пустыни и трех Палестин». Перед кончиной своею сего Исихия Софроний назначил по себе преемником²⁵⁴.

Преподобный Коприй (память 24 сентября) назван был этим именем²⁵⁵ иноками Феодосиевой обители потому, что они нашли его близ монастырской ограды на гноище, где родила его и оставила мать, спасаясь бегством от сарацин. В этой же обители Коприй и воспитан был и потом провел в иноческих подвигах всю жизнь. Скончался он в глубокой старости (на 90-м году) около 530 года.

Великий подвижник был сей преподобный Коприй. Он исполнен был благодати Святого Духа. Однажды Коприй встретил в монастырском саду медведя. Взяв зверя за ухо, преподобный вывел его из сада и прогнал, запретив ему ходить в сад, и медведь с той поры ни разу не являлся в сад. В другой раз, когда Коприй собирал в лесу дрова и медведь повредил осла, на котором старец хотел везти дрова в обитель, преподобный остановил медведя, положил на него дрова и сказал: «Не отпущу тебя, исполняй теперь работу осла, доколе он не выздоровеет». И медведь служил старцу, носил дрова и воду до тех пор, пока осел не выздоровел. Коприй служил на кухне. В одно время, когда кушанье, варившееся в котле, закипело и старец в скорости не нашел ложки, чтобы помешать его, преподобный голою рукой снял пену с кушанья и потом помешал его; вреда от этого ему не было никакого. Когда преподобный Феодосий отошел ко Господу, часто являлся к Коприю, которого любил при жизни, и вместе с ним пел. В одно время блаженный Феодосий сказал старцу: «Вот, брат Коприй, настало время исхода твоего; приходи к нам в уготованное тебе место успокоения». Немного спустя после этого преподобный Коприй в мире предал дух свой Богу²⁵⁶.

²⁵³ См.: Четы-Минеи, 11 января; служба в субботу Сырной недели; *Вершинский*. Месяцеслов, 11 января.

²⁵⁴ *Муравьев*. История святого града Иерусалима. С. 204, 217.

²⁵⁵ В переводе с греческого слово обозначает «нечистый», «немытый». – *Примеч. ред.*

²⁵⁶ См.: Четы-Минеи, 24 сентября; Пролог, 24 сентября; *Вершинский*. Месяцеслов, 24 сентября.

Преподобный Христофор (память 30 августа), родом римлянин, был одним из великих подвижников. О нем сообщил сведения Иоанну Мосху и Софронию постриженник Феодосиевой киновии Феодул в бытность их в Александрии. «Я постриженник в иночество в киновии отца нашего Феодосия, – рассказывал им Феодул, – там я нашел великого старца именем Христофор, родом римлянина. В один день я пришел к нему и просил его поведать мне о жизни его с самой юности, и старец так начал мне рассказывать:

– Когда я отрекся от мира, сын мой, имел я великую ревность к подвижничеству: днем находился на работах, а вечером поздно уходил молиться в пещеру, в которой прежде обыкновенно молились великий отец Феодосий и прочие святые отцы; в пещеру вело восемнадцать ступеней, и я на каждой ступени повергался пред Богом и клал по сто поклонов и потом оставался в пещере до того времени, когда ударяли в било к утреннему славословию. В одну ночь, когда я хотел уже войти в самую пещеру, пришел я в восторг и увидел, что вся пещера наполнена лампадами, из которых одни горели, другие нет, и два мужа в белых ризах ходили по ней и поправляли лампы. Я сказал им: “Зачем вы поставили здесь эти лампы и не позволяете мне войти и молиться?” Они отвечали: “Это лампы отцов, трудящихся Бога ради”. Я опять спросил их: “Почему одни лампы горят, а другие нет?” Они сказали: “Хорошо работающие Господу зажгли свои лампы, а ленивые не зажгли”. Я еще спросил их: “Сделайте милость, скажите: моя лампа горит или нет?” Они отвечали: “Подвизайся и молись, и мы зажжем ее”. Я сказал: “Постоянно молюсь, и до сего времени всегда это делал”. После этого я пришел в себя и, осмотревшись вокруг, никого не видел. Тогда я сказал себе: “Христофор! Нужно тебе более трудиться, чтобы возжечь свою лампу”. На другой день я вышел из своего монастыря и отправился на Синайскую гору, ничего с собой не взяв, кроме одежды, в которую был одет. На Синайской горе я провел пятьдесят лет в больших трудах и подвигах, и потом пришел ко мне глас: “Христофор! Иди в киновию, в которой ты прежде подвизался: там ты окончишь течение свое вместе со своими отцами”. Я и возвратился в киновию отца нашего Феодосия». После сего Христофор, немного пожив в нашей обители, мирно отошел ко Господу. В другой раз авва Христофор рассказал мне следующее: «В один день я отправился из своего монастыря в святой город Иерусалим поклониться Животворящему Кресту, и когда, поклонившись Честному Кресту, я уже выходил из храма, то увидел в церковных дверях некоего брата, который стоял на одном месте, а около него летали, махая крыльями, два ворона, которые и не позволяли ему войти в храм. Узнал я, что вороны эти – демоны, и сказал тому брату: “Скажи мне, брат, что ты стоишь посреди дверей и не входишь?” – “Прости мне, господин авва, – отвечал он, – меня борют помыслы: один помысл говорит мне: иди и целуй Животворящий Крест, другой же говорит: не ходи, но прежде иди и исполни необходимое дело, а Честному Кресту поклонись и в другое время”. Услышав это, я взял его за руку и ввел в церковь, а вороны отлетели от него и стали невидимыми; он поклонился Честному Кресту и облобызал его, поклонился и Святому Гробу Господню. Потом я с миром отпустил его». Вот что мне рассказывал авва Христофор, желая поучить меня, что должно прежде исполнять духовное, а потом уже телесное»²⁵⁷.

²⁵⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 104; *Вершинский.* Месяцеслов, 30 августа.

Прп. Христофор.

Фреска монастыря Дечаны. Косово (Сербия). Около 1350 г.

Преподобный Леонтий был игуменом киновии. Он стоял на высокой степени нравственной чистоты и святости и еще при жизни ему открыт был духовный мир. В «Луге» блажен-

ного Иоанна Мосха²⁵⁸ рассказывается случай, показывающий общение Леонтия со светочными духами. Однажды в воскресный день Леонтий вошел в церковь и увидел там по правую сторону престола Ангела. Старец, объятый страхом, хотел уже выйти из церкви, как услышал из алтаря голос, говоривший: «Мне поручено стоять у сего престола с того самого времени, как он освящен».

Преподобный Конон подвизался в киновии Феодосия Великого тридцать пять лет. Во все это время он вел такую жизнь: носил власяницу; однажды в неделю принимал пищу – немного хлеба и воды; постоянно занимался рукоделием и присутствовал в храме при всех церковных службах и последованиях²⁵⁹.

Преподобный Феодул, подвизавшийся в Феодосиевой киновии, был прежде воином. Он строго постился и никогда не спал лежа²⁶⁰.

Преподобный Георгий, каппадокиянин родом, жил в одной обители в Фаселаиде. Георгий был богоугодным мужем. В «Луге духовном»²⁶¹ сохранены два случая, свидетельствующие о высокой степени нравственного совершенства, которой достиг Георгий. Он жил еще в фаселаидской обители и служил в поварне. Однажды нужно было Георгию вынести нетопившуюся печь, чтобы посадить в нее хлебы. Не найдя в скорости, чем вынести печь, потому что братия, служившие вместе с ним в поварне, спрятали помело, желая искусить его, Георгий влез в печь, вымел ее своею одеждой и вышел из нее, не потерпев нисколько от жары. В другое время (это было в той же фаселаидской обители, когда Георгий пас стадо свиней) пришли к нему два льва и хотели похитить борова. Старец, нимало не усташась, взял палку, прогнал львов от своего стада и гнал их до самого Иордана.

Преподобный Юлиан, впоследствии он был епископом в заиорданском городе Бостре, подвизался сначала в обители Феодосия Великого. Из жизни Юлиана известен следующий случай, весьма замечательный. Когда он принял епископскую кафедру в Бостре, некоторые из знатных и богатых жителей этого города возненавидели его и решили отравить его ядом. Орудием своего злого намерения они избрали епископского же служителя, которого склонили на свою сторону, обещая ему большие подарки; вручили ему приготовленный ими яд и просили его всыпать этого яду в чашу, из которой епископ имел обыкновение пить. Слуга исполнил просьбу злоумышленников. Юлиан по божественному откровению узнал коварство своих врагов, послал слугу своего за городскими начальниками и знатными гражданами. В числе их явились в епископский дом и участвовавшие в заговоре против него. Юлиан по своей кротости и глубокому смирению не стал прямо обличать виновных, но, желая дать им почувствовать тяжесть их преступного замысла, обратился ко всем пришедшим и кротко сказал им: «Если вы думаете отравить смиренного Юлиана ядом, то вот я пред всеми вами пью этот яд». Потом он взял чашу и, благословив ее трижды знамением честного креста, сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа пью эту чашу пред всеми вами» – и, выпив ее, остался совершенно невредим. Видевшие это поклонились Юлиану, а злоумышленники пали на землю и просили у него прощения. Рассказ о блаженном Юлиане сообщил Иоанну Мосху и Софронию настоятель киновии архимандрит Георгий²⁶².

²⁵⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 4.

²⁵⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 22.

²⁶⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 23.

²⁶¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 92.

²⁶² См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 94.

Преподобный Ианф (или **Антоний**)²⁶³ жил и подвизался в киновии Феодосия недолго и почти всю жизнь провел в Кутилийской пустыне, в местечке Кушино. Однажды, когда старец находился в этой пустыне, увидели его сарацины и один из них обнажил меч и устремился к старцу с намерением умертвить его. Старец, заметив это, поднял глаза к небу и, предавая себя в волю Отца Небесного, произнес: «Господи Иисусе Христе! Да будет воля Твоя!» Едва он произнес эти слова, как вдруг разверзлась земля и поглотила сарацина. Прочие спутники его, увидев, что с ним случилось, от страха разбежались, и таким образом старец спасся²⁶⁴.

Преподобный Петр пресвитер, родом из Понта, достиг высокого нравственного совершенства, в особенности же отличался необыкновенным воздержанием. Однажды он пришел в лавру Пирги к подвижнику Феодору²⁶⁵ и сказал ему: «Сотвори любовь, брат Феодор! Пойдем со мной на Синайскую гору: я дал обещание идти туда молиться Богу». Феодор пошел с ним. Когда они перешли Иордан, старец Петр обратился к Феодору и говорит ему: «Брат Феодор, пойдем помолимся Богу и не будем ничего вкушать до Синайской горы». Феодор отказался от этого: «Я не могу этого сделать», – отвечал он. Старец же, помолившись Богу, ничего не вкушал до самой Синайской горы. Когда же он пришел на Синайскую гору, прежде всего приобщился Святых Таин, а потом уже вкусил немного пищи. С Синайской горы они отправились в Александрию, где старец, поклонившись мощам святого мученика Мины, приобщился Святых Таин и тогда только вкусил пищу. Таким же образом и на обратном пути в Святую Землю старец не вкушал ничего, но когда прибыл в Иерусалим, то, поклонившись Честному Кресту и Животворящему Гробу Господню, причастился Святых Таин и потом уже вкусил пищи. Таким строгим постником был пресвитер Петр. Во все это столь далекое и продолжительное путешествие он только три раза вкушал пищу²⁶⁶.

Преподобный Пард (или **Павел**)²⁶⁷ (память 15 декабря) был родом римлянин. Он жил в окрестностях Иерихона и в молодых годах смотрел за лошадьми. Однажды Пард пригнал несколько лошаков в Иерихон. Когда он находился в гостинице, лошаки растоптали на дворе маленького ребенка. Пард так был поражен этим событием, что, считая себя виновным в смерти ребенка, удалился из Иерихона на гору Арион и сделался отшельником. Он стал проводить жизнь в самом строгом уединении и необычайных подвигах, но в то же время сокрушался, плакал и рыдал о допущенном им, хотя и невольном, человекоубийстве, испрашивая у Бога прощения своего греха и помилования. Грех этот непрерывно был пред умственными очами его. «Я совершил убийство; от меня ребенок погиб; как убийца, я буду осужден на Страшном суде Христовом» – так постоянно говорил себе отшельник. Внизу под горой, на которой жил он, находилось логовище льва. Пард постоянно приходил к логовищу, вызывал из него льва, всячески его раздражал и злил, и все это для того, чтобы лев растерзал его: подвижник собственной смертью хотел заплатить за тяжкий свой грех. Но лев все был спокоен и не причинял ему никакого вреда. Наконец отшельник решился лечь на дороге, по которой лев хаживал пить, думая, что лев нападет на него и растерзает. И это намерение его не исполнилось: лев, как только приблизился к отшельнику, тихо и с осторожностью перескочил через него, так что даже нисколько и не прикоснулся к нему. После этого Пард, будучи извещен от Бога, что грех его, о котором он так много сокрушался, прощен, оставил гору, на которой подвизался, и посе-

²⁶³ Два имени подвижника показывают, что уже в VI в. при пострижении в иночество переменяли имя.

²⁶⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 99.

²⁶⁵ Этот Феодор был впоследствии епископом Росским в Сирии.

²⁶⁶ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 100.

²⁶⁷ Имя Пард стоит в Прологе, месяцесловах и в киевском издании «Луга» 1622 г., а имя Павел находится в русском переводе «Луга», изданном в Москве в 1871 г.

лился в киновии Феодосия Великого. Здесь мирно провел он остальное время своей жизни и в радости отошел ко Господу²⁶⁸.

Преподобный Нонн пресвитер. О сем подвижнике Феодосиевой киновии инок Феодосий, живший в той же обители и потом сделавшийся епископом Капитулиадским, рассказывал Иоанну Мосху и Софронию следующее: «В одну ночь, еще до удара в било к утреннему славословию, я услышал, что кто-то тихим голосом говорит: “Господи помилуй”, и проговорил, как я насчитал, до пятисот раз. Желая узнать, кто это так усердно молится Богу, я посмотрел сквозь окно кельи в церковь и увидел, что это был пресвитер Нонн. Он молился Богу на коленях, а над головой его была светлая звезда, которая и показала мне, кто этот подвижник». Другой инок той же обители рассказывал Иоанну Мосху и Софронию о Нонне вот что: «В одну ночь, еще до того времени, как надлежало ударить в било, я вышел из кельи и, не дойдя до церкви, увидел пресвитера Нонна, который стоял перед церковью и, воздев руки к небу, молился; руки его светились, как зажженные свечи. Увидев это, я подивился, прославил Бога и возвратился в свою келью»²⁶⁹.

Преподобный Георгий архимандрит управлял Феодосиевой обителью в последней четверти VI века. И по характеру, и по строгой жизни, и по образу действий он напоминал инокам великого отца их. Благоразумный и рассудительный, твердый и настойчивый в достижении цели, до самоотвержения преданный заботам о благе святой обители, о спасении вверенных его руководству душ, неутомимо деятельный, по делам монастырским входивший в разнообразные сношения с разными лицами и в то же время спокойный и самособранный, никогда и ничем не раздражавшийся, строгий к самому себе, снисходительный и любвеобильный к другим, постоянно, при каждом случае поучавший братию – таков был преподобный Георгий. Он пользовался повсюду глубоким уважением. Благосклонно принял его император Тиверий²⁷⁰, когда Георгий, прибыв в Константинополь, обратился к нему с просьбой помочь нуждам своей обители, и милостиво удовлетворил смиренное прошение Георгия. Сам великий подвижник, ревнуя о высшем нравственном совершенстве, преподобный Георгий посещал другие обители и пустыни, беседовал с подвижниками и отшельниками, славившимися духовною жизнью, и усвоял от них особенные черты их подвижничества. И достиг он высокой степени духовного совершенства и нравственной чистоты. Ему был открыт духовный мир. Об этом говорят некоторые случаи, записанные составителем «Луга духовного»²⁷¹. «Когда я жил еще просфорником в фаселаидской обители на Иордане, – рассказывал Иоанну Мосху сам Георгий, – и задумали там построить храм в честь св. Кириака, я копал основание для храма. И вот является мне во сне благообразный старец, великий, как казалось, аскет: исподнее платье его было сплетено из пальмовых листьев; по плечам покрывала его короткая мантия из рогожи, – и говорит мне: “Скажи мне, господин авва Георгий, зачем после стольких моих подвигов и такого поста оставил ты тело мое вне сооружаемого тобой храма?” – “Нет, господин, – отвечал я ему, – не будет этого, никак этого не сделаю”. – “Ей, ты сделал это”, – сказал старец. Тогда я спросил его: “Кто ты, господин мой?” – “Я – Петр, воск [пустынный] св. Иордана”, – отвечал он и стал невидим. Наутро я увеличил меру храма. Когда копали основание, я обрел нетленное тело старца, одетое так, как я видел его во сне. Когда храм был совсем отстроен, я устроил наилучшую гробницу, положил в нее тело св. Петра и поставил ее в храме у стены в углу с правой стороны». Другой

²⁶⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 101; Пролог, 15 декабря; *Вершинский.* Месяцеслов, 15 декабря.

²⁶⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 104.

²⁷⁰ Правил в 578–582 гг.

²⁷¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 92–93, 109.

случай. Отправился Георгий посетить великого отшельника Иорданской пустыни Сисиния, которого он глубоко почитал.

«Пришедши к нему, – рассказывает Георгий Иоанну Мосху и Софронию, – мы долго стучались. Потом вышел ученик старца и говорит мне: “Авва! Старец опасно болен, при смерти, и молил Бога продлить его жизнь до тех пор, доколе не услышит, что ты пришел в сию страну”. А я по нуждам киновии ходил в Константинополь к благочестивому императору Тиверию. Ученик пошел к старцу, сказал ему обо мне и довольно спустя опять вышел и пригласил нас к нему. Вошедши в келью, мы нашли старца уже умершим. После я узнал, что как скоро он услышал, что я стучусь, в эту самую минуту отошел ко Господу. Я поклонился почившему рабу Божию и начал с любовью лобызать его очи, уста и руки. Усопший, открыв глаза, тихим голосом сказал: “Хорошо, что пришел ты, авва мой; благовременно твое прибытие, радуюсь”. И затем снова почил». О нравственном совершенстве преподобного Георгия так отозвался ученик его Феодосий в беседе с Иоанном Мосхом: «Двенадцать лет пробыл я при авве и наблюдал за ним и ни разу не видал, чтобы он когда был взволнован, или раздражен, или ослабел в подвигах и занятиях, особенно в нынешнее время, когда между нами допускаются леность, нерадение и другие неподобные вещи. Кто так охранял очи, как отец наш во святых Георгий? Кто так затворял двери слуха, как он, блаженный и праведный? Кто связывал язык так, как он? Какой солнечный луч так просветил землю, как просветил сердца всех нас отец наш?» Поистине великий муж был преподобный Георгий, настоятель и архимандрит обители Феодосия Киновиярха.

Преподобный Юлиан аравитянин подвизался в Феодосиевой обители в VI веке. Он был слеп. Человек простой, неученый, но весьма преданный христианской вере, которую любил всем сердцем, мирно он работал и трудился о Господе, с усердием и страхом содеяв свое спасение. Нарушилось его душевное спокойствие, когда после кончины иерусалимского патриарха Петра оригенисты поставили на первосвятительскую кафедру Святого града единомышленника своего Макария. Юлиан расстроился мыслями, сомневался, признавать ли Макария законным святителем и молиться о нем, и не знал, что делать. Ревность старца по правой вере так была велика, что он не верил братии и даже своему авве настоятелю, которые не входили в общение с Макарием, и решился спросить совета у св. Симеона Дивногорца, подвизавшегося в то время на столпе близ Антиохии. Он послал на Дивную гору сказать св. Симеону: «Слеп я, отец мой, сам ходить не могу, а довести меня некому; не могу узнать, на какой стороне истина, и опасаюсь войти в общение с Макарием. Скажи мне, отец, и наставь меня: что мне делать? Извести также, отец, как поступить с падшим братом и с тем, который связался с ним клятвой»²⁷². – «Не отделяйся, авва Юлиан, – отвечал св. Симеон, – и не думай отделяться от святой кафолической Церкви. Благодатию Господа нашего Иисуса Христа она не имеет никакого порока и зазора, но есть свята и чиста; и не приобщайся Макарию и его клеветам; не сомневайся и успокойся. Знай еще, брат мой, что у вас в обители есть великий старец, именем Патрикий; он хотя в священном сане, но в храме стоит вне чина церковного у западной стены; он только достойно возносит святую молитву проскомидии за всех, и его возношение истинно свято и приемлется Богом, как жертва святая». С радостью принял ответ Симеона Столпника Юлиан и поступил так, как сказал великий подвижник, и совершенно успокоился²⁷³.

Преподобный Патрикий, игумен, был родом из армянского города Себасти²⁷⁴. Отцы Феодосиевой обители сказали Иоанну Мосху и Софронию, что он прежде был настоятелем

²⁷² Назидательная повесть о двух иноках, поклявшихся не разлучаться друг с другом ни при жизни, ни по смерти, находится в главе 97 «Луга духовного» Иоанна Мосха. О них см. на с. 317–320 настоящей книги.

²⁷³ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 96.

²⁷⁴ Ныне Сивас, город в Турции. – *Примеч. ред.*

киновии преподобного Ксанфия, но, представив себе в полной мере важность обязанности настоятеля, руководителя других к спасению, и боясь ответственности, усомнился в своем достоинстве, оставил обитель Ксанфия и перешел на послушание в киновию Феодосия Великого. Такое дело нашел Патрикий более полезным для души своей, причем говорил, что великим и совершенным нужно быть для того, чтобы пасти словесных овец. Несмотря на непрерывные аскетические труды, он достиг глубокой старости и скончался 113-ти лет. Отличительные нравственные качества его были: глубокое смирение, кротость и молчаливость. Высокий отзыв о его нравственном совершенстве и святости св. Симеона Дивногорца мы видели: великий подвижник антиохийский сказал о Патрикии, что в Феодосиевой обители только он достойно возносит молитву проскомидии, и его приношение принимается Богом как жертва чистая и святая²⁷⁵.

Преподобный Стратигий, игумен, был настоятелем Феодосиевой киновии. Отцы киновии, рассказывая о нем Иоанну Мосху, передали, что Стратигий возвышался пред современными подвижниками преимущественно тремя добродетелями; это были: строгий пост, продолжительное бдение и непрерывный труд. Обладал Стратигий и благодатными дарами; так, в нем проявлялся дар прозорливости и предведения будущего. Когда преподобный Иоанн Лествичник на 20-м году возраста своего принял на Синайской горе пострижение в иночество, преподобный Стратигий духом узнал об этом его пострижении в тот самый день, в который оно происходило, и братии пророчески сказал, что это будет великая звезда вселенной²⁷⁶.

Два инока, поклявшиеся никогда не разлучаться друг с другом, жили в киновии Феодосия Великого. Вместе они трудились, вместе подвизались для спасения души: их согласная жизнь и одинаковое настроение удивляли братию и служили для всех назиданием. Нравственное падение одного из иноков и клятва, связывавшая с ним другого, привели братию в немалое смущение, так что преподобный Юлиан спрашивал об иноках, как мы уже видели, даже Симеона Столпника. Повесть об этих иноках умилительна и назидательна. Считаем благополезным передать ее подлинными словами «Луга». Авва Иоанн отшельник, по прозванию Огненный, рассказывал Иоанну Мосху и Софронию: «Я слышал от аввы Стефана Моавитского, что в бытность его в обители св. Феодосия, настоятеля Великой киновии, были в этой обители два брата, которые поклялись никогда не разлучаться друг с другом ни при жизни, ни по смерти. Они были примером назидания для всех в обители. Но один из них до того разжегся похотью, что не мог противостоять сему искушению и сказал своему брату: «Отпусти меня, брат; мною овладела плотская похоть, я хочу возвратиться в мир». Брат умолял его и говорил: «Не губи труда своего». Сей отвечал ему: «Или сам иди со мной, или отпусти меня удовлетворить страсти». Брат, не желая отпустить его одного, пошел сам с ним в город. Одержимый страстью, брат вошел в дом блудниц, а другой, стоя вне дома, брал с земли пыль, посыпал ею главу свою и терзал самого себя. После того как тот согрешил и вышел из дома, брат сказал ему: «Какую пользу, брат мой, получил ты от греха? Сколько, напротив, получил вреда! Пойдем опять в обитель». Тот отвечал ему: «Теперь уже не могу идти в пустыню; ты ступай, а я останусь в мире». И сколько его другой брат ни убеждал, чтобы он шел с ним в пустыню, все было тщетно. Потому и сам остался с ним в мире. Они оба начали трудиться, чтобы пропитать себя. В это время авва Авраамий, опытный и кроткий пастырь (который после был епископом Ефесским и устроил в Константинополе монастырь Авраамиев), сооружал свой монастырь, называемый Византийским. Оба брата трудились здесь за плату, которую за обоих получал брат, ввавшийся в блуд; он ходил ежедневно в город и тратил ее на прихоти, а другой брат во весь день

²⁷⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 95.

²⁷⁶ См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Историческое учение об отцах Церкви. Т. 3. С. 122, примеч. 4.

постился, ни с кем ничего не говорил и спокойно проводил время в работе. Прочие работники, видя каждый день, что он не ест, ничего не говорит, но всегда умом внимает себе, сказали об образе жизни его святому авве Аврамию. Великий Авраамий призвал к себе труженика в свою келью и спросил его: “Откуда ты, брат, и какое у тебя занятие?” Тот во всем открылся ему и присовокупил, что он трудится для брата, чтобы Бог, видя труды его, спас брата. Чудный Авраамий, выслушав все от брата, сказал ему: “И Бог даровал тебе душу брата твоего”. Как скоро отпустил от себя Авраамий брата и он только вышел из его кельи, то услышал вопль брата своего: “Любезный брат, возьми меня с собой в пустыню, да спасусь я!” Он немедленно взял его и, удалившись в пещеру, недалеко находящуюся от святого Иордана, заключил его в ней.

Спустя немного времени брат, впавший в грех, много потрудясь по Боге духом, отошел ко Господу, а оставшийся брат по данной клятве оставался в пещере, чтобы тут же умереть самому. Инок, оставшийся в пещере по смерти брата, в ней и скончался. Он угодил Богу и предрезал свою кончину. Незадолго до его кончины пришел к нему из лавры Каламонской старец и сказал ему: “Скажи мне, брат, ты долго безмолвствовал и подвизался: что же ты приобрел?” Брат отвечал ему: “Приходи через десять дней, и тогда я скажу тебе”. Спустя десять дней старец явился и увидел, что он уже преставился; причем нашел черепок с такою надписью: “Прости меня, брат, что я при совершении правила никогда не занимал ума своего земным”»²⁷⁷.

Преподобный Иоанн Мосх. Это муж незабвенный в истории христианского подвижничества, как составитель известной ревнителям благочестия книги «Лимонарь, или Луг духовный». Через него, подобно как через инок Кирилла Скифопольского, Провидение сохранило для Церкви для назидания и душевной пользы чад ее имени, подвиги и высокие нравственные совершенства подвижников и пустынножителей Палестины, Сирии, Египта и других стран преимущественно VI века, а также много сведений о церковных и гражданских событиях и исторических лицах второй половины VI века и первой четверти VII века.

Когда и где родился Иоанн Мосх, также где получил первоначальное образование, неизвестно; из сочинения его «Луг духовный» видно только, что он учился и всю жизнь обнаруживал сильное стремление к знанию и просвещению, особенно христианскому. Он старался приобретать книги, любил беседовать с учеными и образованными мужами – философами, софистами и схоластиками. Так, в Александрии, услышав о подвижнике философе Феодоре, он отыскал его и вошел с ним в близкое знакомство для наук²⁷⁸. Там же часто посещал Косьму схоластика, с пользой для себя слушал его мудрые суждения и наставления, читал у него и брал к себе книги, которых было у него более, чем у кого-либо из александрийцев²⁷⁹. Но господствующей чертой жизни Иоанна Мосха была сторона нравственная – стремление к нравственному совершенству и подвижничеству. Обитель Феодосия Великого привлекла к себе Иоанна Мосха и была местом, где он вступил на трудный путь Креста Господня. Здесь у великих отцов этой обители учился он иночеству; здесь же провел и большую часть своей жизни. На первых же порах Иоанн обнаружил великую ревность к подвижничеству; старался изучать образ жизни отцов-подвижников, подражал их молитве, посту, терпению, усваивал себе их нравственные качества и добродетели. Но не довольствовался этим ревнитель подвижничества: по временам он оставлял Феодосиеву киновию и переходил в другие обители, в которых и подвизался, изучая образ жизни отцов подвижников и соревнуя им в подвигах. Так, десять лет провел Иоанн в лавре Илиот, где сам жил отшельником²⁸⁰; посещал отсюда кельи и пещеры

²⁷⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 97–98.

²⁷⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 171.

²⁷⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 172.

²⁸⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 62–65.

пустынников, беседуя с ними и назидаясь их образом жизни²⁸¹; провел и сам немало времени в Иорданской пустыне среди ее дивных насельников, подобно им проходя суровый образ жизни. Не удовлетворился и этим преподобный Иоанн.

*Иоанн Мосх.
Икона над гробницей. XX в.*

Зная, что многочисленны степени духовной жизни и что весьма разнообразны поэтому самые виды и формы подвижничества, он решился странствовать по Святой Земле, чтобы своими глазами видеть дивных мужей, подвизавшихся и в обителях, и в пустынях, насладиться их лицезрением, воспользоваться их наставлениями и духовными советами и все виденное, слышанное и узнанное изложить в письменном труде – для своей душевной пользы, во благо и назидание других ревнителей благочестия. Обстоятельства благоприятствовали достижению этой цели. Странствования по обителям и пустыням суждено было Иоанну Мосху совершать не одному. Господь послал ему спутника, столь же ревностного к подвижничеству, но еще более образованного. Это был Софроний, впоследствии первосвятитель Святого града²⁸². Софроний, получив на родине своей, в Дамаске, отличное образование и имя софиста²⁸³, изучив научную мудрость, прибыл на Святую Землю, чтобы изучить и приобрести мудрость опытную – мудрость нравственной жизни. Обходя лавры и киновии палестинские, Софроний в обители Феодосия встретился с Иоанном Мосхом, узнал высокие качества его ума и сердца, сблизился с ним, отдал себя ему в полное послушание и руководство в духовной жизни и сделался его учеником; их соединили тесные узы дружбы и любви, и неразлучны оставались они между

²⁸¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 19, 172.

²⁸² В 634–638 гг.

²⁸³ Софистом называли в то время человека, получившего высшее образование.

собой до смерти. С полной охотой и живейшей радостью вызвался Софроний совершить с Иоанном задуманное им благочестивое странствование. Теперь ревнители благочестия и святой жизни, следуя благоразумию, стали готовиться к странствованию. Оба они любили образование и науки, оба стремились к приобретению просвещения, особенно христианского. Не удовлетворяясь теми познаниями, какие имели в области христианского вероучения, ревнители просвещения положили во время путешествия учиться – стараться приобретать большее и большее знакомство с предметами ведения христианского, подробнее и основательнее изучать истины веры Христовой; к этому должны вести, по их мысли, чтение книг, взаимная беседа, размышление, беседа с просвещенными и учеными мужами, прения с еретиками. Но главным делом Иоанн и Софроний поставили для себя учиться мудрости нравственной, изучать духовную жизнь в разных ее степенях и проявлениях, для чего признали необходимым не только посещать обители и пустыни, видеть старцев-подвижников, славившихся великими подвигами и нравственными совершенствами, беседовать с пустынноиками, созревшими в подвижничестве, опытными в духовной жизни, но и вообще, встречаясь на пути с разными лицами и вступая с ними в беседу, замечать поучительные рассказы, принимать к сведению те или другие уроки нравственности, те или другие поразительные, назидательные случаи. Ко всему этому для большего возбуждения и питания религиозного чувства они положили присоединить еще богомолье – посещение святых мест, поклонение христианской святыне. Вот какую задачу и цель поставили себе Иоанн и Софроний, предпринимая странствование по святым обителям и пустыням. Для лучшего выполнения этой задачи благоразумные мужи сочли необходимым запастись книгами и записною тетрадью. Так они готовились к путешествию. Пример, достойный подражания! И начались странствования Иоанна и Софрония по обителям и пустыням Святой Земли, перешедшие по обстоятельствам за ее пределы и коснувшиеся Сирии и Египта и других стран, – странствования, продолжавшиеся с промежутками целых сорок лет. Софроний странствовал еще светским человеком и в мирской одежде, и Иоанн Мосх называет его то господином Софронием, то господином софистом. Под руководством своего блаженного учителя Софроний долго испытывал себя и долго готовился к отречению от мира и принятию иночества.

Странствование Иоанна Мосха и Софрония началось с 579 года, когда Иоанн послан был по делам своей обители в Египет. Через Синайскую гору пустынноики благополучно прибыли в Александрию. Как долго в этот раз пробыли они в Египте, неизвестно. Исполнив данное поручение, Иоанн пожелал удовлетворить влечение своего сердца. Сопутствуемый Софронием, он осмотрел достопримечательности Александрии, с благоговением поклонился святыне города, обошел окрестные обители и пустыни, беседовал со многими подвижниками и между прочим выслушал рассказ старца Феодула о Христофоре, иноке Феодосиевой обители, и о том, как сам Феодул видел на голове одного монаха, проводившего строгую жизнь, но державшегося ереси Севира, черного голубя, замаранного сажеей, как бы вылетевшего из трубы: черный и смрадный голубь означал веру этого монаха²⁸⁴. Много чудного рассказывали Иоанну об отшельнике Оазиса²⁸⁵ Льве. Иоанн пожелал видеть его, чтобы насладиться лицезрением святого пустычника, насладиться живым примером его подвижнической жизни, из уст его услышать душеполезный совет. Ученик не отстал от своего учителя. И вот Иоанн и Софроний из Александрии пускаются в далекое и опасное путешествие и, испытав на пути разного рода препятствия, достигают Оазиса. И видят благочестивые странники дивного отшельника, видят лицом к лицу, беседуют с ним и много душевной пользы и назидания получают и из беседы с ним, и от образа его жизни. «Когда мы беседовали с ним, – говорит в своей книге Иоанн Мосх, – и очень хорошо узнали сего святого мужа, то много получили пользы, особенно от его смирения, безмолвия,

²⁸⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 105–106.

²⁸⁵ В Оазисе жил некоторое время прп. Иларион Великий.

нелюбостязания и любви, которую он имел ко всем. Сей достопочтенный старец говорил нам: “Поверьте, дети, я буду царствовать”. А мы говорили ему: “Поверь, авва Лев, из Каппадокии никто никогда не царствовал, потому напрасно ты питаешь такие мысли”. Он опять говорил: “Истинно, дети, буду царствовать”, – и никто не мог убедить его отказаться от этой мысли. Он опять говорил: “Буду царствовать”. Впоследствии Иоанн и Софроний узнали, что Лев пожертвовал собой для выкупа трех иноков, плененных варварами, и, когда на пути в пустыню ослабел и изнемог, был обезглавлен. Тогда-то мы поняли, – заключает рассказ свой о Льве Иоанн Мосх, – что значили слова его: “Буду царствовать”, ибо истинно он воцарился, положив душу свою за друзей своих»²⁸⁶.

Возвратившись из Египта, Иоанн и Софроний провели в обители Феодосиевой еще несколько лет. Изучая образ жизни братий-сподвижников своей обители, их высокие подвиги и нравственные совершенства, они в то же время с любовью слушали сохранявшиеся в ней предания о великих мужах, подвизавшихся там прежде, с уважением и благодарностью внимали рассказам отцов о подвижниках других мест. Много рассказов выслушал Иоанн особенно от настоятеля киновии, архимандрита Георгия, который сам был великий подвижник²⁸⁷. В 594 году Иоанн Мосх вместе с настоятелем своим приходил в Иерусалим приветствовать нового патриарха, благочестивого Амоса²⁸⁸. При этом случае патриарх говорил к собравшимся настоятелям палестинских обителей речь, в которой жаловался на трудность служения в сане патриарха; страшила его особенно тяжкая ответственность за неправильное рукоположение. «Читал я, – говорил патриарх, – что блаженный Лев, правивший Римскою церковью, сорок дней пребывал при гробе апостола Петра, подвизаясь в посте и молитве, прося апостола Петра ходатайствовать за него пред Богом об отпущении грехов его. По исполнении сорока дней явился ему апостол Петр и сказал ему: “Я молился за тебя, и прощены тебе все грехи твои, кроме рукоположения. Итак, только в том ты дашь отчет, хорошо или нет рукополагал тех, которых рукополагал”»²⁸⁹.

Желание видеть новые опыты духовной жизни, собрать новые нравственные уроки побудило Иоанна и Софрония оставить обитель преподобного Феодосия, и вот они предпринимают второе странствование, и это по Святой Земле. Они посещают священные для христианина места, обходят обители и пустыни, проникают в пещеры и ущелья, внимают наставлениям старцев, созревших в духовной жизни, вступают в беседу с разными лицами, которых то там то здесь встречают на пути, выслушивая от них назидательные рассказы и повести, радуясь всему, что видели и слышали, и воздавая за все благодарение Богу. Так боголюбивые странники посетили иорданские лавры и киновии: преподобного Герасима²⁹⁰, Петра²⁹¹, Пирги или Башен²⁹², Каламони²⁹³, Евнухов²⁹⁴, лавры Евфимия Великого²⁹⁵ и Саввы Освященного²⁹⁶. С благоговением обошли они священные места Святого града, были в Гефсимании, поклонялись яслям Господним в Вифлееме. Благочестивые ревнители подвижничества пускались и на юг Святой Земли и доходили до южной оконечности Мертвого моря, где и в обителях, и в окрестных пустынях видели дивных тружеников, от которых получили, по собственному признанию

²⁸⁶ *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 112.

²⁸⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 92–93, 109.

²⁸⁸ Патриарх в 594–601 гг.

²⁸⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 149.

²⁹⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 12, 107, 141–142.

²⁹¹ См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 16–18.

²⁹² См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 5–10.

²⁹³ См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 26, 46, 62–65, 157, 162–163.

²⁹⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 136–138.

²⁹⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 21.

²⁹⁶ См.: *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный*, 3, 11, 128–129.

Иоанна, немало душевной пользы и назидания. Все, что они на пути видели и слышали, тщательно было ими записано. Новая лавра, в которую прибыли странники, возвращаясь от Мертвого моря, привлекла их к себе своим цветущим состоянием. Иоанн и Софроний остались в ней и прожили несколько времени. Записная тетрадь Иоанна обогатилась несколькими рассказами о замечательных подвижниках Новой лавры и других обителей²⁹⁷.

Около 603 года по Р. Х. последовало третье странствование Иоанна Мосха и Софрония. Из Новой лавры они направились на север и прошли северную Палестину, Сирию и часть Киликии, Скифополь²⁹⁸, Ливан²⁹⁹, Апамею и гору Росс³⁰⁰, Селевкию³⁰¹, Феополис или Антиохию³⁰², Еги³⁰³, Тарс³⁰⁴ и Аназарв³⁰⁵. В это странствование, продолжавшееся четыре года, странники собрали массу сведений о сирийских и киликийских подвижниках, выслушали духовные наставления различных старцев и записали много поучительных рассказов и назидательных уроков. Гроза, надвигавшаяся на Сирию в лице персов, поднявших войну против Греческой империи, остановила дальнейшее путешествие Иоанна и Софрония: они решились удалиться в Египет через Синай. Возвратившись в Святую Землю, путники прошли по западной ее части, посетили приморскую Кесарию, останавливались в Газе и Аскалоне и после трудного и утомительного пути Аравийскою пустыней достигли Синайской горы. Здесь на месте великих ветхозаветных событий, у подножия богосщественного Синая и священного Хорива, Иоанн и Софроний провели несколько времени в посте, молитве и богомыслии. Удовлетворив своему религиозному чувству, они обошли затем пустыню Синайскую, Раифскую и Фаранскую, где видели многих подвижников, с которыми беседовали, встречали людей, от которых выслушали назидательные повести. Записная тетрадь Иоанна увеличилась еще новыми сведениями. Наконец через Клизму, что на берегу Суэцкого перешейка, странники прибыли в Александрию. Это было около 607 года.

В Александрии Иоанн и Софроний жили долго. Патриархом Александрийским был в то время знаменитый св. Иоанн Милостивый³⁰⁶. Он скоро узнал пришельцев, оценил их душевные качества, их образование, ревность по вере Христовой, любовь к благочестию и обоих приблизил к себе. Иоанн и Софроний сделались ближайшими советниками и сотрудниками патриарха в церковных делах. Александрийская церковь была тогда обуреваема различными ересями; из еретиков с особенным успехом действовали там монофизиты и севириане. Из Александрии монофизитская ересь распространилась по городам и селам, проникла даже в иноческие обители и пустыни. Иоанн и Софроний всю силу своего просвещенного ума обратили на борьбу с еретиками; они обходили города и селения, лавры и киновии, вели прения о вере с евтихианами, севирианами и другими еретиками и бесчисленное множество зараженных ересью возвратили в лоно Святой Церкви. Высокий отзыв о трудах Иоанна Мосха и Софрония для церкви Александрийской дает их современник Леонтий, епископ Кипрский, в своем жизнеописании Иоанна Милостивого: по его желанию Бог послал ему [патриарху] мудрых и достопамятных мужей Иоанна и Софрония; они были для него верными советниками, которых слушался он, как отцов, и был признателен им, как твердым воинам, подвизавшимся за благочестие и веру. Управляемые Святым Духом, они мудростью своею препирались с севирианами и другими

²⁹⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 5, 6, 18, 35, 61.

²⁹⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 50.

²⁹⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 47, 56.

³⁰⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 89–90.

³⁰¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 79, 190.

³⁰² См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 33–34, 40.

³⁰³ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 27, 57.

³⁰⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 31–32.

³⁰⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 51.

³⁰⁶ В 610–620 (или 619) гг. Память его 12 ноября.

нечестивыми еретиками и многие скиты, многие церкви, многие монастыри исхищали из уст зверей сих, как добрые пастыри. За сие-то особенно уважал сих святых мужей святейший.

Во время пребывания Софрония в Александрии в жизни его произошла важная перемена; совершилось то, к чему он до сих пор стремился. С самого окончания своего образования возымеv намерение отдаться подвижничеству и посвятить свои силы и труды на служение Богу и Его Святой Церкви, Софроний под руководством такого опытного и мудрого наставника, каков был Иоанн Мосх, долго готовился к этому великому делу своей жизни; странствуя с ним по святым местам, по обителям и пустыням, он все испытывал себя и более и более укреплялся в благом своем намерении. И вот наконец в Александрии, вняв увещанию одного аввы, Софроний отрекается от мира и принимает совершенный образ, то есть иночество. Несказанно радовался этому сам Софроний; радовались и присутствовавшие при обряде пострижения отцы, особенно блаженный наставник и руководитель его. При этом Софроний рассказал знаменательный сон, им в то время виденный. «Мне виделось, – говорил он, – шел я дорогой, и впереди меня, составивши хор, девы скакали и приветствовали меня: “Радуетесь пришествию твоему, Софроний! Увенчан ты, Софроний”»³⁰⁷. С этого времени Иоанн, называвший до сих пор ученика своего господином Софронием и другом, теперь обращается к нему со словами «авва Софроний и брат мой».

Помогая патриарху в управлении Александрийскою церковью, Иоанн и Софроний не забывали, однако же, и заветного своего дела – богомолья и странничества. В Александрии они снова обошли все святые храмы и часовни, в которых поклонялись чудотворным иконам и святым мощам, иноческие обители и разные исторические места, собирая везде, по собственным словам Иоанна, подобно пчеле, полезное для душ, ищущих спасения. Несколько раз благочестивые иноки оставляли Александрию и предпринимали странствование по окрестным обителям; прошли обширную Скитскую пустыню с ее частями: Келлиями и Нитрийскою пустыней; посетили лавры и киновии в Теренуфе, Саламе, Тугаре и Каламоне. Увидела ревнителей аскетизма и отдаленная Фиваида: Иоанн и Софроний доходили и до этой славной в истории христианского подвижничества страны. Здесь в обителях и пустынях встречали они старцев высокого нравственного совершенства; в горах, тянувшихся по правому берегу Нила, в пещерах и ущельях, которыми испещрены эти горы, в каменоломнях и древних гробницах видели знаменитые фиваидские уединения, прославленные дивными подвигами отшельников и пустынножителей. В Антиное от схоластика Фимамона выслушали они чудную повесть о разбойнике Давиде покаявшемся, которому за то, что он не поверил архангелу Гавриилу, возвестившему ему прощение всех его злодеяний, связан был язык на все, кроме молитвы. Новыми опытами духовной жизни обогатились Иоанн и Софроний в странствованиях своих по египетским обителям и пустыням; новыми и разнообразными сведениями о египетских подвижниках наполнилась и записная тетрадь Иоанна.

Известность и всеобщее уважение приобрел в Александрии блаженный Иоанн Мосх. Его знали и почитали и как просвещеннейшего мужа, и особенно как подвижника, опытного в духовной жизни, мудрого руководителя других к нравственному преуспеянию. Неудивительно, что слава об Иоанне распространилась и за пределы Александрии; и вот к нему стали являться люди, стремившиеся к высшему нравственному совершенству, желавшие жить и подвизаться под его руководством. Иоанн принимал к себе таких людей, и образовалось при нем небольшое общество учеников, подражателей его жизни и подвигов. Всех учеников у Иоанна было, как у Христа Спасителя, двенадцать; между ними первое место занимал Софроний.

Когда персы, завоевав Сирию и Палестину, направились к Египту, Иоанн Мосх вслед за патриархом Иоанном Милостивым, удалившимся в Константинополь, оставил в 619 году с двенадцатью учениками своими Александрию; последовало четвертое и последнее его стран-

³⁰⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 102.

ствование, окончившееся на Западе. Иоанн направился в Константинополь морем и на пути приставал к некоторым островам архипелага. На острове Кипр, обходя святые обители, благочестивые путники в Филоксеновом монастыре встретили монаха Исидора, который горько и неутешно плакал. На вопрос, отчего он все плачет, Исидор отвечал, что он, державшийся прежде Севировой ереси, вырвал из уст своей жены, православной, и бросил в грязь Святое Причастие, которое та приняла было у православной соседки; сам видел, как молния схватила Святую часть, а явившийся ему во сне ефиоплянин объявил, что оба они осуждены на одинаковое наказание, и когда спросил его, кто он, отвечал, что он тот, который страдавшего за всех Господа Иисуса Христа ударил по ланите³⁰⁸. На острове Самосе игумен Хариксеновой обители рассказал Иоанну и Софронию о досточудном священнике одного селения, с женой своею до старости жившем в целомудрии и чистоте; священник этот достиг высокой степени нравственного совершенства и святости и так угодил Богу, что, заключенный своим епископом из-за клеветы под крепкую стражу, был однажды выведен через запертые двери Ангелом для совершения литургии в своем сельском храме и потом опять введен в заключение³⁰⁹. Царственный город, куда затем прибыли благочестивые странники, привлек в себе особенное их внимание и расположил их прожить в нем довольно долго. И здесь, в столице империи и христианства, Иоанн и спутники его посещали преимущественно святые обители и храмы, с любовью и уважением осматривали священные памятники христианской древности, собранные в Константинополь со всех сторон, с благоговением поклонялись и в храмах, и в царских чертогах хранившейся христианской святыне. Из Константинополя Иоанн со своим обществом устремился на запад в Рим, чтобы и там поклониться христианской святыне, видеть священные памятники, утешаться и назидаться верой и благочестием западных христиан.

В Риме блаженный Иоанн Мосх провел последние два года своей жизни. Предвидя скорое переселение свое с земли странствования в вечные селения, он пересмотрел записки, которые вел во все время своих странствований, привел в порядок сведения и рассказы, в них собранные, расположил их по плану – и явился «Луг», творение столь знаменитое в христианской Церкви, плод многолетних его трудов. Посвятив свое творение Софронию, Иоанн вручил его этому славному ученику своему и другу для его душевного блага, для блага и всех христиан, ревнующих о спасении. Почувствовав приближение смерти, блаженный старец собрал к себе своих учеников, простился с ними, причем завещал перевезти тело его на Синай или в обитель Феодосия, и, дав им последнее о Господе целование, мирно почил. Это было в 622 году. В точности исполнили завещание своего учителя верные ученики: бранные останки его они перевезли в обитель Феодосия, где они положены были в той пещере, в которой тридцать лет подвизался сам великий основатель ее, то есть в пещере волхвов.

Подобно Кириллу Скифопольскому, составителю житий Евфимия Великого, Саввы Освященного, Феодосия Киновиарха и других, Иоанн Мосх стяжал себе вечную память в христианской Церкви и особенным путем подвижничества и спасения, и особенно письменным творением своим. Как подвижнику, путем богомолья и странничества достигшему нравственного совершенства и святости и в странничестве указавшему путь к спасению, ему усвоено имя блаженного, и это имя навсегда и нераздельно соединилось с его именем, как с именами Иеронима, Августина и др. Патриарх Иерусалимский Иоанн (XII век) прямо называет Иоанна Мосха святым. Но особенно прославился Иоанн Мосх как творец высоконазидательной и истинно душеспасительной книги «Луг духовный». Во все века это творение Иоанна Мосха пользовалось необыкновенным уважением; на него всегда смотрели как на творение питательное для ума, улаждающее для сердца. Как только «Луг» блаженного Иоанна сделался известным между христианами, с него пошли списки; списки эти скоро распространились повсюду.

³⁰⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 30.

³⁰⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 108.

И вот «Луг» читают, как видно из исторических свидетельств, в Риме и в Константинополе, на Синае и в Дамаске; его знают, им пользуются в городах и весях; его читают в церковных собраниях и частных домах. Седьмой Вселенский Собор обращается к «Лугу» Иоанна Мосха в своих рассуждениях и заимствует из него свидетельство для утверждения догмата почитания святых икон; на Соборе настоятелем обители Максима Евстафием была прочитана из «Луга» вся 44-я глава, где повествуется, как диавол, возжегший сильную плотскую страсть в душе великого подвижника, не велел ему кланяться находившейся в его келье иконе Божией Матери, несущей на руках Своих Господа Иисуса Христа, обещая оставить старца в покое, и как старец преодолел диавола. Патриарх Константинопольский Фотий³¹⁰ говорит о «Луге» и сочинителе его Иоанне Мосхе с уважением и похвалой. Рано «Луг» Иоанна Мосха стали переводить на другие языки: латинский, сирийский, арабский. С появлением книгопечатания «Луг» был в числе первых напечатанных книг. У нас книга Мосха также весьма рано была переведена на славянский язык. И неудивительно, что творение блаженного Иоанна приобрело себе в христианском мире такое высокое уважение: оно имеет несравненные достоинства.

Полное заглавие творения Иоанна Мосха, известное в древние времена, таково: «Книга блаженного Иоанна Евкрата³¹¹, называемая “Луг”, потому что она содержит многоцветное повествование о растениях небесного цветника». Давали ему и другие названия, как то: «Цветник», «Рай», «Новый рай», «Патерик», «Лимонар» и др. Но осталось за ним навсегда название, данное ему составителем. Сам Иоанн в посвящении своего труда Софронию объясняет смысл данного ему названия, указывая вместе и цель его. «Возлюбленный! – обращается в посвящении к своему ученику и другу Иоанн. – Весьма приятно смотреть на весенний луг; вид разнообразных цветов услаждает душу, останавливает проходящих, питает их разнообразными впечатлениями, то увеселяя зрение, то услаждая обоняние. Вот здесь цветут красивые розы, там лилии, отвлекающие взор даже от роз, а там красуются цветущие фиалки, как царская порфира; разнообразие и различие бесчисленных цветов, их приятный запах возбуждают сладкие ощущения. Таковым почитай и настоящий труд, святое и верное чадо Софроний! Ты найдешь в нем добродетели святых мужей, прославившихся в наше время, насажденных, по слову псалмопевца, близ истоков водных. Хотя они и все боголюбезны, по благодати Господа Христа Бога нашего, однако ж каждый из них особенно украшался тою или другою добродетелью, тем или другим совершенством и благолепием. Из этих цветов никогда увядающего луга выбрав особенно прекрасные и сплетя венец, я подношу тебе, вернейшее чадо, а через тебя и всем. Сей труд я потому и назвал “Лугом”, что каждый найдет в нем и приятное благоухание и пользу. Для усовершенствования в жизни служит не только постоянное размышление о предметах священных и благих истинах, но и описание добродетелей чужих. Посему-то, сын мой, я и предпринял сей труд, составил собрание цветов, по возможности полное, чтобы твоя любовь была полною. Подражая мудрой пчеле, я собрал такие добродетели отцов, которые особенно полезны для души»³¹². И действительно, христианские добродетели и нравственные совершенства имеют своих представителей в том или другом подвижнике. Кроме того, богато творение Иоанна Мосха сведениями историческими, истинами догматическими и обрядовыми. Исторические сведения касаются большею частью обстоятельств и событий в жизни Церкви второй половины VI и первой четверти VII века; упоминаются лица и события и пред-

³¹⁰ В 858–867 и 877–886 гг.

³¹¹ Евкрат (в переводе с греческого имя означает «воздержанный») – другое прозвание Иоанна Мосха, мало, впрочем, употребляющееся.

³¹² Из этого посвящения видно, что хотя на VII Вселенском Соборе и у св. Иоанна Дамаскина говорится о «Луге» Софрония, патриарха Иерусалимского, но сочинителем его был священноинок Иоанн Мосх. Посвящение это подлинное и известно было уже патриарху Фотию, который вместе с патриархом Иоанном называет сочинителем «Луга» прямо Иоанна Мосха. Это видно и из самого «Луга» (гл. 31, 35, 38, 51, 66, 91 и др.). «Лугом» же Софрония называли творение Мосха потому, что Софроний передал его Церкви и был известнее и важнее для Церкви, чем инок Иоанн.

шествующего времени. Особенно много рассеяно в «Луге» догматических истин. Троичность лиц в Боге, воплощение Сына Божия, соединение двух естеств во Иисусе Христе, высочайшее достоинство Пресвятой Девы Марии как Богородицы, таинства Крещения, Миропомазания, Причащения, необходимость для спасения принадлежать к Соборной и Апостольской Церкви, молитва и предстательство святых, крестное знамение, святые иконы и почитание их, сила и действенность слова Божия на душу – все эти и другие догматические истины приводятся в «Луге» и представлены здесь в живых рассказах. Из предметов, относящихся к богослужению, упоминается в творении Иоанна Мосха о проскомидии, литургии верных, об освящении Святых Даров, о просфорах и благословенных хлебах, о древнем обычае принимать Святое Тело во время приобщения руками, об освящении престола и неприкосновенности его, фимиаме, диакониссах и пр.

Подобно Кириллу Скифопольскому, блаженный Иоанн Мосх одушевлялся искреннею любовью к истине, когда собирал сведения и рассказы, помещенные в «Луге»; самая высокая правдивость видна на каждой странице, в каждом повествовании его творения. Иоанн определенно указывает, когда и где он видел или слышал, что видел и слышал он сам или узнал от других; если он узнал о чем из чужих уст, то также определенно обозначает лица, сообщившие ему о том или другом происшествии, причем нередко отмечает даже, от кого слышали эти лица об известном случае: «авва Леонтий, настоятель киновии святого отца нашего Феодосия, рассказал нам следующее»³¹³; «авва Полихроний, пресвитер Новой лавры, рассказал нам»³¹⁴; «авва Антоний, основатель и игумен лавры Илиотской, рассказал нам об авве Феодосии молчальнике то, что сам слышал от него»³¹⁵; «авва Иоанн отшельник, по прозванию Огненный, рассказал нам: “Я слышал от аввы Стефана Моавитского...”»³¹⁶; «Когда мы пришли к авве Афанасию в лавру св. Саввы, он рассказывал нам следующее, что и сам он слышал от аввы Афиногена, епископа Петрского, сына матери Дамианы»³¹⁷; «тот же Афанасий рассказывал нам о том же епископе Аделфии слышанное им от игуменьи Ианнии, сестры его»³¹⁸. Вот как обыкновенно начинает рассказы свои блаженный Иоанн Мосх.

«Луг» Иоанна Мосха написан языком простым, доступным каждому; все здесь поучает и назидает; все дышит благочестием и религиозностью.

³¹³ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 4.

³¹⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 5.

³¹⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 66.

³¹⁶ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 97.

³¹⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 128.

³¹⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 129.

Лавры и киновии преподобного Саввы Освященного

В то время, когда склонялося к закату дней великое светило палестинского подвижничества Евфимий Великий, на иноческой тверди Святой Земли засияло новое светило и славою иноческих подвигов и нравственных совершенств скоро озарило весь христианский мир. Это преподобный Савва Освященный. Ему подвижничество на Святой Земле обязано еще большим развитием и усилением. Семь обителей основал преподобный Савва для ревнителей благочестия, стекавшихся к нему со всех сторон. Это лавры: Великая, Новая и Семиустная; киновии: Кастеллийская, Никопольская, Схолариева и Пещерная. К сожалению, по недостатку исторических сведений, не обо всех обителях великого подвижника мы можем подробно говорить. В церковно-исторических сочинениях достаточные сведения имеются только о первых двух лаврах и Пещерной киновии.

Великая лавра

Великая лавра преподобного Саввы Освященного есть та знаменитая палестинская лавра, которая одна из всех обителей Святой Земли, несмотря на бурю тяжких бедствий и испытаний, тяготевших над нею в продолжение почти полуторатысячелетнего ее существования, уцелела до нашего времени. Как пустынный крин, красуется она доселе над потоком Кедронским, оглашая пустыню заунывными звуками колокола и песнопениями своих подвижников. Основана она в 483 году в Юдоли плача, над пропастью Кедронского потока, в скалах, на расстоянии трех часов хода от Иерусалима (около 10 или 12 верст). С изумлением описывают путешественники необычайное положение лавры: подобно птичьему гнезду, как бы прилепленная к дикой горе, она точно висит над страшною пропастью; ее здания частью высечены в скалах, частью полудостроены и уступами сходят в дикое ущелье. Четырехсторонняя башня венчает темя главной скалы; другая такая же башня стоит ниже. Обитель ограждена высокими стенами с единственным входом, который всегда находится под крепким запором. В скалах, по обеим сторонам потока, находится бесчисленное множество пещер, служивших местом обитания и подвигов древних насельников лавры. Окрестности обители – самые дикие и пустынные³¹⁹.

³¹⁹ См.: *Норов*. Путешествие по Святой Земле. С. 53; *Муравьев*. Письма с Востока. С. 96, 98; *Павел (Леднев)*, архим. Краткое описание путешествия во Святой град Иерусалим.

Вид на лавру из Кедронского ущелья

Прославленная именем великого своего основателя, лавра преподобного Саввы скоро стала во главе иноческих обителей Святой Земли, и игумен ее первенствовал в собраниях настоятелей палестинских обителей. Верная завещанию преподобного Саввы, Великая лавра мужественно боролась с еретиками и служила твердым оплотом Православия для Святой Земли. Из нее распространился во все православные церкви устав богослужения, введенный в ней Саввою Освященным и сохраненный ею в целости и нерушимости при всех бедствиях, которым она многократно подвергалась. Иноки ее выходили в другие страны, где устроили святые обители; так, при императоре Юстиниане Великом основана была в Карфагене лавра преподобного Саввы, а на Афонской горе в VII веке – скит праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы³²⁰. Она, наконец, содействовала поддержанию и сохранению просвещения в Церкви христианской: между ее иноками было весьма много лиц, имевших высокое христианское образование. Довольно вспомнить имена Леонтия Иерусалимского, Антиоха, Иоанна Дамаскина, Феодора Начертанного и Феофана, брата его, творца песней церковных, которые все подвизались в Великой лавре. Из Великой же лавры папа Лев III (VIII век) вызывал ученых иноков на Запад для поддержания просвещения, начинавшего там совсем угасать. Проследим хотя кратко историю Великой лавры от кончины св. Саввы и до наших дней.

³²⁰ См.: *Арсений, архим.* Летопись церковных событий. С. 233; *Муравьев.* Письма с Востока. С 281.

Еще при жизни самого Саввы Освященного в одной из основанных им обителей, именно в Новой лавре, обнаружилась зараза духовная: нашлись четыре инока, державшиеся некоторых мнений Оригена, признанных неправославными; во главе этих иноков стоял некто Нонн. Доколе жив был великий старец, они молчали, скрывая яд нечестия в сердце, но, когда это церковное светило Палестины закатилось, оригенисты стали открыто распространять свои заблуждения в своей лавре, в окрестных обителях Фирмина и Мартирия и в других обителях; последователи их разошлись с пагубным лжеучением по разным пределам Палестины. Столетний отшельник Кириак оградил от нападений лжеучителей лавру Суккийскую, но в Великой лавре настоятель ее архимандрит Геласий открыл сорок оригенистов. По совету знаменитого молчальника Иоанна, Геласий велел прочитать в церкви в воскресный день писания св. Антипатра, епископа Бострского, против Оригена, и когда обличенные приверженцы мнений Оригеновых от этого только более раздражились, изгнал их всех из лавры³²¹. Изгнанные иноки бежали в Новую лавру к Нонну и его сообщнику Леонтию Византийскому; там на общем совете оригенистов положено было силою заставить Великую лавру принять мнения Оригена. Прежде, однако, оригенисты хотели привлечь на свою сторону киновию Феодосия Великого, но были отражены его благоразумным преемником Софронием и пришли оттого в еще большую ярость. И вот, собрав заступы, багры, ломы и прочие нужные для разрушения орудия, взяв себе в помощь нескольких поселян, озлобленные иноки с величайшим бешенством пошли разрушать Великую лавру. Но Бог св. Саввы явил при этом великое чудо. Во втором часу дня ослепленных злобою врагов объял мрак и темнота, так что они весь день скитались по трудным и непроходимым местам; на другой же день, увидев пред собою вифлеемскую обитель блаженного Маркиана, которая была очень далеко от лавры, были принуждены возвратиться в свои места. Между тем патриарх Иерусалимский Петр³²² донес императору Юстиниану о смятениях в Палестине, вследствие чего император издал указ против оригенистов (543 год). В силу этого указа состоялся в Константинополе собор, на котором осуждены были неправые мнения Оригена и заблуждения его последователей. Императорский указ об оригенистах, присланный в Палестину, с радостью был принят тамошними православными епископами и настоятелями обителей и охотно подписан. Вследствие сего многие иноки-оригенисты удалились из Великой лавры и стали жить на полях. Нонн и его сообщники принуждены были также оставить Новую лавру и совершенно отделиться от общения с православными. Впрочем, через несколько времени они снова утвердились в своей лавре, ободренные и поддержанные единомышленником своим Феодором, архиепископом Кесарийским, жившим тогда в Константинополе и имевшим влияние при дворе. Оригенисты теперь стали смелее и начали всенародно проповедовать свое учение по всей Палестине и объявили непримиримую войну Великой лавре, стараясь всячески вредить ей. Если они встречали в Иерусалиме какого-либо православного инока, то называли его в насмешку савваитом, побуждали мирян бить его и с поруганием изгоняли из города. Иноки Великой лавры, не в силах прекратить беспорядки, умоляли архимандрита своего Геласия идти в Константинополь известить императора о бедствиях, которые терпят православные в Палестине от оригенистов. Геласий отправился, но жестокий враг Православия Феодор Кесарийский, сильный влиянием императрицы, запретил в палатах царских и патриарших и во всех странноприимницах столицы принимать кого-либо из иноков иерусалимских, и Геласий, не получив доступа к императору, должен был оставить Царьград и умер от печали на обратном пути. Отцы Великой лавры, услышав о его кончине, пришли в Иерусалим просить себе у патриарха нового архимандрита, но были с бесчестьем и побоями изгнаны из епископ-

³²¹ Св. Антипатр, епископ Бостры в Аравии, был современником Евфимия Великого. Память его совершается в субботу Сырной недели.

³²² Патриарх в 524–544 гг.

ского дома по приказанию синкеллов³²³, которых определил к патриарху силою для надзора за ним тот же Феодор Кесарийский. Мало-помалу почти все обители и все иноки присоединились к сильнейшей стороне – к оригенистам, хотя и не разделяли их мнений, присоединились по нужде, или привлеченные ласкательством, или опасаясь власти нечестия. Противостояла только одна Великая лавра Саввы Освященного, поддерживаемая молчальником Иоанном; но и туда ворвались вооруженною рукою оригенисты и поставили архимандритом сообщника своего, некоего Георгия. Тогда рассеялись в разные стороны святые отцы Великой лавры, с ними и Иоанн отшельник оставил на время свою келью на утесе, в которой столько лет безмолвствовал, и удалился на гору Елеонскую. В день удаления отцов Великой лавры главный вождь нечестия Нонн поражен был внезапною смертью; полгода спустя и Георгий был изгнан своими единомышленниками; оставшаяся православная братия избрала своим настоятелем из православной лавры Суккийской благочестивого игумена Кассиана, бывшего учеником преподобного Саввы Освященного, а после скорой его кончины – столь же благочестивого и мудрого Конона Ликийского, в управление которого Великая лавра опять процвела, как во дни своего основателя.

В 544 году скончался патриарх Иерусалимский Петр. Оригенисты воспользовались его кончиной и возвели [в 552 году] на патриаршую кафедру Святого града инока Новой лавры по имени Макарий, своего единомышленника, чем возбудили общее смятение. Император Юстиниан, раздраженный против оригенистов, [вскоре] велел изгнать Макария, а архимандрит Великой лавры Конон, бывший в то время в Константинополе, представил императору в настоящем виде все дела оригенистов. В 553 году открылся Пятый Вселенский Собор, на котором, между прочим, осуждены были мнения Оригена. Когда соборные деяния присланы были в Палестину, патриарх Евстохий³²⁴ напрасно целых восемь месяцев убеждал оригенистов войти в общение с Православною Церковью: они противились и совершенно отделились от общения с православными. Тогда по церковному приговору оригенисты были изгнаны не только из Новой лавры, но и из всей Палестины, а в опустевшую лавру патриарх послал сто двадцать православных иноков, половина коих взята была из Великой лавры, а прочие из других обителей. Возвратился в лавру и преподобный Иоанн Молчальник. Это было двадцать три года спустя по кончине Саввы Освященного³²⁵.

Страшное бедствие постигло Великую лавру в 614 году, когда войска персидского царя Хозроя, завоевав все восточные области империи греческой, проникли из Сирии и в Палестину, разлились по ней, подобно бурному потоку, опустошая все огнем и мечом, и осадили самый Иерусалим. Отряд персов напал на Великую лавру св. Саввы и наполнил ее неслыханными жестокостями и злодействами. Варвары ограбили сперва церковь, потом рассеялись по кельям, в которых нашли старцев, долгим подвигом иночества давно уже приготавливавшихся к переходу в другую жизнь и решившихся с покорностью воле Божией ждать участи, какую готовила им злоба врагов. Прочие иноки разбежались при первой вести о приближении варваров. В течение нескольких дней враги подвергали старцев жесточайшим мукам, требуя от них сокровищ и золота, и, наконец, обманувшись в своих ожиданиях, отсекали им головы. Когда после удаления варваров из лавры рассеявшиеся иноки возвратились в нее, ужас объял их при взгляде на разорение обители. Один из иноков, по имени Никодим, увидев трупы братий, упал как мертвый от потрясения душевного. Знаменитый настоятель обители Феодосия Великого Модест собрал рассеянные останки избитых иноков, облобызал их с любовью и с честью положил в усыпальницу братий³²⁶.

³²³ Синкеллы – клирики, которые жили в одних кельях с епископом. – *Примеч. ред.*

³²⁴ Патриарх в 552/553–563 гг.

³²⁵ См.: *Арсений, архим.* Летопись церковных событий. С. 226–228; *Муравьев.* История святого града Иерусалима.

³²⁶ Разорение Великой лавры персами в 614 г. описано иноком ее, очевидцем события преподобным Антиохом, в письме к Евстафию, настоятелю Аггалийской обители близ Анкиры [Галатийской (современная Анкара в Турции)]. См.: *Вершинский.*

В конце VIII века, именно в 796 году, перед Пасхой, Великая лавра подверглась нападению сарацин, живших за Иорданом. Она была разграблена и опустошена; многие иноки ее были умерщвлены, например Иоанн, Сергей и Патрикий, память коих Церковь совершает 20 марта³²⁷.

В первых годах IX столетия Великая лавра опять испытала тяжелое бедствие, которому подверглась вместе с другими обителями. В это время по причине междоусобиц между детьми халифа Гарун-аль-Рашида на Востоке, и в частности в Палестине, происходили страшные разбои и всякого рода насилия. В Палестине многие христиане подверглись мученической смерти, а другие толпами бежали на остров Кипр и в другие места; церкви были расхищены, многие обители разорены или совсем оставлены. Тогда оставлена была на время и Великая лавра св. Саввы.

В XII веке Великая лавра была совершенно разорена арабами, жившими за Иорданом.

Во время крестовых походов, когда латины овладели всеми важнейшими местами Святой Земли, лавра Саввы Освященного находилась в руках православных и игумен ее упоминается в летописях западных при явлении на Гробе Господнем святого огня в Великую Субботу.

Великая лавра в наши дни

В начале XVI века лавра св. Саввы была совершенно оставлена греками по причине нестерпимых притеснений со стороны арабов. Через несколько лет некоторые благочестивые сербские иноки восстановили обитель, выстроив вне стен еще башню для защиты с приделом св. Симеона Сербского. Но спустя 70 лет после этого бедуины, напав на лавру, изгнали из нее иноков, разорили обитель, разрушили самые ее стены. С тех пор лавра оставалась в совершенном запустении более ста лет до конца XVII столетия; в этом столетии патриарх Иерусалим-

Месяцеслов. С. 214; Пролог, 18 декабря.

³²⁷ См.: *Вершинский*. Месяцеслов, 20 марта; Четьи-Минеи, 20 марта.

ский Досифей совершенно восстановил знаменитую обитель Саввы Освященного и привел ее в тот вид, в каком она находится ныне³²⁸.

Из подвижников, процветавших в Великой лавре, известны: V века – Иоанн Постник; VI века – Иаков, Анфим, Афродисий, Флаис и Геласий, ученики преподобного Саввы; Кириак, Афанасий, Каллиник, Иоанн Савваит, Иоанн Молчальник епископ и Кирилл Скифопольский; VII века – Антиох и Леонтий писатели; VIII века – Иоанн Дамаскин, Иоанн, Сергей, Патрикий и Анастасий, избитые сарацинами; IX века – Иона и Михаил черноризец. Не упоминаем о тех знаменитых мужах, которые также жили и подвизались в Великой лавре, каковы: Косма Маюмский (память 12 октября), Стефан Савваит (память 28 октября), Феодор Начертанный (память 27 декабря), Феофан Исповедник Савваит (память 11 октября) и Феодор, епископ Эдесский (память 9 июля). Они действовали на других поприщах служения Церкви Христовой и в Великой лавре полагали только начало подвижничества, приготавливаясь к будущей великой деятельности. Но первое место в ряду подвижников Великой лавры занимал сам основатель ее. О нем и поведем прежде всего речь.

* * *

Преподобный Савва Освященный³²⁹ (память 5 декабря) родился в 439 году в Каппадокийской области, в селе Муталаска, в христианском семействе. Родители его по имени Иоанн и София происходили из знатной фамилии, были весьма богаты и славились особенно искренним благочестием. Когда отец его, служивший в одном воинском отряде, переселился с женою в Александрию, пятилетний Савва остался в Муталаске у своего дяди по матери – Ермия, но неудовольствия со стороны тетки, женщины злонравной и сварливой, побудили его перейти к дяде по отцу, Григорию, жившему в селе Сканда. Между Ермием и Григорием возникла вражда из-за племянника, так как каждому хотелось иметь его у себя, чтобы распоряжаться имением его родителей и извлекать из него для себя выгоды. Отрок, наделенный от природы острым умом, понимал свое тяжелое положение, видел, что он – причина ссоры и вражды между родными, и потому, оставив дядей, восьми лет от роду удалился в монастырь преподобного Флавиана, что находился в 20 стадиях от Муталаски. Святая обитель приютила отрока; под мирным кровом ее он вырос и развился; под благотворным влиянием святых подвижников сложились в нем внутренние убеждения, определилось его религиозно-нравственное настроение: он чувствовал в себе сильное влечение самым строгим подвижничеством служить и благоугождать Господу. Научившись чтению и письму, Савва скоро изучил Псалтирь, ознакомился со всеми порядками монастырской жизни, узнал правила и уставы иночества и старался во всей полноте соблюдать их и во всем подражать отцам-подвижникам. Иноческая жизнь со всеми ее подвигами, тягостями и лишениями была ему по душе. Он старался быть внимательным к внутреннему своему состоянию, вел борьбу с худыми помыслами и желаниями и старался их побеждать. Так, сильное искушение предстояло Савве, когда Ермий и Григорий, помирившись между собою, неоднократно являлись к нему и убеждали его оставить монастырь, вступить в брак и принять в управление отцовские владения. Чтобы сильнее подействовать на него, они живо изображали прелести жизни в мире, выставляли на вид недовольство родителей, скорбь матери. Но Савва, на деле испытывавший тишину монастырской жизни, казавшейся ему райскою, видя, что лучше быть у порога дома Божия, нежели увлекаться мирской суетой, и содержа непрестанно в мысли изречение Господне: *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9:62), твердо противостоял

³²⁸ См.: Муравьев. История Святого града Иерусалима. Ч. 1–2; Он же. Письма с Востока. С. 283.

³²⁹ См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного; Histoire ecclésiastique. Vol. 2. Liv. 30. Ch. 23–24; Liv. 31. Ch. 13–14; Liv. 32. Ch. 28–30; Четьи-Минеи, 5 декабря.

всем убеждениям дядей и остался в монастыре. Так же он поступил в другом случае. Работая в монастырском саду, Савва увидел однажды красивое яблоко. Ему захотелось съесть яблоко раньше положенного времени, и он недолго думая сорвал его. Но вдруг вспомнил о запрещенном яблоке, погубившем наших прародителей в раю, и тотчас бросил сорванный плод на землю и растоптал его ногами, укоряя себя за невоздержание и раскаиваясь в худом поступке. В наказание себе юный подвижник положил правило не есть яблок всю жизнь, каковое правило действительно сдержал.

Прп. Савва Освященный

В Флавиановом монастыре Савва пробыл десять лет. Близость родных, которые стали бы отвлекать его от избранного им спасительного пути, пламенное желание видеть святые места, поклониться Животворящему Древу Креста Господа Спасителя и Живоносному Гробу Его, слава великих подвижников палестинских – все это побудило Савву оставить обитель, в которой он вырос и положил начало подвижничества, и удалиться в Святую Землю. Напрасно старался удержать его настоятель обители: он отпустил Савву только по Божественному откровению.

Когда Савва прибыл в Святую Землю, то, поклонившись святым местам, поселился в монастыре преподобного Пассариона, поступив сюда по указанию одного старца, своего соотечественника. Впрочем, здесь он провел одну только зиму. Жажда пустынных подвигов, Савва оставил Пассарионову обитель и, увлекаемый славою Евфимия Великого, прибыл в его лавру, надеясь, что великий подвижник примет его к себе. Св. Евфимий, однако же, несмотря на все просьбы Саввы, не согласился принять его в свою лавру по причине его молодости, но послал к блаженному Феоктисту, которого просил особенно заботиться о юном пришельце, ибо он, благодатию Христовою, имел прославиться в иноческой жизни. Поступив в Феоктистову киновию, Савва с полным усердием проходил различные послушания и монастырские службы. И здесь

на первых же порах юный подвижник подвергся сильному искушению, во время которого проявился его великий дух, обнаружилась его пламенная любовь к Богу. Один брат подвижник, отправлявшийся в Александрию, чтобы распорядиться доставшимся ему по смерти родителей имением, выпросил у преподобного Феоктиста в спутники себе Савву, который, как сильный духом и телом, мог послужить ему в далеком и трудном путешествии. Савва охотно согласился послужить брату, смотря на это дело как на послушание. Благополучно путники прибыли в Александрию. Там в одно время Савва неожиданно встретился со своими родителями, которые тотчас узнали сына. Радость родителей была неопишущей; радовалась особенно мать София. Но радость их была непродолжительна. На предложение родителей оставить пустыню и черные одежды, поступить в военное звание и служить подобно отцу сын решительно отказался. Начались со стороны родителей убеждения и настойчивые просьбы; мать со слезами умоляла сына исполнить сердечное желание родителей, повиноваться их воле, утешить их и успокоить на старости лет. Сын, в сердце которого естественное чувство любви к родителям боролось с сознанием обязанностей к Богу, остался тверд в принятом им на себя высоком подвиге. Он преодолел естественное влечение сердца и на убеждения и мольбы родителей отвечал: «Вы хорошо знаете, что Спаситель сказал: *кто любит отца или мать более Меня, не достоин Меня. И кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10:37–38). Судите сами, можно ли вас почитать больше, чем Бога? Я вписался в воинство Царя Небесного, – могу ли предпочесть Ему воинство царя земного? Если и земные цари наказывают смертью воинов, бежавших во время войны из полка, сколь горшему наказанию подвергнет Царь Небесный тех, кои, вписавшись добровольно в Его духовное воинство, оставят избранный ими полк!» К этому Савва еще прибавил: «Если вы, мои любезные родители, станете еще более докучать мне, чтобы принудить меня оставить возлюбленное мне место моего подвига, то я не буду более называть вас моими родителями». Иоанн и София, видя непреклонную решимость сына быть верным тому пути, по которому он уже более десяти лет шел, оставили его в покое, со слезами простились с ним и благословили его. Возвратившись в свою обитель, Савва усилил свою ревность к подвигам. Он всего себя предал Богу и духовному руководителю своему, говорит жизнеописатель его Кирилл Скифопольский. Все, что принадлежало ему как собственность, он отдал в руки Феоктиста и посвятил себя на всякий труд подвижника; проводя дни в телесных трудах, он в основание и начало своей жизни полагал смирение и послушание. Будучи способен и весьма ревностен к Божественной службе, он прежде всех входил в церковь и после всех выходил из нее. При великих душевных силах, он и телом был велик и силен. Почему, когда все монахи рубили в пустыне только по одной связке прутьев для корзин и носили в киновию, Савва рубил и носил по три. Сверх этого иногда носил для других воду и дрова и таким образом старался всем услужить. Был он довольно долгое время смотрителем над лошадьми, исправлял и другие различные должности и все это исполнял неукоризненно и безропотно, так что отцы киновии удивлялись столь великому усердию юного Саввы.

Десять лет провел преподобный Савва под руководством преподобного Феоктиста. После Феоктистовой кончины он просил у настоятеля своего Лонгина позволения жить в пещере, которая находилась вне киновии, с полуденной стороны, в утесе, и висела над бездною. Лонгин, зная высокие нравственные качества Саввы и видя его необычайную ревность к подвижничеству, донес о его желании св. Евфимию, на что последний отвечал: «Не препятствуй ему подвизаться так, как он хочет». Тогда Савва стал удаляться на пять дней каждой недели в пещеру и пять лет провел следующим образом: вечером в воскресенье выходил из киновии с таким количеством пальмовых ветвей, чтобы их достаточно было на пять дней работы, не вкушал в эти дни никакой пищи и возвращался опять в киновию утром в субботу, принося с собою и пятидневное рукоделье – 50 сделанных корзин. Полюбил юного подвижника великий Евфимий: он видел, что Савва, несмотря на молодые годы, уже сравнился с отцами, состарившимися в подвигах, и называл его юным старцем. Вместе с любимейшими учениками своими он стал

брать с собой и Савву каждый год на все время Четыредесятницы в пустыню Рува, где сердце Саввы сильнее и сильнее разгоралось в любви к Господу и к духовным подвигам ради Господа.

Преподобные Савва Освященный и Евфимий Великий

После кончины богоносного Евфимия Савва, ревнуя о высших подвигах, удалился в Иорданскую пустыню, где жил совершенно один, и через несколько времени перешел в пустыню Рува. В этой дикой пустыне Савва провел в полном уединении четыре года. Богомыслие, псалмопение и молитвы были здесь его главными занятиями. Питался он дикими травами, особенно корнями растения мелагра и сердцевиною тростника. Исконный враг человеческого рода, желая удалить его из пустыни, вступил с ним в борьбу, но подвижник постом, духовным бодрствованием над собою и молитвою отражал все его нападения. Так, однажды в полночь, когда Савва лежал на песке, диавол, преобразившись в змиев и скорпионов, старался устрашить его. Сначала Савва действительно смутился, но тотчас убедился, что это хитрость диавола. Почему, оградив себя крестным знамением и удалив всякий страх, он смело встал и сказал: «Хотя ты и стараешься победить меня, но сам останешься побежденным, потому что со мною Господь Бог», – и ядовитые животные тотчас скрылись. В другой раз явился ему сатана в виде самого страшного льва, который подходил к нему и свирепым своим видом угрожал ему. Увидев зверя, раб Божий сказал: «Если ты получил надо мною власть, то что медлишь? Если же не получил, то для чего напрасно трудишься? Ты не можешь отвлечь меня от Бога, ибо Он Сам научил меня мужеству такими словами: *на аспида и василиска наступиши и будешь попираť льва и дракона* (Пс. 90:13)». Едва Савва произнес эти слова, как зверь стал невидим.

Господь, видя необыкновенные труды и подвиги Саввы, излил на него великую благодать, и преподобный Савва с этого времени сам стал страшен для нечистых духов, мог свободно обращаться с дикими зверями, не боясь их свирепости, исполнился духовной мудрости и сделался способным к небесным видениям.

Оканчивался четвертый год пребывания Саввы в пустыне Рува. Раз, осматривая другие пустынные места, отшельник взошел на ту гору³³⁰, где императрица Евдокия соорудила башню для свидания с великим Евфимием. Здесь во время молитвы, продолжавшейся целую ночь, Савве предстал Ангел в светлой одежде и сказал: «Если ты хочешь для славы Божией соорудить в сей пустыне как бы некоторый город отшельников, сойди к тому потоку, что идет от Силоама, с южной стороны сей горы; там найдешь пещеру, еще никем не обитаемую, войди в нее и поселись в ней, и Тот, Кто дает пищу скотам и птенцам воронов, взывающим к Нему, не оставит и тебя в пустыне». Путеводимый Богом, Савва нашел указанную Ангелом пустыню и поселился в ней. Это было, по свидетельству жизнеописателя Кирилла, в год смерти патриарха Анастасия, когда Мартирий заступил на его место, то есть в 478 году. Пещера, в которой поселился Савва, послужила основанием его знаменитой Великой лавре. Она находилась в горе над Кедронским потоком, за три часа хода от Иерусалима, и висела над пропастью. Так как трудно было подниматься в пещеру, то Савва при входе в нее укрепил веревку, с помощью которой он восходил наверх и спускался вниз. Воду он брал из одного озера, находившегося на расстоянии двух часов хода от пещеры. В этой пещере преподобный Савва провел пять лет в совершенном уединении, беседуя с одним только Богом. Наконец настало время, когда он, по воле Божией, должен был сделаться руководителем других на пути к духовному совершенству. Ему в то время было около сорока пяти лет и он сам стоял на высокой степени нравственного совершенства и имел многие благодатные дары.

Пещера прп. Саввы

³³⁰ Ныне называется Мунтар.

Молва о великом отшельнике, спасавшемся в диком и неприступном ущелье Юдоли плача, распространилась по окрестности, и к Савве стали собираться любители безмолвия, ревнители подвижничества о Господе. Помня слова Ангела, явившегося ему в пустыне Рува, Савва принимал к себе всех, и вот на первых же порах собралось около него до семидесяти учеников, которых жизнеописатель его Кирилл называет ликом Ангелов, дружиною воинов Христовых, гражданами селения Божия, равночисленными и единоправными семидесяти ученикам Господа. Главные из них сделались в свою очередь основателями лавр и киновий; это были Иоанн, Иаков, Фирмин, Севериан, Юлиан и др. Кельи расположены были по одну сторону потока. В Юдоли на сухом ложе потока преподобный Савва создал небольшую церковь. Богослужение он приглашал совершать кого-либо из братий, если кто имел сан пресвитера, потому что сам не хотел по смирению принять на себя сан священства и из братий никого не допускал к высокому служению, опасаясь, чтобы не закрались к ним честолюбивые помыслы. Не было вблизи воды; преподобный Савва помолился Богу, и в одном месте потек источник, не иссякавший с тех пор и в самые сильные засухи. Последовало новое откровение, показавшее Божие благоволение к Савве. В одну ночь вышел он из пещеры и, читая псалмы, направился вдоль потока. Вдруг видит он над западным утесом его огненный столб, простиравшийся от земли до неба. Страх и радость объяли его душу; подобно патриарху Иакову, он воскликнул: «Воистину Господь на месте сем, а я не знал сего. Коль страшно место сие! Это дом Божий, это врата небесные!» Ввиду небесного явления Савва провел всю ночь в молитве; на рассвете же, прибыв на место чудесного видения, нашел здесь, к удивлению своему, просторную пещеру, имевшую внутри вид церкви, как будто рука Всевышнего нарочно приготовила эту пещеру для священных действий: с юга – вход, в который проникал свет, освещавший всю пещеру; с восточной стороны ее – большое отделение со сводом; с северной стороны – отделение вроде дома. Из этой богозданной пещеры Савва образовал церковь, которую также назвал богозданною; в ней назначил совершать богослужение по субботам и воскресеньям; над пещерою же устроил уединенную башню, сообщавшуюся с церковью тесною витой лестницей. В башне этой он теперь и поселился. Так возникла первая из лавр преподобного Саввы Освященного, знаменитейшая между лаврами палестинскими, – Великая лавра³³¹. Это было в 483 году.

Скоро общество преподобного Саввы при содействии Божиим возросло до ста пятидесяти братий. Обо всех отечески заботился великий подвижник, словом и примером своей подвижнической жизни поощряя братий к подвигам. В то же время он занимался и дальнейшим устройством лавры, для чего употреблял приношения, которые делали в его обитель боголюбивые люди, приходившие к нему для назидания и духовных советов.

Между пшеницей растут и плевелы, и в винограднике появляется терн. В мирной обители преподобного Саввы среди истинных подвижников нашлись недовольные своим настоятелем; им не нравилась простота его в обращении, его смиренный и убогий вид, худая одежда, которую он обыкновенно носил, наставления и замечания, которые он непрерывно делал. Они порицали все действия и распоряжения Саввы, старались всячески оскорблять его и, наконец, согласившись между собою, отправились в Иерусалим к новому архиепископу Саллюстию³³² просить у него себе нового настоятеля, потому что, как говорили они, будто Савва по грубости и невежеству неспособен управлять их лаврою. Однако Саллюстий не исполнил несправедливого требования обвинителей, а, вызвав их настоятеля в Святой город, рукоположил его в их присутствии в пресвитера, сказав им при этом случае: «Вот вам отец и настоятель не по избранию человеков, но по избранию Божию; я же послужил только орудием Святого Духа». После того сам архиепископ проводил Савву в пустыню вместе с Кириком, пресвитером храма Вос-

³³¹ Араб. Дейр Мар-Саба (Монастырь святого Саввы).

³³² Был патриархом Иерусалима в 486–494 гг.

кресения и хранителем Честного креста, и там освятил новую церковь в богозданной пещере. Это происходило на 51-м году жизни преподобного Саввы (490 год).

Среди огорчений, испытанных преподобным Саввой от недовольных братьев, Господь утешил раба Своего приходом в его обитель двух знаменитых мужей, которые навсегда в ней остались. То были уже совершенные в подвижничестве иноки: Иеремий родом из Армении, с учениками Петром и Павлом, и Колонийский епископ Иоанн Молчальник. Иеремию с учениками Савва отдал ту пещеру, в которой сам первоначально подвизался, а богослужение позволил им совершать в малой церкви в Юдоли и на армянском языке.

Около того же времени скончался в Александрии родитель преподобного Саввы, достигший начальства в Исаурийском полку. Мать его София, продав имение, прибыла к сыну и вручила много золота и серебра. По убеждению преподобного Саввы она поступила в женский монастырь, где через несколько времени с миром почила. Деньги же Савва употребил на потребности своей обители и, кроме того, для поминовения души усопшей матери построил на них обширную богадельню и две странноприимницы: одну в лавре, другую в Иерихоне.

Подражая Евфимию Великому, преподобный Савва ежегодно удалялся на Святую Четырдесятницу в пустыню, где вдали от всякого общения с людьми оставался до праздника Вайи. Но отходил он в пустыню не 14 января, как делал преподобный Евфимий, а после 20-го числа этого месяца, потому что день памяти великого подвижника обыкновенно проводил в лавре: в день этот совершалось торжественное богослужение, начинавшееся накануне всенощным бдением.

Удаляясь на время Святой Четырдесятницы в пустыню, преподобный Савва избирал для пустынного подвига разные места: он то уходил в пустыню Рува или в Иорданскую пустыню, то углублялся в пустыню к Мертвому морю. В одну Четырдесятницу с великим подвижником случилось несчастье, которое впоследствии причинило ему много скорби и которое показало, что Господь, допуская рабам Своим подвергаться страданию, в то же время простирает к ним Свою всесильную руку помощи. Преподобный Савва прибыл к Мертвому морю. Увидев недалеко от берега островок, полюбопытствовавшему своею пустынностью, великий отшельник перешел на него, намереваясь пробыть здесь Великий пост. В одном месте Савва неосторожно попал в яму, из которой выходили горячие пары; пары эти опалили ему лицо и другие части тела. Действие паров было так сильно, что изменились черты лица его, волосы на голове и бороде стали редки и подвижник, как ни был крепок, заболел. Однако Четырдесятницу всю провел он на этом островке, хотя сильно страдал и мучился. Больным он возвратился и в лавру, и братия только по голосу могли узнать своего авву – так он изменился. К Пасхе св. Савва сделался совершенно здоров: Господь исцелил раба Своего.

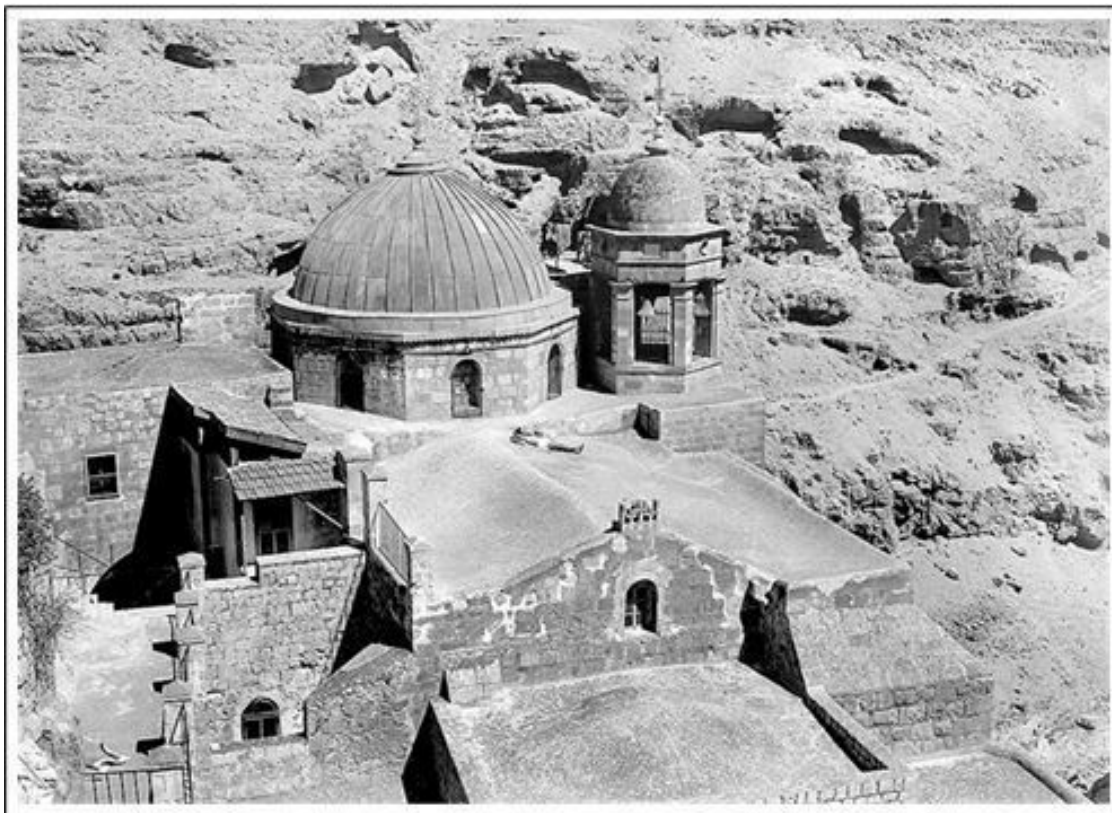
В 491 году, отходя по обыкновению на Святую Четырдесятницу в пустыню, преподобный Савва прибыл на так называемый Кастеллийский холм³³³, лежавший к северо-востоку от лавры на расстоянии около двадцати стадий. Холм этот был страшен и неприступен по причине обитавших в нем злых духов. Вооружившись молитвою и постом и окропив холм маслом из лампы от Честного древа Креста Господня, мужественный Савва провел на этом месте Святую Четырдесятницу в страшной борьбе со злыми духами и победил их. Демоны, утешавшие сначала раба Божия ужасным воплем и привидениями, сами наконец со страхом бежали подобно стае черных воронов, как заметили это пастухи. Возвратясь к Пасхе в лавру, Савва после праздника взял с собою некоторых отцов на холм, духовно им завоеванный, начал с ними расчищать его и строить на нем кельи из бывшего там леса. Под слоем земли нашли сохранившееся в целости каменное здание. Очистив это здание от земли и украсив его, Савва образовал из него церковь, а потом вскоре устроил при ней и киновию, которая стала называться Кастеллийскою. В киновию эту он принимал людей только преклонных лет и уже возмужав-

³³³ Предполагают, что это нынешний Хирбет-Мирд.

ших в иноческих подвигах, так же как и в лавру; для новоначальных же основал небольшую киновию с северной стороны лавры, а молодых отсылал к сопостнику своему преподобному Феодосию Великому в его киновию. С преподобным Феодосием связывала его самая тесная дружба; между ними было постоянное общение и полное единомыслие.

Около 495 года, по смерти преподобного Маркиана, бывшего начальником и благочинным палестинских обителей, Савва и Феодосий по единодушному желанию всего иноческого общества сделаны были начальниками и архимандритами всех обителей палестинских: Савва начальником и архимандритом лавр и отшельников, а Феодосий начальником и архимандритом киновий и живущих в общежитии.

В начале правления патриарха Илии³³⁴ преподобный Савва с помощью двух братьев – Феодула и Геласия окончательно устроил Великую лавру. Явились пекарня, больница, странноприимница, водоем для омовения; заведен рабочий скот и, наконец, близ богозданной пещеры создан обширный и величественный храм в честь Богородицы. В то же время введен был порядок служб церковных и, между прочим, в воскресные и праздничные дни установлены всенощные бдения. Основанием для этого послужил для преподобного Саввы устав богослужения, существовавший в лавре Евфимия Великого.

Вид на купола соборного храма и колокольни Великой лавры

Бдительно охраняя подвижников лавры от заблуждения в вере и уклонения в ересь, преподобный Савва повелел армянам, совершавшим богослужение на своем языке, петь Трисвятую песнь на языке греческом. Таким мудрым распоряжением он сразу прекратил начинавшееся было распространяться между подвижниками из армян заблуждение антиохийского патриарха Петра Фуллона, состоявшее в прибавлении к Трисвятому слов «распныйся за ны».

³³⁴ Илия управлял Иерусалимской церковью в 494–516 гг.

Недовольные иноки, однажды уже восставшие против св. Саввы, теперь опять в числе сорока человек возобновили против него ропот. Савва, страшный для злых духов, человек, которому повиновались и служили дикие звери, был кроток, терпелив и снисходителен в отношении к ближним, особенно немощным по душе. Не желая употреблять против недовольных братьев строгих мер, великий отец думал подействовать на них другим образом: он уступил своевольным и сам оставил лавру, надеясь, что они в его отсутствие одумаются и образумятся. Удалился он в Скифопольские страны, где поселился в одной пещере при реке Гадаринской³³⁵. Скоро разнеслась молва о дивном отшельнике и его высоких подвигах, почему многие начали стекаться к нему и жить с ним; но Савва, поручив братьев Богу, тайно оставил их³³⁶. Он возвратился в свою лавру в полной уверенности, что недовольные им иноки уже образумились и успокоились. Заплакал святой отец, когда увидел, что общество врагов его еще более увеличилось (до шестидесяти человек) и что они продолжают пребывать в своем упорстве и ослеплении. Сожалея о несчастных, он кротко и отечески вразумлял их и увещевал, но все было напрасно. Тогда Савва снова оставил лавру и удалился в Никопольскую страну³³⁷. Там один боголюбивый муж принял его и устроил ему под рожковым деревом келью. Собрались к нему и здесь ревнители подвижничества, и через несколько времени образовалась киновия Никопольская. Она находилась близ Никополя³³⁸. Между тем недовольные иноки, воспользовавшись отсутствием Саввы, рассеивали в лавре слух, будто он съеден в пустыне зверями, и просили себе у патриарха Илии настоятеля. Однако патриарх не согласился исполнить их просьбу, не разузнав обстоятельно об участи Саввы. И действительно, коварство завистников святого отца скоро обнаружилось. Савва из Никопольской киновии явился неожиданно в Иерусалим на праздник обновления храма Воскресения³³⁹, так как к сему дню обыкновенно являлись в Святой город епископы и настоятели пустынных обителей. Увидев Савву, патриарх несказанно обрадовался и, вручив ему увещательное письмо к недовольным инокам, убедил его возвратиться в свою лавру. Когда письмо было прочитано в церкви, мятежники еще более озлобились против Саввы, всячески поносили и злословили его, разрушили келью, в которой он жил, забрали разные монастырские вещи и отправились к Фекойскому потоку, где поселились в развалинах бывшей там некогда обители. Святой старец и здесь не лишил их своей заботливости. Узнав, где поселились беглые иноки, он, взяв из лавры рабочий скот, прибыл к ним и за пятимесячное пребывание у них, при содействии патриарха, давшего ему власть над ними и много золота, построил для них церковь, пекарню, трапезу и поставил им настоятеля в лице Иоанна, одного из первых своих учеников, мужа, опытного в духовной жизни. Водворив между ними порядок и согласие, Савва возвратился в свою лавру. Таким образом на Фекойском потоке, к югу от Суккийской лавры, в диком ущелье, возникла лавра, столь известная в истории палестинских лавр и киновий по смутам и волнениям, которые производили ее иноки, зараженные ересью. Лавра эта стала называться Новою лаврой³⁴⁰. Это было в 507 году.

Преподобный Савва достиг уже семидесятилетнего возраста, но не ослабевал еще в духовных подвигах. Отходя по обыкновению на время Четыредесятницы в пустыню, он нашел у потока, отстоящего от лавры на 15 стадий, у подошвы Каstellийского холма, большую

³³⁵ Гадаринская река называется ныне Шерг'ат-эль-Менадыре, за Иорданом. [Возможно, имеется в виду Шериат-эль-Мандхур. – *Примеч. ред.*]

³³⁶ Впоследствии Евмафий Исавянин основал при пещере Саввы киновию, которая стала называться Гадаринскою или Евмафиевою.

³³⁷ Никополь ныне арабское селение Амвас.

³³⁸ В Житии Саввы Освященного (гл. 34) положительно говорится: «Савва пришел... из монастыря, находящегося при Никополе». В настоящее время близ деревни Амвас находятся развалины киновии, именно: осталась полуразрушенная церковь; в ней уцелел свод с круглой аркой, сохранились остатки раковинообразной абсиды.

³³⁹ Праздник этот установлен в память освящения храма, воздвигнутого Константином Великим в 335 г. на Голгофе, и торжественно совершается 13 сентября.

³⁴⁰ Ныне Хирбет-эль-Кусеир при соединении вадии Мухта эль-Жусс и вадии Му'аллан.

пещеру. Пещера ему полюбилась; он пробыл в ней до праздника Ваий. После Пасхи с помощью Феодула, Геласия и некоторых других иноков он обратил эту пещеру в церковь, а впоследствии устроил здесь киновию. Киновия эта известна под именем Пещерной³⁴¹.

На холме, где императрица Евдокия построила для свидания с Евфимием Великим башню, жили в то время два подвижника, державшиеся Несториевой ереси. Прискорбно было святому старцу видеть посреди своей духовной паствы столь опасных еретиков; болел он душою и сердцем о погибели заблудших братий и решился употребить все средства, чтобы спасти несчастных. Долго он постился, долго молился, чтобы Господь просветил заблудших светом истины и обратил их на путь правый. Потом стал посещать подвижников, беседовал с ними, увещевал их и вразумлял, даже умолял со слезами. Господь благословил труды и старания раба Своего: подвижники осознали свое заблуждение и присоединились к святой Христовой Церкви. Радовался спасению братий преподобный Савва и отвел их в обитель Феодосия Великого, которого просил особенно о них печься, а на холме, на котором в ослеплении и отчуждении от Святой Церкви жили подвижники, он основал киновию, которую поручил в управление ученику своему Иоанну Схоларию, служившему прежде в воинском отряде схолариев³⁴². По имени первого настоятеля киновия стала называться Схолариевою³⁴³.

Один из иноков Великой лавры по имени Иаков вздумал самовольно подражать примеру св. Саввы и, удалившись на время поста в пустыню с несколькими иноками, принялся строить новую лавру при озере, называемом Семиустным (имеющим семь устьев). Савва, возвратившись из пустыни к празднику Пасхи и узнав о том, что сделал Иаков, призвал его к себе и убеждал прекратить постройки. Но так как он не согласился оставить своего предприятия, то был поражен столь тяжкою болезнью, что уже отчаивался в выздоровлении. Почему он просил отцов отнести его в лавру к св. Савве, чтобы испросить у него прощение. Старец, упрекнув его в непослушании и гордости, сказал: «Бог тебя простит», потом подал ему руку и дозволил приобщиться Святых Таин. После этого Иаков принял пищи и совершенно выздоровел. Начатые им постройки все были разрушены, и в пяти стадиях от того места Савва построил свою лавру. Это лавра так называемая Семиустная³⁴⁴.

Св. Савва, этот величайший подвижник, создавший семь иноческих обителей и собравший в них тысячи ревнителей благочестия, в то же время был ревностным защитником православной веры и обличителем неправоверия. Когда император Анастасий (царствовавший с 491 по 518 год), склонившись на сторону евтихиан, разгневался на патриарха Иерусалимского Илию за то, что тот не соглашался на низвержение Константинопольского архиепископа Евфимия, соборно утвердившего определения Халкидонского Собора, и хотел лишить Илию патриаршего престола, чтобы через то успешнее уничтожить Православие в палестинских церквях, св. Савва был послан с другими настоятелями пустынных обителей в Константинополь к императору. Это было в 511 году.

Патриарх Илия в письме своем к Анастасию, изъявляя глубокое уважение к священной особе государя, просил его ради святых отцов-пустынников, представляющих его лицезрению, успокоить Иерусалимскую церковь, волнуемую еретическими смутами, причем особенно выставлял Савву: «Посылаю тебе, – писал патриарх, – цвет пустыни, добрых и верных рабов Божиих, настоятелей обителей многих и между ними господина Савву, главу всех пустынножителей и свет всей Палестины, в той надежде, что они умирят твое царское величество». Благоклонно принял отцов император и, когда прочитал письмо патриарха Илии, спросил, кто из них Савва. Но Саввы между отцами не было. Бросились искать его и нашли во дворе;

³⁴¹ Ныне Бир-эль-Кетар.

³⁴² Схоларии – императорская гвардия. – *Примеч. ред.*

³⁴³ Предполагают, что киновия находилась на нынешней горе Мунтар.

³⁴⁴ Место Семиустной киновии в настоящее время неизвестно.

он стоял в углу и читал псалмы. Оказалось, что, когда отцы входили во дворец, Савва, шедший позади всех, не был впущен на лестницу: по убогому виду его и худой одежде приняли его за нищего. Так глубоко было смирение великого подвижника! Внутреннее достоинство св. Саввы открылось, когда он был введен в залу; император встал со своего места и низко ему поклонился. Он видел, говорит жизнеописатель Саввы, светящегося ангела, предшествовавшего дивному старцу. Милостиво обращаясь со всеми отцами, император преимущественно говорил с преподобным Саввою; он обещал исполнить все просьбы отцов, оказал им милости, одарив каждого значительным количеством золота, и через несколько времени отпустил их домой. Савва же остался в Константинополе и прожил здесь всю зиму. Имея свободный доступ во дворец, он часто посещал императора, беседовал с ним о вере и убедил его не гневаться на патриарха Илию. Отпуская Савву весною следующего года, император щедро одарил его, вручив ему две тысячи златниц. С радостью возвратился великий старец в свою лавру. Почти все количество золота разделил он между своими обителями, некоторую же часть послал в родное селение Муталаску на построение храма во имя святых мучеников Космы и Дамиана во дворе родительского дома.

Волнения в Палестине вспыхнули с новой силой, когда на антиохийский архиепископский престол возведен был инок Севир, противник Халкидонского Собора, приверженец Евтихиевой ереси. Севир, опираясь на покровительство императора, отправил к патриарху Илию общительную грамоту, но Илия отослал ее назад. Сильно был раздражен на Илию Севир, и вот с согласия императора он отправил в Иерусалим клириков и воинскую силу, чтобы добиться своего – заставить патриарха Иерусалимского вступить с ним в общение. Патриарх Илия был в большой беде. Узнав об этом, Савва собрал иноков своих обителей и, явившись с ними в Святой город, разогнал клириков и воинов, присланных Севиром, которые со стыдом покинули Иерусалим.

Прошло четыре года. В 516 году император приказал губернатору Палестины во что бы то ни стало свергнуть патриарха Илию с престола и поставить на его место другого, который бы согласился вступить в общение с Севиром. Воля императора была немедленно исполнена: Илия был внезапно схвачен и отправлен в заточение в Айлу, а на патриарший престол возведен пресвитер храма Воскресения Иоанн, давший обещание исполнить волю императора³⁴⁵. Св. Савва, услышав о произошедшем в Иерусалиме, тотчас же прибыл в Святой город. Старец заплакал, когда узнал, что патриарха Илию уже нет на первосвятительской кафедре и что с ним так насильственно и жестоко поступили. Потом обратился к новому патриарху и заклинял его не вступать в общение с еретиком Севиром. «Восстанут на тебя все пустынные отцы, сын мой, – грозил Иоанну старец, – предадут тебя анафеме, если меня не послушаешь». Патриарх послушался, дал слово старцу твердо держаться Халкидонского Собора и не сообщаться с Севиром. Страшно разгневался император и на губернатора, и на нового патриарха и послал в Палестину дука³⁴⁶ Анастасия с приказанием или расположить Иоанна к принятию Севира в церковное общение, или низложить с епископского престола. Анастасий, прибыв в Иерусалим, схватил патриарха и ввергнул его в общественную темницу, но потом освободил из нее, когда тот изъявил согласие исполнить данное обещание. Иоанн ночью дал знать по всем обителям, чтобы все иноки собрались в Иерусалим. «И собралось, – говорит жизнеописатель преподобного Саввы, – до десяти тысяч иноков, так что кафедральный собор Воскресения не мог вместить их и они по необходимости собрались все за воротами города в обширный храм первомученика архидиакона Стефана». И вот патриарх Иоанн, Феодосий и Савва, взойдя на амвон посреди храма, в присутствии Анастасия и Ипатия, племянника императора, торжественно

³⁴⁵ Иоанн занимал патриаршую кафедру Иерусалимской церкви в 516–524 гг.

³⁴⁶ Со времен императора Диоклетиана главный военный начальник в провинции империи. – *Примеч. ред.*

предали анафеме Нестория, Евтихия, Диоскора, Севира и всех, кто не принимает Собора Халкидонского. Иоанн и Савва сошли с амвона;

Феодосий еще остался на нем и, мановением руки потребовав общего молчания, громким голосом воскликнул: «Кто не принимает четырех Вселенских Соборов, как четырех евангелистов, да будет анафема!» Услышав это, дук Анастасий бежал из храма и удалился в Кесарию, а Ипатий одобрил действия Саввы и Феодосия, прибавив, что он и прибыл в Иерусалим искать общения с ними. Узнав обо всем произошедшем в Иерусалиме, император решил послать в заточение как архиепископа Иоанна, так и Савву и Феодосия, но оставил это намерение, когда получил от них и всего общества иноков защитительное письмо. Вскоре после этого Анастасий умер (518 год). Преемник его Юстин (518–527 гг.), благоверный и благочестивый государь, повелел возвратить всех, сосланных Анастасием в заточение, и определения Халкидонского Собора внести в церковные постановления. Когда получен был в Иерусалиме императорский указ, преподобный Савва ходил для объявления его в Кесарию и Скифополь и совершил во время этого пути много чудес.

По смерти Юстина, когда на престол взошел племянник его Юстиниан, св. Савва, уже девяностолетний старец, в другой раз предпринял путешествие в Константинополь по просьбе патриарха Иерусалимского Петра. Благоклонно принятый императором, Савва просил его облегчить для палестинских жителей подати, оказать пособие бедным христианам, сильно пострадавшим от возмущившихся самарян³⁴⁷, восстановить разрушенные самарянами храмы, построить в пустыне близ монастырей крепости для отражения нападений сарацин и довершить начатый патриархом Илией храм во имя Введения во храм Божией Матери на месте Соломонова храма. В то же время он предсказал Юстиниану победы над врагами внешними. Император, благоговей пред святым старцем, немедленно исполнил все его просьбы в точности.

Так подвизался о Господе преподобный и богоносный Савва Освященный! Освященным он называется по обилию даров благодати Святого Духа, освятившего его и соделавшего его своим избранным сосудом. Опыты этих даров мы частью уже видели; представим еще некоторые.

В пустыне Рува Савва встретился однажды с четырьмя сарацинами, которые изнемогали от голода и жажды. Сжалившись над ними, он приказал им сесть и, вынув из своей небольшой милоти дикие коренья и сердцевину тростника, предложил им это в пищу. Утолив голод и жажду, сарацины расспросили подвижника, в какой пещере он живет, и удалились. По прошествии нескольких дней они опять явились к отшельнику и в благодарность за оказанное им благодеяние дали ему несколько хлебов, сыра и фиников. Удивился преподобный Савва этой признательности сарацин и, придя в сердечное сокрушение, со слезами говорил: «Горе мне, душа моя! Сколько старания употребили варвары на то, чтобы отблагодарить меня за ничтожную услугу! Что же должны делать мы, бедные и неблагодарные, мы, которые ежедневно наслаждаемся столь многими благодеяниями и дарами Божиими и, несмотря на это, проводим жизнь в беспечности и нерадении и не стараемся благоугождать подателю даров Богу исполнением заповедей Его и непрестанным приношением Ему плода уст, прославляющих имя Его!» (ср. Евр. 13:15).

Преподобный Савва с учеником своим Агапитом пребывал в самой уединенной пустыне. Однажды, когда Агапит, ослабевший от продолжительного поста и труда, лег на земле и уснул, подошел к нему огромный лев и стал обнюхивать его с головы до ног. Старец в это время молился об ученике своем Богу.

³⁴⁷ Самаряне подняли мятеж в 529 г. после указа императора Юстиниана об обращении еретиков к Православной Церкви. Самаряне причислены были к еретикам.

Лев, отгоняемый молитвой старца, как бичом, тихо ударил хвостом по лицу Агапита и таким образом разбудил его. Агапит, открыв глаза и увидев страшного зверя, вскочил и в страхе побежал к своему учителю. Великий старец успокоил его и в наставление ему сказал при этом: «Продолжительный сон отгоняй от глаз своих, сын мой, и удаляй нерадение от сердца своего, да спасешься, *как серна от тенет и как птица от сети* (Притч. 6:5)».

Намереваясь некогда удалиться в глубокую пустыню, преподобный Савва дал Агапиту небольшую милоть, в которой было десять кусков сушеного хлеба, веса в них было около десяти унций. Выйдя из лавры, они пошли к Иордану. Здесь в одном месте встретили они гору, оканчивавшуюся утесом, наверху которой была пещера. Савва, побуждаемый бывшим ему откровением, с трудом поднялся на утес, где в пещере нашел прозорливого отшельника. Когда оба они сотворили молитву, отшельник с некоторым удивлением спросил: «Кто тебе, раб Божий Савва, указал сие место? Вот уже тридцать восемь лет прожил я в сей пещере с Богом и ни с одним человеком не видался; и теперь как ты пришел сюда?» Савва отвечал: «Бог, Который открыл тебе мое имя, указал мне и это место». После сего они друг друга облобызали, и Савва с учеником своим вышел. Была уже шестая неделя Святой Четыредесятницы. Возвращаясь в лавру и проходя мимо пещеры, в которой подвизался прозорливый отшельник, Савва сказал ученику своему: «Взойдем, брат, на гору и облобызаем раба Божия». Войдя в пещеру, они нашли его стоящим на коленях лицом к востоку. Думая, что отшельник молится, Савва и Агапит долго ждали. Но так как и день прошел, а отшельник не вставал, то Савва сказал ему: «Помолись о нас Христу, отец!» И так как он не отвечал, Савва, приблизился к нему и, коснувшись его, увидел, что он уже скончался. Савва сказал ученику своему: «Приблизься, сын мой, погребем его. Ибо Бог для сего и послал нас сюда». И так, поклонившись честному телу дивного раба Божия и приготовив его к погребению, они отпели над ним обычные молитвы погребения и положили в той же пещере. Потом, заградив пещеру большими камнями, продолжали путь свой и наконец возвратились в лавру к празднику Ваий. Во все дни поста Савва пребывал без пищи и довольствовался только приобщением Святых Таин в субботу и в воскресный день. Десять же кусков хлеба, которые он взял в пустыню, удовлетворяли нужде Агапита.

Когда строился в лавре странноприимный дом, преподобный Савва послал в Иерихон некоторого брата с рабочим скотом привезти оттуда бревна для строительства дома. Брат, прибыв в Иерихон и взяв бревна, возвращался в лавру пустынею. Стоял тогда чрезмерная жара. Брат почувствовал сильную жажду и на половине пути, ослабев, упал. Но, вспомнив о святом старце, он произнес молитву такими словами: «Господи Боже аввы моего Саввы! Не оставь меня». И тотчас Бог, некогда облачным столпом путеводивший Израиля, и сему брату для покрова распростер облако, которое прохледило и укрепило его и сопутствовало ему до самой лавры.

Прибыв в Скифопольскую страну, преподобный Савва поселился в пещере, в которую обыкновенно приходил отдыхать огромный лев. Лев, придя в полночь и увидев, что там спит человек, ухватился зубами за одежду Саввы и потащил его вон из пещеры. Савва тотчас же проснулся и стал совершать ночное псалмопение. Лев оставил подвижника в покое, вышел вон и вне пещеры дожидался, пока он не окончит правила. После сего Савва лег опять на прежнем месте, а лев вошел в пещеру и, взявшись за его одежду, опять потащил его из пещеры. Обратясь к зверю, Савва смело сказал ему: «Пещера широка и свободно может вместить нас обоих, ибо Творец нас обоих один и тот же. Если ты хочешь, останься здесь; если же не хочешь, то поди в другое место. Ибо я рукою Божиею создан и почтен Божиим образом». Лев, услышав это и как бы устыдившись, удалился.

Некоторый старец по имени Геронтий из аравийского города Медавы, посещавший несколько раз преподобного Савву, впал в телесную болезнь и для излечения ее долго прожил в Иерусалиме. Захотев помолиться в храме Святого Вознесения, он сел на лошака и со слугами отправился на Елеонскую гору. Когда он поднимался на гору, лошак испугался тени,

павшей вдруг от какого-то предмета. Геронтий упал с лошака и так расшибся, что прибывший врач не надеялся вылечить его. Порфирий, младший брат Геронтия, никому ничего не сказав, отправился в Великую лавру и, рассказав св. Савве о несчастии, постигшем Геронтия, просил посетить его несчастного брата. Услышав об этом, старец очень опечалился и тотчас пошел в Святой град. Увидев Геронтия, он долго молился о нем; потом, помазав его елеем от Честного Креста Господня, исцелил его. Все удивились этому столь явному чуду и прославили Бога.

Сын Геронтия по имени Фома некогда, во время голода прибыв в Иерихон, остановился в гостинице, принадлежавшей Великой лавре. Здесь нашел он Савву, также Феодора и Павла, настоятелей Каstellийской и Пещерной киновий. Св. Савва, увидев Фому, рад был ему и сказал смотрителю гостиницы: «Приготовь нам ужин». Во время ужина старец спросил смотрителя, нет ли у него вина; тот отвечал, что нет ничего, а есть только тыква, наполненная уксусом, который нужен для приправы овощей. На это Савва сказал: «Принеси мне сюда тыкву. Благословен Господь! Мы и из тыквы получим веселие, ибо Христос Бог наш, претворивший воду в вино, силен претворить и уксус в вино». Когда тыква была принесена, то нашли, что в ней хорошее вино. Тогда Фома удивился внезапному чуду, а св. Савва сказал смотрителю: «Поскорей принеси горящих угольев и положи на них фимиам, ибо в сей час у нас случилось Божие посещение». Вино в тыкве Божиею силой долго не истощалось. В гостинице все пили вино из тыквы в достаточной мере в продолжение трех дней. Потом Фома, выпросив себе у св. Саввы тыкву, пил из нее вино со своими спутниками до самого прибытия домой в Медаву. Об этом чуде рассказал, говорит жизнеописатель преподобного Саввы Кирилл Скифопольский, авва Геронтий, который ныне настоятелем в лавре св. Евфимия. Он сын Фомы и внук Геронтия. К своему рассказу Геронтий присовокупил и такие слова: «Мы сохраняли тыкву в доме своем многие годы. Когда кто делался болен, то наши домашние наполняли тыкву водою, окропляли ею больного, и это окропление облегчало состояние больного во всякой телесной болезни».

На пути от Иерихона к Иордану преподобный Савва встретился однажды с мирскими людьми, между которыми была и красивая девица. С ним был тогда один ученик его. Когда встретившиеся люди прошли мимо них, старец, желая испытать своего ученика, сказал ему: «Какова эта девица, что прошла мимо нас? Кажется, она одноглазая?» Ученик отвечал ему: «Нет, отец, она оба глаза имеет». Услышав это, старец сказал ему: «Где же у тебя заповедь, которая говорит: *не останавливай взора твоего на ней и не прельщайся ресницами ее* (Притч. 6:25)? Ты любопытным взором можешь воспламенить в себе страсть. Теперь будь уверен, что ты не будешь жить со мною в келье, потому что ты не смотришь за глазами своими так, как должно». Савва отослал рассеянного ученика от себя в Каstellийскую киновию, и после того, как он прожил там некоторое время и научился строго наблюдать за своими глазами и бдеть над своими мыслями, Савва принял его опять в лавру и дал ему келью.

Повар в лавре сварил тыкв для мастеров и при наступлении времени, определенного для принятия пищи, отведав их, нашел, что они горьки. Не имея у себя ничего, чем бы их приправить, и находясь по сему случаю в крайнем затруднении, он побежал к авве, пал пред ним и объявил о происшествии. Старец пришел в кухню, сотворил над сосудом крестное знамение и сказал повару: «Теперь поди подавай на стол; благословен Господь!» Тыквы тотчас сделались сладкими, и все их ели охотно и прославили Бога.

Преподобный Савва, заботясь о своих обителях, вовсе не хотел приобретать что-нибудь для будущего и, укрепляясь упованием на Бога, никогда не предавался излишней заботливости. Это открылось особенно во время голода. Когда архиепископ Илия послан был в ссылку, настала засуха и небо заключено было пять лет; к бездождию присоединилась саранча, во множестве появились черви. Настал в Палестине великий голод и мор. Жители Иерусалима говорили, что эти бедствия постигли страну за грех, сделанный против архиепископа Илии. Тогда св. Савва внушал настоятелям обителей не заботиться о плотском и напомнил им следующие слова Господа: *не заботьтесь и не говорите: что нам есть, или что пить, или во что одеться?*

Потому что Отец ваш Небесный знает, что вы во всем том имеете нужду. Ищите же прежде Царствия Божия, и это все приложится вам (Мф. 6:31–33).

Так мыслил и учил божественный старец. Бог же подавал ему обильно все нужное, так что, говорит Кирилл Скифопольский, терпели недостаток более те, которые надеялись на свои деньги и доходы, нежели обители, им управляемые.

Во время голода эконоом Великой лавры пришел однажды к преподобному Савве и сказал: «В наступающее воскресенье я не могу, отче, звать к литургии, потому что у нас нет ничего, нет даже и обыкновенной пищи, которую нужно будет предложить собравшимся отцам после богослужения». Старец сказал ему на это: «Не хочу отменять богослужения; если же есть недостаток в чем-либо необходимом для богослужения, то пусть канонарх пошлет с просфорником в город какую-нибудь драгоценную церковную вещь или одежду и, продав ее, купит что нужно, и мы совершим божественную службу. Что же касается пищи, то верен Тот, Кто сказал: *не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6:34)». Упование на Бога не посрамило старца. В следующий день прибыли в лавру из Святого града содержатели гостиниц, известные под именем Созовых, и на тридцати лошадях привезли большое количество вина, печеных хлебов, также хлеба в зерне, оливкового масла, меду, сыру и пр.; кладовые наполнились всякими припасами, так что сделался для отцов великий праздник. Тогда старец, укоряя эконома, говорил: «Для чего ты говорил, что не нужно собирать отцов, потому что для них нет пищи?» Эконом, сознавая свою ошибку, повергся к ногам св. Саввы и просил прощения. Старец благословил его и в наставление сказал: «Никогда не сомневайся, но, укрепляясь верою, всякую заботу твою возложи на Бога, ибо Он печется о нас (см. Пс. 54:23)».

Преподобный Савва прибыл однажды в Иерусалим. Архиепископ иерусалимский Иоанн пригласил его к себе на обед вместе с другими пустынными игуменами и с братом своим Антонием, который тогда был епископом Аскалонским. Хотя св. Савва был весьма воздержан, так что во все постные дни пребывал без пищи и даже часто постился по целым неделям, однако ежели когда принимал кого-нибудь к себе или сам приходил к кому на обед, то в один день вкушал два раза. Архиепископ, посадив его подле себя, клал перед ним хлеб и другую пищу, какая была; также и Антоний, епископ Аскалонский, сидя с правой стороны, неустанно угощал его. Святой старец непритворно и с великим простодушием принимал все ему предлагаемое, но тут же говорил: «Оставьте, оставьте меня, отцы; я буду есть сколько мне нужно». При этом случае Феодосий, начальник общежительных обителей, в шутку сказал о нем: «Савва очень голоден, трудно насытить его». На это архиепископ заметил: «Послушайте, отцы, мы все не можем сносить ни поста, ни сытости, а этот человек Божий умеет *жить и в скудости*, умеет *жить и в изобилии*; *научился везде и во всем насыщаться и алкать и в изобилии быть и в недостатке*; и все может в *укрепляющем его Христе* (Флп. 4:12–13)».

Когда оканчивался в Палестине четвертый год бездождия, подвижники Пещерной киновии пришли в Великую лавру и сказали преподобному Савве: «Отпусти нас, отче, мы не можем оставаться в твоём монастыре, у нас совсем нет воды, ибо с окончанием месяца мая дождевое время прошло». Великий авва и укорял их, и советовал им переносить с благодарностью постигающие их бедствия, и наконец сказал им: «Верю Богу, что по прошествии трех дней все водоемы ваши наполнятся водою; подите исправьте водопроводы и приготовьтесь; вы увидите дар Божий и скорое Божие посещение». И вот действительно в третий день явилось над Пещерною киновией облако, пошел большой дождь, и все водоемы наполнились водою. Но в другие обители не упала ни одна капля дождя. Настоятели этих обителей в глубокой печали явились к Савве и сказали: «За какое наше беззаконие, честный отче, ты так отвергнул нас и не молишься о прочих своих обителях?» Он сказал им: «Бог послал Свое благословение только тем, которые имели нужду в нем. И вы не отчаивайтесь, ибо не будете иметь недостатка в воде, доколе Господь не пошлет дождя на землю».

При наступлении пятого голодного года был такой недостаток воды, что в Иерусалиме бедные просили воды как милостыни и от жажды умирали. Архиепископ и светские власти, опасаясь народного возмущения, употребляли все средств, чтобы достать из земли воду: копали в местах более влажных рвы и ямы, землю в Силоамском потоке и около столпа святого Космы, у пути, ведущем в Великую лавру, но все было напрасно. Архиепископ очень печалился, ибо приближался праздник обновления храма Святого Воскресения. «Что мне теперь делать?» – говорил он в недоумении и страхе Сумму, гражданскому правителю. Сумм дал архиепископу совет обратиться к св. Савве, указав на то, что святой муж молитвою своею испросил у Бога обильный дождь для одной из своих обителей, так что около нее наполнились водою все рвы и водоемы. Обрадовался этому совету архиепископ, пригласил к себе в епископский дом св. Савву как бы для другого дела и наедине просил его помолиться Богу о том, чтобы Он примирился со своим народом и помиловал погибающих от голода и жажды. «Если согрешил я, – говорил еще архиепископ, – то чем повинен погибающий народ?» На это смиренный старец сказал архиепископу: «Могу ли я отвратить гнев Божий? Я грешен и слаб. И Писание говорит: *ежели Бог затворит небо, то кто отворит?* (ср. Иов. 12:14–15)». Когда же архиепископ сильно упрашивал его, молил и увещевал, богоносный Савва, тронувшись общим народным бедствием, склонился на его мольбы и увещания и сказал: «Я пойду в свою келью и из повиновения твоему блаженству буду молиться лицу Божию: я знаю, что Бог человеколюбив и милостив, и щедроты Его на всех делах Его (Пс. 144:9). Впрочем, да будет тебе следующее знамением: если пройдут три дня и не будет дождя, то знай, что Бог не услышал меня. Молитесь и вы, дабы молитва моя получила силу». Простившись с архиепископом, Савва возвратился в свою лавру. На следующий день была весьма сильная жара: все томились и изнывали. В первый час ночи подул южный ветер, явились тучи с молнией и громом, пошел проливной дождь, и еще до рассвета рвы, каналы и водопроводы наполнились водою и везде текли ручьи. Все ожило. Люди возрадовались и благодарили милующего Бога, Отца всех созданий. Праздник обновления храма Воскресения был совершен торжественно в Иерусалиме. Услышал Господь смиренную молитву раба Своего св. Саввы.

*Прп. Савва Освященный.
Средневековая икона*

Приблизилось, наконец, к закату дней великое светило иночества, из пустыни озарявшее не только Палестину, но и другие страны. Возвратившись в Палестину из последнего путешествия в Константинополь, преподобный Савва еще раз пришел в Иерусалим проститься со святыми местами. Там постигла его предсмертная болезнь. Едва услышал об этом патриарх, тотчас поспешил к великому подвижнику и, видя святого старца, томившегося болезнью на простой рогоже, перенес его в свои палаты и сам служил ему, как нежно любящий сын. Но святой старец, предызвещенный свыше о близости кончины своей, умолил патриарха отпустить его в любимую его лавру, и не смел ослушаться его святитель. Там, в своей убогой башне, старец созвал братию, назначил им после себя настоятелем Мелита и убеждал верно соблюдать предания отцов и чин богослужения, им введенный в обители. Четыре последние дня старец провел без пищи, в совершенном безмолвии и уединении и в субботу вечером, причастившись Святых Таин, мирно отошел ко Господу с сими словами: «Отче, в руки Твои предаю дух мой». Это было 5 декабря 532 года.

Гробница прп. Саввы Освященного

Таков был преподобный и богоносный отец Савва Освященный! Сей земной ангел и небесный человек, говорит жизнеописатель его Кирилл, был мудрым и искусным учителем, защитником Православия, верным и благоразумным домостроителем; он умножил божественные таланты, облекся силою свыше и по благоволению Бога Отца, при содействии Христа и по вдохновению Святого Духа населил пустыню множеством иноков. «Садоделатель благочестия, гражданин пустынный, преподобных удобрение», по выражению Церкви³⁴⁸, он в своей жизни и деятельности показал образец всех добродетелей.

³⁴⁸ Кондак к службе 5 декабря.

Рака с мощами прп. Саввы Освященного в Благовещенском соборе лавры

Приснопамятен в Православной Церкви основатель Великой лавры преподобный Савва Освященный; велик и славен он между подвижниками Святой Земли и других христианских стран. Много было у него в этой лавре учеников и подражателей его необыкновенной ревности к подвижничеству, коих он при своей жизни предпослал на небо, как крины сельные³⁴⁹, расцветшими и созревшими для жизни небесной. Но и по блаженной своей кончине великий отец и пастырь душ не оставлял первой и любимой своей обители. Из горнего мира он продолжал ниспосылать на нее небесное благословение, изливать божественные дары на ее насельников – и являлись в ней во все последующие времена подвижники, стоявшие на высокой степени нравственной чистоты и духовного совершенства, мужи, кои соделались славою и украшением Христовой Церкви, память коих она и доселе чтит, прославляя их в своих священных песнопениях и молитвенно обращаясь к их ходатайству пред престолом Божиим. Имена известных Церкви подвижников Великой лавры нами уже перечислены; присоединим к ним еще инок Кирилла Скифопольского, жизнеописателя преподобного Евфимия Великого, Саввы Освященного, Феодосия Великого и других отцов.

Преподобный Иаков. В числе подвижников Великой лавры был некоторый инок по имени Иаков, родом из Иерусалима. В одно время Иаков сильно был искушаем бесом блуда. Долго он и с усилием боролся с блудными мыслями, наконец ослабел. Неправильно поняв слова Спасителя: *есть скопцы, которые сами себя сделали скопцами для Царства Небесного* (Мф. 19:12), – он взял нож и искажил себя. Когда преподобный Савва узнал об этом поступке Иакова, выгнал его из лавры как самоубийцу. Не зная, что делать, Иаков бросился к преподобному Феодосию Киновиарху, со слезами умоляя святого отца принять его в свою обитель. Сжалился

³⁴⁹ «Крины сельные, или Цветы прекрасные» – название творения прп. Паисия Величковского. – *Примеч. ред.*

над несчастным св. Феодосий и вступил с ним в беседу. Рассмотрев его поступок, Феодосий сам привел падшего инока в лавру и упросил друга своего преподобного Савву принять его с надлежащею епитимией. Савва принял Иакова, но дал ему заповедь, чтобы он жил один в своей келье, никуда из нее не выходил, никого к себе не принимал, кроме брата, назначенного ему прислуживать. В точности выполнил Иаков заповедь старца: он долгое время неисходно пробыл в келье, постился и молился со слезами, оплакивая свое тяжкое грехопадение. Наконец св. Савве открыто было, что Бог принял покаяние Иакова и простил его грех. Великому старцу было видение: один светносный муж указывал ему на некоторого мертвеца, который лежал перед Иаковом. Иаков, услышав слова: «Услышана молитва твоя, Иаков, теперь протяни руку твою и подними лежащего», воскресил лежащего. После сего светносный муж сказал Савве: «Вот, мертвец воскрес, и ты разреши узы, возложенные на воскресившего». Старец понял это видение и позволил Иакову прийти в храм. Здесь Иаков облобызал старца и прочих отцов и сподобился причаститься Святых Таин. Потом он посетил и Феодосия, облобызал и его и благодарил за участие. В седьмой день после видения, бывшего Савве, Иаков в мире и радости отошел ко Господу³⁵⁰.

Преподобный Анфим (память в субботу Сырной недели), подвизавшийся в Великой лавре Саввы Освященного, был родом из Вифинии. Целых тридцать лет провел он в иноческих подвигах в келье, находившейся за потоком против башни св. Саввы. Достигнув старости, он ослабел в телесных силах, так что лежал на постели. Преподобный Савва советовал старцу перейти в самую обитель и поместиться в келье около церкви, чтобы здесь кто-нибудь без труда мог услужить ему. Анфим не согласился на это и говорил: «Я верю, что в той келье, в которой я сначала удостоился жить, Бог, создавший мою душу, и примет ее к себе». По прошествии некоторого времени в одну ночь Савва, вставший до прихода будильщика, услышал согласное пение псалмов; он удивился этому и не мог понять, что бы это значило. Сойдя с башни, в которой тогда Савва жил, он услышал пение только одного стиха: *пройду в место селения дивна даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания, шума празднующих* (Пс. 41:5); пели этот стих как бы многие и приятным голосом. Узнав, где происходило это пение, он разбудил канонарха и велел ему будить иноков. Потом в сопровождении братий, с фимиамом и свечами, преподобный Савва прибыл в келью Анфима, но в ней не нашли никого, кроме старца, уже скончавшегося. Поняли все, что значило приятное пение, слышанное Саввой: это Ангелы возносили на небо душу преподобного Анфима; поняли это и прославили Бога, прославляющего рабов Своих. Честное тело блаженного старца было с подобающею честью перенесено в храм и после совершения над ним обычного чина погребения положено вместе с телами праведных мужей, подвизавшихся в лавре³⁵¹.

Преподобный Афродисий (память 24 декабря и суббота Сырной недели) был родом из Азии. Сначала он жил в киновии Феодосия Великого, но был изгнан из обители за то, что однажды во время пути, рассердившись, убил лошака. В смущении и страхе Афродисий отправился к св. Иоанну Хозевиту, подвизавшемуся тогда в Хузивской пустыне, и рассказал ему о своем несчастье. «Если хочешь спастись, – сказал ему святой отшельник, – пойди к авве нашему Савве и делай то, что он тебе скажет». Афродисий пришел к Савве, рассказал святому отцу о своем поступке и просил открыть ему средство спастись. Преподобный Савва дал ему келью и, введя в нее, сказал ему: «Живи постоянно в своей келье; не переходи в другую; не оставляй лавры; обуздывай свой язык; умеряй требования чрева твоего, и спасешься». Во всей

³⁵⁰ См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 41.

³⁵¹ См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 43; *Вершинский*. Месяцеслов, суббота Сырной недели; служба субботы Сырной недели в Постной Триоди.

строгости Афродисий исполнил заповедь великого отца. Он ни из лавры никуда не выходил, ни в другую келью не переходил; никогда не имел у себя ни горшка, ни другого какого-либо сосуда, ни кровати; не пил вина даже и растворенного водой; не имел двух рубашек; спал на постели, сделанной из древесных ветвей и покрытой рогожей или весьма худой одеждой. В пищу себе он брал остатки вареной пищи из овощей травных, или из шелухи, или другой какой непитательной пищи; все это, смешав вместе, клал в одну чашу, из которой ежедневно брал по малому количеству и тем довольствовался. Хотя пища в этой чаше иногда и портилась, он, однако же, не выбрасывал ее вон, а только прибавлял к ней новой пищи. Взяв у эконома лавры финиковых ветвей, он доставлял каждый месяц смотрителю над гостиницей девяносто корзин. Ночной плач его не позволял спать живущим около него братьям. Так Афродисий провел тридцать лет. За великие подвиги свои он удостоился от Бога дара предведения будущего: за неделю предузнал он день своей кончины. Явившись в храм, Афродисий просил преподобного Савву отпустить его на один день в обитель преподобного Феодосия. Старец отпустил его, послав с ним одного инока, и велел сказать Феодосию: «Вот того Афродисия, которого я некогда принял от тебя человеком, теперь посылаю к тебе, по благодати Христовой, ангелом». Феодосий принял Афродисия с великою радостью, облобызал его и пригласил к себе для принятия пищи; таким образом они примирились друг с другом. Возвратившись в лавру, Афродисий через несколько времени в радости отошел ко Господу. Его погребли на особенном месте для назидания приходящих в лавру братьев. Православная Церковь называет его столпом воздержания³⁵².

Преподобный Флаис подвизался в Великой лавре при жизни Саввы Освященного и под руководством его благоугодил Богу и достиг спасения. В жизнеописании преподобного Саввы записан случай, бывший с Флаисом и показывающий, с какою ревностью великий отец заботился о спасении вверявших себя его руководству братьев. Некоторое время Флаис жил при святом старце и сопутствовал ему на время Четыредесятницы в пустыню. Однажды в пустыне Рува встретили они на пути льва. Лев прямо подошел к Савве и показывал ему ногу, в которой была заноза; от боли зверь жалобно ревел, как бы умоляя помочь ему. Святой старец, сострадательный и к животным, вынул из ноги зверя занозу и отпустил его. Но лев, почувствовав облегчение от боли, остался при старце и стал служить ему. У них был осел. Старец нашел льву дело: если куда посылал ученика своего, то стережь осла повелевал льву. Зверь брал в зубы веревку, привязанную к шее осла, выводил его на траву и стерег, а вечером, напоив, приводил назад. Однажды Флаис по какому-то делу был послан в город и там впал в плотский грех. Лев, выведя осла на пажить, растерзал его и съел. Когда Флаис, возвратившись в пустыню, узнал, что сделал лев, то почувствовал, что осел съеден за его великий грех и для обличения его, а потому, боясь явиться к старцу, скрылся в некоем селении, томясь от сознания своего греховного проступка. Жаль стало старцу ученика, и вот он оставил пустыню и отправился отыскивать Флаиса. Наконец после долгих поисков нашел его, привел в лавру и наложил на него тяжкий подвиг покаяния, затворив его в келье. Долго Флаис оплакивал в уединении свой грех, проливая слезы и умоляя милосердие Божие о прощении его; наконец очистился, сделался угоден Богу и с миром отошел в другую жизнь³⁵³.

Преподобный Кириак, подвизавшийся в лавре Саввы Освященного, жил в VI веке и был великим подвижником. В «Лимонаре» блаженного Иоанна Мосха записаны два случая, из которых видно, что Кириак стоял на высокой степени духовной жизни.

Возвращался он в одно время в лавру из пустыни у Мертвого моря, куда обыкновенно удалялся на несколько времени для пустынных подвигов. Жар был нестерпимый. Изнемогая

³⁵² См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 44; служба в субботу Сырной недели.

³⁵³ См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 49.

от жажды, старец поднял руки к небу и стал молиться: «Господи Боже мой, Ты видишь, что я изнемогаю от жажды и не в силах идти». Не успел он произнести этих слов, как явилось над ним облако и не отступало от него до тех пор, пока он не достиг своей кельи. В другое время пришли в лавру родственники и знакомые старца, желая видаться с ним, и, подойдя к дверям его кельи, стали в них стучать. Узнал их старец. Не желая им показаться, он помолился Богу и потом, выйдя из кельи, прошел мимо них, так что никто из них его не видал³⁵⁴.

Преподобный Афанасий, подвизавшийся в Великой лавре Саввы Освященного в VI веке, славился даром назидать других словом. От него осталось несколько наставлений, сохранных в «Лимонаре». Старец говорил: «Отцы наши хранили воздержание и нестяжательность, а мы расширили наше чрево и мешки». Еще он говорил: «Отцы наши упражнялись преимущественно в молитве со вниманием и в молчании, а мы теперь более заботимся о пище и рукоделье». Рассказывал еще старец о самом себе: «Пришел ко мне некогда такой помысл: что будет подвизающимся здесь? И вот в одно время я был в восторге и вижу кто-то говорит мне: “Иди за мной”, – и, взяв меня за руку, привел на некоторое светлое место и поставил при дверях, красоты которых нельзя выразить. Внутри, мы слышали, бесчисленное множество народа хвалит Бога; и когда мы постучали в двери, изнутри кто-то отвечал нам: “Чего вы здесь хотите?” – “Хотим туда войти”, – отвечал мой спутник. Тот сказал: “Никто, пребывающий в лености, сюда не входит. Идите и подвизайтесь, презирая суеты прелестного мира”»³⁵⁵.

Преподобный Каллиник, родом галатиянин, жил затворником в Великой лавре. Он имел дар прозорливости. Иоанн, пресвитер монастыря Евнухов, рассказывал о нем Иоанну Мосху и Софронию следующее: «Когда я был молод, любил ходить к великим и знаменитым старцам, чтобы получать от них наставления. Слышал я об авве Каллинике Галатийском, подвизавшемся в затворе в лавре Саввы Освященного, и в одно время отправился к нему. Когда я прибыл в лавру, брат, служивший старцу, повел меня к нему и, войдя в келью, долго беседовал с ним, а я между тем размышлял сам с собою, что, никогда меня не видя, старец не примет меня, как незнакомого. Потом брат велел мне войти в келью старца. Я вошел и получил от старца благословение. При этом брат сказал старцу: “Помолись о рабе сем, авва: он в первый раз пришел сюда”. – “Я знаю его, сын мой, – отвечал старец. – Двадцать дней тому он отправился к святому Иордану и, встретив меня на дороге, сказал: “Молись обо мне, отец”. Я спросил его об имени, и он сказал, что называется Иоанном. И вот с той поры я знаю его”. Старец прежде сего никогда меня не видал, и я вспомнил, что именно за столько дней я начал помышлять идти к старцу, и вот тогда Бог открыл ему мое имя и кто я такой»³⁵⁶.

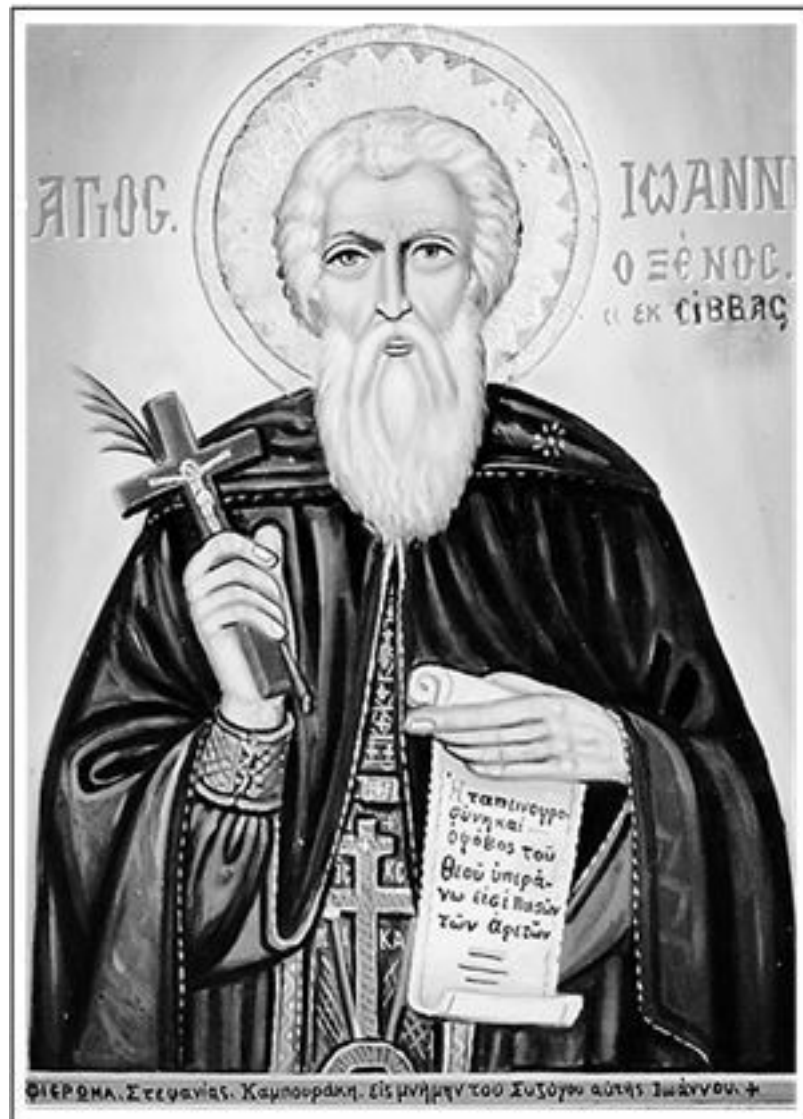
Преподобный Иоанн Савваит (память в субботу Сырной недели), родом из малоазийской области Понта, подвизался сначала в обителях своей родины, потом в Великой лавре и, наконец, на Синае; большую же часть жизни провел в подвигах в обители Саввы Освященного, отчего и прозван Савваитом. На Синайской горе он жил в то время, когда процветал там знаменитый синайский подвижник Иоанн Лествичник³⁵⁷.

³⁵⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 53.

³⁵⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 130.

³⁵⁶ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 137.

³⁵⁷ Св. Иоанн Лествичник, игумен Синайской горы, скончался около 606 г. Память его 30 марта.

*Прп. Иоанн Савваит.
Икона. Греция. Конец XX в.*

Дивный муж был преподобный Иоанн Савваит. Св. Иоанн Лествичник, сам великий подвижник, питал к нему глубокое уважение и часто с ним беседовал; он называет Иоанна Савваита мужем великим. В беседах своих с игуменом Синайской горы Иоанн Савваит прикровенно, как бы о другом лице, рассказывал ему о себе, о местах, где он подвизался, о старцах-подвижниках, с которыми жил или встречался, о разных случаях, которые доводилось ему самому испытывать. Некоторые из рассказов Иоанна Савваита игумен Синайской горы поместил в своей «Лествице», в главе о блаженном и приснопамятном послушании; здесь он представляет Иоанна Савваита как самый разительный пример необычайного послушания и безропотного терпения. «Не буду несправедливым укрывателем и немилосердным лихоимцем, – говорит в своей “Лествице” св. Иоанн Лествичник, – умолчав пред вами, о чем непозволительно молчать. Иоанн Савваит, муж великий, пересказывал мне вещи, достойные того, чтобы слышать о них. А что он беспристрастен и чист от всякой лжи, от слова и дела лукавого, – сие известно тебе, преподобный, из самого опыта. Итак, он пересказывал мне:

– В обители моей, которая в Азии (ибо оттуда пришел праведный сей муж), был один старец весьма нерадивый и неводержный; говорю сие не в осуждение, но чтобы верным быть истине. Он, не знаю как, приобрел себе ученика юного по имени Акакий, простого по сердцу,

но благоразумного по рассудку. И он столько потерпел от такого старца, что сие многим покажется, может быть, невероятным. Старец ежедневно мучил его не только оскорблениями и бесчестьем, но даже и побоями. Терпение Акакиево было не неразумно. Итак, видя, что он ежедневно до крайности бедствует, как купленный раб, при встрече с ним неоднократно спрашивал я его: “Что, брат Акакий, каково сегодня?” – и он немедленно показывал мне то посиженный глаз, то шею, то голову избитую. Я же, зная, что он труженик, говорил ему: “Хорошо, хорошо, терпи, и получишь пользу”. Так прожив у немилостивого сего старца девять лет, Акакий отошел ко Господу. Через пять дней по его погребении в усыпальнице отцов наставник Акакиев пошел к одному бывшему там великому старцу и говорит ему: “Брат Акакий умер”. Как скоро услышал сие старец, говорит сказавшему: “Поверь мне, старец, не верю этому”. Тот отвечает: “Поди и посмотри”. Старец немедленно встает, вместе с наставником блаженного страдальца приходит в усыпальницу, как к живому, вызывает к сему действительно живому и по успении своем и говорит: “Умер ты, брат Акакий?” И этот благопокорный делатель послушания, оказывая послушание свое и по смерти, отвечал великому старцу: “Как возможно, отец, умереть человеку – делателю послушания?” Тогда старец, бывший Акакиевым наставником, пришедши в страх, со слезами пал лицом на землю; потом, у игумена лавры испросив келью близ гроба, жил уже в оной целомудренно, говоря всегда отцам: “Я сделал убийство”.

И мне кажется, отец Иоанн, что разговаривавший с мертвым был сам великий Иоанн. Ибо и другую повесть, как будто о ком другом, пересказывала мне блаженная душа его; был же это действительно он сам, как мог я впоследствии узнать достоверно и узнал.

– Другой некто, – говорил Иоанн, – в той же обители в Азии жил у одного монаха, кроткого, скромного и безмолвного. И видя, что старец обходится с ним почтительно и как бы небрежет о нем, прекрасно рассуждает, что это для многих опасно, и умоляет старца отпустить его от себя. Старец же имел у себя другого ученика, и для него было сие не очень прискорбно. Итак, отходит он и по письму своего наставника помещается в одном общежительном монастыре в Понте. И в первую ночь, как вступил в сей монастырь, видит во сне, что какие-то люди ведут с ним счет, и по окончании сего страшного счета остается он должником, и долг его простирается до ста лир золота. Проснувшись, стал размышлять о том, что видел во сне, и говорит: “Подлинно на нас, смиренный Антиох (это было имя его), много еще остается долгу”. Когда же, – продолжал он, – пробыл я в сем монастыре три года в беспрекословном послушании и все меня почитали ни за что и оскорбляли как чужеземца (другого монаха-чужеземца там не было), тогда опять вижу во сне, что кто-то дает мне показание об уплате десяти лир из моего долга. И так пробудившись и уразумев видение, говорю: “Только еще десять, когда же уплачу остальное?” После сего говорю сам себе: “В большей еще мере труд и бесчестье нужны тебе, смиренный Антиох”. С сего времени начал я притворяться юродивым, однако же вовсе не оставляя дел служения. Почему безжалостные отцы, видя, что я со всею готовностью служу в том же чине, приказывали мне делать всякое тяжелое дело в обители. Такой образ жизни терпеливо проводил я до тринадцати лет и увидел во сне, что прежде являвшиеся мне пришли опять и написали совершенное освобождение от моего долга. Почему, когда живущие в обители оскорбляли меня чем-нибудь, вспоминая о своем долге, переносил я это мужественно.

Вот что, отец Иоанн, пересказывал мне сей премудрый Иоанн как бы о другом лице, для чего и переименовал себя Антиохом; на самом же деле это был он сам, так мужественно терпением своим разодравший рукописание.

Но послушаем, какой дар рассудительности приобрел сей преподобный крайним своим послушанием. Когда пребывал он в обители св. Саввы, пришли к нему трое молодых монахов с намерением стать учениками его. Приняв их тотчас с любовью, дал им приют, чтобы отдохнули они после трудов путешествия. По прошествии же трех дней говорит им старец: “По природе, братия, человек я блудный и не могу принять никого из вас”. Но они не соблазнились этим, ибо знали труженичество старца. Сколько же ни упрашивали его, не могли никак

убедить. Тогда поверглись к ногам его, умоляя, по крайней мере, дать им правило, как и где должны они пребывать. Старец, уступив просьбам их и зная, что со смирением и послушанием примут слово, говорит одному: “Господу угодно, чтобы ты, чадо, пребывал в безмолвном месте с одним из отцов в подчинении у него”. Второму же говорит: “Иди продай волю свою и отдай Богу; возьми крест свой и терпи в собрании и общежитии братий, и, несомненно, будешь иметь сокровище на небесах”. Потом и третьему говорит: “Неразлучно с каждым дыханием своим воспринимай в себя слово сие: *претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10: 22). Иди и, если возможно, не допусти, чтобы в роде человеческом был человек взыскательнее и строже твоего наставника о Господе, и, укрепясь терпением, каждый день, как мед и млеко, пей от него поругание и осмеяние”. Брат говорит великому Иоанну: “А что если такой отец оставит что в небрежении?” Старец отвечает: “Если увидишь, что впал он даже в блуд, не оставляй его, но говори сам себе: зачем же пришел ты, друг?” Тогда увидишь, что надмение в тебе исчезнет и разжжение ослабеет.

Таков был преподобный Иоанн Савваит³⁵⁸.

Преподобный Иоанн Молчальник (память 3 декабря)³⁵⁹ родился в 454 году в Малой Армении, в городе Никополе³⁶⁰. Родители его были знатного рода и весьма богаты. Одушевляясь сами истинным благочестием, они и сына своего воспитали в страхе Божиим и развили в нем вместе с умственным образованием глубокое религиозное чувство. Юный Иоанн, внимательно наблюдая окружающие его явления, увидел суету и многомятежность жизни в обществе среди людей; достигнув совершеннолетия, презрел вся красоты мира сего, молодость и красоту, богатство и знатность, утех и удовольствия и решился в уединении служить и благоугождать единому Богу. На собственные средства он устроил в своем городе обитель для ревнителей уединения и безмолвия и сам поступил в нее, заключившись в тесную келью. Ему было в это время 18 лет. Со всем жаром юноши начал он подвизаться о Господе в посте, молитве и богомыслии, умерщвляя тело и поработая его духу. С скромный и смиренный, он был в своей обители как бы последний между подвижниками. Так провел он десять лет. Молва о юном подвижнике распространилась далеко по Армении, и жители армянского же города Колонии по смерти своего епископа избрали Иоанна на епископскую кафедру своего города, несмотря на его отречение и мольбы не возлагать на него столь тяжкое бремя; покорный воле Промысла, он согласился на это избрание. Десять лет управлял он колонийскою епархией, но и в епископском сане святителя, среди разнообразных дел пастырского служения, Иоанн вел строгую подвижническую жизнь. Испытав сильные огорчения от зятя своего Пасиника, правителя Армянской области, который позволял себе вмешиваться в распоряжение церковным имуществом и покушался отнять у Церкви право убежища, святитель отправился в Константинополь. Там он представил свое дело на суд императора и получил полное удовлетворение. Но, жаждущий уединения, Иоанн не возвратился назад в Колонию. Сделав необходимые распоряжения о делах Колонийской церкви и простившись с пресвитерами, сопровождавшими его в столицу, он тайно оставил Константинополь и отплыл в Святую Землю. Прибыв в Иерусалим и поклонившись Животворящему Кресту и Живоносному Гробу Спасителя, Иоанн удалился в Великую лавру, скрыв свой сан. Это было в 491 году. В лавре Иоанн принят был как новоначальный инок и потому должен был проходить низшие послушания и службы. Он и действительно, как простой послушник, нес разные послушания: служил в странноприимнице; исправлял должность эконома; при постройке одной киновии, отстоявшей от лавры на десять стадий, носил рабочим съестные припасы. Так прошло несколько лет. Преподобный Савва дал Иоанну

³⁵⁸ См.: *Иоанн Синайский (Лествичник)*, прп. Райская лестница, 4.

³⁵⁹ См.: *Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Иоанна, епископа и молчальника.*

³⁶⁰ Никополь [Армянский] находился в Малой Армении на реке Лике; ныне селение Эндерес.

уединенную келью, и стал он жить отшельником. Заметив в Иоанне необычайную ревность к подвижничеству, видя, что он уже приобрел иноческие добродетели, преподобный Савва нашел его достойным пресвитерства и потому, взяв его с собою в Иерусалим, просил патриарха Илию удостоить его священного сана. Патриарх явился с ним в храм Воскресения. Тогда Иоанн, видя, что не может скрыть своего сана, обратился к патриарху и сказал ему: «Имею, пречестнейший отче, тайну, которую должен открыть наедине». Когда они отошли в сторону, Иоанн пал к ногам первосвященника и заклинал его сохранить втайне слова, которые он скажет. Патриарх обещал. «Я – епископ города Колонии, – сказал Иоанн, – множество грехов моих вынудило меня оставить и сан, и город и бежать в пустыню искать милосердия Божия, молить Господа о прощении соделанных мною прегрешений. Я находил, однако, нужным, доколе еще в силах, работать и служить ближним братьям, чтобы и мне не в стыд и укор было принимать их услуги, когда изнемогу силами». Ужаснулся патриарх, увидев пред собой святителя и пораженный его глубоким смирением. Призвав преподобного Савву, патриарх сказал ему: «Сей инок открыл мне тайные дела, по которым он не может быть пресвитером. Оставь его с этого времени в покое; пусть он безмолвствует и наедине работает Богу». Савва и Иоанн возвратились в лавру. Глубоко опечалился великий старец; он думал, что ошибся в иноке, считал его достойным священного сана, а он оказался непотребным. И вот святой старец удаляется на целую ночь в пещеру и в слезной молитве просит Бога открыть ему тайну. Исполнил Господь смиренную молитву своего раба; к нему явился Ангел и сказал: «Не непотребный сосуд Иоанн, но сосуд избранный; будучи епископом, он не может уже быть поставлен в пресвитера». Обрадовался Савва, узнав тайну, и тотчас же поспешил в келью Молчальника. «Утаил ты от меня, – сказал он Иоанну, обняв его, – утаил Божию в тебе благодать, но Бог мне открыл ее». – «Ах, отец мой, – отвечал Иоанн, – прискорбны мне твои слова; я желал, чтобы никто не знал о моей тайне; теперь она открылась, и я принужден буду оставить это святое место, где я обрел было себе покой». Старец поспешил успокоить Иоанна и, поклявшись пред Богом никому не открывать его тайны, упросил его остаться в лавре. Иоанн остался и принял на себя необычайный подвиг молчальничества. Он совершенно заключился в келье; никуда из нее не выходил, даже и в храм Божий, и к нему никто не входил, кроме брата, ему служившего. Так провел он четыре года. Когда преподобный Савва вследствие возмущения недовольных иноков оставил лавру, вышел из своего уединения и Иоанн и удалился в пустыню Рува. Десять лет провел он здесь в суровых подвигах, питаясь растением мелагрия. Возвратившись в лавру, он снова затворился в келье и безвыходно пробыл в ней целых двадцать пять лет. Однажды в год великий подвижник выходил из своего затвора – это в праздник Божией Матери, имени коей был посвящен главный храм обители, да еще когда посещал лавру патриарх Илия, которого он глубоко почитал.

Прп. Иоанн Молчальник (Савваит)

По кончине Саввы Освященного Иоанн отворил двери своей кельи и стал принимать посетителей; явились у него и два ученика: Феодор и Иоанн. К этому вызвали Молчальника бедственные обстоятельства, наставшие для Великой лавры и всей Палестины. По воле Божией Иоанн должен был сделаться стражем и хранителем обители св. Саввы. Об этом он был извещен свыше. Глубоко скорбел Иоанн, когда скончался богоносный Савва: он даже плакал о разлуке со своим духовным отцом. И вот в сонном видении является ему светлый лицом Савва и говорит: «Не плачь, возлюбленный отец Иоанн, не скорби; хоть мы и разлучены телом, но духом я всегда с тобой». – «Ах, отец мой, помолись Господу, чтобы и меня Он взял к себе», – возразил Иоанн. «Нет, теперь это невозможно, – ответил Савва, – сильному искушению подвергнется лавра, и ты будешь нужен для утешения и укрепления подвижников». И действительно, когда произошли в Святой Земле смятения от оригенистов, Иоанн стал на страже Великой лавры, подобно преподобному Кириаку, оградившему от еретиков лавру Суккийскую. Славой своего имени, советом и убеждениями Молчальник поддержал обитель Саввы Освященного, так что она до последней крайности противостояла всем усилиям врагов и осталась верна православному учению, хотя отцы-подвижники и сам Иоанн, уступая насилию врагов, вооруженную рукой ворвавшихся в лавру, должны были на время из нее удалиться в другие места. Иоанн с некоторыми братьями поселился на Елеонской горе. По прекращении смятений, возвратившись в лавру, Иоанн жил спокойно и уже не затворял более дверей своей кельи. Посетители, искавшие его благословения и духовных советов, имели свободный доступ в его келью; всех принимал он с любовью, подавая каждому потребное. В каком году скончался св. Иоанн, досто-

верно не известно. В 557 году, когда инок Кирилл Скифопольский составлял описание его жизни и подвигов, он еще был жив и имел 103 года от рождения. Он был, говорит жизнеописатель, весьма стар, но светел лицом, быстр душой, исполнен Божиею благодатью.

Необычен подвиг, который более тридцати лет нес св. Иоанн и за который христианская Церковь усвоила ему высокое имя Молчальника; велики нравственные совершенства и добродетели, коих он достиг, с постоянным усилием и самоотвержением стремясь к почести вышнего звания о Христе Иисусе; особенно необыкновенно было его смирение, которому издалека приходили дивиться современники. За то близок к Господу и угоден Ему стал великий подвижник; оком божественного благоволения взирает на него Господь, разнообразными дарами Духа Святого исполнил Он раба Своего. В жизнеописании Иоанна, составленном иноком Кириллом, помещены опыты благодатных дарований, которыми он был наделен. Представим некоторые из этих опытов.

Два ученика Иоанна были посланы им по некоторому делу за Иордан. Там, в пустыне, встретили они огромного льва. В страхе, не зная, что делать, вспомнили они о своем старце и громко произнесли: «Раб Божий Иоанн, спаси нас от зверя!» Лев оставил их в покое, повернулся назад и быстро удалился.

Подвизался преподобный Иоанн в пустыне Рува. Один из иноков Великой лавры захотел испытать пустынных подвигов и, явившись к святому отшельнику, просил его дозволить жить с ним и подвизаться. Иоанн принял его. Прожив некоторое время, новый спутник не в силах был выносить всех тягостей и лишений дикой пустыни. Приближался праздник Пасхи. Инок стал просить Иоанна возвратиться на праздник в лавру, указывая на то, что для такого великого, светлого праздника нет у них ничего, кроме пустынных растений – обычной их пищи. Иоанн не согласился. «Останемся здесь и на праздник, – сказал он иноку, – и предадим себя Господу; веруем, что Препитавший шестьсот тысяч израильтян в пустыне и нас напичкает здесь и в изобилии подаст, что потребно для такого великого праздника». Не убедился словами святого мужа инок, оставил его и удалился, но, заблудившись в пустыне, через три дня возвратился назад к Иоанну. К величайшему удивлению своему, инок нашел в пещере большое количество хлебов, раскаялся в своем поступке и, испросив прощения у Божия человека, остался с ним и более уже не оставлял его.

В начале пребывания своего в пустыне Рува преподобный Иоанн, собирая по дебрям и стремнинам растение мелагрия, составлявшее его обычную пищу, далеко отошел от пещеры, в которой жил, и заблудился. Был самый знойный день. От чрезмерного жара и усталости отшельник изнемог и упал на землю. Изнеможение его дошло до такой степени, что он едва дышал. Вдруг невидимою силой был он поднят и, подобно пророку Аввакуму, перенесен в свою пещеру. Пришедши в себя и познав, что с ним произошло, Иоанн со слезами возблагодарил Бога, не оставляющего без помощи Своих рабов. Расстояние от места, где он заблудился, до пещеры было, как он узнал после, около пяти поприщ³⁶¹.

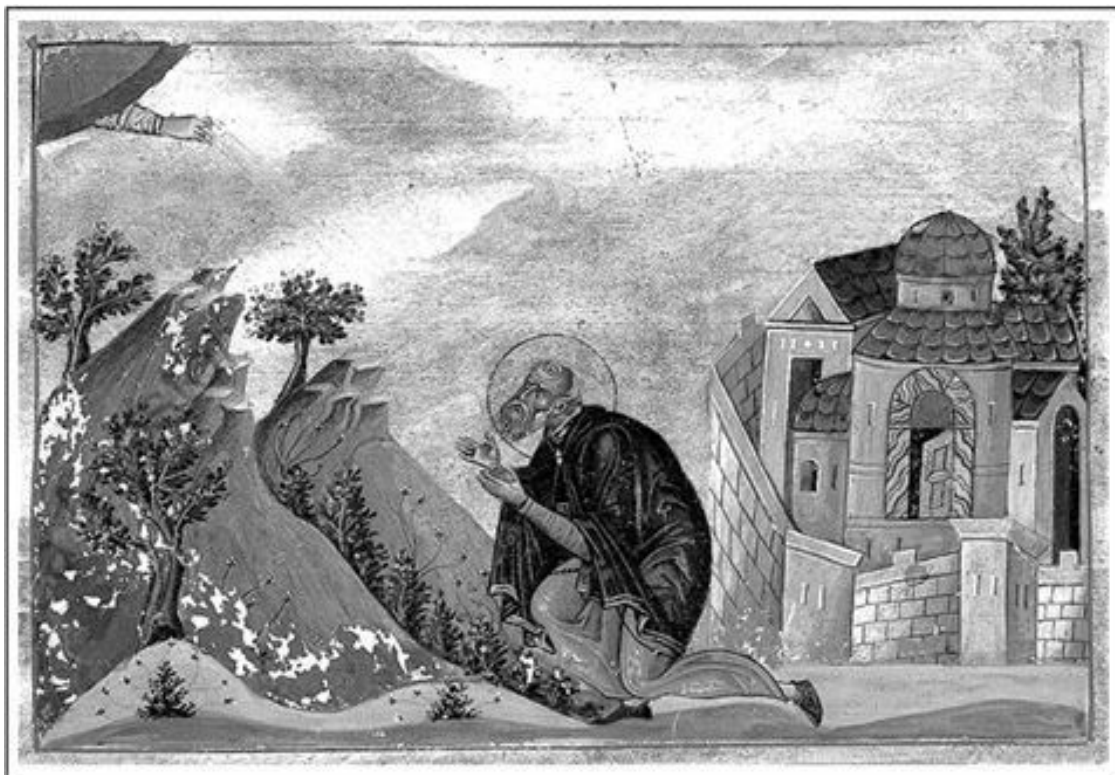
Василина, диаконисса Константинопольской церкви, прибыла в Палестину поклониться святым местам с родственником своим, который был заражен ересью Севира. Скорбя о душевном недуге родственника и желая спасти его, диаконисса обходила с ним обители и пустыни и просила святых отцов помолиться о нем Богу. Услышав об Иоанне как великом подвижнике и богоугодном муже, она пожелала и его видеть; но когда, прибыв в лавру Саввы Освященного, узнала, что женщинам совершенно запрещен в нее вход, то попросила Феодора, ученика святого старца, привести к нему ее родственника. Веровала диаконисса, что Бог по молитве раба Своего смягчит упорство ее родственника и приобщит его к Православной кафолической Церкви. Феодор привел родственника диакониссы в келью Иоанна и, поклонившись старцу, сказал ему: «Благослови нас, отче». – «Тебя благословлю, – отвечал старец, – а пришедший с

³⁶¹ Поприще здесь: расстояние в один день пути. – *Примеч. ред.*

тобой недостойн благословения». – «Нет, отче, – возразил ученик, – обоих нас благослови». – «Истинно тебе говорю, – произнес строго старец, – не благословлю другого, доколе не отречется он от еретика Севира и не присоединится к Святой Церкви». Пораженный прозорливостью св. Иоанна, пришедший пал ему в ноги, осознал свое заблуждение и дал ему обещание соединиться с Православною Церковью. Тогда старец благословил его и отпустил с миром. Несказанно обрадовалась благочестивая диаконисса обращению на путь истинный родственника, так долго и упорно косневшего в нечестивой ереси. Она пожелала собственными глазами видеть Божия человека и открыть ему помыслы своей души. Для этого задумала она сама прийти к нему в келью, облекшись в мужскую одежду. Но прозорливый старец послал сказать ей: «Да будет тебе известно, что, если ты и придешь ко мне так, как задумала, все-таки не увидишь меня; не сокрушайся, однако же, и оставайся на месте, где находишься теперь. Я тебе явлюсь во сне, выслушаю, что ты откроешь, и на все твои вопросы скажу, что мне внушит Бог».

Поверила диаконисса ответу св. Иоанна и терпеливо стала ждать исполнения его слов и действительно дождалась. В одну ночь явился ей в сонном видении св. Иоанн и сказал: «Вот Бог послал меня к тебе; говори, что желала ты открыть мне». Диаконисса открыла святому мужу тайные помыслы, волновавшие и смущавшие ее душу, и получила от него надлежащее их разрешение и врачевание. Успокоив диакониссу, Иоанн стал невидим. Об этом событии слышал из уст самой диакониссы Василины жизнеописатель Иоанна Молчальника инок Кирилл; при этом она верно описала самые черты святого мужа.

Место, где жил преподобный Иоанн, было каменистым и неплодным; на нем не только деревья не могли расти, не появлялось даже и былинки. Келья подвижника примыкала к голому утесу. Праведники обращаются к Богу, как дети к любящему отцу, с искреннею доверчивостью и откровенностью. Иоанн пожелал узнать, есть ли к нему Божие благословение, сподобил ли его Господь блаженства в Небесном Царстве. И вот, беседуя однажды со своими учениками, он взял семя смоковницы и сказал им: «Послушайте меня, дети мои, если это семя благодатью Божиею прозябнет на камне, вырастет, даст ветви и листья и принесет плод, то знайте, что дарует мне Господь место упокоения в Царстве Небесном». С этими словами старец вложил семя в ущелье утеса близ самой своей кельи. Господь, произрастивший некогда жезл Ааронов, дал прозябнуть на твердом камне и семени смоковницы: возник из него росток, вырос, показались ветви и листья, и дерево осенило келью подвижника; наконец явился и плод, созрели три смоквы. Со слезами на глазах благодарил Бога Иоанн, держа в руках зрелые смоквы. Он видел, что благоволит Господь к рабу Своему, он уверился, что примет его Господь в Свое Небесное Царство и даст ему в нем место упокоения и блаженства. От радости старец облобызал своих учеников, лобызал и самые смоквы; потом разделил их между учениками и сам вкусил, утешенный до глубины души.

Прп. Иоанн Молчальник.

Миниатюра из Минология Василия II. Ватиканская библиотека. Рим

Нравственные совершенства и добродетели св. Иоанна Молчальника были так велики, что Сам Бог возвещал о них современникам. Архиепископ Ефери́й прибыл издалека в Палестину и, поклонившись святым местам, возвращался по морю в свою епархию; корабль, на котором он плыл, противным ветром принужден был зайти в Аскалонскую гавань. В первую же ночь является Еферию во сне Ангел и говорит: «Вот ты отправляешься домой, но не достигнешь благополучно своего города, если не увидишь прежде Молчальника авву Иоанна в лавре игумена Саввы. Он муж праведный, благочестивый и, подобно тебе, облечен саном епископа; Господь положил в нем дары небесные, которые он таит по своему смирению. Он живет в совершенном отчуждении от мира, проникнутый страхом Божиим и желанием быть с единым Господом». После такого видения Ефери́й оставил корабль и поспешил в Великую лавру. Был жив еще сам великий основатель лавры. Ефери́й пожелал видеть дивного раба Божия, и святой затворник охотно открыл ему двери своей кельи. Два дня провел он в беседе с Молчальником и узнал все подробности его жизни, которые потом сообщил Савве и братьям к общему назиданию. Пораженный необыкновенным смирением Иоанна и величием его духовных совершенств, Ефери́й с удивлением говорил: «Воистину есть еще камни святые, скрываемые под землей!»

Много лет великий подвижник употреблял в пищу только кадильный пепел, смешанный с малым количеством хлеба. Однажды ученик его Феодор взошел неожиданно к нему в келью в то время, когда он принимал пищу. Смутился святой старец, обнаружился его пост, который он от всех скрывал; скорбь отразилась на его лице. Ученик, однако же, нашелся, как успокоить старца. «Ты не один, отец мой, так постишься, – сказал он, – многие из отцов здешней лавры то же делают, чтобы согласоваться со словами пророка: *я вкушал пепел, как хлеб* (Пс. 101:10)».

Много чудес и исцелений совершил св. Иоанн Молчальник, как сообщает об этом его жизнеописатель.

Преподобный Кирилл Скифопольский – тот инок Великой лавры, которому христианская Церковь обязана житиями великих подвижников: Евфимия, Саввы Освященного, Феодосия Киновиарха, Кириака, Иоанна Молчальника и Феогния, а также историческими сведениями о церковных событиях на Святой Земле в конце V и первой половине VI века. Жизнь самого преподобного Кирилла глубоко назидательна.

Преподобный Кирилл родился в Скифополе Палестинском³⁶² от благочестивых родителей³⁶³. Отец его был домоправителем у тамошнего епископа Феодосия. Уже в отрочестве Кириллу было предвозвещено, что он будет иноком. Когда св. Савва в последний год своей жизни прибыл по церковным делам в Скифополь, отец Кирилла привел к нему сына для принятия благословения. Взглянув на отрока и благословив его, прозорливый старец произнес: «Отныне я приемлю отрока сего как моего ученика: он – чадо пустыни»; затем обратился к епископу, тут же находившемуся, и поручил ему наблюдать за отроком. Преподобный Савва, посетив епископа, зашел и в дом его домоправителя, который принял великого подвижника с семейством своим с неописуемой радостью. С тех пор епископ Феодосий бдительно наблюдал за отроком Кириллом. «Что делает ученик блаженного Саввы? – обыкновенно спрашивал он у родителей. – Научите его грамоте, научите твердо читать Псалтирь и Часослов». И рано, причислив его к клиру, поставил в первый церковный чин.

Благочестие родителей, близость обители, основанной преподобным Саввою, которую они, без сомнения, посещали и с сыном; слава великих подвижников палестинских, египетских и сирийских, наконец, собственная религиозность Кирилла – все это пробудило в юноше жажду пустынной жизни. И вот он перед праздником обновления храма Св. Воскресения отпросился у родителей в Иерусалим поклониться святым местам. Отпуская сына, благочестивая мать заповедала ему остерегаться еретиков (особенно оригенистов, которые в то время господствовали на Святой Земле), посетить Иоанна Молчальника в Великой лавре и неуклонно держаться его духовных советов и наставлений. Напутствованный материнским благословением, юноша с радостью пустился в путь и благополучно прибыл в Иерусалим. Восторг объял его душу при виде Святого города. Со священным трепетом поклонился он здесь дорогим для сердца верующего предметам; с благоговением и сладостным умилением лобызал Живоносный Гроб Христа Спасителя и Честной Его Крест; видел и прочие места, освященные присутствием Сына Божия. Торжество праздника, совершавшегося в величественном храме Воскресения в присутствии настоятелей лавр и киновий, при многочисленном собрании подвижников и подвижниц окрестных обителей, среди массы народа, отозвалось в сердце Кирилла порывами неземных чувств. Его душа воспламенилась святым желанием жить для Господа, служить и благоугождать Ему пустынными подвигами; он решился удалиться в одну из иорданских лавр. «Если хочешь спастись, – сказал Кириллу Иоанн Молчальник, когда юноша посетил его келью и испросил у него благословения на подвижничество в пустыне, – иди и поселись в обители великого Евфимия». Кирилл отправился, но не в лавру Евфимия, а к Иордану. По юношескому легкомыслию, как он сознался после сам, лучшим он счел последовать своему собственному желанию и скоро в этом раскаялся. В лавре Каламонской, с которой Кирилл начал выбор для себя обители, он тяжело заболел; к болезни телесной присоединилась еще душевная, им овладело уныние. В одну ночь, когда истомленный недугом лежал он на постели почти без движения, является ему во сне св. Иоанн Молчальник и говорит: «Вот теперь наказан за то, что ослушался; встань и иди в Иерихон; там в странноприимнице преподобного Евфимия найдешь малорослого старца, который проведет тебя в обитель блаженного аввы, где и обретешь

³⁶² Скифополь лежал на границе Нижней Галилеи и Самарии; назывался и Беф-Сан. Под владычеством римлян он был митрополией Второй Палестины и главным городом Декаполя, или Десятиградия. [Ныне на месте древнего Скифополя расположен город Бейт-Шеан (Израиль); ведутся археологические раскопки. – *Примеч. ред.*]

³⁶³ См.: *Кирилл Скифопольский*. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного; *Он же*. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого.

спасение». Проснувшись, Кирилл почувствовал себя здоровым и бодрым, встал и в сердечной радости поспешил в храм благодарить Бога, восставившего его с одра болезни молитвою и предстательством раба Своего Иоанна. Изумилась братия, увидев больного в храме; но и возрадовалась и благодарила Бога, когда узнала о причине его чудесного выздоровления. Отстояв литургию и причастившись Святых Таин, Кирилл тотчас же один пошел в Иерихон, а оттуда с малорослым старцем в лавру Евфимия Великого. Там он и поселился и со всем пылом молодых сил начал подвизаться о Господе.

Много было в лавре преподобного Евфимия мужей, прошедших все степени подвижничества и достигших высокого нравственного совершенства; были старцы, исполненные благодатных даров. Кирилл, назидаясь примером их дивной жизни, старался на первых же порах соревновать им в подвигах поста, молитвы, терпения. Испытав на себе чудодейственную силу св. Иоанна Молчальника, Кирилл возымел к нему благоговейное уважение и детскую преданность; с благословения настоятеля часто оставлял свою обитель и являлся в Великую лавру для духовной беседы с облагодатствованным мужем; и святой старец полюбил молодого подвижника, охотно с ним беседовал, давал ему советы и наставления и руководил им в нравственно-духовной жизни. Посещал преподобный Кирилл, также с благословения настоятеля, и другие обители, например Суккийскую и Фаранскую лавры, киновию Феодосия Великого, и в них он встречал мужей, опытных в духовной жизни, слова и наставления которых глубоко западали ему в душу и еще более усиливали в нем ревность к терпеливому несению тяжкого ига подвижничества.

В 554 году Кирилл по указанию Иоанна Молчальника поступил в Новую лавру; он вошел в состав 120 отцов, избранных из разных обителей для заселения этой лавры, опустевшей по изгнании из нее оригенистов. И из этой обители Кирилл продолжал по временам посещать св. Иоанна и пользоваться его руководством и духовными советами. Здесь же, в Новой лавре, приступил он к совершению великого труда, стяжавшего ему вечную память в христианской Церкви: это составление жизнеописаний подвижников – Евфимия Великого и Саввы Освященного.

Благоприятны были обстоятельства, в каких находился преподобный Кирилл, когда задумал описать жизнь и подвиги великих палестинских подвижников. Свежа еще была память о них не только в их обителях, но и в других местах Святой Земли; живы еще были иноки, жившие с преподобным Саввой, видевшие его дивные дела, зревшие его необычайные подвиги; встречались подвижники, слышавшие о св. Евфимии от старцев, его современников, и передававшие о нем, как он жил и подвизался, каков был по наружности, как обращался, и пр. Любопытный от природы, сам ревнитель подвижничества, Кирилл жадно внимал всем рассказам о великих отцах и все, что о них слышал, записывал. Много ему сообщил о св. Савве Иоанн Молчальник, в то время столетний старец; воспользовался он еще сведениями о Евфимии и Савве, полученными от преподобного Кириака, жившего в Суккийской лавре, также столетнего старца, которого он нередко посещал. Таким образом у Кирилла составились записки о жизни и деяниях святых отцов Евфимия и Саввы. Когда Кирилл поселился в Новой лавре, Иоанн Молчальник внушал ему начертать жития Евфимия и Саввы и неоднократно побуждал его к этому. По его любви к почившим отцам, по тому усердию, с каким он собирал и записывал все, что о них от кого бы ни слышал, по нравственной чистоте его души преподобный Иоанн находил его способным к такому святому труду. Инок Кирилл желал исполнить волю старца, своего духовного отца и руководителя, но, не обучавшись в школе и не овладев искусством писать сочинения, излагать мысли связно и по порядку, он не знал, как приступить к труду. Целых два года он мучился и дело день ото дня все откладывал. Обращался он и к усердной молитве, в которой со слезами просил себе у Бога помощи и благословения на свой труд, но и после этого все еще не чувствовал себя в силах начать жизнеописания великих отцов; хотел было уже он и совсем оставить дело, казавшееся для него столь трудным. В это-то время сми-

ренному иноку и пришла помощь свыше. Вот как он сам в жизнеописании Евфимия Великого рассказывает об этом чудном событии своей жизни: «Однажды сидел я с записками моими в руках, погруженный в печальную думу, и задремал; это было во второй час дня, и вот великий Евфимий и блаженный Савва внезапно мне явились, облеченные в иноческую одежду, и мне послышалось, что они между собою беседуют; достоуважаемый Савва так говорил великому Евфимию: “Вот сын твой Кирилл держит в руках собранные им записки, но еще не мог привести их в порядок, ибо не знает, как к сему приступить”. – “И не устроит сего, – отвечал авва, – если не примет помощи свыше”. – “Испроси ему сию помощь”, – сказал блаженный Савва. Тогда великий отец Евфимий, положив руку в недра свои, извлек малый серебряный сосуд, наполненный дивным питьем, коего по несколько капель трижды влил в уста мои; оно с виду подобно было маслу, но я бы унижил его достоинство, если бы по вкусу сравнил с медом, и никогда не буду в силах выразить словами всей сладости сего напитка. Я проснулся от удовольствия и еще чувствовал отрадный вкус его в моих устах. С сердцем, исполненным утешения, сейчас приступил я к труду и не только предпринял житие великого Евфимия, но почувствовал внутреннее влечение начертать и житие несравненного Саввы»³⁶⁴.

Ниспослал Господь Божественную помощь смиренному иноку, и явилось жизнеописание св. Евфимия Великого и Саввы Освященного, достойное великих избранников Божиих, – труд, известный всему христианскому миру, чтение коего назидает душу верующего, услаждает его сердце и побуждает его с рвением искать царства Божия и правды его, со страхом и трепетом содеяв свое спасение.

Высокою любовью к истине одушевлен был преподобный Кирилл, искреннею правдивостью отличался он, когда составлял свой незабвенный труд. Это видно как из той тщательно-сти, с какою он собирал сведения о великих подвижниках пустыни и, не полагаясь на свою память, записывал все, что приходилось ему о них узнать, так и из его собственных слов в конце жития Евфимия Великого и в предисловии к жизнеописанию Саввы Освященного. Житие св. Евфимия он так заканчивает: «Вот наименьшая часть того, что мы видели сами или слышали от многих о великом Евфимии; мы изложили и чудеса, бывшие при его жизни, и те, какие были по его кончине, дабы не остались они неизвестными грядущим родам; ибо одни чудеса подтверждаются другими, и все свидетельствуют о чрезвычайной святости сего великого аввы. Поистине, как могли бы совершиться столь великие знамения над его мощами, если бы он не был свят во время земной своей жизни, и можно ли сомневаться в святости его жизни, ознаменованной столь великими чудесами после его кончины!» А в предисловии, которым он начинает жизнеописание преподобного Саввы, так говорит: «Молю всех, которые будут читать книгу мою, испросить у Господа прощение грехам моей жизни, столь окаянной. Я не требую, чтобы вера к тем событиям, о каких стану рассказывать, основывалась только на моих словах; нет, я с намерением и точностью указал места, время, лица, имена, дабы каждый мог сам удостовериться в истине подробным ее испытанием»³⁶⁵.

Питая к св. Иоанну Молчальнику сердечную преданность и желая быть с ним в непрерывном общении, непрестанно зреть его святой лик, назидаться его жизнью и подвигами, преподобный Кирилл в 557 году перешел в Великую лавру. Келью свою он устроил вблизи кельи святого старца. В беседе с Кириллом старец откровенно рассказывал о своей собственной жизни. Кирилл воспользовался этим и описал жизнь великого подвижника, закончив труд свой 557 годом, когда еще св. Иоанн был жив, имея 103 года от рождения и предоставляя другим раскрыть его подвиги и добродетели обстоятельнее. И еще двух великих подвижников коснулось правдивое перо инока Кирилла: в это же время он писал жития преподобного Феодосия Вели-

³⁶⁴ Муравьев. История святого града Иерусалима. С. 231–233.

³⁶⁵ Филарет, архиеп. Черниговский. Историческое учение об отцах Церкви. Т. 3. С. 161–163.

кого и славного отшельника Кириака. Этим же, 557 годом оканчиваются исторические сведения о преподобном Кирилле Скифопольском. Когда он скончался, неизвестно.

Преподобный Леонтий, писатель (память совершается в субботу Сырной недели), жил в конце VI и первой половине VII века. Он родился в Константинополе, где получил лучшее по тогдашнему времени образование и занимал должность адвоката (или стряпчего). Хитростью и обманом был он завлечен в секту несториан, но по милости Божией, как сам говорит, поняв, в какую опасную ересь попал, возвратился в лоно Православной Церкви. Леонтий теперь не захотел более оставаться в свете; следуя внутреннему влечению, он удалился в лавру Саввы Освященного, где и проводил строгую подвижническую жизнь в посте и молитве, в изучении христианских догматов и благочестивых размышлениях о тайнах святой веры. Изведав на собственном опыте всю гибель ереси для верующего, всю опасность общения с еретиками, разные хитрости, коварства и обман, которые употребляли они для завлечения православных в свою секту, Леонтий выступил против них оружием слова. Он написал несколько книг³⁶⁶, в которых с необыкновенною силой обличает и опровергает заблуждения и неправильные мудрования еретиков IV и V веков: Ария³⁶⁷, Македония³⁶⁸, Аполлинария³⁶⁹, Нестория, Евтихия, Севира и оригенистов. Здесь преподобный Леонтий обнаружил глубокое понимание догматов христианской веры и обстоятельное знакомство с лжеучением еретиков. Опровержение ересей он ведет основательно. Так, в книге «О сектах» [или «Схолии»] сначала представляет исповедание веры, какого держится вся Вселенская Церковь, и канон Святого Писания, принятый всеми истинно верующими; далее перечисляет отцов и учителей Церкви со времен святых апостолов и до своего времени; наконец, опровергает ереси Ария, Македония, Нестория и Евтихия, каждую отдельно, причем приводит изречения слова Божия и учение древних отцов. В книге «Против монофизитов» сначала соображениями разума показывает ложность учения о едином естестве в Иисусе Христе и затем уже представляет изречения святых отцов, правильно их изъясняя. В других сочинениях Леонтий раскрывает хитрости и обман еретиков для совращения православных в свою ересь; так, например, в книге «Против обманов аполлинаристов» доказывает, что сочинения отцов, которыми они защищают себя, суть или подложные, или испорченные ими же самими.

Сочинения преподобного Леонтия пользовались у последующих отцов и писателей церковных глубоким уважением. Высокий отзыв о нем как об отце и учителе Церкви дает преподобный Феодор Студит: «Леонтий – глубина богословия»³⁷⁰.

Преподобный Леонтий скончался около 624 года.

Преподобный Антиох, писатель (память в субботу Сырной недели)³⁷¹, жил в лавре св. Саввы в то же время, в какое подвизался в ней и преподобный Леонтий. Родился он в малоазийской области Галатии, в селении Медосаги, лежавшем близ города Анкиры. Неизвестно, где Антиох получил образование, в какой обители полагал начало иноческой жизни и когда

³⁶⁶ Сочинения преподобного Леонтия, известные и изданные, следующие: книга «О сектах» (в 10 делениях или отделах); три книги «Против несториан и евтихиан»; семь книг «Против несториан»; книга «Против монофизитов»; «30 глав против Севира»; «Против обманов аполлинаристов».

³⁶⁷ Арий, Александрийский пресвитер, еретик IV в., учил, что Сын Божий сотворен из ничего прежде всех вещей.

³⁶⁸ Македоний, Константинопольский патриарх IV в., учил о Духе Святом, что Он не истинный Бог, а сотворен и есть сила, служебная Сыну.

³⁶⁹ Аполлинарий, епископ Лаодикии Сирской, учил, что Сын Божий принял при воплощении только тело человеческое и вместо души имел Божество.

³⁷⁰ Служба субботы Сырной недели. Св. Феодор Студит, игумен Студийского монастыря в Константинополе, скончался в 826 г. Память совершается 11 ноября и 26 января.

³⁷¹ Сведения о жизни прп. Антиоха находятся в его сочинении «Пандекты», изданном на греческом и латинском языках в 1624 г., а также в «Историческом учении об отцах Церкви» Филарета, архиепископа Черниговского (Т. 3. С. 163–164).

поступил в Великую лавру; зато известна жизнь его в обители преподобного Саввы. Он соревновал в иноческих подвигах великим подвижникам и преуспевал в нравственных совершенствах, восходя от силы в силу; в то же время упражнялся в чтении и изучении слова Божия. Из нравственных качеств в нем особенно проявлялось глубокое религиозное чувство, теплота сердца и любовь к ближним. Это обнаружилось во время вторжения персов в Святую Землю в 614 году.

Глубокою скорбию поражен был Антиох, когда пришла в лавру весть о взятии персами Иерусалима и рассказаны подробности страшного опустошения, произведенного врагами в Святом городе; он плачет и истает от жалости, вспоминая в сочинении своем «Пандекты» о сожжении Святого града, разрушении храма Воскресения и пленении Честного Креста Господня. «Пришли, – говорит он здесь, – язычники в наследие Твое и осквернили святой храм Твой; святилище Твое предали огню. Трупы рабов Твоих разбросаны и в Иерусалиме, и в окрестностях его, и некому погребать их. Крепость нашу, красоту нашу, надежду спасения нашего, Крест Христов, предал Ты врагам твоим... Пролием горячие слезы, ибо Святой град Божий сожжен, Честной Крест Господень похищен и толикое число святых побито и отведено в плен; посему, согласно с изречениями пророка Иоиля, восплачем посреди степеней жертвенника и воскликнем ко Господу: пощади, пощади людей Твоих и не дай достояния Твоего в поругание, да не обладают им язычники и да не рекут между собою: где есть Бог их?»³⁷². Он приводит во свидетельство и пророчество Исаии об осквернении Святого града за нечестие дщери иерусалимской и сам сознается, что все сии бедствия случились по грехам народа христианского. Еще глубже скорбит и плачет преподобный Антиох в письме к Евстафию, игумену галатийскому, описывая нападение персов на Великую лавру и изображая ужасную участь старцев-подвижников, не захотевших бежать из обители вслед за другими братьями и оставшихся в своих кельях: их в течение нескольких дней подвергали варвары жесточайшим мукам, рассекая на части. Антиох не находит довольно слов оплакать бедственную участь избитых братий и изобразить их великие подвиги и высокие нравственные совершенства. «Ты спрашиваешь меня о святых отцах нашей лавры, – пишет он Евстафию, – недавно избитых, о их жизни и подвигах, но язык мой не может выразить сего как должно. Одно только скажу: не знаю, Ангелами ли их должно назвать или человеками? От самой юности взяли они на рамена свои сладкое иго Господне, перенося мучительный зной одинокой жизни. Многие из них исполнены были святых дел, смиренны, кротки, достоуважаемы, благочестивы, чужды всякого зла, украшены всеми добродетелями, сосуды даров Божиих. Некоторые имели более ста лет и всю жизнь провели в лавре, никогда не выходя из нее и даже не оставляя своих келий, разве только для церкви по субботам и воскресеньям, днем и ночью размышляя о страшном таинстве смерти; это были небесные человеки и земные ангелы, и за сие они, достоуважаемые отцы и братия наши, наследовали венец победы»³⁷³.

Когда два месяца спустя прошел слух о новом нашествии персов и братия снова рассеялась в разные обители, Антиох остался в лавре, совершенно предавши себя в волю Божию; прощаясь с братьями, он вместе с хлебом клал каждому в суму свою книгу «Пандекты», в которой изложены превосходные нравственные мысли; он и написал книгу эту для душевной пользы братий, для их утешения на трудном пути добродетели. Он сам говорит в одном месте «Пандектов»: «Как полагал я хлеб в суму скитальцев, так раздавал им и духовный хлеб, чтобы души их не умирали от голода слова Божия; поелику же не мог сам посещать святые обители, то почел полезным составить для них хотя краткое поучение, которое было бы в общем употреблении у всех и могло им сопутствовать повсюду». Со слезами благодарил Бога, радовался и утешался преподобный Антиох, когда по удалении врагов архимандрит Феодосиевой обители

³⁷² Муравьев. История святого града Иерусалима. С. 271–272.

³⁷³ Муравьев. История святого града Иерусалима. С. 269.

Модест, восстанавливая разрушенные обители, прибыл в лавру св. Саввы, чтобы и ее привести в порядок, утешить и ободрить смятенных братий. Первым делом его было собрать рассеянные останки избиенных иноков и совершить над ними чин погребения; потом, облобызав их с любовью, он положил их в усыпальницу братий. При этом Модест утешал и укреплял братию, внушая им не оставлять обители и быть готовыми мужественно перенести все испытания, какие Господу благоугодно будет им ниспослать.

Преподобный Антиох скончался около 635 года.

Прп. Антиох.

Рисунок в рукописи «Пандектов». Собрание СТСЛ (XIX в.)

Творением своим «Пандекты» преподобный Антиох оставил о себе навсегда память в христианской Церкви. Св. Феодор Студит в каноне преподобным отцам называет его даже великим. «Пандекты» – сочинение нравоучительное и в 130 главах содержит в себе учение почти обо всех предметах нравственной христианской деятельности. Из-за высокой своей назидательности «Пандекты» столь ценились писателями церковными и благочестивыми людьми, что еще в древние времена переводились на другие языки; на славянский язык были они переведены в самом начале христианства у славян.

Преподобный Иоанн Дамаскин (память 4 декабря). В VIII веке, когда для христиан настало тяжелое время иконоборчества, а в Палестине, Сирии и Месопотамии страдали они от насилия и притеснений сарацин, под властью которых находились тогда эти страны, явился муж, сделавшийся столпом христианской Церкви, ее поборником и защитником. Это преподобный Иоанн Дамаскин, инок Великой лавры.

Преподобный Иоанн, по месту рождения Дамаскин, по фамилии Мансур, по силе и сладости речи Златоструйный, родился около 680 года в главном городе Сирии Дамаске³⁷⁴. Он происходил из древнего и славного рода Мансуров, издавна живших в этом городе и имевших здесь большое значение. Дамаск в то время был столицей халифата, местопребыванием и главы мусульманского мира – халифа. Подобно Иосифу в Египте и пророку Даниилу в Вавилоне, предки Иоанна снискали милость у иноверных государей и занимали гражданские должности, всецело сохраняя свою веру. Отец Иоанна Сергей пользовался особенным расположением халифа Абд аль-Малика³⁷⁵ и отправлял при нем должность логофета – главного казначея. Счастливое положение свое Сергей употреблял во благо единоверных братьев: выкупал пленных, освобождал заключенных в темницах, помогал неимущим. Господь благословил Сергия за его благочестие и добродетели: даровал ему сына, коему суждено было сделаться в мрачную годину иконоборчества светильником Христовой Церкви, ее славой и украшением. Приняв от Бога сына, как бесценное сокровище, Сергей поспешил сделать его, по выражению жизнеописателя его, чадом света через крещение, дав ему имя Иоанн в честь величайшего из рожденных женами мужа – Предтечи Господня. С первых минут проявления в ребенке смысла благочестивый родитель старался воспитать его в благочестии, насадить в юном сердце страх Божий, развить в нем любовь к храму Господню, к чтению слова Божия, преданность святой вере. Когда же настало для отрока время научного образования, благоразумный Сергей заботился не о том, чтобы научить его воинскому делу или искусствам человеческим, но о том, чтобы дать ему основательное образование в науках светских и богословских, и усердно молил Бога послать в наставники сыну мужа мудрого и благочестивого. Такого наставника Сергей нашел в лице калабрийского инока Космы, которого он встретил на городском рынке. Взятый в плен сарацинами, Косма вместе с другими пленниками был выведен на рынок. Участь пленных была ужасна: их осуждали на смерть, разве кому посчастливиться выкупиться. Почтенный вид Космы, уважение, какое оказывали ему невольники, припадавшие к его стопам, обратили на него внимание сарацин. «Каким саном почтен ты между своими?» – спросили они Косму. «Я священник, инок, и занимаюсь любомудрием», – отвечал пленник и заплакал. В это время тут же находился Сергей, пришедший по обычаю на рынок с тем, чтобы выкупить нескольких пленников. «Что ты, человек Божий, так плачешь о мире, для которого ты давно умер?» – спросил он Косму. «Не о мире я плачу, – ответил инок, – а о том, что, стяжав богатство, отхожу без детей-наследников». Удивился Сергей и недоумевал, что бы это значило. Косма присовокупил: «Я разумею духовное богатство познаний, которые приобрел я. Страшно предстать пред Господом, не употребив дарованные мне таланты». Сергей выкупил инока, взял его в свой дом и поручил ему воспитание родного сына Иоанна и сверстника его Космы, родом из Иерусалима, сироты, коего он усыновил.

Инок Косма имел обширные и разнообразные познания. Быстро и с легкостью даровитые ученики усвоили все, что сообщил им учитель. Они изучили все предметы тогдашнего образования: грамматику, диалектику, арифметику, музыку, астрономию и особенно христианское

³⁷⁴ См.: Четы-Минеи, 4 декабря; Жизнь св. Иоанна Дамаскина в Прибавлении к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 16. М., 1857; *Филарет, архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви. Т. 3. С. 259–260. Исторические сведения в этих сочинениях заимствованы из жизнеописания Иоанна Дамаскина, составленного патриархом Иерусалимским Иоанном, жившим в X в.

³⁷⁵ Правил в 685–705 гг.

богословие. Иоанн, по словам жизнеописателя его, проявлял более быстроту мысли, Косма – глубину ума; первый, подобно парящему орлу, легко достигал высоких таинств веры; второй, как некий корабль, исполненный сокровищ, быстро проникал все глубины учения. Преуспевали юноши и в доброй нравственности, в пылком возрасте укрощали душевные волнения и, обогащаясь познаниями, не гордились этим, но все более и более становились смиренными, сознавая, что знание их еще недостаточно и несовершенно. Успехами в науках и добрым поведением они радовали Сергия и воспитателя.

Окончив воспитание юношей, инок Косма не остался в Дамаске: он удалился в лавру преподобного Саввы, где успокоился и пребыл до блаженной своей кончины. Немного спустя преставились и родители Иоанна. Необыкновенные дарования и способности Иоанна, его многостороннее образование и особенно превосходные нравственные качества обратили внимание халифа Валида³⁷⁶. Халиф призвал его к своему двору и приблизил к себе, сделав ближайшим своим советником и градоначальником Дамаска. Вступив на службу к иноверному государю, Иоанн старался, подобно отцу своему, исполнять обязанности своего звания ревностно, по совести. Но в то же время он помнил, что у него, как христианина, есть высшее служение – служение Господу Спасителю и Его святой Церкви. Он видел и сознавал, что хотя он и не облечен иерархическим достоинством, однако же, как член Христовой Церкви, обязан пещься о ее благе и процветании, охранять и защищать от еретиков богопреданную веру, раскрывать и разъяснять христианские догматы; сознавал, что он должен посвятить этому свои богатые дарования и многосторонние познания. Возвещение истинного Христова учения с одной стороны, опровержение еретических заблуждений с другой стало главным делом жизни и деятельности Иоанна. Истина предпочтительнее всего и самой жизни, говорил св. Иоанн, с нею жить любезно и смерть за нее лучше жизни. «В ревности по истине я полагаю надежду моего спасения и с сею ревностю надеюсь и молюсь встретить Христа Господа, принося ее как цену искупления за содеянные мною грехи... Чтобы не случилось со мною того, что случилось с рабом неключимым, закопавшим талант в землю (см. 25:14–30), и я не должен оставлять без пользы вверенный мне талант слова». Так смотрел на себя и на свои обязанности по отношению к своей вере св. Иоанн Дамаскин.

И вот, светский человек, высокий сановник, Иоанн входит в общение со своим архиепископом Петром и частью по его поручению, частью по собственной ревности пишет сочинения против еретиков, которые, пользуясь покровительством магометан, получили полную свободу и равные права с православными и много зла причиняли Православной Церкви. Таково, например, обширное рассуждение Иоанна о двух естествах во Иисусе Христе, написанное против монофизитов (или яковитов) от лица Петра, архиепископа Дамасского.

Явилось иконоборчество. Император Лев Исавр³⁷⁷, задумав обращать в христианство иудеев, видевших в почитании икон идолопоклонство, воздвиг гонение на святые иконы. В 726 году он издал указ, которым запрещалось чествование священных изображений. Напрасно св. Герман, патриарх Константинопольский³⁷⁸, старался остановить безумное предприятие императора; напрасно усиливался вразумить его. В беседе с ним патриарх указывал на то, что священные изображения являются в Церкви христианской со времен евангельских: кровоточивая жена, исцеленная Господом, поставила Его изображение; другое изображение Господа на плате хранится в Эдессе; известно и изображение Божией Матери, написанное евангелистом Лукой. Вселенские Соборы утвердили почитание святых икон... «Да будет тебе известно, государь, – присовокупил патриарх, – что если ты не оставишь своего намерения, я готов положить душу за святые и честные иконы. Изображение Христа Спасителя представляет нам тот вид, в каком

³⁷⁶ Правил в 705–715 гг.

³⁷⁷ Лев III Исавр – император Византийской империи в 717–741 гг.

³⁷⁸ Св. Герман был патриархом в 715–730 гг. Память его 12 мая.

Он являлся по плоти. Свято и праведно умереть за Его имя. Кто наносит бесчестие образу, тот бесчестит и изображенного на нем». Лев не послушал. Когда указ императорский огласили по империи, открылись волнения. Большая часть епископов, клир и народ ревностно стояли за святые иконы. Папа Григорий II созвал в Риме собор, на котором было осуждено иконоборчество. Возвысил голос и св. Иоанн Дамаскин.

Он написал в защиту почитания святых икон сильное Слово, послав его в Константинополь к патриарху и народу. «Надлежало бы нам, – начинает свое Слово Иоанн, – сознавая свое недостойнство, непрестанно пребывать в молчании и исповедовать пред Богом грехи свои. Но все хорошо в свое время. А я вижу, что Церковь, которую создал Господь на основании *апостол и пророк суицу краеугольну Самому Христу* (Еф. 2:20), Сыну Его, обуревается как бы морскою бурею, воздымающе непрерывные волны; возмущается и колеблется от сильного напора противных ветров; и риза Христова, свыше истканная, раздирается; ее дерзнули разорвать сыны нечестивых, и тело Его рассекается на разные части. Посему я почел неблагоприятным молчать и наложить узы на язык. Боюсь грозного слова: *аще усумнится, не благоволит душа моя в нем* (Авв. 2:4) и: *если увидишь меч грядущий и не возвестиши брату твоему, от тебя взыщу крови его* (ср. Иез. 33:6). Итак, одержимый страхом, я начинаю говорить и высоту царей не предпочитаю истине. Ибо я слышал, что богоотец Давид говорит: *глаголах о свидениях твоих пред цари и не стыдился* (Пс. 118:46)». Затем, испросив помощи у Бога и снисхождения у патриарха и народа, св. Иоанн рассуждает о поклонении, какое мы должны воздавать Богу и какое прилично священным изображениям, и опровергает при этом мнение иконоборцев. Запрещение Ветхого Завета почитать кумиров ничего не говорит против разумного почитания святых икон. Предмет запрещения – идолы, это плод ума, потерявшего из виду истинного Бога; они даны иудеям, как дан им закон об обрезании, вовсе не относящийся к христианам. Христиане, достигшие зрелости в вере, в состоянии различать, что может быть изображаемо и что выше всякого изображения. Конечно, по Ветхому Завету, Бог, как бестелесный, неизобразим ни в каком образе. «Но теперь, когда Бог явился во плоти и жил на земле с людьми, представляю я Его в образе по Его явлению. Я не поклоняюсь веществу, но Тому, Кто для меня почтил вещество, чтобы жить в нем, и совершил спасение мое... Если дозволяют чтить изображения Христа и Марии и никакие другие, то вооружаются уже не против икон, а против святых. Ты не признаешь того достоинства, которое даровал человеческой природе Сын Божий, возведя ее до общения с Божеством. Во время Ветхого Завета ни один храм не назывался именем человека; смерть праведников была оплакиваема, а не празднуема; прикосновение к мертвецу считали нечистотою. Совсем другое теперь, когда человеческая природа являет в ней Сына Божия и страданием Его освобождена от преобладания смерти и возведена до усыновления Богу, до участия в жизни Божией. Отчего не хотят почитать святые иконы, тогда как чтут Голгофу, камень Гроба Господня, книгу святого Евангелия, Крест Христов? Если допускают последнее, несмотря на запрещение кумиров, то должны допустить и первое, так как в сущности нет никакой разности между тем и другим». Наконец, приводятся свидетельства древних отцов Церкви о почитании святых икон. В заключении Слова Иоанн обращается к императору с таким увещанием: «Много священников и царей доньше даровано было от Бога христианам, славных мудростью и богочестием, словом и жизнью; весьма много было и соборов святых и богодухновенных отцов. Отчего же никто из них не решился сделать ничего такого? Не попустим проповедовать новую веру. Не позволим внешним обращать веру нашу в предмет смеха и глумления. Умоляем народ Божий, язык святой, держаться церковных преданий. Отменение преданий, хотя бы то и понемногу, подобно изъятию камней из здания, удобно приведет все здание к разрушению. Да пребываем тверды, непоколебимы и недвижимы, утверждаясь на незыблемом Камени, который есть Христос».

Прп. Иоанн Дамаскин.

Икона. Византия. XIV в. Скит св. Анны. Афон

В 730 году Лев Исавр издал новый указ, которым повелевалось истреблять все священные изображения в храмах и частных домах. Началось святотатственное низвержение икон, сожжение их и истребление. Пораженные ужасом, почитатели святых икон ревностно их отстаивали и защищали и за то подверглись преследованию: их изгоняли, предавали пыткам, морили голодом, влачили по улицам, жестоко били и мучили. Многие православные за твердость в защите икон приняли мученический венец. В это тяжкое для православных время, когда девяностолетний старец св. Герман был низложен с патриаршей кафедры и после побоев сослан в заточение и на первосвятительском престоле Константинополя воссел Анастасий, единомышленник Льва, св. Иоанн Дамаскин был главною поддержкой православных. Как громогласная труба, вновь раздался в христианском мире его голос в защиту святых икон: в двух новых, одно за другим написанных Словах он еще яснее и подробнее раскрывает основания чествования святых икон, еще очевиднее показывает ложность оснований учения иконоборцев, еще сильнее опровергает их лжеумствование и возражения. Во втором Слове св. Иоанн, опровергая мнения иконоборцев, которые они усиливались основать на Священном Писании, советует им вникать в дух Писания, узнавать истинный смысл его, а не останавливаться на букве; называет их врагами Христа Спасителя, Пречистой Его Матери и святых и сообщниками виновника всякого зла, ибо икона, говорит он, есть знак торжества, памятник победы благоугодивших Богу и посрамления побежденных и низложенных ими демонов. Чествование изображений

святых мужей он поставляет в неразрывную связь с чествованием изображений Иисуса Христа и Божией Матери и особенно развивает мысль, что запрещения земных властителей, если они требуют от нас чего-либо несогласного с волею Божиею, не должно выполнять, а указ императора против святых икон именно таков.

Третье Слово по содержанию сходно с первыми двумя, но в нем св. Иоанн приводит новые основания чествования святых икон, указывает, например, на лежащую в самом существе человеческой природы потребность изображений Бога и святых; полнее говорит об иконах, их происхождении, видах и о поклонении, какое им прилично, и особенно подробно излагает учение отцов и учителей прежних веков об иконопочитании. Господь назвал учеников Своих, говорит в этом Слове святой отец, блаженными за то, что их глаза видели и их уши слышали Его. И мы желаем благословения за то, что видим и слышим. Из книг мы слышим слова Его и чтим эти слова; точно так через иконы мы освящаемся мыслями о Его телесном виде, Его чудесах, Его страданиях. Мы, двойные по природе, состоим из духа и тела; доходим до духовного через чувственное, чувственным ухом слышим слова, через телесное зрение доходим до духовного... Икона – стекло, нужное для грубого нашего состава... Ум, сколько бы ни старался, не может выйти из круга телесного. «Знаю, что Тот, Кто никогда не лжет, сказал: *Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу* (Исх. 20:4), – и посему поклоняюсь единому Богу и Ему одному воздаю поклонение богослужебное. Не обожаю тварь, но Творца, ради меня сделавшегося тварью по моему подобию, и поклоняюсь телу Его, как порфире, облекшей великого Царя; дерзаю изображать Бога невидимого в той мере, как Он Сам сделался нам видимым. Но Господь сказал Моисею: *не сотвори себе кумира* (Исх. 20:4). Внемли же, как изъясняет сие сам Моисей во Второзаконии: «Господь глаголаше нам из среды огня, вы же не видели никакого образа, а только слышали глас Его для того, чтобы, взирая на небо и видя солнце, луну и звезды, вы не обольстились и не стали служить им» (ср. Втор. 4:12). Видите ли, что намерением Его было отвлечь от поклонения твари вместо Творца и заповедь сия была для евреев, склоненных к идолослужению. Нам же, которым благодатию Божиею дано лучше разуметь естество Божие и которые уже перешли из младенчества Ветхого Завета, нам известно, что можно и чего нельзя изображать иконами. Можно ли сделать изображение не имеющего ни образа, ни пределов или выразить красками Бесплотного? Но с тех пор, как воплотился Господь, можем изображать Его в подобии человеческого и живописать красками так же, как и словами, рождение Его от Девы, и крещение в Иордане, и преображение на Фаворе, святые страсти Его, ради нас подъятые, распятие, и погребение, и воскресение, и вознесение.

Двойное бывает поклонение: одно, как богослужебное, воздаем мы Единому по существу Своему достойному Богу со страхом рабским или сыновним, с выражением удивления нашего и любви, в благодарность за дарованные нам блага или с внутренним сознанием нашей нищеты, испрашивая себе что-либо сходно с нуждой каждого, или исповедуя грехи свои с чувством раскаяния. Другое же, совсем иное поклонение есть то, какое мы воздаем твари ради Творца – Пречистой Деве, бывшей храмом воплощенного Бога, и святым, в коих почивает Господь. Мы поклоняемся им не как богам, но как верным служителям, прославленным от Господа, которые имеют дерзновение к Нему и о нас ходатайствуют. Так, приходившие ко Христу через апостолов получали исцеление, и даже тень, платки и полотенца апостолов источали исцеления. Мы поклоняемся и вещам, через которые совершил Бог спасение наше; таковы суть вифлеемские ясли и вертеп, святая Голгофа, древо Креста, гвозди, губка, трость, копие, хитон, пелены и плащаница, Святой Гроб – источник нашего воскресения, камень Гроба, святая гора Сион, также гора Елеонская, сад Гефсиманский. Поклоняюсь им, как и всякому храму Божиему, не потому, чтобы сии предметы сами по себе были того достойны, но поелику служили орудием силы и славы Божией. Не один ли Бог есть законодатель всяческих? Зачем же будет предписывать заповеди, противоречащие одна другой? Зачем повелевает Моисею все устроить

по образцу, виденному им на горе, и вылить золотых херувимов над кивотом и выткать их на скинии? Итак, вся сия святыня, дело рук человеческих, есть нечто недостойное Господа? Но каким же образом скиния и все, что она в себе заключала, была, по выражению апостола, образом будущих благ (см. Евр. 9:11)? Неужели один и тот же закон и запрещает, и повелевает делать образы? Или отвергни всякое поклонение, всякий образ внешний, всякое уважение святыни, или сознайся, что можно почитать образы Бога воплощенного и Его угодников и воздавать подобающее святыне. После этого св. Иоанн снова возвышает голос перед императором и открыто и смело говорит ему, что благочестивые властители не дерзают нарушать преданий отеческих и обрядов церковных, ибо не они, а Соборы судят подобные предметы и не им, а апостолам Своим и их преемникам Господь Иисус Христос вручил власть вязать и решать (см. Мф. 16:19; 18:18; Ин. 20:23). «Мы повинемся тебе, государь, во всем, что только касается гражданской жизни, но в делах духовных следуем слову наших пастырей». В заключение Слова св. Иоанн говорит: «Итак, будем поклоняться иконам, принося поклонение не веществу, но изображаемому на нем, ибо чествование, воздаваемое образу, восходит к первообразу, как говорит божественный Василий».

Слова св. Иоанна в защиту икон³⁷⁹ произвели необычайное действие на христиан. Из Константинополя, куда они были первоначально посланы, быстро распространялись они повсюду в большом количестве списков. Везде жадно читали их и умудрялись, узнавая разумные основания чествования святых икон; немощные и слабые в вере были таким образом поддерживаемы, твердые и сильные еще более укреплялись и одушевлялись вплоть до готовности пострадать и умереть за честь святых икон.

Жаждой мщения закипел Лев Исавр против св. Иоанна, когда узнал о его сочинениях в защиту икон, о влиянии, какое они производили на народ, о том сильном обличении его неправды, какое в них содержалось.

Но, не имея возможности действовать против обличителя силой своей власти, так как он находился в чужих владениях, император прибег к хитрости и клевете. Велел почерком, похожим на почерк Иоанна, написать к себе от его имени послание, в котором тот умоляет императора спасти Дамаск и единоверных жителей от власти сарацин и обещает передать город в руки греков. Послание это император отправил в Дамаск к халифу [Валиду] вместе с собственным письмом, в коем уверял властителя Востока в своей приязни к нему и утверждал, что не хочет воспользоваться изменой. В порыве гнева халиф не принял оправданий своего сановника и отдал повеление немедленно отсечь мнимому преступнику правую руку, которой будто бы было написано изменническое письмо, и повесить ее на торжище. Повеление халифа тотчас было исполнено: рука отсечена и повешена на позорном столбе на торжище. Вечером, зная, что уже прошел первый гнев халифа, Иоанн послал просить у него отсеченную руку для погребения.

Халиф удовлетворил его просьбу. Получив свою руку, Иоанн приложил ее к мышце, повергся пред иконой Божией Матери и со слезами молил Царицу Небесную оправдать поруганную правду – исцелить его руку, чтобы снова могла она подвизаться на благо святой веры. Услышала Заступница пламенную мольбу невинного страдальца. После молитвы в изнеможении от страданий Иоанн заснул, и вот в сонном видении предстала ему Мать Божия, исцеляющая его руку. Пробудившись, Иоанн увидел, что правая рука его цела и совершенно здорова, будто бы никогда не была отсечена. В восторге благодарного сердца Иоанн снова пал пред иконой Богоматери и воспел торжественную песнь: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь». Халиф, узнав о чудесном исцелении отсеченной руки Иоанна, уверился, что он оклеветан невинно, просил у него прощения и хотел возратить ему прежнюю должность при дворе, но Иоанн более не желал служить земному царю. Испытав на деле треволнения при-

³⁷⁹ Речь идет о сочинении «Защитительные слова против порицающих святые иконы». – *Примеч. ред.*

дворной жизни, познав суету и ничтожность земного величия и с давних пор чувствуя влечение к совершеннейшей жизни в подвижничестве, он просил халифа отпустить его от себя с миром и, получив его согласие, удалился вместе с нареченным братом Космою в лавру св. Саввы.

За пятьдесят лет было Иоанну Дамаскину, когда он вступил на путь подвижничества. Несмотря на старость, он принял на себя трудные подвиги иноческой жизни, с самоотвержением нес их еще пятьдесят лет и явил себя великим подвижником. К аскетическим трудам он присоединил еще и подвиг слова, подвиг писания сочинений и ученых трудов на пользу Церкви и во благо христиан.

Поистине необычайное рвение к подвижничеству явил преподобный Иоанн с самого начала своей иноческой жизни. Первый сановник халифа, видевший блеск и величие при дворе, муж, выказавший пламенную ревность по вере, славный образованием и ученостью, он смиренно припал к стопам настоятеля лавры, умоляя принять его, как заблудшую овцу, в стадо избранных братий. С полной готовностью подчинился Иоанн уставу обители, по которому он, как новоназначенный, должен был подвергнуться испытанию, поступить под руководство опытного в духовной жизни старца. Почти все старцы отказались иметь у себя в послушании ученика и мудрого вельможу; нашелся только один старец, простой нравом, строгий по жизни, но разумный, который согласился руководить его в духовной жизни. Иоанн поступил к старцу в келью и сделался его учеником. Старец предписал новому ученику своему ничего не делать по своей воле; непрестанно пребывать в молитве, оплакивая прежде содеянные грехи; упражняться в телесных трудах; забыть о мире; изгонять из души всякий образ мирских предметов; ум хранить от надмения и гордости; не думать о своей мудрости и знании, какими он обладает; не считать себя совершенным; не желать тайных видений и откровений; бдеть над своими помыслами, не попуская, чтобы они рассеялись, но собирать их воедино. Строгость своих требований старец простер до того, что запретил ему говорить с другими и писать и заповедал пребывать в непрестанном молчании, ибо, говорил он, не только наши богомудрые мужи научают молчанию, но и Пифагор предписывал его своим ученикам. «Не думай, – присовокупил еще старец, – что хорошо говорить хорошее и безвременно. Послушай, что внушает пророк Давид: *Я был, говорит он, нем и безгласен, и молчал даже о добром* (Пс. 38:3). Какая ему от этого была польза? *Воспламенилось сердце мое во мне* (Пс. 38:4) огнем божественной любви, возжегшимся в пророке от Бога». Вот какое правило жизни дал старец Иоанну! И стал он жить при старце и начал со всею ревностью подвизаться о Господе, во всей точности исполняя строгую заповедь своего аввы. Пост, молитва, бдение над своими помыслами, самособранность духа, всецелое устремление ума к Богу, богомыслие и размышление о высочайших совершенствах Божиих и о путях Промысла, особенно в домостроительстве спасения человеческого, чтение книг, прислуживание старцу, плетение корзин – вот труды, которым предавался Иоанн как подвижник. Во всем и на все испрашивая у старца благословение, он совершенно отрекся от своей воли и явил полное послушание и самоотвержение. Бдительно смотрел старец за своим учеником. Не довольствуясь обычными, вседневными его трудами, он испытывал смирение Иоанна особенно, более чувствительным для его самолюбия образом. Раз наплетено было у них много корзин. Старец, собрав все корзины, послал Иоанна продать их в Дамаск. «Там, – слышал я, – корзины дороже продаются, чем здесь», – прибавил он и назначил за них высокую цену, приказав дешевле не продавать. Не прекословя и без ропота взвалил Иоанн корзины на плечи и пошел в родной город.

Там все, узнававшие в смиренном иноке прежнего сановника, видевшие его в блеске мирского величия, дивились его смирению и вольному обнищанию. Но на торжище послышались глумление и насмешки, когда услышали неслыханную цену, какую требовал за корзины Иоанн. Долго ходил он по торжищу, терпеливо перенося укоризны и насмешки. Наконец один из бывших рабов Иоанна, узнав в иноке, одетом в убогое платье, своего господина и притворившись, будто не знает его, взял у него корзины и заплатил за них требуемую цену,

чтобы только избавить его от унижительного послушания. Еще более послушания, терпения и самоотвержения показал Иоанн в другом случае. Был в лавре инок, у которого умер родной брат. Горько он оплакивал свою потерю. Сочувствуя скорби инока, напрасно старался утешить его Иоанн: инок продолжал тосковать и плакать. Он просил Иоанна сложить какую-нибудь духовную песнь, надеясь пением ее успокоить свою душу. Иоанн отказался, ссылаясь на строгий запрет старца писать. Скорбящий снова и неотступно умолял его, представляя ему, что он сделает доброе дело, облегчит неисцелимую скорбь по брату. Иоанн, наконец, тронулся, проникнутый чувством сострадания и жалости, и из вдохновенного сердца его вылились те умирительные песни, которые и до сих пор поются при погребении усопших: «Кая житейская сладость... Плачу и рыдаю... Чловецы, что всеу мятемся...» Старца не было в келье. Растроганным голосом Иоанн сам стал петь свои умирительные стихи. Как раз в это время старец возвращался в келью и был чрезвычайно поражен, услышав там пение. Войдя в келью и увидев, что это Иоанн пел, он сильно на него разгневался, укорял и бранил его и наконец совсем прогнал его от себя. Напрасно Иоанн, стоя на коленях, оправдывался перед старцем, со слезами просил у него прощения – тот был неумолим. Изгнанный из кельи, вспомнил Иоанн изгнание Адама из рая, стал перед кельей и долго плакал, не зная, что делать. Он обратился к отцам наиболее уважаемым и просил их ходатайства перед своим наставником. Долго отцы просили разгневанного старца простить своего ученика и едва склонили его назначить Иоанну епитимию. Но епитимию старец наложил столь тяжкую, что сами отцы стыдились ее. Старец прощал Иоанна и принимал его в свою келью при условии, если тот вычистит все нечистые места лавры. С покорностью Иоанн поспешил исполнить наложенную на него епитимию: взяв в руки лопату и необходимые сосуды, принялся за тяжелый труд. Тронулся старец, увидев глубокую покорность и смирение своего ученика, тотчас же остановил его, нежно обнял, облобызал его голову, плечи, руки и в сердечной радости со слезами восклицал: «О сын мой, сын блаженного послушания! Какого страдальца о Христе породил я! Твое послушание окончилось; ты совершил свой подвиг». С этими словами он взял Иоанна за руку и ввел его в свою келью.

Немного спустя после этого явилась старцу в сонном видении Божия Матерь и повелела разрешить Иоанна от уз молчания, на него наложенных. С радостью объявил старец Иоанну о небесном извещении и сказал ему: «Отныне, сын послушания Христова, отверзи уста свои, возьми десятиструнный псалтирь Давида, взойди на высокий Синай боговидения и откровения тайн божественных и проповедай божественные догматы, благовествуя Иерусалиму, то есть Святой Церкви.

Меня же прости, молю тебя; по неведению я был для тебя препятствием в излипании твоих возвышенных мыслей и чувств». С этого времени св. Иоанн свободно и беспрепятственно стал писать; начал, по сказанию его жизнеописателя, свои божественные песнопения, воспел медоточивые песни, которые столь услаждают Церковь и донныне. С благословения своего старца он получил теперь и особую келью.

Патриарх Иерусалимский Иоанн, зная высокие качества ума и сердца св. Иоанна Дамаскина и нареченного брата его св. Космы, вызвал подвижников в Святой город и посвятил Иоанна в пресвитера храма Св. Воскресения, а Косме вверил епископскую кафедру в Маюме³⁸⁰. Для благочестивой ревности и деятельности Иоанна открылось теперь более обширное поприще. Ему поручено было возвешение с кафедры слова Божия и назидание верующих; и вот под сводами обширного храма Воскресения раздалось исполненное силы его слово. В беседах своих Иоанн чаще всего говорил о преблагословенной Матери Господа, заступнице рода христианского, с особенным усердием и любовью возвещая Ее славу. «Что сладостнее Матери Божией? – говорит он в третьем Слове на Успение Пресвятой Богородицы. – Она пленила мой ум, овладела языком; об Ней помышляю день и ночь. Она, Матерь Слова, руководит

³⁸⁰ Св. Косма Маюмский – творец церковных канонов. Память его 12 октября.

словом моим». Кроме того, патриарх сделал св. Иоанна своим советником и помощником по управлению Иерусалимской церковью: он любил и глубоко уважал мудрого Иоанна.

Как долго пробыл в Иерусалиме Иоанн Дамаскин, определенно не известно. По смерти патриарха, последовавшей в 735 году, Иоанн возвратился в лавру и снова поселился в своей келье, с которой он уже так сроднился, уединение и тишина которой ему были столь любезны и дороги. Здесь он находил совершеннейшее успокоение для своей души, порывавшейся в мир горний. Здесь, освободившись от впечатлений мира внешнего, он углублялся в свой внутренний мир, и дух его всеми помыслами устремлялся к Богу, источнику света и блаженства. «Когда, затворив все чувства, – говорит св. Иоанн в одном месте своих творений, – обращаемся только с самими собой и с Богом и, будучи свободны от впечатлений внешнего мира, заключаемся внутри себя, тогда ясно созерцаем Царство Божие в нас самих, ибо Царство небесное – *царство Божие внутри нас*, как сказал Сам Христос (Лк. 17:21)». Здесь же, в тиши уединения и безмолвия, не ослабляя иноческих подвигов поста, молитвы, терпения и самоотвержения, он с прежнею ревностью продолжал употреблять во благо Христовой Церкви вверенный ему талант слова – и одно за другим являлись дивные его творения.

Косма, и разлучившись с Иоанном, не прерывал общения с нареченным своим братом, но из Маюмы вел с ним переписку о предметах христианского ведения. Он просил Иоанна написать сочинение о догматах христианской Церкви, раскрыть и изложить их последовательно. Иоанн согласился на этот труд, но не вдруг за него принялся. Он страшился величия и высоты предмета и недостаточности своих познаний; он сознавал, что для рассуждения и слова о Боге, высочайшем и совершеннейшем Существо, требуется чистота сердца и непорочная жизнь. «О сем помышляя, – писал он своему другу, – медлил я словом, боялся приняться за повеленное. Но плод неповиновения – смерть. А смиренный и послушный, сделавшись подражателем Христу до конца, восходит на высоту, получает от Бога просвещающую благодать и, отверзая уста, исполняется Духа, очищается в сердце, просвещается в мысли и приемлет слово во отвержении уст, не заботясь о том, что будет говорить, ибо делается орудием глаголющего в нем Духа. Посему и я, повинувшись священно-начальствующему в вас и через вас Христу, покоряясь повелению, отверзаю уста свои, уповаю, что, по вашим молитвам, они наполнятся Духа, и я возглаголю словеса, не плод моей мысли, но плод Духа, умудряющего слепых, приемля и возвещая, что Он даст». Наконец, после достаточного приготовления, после усердной молитвы о помощи свыше, св. Иоанн с глубоким смирением приступил к великому труду и совершил его. Явилось сочинение «Точное изложение православной веры» в четырех книгах. Это первый опыт системы догматического богословия. В нем излагаются все главные догматы веры, но особенно пространно раскрываются те предметы, о которых спорили с IV века: это учение о божестве Иисуса Христа и Святого Духа и учение о двух естествах и двух волях во Христе. В своем богословии св. Иоанн о возвышенных предметах откровения рассуждает на основании слова Божия, учения святых отцов и по соображениям разума; в последнем случае он пользуется психологическими сведениями и наблюдениями над природой. Система богословия есть важнейший и главнейший из трудов Иоанна Дамаскина. Но он не ограничился одним изложением догматов веры, а присоединил к этому труду еще «Диалектику» и книгу «О ересях».

В диалектике заключается логика и физика – выбор лучшего из творений философа Аристотеля и других ученых. Логику Иоанн присоединил к богословию потому, что она, по его словам, есть орудие для богословия, так же как и для философии, и помогает излагать предметы отчетливо и в связи³⁸¹.

³⁸¹ Написал св. Иоанн еще несколько сочинений догматического и нравственного содержания: «Священные параллели» (род богословского словаря, в котором сравниваются изречения Священного Писания о предметах веры и нравственности и изречения святых отцов Церкви), «Об образе Божиим в человеке», «О Святой Троице», «О природе человека» и др.

Св. Иоанн, бдительный страж и защитник чистоты православного учения, и из своего уединения возвышал сильный голос свой против врагов истины, вел борьбу письменным словом с различными заблуждениями и ересями. Против несториан он написал рассуждение о ипостасном соединении в Иисусе Христе естеств Божеского и человеческого; против монофелитов, для вразумления их и ограждения от их лжеучения православных, – о двух волях в Христе. Настоятель лавры св. Евфимия Анастасий песнь «Трисвятное» относил к второму Лицу Святой Троицы и перед словами «помилуй нас» прибавлял: «распныйся за ны». Против неразумного приверженца монофизитского лжеучения защитник святой веры в послании к архимандриту Иордану раскрыл истинный смысл этого древнего песнопения. С особенною силой св. Иоанн вооружился против манихеев. Эти еретики в VIII веке чрезвычайно усилились; они добились доступа ко двору халифа, происками и лестью заслужили его благоволение и настроили его против Православной Церкви. На православных воздвигнуто было в Сирии жестокое гонение. Петру, епископу Дамасскому, отрезали язык и сослали в заточение за то, что он писал против магометан и манихеев. Для обличения еретиков и отражения их происков и зловредных действий против Православной Церкви Иоанн Дамаскин написал «Разговор православного с манихеем», сочинение, в котором ясно и подробно раскрыл все нелепости манихейства.

Св. Иоанн трудился в то же время и для благоустройства христианского богослужения; он написал богослужебные каноны, составил Октоих, пересматривал и привел в порядок устав и месецеслов.

Канон на языке богослужебном есть состоящее из девяти частей песнопение во славу Бога и святых Его, выражающее радость о Боге, благоговение пред Ним, упование на Него, благодарность, прошение о милости и дарах, потребных человеку, и пр. Первый стих каждой песни канона называется ирмосом (по-русски связию); следующие за ним по образцу его составленные стихи называются тропарями. Первый опыт канона представил св. Герман, патриарх Константинопольский, написавший несколько канонов, но из них только два вошли в употребление при богослужении: канон отцам шести Вселенских Соборов и канон в честь и славу Нерукотворенного образа. Св. Андрей, архиепископ Критский³⁸², написал известный Великий канон. Иоанн Дамаскин продолжил составление канонов. «Ты воспел в песнях, – обращается Святая Церковь к самому св. Иоанну в каноне на день его памяти, – чины святых, чистую Богородицу, Христова Предтечу, также апостолов и пророков, вместе с подвижниками мудрых учителей, праведников и мучеников».

Особенно замечательны его каноны на Святую Пасху, на Рождество Христово «Спасе люди», на Богоявление Господне «Шествует морскою», на Вознесение «Спасителю Богу».

Октоих, или восьмигласник, составил св. Иоанн при участии Космы Маюмского. Это книга, содержащая в себе службы на воскресные дни; в состав служб входят стихиры, тропарь и кондак, антифоны, канон и другие священные песнопения. Воскресных служб восемь, по числу напевов или гласов, по которым при отправлении их совершается пение песней. Напевы эти, или гласы, введены в употребление самим Иоанном. Зная обстоятельно музыку, хорошо понимая свойства и законы звуков, он образовал восемь мелодий или напевов, по которым и составил воскресные службы, сообщив каждой известный напев.

³⁸² Св. Андрей, архиепископ Критский, жил в VIII в. Память его 4 июля.

Преподобные Иоанн Дамаскин и Косма.

Миниатюра из Миналогия Василия II. Ватиканская библиотека. Рим

В содержании песней Октоиха господствует догматическая сторона; этой последней особенностью отличаются вечерние песни Божией Матери, которые называются догматиками (например, «Всемирную славу...», «Прейде сень законная...»).

Октоих и большая часть канонов Иоанна Дамаскина еще при его жизни стали входить в употребление при богослужении, и это не только в церквах греческих, но и в сирийских, халдейских и месопотамских, а также у несториан и монофизитов. Октоих скоро сделался известен и на Западе. Карл Великий велел перевести из него на латинский язык антифоны и распространить их для пения по всем церквам.

Со введением в церковное употребление Октоиха Иоанна Дамаскина, естественно, должна была произойти перемена в богослужебном уставе. Устав Саввы Освященного, называемый Иерусалимским, в отличие от устава Студийского, получил теперь окончательный вид. Симеон Солунский справедливо говорит, что св. Савва и св. Иоанн Дамаскин считаются по преимуществу составителями Иерусалимского устава.

Обратил св. Иоанн заботливое внимание и на месяцеслов. Одно общего месяцеслова, которого бы держались Церкви и верующие повсюду, тогда не было. Частные церкви имели свои святцы и сами устанавливали у себя те или другие праздники, особенно для своих местных святых, мучеников и преподобных. Желая установить в этом случае единообразие, св. Иоанн собрал различные месяцесловы, сличил их и привел в порядок. Таким образом явился месяцеслов новый, который и был им приложен к Уставу.

Мирно жил и подвизался в лавре св. Саввы преподобный Иоанн. Но обстоятельства принудили его оставить свое любимое уединение и предпринять далекий путь. Преемник императора Льва Исавра, его сын Константин Копроним³⁸³, продолжил гонение на святые иконы и еще с большею жестокостью преследовал почитателей священных изображений. К величайшему несчастью, нашлись и теперь епископы, разделявшие заблуждение императора относи-

³⁸³ Правил в 741–775 гг.

тельно иконопочитания. Св. Иоанн, ревнитель чистоты православного учения, не мог равнодушно слышать о бедственном состоянии православных, о насилии и жестокостях, каким они подвергались. Он отправился в Константинополь, явился к императору и смело и сильно обличил его в нечестии, от которого страдала Христова Церковь; обличил и единомысленных с ним епископов, назвав их низкими человекоугодниками. Как ни злобился император на дерзновенного обличителя, но на этот раз оставил его в покое. Зато когда Копроним в 754 году созвал в Константинополе нечестивое сборище³⁸⁴, на котором было осуждено иконопочитание, император сам провозгласил с церковного амвона анафему ревностному защитнику святых икон: «Бесчестному мансуру и сарацину – анафема!» Иоанн снова стал действовать письменно против иконоборцев и в защиту святых икон, снова явились и распространились по христианскому миру его обличения иконоборческой ереси; отправлено было и самому императору сильное обличительное послание. Злобный Копроним не оставил главного своего противника без отмщения: есть предание, что св. Иоанн Дамаскин страдал за святые иконы, быв заключен по распоряжению императора в темницу. Как долго св. Иоанн находился в темнице и когда это было, неизвестно.

Иоанн Дамаскин имел достойных учеников, коих он руководил на пути духовной жизни. Первым и ближайшим к нему учеником был родной племянник его, **преподобный Стефан Савваит**. Десяти лет Стефан прибыл к великому дяде своему в то время, когда он находился в Иерусалиме. Переселившись с ним в лавру, Стефан жил при св. Иоанне пятнадцать лет, положил под руководством его начало подвижнической жизни и по кончине причислен к лику святых³⁸⁵. Из других учеников св. Иоанна известны **Феодор Абукара**³⁸⁶ и **Иоанн, епископ Лаодикий Сирской**. Эти ученики сохранили некоторые мысли и рассуждения великого отца, записанные ими со слов его во время бесед с ним.

Так жил и подвизался св. Иоанн Дамаскин в Великой лавре Саввы Освященного. Он достиг глубокой старости и мирно отошел ко Господу, имея от роду около ста лет. Кончину его полагают около 777 года. Погребен был он в лавре подле раки св. Саввы. В XII столетии русский паломник игумен Даниил видел здесь нетленные мощи св. Иоанна и поклонился им. В следующем веке мощи его были перенесены в Константинополь.

Церковь, внесши Иоанна в число святых и установив совершать память его 4 декабря, в своих песнопениях прославляет его, как учителя благочестия и чистоты, наставника Православия, вселенной светильника, монашествующих богодухновенное удобрение, цевницу³⁸⁷ духовную и убажывает особенно за то, что он, возгоревшись ревностью, своими писаниями уничтожил все зло богоборных ересей, ясным сделал для всех все, что написали прежде мудрые, учением своим и правыми догматами низложил хульное нечестие последователей Манеса, обличил Несториево разделение, Севирово слияние и единовольное безумие³⁸⁸. За необычайную силу и сладость слова, подобно потоку льющегося в его вдохновенных песнопениях и улаждающего сердца верующих, ему по всему праву дали высокое имя «Златая струя», «Златоструйный». «Иоанн [Дамаскин] справедливо назван златою струей, – говорит св. Феофан Исповедник в своем “Хронографе”, – по обилию в нем благодати Святого Духа, текущей в словах его и жизни»³⁸⁹. Называли Дамаскина еще «устами и истолкователем всех богословов» за то, что он в изложении православной веры постоянно говорит словами отцов Церкви, особенно Васи-

³⁸⁴ Имеется в виду иконоборческий собор 754 г., на котором не присутствовали ни представители папы Римского, ни восточные патриархи. – *Примеч. ред.*

³⁸⁵ Память прп. Стефана 13 июля.

³⁸⁶ Феодор был впоследствии епископом Харранским в Месопотамии и писал сочинения против несториан, манихеев и магометан. Он скончался в 785 г.

³⁸⁷ Цевница – старинный духовой музыкальный инструмент; многоствольная флейта, свирель. – *Примеч. ред.*

³⁸⁸ Тропарь и канон в службе на память св. Иоанна 4 декабря.

³⁸⁹ Св. Феофан Сигрианский, участник VII Вселенского Собора; родился около 760 г., умер в 818 г.

лия Великого, Григория Богослова, Афанасия Великого, Григория Нисского, творения коих он глубоко изучил и понимал³⁹⁰. «Изложение православной веры» послужило образцом, которому стали следовать богословы восточные и западные, особенно в Средние века³⁹¹.

Преподобный Михаил Черноризец (память 23 мая) жил в IX веке. Он родился в Месопотамском городе Эдессе от благородных христианских родителей и воспитан был в благочестии и страхе Божиим. Достигнув совершенного возраста, Михаил по внутреннему влечению решил посвятить себя подвижнической жизни. Зная, что родственник его Феодор³⁹² давно уже подвизается в Палестине в лавре преподобного Саввы Освященного, юноша отправился в Святую Землю. Прибыв в Иерусалим и поклонившись святым местам, он поспешил в Великую лавру, где, принятый родственником своим, поселился и сделался его учеником. Со всею ревностью Михаил стал подвизаться о Господе, подражая св. Феодору во всем: в посте и молитве, в чтении слова Божия и духовных размышлениях. Мирно текла жизнь юного инока под руководством св. Феодора, великого подвижника. Михаил преуспевал в духовной жизни и нравственных совершенствах. Но не суждено было ему совершить иноческого подвига в мирной обители; Богу угодно было указать ему другой подвиг – мученичества.

Михаил умел искусно плести корзины, делать сосуды и другие вещи. Рукоделье свое по распоряжению аввы Феодора он носил продавать в Иерусалим; вырученные за него деньги Феодор отдавал настоятелю, чтобы не даром оба они получали от обители содержание. В то время Палестина находилась под властью мусульманских государей – халифов, живших в Багдаде; некоторые халифы отличались образованием и любили склонять христиан к магометанству, для чего, посещая важнейшие места своего государства, вступали с ними в беседы о вере. Таков был в IX веке халиф Адрамелех. Когда один раз инок Михаил прибыл по обыкновению в Иерусалим для продажи своих изделий, в это время в Святом городе находился халиф Адрамелех с женой своей Сеидой. Увидев на торгу прекрасные корзины и другие вещи, которые продавал Михаил, евнух Сеиды позвал его к ней, говоря, что изделия его понравятся царице и он получит за них хорошую плату. Михаил явился к Сеиде. Молодой инок, высокий, стройный, красивый лицом, с небольшою бородкой, понравился ей; был только он от поста бледен и худ. В сладострастной мусульманке родилось нечистое пожелание. И вот она ласково стала говорить с иноком.

– Кто ты и откуда? – спросила она Михаила.

– Я убогий монах из лавры св. Саввы, – отвечал инок.

– Жалею о тебе, – как будто с участием продолжала Сеида, – как ты худ и бледен! Хочу сделать тебе доброе дело: если ты раб чей, освобожу тебя; если чем болен ты, вылечу; если беден, обогашу.

Понял Михаил лстивые слова Сеиды, уразумев ее злой умысел, и обратился умом к Богу, всем сердцем возопив к Нему о помощи и избавлении от угрожающей опасности.

– Юноша, юноша! – заговорила снова царица, видя, что Михаил ничего не отвечает на ее слова. – Если сделаешься мне другом, то насладишься всеми возможными благами жизни; ты будешь господином и повелителем: тебе будут служить, перед тобой станут раболепствовать.

На это твердый духом инок отвечал:

– Люблю Владыку моего Христа, возлюбившего меня и за меня предавшего душу Свою. Его и желаю любить ненасытимо; друзья у меня – небесные чины Ангелов и лики святых,

³⁹⁰ Так писал Макарий Анкирский.

³⁹¹ В начале X в. «Изложение православной веры» св. Иоанна Дамаскина было переведено на церковнославянский язык.

³⁹² Это славный между отцами Церкви св. Феодор, епископ Эдесский, писатель нравоучительного творения «Сто деятельных глав». Память его 9 июля.

поживших на земле добродетельно. Твоим другом быть не хочу; общение с тобой иметь отказываюсь.

Сеида разгневалась и начала говорить уже грозно: – Если не исполнишь моей воли, подвергну тебя мукам, раздроблю твое тело.

– Я тшусь творить волю Господа моего, – сказал на это Михаил, – твоей же воли никак не послушаю и не исполню. Если же ты подвергнешь меня мукам, этим доставишь только благо душе моей. Верно знай, что никакими прелестями и обещаниями, ни страхом и угрозами не преклонишь меня к исполнению твоего бесстыдного похотения.

– Окаянный монах! – громко и порывисто сказала Сеида. – Чего ты лишаешься? Какое благо теряешь? И почему не хочешь исполнить моего желания?

Смотри: не красива ли я? Не любезна ли?

– Не только не красива, – отвечал смело инок, – но и безобразна и мерзка; не любви, а презрения и ненависти ты достойна!

Ярость овладела Сеидой. Она велела вывести инока на двор, растянуть на земле и бить палицами без милости и пощады. Долго били и мучили Михаила. Наконец Сеида приказала измученного инока связать и послала его к мужу с запиской такого содержания: «Скверный сей монах осмелился поносить меня непотребными словами. Если оставишь его в живых, то более не увидишь меня на свете».

Прочитав записку Сеиды, халиф решился исполнить ее желание: он не мог опечалить жену свою, которую любил. Он пожелал видеть инока и велел его к себе представить. Явившись к Адрамелеху, Михаил не поклонился ему, но стоял прямо. Гнев выразился на лице халифа.

– Горделивый монах! – сказал он иноку. – Что будешь отвечать о деле, на которое дерзнул ты? Думаю, что ты безответен.

На эти слова Михаил спокойно отвечал:

– Царю надлежит иметь преимущественно три добродетели: страх Божий, правосудие и милостивое снисхождение к преступникам.

Ответ инока понравился Адрамелеху. Гнев его смягчился; он приказал снять с Михаила оковы и ласково спросил его, откуда он. Михаил отвечал, что он родом из Эдессы, а теперь инок монастыря преподобного Саввы. Когда же халиф указал ему на его преступление, он сказал:

– На мне сбылась притча: некто случайно встретил змея, называемого василиском, который убивает людей одним своим взором. Стараясь от него убежать, он попал ко льву. Однако ему полезнее и желательнее было соседство со львом, чем с ядовитым василиском.

Поняв смысл притчи, халиф полюбил инока частью за красоту его, частью за ум и захотел обратить его в магометанство. Взяв себе в помощники раввина, еврейского законоучителя, он вступил с иноком в беседу о вере.

– Жалею о тебе, молодой человек, – начал халиф, – щажу твою молодость и, видя разум твой, советую и прошу: отступишь от трудного учения Христова, оставь христианскую веру и прими веру нашу. Ты будешь мне вместо сына; поставлю тебя выше всех князей и вельмож, ты будешь жить в радостях и удовольствиях.

Михаил, подняв глаза к небу и вздохнув из глубины сердца, вслух произнес:

– Не допущу себя, Христе Царю, отступить от Тебя, Бога моего, хотя бы пришлось принять и бесчисленные муки, – и, обратясь к халифу, сказал: – Я раб Отца, Сына и Святого Духа, единого нераздельного Божества; это признаю и исповедую; от такого исповедания не отступлю, но навсегда в нем останусь и пребуду.

– Что же, – сказал халиф, смотря на черное одеяние инока, – ужели прилично тебе носить такую худую, темную одежду?

– Сею черною одеждой, – отвечал инок, – украшаюсь я лучше тебя, облеченного в светлые, царские одежды.

Халиф остановился и немного подумал; он решился действовать на ум молодого инока.

– Послушай, молодой человек, – особенно ласково и мягко заговорил халиф, – я хорошо знаю наши магометанские книги; прочитал и ваше христианское Писание, которое вы называете Евангелием, и нигде не нашел заповеди презирать брак и гнушаться мясом.

– Жизнь христиан, – отвечал Михаил, – разделяется на два рода: на жизнь иноческую и мирскую; мирянам благословляется вступать в честный брак и употреблять мясное, и в этом нет греха, если только они соблюдают прочие заповеди; нам же, отрекшимся от мира и давшим обет девства, не должно приобщаться браку. Учитель язычников, апостол Павел, прямо говорит: *я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господе, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене* (1 Кор. 7:32–33). Мы, желая угодить единому Господу нашему Иисусу Христу, избрали лучший путь – жить безбрачно; мяса же не едим не ради какой скверны, но ради воздержания, ибо *Царство Божие не пища и питие, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе* (Рим. 14:17) и прочие добродетели, так же как и пощение.

– Прельстил вас Павел, – сказал халиф с усмешкой.

– Не прельстил, – твердо и с уверенностью отвечал инок, – а от прелести избавил и научил, как достигнуть благ, которых *не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2:9). Если, царь, истинно хочешь знать прелестника и предтечу антихриста, то это есть ваш Магомет, который прельстил весь род сарацинский даже до Персии, изливши яд своего нечестия.

Раввин, до сих пор молча слушавший, что говорили между собой халиф и Михаил, теперь вмешался в разговор.

– Павел ваш не еврей ли был? – сказал он Михаилу.

– Да, – отвечал инок, – хотя и еврей был, но проповедовал Господнее Евангелие, упразднив сень ветхого закона, и благовестил истинную Благодать, о которой прорекли в Ветхом Завете пророки.

– Как научился ты от Павла, которого никогда не видел? – продолжал раввин. – Научись от меня, которого теперь видишь пред собой и слушаешь из уст моих слова мои.

– Если ты станешь учить так, как он учил, то послушаю тебя; если же будешь предлагать противное учение, то побегу от тебя, как от змея. Ибо Павел сказал: *кто благовестует вам не то, что мы приняли, да будет анафема* (Гал. 1:9).

– Почему вы отвергаете пророка Магомета? – снова заговорил халиф. – Не истребил ли он идолов? Не научил ли доброй жизни?

– Если кто выведет кого из темницы, – отвечал на это Михаил, – и заключит его в другую мрачную темницу, какое окажет ему благодеяние? Не то же ли такой благодетель делает, что и тот, кто выведет из тьмы в тьму? Так поступил с вами ваш Магомет. Мы же знаем один истинный, неложный путь к истинному свету, то есть правую веру в Отца, Сына и Святого Духа, единого в трех Лицах Бога.

– Вижу, разумен ты и речист, молодой человек; но во всяком случае двое победят одного.

– Вас не двое, а трое, – сказал Михаил, заметив в халифе уверенность, с какою он произнес последние слова, – и от одного будете побеждены силой Христова.

– Как трое? – в недоумении возразил халиф. – Мы ведь вдвоем с тобой беседуем: я и раввин. Как же ты двух называешь тремя? Кто между нами третий?

– Среди вас двоих стоит невидимо учитель ваш диавол; вот и трое вас, – спокойно разъяснил недоумение халифа Михаил.

Халиф начинал уже гневаться, в душе его кипела злоба; однако он сдерживал еще свою ярость, не теряя надежды победить Христова воина. Он снова обратился к Михаилу и мягко сказал:

– Оставь свое многоглаголанье, юноша, исповедуй Магомета пророком и апостолом Божиим; и опять повторю: будешь ты мне вместо сына; в непрерывной радости, в роскоши и вечных удовольствиях станешь жить среди нас, облеченный самым высоким саном.

Не отвечая прямо на убеждения халифа, Михаил спросил его:

– Исповедуешь ли, царь, Бога и Божие Слово?

– Да, исповедую и признаю, – отвечал он.

– Веришь ли, – обратился Михаил к раввину, – что словом Господним небеса утверждены и духом уст Его вся сила их?

– Да, это так, – сказал раввин, – верую и признаю.

– Так вот, вы сами признаете истину, – с торжеством произнес исповедник Христов, обращаясь к обоим своим собеседникам, – хотя и не верите как надлежит. Я же лжецов не послушаю и сказал уже и опять скажу, что Магомет не пророк, не апостол, но прельститель, лжец и предтеча антихриста. Ты же, раввин, знай, что Христос в мир уже пришел, родившись нетленно от Пречистой Девы, и уже больше рождения Его по плоти не ожидай; а кого ты ожидаешь, тот будет антихрист, имеющий возмутить всю вселенную. Явился уже и предтеча его Магомет, лжец и прельститель.

Слыша такие слова исповедника Христова, персы и сарацины злобились на него, христиане же радовались, говоря сами в себе, что одолел инок благодатию Христовою. Халиф разгневался на раввина и обратился к нему со словами:

– Напрасно взял я тебя в помощники себе, никакой помощи от тебя я не получил, – и выгнал его, сказав: – Я и один одолею инока.

При виде этого радостью исполнилось сердце Михаила, и он произнес:

– Вот один бежал со стыдом, побежденный силой Христа моего; еще есть двое, но и они скоро будут побеждены. Помощник мой – непреодолимый и непобедимый.

Халиф снова обратился к Михаилу и сказал ему:

– Предлагаю тебе одно из двух: или покорность мне и быть одной со мной веры, или горькою смертью лишиться сей сладкой жизни.

– Прошу тебя, – сказал на эти слова халифа Михаил, – сделай мне одно из трех: или отпусти меня к моему старцу, или отошли к моему Христу какую угодно смертью, или сам будь христианином и с нами имей общение.

Не стерпел Адрамелех дерзновения, какое показал в этих словах инок; гнев халифа дошел до высшей степени, им овладела ярость. Он повелел вывести Михаила на двор и поставить его на горячих углях, сняв с него обувь. И стоял страдалец на горячих углях, доблестно перенося жжение огня из любви ко Христу. Долго стоял он и все пел псалмы. Видя, что огонь не действует на Михаила, он остается тверд и непоколебим в своей вере, халиф еще более разгневался и приказал дать ему выпить из чаши смертной отравы. Взяв в руки чашу, страсто-терпец сперва прочитал Символ веры весь до конца, потом осенил себя крестным знамением и выпил яд. К изумлению всех, он остался невредим. Удивился и халиф. По его приказанию приведен был один из преступников, осужденных на смертную казнь, дали ему выпить яд. Как только преступник выпил смертной отравы, мгновенно упал и испустил дух.

Великой радости исполнились христиане, видевшие в святом мученике силу Христову, и прославили Бога. Сарацины же чувствовали поругание своей веры и страшно злились и негодовали. С криком обратились поклонники лжепророка к Адрамелеху и требовали, чтобы он или предал смерти дерзновенного инока, или истребил всех христиан. Желая сделать сарацинам угодное, халиф дал повеление вывести Михаила за город и там отсечь ему голову. Много народа, и христиан и сарацин, сопровождало святого мученика, когда вели его на казнь. Прибыв на место казни, Михаил обратился к востоку и, подняв руки и устремив очи на небо, стал молиться: «Владыко Вседержителю, безначальный, присносущный, Создатель всея твари, Царь царствующих и Господь господствующих! Благодарю Тебя, что Ты сподобил меня совершить

святой подвиг, и ныне молю и прошу Твою благодать, да не коснется меня рука диавола и да не увлечет он меня в мрачные глубины ада; но пошли святых Ангелов Своих, приими мою душу и введи ее в обители вечного покоя; ибо Тебя я возлюбил и Тебя пою и величаю Отца и Сына и Святого Духа, едино Божество и Царство. Ибо слава Твоя во веки веков. Аминь». Помолившись таким образом и простившись с верными, он преклонил голову под меч. Несказанно радовались христиане, видя, что исповедник Христов совершил подвиг мученичества, и славили Бога, укрепившего верного раба Своего.

В это самое время в лавре Саввы Освященного преподобный Феодор получил свыше откровение о мученичестве своего родственника и, явившись в храм, возвестил настоятелю и братии, что Михаил совершил мученический подвиг. Настоятель послал иноков в Иерусалим принести тело святого мученика в лавру. Столп огненный сопровождал тело святого страсто-терпца на всем пути от Иерусалима до обители, осиявая вокруг значительное пространство, как это заметили в городе христиане. Со свечами и кадильницей вышел встретить мученика сам архимандрит с братией; вышел и преподобный Феодор, проливая слезы: он плакал по Михаилу, как своим ученике и сроднике, но и радовался, что Господь сподобил его принять мученический венец. Тело святого мученика с пением священных песней и каждением внесено было в храм и поставлено посреди его. Инок Георгий, три года лежавший в совершенном расслаблении, сильно желал быть в храме, чтобы видеть святого мученика и поклониться его страдальческому телу. Св. Михаил при жизни часто посещал больного Георгия и служил ему. И вот Георгий просит иноков, спешивших к воротам обители, отнести его в храм, но все отказались. Заплакал Георгий и сказал: «Брат Михаил! Если ты обрел благодать пред Богом и получил дерзновение у Христа, помяни и меня, друга твоего, и испроси мне, расслабленному, силу, чтобы я мог идти в храм, увидеть тебя и дать тебе последнее о Господе целование». Едва произнес он эти слова, как мгновенно ощутил в себе силу и, быв прежде не в силах и пошевелившись на одре, теперь встал и, к общему удивлению, явился в храм, где, припав к телу святого мученика, лобызал его и говорил: «Воистину, любезный брат мой, великое имеешь у Христа Бога дерзновение! Воистину совершенную любовь ко мне, грешному, показал; и при жизни много мне, недостойному, ты служил, и, отшед ко Христу, подал мне исцеление и здоровье». По совершении обычного чина погребения честное тело святого мученика, также с пением, вынесено было на раменах братий из храма и положено в усыпальнице святых отцов, прежде пострадавших.

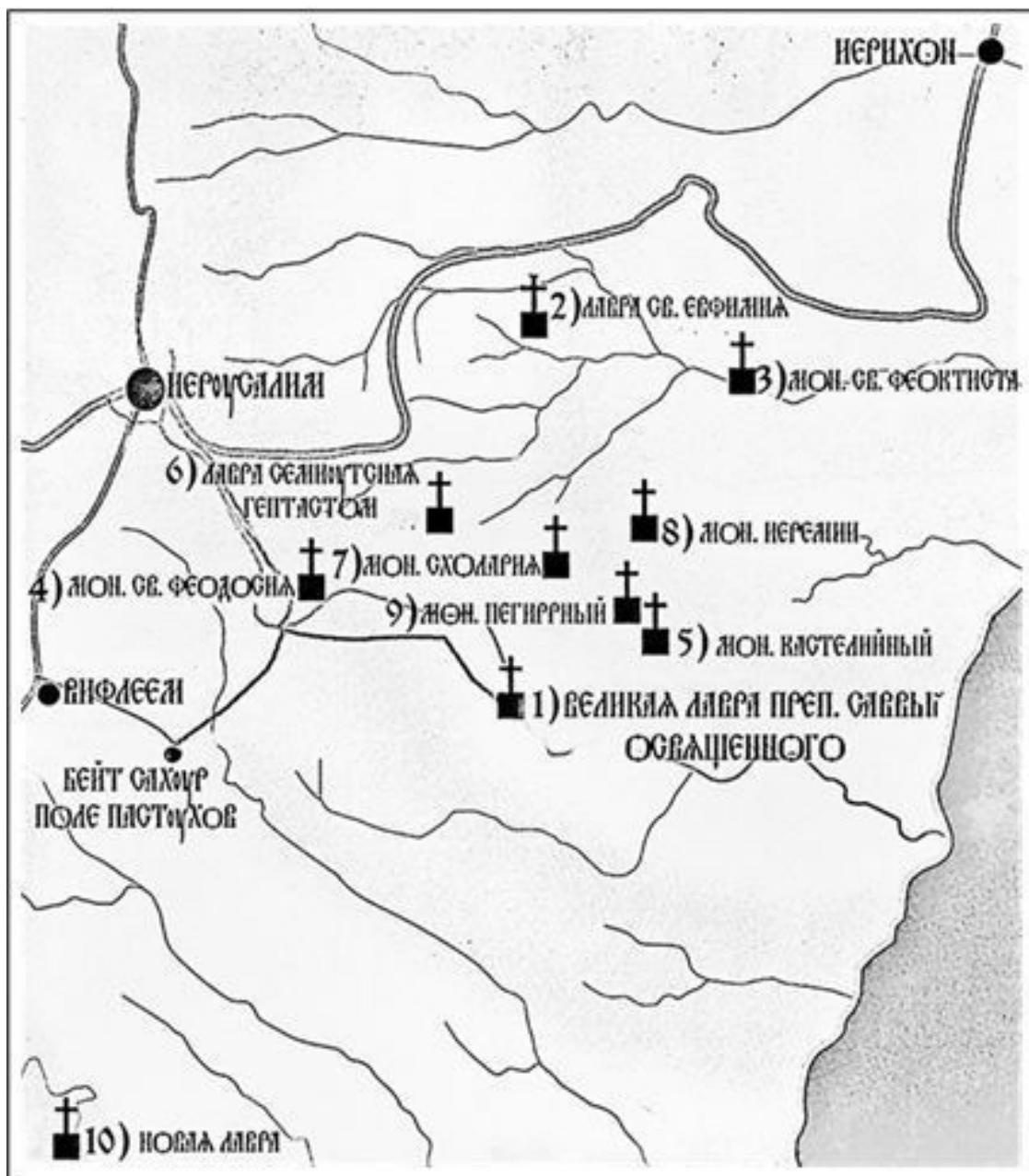
Новая лавра

Новая лавра – та обитель преподобного Саввы Освященного, которая сделалась главным гнездом оригенистов в VI веке и причинила Иерусалимской церкви и обителям Святой Земли много бедствий и страданий³⁹³. Она находилась на Фекойском потоке и возникла в 507 году. Основанная преподобным Саввой во время возмущения недовольных им иноков, которые удалились из Великой лавры и бедствовали на Фекойских полях, единственно из снисхождения к немощи заблудших братий, она, видимо, не имела над собой благословения Божия и вначале испытала одни смуты и нестроения. Некоторые иноки Новой лавры, усвоившие неправые мнения Оригена и скрывавшие свое нечестие при жизни св. Саввы, после его кончины смело и открыто стали распространять свое лжеучение сначала в своей обители, а потом и в других. Число их скоро увеличилось. Отличаясь фанатическим рвением, до страсти преданные Оригену и его неправым мнениям, поддерживаемые в то же время приверженцем своим Феодором, архиепископом Кесарийским, сильным в Константинополе при царском дворе, оригенисты то

³⁹³ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 4, 5; Четьи-Миней, 5 декабря; *Муравьев*. История святого града Иерусалима. С. 179–181, 219–228.

хитростью и обманом, то насилием и жестокостью увлекли на свою сторону почти все палестинские обители, в действиях своих доходили нередко до буйства и двадцать с лишним лет господствовали на Святой Земле. Тяжко страдали православные, и миряне и иноки, не согласившиеся принять лжеучение оригенистов. После того как V Вселенский Собор осудил неправые мнения Оригена и его последователей, особым указом императора предписано было убеждать оригенистов и склонять их возвратиться в лоно Православной Церкви, непокоряющихся же и упорных изгнать. Это обстоятельство еще более раздражило оригенистов; иноки Новой лавры, не терпя осуждения Оригена, теперь уже совершенно отделились от общения с Православною Церковью. Целых восемь месяцев патриарх Евстохий³⁹⁴ убеждал их возвратиться на путь правый, но напрасно: они упорствовали и дошли до ожесточения. Тогда областной правитель Анастасий изгнал непокорных оригенистов не только из Новой лавры и других обителей, но и из всей Палестины. Радость православных была всеобщая. Не желая, однако же, чтобы обитель, основанная великим Саввой, оставалась пустой, патриарх избрал из Великой лавры и других обителей сто двадцать православных иноков, которых и поселил в опустевшей обители, поставив в ней настоятелем Иоанна, мужа благочестивого. В число новой братии был назначен из лавры преподобного Евфимия и церковный историк Кирилл Скифопольский. Произошло трогательное зрелище. К назначенному дню собрались в Иерусалим избранные иноки; и вот, предшествуемые самим патриархом, торжественно пошли они крестным ходом в Новую лавру.

³⁹⁴ Патриарх Иерусалимский в 552/553–563 гг.

Карта древних палестинских монастырей вокруг лавры прп. Саввы Освященного

По прибытии туда совершенно было патриархом богослужение, после которого святитель окропил святой водой обитель и благословил иноков на мирные подвиги, пожелав им нравственного преуспевания. Это было в 554 году, двадцать три года спустя после блаженной кончины св. Саввы. Так прекратилась нечестивая война сия между иноками, говорил Кирилл, и я заимствую слова Писания: *да веселится неплодная и процветает яко крин* (Ис. 54:1); ибо Господь, исполненный любви к чадам Своим, сказал: *Я видел озлобление людей моих Израиля и внял воплю его и иду избавить его* (ср. Исх. 3:7–8). Пришел и посетил нас в достоянии врагов наших, дабы мы соблюдали заповеди Его. Богу слава вовеки!

Обновленная обитель теперь скоро достигла цветущего состояния. Благоустройство во всех отношениях, порядок, подвиги иноков – все это в ней явилось в таком же виде, как это было в знаменитейших лаврах и киновиях. Новая лавра сделалась известною и славною и стала в один ряд с Великой лаврой. В нее для изучения высших степеней подвижничества удалялись иноки из других обителей, таковы, например, были Иоанн Мосх, составитель «Луга духов-

ного», и Софроний, бывший впоследствии патриархом Иерусалимским, иноки киновии преподобного Феодосия Великого. В VIII веке при халифах из дома Аббасидов, когда открылись страшные гонения на христиан в Сирии и Палестине, когда не позволялось строить новых храмов, выставлять наружу святые кресты и самые пустыnnики обложены были податью, так что должны были продавать или закладывать священные сосуды, чтобы удовлетворить алчности жестоких сарацинских правителей, многие обители пришли в запустение. Но Новая лавра и в таких бедственных обстоятельствах уцелела и продолжала существовать, как и первостепенные обители; имя ее встречается то в летописи, то в послании того или другого епископа и архимандрита. Как долго потом продержалась Новая лавра и когда прекратилось ее существование, неизвестно.

Место, где находилась Новая лавра, в настоящее время известно. Его указывают к югу от мугарат Харитун в вади эль-Арруб на Фекойском потоке. Развалины эти носят у местных арабов название хирбет-эль-Куссеир. Они лежат в скалистом ущелье Фекойского потока³⁹⁵. Такое положение развалин вполне соответствует месту, на котором, по свидетельству древних писателей, расположена была Новая лавра.

Из подвижников Новой лавры особенно замечательны Иоанн, первый ее настоятель, Агапит и Полихроний.

Преподобный Иоанн, первый игумен Новой лавры, долгое время подвизался в Ветхой лавре преподобного Харитона Исповедника, где достиг высшей степени нравственного совершенства. Трудное дело он принял на себя, избранный в настоятели Новой лавры. Он должен был руководить иноков высокоумных, мятежных, с которыми не мог сладить сам великий отец и пастырь душ преподобный Савва; но терпением, любовью, христианским благоразумием Иоанн сумел победить эту трудность и семь лет мирно управлял обителью. За свои нравственные совершенства Иоанн сподобился от Бога дара прозорливости. Это обнаружилось перед его кончиной. На смертном одре, ожидая последнего часа, старец прослезился и, обратившись к окружающим его братьям, сказал: «Вот, братия мои, настанут дни, когда иноки сей лавры отпадут от правого пути и, вознесшись гордостью, погибнут; но козни их уничтожатся»³⁹⁶.

Преподобный Агапит (память в субботу Сырной недели) долгое время был любимейшим учеником преподобного Саввы Освященного и пользовался полной доверенностью великого подвижника. Преподобный Савва брал его всегда с собой в пустыню, когда на Святую Четыредесятницу удалялся туда для высших подвигов. Агапит неоднократно видел проявление благодатной силы, обитавшей и действовавшей в святом старце; так, однажды Савва духовною силой своею отогнал огромного льва, стоявшего над спавшим Агапитом; в другой раз малое количество хлеба достало им обоим на все время пребывания их в пустыне в Четыредесятницу. Агапиту поручил преподобный Савва управление Новой лаврой, когда избранный в настоятели по кончине блаженного Иоанна Павел, не будучи в состоянии сладить с высокоумными иноками, через полгода бежал из обители. Подобно первому игумену, Агапит нашел в себе и силу, и умение держать в повиновении иноков и сохранять в обители порядок и мир.

Преподобный Полихроний навыкал подвижничеству на Иордане и жил в разных обителях, изучая образ жизни и подвиги великих отшельников пустыни Иорданской. Он жил в лаврах Пирги, преподобного Петра, Пентокль и других и наконец поселился в Новой лавре, где был пресвитером. Отличаясь сам ревностью к подвижничеству, с любовью изучая образ жизни и подвиги великих отцов отшельников, Полихроний старался замечать особенно проявления

³⁹⁵ См.: Guthe. Zeitschrift des Deutschen Palastina-Vereins. Bd. 3. S. 39.

³⁹⁶ Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 36.

благодатной силы, в них обитавшей и действовавшей, узнавать их духовные советы и наставления. Таким образом он собрал значительный запас сведений о жизни и подвигах подвижников, процветавших в Святой Земле в его время. Когда Иоанн Мосх и Софроний поселились в Новой лавре, Полихроний рассказывал им об отцах-подвижниках, которых доводилось ему видеть. Так, он рассказывал, что знал в лавре Пирги инок, который, быв долгое время нерадивым ко спасению, вдруг переменялся, сделался самым ревностным к службе церковной и к исполнению иноческих обязанностей. Порадовался, глядя на инок, Полихроний и похвалил его. «Вот, хорошо делаешь, брат, – сказал ему Полихроний, – что внимаешь теперь душе своей и печешься о спасении». – «Ах, отче мой, – отвечал смиренно инок, – я скоро умру». Чрез три дня инок преставился. Рассказывал еще Полихроний Иоанну Мосху, что в иерихонской странноприимнице преставился некоторый подвижник. Пришли из лавры Пирги братия погребать его. Когда почившего брата понесли в обитель, вдруг над телом его явилась звезда и не оставляла его до тех пор, пока его не похоронили. Эконом лавры просил Полихрония пойти с ним убрать келью умершего брата и перенести в кладовую его сосуды, причем сам горько заплакал. Изумился Полихроний и спросил его, почему он так плачет. Эконом отвечал: «Сегодня я переносу сосуды брата, через два дня другие будут мои сосуды переносить». Слова эконома сбылись. На третий день он скончался. По смерти игумена обители братия единогласно избрала его преемником одного старца, благочестивого и добродетельного. Старец отказывался, ссылаясь на свое недостойство и говоря, что только такие великие мужи, как Антоний, Пахомий и Феодосий, могут быть настоятелями, а ему нужно оплакивать грехи свои. Братия продолжали умолять старца; наконец он испросил себе три дня сроку, чтобы узнать волю Божию. Это было в пятницу, а в воскресенье утром он преставился. Много и других рассказов слышали от преподобного Полихрония Иоанн Мосх и Софроний³⁹⁷.

Пещерная киновия

Пещерная киновия³⁹⁸ находилась в 15 стадиях от Великой лавры к северу и была расположена на южной оконечности Каstellийского холма, вокруг той пещеры, в которой преподобный Савва Освященный во время Святой Четырдесятницы провел несколько времени в посте и молитве. Устроив киновию, преподобный Савва заботился о ней и помещал в ней иноков, уже созревших в подвигах. После кончины преподобного Саввы Пещерная киновия процвела. В ней были подвижники, стоявшие на высокой степени духовной жизни. Время цветущего состояния ее – VI и VII века. О дальнейшей судьбе киновии исторических сведений не имеется.

Из подвижников Пещерной киновии известен преподобный Илия. Откуда был родом и где полагал начало подвижничества **преподобный Илия**³⁹⁹, неизвестно. Жил он в VI веке. В «Луге духовном» и в «Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцов» сохранились некоторые наставления и духовные советы преподобного Илии, показывающие, что он достиг высокой степени нравственного совершенства. Авва Илия говорил: «Я боюсь трех событий: когда душа моя будет выходить из тела, когда предстану Богу и когда будет произнесено последнее определение о мне». Говорил авва Илия: «Какую силу имеет грех там, где есть покаяние? И что пользы от любви там, где есть надмение?» Также говорил: «Если душа не поет вместе с телом, напрасный труд. Если кто любит скорбь, впоследствии она доставит ему радость и успокоение».

³⁹⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 5, 6, 14, 18.

³⁹⁸ Ныне бир-эль-Кеттар.

³⁹⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 52.

Брат пришел к авве Илии Молчальнику в киновию при пещере аввы Саввы и говорит ему: «Скажи мне, отче, слово; дай мне наставление». Старец сказал брату: «Во дни отцов наших любимы были три добродетели: нестяжание, смирение и воздержание; а ныне преобладают между иноками любостяжание, гордость и невоздержание. Избирай, что тебе угодно»⁴⁰⁰.

⁴⁰⁰ См.: *Иоанн Мосх., блж.* Луг духовный, 52; Достопамятные сказания. С. 87–88.

[Монастыри, о которых почти не сохранилось сведений]

К V веку по времени основания принадлежат еще следующие монастыри.

1. Женская обитель Вассы в Иерусалиме. Васса была в V веке ее настоятельницей.
2. Мужской монастырь св. Мины в Иерусалиме. Основан преподобной Вассою⁴⁰¹.
3. Монастырь архидиакона Стефана в Иерусалиме. Основан императрицею Евдокиєю, супругою Феодосия Младшего, близ созданного ею храма Первомученика архидиакона Стефана⁴⁰².
4. Монастырь Гавриила в окрестностях Иерусалима, к востоку, в долине⁴⁰³.
5. Монастырь св. мученика Леонтия⁴⁰⁴.
6. Монастырь Мартирия. Основан патриархом Мартирием недалеко от Елеонской горы, к востоку⁴⁰⁵. Ныне остались развалины этого монастыря⁴⁰⁶.
7. Монастырь к юго-востоку от Хеврона близ Аристовулиады, в пустыне Зиф⁴⁰⁷, основанный св. Евфимием Великим.
8. Монастырь Романа, находившийся близ Фекои. Роман, ученик Елпидия, игумена обители Пассариона в Иерусалиме, последователь оригенистов, за свое упорство был изгнан из своей обители⁴⁰⁸.
9. Монастырь Метопин. Основан Марином, учеником Евфимия Великого. Ныне место его называется Хирбет-дзубб-ер-Рум⁴⁰⁹.
10. Монастырь на Сионе, основан был Маркианом, пресвитером и сосудохранителем храма Воскресения, впоследствии епископом Севастийским⁴¹⁰.
11. Монастырь близ Вифлеема, основан Маркианом, спутником Елпидия⁴¹¹.
12. Монастырь Евсторгия в Иерусалиме. В нем полагал начало подвижничества преподобный Кириах⁴¹².
13. Монастырь патриарха Илии в Иерусалиме. Илия, сделавшись первосвятителем Святого града, собрал иноков, подвизавшихся отдельно близ башни Давидовой на Сионе, и поместил их в свою обитель. Она была устроена близ патриаршего дома у храма Воскресения⁴¹³.
14. Иерихонские монастыри патриарха Илии. Они находились в окрестностях Иерихона⁴¹⁴.

⁴⁰¹ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 46.

⁴⁰² См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 46.

⁴⁰³ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 53.

⁴⁰⁴ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 72.

⁴⁰⁵ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 48.

⁴⁰⁶ Руины монастыря Мартирия (араб. Хирбет эль-Мурсас) находятся в городе Маале-Адуммим (в Иудейской пустыне, в 8 км от Иерусалима). – Примеч. ред.

⁴⁰⁷ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 20.

⁴⁰⁸ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 46.

⁴⁰⁹ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 16.

⁴¹⁰ См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 29.

⁴¹¹ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 46.

⁴¹² См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного Кириаха Отшельника, 3.

⁴¹³ См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 31.

⁴¹⁴ См.: Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого, 48.

Обители шестого и седьмого веков

[Историческая справка]

Христианское подвижничество, в IV веке насажденное в Святой Земле, в VI и VII веках достигает полного развития и самого цветущего состояния. Необычайное и вместе отрадное и глубоко назидательное зрелище представляет в эти века Святая Земля. На всем пространстве ее от Дана до Вирсавии⁴¹⁵, по библейскому выражению, не говоря об отшельниках и пустынножителях, одиночно подвизавшихся в пещерах и ущельях гор, повсюду: в городах и близ селений, на равнинах и гористых местах – красовались святые обители ревнителей подвижничества – лавры и киновии. От молитвенного пота их (Евфимия, Саввы, Феодосия), говорит нам известный писатель истории Святого града Иерусалима, процвели яко крин неплодные пустыни Иорданская и Кедронская, обратив в одно псаломное согласие все восточные и южные ущелья Пелестины, так что от Сиона и до Мертвого моря ополчился народ Божий отшельников, как некогда при исходе Израиля из Египта. Неизвестно число всех обителей, а не только самих монашествующих, ибо все было наполнено ими. И племя Иларионово глубоко пустило корни на помории западном: оно также процвело многими обителями и знаменитыми подвижниками⁴¹⁶. И действительно, умножились лавры отшельников в долине Иорданской; явились новые обители в Святом граде и его окрестностях, на священном Елеоне, у дуба Мамврийского, в Хевроне; Газу и Маюму прославили новые великие подвижники; увидели тружеников Креста Господня Самария и Галилея; даже на Фаворе, месте преславного Преображения Господня, под сенью храма, построенного еще равноапостольною Еленой, возвысилась святая обитель. Прекрасным цветником, или лугом духовным, испещренным благовонными цветами добро-

⁴¹⁵ Город Дан находился на крайнем севере Израиля, а город Вирсавия – на крайнем юге, поэтому выражением «от Дана до Вирсавии» часто обозначали всю Святую Землю. – *Примеч. ред.*

⁴¹⁶ См.: *Муравьев. История святого града Иерусалима. С. 234.*

детелей, представилась умственному взору блаженного Иоанна Мосха Палестина, когда он, составляя в Риме свой знаменитый «Лимонарь» («Луг духовный»), перенесся воображением в Святую Землю, к тем дивным старцам-подвижникам, которых он видел, с которыми беседовал и в обителях, и в пещерах, и в ущельях гор. Тут, говорит он в предисловии к своему труду, всякие духовные цветы: и благоухающая роза, и белая лилия, и фиалка; они привлекают взор путника, увеселяют душу, услаждают сердце. К величайшему сожалению, скудны исторические сведения о лаврах и киновиях, процветавших в Святой Земле в этих веках. Палестинские обители относительно времени их основания и степени достаточности исторических о них сведений можно разделить на три разряда. К первому разряду относятся те обители, время происхождения которых неизвестно, но о которых находятся в церковно-исторических сочинениях некоторые сведения, хотя неполные и отрывочные; в первой половине VI века они представляются уже существующими, некоторые даже в цветущем состоянии; стало быть, основание их, по-видимому, нужно относить к веку предшествующему. Ко второму разряду принадлежат те лавры и киновии, время происхождения которых указывается определенно историками; сведения о состоянии их, однако же, не вполне достаточны. К третьему, наконец, разряду относятся все те обители, о которых хотя и упоминается в церковных письменных памятниках, но упоминается вскользь, мимоходом, нередко без названия их, а если и указывается название обители, то без обозначения места, где она находилась, и без всяких других указаний. Ввиду этого в историческом повествовании о палестинских лаврах и киновиях VI–VII веков мы, естественно, должны ограничиться обзором лавр и киновий только первых двух родов и довольствоваться теми неполными сведениями, какие о них находятся в церковно-исторических сочинениях; третьего же рода обители мы только перечислим.

Из обителей первого разряда известны следующие киновии: Анастасия, Кесарийская, Скифопольская и Иорданские обители.

Ко второму разряду принадлежат лавра Пирги, киновия Варихская, лавра Малихская [преподобного Фирмина], киновии Византийская и газская Еваге.

Киновия преподобного Анастасия

Киновия преподобного Анастасия находилась между Иерусалимом и Великою лаврой Саввы Освященного, в стороне от пути в эту лавру из Иерусалима⁴¹⁷. Кем она была основана и почему называлась Анастасиевою, достоверно не известно, можно только полагать, что основателем ее был патриарх Иерусалимский Анастасий и что он дал обители свое имя⁴¹⁸. В конце VI и в первой половине VII века Анастасиева киновия находилась в цветущем состоянии; этим она была обязана настоятелю своему Иустину, который привел ее в полное благоустройство. В ней нашли временный приют иноки Великой лавры, когда в 614 году на эту обитель напали персы и разорили ее. Дальнейшая судьба Анастасиевой киновии неизвестна. Из подвижников ее известны преподобный Иустин и преподобномученик Анастасий Персиянин.

* * *

Преподобный Иустин долго жил и подвизался в Великой лавре, где хорошо ознакомился со всеми ее порядками. Он усвоил себе дух преподобного Саввы Освященного, его образ жизни и правила. Сделавшись настоятелем Анастасиевой обители, Иустин стал управлять ею в духе преподобного Саввы и своими трудами и заботами о ее благе довел ее до такого цветущего состояния, что она по внешнему и внутреннему устройству превосходила все современные обители Святой Земли. Опытность Иустина в руководстве иноков на пути подвижничества, особенная мудрость, которую он обнаруживал в этом труднейшем деле, были причиной того, что число братий обители значительно возросло, в нее переходили иноки из других обителей. Даже часть иноков Великой лавры, после разгрома ее персами приютившихся в Анастасиевой обители, осталась в ней навсегда, отдавши себя в полное послушание и руководство ее великому авве-настоятелю. Чин богослужения, введенный преподобным Саввой в Великой лавре, строго и нерушимо соблюдался при Иустине в Анастасиевой обители. Инок Великой лавры Антиох называет настоятеля Анастасиевой обители Иустина знаменитым⁴¹⁹.

Преподобномученик Анастасий (память 22 января), прежде мученичества подвизавшийся несколько лет в киновии преподобного Анастасия при настоятеле ее Иустине, родился в Персии, в селении Раснуни, лежавшем в провинции Разех, и происходил от языческих родителей. Отец его, по имени Вава, был магом и славился знанием волшебных наук. Волхованию и чародейству научил он и сына своего, называвшегося Мачундатом, надеясь, что тот будет достойным его преемником в волшебном искусстве. Но не довелось Ваве видеть своего сына магом, Мачундату суждено было другое, более славное поприще, послужившее к прославлению Христа Спасителя и христианской веры.

Взрослый был уже Мачундат и служил с братом своим в полку, когда в 614 году, по взятии Иерусалима войсками персидского царя Хозроя, явилось в Персию Честное древо Креста Господня, взятое в плен вместе с патриархом Захариею и другими христианами. Как некогда ковчег завета, плененный филистимлянами, навел ужас на филистимлянскую землю, поразив идолов в тамошних языческих храмах, так и теперь древо Креста Христова привело в движение и изумление всю Персию. Пребывание его в языческой стране сопровождалось поразительными знаменами и чудесами. В Персии повсюду заговорили: «Бог христианский к нам пришел, и что с нами будет?» Сам Хозрой оказывал христианской святыне честь и уважение; он

⁴¹⁷ См.: Histoire ecclésiastique. Vol. 2. Liv. 37. Ch. 10; *Муравьев*. История святого града Иерусалима.

⁴¹⁸ Анастасий был патриархом в 458–478 гг.

⁴¹⁹ См.: Histoire ecclésiastique. Vol. 2. Liv. 37. Ch. 34.

не осмеливался вынуть честное древо из запечатанного ковчега, в котором оно хранилось, так что оно оставалось неприкосновенным до самого времени возвращения своего в Иерусалим.

Прмч. Анастасий Персянин

Поражен был удивлением и Мачундат, слыша повсюду только и речи о древе христианском, о необыкновенных действиях и чудесах, силою его совершавшихся; но на удивлении он не остановился: в сердце его, впечатлительном и нежном, от природы расположенном ко всему истинному и доброму, произошло какое-то особенное движение, ему захотелось узнать истину об этом чудном древе. Здравым умом своим он ясно видел и понимал, что христианская святость особенная, необычайная, что чудесные действия, от нее происходящие, это не те волхования и чародейства, какие он знал и производил сам. И вот юноша-язычник обращается к христианам и спрашивает у них, что это за древо и отчего оно имеет столь необычайную силу чудотворения. Когда христиане сказали ему, что древо это есть Крест, на котором Христос, Сын Божий, ими почитаемый, был распят для спасения рода человеческого, в его душе зарождается вера; им овладевает сильнейшее желание познать Сына Божия, пришедшего на землю и жившего среди людей. Вопросы за вопросами предлагает он христианам. Правда ли, что Бог сходил с неба на землю? Как он сделался человеком и обращался с людьми? Как возможно, чтобы Бог был распят на Кресте, страдал и умер? За что Он был осужден на столь позорную казнь? И возвратился ли Он опять на небо, откуда приходил на землю? Так спрашивал Мачундат. Когда же христиане раскрыли юноше божественное таинство воплощения Сына Божия,

он всецело уверовал в Господа Иисуса Христа и всем сердцем возлюбил Его. Теперь Мачундат не мог уже оставаться в язычестве и жить с родными, преданными языческому нечестию. Не сказав ни слова своему брату, он тайно бежит из полка, забывает о родителях и родном доме и удаляется в Сирию. Там, в городе Иераполе⁴²⁰, он находит приют у некоего персиянина, верой христианина, по ремеслу золотых дел мастера. Выучившись ремеслу своего хозяина и помогая ему в его занятиях, Мачундат более и более знакомится с христианскою верою. Главным училищем веры был для него храм Божий, куда часто брал его с собой хозяин. Здесь в священнодействиях богослужения, в разных обрядах церковных, в самом устройстве храма, в его частях и принадлежностях юноша под руководством хозяина почерпал знание важнейших истин христианской веры. Взоры юноши привлекали в храме особенно изображения на стенах храма святых мучеников, их подвигов и страданий. Учитель его рассказывал ему об их жизни, о муках, которые они терпели за Христа, о награде на небесах за подвиг мученичества. При взгляде на святых мучеников юноша умилялся душой и сердцем, изумлялся их самоотвержению, их терпению среди жесточайших мук и страданий, благоговел пред их сердечною любовью ко Христу. Привлекали к себе внимание Мачундата и христианские подвижники, спасавшиеся в иноческих обителях, в уединенных кельях и пещерах: он дивился их образу жизни, отрешенной от всяких житейских забот и попечений и направленной единственно на благоугождение Богу. Решив в душе сделаться христианином, Мачундат желал принять святое крещение, но хозяин его все откладывал это великое дело, боясь персов, которые господствовали в Сирии. Тогда он отправился в Иерусалим, где и исполнилось желание его сердца. Представленный св. Модесту, управлявшему в то время Иерусалимскою церковью, Мачундат с благословения его был крещен вместе с другим персиянином и в крещении получил новое, христианское имя – Анастасий. Когда спросили, какой он образ жизни намерен вести, он объявил, что желает служить и благоугождать Богу в иночестве. Ему указали киновию преподобного Анастасия, куда он и поступил. Это было в 620 году по Р. Х.

Возлюбив Христа Спасителя больше всего на свете, Анастасий со всем жаром юной души предался подвижничеству. Научившись греческому языку, ознакомившись со всеми порядками монастырской жизни, со всеми требованиями иночества, он уже на первых порах обнаруживает великую ревность о благоугождении Богу. Со всею охотой, с полным послушанием проходит все службы, какие ему назначались. Трудится в поварне и пекарне, в саду и на других послушаниях; неопустительно посещает храм Божий, стараясь присутствовать при каждом богослужении; не оставляет и келейного правила; свободные часы посвящает чтению душе-спасительных книг: читает слово Божие, жития святых отцов-подвижников; особенно любит описание подвигов и страданий святых мучеников; книги этого рода он читает с сердечным умилением. Когда он читал книгу, в которой изображались страдания мучеников, говорит жизнеописатель Анастасия, то умилялся душой, плакал, сочувствуя сердцем их самоотверженной любви ко Христу, их доблестному перенесению страшных мук, плакал, и слезы орошали книгу, причем он молил Господа и его сподобить пострадать так же, как святые мученики, и быть причисленным к их лику. Желание сердца его исполнилось. В видении открыто было ему, что Господь призывает его к мученическому подвигу. Накануне светлого дня Пасхи, когда Анастасий заснул, виделось ему, будто он на высокой горе: подошел к нему какой-то светоносный муж, держа в руке золотую чашу, украшенную драгоценными камнями. Подав ему чашу, он сказал: «Возьми и пей». Анастасий, взяв чашу, выпил из нее и неизреченную почувствовал сладость, так что и во сне уже понял, что это знамение мученического подвига, к которому призывает его Господь. Пробудившись от сна, Анастасий в радости и веселии духа пошел в храм на утреннее торжество воскресения Христа Спасителя, где открыл о своем сновидении

⁴²⁰ Античный город, развалины которого находятся в 17 км от турецкого города Денизли; современное название местонахождения Иераполя – Памуккале. – *Примеч. ред.*

отцу своему духовному и настоятелю авве Иустину. И они поняли сновидение как предызвещение мученической кончины Анастасия, тем более что преподобному Иустину самому было откровение о предстоящем Анастасию мученическом подвиге; оба они благословили Анастасия на путь мученичества и укрепили его пламенное желание пострадать и умереть за Христа. На пасхальной литургии, помолившись в последний раз вместе с братьями, Анастасий причастился Святых Таин, вкусил потом общей трапезы и, испросив у аввы настоятеля и своего духовного отца молитв и благословения и предав себя Богу, в наступившую ночь оставил обитель, в которой провел семь лет, и направился в Кесарию, важнейший палестинский город. Кесария занята была в то время персидскими войсками. Прибыв в этот город, Анастасий два дня провел в нем спокойно, посещая святые храмы. На третий день заметили его персидские воины, сидевшие у ворот дома, в котором жил их начальник; им бросилась в глаза иноческая одежда Анастасия. «Смотрите, смотрите, ведь это соглядатай!» – сказали они вслух. Поняв, что они сказали, Анастасий отвечал им по-персидски: «Что вы говорите! Я не соглядатай, а раб Господа Иисуса Христа, ибо удостоился служить Тому, Который ради нас, грешных, благоволил сойти с небес на землю. Хорошо я понимаю вашу речь, ибо и я был в той же военной службе, какую несете теперь вы». Воины задержали Анастасия и представили его своему начальнику, который, допросив его и узнав, что он природный персиянин, принявший христианскую веру, отправил его в темницу, где приказал крепко стеречь. Три дня провел Анастасий в темнице без пищи и питья: он не желал ничего принимать из рук нечестивых; питался только молитвою и ожиданием давно желанных страданий за Христа. В то время прибыл в Кесарию главный начальник персидских войск и правитель Палестины Марзаван. Узнав об особенном узнике, содержавшемся под стражей, персиянине, изменившем своей вере, Марзаван велел представить его к себе. Удивился Марзаван, когда Анастасий, явившись к нему, не стал перед ним на колени ради чести, как это было в обычае у персов; он долго смотрел на узника и потом начал допрос.

– Кто ты и откуда? И как называешься? – обратился к нему с вопросом Марзаван.

– Я христианин, – бесстрашно отвечал Анастасий. – Если желаешь узнать о моем происхождении, то скажу: я персиянин из провинции Разех, из селения Раснуни; был магом и воином, но оставил тьму и пришел к истинному свету; имя мне прежде было Мачундат, теперь же называюсь по-христиански Анастасий.

Спокойно выслушав эти слова Анастасия и видя, что перед ним молодой человек, Марзаван так же спокойно и вместе строго сказал:

– Оставь это заблуждение и возвратись к прежней вере; я дам тебе коня, денег и другие разные блага.

Анастасий, подняв очи и устремив их горе, торжественно произнес:

– О, не дай мне отречься от Тебя, Христе, Царь мой! Марзаван осмотрел внешний вид Анастасия. Убогим и жалким показался он в своей иноческой одежде роскошному сановнику, и потому последний спросил инок:

– Ужели тебе нравится это твое одеяние?

– Любезна и приятна мне эта одежда, – весело отвечал Анастасий, – потому что она ангельская; для меня она важнее и драгоценнее, чем для тебя твоя роскошная одежда и твой сан.

Ответ Анастасия неприятно подействовал на Марзавана; он разгневался и с сердцем сказал:

– Бес в тебе, и говоришь ты только то, чему научает тебя бес.

– Когда я был предан персидскому заблуждению и нечестию, – отвечал инок, – действительно имел в себе беса; ныне же имею живущего во мне Христа, Спасителя моего, Который Своею Божественною силою изгоняет твоих бесов.

– Что же, – прервал его Марзаван, – ужели не боишься нашего великого царя, который может распять тебя?

– Что мне бояться человека, – спокойно сказал инок, – такого же смертного, как и ты? Если он и убьет тело, то души моей никак взять не может.

Не стал больше говорить с твердым исповедником христианской веры Марзаван. Он задумал во что бы то ни стало победить упорство Анастасия и потому приказал наложить ему на шею и ноги оковы, ночь держать под крепкою стражей в темнице, а на день отводить к каменщикам, чтобы он вместе с другими узниками носил мастерам камни. И началась для Анастасия мучительная жизнь: днем носил он на себе тяжелые камни, изнемогая под непосильною ношей; ночью должен был лежать скованный за шею и ногу с другим узником. Но не от одного изнурительного дневного труда и бессонных ночей страдал узник Христов; ему досаждали, злобно поносили знакомые персы-воины, бывшие из одной с ним деревни. Они приставали к Анастасию с укорами и бранью. «Мачундат, Мачундат, что ты это сделал? Посмотри на себя: ты скован и будешь осужден на казнь, как злодей. Глаза наши не могут смотреть на тебя без ужаса; никто из страны нашей не делался христианином, и вот ты причинил нам такое бесславление и поругание». Мало того, видя, что слова не действуют на страдальца, они до того озлобились, что стали бить его, терзали его за бороду, рвали на нем иноческую одежду и взваливали ему на плечи такие камни, коих и четверем человекам едва было под силу нести. Изнемогал святой узник, тяжело страдал и томился, но все терпел и мужественно переносил за Христа, Которого он столько возлюбил. Утешение и подкрепление находил страдалец в молитве; он славил и благодарил Бога, сподобившего его страдать за святое Его имя, и просил Господа укрепить его душу в подвиге мученичества. Но и тут исповедник Христов не имел полной свободы: ночью, скованный за шею и ногу с другим узником, он не мог вставать на молитву; он жалел своего сострадальца и боялся прервать его сон и потому должен был молиться лежа.

Прошло несколько времени. Марзаван, надеясь, что Анастасий стал теперь уступчивее, испытав тяжесть мучительной жизни, призвал его и, желая сделать его еще уступчивее, решился польстить ему.

– Слышал я, – сказал правитель, – что ты сын славного мага и сам хорошо знаешь науку волхвования; покажи нам что-нибудь из волшебного искусства, чтобы нам видеть твой разум и твое знание.

Анастасий отвечал:

– О, да не попустит Господь выйти из уст моих чему-нибудь из волшебства. Не хочу я сквернить уст своих словами чародейства, ни ума – воспоминанием о скверных чародейских действиях.

Марзаван на несколько минут замолчал; он не ожидал такого ответа. Подумав немного, он продолжал:

– Зачем ты остаешься в христианской вере? Возвратись к прежней твоей вере; я доведу о тебе до сведения доброго нашего государя, и он осыплет тебя своими царскими милостями и дарами.

– Делай что хочешь, – спокойно сказал на это Анастасий, – никаких милостей и даров от царя Хозроя не желаю. Доводи обо мне до его сведения. Да, я думаю, ты уже и писал обо мне ему и получил от него ответ.

– Нет, еще не писал, а только хочу писать, и что он велит касательно тебя, то и сделаю.

– Пиши что хочешь обо мне, – с твердостью произнес Анастасий. – Я христианин и не страшусь ничего; и еще объявляю: я христианин.

Стойкость и спокойствие Анастасия привели Марзавана в раздражение. Он отдал приказание растянуть Анастасия на земле и бить палицами до тех пор, пока он не отречется от Христа. Когда служители хотели связать мученику руки и ноги, он просил их не делать этого, сказав, что не по принуждению или насилию, но добровольно он страдает за Христа и столько

жаждет мученичества, сколько другой кто жаждет в знойный день воды; просил только снять с него иноческую одежду, чтобы от ударов не потерпел бесчестия и поругания святой чин. Осенив себя крестным знаменем, страстотерпец сам простерся на земле, и начались истязания и посыпались удары по обнаженному его телу. Долго и жестоко били его и истязали. Доблестно терпел ужаснейшие мучения святой страдалец: он лежал недвижимо, не застонал, не возопил, ибо ум его весь был в Боге, за Которого он страдал. Все удивлялись терпению мученика; сам Марзаван не знал, чем это объяснить. Прекратив истязания Анастасия, он снова стал устрашать его и грозить ему.

– Напишу о тебе, – говорил он, – непременно напишу великому нашему государю, и он велит казнить тебя лютою смертию.

– Пиши что хочешь, – слабым голосом отвечал страдалец.

– Ужели ты в самом деле не боишься могущественного нашего царя?

– Я уже говорил: что мне его бояться – не такой ли же он смертный, как и ты, и все люди? Не истлеет ли и он в земле так же, как и ты? Господа моего Иисуса Христа, сотворившего небо и землю и все, что в них, – вот Кого надобно бояться!

Святой мученик отведен был в темницу. Через несколько дней Марзаван снова потребовал к себе Анастасия. В этот раз гордый правитель изменил обращение свое с мучеником, он обошелся с ним кротко и ласково, думая таким образом подействовать на спокойного и непоколебимого в вере инока и склонить на свою сторону.

– Жалею я тебя, – заговорил Марзаван мягким голосом и по видимости с участием к горькой судьбе стоявшего перед ним узника, – очень жалею. Вспомни, друг мой, о своей молодости и пожалей себя и своего родителя. Вспомни о древней и славной вере нашей, о славном и могущественном нашем государстве, вспомни обо всем этом и принеси жертву богам, чтобы не умереть жестокою смертию и не лишиться этого видимого и прекрасного света.

– Каким богам велишь мне принести жертву? – прежним тоном отвечал Анастасий. – Солнцу ли и луне, огню ли и морю, горам и холмам и прочим стихиям? О, не дай мне, Господи, поклоняться этим вашим богам! Все это Христос, Сын Божий, создал на потребу нашу, на службу человеку, разумному Его созданию; вы же заблуждаетесь, поклоняясь и служа светилам и стихиям, как будто бы не они для нашей пользы, а мы для них были созданы. Вы несправедливо называете их богами, вы созданы по образу Божию и не знаете Бога, Создателя своего. Если бы вы познали Христа, создавшего вас, то обратились бы к Нему, истинному Свету, и освободились бы от диавола, во власти которого находитесь.

По такому ответу и по тому, каким тоном ответ был высказан, убедился Марзаван, что исповедник христианской веры непоколебим и ничем – ни угрозами, ни лаской – нельзя его склонить к отречению от Христа, и до получения от Хозроя письма с ним больше уже не говорил. Анастасия отвели в темницу и днем по-прежнему выводили вместе с прочими узниками на работу.

Среди тяжких своих страданий исповедник Христов непрестанно молился, устремляя ум и сердце к Богу, всем существом своим порываясь ко Христу Спасителю, из любви к Коему он страдал. Молились о страдальце и братья обители Анастасиевой, когда узнали, что он начал уже и совершает свой подвиг, молились усердно Господу, да подкрепит Он Своего раба и подаст ему терпение и силы довершить во славу святого имени Своего подвиг мученичества. Настоятель же Иустин прислал ему утешительное письмо и двух иноков, с тем чтобы они тайно посещали его в темнице и воодушевляли к мужественному перенесению страданий. Утешали и подкрепляли страстотерпца Христова и небесные видения. Так, однажды ночью находившийся в одной с Анастасием темнице еврей видел, как среди необычайного света, осветившего всю комнату, явились два светоносных мужа в архиерейском облачении и с ними прекраснейший юноша с кадильницей в руках, как все они подошли к Анастасию и юноша кадил ему.

Получив от Хозроя ответное письмо, Марзаван послал в темницу объявить Анастасию: «Добрый наш государь по своей великой милости позволяет тебе сказать только: “Я не христианин”, и ты тотчас же будешь отпущен и пойдешь куда хочешь – или к христианам и инокам, или в свое отечество». С ужасом отверг такое предложение Анастасий и отвечал: «О, не отрекусь я от Христа моего ни за что на свете, не отрекусь ни умом, ни словом».

В другой раз Марзаван послал к святому узнику с тем же предложением, но, по мнению правителя, более мягким: «Знаю, что ты стыдишься отречься от своей веры при других, особенно при знакомых, но, так как царского повеления преслушать нельзя, позволяю тебе наедине предо мной только и двумя моими советниками произнести: “Отрекаюсь от Христа”, и ты будешь отпущен. Какой тебе вред или зло, если ты только устами скажешь отречение, а сердце твое, не согласуясь с устами, будет веровать и служить своему Богу?»

«О, не дай Бог мне этого! – дерзновенно, возвысив голос, произнес святой исповедник. – Ни перед тобой, ни перед другими, ни явно, ни тайно, ни во сне – никогда, никогда не отрекусь от моего Господа, и никто никогда и никакою силой не принудит меня к этому!»

С негодованием, получив от узника такой решительный ответ, Марзаван потребовал его к себе.

– Вот, царь наш повелел отправить тебя, скованного, к нему в Персию, – грозно сказал он Анастасию, когда тот явился.

– Зачем скованного? – спокойно отвечал на эти слова правителя святой мученик. – Если хочешь, я и без оков сам пойду к царю вашему. Какая нужда налагать оковы на меня, добровольно желающего пострадать и умереть за возлюбленного мной Христа, моего Господа и Владыку!

Убедился наконец Марзаван, что никак и ничем нельзя поколебать твердого как камень исповедника Христова и заставить его отречься от Христа, и отправил его в оковах в Персию вместе с двумя другими узниками, также христианами. С ними отправился и один из иноков, присланных к нему настоятелем Иустином.

Когда доложено было Хозрою, что прибыл из Палестины узник Анастасий, царь послал судью испытать его касательно веры. Прибыв в темницу, где содержался Анастасий, судья начал обычный допрос.

– Кто ты и откуда? И по какой причине изменил своей вере и сделался христианином?

Святой исповедник стал отвечать через переводчика; гнушаясь верой нечестивых персов, он гнушался и языком их.

– Заблудились вы, – говорил Анастасий, – почитая бесов вместо истинного Бога. И я прежде был в вашем заблуждении и нечестии; ныне же верую и поклоняюсь всемогущему владыке Иисусу Христу, создателю неба и земли; знаю наверно и утверждаю, что вера ваша – суеврие, прелесть диавола, ведущая в погибель.

– Окаянный, – прервал исповедника судья, – не распяли ли иудеи твоего Христа, коего вы почитаете? Как ты заблудился, оставив веру, в которой родился и вырос, и приняв новую, чужую веру!

– Правду ты говоришь, что Иисус Христос был распят иудеями; но почему не говоришь того, что Он волею Своею Божественною благоволил отдать Себя на распятие? Создатель всяческих, Он сошел с небес на землю, действием Святого Духа воплотился от пресвятой и преблагословенной Девы Марии, распялся, пострадал и умер по Своей воле, чтобы спасти род человеческий от власти диавола, врага Бога и человеков. Вы же почитаете диавола, поклоняетесь солнцу, луне, огню и иным созданиям, а не Создателю Самому.

– Ты говоришь много, и все пустое! Вот славный царь наш удостоит тебя великой чести, даст тебе всяких благ, поясов дорогих, коней, оружия и всякого богатства, и ты будешь в числе первых его сановников; возвратись только к прежней своей вере.

– Дары царя вашего, честь, славу, богатство и все, что вам любезно и вожделенно, я давно презрел и возненавидел, мерзки они мне; познав Христа Господа, возлюбив Его от всей души моей и всего сердца, питаюсь и утешаюсь надеждой вечных благ, кои надеюсь получить благодатию Христа Бога моего, чему залогом и предвестником служит честный иноческий чин и эта худая одежда.

Когда судья донес Хозрою, что Анастасий тверд и непоколебим в христианской вере и что никаким образом его нельзя склонить к отречению от христианской веры, царь разгневался и приказал мучить и истязать упорного узника до тех пор, пока он не исполнит царской воли. Исполнителем повеления Хозроя был тот же судья. И последовали жесточайшие мучения, коим подвергли исповедника Христова. Три раза долго и без пощады били его палицами; на голени накладывали тяжелые клады, отчего ноги были раздавлены; вешали за руку, привязав к одной ноге большой камень. Доблестно переносил страстотерпец страшные мучения и оставался непоколебимым в исповедании Христа. Его, измученного и истерзанного, бросили потом в темницу. Господь послал утешение Своему верному рабу. Темничный сторож был тайным христианином и служил святому мученику и другим узникам-христианам, находившимся в темнице, доставляя им возможное облегчение и все потребное. С дозволения стража посещали святого страдальца инок, прибывший с ним в Персию, сыновья Эсдина, тайного христианина, первого министра при дворе Хозроя, и другие верные, утешая его и укрепляя в подвиге мученичества. Особенную любовь показали к святому мученику благочестивые дети Эсдина. Они припадали к изувеченным и изъязвленным ногам его, лобызали узы, коими он был скован, и просили его молитв у Господа; страдалец же отсылал их от себя, говоря, что он грешный человек и сам требует молитв и помощи других. Мало того, они прикладывали к оковам мученика воск, на котором делался их отпечаток, и этот воск хранили у себя в благословение дому своему и для исцеления болезней и недугов. Воск с изображением на нем уз они посылали другим, как самый драгоценный дар.

Наконец, истощив все средства победить непобедимого исповедника имени Христова, судья-мучитель донес Хозрою, что он, несмотря на все роды мук и истязаний, упорен и непреклонен, и советовал скорее казнить его смертью, чтобы от одного христианина не было более бесчестия и поругания славному Персидскому царству. Хозрой согласился и дал повеление казнить смертью через удушение Анастасия и с ним 70 узников, из коих большая часть были пленниками-христианами. За день до казни Анастасий, не зная еще решения своей участи, обращаясь к некоторым узникам, предсказал свою кончину, а им свободу: «Знайте, братия мои, что завтра со многими здесь находящимися узниками я скончаюсь, вы же останетесь в живых и будете освобождены, ибо нечестивый царь будет вскоре убит». Предсказание это исполнилось. На другой день действительно казнены были Анастасий и с ним 70 узников. Перед глазами Анастасия их удавили одного за другим. После умерщвления каждого судья говорил Анастасию: «Что, и ты хочешь так же погибнуть, как эти несчастные? Не лучше ли покориться царской воле и остаться в живых и получить от царя дары, честь и славу?» Святой мученик отвечал: «Я желал, чтобы вы на части рассекли тело мое ради Иисуса Христа, но если вы грозите мне только такую смертью, то благодарю Господа, что Он столь легким страданием приобщает меня к сонму Своих мучеников». Наконец и св. Анастасий был удушен и таким образом совершил мученический подвиг. Это было 22 января 628 года.

Чтобы угодить Хозрою, мучители отсекали св. Анастасию голову и послали ее во дворец. Тело мученика вместе с прочими трупами было, по обычаю персидскому, брошено на съедение псам, и смотреть за этим приставлены были воины. Дивную вещь заметил при этом последовавший за Анастасием инок, описавший его страдания и мученическую кончину: псы не только не коснулись тела святого мученика, но еще стерегли его; оно осталось цело и невредимо, тогда как все трупы были съедены. Ночью над святым телом страстотерпца Христова виднелась светлая звезда. При помощи золота, данного христоролюбивыми сыновьями Эсдина, инок выкупил

многострадальное тело святого мученика и с честью положил его сначала в соседней обители Сергия, а после смерти Хозроя, который в скором времени был убит, как предсказал Анастасий, перевез его в Палестину в Анастасиеву обитель, в которой святой мученик жил и подвижался до мученичества⁴²¹.

⁴²¹ См.: Четьи-Минеи, 22 января; *Вершинский*. Месяцеслов, 22 января; *Histoire ecclésiastique*. Vol. 2. Liv. 37. Ch. 25, 32. Инок, описавшим жизнь и мученичество преподобного Анастасия, был Симеон.

Кесарийская киновия

Киновия Кесарийская находилась близ Кесарии приморской. Кем она была основана, неизвестно. В VI веке, когда управлял киновиею преподобный Киприан, она была в цветущем состоянии.

Из подвижников Кесарийской киновии известны Закхей и Киприан.

* * *

Преподобный Закхей был великим подвижником. В последние годы своей жизни он оставил свою обитель и проводил время то на Сионе в Иерусалиме, то в Гефсимании, то в Иорданской обители Пресвятой Девы Марии и других местах; там он уединялся и предавался молитве и духовному созерцанию. Подвигами своими он достиг высокой степени нравственной чистоты и святости; стал близок к Богу и угоден Ему; молитва его имела у престола Божия великую силу. Из благодатных даров Закхей был наделен особенно даром предведения будущего. Иоанн Мосх в своем «Луге» поместил о преподобном Закхее рассказ, показывающий, на какой высоте духовной жизни стоял он и как сильна была его к Богу молитва⁴²².

«Учились у меня в Кесарии два сына, – рассказывал Иоанну Мосху схоластик Прокопий Порфирионит. – Там открылась сильная моровая язва. Я скорбел о детях своих, опасаясь, чтобы они не умерли, и не знал, что делать. Я думал сам про себя: если я пошлю и возьму их к себе, гнева Божия нигде избежать нельзя; если же оставлю их там и они умрут, то не увижу их более. Итак, не зная, как поступить, я сказал: пойду к авве Закхею и что велит он мне, то и сделаю. Я отправился на святой Сион и в Гефсиманию, где большею частию он пребывал; но там его не было. Нашел я его в обители Пресвятой Богородицы, так называемой Новой, на паперти в углу, и сказал ему о своих детях. Выслушав мои слова, он обратился к востоку и, распростерши руки, вперил очи свои на небо и пребыл в таком положении около двух часов, ничего не говоря. Потом, обратясь ко мне, сказал: “Уповай и не скорби. Дети твои не умрут от сей язвы, через два дня язва прекратится в Кесарии”. В точности исполнилось его слово».

Преподобный Киприан, по прозванию Кукуля, был игуменом Кесарийской киновии. И он так же, как преподобный Закхей, был мужем высокой духовной жизни и угодный Богу. Об этом говорит случай, рассказанный Иоанну Мосху самим подвижником. «Несколько времени тому, – поведал однажды Киприан Иоанну, – был здесь сильный мор. Я затворился в моей келье и усердно умолял человеколюбца Бога помиловать нас и прекратить праведный Его гнев на нас. И пришел ко мне глас: “Авва Закхей уже получил эту благодать”»⁴²³.

⁴²² См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 131.

⁴²³ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 132.

Скифопольская киновия

Где находилась Скифопольская киновия, в самом ли городе Скифополе или близ него, об этом нельзя сказать определенно, равно также и о том, была ли она обителью, основанной некогда в окрестностях Скифополя Саввою Освященным, или другой. В VI веке киновия эта славилась между палестинскими обителями: в ней были великие по духовной жизни и благодатным дарам старцы. Из подвижников Скифопольской киновии особенно известен преподобный Георгий Затворник.

Преподобный Георгий Затворник далеко славился и своим подвижничеством, и нравственными качествами, и благодатными дарованиями. Вот что услышал о нем блаженный Иоанн Мосх от подвижника той киновии Анастасия, с которым встретился в Скифополе. «В одну ночь встал я, – рассказывал Анастасий, – в урочный час бить в било (я был еkkлeсиархoм⁴²⁴ в то время), и вдруг слышу: авва Георгий очень плачет. Я подошел к нему и спросил: “Что с тобою, господин авва, что ты так плачешь?” Старец на вопрос мой ничего не отвечал. Я опять стал просить его открыть причину его плача.

Он вздохнул из глубины сердца и сказал: “Как мне не плакать? Владыка наш Господь Иисус Христос не хочет смириться над нами. Я восхищен был, чадо, умом и увидел: стою я пред неким Мужем, сидящим на высоком и пресветлом престоле; вокруг Него обстояли тьмы сил, которые умоляли Его и просили о чем-то. Но Он не преклонялся на их мольбы. Вот подошла к Нему некая Жена, одетая в порфиру; Она припадала к Нему, умоляла и говорила: “Хотя ради Меня умиლოსердись!” Но и тогда Он не преклонился на милость. Вот о чем я плачу и рыдаю; гнев Божий на нас грядет”. Это сказал мне старец на рассвете в четверток, а на следующий день, то есть в пятницу, в девятом часу вдруг ужасно всколебалась земля и от сильного землетрясения на побережье Финикийском, разрушилось много городов».

Тот же авва Анастасий рассказал Иоанну Мосху о другом случае прозорливости преподобного Георгия: «Стоял я в дверях кельи Георгия, это было спустя несколько времени после бывшего ему видения, и вижу: старец стоит у окна и вдруг начал плакать и, обратясь ко мне, сказал: “Горе нам, брате, мы не имеем умиления и сердечного сокрушения, живем в лености, боюсь, мы при дверях, и гнев Божий постиг нас”. На другой день показался на небе огонь»⁴²⁵.

⁴²⁴ Церковный служитель, наблюдающий за порядком богослужения. – *Примеч. ред.*

⁴²⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 50.

Иорданские обители

В VI–VII веках подвижничество на Иордане сравнительно с предшествующим веком еще более процвело. Число лавр и киновий на Иордане чрезвычайно умножилось; ими наполнилась долина Иорданская на всем своем пространстве от Геннисаретского озера до Мертвого моря; и евангельские места: Салим, Енон, Вифавара – увидели близ себя подвижников. Необычайная строгость аскетизма, господствовавшая в лавре преподобного Герасима, явилась теперь во всех иорданских обителях. В убогих кельях и хижинах отшельники проводили самую суровую жизнь; подобно подвижникам Герасимовой лавры, и они были совершенно чужды забот и печали о житейском и не имели у себя ничего лишнего; одна убогая одежда, рогожа, глиняный сосуд для воды, кусок хлеба, пальмовые прутья – вот все, что составляло их имущество. У всех и каждого было одно желание – сделаться мертвыми по телу, ослабить естественные телесные потребности, подавить плотские страсти и возвысить дух, приучив его к одному нравственно чистому и святому и укрепив в добре; было одно рвение – служить и благоугодить Господу. Главным занятием их были духовные упражнения. Пение их было, говорит св. Софроний, патриарх Иерусалимский, непрестанное, стояние – всенощное, в руках – постоянно рукоделье, на устах – псалом, в уме и сердце – богомыслие и покаянное чувство; и слова не слышалось между ними праздного; душу питали неоскудевающей пищей – словом Божиим⁴²⁶. Общим сделался в Иорданских обителях обычай удаляться на время Святой Четыредесятницы в пустыню, обычай, которого держались прежде только великие подвижники. Из одних обителей отходили на пустынные подвиги к началу Великого поста в так называемое Прощеное воскресенье, из других – в первое воскресенье поста. Отход подвижников происходил торжественно. Совершалась литургия, за которою иноки причащались Святых Таин и затем на время расходились по кельям для отдыха и приготовления к пути. Каждый запасался пищей, какую хотел, сообразно со своею потребностью: кто брал хлеба, кто смокв или фиников, кто моченое сочиво; были старцы, которые и ничего с собой не брали и несли в пустыню только тело свое и рубище, коим оно было прикрыто, предавая себя Промыслу Божию, одевающему и питающему даже полевых птиц. Отдохнув и подкрепив себя пищей, снова собирались все в храм и после усердной молитвы прощались с игуменом и между собою, творя друг другу поклоны и друг у друга испрашивая о себе молитвы. Затем все начинали петь псалом «Господь просвещение мое и Спаситель мой...» и в конце его с пением выходили из храма. Отворялись святые врата обители, и иноки, проходя их, останавливались и прощались с обителем и уже после того направлялись к Иордану. В обители оставались два-три инока, не для того, чтобы хранить имущество братий, но чтобы храм Божий не оставался без Божественной службы. Перейдя священную реку, иноки разлучались друг с другом и расходились по обширной Заиорданской пустыне в разные стороны. Оживлялась эта пустыня, в которой обыкновенно были только дикие звери. Подражая Господу, сорок дней в полном уединении в посте и молитве пребывавшему в пустыне и во время общественного служения не имевшему, где главу приклонить, отшельники не останавливались на одном месте, а ходили по пустыне вдоль и поперек, простираясь нередко в самую глубь ее и стараясь не видеть друг друга. Они все время проводили в самом строгом посте, молитве, богомыслии, пели псалмы, совершали полунощницу, утренние и вечерние службы, часы, сопровождая все это поклонами, коленопреклонениями и сердечными воздыханиями. На время молитвы они обыкновенно останавливались на том месте, где начинали молиться. Непрерывно и глубоко было особенно их богомыслие, возношение ума и сердца Богу, так как все здесь к нему располагало и настраивало: и пустынность места, и полное одиночество, и мысль, что отшельник подражает в своем пустынном подвиге

⁴²⁶ См.: Четы-Минси, 1 апреля.

Самому Спасителю. Неудивительно потому, что отшельники с самоотвержением переносили все тягости и трудности пустынной жизни: днем их палило солнце, ночью проникал холод; порываясь непрестанно бодрствовать и держать себя в постоянном молитвенном настроении, они позволяли себе самый краткий отдых, предаваясь самому умеренному сну, для чего садились на землю или немного склонялись к ней. Истощался запас пищи, принесенный из обители, они питались кореньями и дикими травами. Так подвизались в пустыне в Святую Четырдесятницу иорданские подвижники. Совершив пустынный подвиг, они к Страстной седмице возвращались в свои обители⁴²⁷.

Река Иордан

Обстоятельства времени указали иорданским обителям особенное служение Церкви. По глубокому уважению к священной реке Иордану, на которой совершилось столько великих событий, воды которой освятил Своим крещением Сам Сын Божий, в Палестине с давних пор существовал обычай – совершать таинство крещения над обращающимися в христианство на берегах этой реки, погружая крещаемого в ее священные воды. Великое это дело возлагалось патриархами Иерусалимскими на иорданские обители. И служили обители этому делу несколько веков, поручая его избранным подвижникам, мужам высокой духовной жизни. И совершали иорданские подвижники крещение и миропомазание над мужчинами и женщинами, видя в этом служении Святой Церкви высокий подвиг⁴²⁸.

Таково было состояние иорданских обителей в VI–VII веках. К сожалению, по недостатку исторических сведений, из множества лавр и киновий, существовавших в эти века в Иорданской долине, мы можем говорить только о четырех обителях: о лаврах преподобного Петра и Евнухов, а также о киновиях Пентокль и Пресвятой Девы Марии, называемой Новой.

⁴²⁷ См.: Четы-Минеи, 4 марта, 1 апреля.

⁴²⁸ См.: Иоанн Мосх, блж. Луг духовный, 3.

Лавра преподобного Петра

Она находилась в Иорданской долине близ Иордана⁴²⁹. Неизвестно, кем был Петр, по имени коего лавра называлась: был ли он ее основателем или только управлял ею. В VI веке эта лавра процветала, в ней были подвижники высокой духовной жизни и нравственной чистоты. Из подвижников лавры Петра особенно известны Николай и Петр.

Преподобный Николай жил во второй половине VI века. Первоначально он подвизался на Синайской горе, в Раифской обители, и уже там аскетическими трудами достиг высокой степени духовного совершенства и был угоден Богу. Это показывает случай, о котором он сам передавал блаженному Иоанну Мосху и Софронию. «Когда жил я еще в Раифе, – рассказывал старец, – посланы были я и еще два брата в Фиваиду по монастырским делам. Проходя по пустыни, мы заблудились и скитались там много дней. Вода, взятая нами на дорогу, вышла вся. Оставаясь несколько дней без воды, мы от жажды и сильного зноя ослабели и не могли идти дальше. Наконец изнеможение наше дошло до того, что мы в чаще деревьев упали и ожидали себе смерти. В это время я впал в исступление, и вот видится мне: купель наполнена доверху водой; на краях ее стоят какие-то люди, и у одного в руке сосуд. И стал я умолять этого человека: “Сделай милость, господин, дай мне немного воды, ибо я умираю”. Он не хотел дать. И сказал ему другой: “Дай ему”. Тот отвечал: “Не дадим ему, потому что он очень ленив и нерадив к себе”. Первый снова сказал: “Дадим хотя ради путешествия его”. Тогда подали мне и бывшим со мною сосуд. Мы напились, ожили и укрепились и затем три дня шли не пивши и наконец добрались до населенных мест»⁴³⁰.

Преподобный Петр был великим подвижником. Пятьдесят лет провел он в пещере и ни вина не пил, ни хлеба не ел; питался только отрубями, и то три раза в неделю; каждую неделю три раза он приобщался Святых Таин⁴³¹.

Жил в лавре Петра один старец, друг львов. О нем Полихроний рассказывал Иоанну Мосху и Софронию, что он любил нередко выходить из обители к Иордану и там уединялся в пещерах, проводя время в молитве и богомыслии. Случалось ему находить и такие пещеры, в которых были логовища львов. Старец и в этих пещерах оставался, не боясь зверей, и жила по несколько времени вместе с ними. Львы не трогали раба Божия. Раз в одном логовище нашел старец двух львят, взял их, принес в своей одежде в лавру и собравшимся братьям сказал: «Если бы мы сохраняли заповеди Господа нашего Иисуса Христа, то не стали бы бояться сих животных. Но за грехи наши мы сделались рабами и особенно их боимся». Братии, получив великое назидание и душевную пользу, отнесли львят в пещеру.

Лавра Евнухов

Лавра Евнухов образовалась из одного монастыря патриарха Илии, когда в него приняты были евнухи царевны Юлианы, внучки императора Валентиниана III, по смерти ее пожелавшие проводить подвижническую жизнь, отчего монастырь вместо прежнего названия стал носить новое – Евнухов⁴³². Где в Иорданской долине лежала лавра Евнухов, достоверно не известно. Из «Луга» Иоанна Мосха видно только, что она находилась близ самого Иордана. В эту оби-

⁴²⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 16, 18.

⁴³⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 16.

⁴³¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 17.

⁴³² См.: *Кирилл Скифопольский.* Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 53, 69.

тель являлись преимущественно люди, желавшие принять крещение в священном Иордане, и в ней на одного из ее иноков возлагалась обязанность совершать это таинство, как видно из свидетельства Иоанна Мосха⁴³³. В VI и VII веках лавра Евнухов славилась строгостью жизни своих подвижников и высокими их нравственными совершенствами. Из подвижников лавры Евнухов известны Илия Отшельник, Илия Воск и Иоанн пресвитер.

* * *

Преподобный Илия, отшельник лавры Евнухов в VI веке, был великим подвижником. На путь подвижничества вступил он в молодых годах в той же лавре Евнухов и подвизался всю жизнь в пещере. Велики были аскетические труды его: он воздерживался от пищи не только по несколько дней, но и по целым неделям; непрерывно внимал себе, наблюдая за своими мыслями и желаниями; он старался избегнуть и тени угождения плоти, отказывался от самых невинных удовольствий, подавлял самое естественное, безгрешное желание. Так, однажды в пустыне захотелось ему меду; нашел он его, но не прикоснулся к нему и сказал сам себе: «Отступи от меня, злое пожелание; пишется: если духом живете, не делайте угождения плоти с похотением». В другой раз, когда подвижник три недели постился, нашел он, также в пустыне, плод, брошенный на землю, но и тут, несмотря на чувство голода, плода не взял и сказал: «Не буду есть его, ни прикасаться к нему, чтобы не соблазнить брата, ибо написано: *не хлебом одним будет жив человек* (Мф. 4:4; Лк. 4:4)». И на высокую степень духовного совершенства, нравственной чистоты и святости взошел преподобный Илия. Душа его возвысилась над всем земным и дольным, тело покорилось духу и как бы само одухотворилось, так что он не ощущал уже действия вещественных предметов на свои чувства. Так, много раз носил он в недрах горячие угли и не чувствовал их жжения, не испытывал от них никакого вреда даже для своей одежды. Согласно обетованию Спасителя, великий подвижник получил власть над самыми нечистыми духами, которые боялись его. Некто из братии обители просил старца позволить ему жить с ним в пустыне. Отшельник указывал ему на трудность пустынных подвигов и особенно на искушения от исконного врага человеческого спасения. «Ты не можешь, – сказал он брату, – выдержать страшных нападений сатаны». Тот все просил усиленно и говорил: «Все претерплю и перенесу». Старец принял его и указал жить в другой пещере. Ночью в необыкновенном множестве явились бесы в пещеру и начали смущать нового отшельника скверными помыслами, и так как он, сколько можно было, противился им и боролся с ними, то они напали на него и стали давить его. Он бросился к старцу и поведал ему случившееся. Выслушав спокойно рассказ инока о нападении на него бесов, святой отшельник пошел с ним к его пещере, очертил ее со всех сторон знаменiem креста и затем велел брату жить в ней и подвизаться спокойно, не боясь козней и нападений нечистых духов. Поселился новый отшельник в пещере и стал в ней о Господе подвизаться. И что же? Бесы уже более его не беспокоили⁴³⁴. Поистине великим подвижником был преподобный Илия, отшельник лавры Евнухов!

Там же подвизался еще другой преподобный Илия, из восков⁴³⁵. В «Луге» записан случай, с ним бывший, который показывает, что Господь знает рабов Своих и во время опасности посылает им Свою помощь; показывает также, что **преподобный Илия Воск** был мужем, благоугодным Богу. Об этом случае сам подвижник поведал Иоанну Мосху и Софронию во время посещения ими лавры Евнухов. «Жил я, – рассказывал он, – около Иордана в пещере для того, чтобы не иметь общения с Макарием, епископом Иерусалимским. В это время однажды около полудня, когда зной солнечный был в самой сильной степени, кто-то постучал в дверь

⁴³³ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 3. [Иоанн Мосх пишет в указанной главе о монастыре Пентокль. – *Примеч. ред.*]

⁴³⁴ См.: Пролог, 10 апреля.

⁴³⁵ См. примечание 5.

моей пещеры. Вышед, я увидел женщину и говорю ей: “Зачем ты здесь?” Она мне отвечала: “И я, отец мой, веду такую же жизнь, как ты, и живу в малой пещере недалеко отсюда, на расстоянии одного камня”⁴³⁶. Потом указала мне самое место – несколько на юг и сказала: “Проходя этой пустыней, я почувствовала жажду от сильного зноя; сделай милость, дай мне немного воды”. Я вынес кружку и подал ей. Она напилась, и я отпустил ее. Но когда она ушла, диавол начал нападать на меня относительно нее и внушать мне нечистые пожелания. Побежденный, не вынося распаления, я взял жезл, вышел из пещеры в то время, когда и самые камни от зноя раскалились, и пошел к этой женщине с тем, чтобы удовлетворить свою страсть. Когда я был уже в одной стадии от пещеры этой женщины и страсть во мне горела, вдруг прихожу в исступление и вижу: разверзлась земля и поглотила меня. Потом вижу мертвые тела, сгнившие, распавшиеся, исполненные зловония, которого ни с чем сравнить нельзя; тут же вижу одного священного мужа, который, указывая мне на это, говорил: “Вот это – тело женщины, это – мужчины. Усладжай похоть твою, как хочешь и сколько хочешь. Но вместе смотри, каких плодов ты должен лишиться из-за такого удовольствия. Вот за какой грех вы хотите сами себя лишиться Небесного Царствия. Какого сожаления достойны люди! За час удовольствия не жалеют они всех своих подвигов!” Между тем я от сильного зловония упал на землю. Тогда явившийся мне священный муж поднял меня и укротил во мне брань. А я, возблагодарив Бога, возвратился в свою келью»⁴³⁷.

Преподобный Иоанн пресвитер жил в VI веке. Он поступил в обитель Евнухов еще в молодых годах и провел в ней в подвигах всю жизнь. Он любил посещать великих отцов-подвижников, чтобы получить от них благословение и духовное назидание. Так, он посещал великого подвижника Каллиника, жившего в лавре Саввы Освященного, о чем сообщил преподобному Иоанну, составителю «Луга», а также рассказал ему о других палестинских подвижниках⁴³⁸.

Киновия Пентокль

Киновия Пентокль, или Плача, основана была, по преданию, на том месте, где остановились сыновья Иакова, когда везли из Египта тело его и сотворили плач великий⁴³⁹, значит, находилась при самом Иордане. Об этом говорит и то обстоятельство, что на иноков этой киновии возлагалась обязанность крестить в священной реке обращавшихся в христианскую веру⁴⁴⁰. В VI веке киновия Пентокль считалась в числе первых иорданских обителей по строгости жизни и нравственным совершенствам ее подвижников, из коих многие исполнены были благодатных даров. О дальнейшей судьбе этой киновии не сохранилось сведений в церковно-исторических сочинениях. Из подвижников же киновии известны Конон Киликиянин, Марк отшельник и Конон игумен.

* * *

Преподобный Конон, родом из Киликии, был великим подвижником и богоугодным мужем. Он имел общение с духовным миром: несколько раз видимо являлся ему Иоанн Креститель. Обстоятельство, по которому Конону являлся Предтеча Господень, записано в «Луге

⁴³⁶ То есть на расстояние, на которое летит камень, выпущенный из пращи. – *Примеч. ред.*

⁴³⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 19.

⁴³⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 135–136.

⁴³⁹ См.: *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. С. 397–398.

⁴⁴⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 3.

духовном», о чем Иоанн Мосх слышал от одного старца в лавре Саввы Освященного. На Конона, как мужа святой жизни, возложена была обязанность крестить в Иордане обращающихся в христианскую веру и совершать над ними таинство Миропомазания. Приходилось Конону крестить и помазывать святым миром и женщин. Но в этом случае подвижник подвергался искушению; он смущался и расстраивался в мыслях; нарушался его душевный мир, в нем возникали нечистые желания. Долго подвижник мучился, но все терпел; наконец задумал уйти из киновии. Когда же он совсем решился оставить свою обитель, является св. Иоанн Креститель и говорит ему: «Трудись и подвизайся и потерпи немного, я облегчу тебе плотскую брань». Конон остался и продолжал усердно свое дело. Явилась в обитель девица-персиянка, весьма красивая. Увидев ее, подвижник до того смутился от мысли, что он должен во время совершения над нею крещения видеть ее наготу, что отказался крестить ее. Два дня оставалась она некрещеною. Патриарх Петр, узнав об этом, пожалел Конона и хотел избрать на это дело строгой жизни диакониссу, но, рассудив, оставил свое намерение, так как и место, населенное подвижниками, не позволяло этого, и каноны церковные запрещали женам совершать службы и таинства. Конон же удалился из обители, сказав: «Не буду больше жить на этом месте». Но едва поднялся он на холмы, вдруг явился св. Иоанн Креститель, остановил его и кротким голосом сказал: «Возвратись в свою обитель, я облегчу тебя от брани». Конон с укоризной и негодованием отвечал: «Поверь, не возвращусь. Много уже раз ты обещал мне облегчить мою брань и ни разу не исполнил своего обещания». Тогда св. Иоанн Креститель посадил его на один холм и трижды ознаменовал крестным знаменем чресла его и сказал: «Поверь мне, пресвитер Конон, я хотел, чтобы ты получил награду за сию брань, но так как ты не хочешь этого, то я освобождаю тебя от брани, но за то ты не получишь награды». И тотчас св. Предтеча сделался невидим. Конон возвратился в киновию. На другой день спокойно крестил он в Иордане и помазывал миром девицу и нисколько не ощущал в себе плотского возбуждения. С того времени 12 лет спокойно исполнял Конон свое служение; смотря на женщин всякого возраста и прикасаясь к ним при совершении над ними таинств Крещения и Миропомазания, он не чувствовал в себе смущения и нечистого вожделения: он не видел в женщине женщины. Угодив Богу, преподобный Конон мирно преставился⁴⁴¹.

Преподобный Марк жил большею частью вне киновии отшельником и славился необыкновенным подвижничеством. Целых 69 лет он провел в непрерывных трудах и подвигах. Воздержание его было необычайно. Он вкушал немного хлеба однажды в неделю, а нередко по целым седмицам ничего не ел, так что многие считали его бесплотным. Между тем день и ночь он трудился, занимаясь плетением рогож, чтобы подавать милостыню ради Христа, и все, что зарабатывал своим рукодельем, раздавал бедным. Для себя он никогда ничего не брал. Некоторые христоролюбивые люди пришли было к отшельнику с подаянием, но старец сказал: «Я не беру; рукоделье мое, по милости Божией, и меня кормит, и приходящих ко мне Бога ради»⁴⁴².

Святостью жизни и богоугождением славился между подвижниками киновии Пентокль и **другой Конон**, бывший ее настоятелем. Об этом свидетельствует случай, когда он чудесным образом избавился от неминуемой смерти. Шел некогда Конон в одно святое место – Вифавару⁴⁴³, или Витон; встретились ему на дороге евреи. Враги Христа и христиан вознамерились убить подвижника. Уже обнажили они мечи, подбежали к святому старцу и подняли руки, чтобы нанести ему смертельный удар. Но Господь защитил раба Своего: поднятые с мечами руки врагов так и остались в неподвижном положении, они никак не могли ими двинуть, и

⁴⁴¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 3.

⁴⁴² См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 13.

⁴⁴³ Вифара (*араб.* Каср эль-Яхуд) – место, где Христос принял крещение от Иоанна Крестителя. – *Примеч. ред.*

взмолились христоненавистники старцу и просили его помиловать их. Святой старец сотворил о них молитву, и руки их тотчас опустились. Оставив подвижника в покое, они продолжали путь⁴⁴⁴.

Киновия Пресвятой Богородицы Марии, называемая Новой

Киновия Пресвятой Богородицы Марии, называемая Новой, – третья исторически известная палестинская обитель, посвященная имени Божией Матери⁴⁴⁵. Она находилась в Иорданской долине⁴⁴⁶, но где именно, сказать нельзя по недостатку исторических сведений. Она известна была еще под именем киновии аввы Константина, который был в ней игуменом и жил во второй половине VI века⁴⁴⁷. Главный храм киновии был построен и освящен в честь и славу всехвальной Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии⁴⁴⁸. В VI веке киновия эта стояла в ряду важнейших иорданских обителей и славилась строгим подвижничеством ее иноков: в ней были старцы богоугодные, исполненные благодатных даров. Известий о состоянии ее в последующие века в церковно-исторических сочинениях не встречается. Из подвижников киновии Пресвятой Богородицы Марии известны Леонтий Киликиянин, Авраамий игумен и Константин игумен.

* * *

Преподобный Леонтий Киликиянин сорок пять лет провел в обители, почти постоянно пребывая в храме и внимая себе. Он неусыпно бдел над своими помыслами и хранил себя от худых мыслей, чувств и желаний. Преподобный Леонтий был нищелюбив: он радовался, когда приходил к нему бедный и просил у него милостыни. При подаении милостыни он отличался особенностью: если нищий был слепым, старец подавал ему из рук; если же он был зрячим, то клал монету или на стол, или на скамью, или на ступенях церковных и тот отсюда уже брал подавание. Когда спросили старца: «Почему ты, отец, не подаешь из рук?» – он отвечал: «Не я это подаю, но Владычица моя Пресвятая Богородица: Она и меня питает, и этих нищих и убогих»⁴⁴⁹.

Преподобный Авраамий жил в VI веке и был игуменом Новой киновии Пресвятой Богородицы Марии. Впоследствии, как достойный муж, он из настоятелей был избран на святительскую кафедру и сделался епископом Ефесским. Истинный подвижник, Авраамий достиг высокой степени нравственной чистоты и святости и исполнен был благодатных даров. Он отличался необычайною любовью к ближним, особенно к подвижникам, ревновал об их душевном благе и спасении; заботился и о временных их нуждах и потребностях. Так, он посылал зимнюю одежду подвижнику Илиотской лавры Феодосию, узнав, что тот таковой одежды не имеет. Из ревности о спасении ближних для споспешествования их нравственному преуспеванию Авраамий устроил две обители: в Святой Земле на Елеонской горе киновию Византийцев (или Византийскую) и в Константинополе монастырь, известный под именем Авраамиева, сделавшийся потом славным между цареградскими обителями. Преподобный Авраамий славился опытностью в управлении и руководстве других в духовной жизни. В «Луге» он называется

⁴⁴⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 15.

⁴⁴⁵ Первой обителью, посвященной имени Пресвятой Богородицы, была лавра Каламони.

⁴⁴⁶ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 68.

⁴⁴⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 6.

⁴⁴⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 61.

⁴⁴⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 61.

пастырем опытным и кротким, называется даже великим. Из благодатных даров Авраамий особенно проявлял прозорливость. Так, когда он узнал, что из двух иноков, поклявшихся никогда не разлучаться друг с другом и работавших при возведении Византийской обители, один стал вести распутную жизнь, а другой усилил свои подвиги, весь день постился, ни с кем не говорил, чтобы спасти брата, Авраамий успокоил его и сказал: «Даровал тебе Бог душу брата», что вскоре и сбылось⁴⁵⁰.

Преподобный Константин был современником Иоанна Мосха. Он управлял Новою киновией Пресвятой Богородицы и был столь известен и славен между палестинскими подвижниками, что эту обитель называли прямо киновиею или монастырем аввы Константина. Известна одна черта из его духовно-благодатной жизни: это доступность ему духовного мира, проникновение в тайны духовной жизни. Константин сам рассказывал пресвитеру Полихронию, что видел светлую звезду над телом одного умершего в Иерихонской больнице подвижника, когда его несли для погребения в Пирги: звезда шла и видна была над усопшим на всем продолжении пути и скрылась, когда тело почившего опустили в землю⁴⁵¹.

⁴⁵⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 68, 97.

⁴⁵¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 6.

Лавра Пирги

Лавра Пирги, то есть Башни, основана учеником Саввы Освященного Иаковом в долине Иорданской⁴⁵². Но где именно она находилась, определить трудно по недостатку исторических указаний; очевидно только, что она лежала не так далеко от Иордана⁴⁵³. Неизвестно также достоверно, почему она называется лаврой Пирги (Башни). Можно только предположить, что, по возникшему тогда у лавр и киновий, соседствовавших с пустыней, обычаю устроить у себя столпы или башни для наблюдения за появлением из пустыни сарацин, лавра Пирги имела несколько таких башен. В VI веке лавра Пирги находилась в цветущем состоянии: в ней были подвижники высоких нравственных совершенств, как об этом можно судить по нескольким случаям из их жизни, сохранившимся в «Луге духовном». О дальнейшем существовании этой лавры ничего не известно.

Из подвижников лавры Пирги известны по именам Феофил и Мироген. Присоединим к ним и подвижников, имена коих неизвестны, но из духовной жизни коих сохранились в «Луге» блаженного Иоанна Мосха замечательные случаи.

Преподобный Феофил славился духовною мудростью и особенно разумением слова Божия. К нему за наставлениями обращались подвижники из других обителей, даже отдаленных. Так, являлся к Феофилу из Фаранской лавры Косма скопец, сам великий подвижник, с просьбой объяснить ему сказанные Господом ученикам слова, которых он не мог понять: имеющий одежду продай ее и *купи меч* (Лк. 22:36), и ответ учеников: *имеем два меча* (Лк. 22:38). Охотно удовлетворил Феофил просьбу Космы и так растолковал занимавшие его слова: два меча – это деяние и созерцание; кто сии две добродетели имеет, тот совершен⁴⁵⁴.

Преподобный Мироген вел самую строгую жизнь. От чрезмерных подвигов он подвергся водяной болезни. Болезнь свою старец переносил терпеливо и благодушно и еще благодарил за нее Бога. Когда братия приходили проведать старца и предлагали ему лечиться, старец всегда говорил им: «Отцы, молитесь за меня, чтобы только внутренний мой человек не подвергался водяной болезни. А что касается настоящей моей болезни, то я молю Бога, чтобы Он не вдруг меня от этой болезни освободил и дал бы мне долее в ней пребывать». О болезненном состоянии Мирогена узнал патриарх Иерусалимский Евстохий⁴⁵⁵ и из сострадания к больному послал ему вещей, в которых особенно он нуждался. Старец ничего не принял и просил патриарха об одном: «Молись обо мне, святой отец, чтобы мне избавиться от вечного мучения»⁴⁵⁶.

Монастырский эконо́м. Скончался в монастыре Пирги один инок. Эконом попросил некоторых братьев пособить ему убрать, что было в келье умершего. Когда стали переносить в кладовую сосуды и другие вещи, бывшие в келье умершего, эконо́м горько плакал. «О чем ты так плачешь, отец мой?» – спросил его пресвитер Новой лавры авва Полихроний, бывший при этом случае. Тот отвечал: «Сегодня я ношу имущество брата моего, а через два дня другие

⁴⁵² См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 5–10.

⁴⁵³ А.М. Муравьев помещает лавру Пирги между Иерусалимом и Иерихоном, близ башни императрицы Евдокии, построенной ею для свидания с Евфимием Великим, и полагает, что она так называлась или из-за соседства с этой башней, или из-за своих бойниц, которыми предположительно была защищена (Письма с Востока. С. 215). Но в «Луге духовном» прямо говорится, что лавра Пирги находилась близ Иордана.

⁴⁵⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 40.

⁴⁵⁵ В 552/553–563 гг.

⁴⁵⁶ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 8–9.

понесут мое имущество». И действительно, на третий день после этого экононом скончался, как сам о том предсказал⁴⁵⁷.

Старец, отказавшийся от игуменства. Жил в монастыре Пирги один весьма добродетельный старец. Братия, зная высокие его качества, просили его быть игуменом обители. Старец отказывался от этого и говорил: «Простите меня, отцы, и оставьте меня плакать о грехах моих. Я не достиг такого совершенства, чтобы достойно управлять душами, это дело великих и богоносных отцов, каковы авва Антоний, Пахомий, Феодор и другие». Братия, несмотря на отказ старца, еще более стали просить его принять на себя управление обителью. Старец на усиленную их просьбу отвечал: «Дайте мне три дня помолиться, и как Богу угодно будет, так я и сделаю». Это было в пяток, а в воскресенье старец почил о Господе⁴⁵⁸.

Нестязательный и милосердный старец. Еще в лавре Пирги был один старец, который отличался необыкновенным милосердием и нестяжательностью. Однажды подошел к его келье нищий и просил у него милостыни. Старец ничего не имел у себя, кроме одного хлеба. И вот он взял последний хлеб и отдал его нищему. Нищий отказался от хлеба и просил у него одежды. Старец, желая оказать какую-либо помощь нищему, взял его за руку и ввел его в свою келью. Тот, не найдя в келье старца ничего, кроме одной одежды, которая у него была на плечах, до того растрогался сердцем и пришел в такое умиление, что здесь же посреди кельи оставил все свое, что только находил возможным оставить старцу, говоря ему: «Возьми это, добрый старец, а я в другом месте найду, что мне нужно»⁴⁵⁹.

Нерадивый инок. Был в лавре Пирги беспечный и нерадивый инок. О нем рассказывал Иоанну Мосху Полихроний, пресвитер Новой лавры, следующее. Инок этот был беспечен и не заботился о своем спасении; никогда он не исправлял правила воскресного дня. «Через несколько времени я вижу, что он, доселе столь беспечный, трудится наряду со всеми подвижниками со всею охотою и ревностью. “Брат! – сказал я ему. – Ты охотно теперь делаешь, и я радуюсь, что стал думать и печься о своей душе”. На это он мне ответил: “Авва! мне скоро должно умереть”. Спустя три дня он скончался»⁴⁶⁰.

⁴⁵⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 5.

⁴⁵⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 6–7.

⁴⁵⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 9.

⁴⁶⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 5.

Варихская киновия

Киновия Варихская была основана преподобным Северианом, учеником Саввы Освященного, около 514 года по Р.Х. Находилась она в юго-восточной части Палестины к северо-востоку от Хеврона, близ места, называвшегося Варихою или Кафарварухою⁴⁶¹.

* * *

Из подвижников Севериановой киновии известны сам основатель ее Севериан и Мина.

Откуда был родом основатель Варихской киновии **преподобный Севериан** и где полагал начало подвижничеству, не сохранилось об этом сведений у церковных писателей. Известно только, что когда Севериан прибыл в только что основанную лавру Саввы Освященного, он стоял уже на высокой степени подвижничества; сочинитель жития богоносного Саввы называет Севериана славным по монашеским подвигам. Тридцать лет провел в обители св. Саввы Севериан и под руководством богоносного аввы-настоятеля созрел в нравственно-духовной жизни и сделался способным руководить других на пути подвижничества. Св. Савва благословил Севериана отойти на высшие подвиги в другие места, и вот Севериан удаляется на юг и поселяется в окрестностях Хеврона близ селения Кафарварухи. Здесь несколько лет подвизается он один. Когда распространилась о нем слава как о великом подвижнике, явились к нему люди, жаждавшие в уединении под руководством его содевать о Господе свое спасение. Севериан принимал всех, ревновавших о благоугождении Богу и спасении. Местность к югу от Хеврона представляла собой пустыню, сухую, безводную, где мало было селений; в холмах находилось много пещер. Севериан и основал здесь киновию; по имени селения, близ коего она была устроена, обитель называлась Варихскою или Кафарварухскою. Он сам управлял своею обителью, сам руководил иноков в подвижничестве. Испытанным и уже укрепившимся в подвижничестве он позволял выходить в пустыню и вести жизнь отшельническую. Год кончины блаженного Севериана неизвестен⁴⁶².

Преподобный Мина был игуменом Севериановой киновии и жил в VI веке. Из наставлений его, сохраненных в «Луге» Иоанна Мосха, видно, что он обладал опытностью в духовной жизни. Преподобный Мина говорил братьям своей киновии: «Чада, будем бегать мирских бесед, они вредят особенно молодым». Еще старец говорил: «Люди всякого возраста, молодой и старый, должны приносить покаяние, чтобы получить жизнь вечную, где похвала и слава велика, — молодым за то, что они в цветущем возрасте, когда страсти пылки, покорили волю свою под иго целомудрия, а старым за то, что они могли искоренить злую привычку».

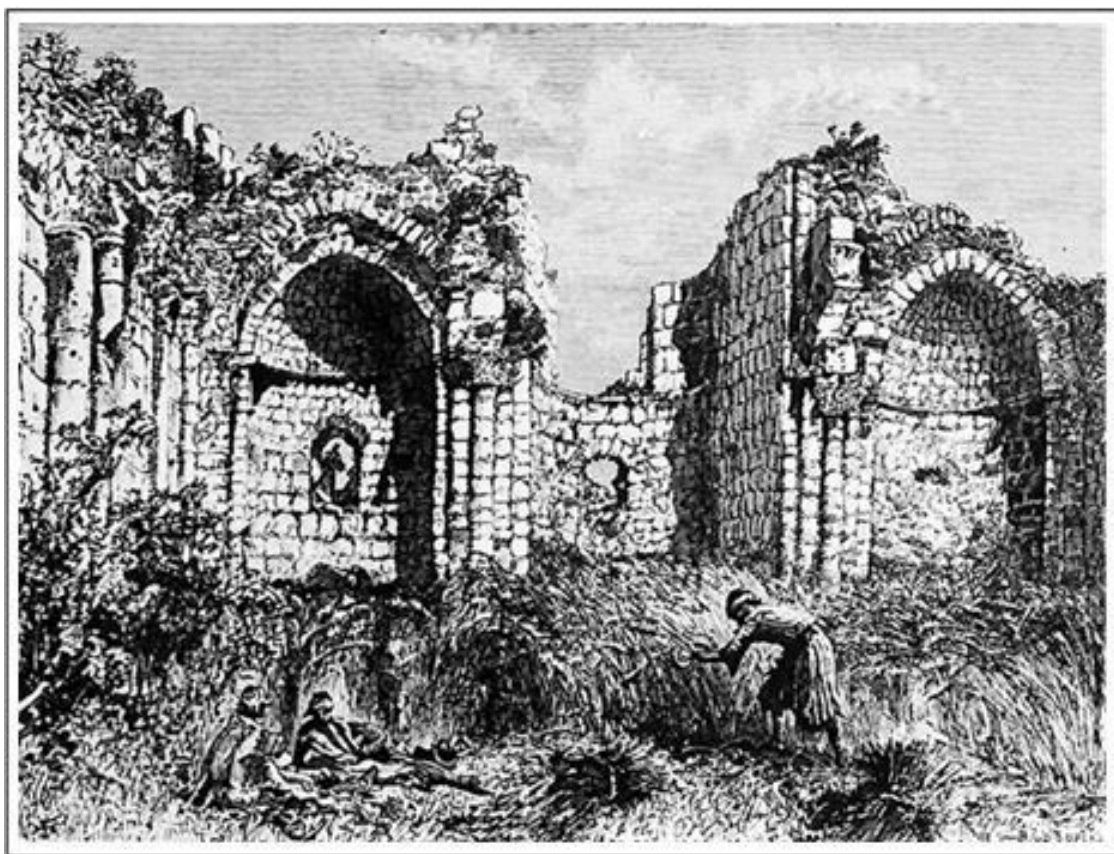
⁴⁶¹ См.: Кирилл Скифопольский. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 36. Вариха, или Кафарваруха (ныне Бени Наим), — селение к востоку от Хеврона.

⁴⁶² См.: Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 16, 36.

Лавра преподобного Фирмина

Лавра преподобного Фирмина (по имени основателя), или Малихская (по местоположению), возникла еще при жизни Саввы Освященного и основана учеником его Фирмином⁴⁶³. Во время смятений, произведенных в Святой Земле оригенистами, Фирминова обитель держала сторону Новой лавры и находилась с ней некоторое время в непрерывных сношениях. Она была в общении с обителью Дорофея: настоятели их посещали друг друга⁴⁶⁴. Увлеченная в заблуждения оригенистов и испытав внутренние смуты и неурядицы, Фирминова лавра, благодаря стараниям настоятеля своего Исидора, возвратилась в лоно Православной Церкви⁴⁶⁵. О судьбе Фирминовой лавры в последующие времена сведений в церковно-исторических сочинениях нет.

Место, где лежала лавра преподобного Фирмина, в настоящее время известно. Проезжающие из Иерусалима в Назарет и другие места северной части Святой Земли близ селения эль-Бира, лежащего на высоте Михмас, с любопытством осматривают древние развалины: остатки церкви, резервуар и пещеру в холме. Церковь в полуразрушенном состоянии; северная стена стоит в целом виде; сохранились три алтарные абсиды; древний резервуар до сих пор еще цел. Пещера находится в холме Михмас; она с круглым сводом; в ней была и усыпальница. Остатки эти явно представляют следы бывшей здесь некогда лавры преподобного Фирмина⁴⁶⁶.

Эль-Бира. Развалины древней церкви

⁴⁶³ См.: Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 16, 83, 89; Четы-Минеи, 5 декабря.

⁴⁶⁴ См.: Иоанн Мосх, блж. Луг духовный, 166.

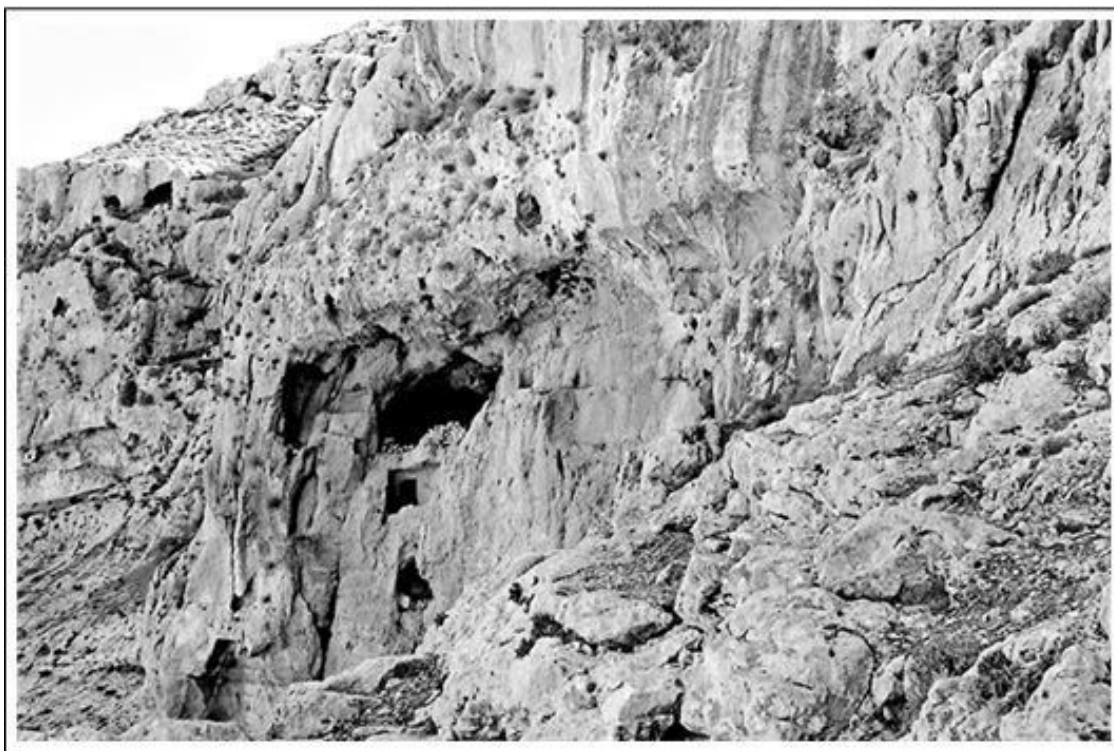
⁴⁶⁵ См.: Муравьев. История святого града Иерусалима. С. 224.

⁴⁶⁶ См.: Леонид (Кавелин), архим. Старый Иерусалим и его окрестности. С. 395.

Из подвижников Фирминовой лавры сохранились имена Исидора и Зосимы, которые оба были ее настоятелями.

* * *

Преподобный Исидор управлял Фирминовою лаврой в то бедственное для Иерусалимской церкви время, когда в Святой Земле распространяли лжеучение свое и буйствовали оригенисты. Исидор имел несчастье увлечься и увлечь за собой братию своей обители на сторону оригенистов; только он недолго оставался с ними в единении. Исидор не во всем был согласен с образом мыслей оригенистов и не разделял их крайних идей. Благоразумный и осмотрительный, он скоро заметил опасность, которой подверг и себя, и свою обитель, и явился к архимандриту Великой лавры Конону, раскаялся сам и за братию своей обители в заблуждениях и вошел в общение с православными. Мало того, в Иерусалиме в храме св. Сиона Исидор дал Конону слово действовать вместе с ним против оригенистов. Он потом сопровождал Конона в Царьград, где много ему помог, поддерживая ходатайство его пред императором Юстинианом об умиротворении Палестины. Исидор, так же как Конон, много терпел там озлоблений и притеснений от Феодора, архиепископа Кесарийского, покровителя оригенистов, сильного при дворе. Но истина и правда восторжествовали, и утешенный Исидор возвратился в свою лавру, доставив радость и ее братии⁴⁶⁷.

Вади Михмас. Пещеры, в которых жили монахи

Преподобный Зосима, игумен Фирминовой лавры, был родом из Киликии; он жил в VI веке и скончался в преклонных летах. Он был великим подвижником и далеко славился высокою духовною жизнью. Для беседы с ним приходили в Фирминову обитель не только подвиж-

⁴⁶⁷ См.: Муравьев. История святого града Иерусалима. С. 220, 224.

ники, но и мирские люди. Его глубоко почитал преподобный Дорофей, который нередко посещал Зосиму и беседовал с ним; во время этих бесед Дорофей и записал несколько словесных наставлений Зосимы. Преподобный Зосима особенно отличался смирением. На взгляд отцов и учителей Церкви, смирение приобретаетсЯ исполнением заповедей, но, как оно образуется или рождается в душе, словом объяснить невозможно, если человек не познает этого на собственном опыте. Преподобный Дорофей в своем наставлении о смирении и представляет авву Зосиму как пример смирения и смирение его признает образцом смирения истинного. Так, Дорофей рассказывает, что в одно время, когда он посетил Зосиму, последний говорил о смирении; в числе посетителей при этом случился некоторый софист. Слушая, что старец говорил, и желая понять сущность смирения, софист стал уверять его, что он напрасно почитает себя грешником, свято исполняя все заповеди. «Как же так? – говорил софист. – Почему ты себя считаешь грешником? Разве ты не видишь, что строго исполняешь заповеди? Разве не знаешь, что имеешь добродетели и совершенства? Почему же ты, имея в себе столько доброго, все-таки считаешь себя грешником?» Старец не мог удовлетворительно объяснить софисту, в чем сущность и сила смирения, но сказал только: «Не знаю, что тебе сказать, но знаю только, что я именно таков, каким себя почитаю». Софист противоречил ему и все хотел узнать, почему это так, а старец, не зная, как разъяснить это, в святой простоте говорил одно: «Не затрудняй и не смущай меня; я точно таков». Преподобный Дорофей, видя недоумение старца и желая вывести его из затруднения, вступил в разговор и, обращаясь к софисту, объяснил, что как в диалектике и искусстве врачебном и прочих науках одна лишь практика, соединенная с теорией, сообщает опытность неприметно и нечувствительно для нас самих, так бывает и со смирением, которое приобретаетсЯ исполнением заповедей, но не может быть объяснено и выражено словами. Несказанно обрадовался Зосима и, обняв Дорофея, сказал: «Ты умел объяснить; оно точно так на деле». Софист, выслушав объяснение преподобного Дорофея, согласился с ним и остался доволен⁴⁶⁸.

При глубоком смирении и простоте преподобный Зосима Киликийский отличался еще великою любовью к ближним; он заботился не только о спасении души ближнего, но и о временном его благополучии. В «Луге» Иоанна Мосха записан случай, показывающий со всей очевидностью эту нравственную черту преподобного Зосимы. Авва Савватий, говорит Иоанн Мосх, сказывал: «Когда я находился в лавре аввы Фирмина, пришел один разбойник к авве Зосиме Киликийскому и просил старца: “Сделай милость ради Бога, так как я виновен во многих злодеяниях, то сделай меня монахом, дабы мне отстать от злых дел моих”. Старец, наставив его, сделал монахом и облек его в схиму. Спустя несколько времени старец сказал ему: “Уверяю тебя, чадо, ты здесь не можешь жить: если услышит начальник, возьмет тебя и самые враги придут и убьют тебя; но послушай меня: я отведу тебя в киновию”. Итак, старец отвел его в киновию аввы Дорофея, что близ Газы и Маюма. Проведя там девять лет и научившись Псалтири и всему монастырскому уставу, разбойник приходит опять в монастырь Фирмина к старцу и говорит ему: “Честный отче! Сделай милость, отдай мне мирскую одежду и возьми монашескую”. Старец, опечалась, сказал ему: “На что, сын мой?” Тот отвечал: “Вот девять лет, как ты знаешь, провел я в киновии и, сколько возможно было, постился, воздерживался и безропотно, со страхом Божиим жил в покорности, зная, что благодать Божия простила мне злодеяния. И, однако же, каждый день вижу я мальчика, который говорит мне: за что ты меня убил? Я вижу его во сне, и в церкви, и в трапезе он мне говорит это и каждый час беспокоит меня. Потому, отче, хочу удалиться, чтобы умереть за мальчика, ибо я напрасно убил его”.

⁴⁶⁸ См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви. § 244–245; Наставление о смирении прп. Дорофея // *Христианское чтение*. Ч. 25. 1827. С. 69–70.

Взяв мирскую одежду свою и одевшись, вышел он из лавры и удалился в Диосполь, где на другой день был пойман и обезглавлен»⁴⁶⁹.

⁴⁶⁹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 165.

Киновия Византийская

Елеонская гора продолжала привлекать к себе ревнителей подвижничества, и пример блаженной Мелании, устроившей на священной горе иноческие обители, не остался без подражания. На Елеоне в VI веке возникла новая обитель подвижников. Это киновия Византийская. Она известна была еще под именем киновии преподобного Аврамия. Основана была эта обитель Авраамием, настоятелем Новой киновии Пресвятой Богородицы, бывшим впоследствии епископом Ефесским⁴⁷⁰. Почему она названа была Византийскою, достоверно сказать нельзя; можно только думать, что основатель ее был родом из Византии и назначал новую обитель для лиц, приходивших из этого города и желавших проводить подвижническую жизнь в Святой Земле. Византийская киновия была во всех отношениях благоустроена и славилась подвижниками высокой духовной жизни. О состоянии ее в последующие времена неизвестно. Из мужей, подвизавшихся в киновии Аврамия, упоминаются в «Луге» Иоанна Мосха два лица: преподобный Василий и Иоанн.

Преподобный Василий, пресвитер Византийской киновии, был весьма ревностен к подвижничеству. Прежде чем избрал он местом своего подвижничества Елеонскую гору и стал жить в обители Аврамия, девять лет он подвизался в лавре Фаранской в то самое время, когда там проводили подвижническую жизнь славные мужи: Григорий, настоятель ее, сделавшийся впоследствии патриархом Антиохийским⁴⁷¹, и Косма скопец. Особенным расположением пользовался преподобный Василий со стороны своего настоятеля Григория, который любил его за его строгую подвижническую жизнь; это расположение к нему продолжалось, и когда Григорий занял первосвятительную кафедру, пресвитер Василий посещал патриарха в Антиохии. От него Иоанн Мосх заимствовал сведения об игумене Фаранской лавры Григории и Косме скопце, помещенные в «Луге»⁴⁷².

Преподобный Иоанн, родом из Кизика, был игуменом Византийской киновии. Он славился опытностью в духовной жизни, и потому к нему обращались другие подвижники за духовными советами и наставлениями. Одно из наставлений его передает Иоанн Мосх в своем «Луге». «В один день, – рассказывает Иоанн Мосх, – мы спросили его [Иоанна], как стяжать добродетель.

Старец отвечал: “Если кто хочет стяжать добродетель, то может стяжать ее не прежде, чем возненавидит противоположный ей порок. Итак, если ты хочешь иметь плач, должен возненавидеть смех. Хочешь ли иметь смирение, возненавидь гордость. Хочешь ли быть воздержным, возненавидь пресыщение. Хочешь ли быть целомудренным, возненавидь сладострастие. Хочешь ли быть нелюбостязательным, возненавидь всякую вещь. Хочешь ли быть милостивым, возненавидь сребролюбие. Желаящий жить в пустыне пусть возненавидит города. Желаящий подвизаться в безмолвии пусть возненавидит дерзость в речах. Желаящий быть странником пусть возненавидит хвастовство. Желаящий воздержаться от гнева пусть возненавидит общение с мирянами. Желаящий быть незлопамятным пусть возненавидит злословие. Желаящий не развлекаться, пусть пребывает в уединении. Желаящий удержать язык пусть заградит уши свои, чтобы не слышать многого. Желаящий всегда иметь страх Божий пусть возненавидит телесный покой, возлюбит скорбь и тесноту, и тогда искренно может служить Богу”»⁴⁷³.

⁴⁷⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 68.

⁴⁷¹ В 573–593 гг.

⁴⁷² См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 40.

⁴⁷³ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 187.

Газские киновии

Слава Илариона Великого и его знаменитой лавры, простор пустынной местности, расстилавшейся от Газы к югу и востоку, были причиной того, что в VI веке в окрестностях Газы возникли две общежительные обители, которые сделались славными во всем христианском мире. Это были киновии Еваге и преподобного Дорофея.

Киновия Еваге

Киновия Еваге, или преподобного Серида⁴⁷⁴, находилась недалеко от Газы и так же, как лавра Илариона Великого, соприкасалась с Газскою пустыней. Она была основана преподобным Серидом в самом начале VI века. Еще при жизни самого основателя обитель эта достигла цветущего состояния; она славилась внешним и внутренним благоустройством, особенно строгостью и высотой жизни подвижников. Этим киновия обязана была как самому преподобному Сериду, великому подвижнику, мужу высоких нравственных качеств, так и ее подвижникам, преимущественно Варсонофию Великому и Иоанну Пророку, которые обитали в пустыне близ обители и руководили ее иноками на пути подвижнической жизни.

Немноголюдна и небогата была новая обитель вначале, она не имела даже храма, когда поселились в ней преподобные Варсонофий и Иоанн; но с прибытием этих великих подвижников она быстро стала развиваться и улучшаться. Слава Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, распространившаяся далеко за пределы Святой Земли, привлекала в новую газскую обитель ревнителей нравственного совершенства, и со всех сторон устремились в нее всякого звания и состояния люди, чтобы там под руководством Серида и великих старцев жить и подвизаться для благоугождения Богу и спасения души. Между иноками обители оказались и каменщики, и плотники, и садовники – словом, люди, знавшие разные искусства и ремесла; оказался даже опытный зодчий (Иоанн Миросавский). Нашлись боголюбивые души, жертвовавшие обители земли, делавшие в нее разные вклады. И вот киновия Серидова скоро благоустроилась; в ней явились больница, богадельня, странноприимница и все необходимые хозяйственные постройки. Здания были большею частию каменные. Заведен во всем строгий порядок. Занятия и работы по внешнему благоустройству обители распределялись между братьями, как послушания. В то же время своим порядком велось и главное дело, которому должна была служить общежительная иноческая обитель, – дело подвижничества братии: на него было обращено все внимание и настоятеля обители Серида, и преподобных Варсонофия и Иоанна. В отношении рода подвижничества киновия Еваге имела особенность по сравнению со всеми палестинскими киновиями: в ней соединились оба рода подвижничества – общежитие и отшельничество. Отшельничество велось большею частию в обители же и понималось как высшая степень подвижничества, состоящая в постоянном, безвыходном пребывании в келье и в строгом уединении; для преуспевших в духовной жизни иноков допускался выход в пустыню. Под руководством великих старцев Варсонофия и Иоанна подвижничество велось правильно в самой строгой постепенности: от состояния новонаначального, только что вступившего на путь подвижничества инока до мужа совершенного в нравственности и добродетелях следовал ряд нравственных степеней и состояний. Человек, вступивший в обитель, начинал подвижническую жизнь с низших служб и послушаний; в это время он жил общию со всеми жизнью, вместе с другими молился, вместе садился за скудную трапезу, вместе трудился на том

⁴⁷⁴ Сведения о киновии Еваге заимствованы из статьи «Краткое сведение о прп. Варсонофии» (Христианское чтение. Ч. 25. 1827) и книги «Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошания учеников» (М., 1855). [В тексте эта книга называется кратко «Ответы». – *Примеч. ред.*]

или другом послушании и находился в полном подчинении аввы-настоятеля. После более или менее продолжительных трудов на послушаниях инок вступал во вторую половину подвижничества. Ему позволялось вести жизнь уединенную: пять дней в неделю инок пребывал в келье, в субботу же и воскресенье выходил в храм для участия в общей молитве и принятия Святых Таин. Инок становился теперь старцем и, подчиняясь авве-настоятелю в целом, получал свободу и самостоятельность в образе келейной жизни.

Подвижнику-старцу назначали одного, двух и трех учеников из новоначальных – частью для услужения ему, главным же образом для руководства их в духовной жизни. Старец с учениками представлял маленькую общину и жил самостоятельною жизнью. Он назначал ученикам те или другие послушания: ученики доставали необходимые вещи, сами готовили пищу и пр. Старец руководил их и в аскетических трудах; свое время назначалось для молитвы, для изучения и чтения псалмов или для пения их. Между старцем и учениками устанавливалась внутренняя связь; ученик-послушник все делал с благословения старца, открывал ему свои помыслы и сердечные движения, пользовался его духовными советами и наставлениями. Некоторые старцы имели собственные кельи, которые они приобретали на свои средства. Если вступающий в обитель был пожилых лет, такому позволялось оставлять за собой часть денег или имущества. Наступала наконец для подвижника высшая степень подвижничества – самое строгое уединение и безмолвие. Старец-подвижник уже навсегда затворялся в келье, пребывал в ней безвыходно и наслаждался полным и совершенным безмолвием; сношения с миром и людьми прекращены, многоятежная молва житейская его не касалась и не тревожила; его дух, чуждый дум и попечений о внешнем, житейском и всецело устремленный в мир горний, находился в общении с Высочайшим Существом, Источником жизни, света, радости и блаженства, погружался в созерцание Его бесконечных совершенств; старец-безмолвник ощущал в сердце неизреченную сладость и блаженство; тишина кельи нарушалась только приходом брата, в известные часы приносившего ему скудную пищу, но и тот молча входил в келью затворника, молча же из нее и выходил. В то же время в обители Серидовой, как и во всех иноческих обителях, на всех степенях подвижничества считался необходимым для инока физический труд: обыкновенно плетение корзин, рогож, рыболовных сетей и др. Материалы и запасы для рукоделия иноки доставали сами; для сего они в пустыне собирали прутья и жесткие высокие растения, годные для рукоделия, или отправлялись в Египет, славившийся обилием всякого рода материалов.

Труден путь истинного подвижничества, путь произвольного злострадания, добровольных лишений и скорбей, путь борьбы с плотскими, чувственными влечениями, с исконным врагом нашего спасения. Из книги «Ответов» преподобных Варсонофия и Иоанна видим, что даже старцы, уже достигшие уединения и безмолвия – высшей степени подвижничества, томилась от помыслов и борьбы с ними до пота и изнеможения (Ответ 492); страшно мучились от плотской страсти, которую возжигал в них злой дух, впадали в уныние, малодушие и боязнь за свое спасение (Ответы 67, 229); жаловались, что нападает на них безмерный сон (Ответ 93), то тяготит их нравственное расслабление, холодность чувства и т. п.; готовы были выйти из обители, некоторые и выходили, возвращаясь потом опять в нее (Ответы 480, 563). Но счастливы были подвижники Серидовой обители, бывшие современниками великих руководителей в святом деле подвижничества – святых старцев Варсонофия и Иоанна; в этих благодатных старцах они имели поддержку и помощь на своем трудном пути. И мы видим из книги «Ответов», что иноки постоянно обращаются к святым старцам со своим душевным состоянием, всецело предают себя и свое вечное спасение в их руки, свободно и с детскою доверчивостью открывают им свои душевные тревоги, свои сомнения и недоумения, тайные помыслы ума, сокровенные движения сердца, повергают пред ними свою сердечную скорбь, свое уныние и малодушие. И как разнообразны эти душевные состояния, эти внутренние нужды! О чем только не спрашивают иноки великих старцев! Спрашивают о мере в молитве (Ответ 74); о том, сколько

часов следует спать, сколько бодрствовать и сколькими одеждами одеваться (Ответ 75); как узнать, что бодрствуешь в ночи шесть часов (Ответ 76); о мере воздержания в пище и питии (Ответ 81); как каждый может узнать, сколько ему нужно есть и пить (Ответ 83); о рассеянии мыслей (Ответ 79); отчего одолевает по временам безмерный сон и нет умиления (Ответ 92); о ночных мечтаниях (Ответ 94); что делать, если чувствуешь боязнь по ночам (Ответ 67); можно ли изучать врачебные книги (Ответ 63); употреблять ли овощи (Ответ 61); живешь ли богоугодно (Ответ 243); просят молитв о том, чтобы владеть глазами, которые очень развлекаются (Ответ 261); просят великого старца понести грехи (Ответ 267), чтобы и в будущем веке не лишиться его покрова (Ответ 271). Больные испрашивают у св. Варсонофия терпения и прощения грехов, умирающие – разрешения к переходу в другую жизнь и сопутствования им в воздухе и в пути неведомом (Ответы 144, 145). На все вопросы братий-подвижников охотно и с любовью отвечают святые старцы, всем душевным нуждам их спешат удовлетворить: разрешают их сомнения и недоумения; успокаивают тревогу сердца; колеблющихся и малодушных утврждают в вере и уповании; слабых и немощных духом ободряют и укрепляют в неуклонном несении подвижничества; рассеивают уныние и малодушие; прогоняют боязнь их за свое вечное спасение; сострадают им в скорбях, споспешествуют их подвигам и трудам своими молитвами и благословением. И шли труженики Креста Христова по избранному ими пути, руководимые и поддерживаемые святыми старцами Варсонофием и Иоанном; и несли терпеливо тяжкое иго подвижничества о Господе; и возрастали в нравственно-добром и святом, созревая в мужа совершенна, в меру возраста Христова, и скончавали течение земной жизни чистыми от скверн греховных, беспрепятственно восходя в мир горний для блаженства и радости в общении с Богом и святыми. И много было действительно между подвижниками Серидовой обители мужей совершенных, святых. Сам Варсонофий Великий называет обитель Серида местом святым (Ответ 550), обществом благословенным (Ответ 8); сам говорит, что есть здесь святые, молитвы коих сильны пред Богом, которые могут умолишь о несчетном множестве людей (Ответ 110).

Слава о новой газской обители и основателе ее преподобном Серида, о благодатных старцах, в ней подвизавшихся, распространилась повсюду – и в Святой Земле, и за ее пределами; и вот в киновию Серида переходят подвижники из других обителей; в нее удаляются окончить путь подвижничества отшельники, долго пребывавшие в пустыне (Ответ 138). Из окрестных и дальних селений и городов в Серидову обитель во множестве устремляются всякого звания и состояния мирские люди, одни для духовной беседы с богоносными старцами Варсонофием и Иоанном, другие – получить от них разрешение разных вопросов по житейским делам или исцеление болезней (Ответы 623, 626–740); для беседы с ее дивными иноками являются в нее даже епископы (Ответ 51). В таком цветущем состоянии находилась киновия Еваге при жизни основателя, преподобного Серида, и великих подвижников Варсонофия и Иоанна, то есть в течение всего VI века. В следующем столетии Серидова обитель также процветала; это видно из жития патриарха Иоанна Милостивого, где упоминается о Серидовой обители как славном монастыре. Дальнейшая судьба киновии Еваге неизвестна.

Где находилась киновия Еваге, в настоящее время не известно. Чтобы хоть предположительно указать место процветавшей некогда обители преподобных отцов Серида, Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, обратим внимание на местность, занимаемую ныне селением Дейр эль-Балах⁴⁷⁵, что в двух часах пути от Газы к югу, лежащим в оазисе с тем же названием. Дейр эль-Балах значит в переводе с арабского «монастырь фиников». По свидетельству Вильгельма Тирского, в этой местности в его время была крепость Дарум, материалом для коей послужили развалины древних зданий. По преданию, сохраняющемуся у местных жителей, говорит Вильгельм, в древности был здесь монастырь, принадлежавший грекам, отчего

⁴⁷⁵ Ныне находится на территории Палестинской национальной администрации, в Секторе Газа. – *Примеч. ред.*

произошло потом название местности и крепости Дарум, то есть монастырь греков. Крепость Дарум, по словам Вильгельма, от моря отстояла на пять стадий, а от Газы на четыре мили⁴⁷⁶. Из исторических свидетельств о положении киновии Еваге видно, что она находилась недалеко от моря и в окрестностях Газы. Принимая в соображение все эти обстоятельства, мы можем предположить, что славная в древности обитель великих подвижников Серида, Варсонофия и Иоанна находилась на месте селения Дейр эль-Балах, и именно там, где ныне расположена мечеть селения. От древности уцелели только несколько колонн, находящихся в самой мечети.

Дивны были подвижники киновии Еваге, но немного имен их сохранила нам история. Из числа подвижников Серидовой обители, кроме преподобных Серида, Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, известны еще подвижники, достопамятные по ревности о благоугождении Богу и нравственном совершенстве и по ответам Варсонофия и Иоанна Пророка: Иоанн Мирсавский, Авраам, Павел, Феодор, Досифей, Елиан игумен и Виталий.

* * *

Преподобный Серид (память 13 августа), основатель славной киновии Еваге, был одним из великих подвижников христианской Церкви. Где родился преподобный Серид, какого был происхождения, в какой обители полагал начало подвижнической жизни, неизвестно. Господу благоугодно было, чтобы Серид устроил для душ, жаждущих нравственного совершенства, общежительную обитель и чтобы сам же был их руководителем на святом пути подвижничества. Покорный гласу Божию, преподобный Серид основал в окрестностях Газы киновию и сам стал управлять ею. Управление многочисленным обществом, особенно таким, каково общество подвижников, трудящихся для своего нравственного преуспевания, требует от руководителя много духовной опытности, здравого рассуждения, строгости, растворяемой любовью, снисходительности, терпения и других качеств. Предвидя в Сериде сосуд чистен, благопотребен Владыке (ср. 2 Тим. 2:21) и людям, Господь послал ему мужей, которые содействовали воспитанию в нем этих нравственных качеств и своими благодатными советами и указаниями помогали ему в трудном деле руководства других ко спасению. Это были преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк. «Сколь многие желали принять к себе нас, старцев, – говорит преподобный Варсонофий, выставляя на вид внутреннее достоинство Серида, – и искали этого, но не дано было им того, а Бог послал нас к авве Сериду, не искавшему сего, и сделал его искренним нашим сыном» (Ответ 17). Прибыли эти великие мужи в Серидову обитель, как только она была основана. Серид, поняв высоту духовной жизни прибывших мужей, сразу же подчинился их духовному влиянию. Серид предал себя в полное послушание преподобному Варсонофию; между ними установились сыновние отношения. Возлюбленный сын, искренний и единоклубный, сын болезней моих, сладчайший меда, – таковы названия, с какими говорил о Сериде Варсонофий.

Преподобный Серид предавался всевозможным подвигам самоумерщвления и злострадания. Труды его физические и духовные были непрерывны, пост и воздержание необычайны. Он так измощал свое тело, что оно все было в ранах и язвах. Преподобный Варсонофий помолился о нем Богу и исцелил его, но при этом внушил ему, что он подвизается неразумно, и дал ему заповедь на будущее время управлять телом своим с рассуждением, чтобы оно могло послужить к духовной пользе его самого и понести труды по управлению обителью и руководству братьями.

Велико было послушание преподобного Серида Варсонофию и Иоанну, необыкновенно его смирение. Он, основатель общежительной обители, авва-начальник, все, однако, делал по совету и благословию святых старцев, ни в чем никогда им не противоречил; он не считал

⁴⁷⁶ См.: *Олесицкий*. Святая Земля. С. 216.

себя аввой-начальником, но только учеником старца Варсонофия. Духовное благо брата, его вечное спасение было для аввы-настоятеля близко и дорого, как его собственное спасение. Он постоянно проявлял сердечное сочувствие к духовному состоянию брата, сострадание к его немощам, снисходительность к его недостаткам и слабостям, кротость в обличении нерадивых, долготерпение в нравственном их исправлении. Он всячески остерегался нарушить внутренний мир брата, расстроив его, привести в смущение и скорбь. Скорбь брата отзывалась скорбью в его собственном сердце. И вот почему незаслуженные обиды и оскорбления от других, несправедливые отзывы о его действиях и распоряжениях по управлению обителью глубокою скорбью пронзали его сердце. Так, один раз, когда некоторые из братий осуждали действия настоятеля, говорили вслух, что многие дела в общежитии допускаются напрасно и бесполезно, тогда как настоятель совершал их по совету и указанию великого старца, Серида поражен был такою глубокою скорбью, что для успокоения его нужны были молитвы самого Варсонофия и других святых отцов обители. «Как не вспоминаешь беспопечительности, дарованной тебе через него [Серида] Богом, – внушал Варсонофий Иоанну Миросавскому, бывшему в числе недовольных, – и пребывания твоего в безмолвии, которым пользуешься свободно, как царь, тогда как он носит тяготу приходящих к нам и отходящих, устраняя от нас великое беспокойство? Посему-то премного благодарю Бога, благоизволившего нам дать такого искреннего сына, по душе нашей; а ты вместо сего неразумно сказал ему: “Умываю руки мои от тебя”, – и сказал это не один, а много раз и через то погрузил душу его в великую печаль, не вспомнив слов апостола: *дабы таковой не был поглощен чрезмерною печалью* (2 Кор. 2:21). И если бы не рука Божия и молитвы отцов его, то растерзалось бы сердце его» (Ответ 48).

Велико и неистощимо было терпение преподобного Серида. Терпение он проявлял постоянно и в обращении с братией, и в делах и сношениях по управлению обителью, и в приеме приходящих в обитель посетителей; особенно же оно обнаруживалось во время болезни, которой преподобный Серида подвергался весьма часто. Болезнь его нередко бывала сильная и продолжительная. Страдая тяжело, он переносил болезнь кротко и терпеливо, предав себя всецело Богу. Для пользы братий он сам однажды открыл, что в тяжелой болезни, одержимый сильною и неослабевающей горячкой, он не молил Бога даровать ему здоровье или облегчить его от болезни, а лишь даровать ему терпение и благодарение (Ответ 573). И сам Варсонофий засвидетельствовал о силе терпения Серида, когда тот долго лежал на одре болезни и когда Иоанн Миросавский просил великого старца помолиться о выздоровлении аввы-настоятеля. «О здоровье сына моего, – отвечал он Иоанну, – могли бы помолиться Богу некоторые из находящихся здесь святых (о чем я и известил его), чтобы он не был болен ни одного дня, и это исполнилось бы, но тогда он не получил бы плодов терпения. Болезнь эта весьма полезна ему для терпения и благодарения» (Ответ 130).

Преподобный Серида воспитал в себе великую преданность Богу, святое настроение поступать во всем согласно с волей Божиею. Волю Божию он старался узнавать в случаях и обстоятельствах внешней жизни, в явлениях и движениях жизни внутренней, душевной. Наглядный пример сему представляет случай, помещенный в книге «Ответов» преподобных Варсонофия и Иоанна. Некогда авве (Серида) понадобилось место, находившееся близ его общежития, для постройки на нем церкви и странноприимницы; он просил владельца уступить ему оное место за деньги, но тот не согласился на это. Но его беспокоили напоминания как братий, так равно и посещающих (обитель) мирских христолюбцев о том, чтобы купить оное место, и от сего недоумевая, как ему поступить, авва сообщил о сем другому старцу (Иоанну). Старец сказал ему: «Место оное непременно должно поступить к нам, но еще не пришло тому время. Если же помысл побуждает тебя скорбеть о сем, скажи ему: “Помышляй, что оное место находится на царском пути и ты не можешь купить его”, и так успокоишься». После сего сколько бы его сей помысл ни беспокоил, он противопоставлял ему сказанное и успокаивался. Спустя же несколько времени владелец согласился уступить авве это место, на котором была

тогда малая обитель, в которой временно жил один посторонний брат. Авва, призвав его к себе, спросил наедине, не скорбит ли он о том, что они покупают сие место, уверяя его притом пред Богом, что в случае его скорби они не купят сего места; но так как брат тот с радостью согласился, то покупка места и совершилась. Узнав о сем, некоторый христоролюбивый муж, весьма любимый общежитием, находя такое снисхождение аввы не совсем назидательным, сказал, что авва, по мнению его, поступил нерассудительно, предпочитая угодить одному человеку более, нежели стольким братьям, которые нуждаются в церкви и весьма скорбят, не имея оной, и более, нежели приходящим странникам, которые по неимению места, где бы можно было угодить их, остаются без послужения. Исповедуя авве, что осудил его, и прося у него прощения в сем, он спросил, с какою мыслью авва поступил так. Тогда авва, улыбнувшись, сказал: «Сын мой, я не желал оскорбить брата и возложил сие дело на Бога, испытывая посредством брата волю Божию, и был уверен, что если Богу угодно, чтобы мы приобрели теперь оное место, то Он Сам внушит брату не оскорбиться сим; а когда бы он оскорбился, то, очевидно, что Богу не угодно, чтобы мы приобрели оное место; и вот Бог возвестил ему, и он согласился на это с радостью, и дело устроилось миром». Тогда сей муж, удивляясь вере аввы, его твердой надежде на Бога, любви к ближнему и беспристрастию к вещам мира сего, потому что не победили его ни убеждения других, ни крайняя необходимость (в месте сем), поклонился ему, прося у него прощения в грехе своем, получил большую пользу и пошел, славя Бога за добродетель отцов своих (Ответ 575).

Руководимый преподобными Варсонофием и Иоанном, поступая во всем по их богомудрому совету и указанию, Серид приобрел духовную опытность и по молитве святых Варсонофия и Иоанна получил от Бога дар духовного рассуждения, способность давать каждому ответ сообразно его духовной потребности и при этом святое настроение говорить в Духе Святом, со страхом Божиим и без высокоумия, но с сердечным смирением (Ответы 572, 592). Прежде и от себя, и от других Серид требовал чрезмерной строгости в образе жизни; великий старец останавливал его и своими наставлениями умерял его неразумную ревность. Он говорил ему: «Если кто хочет согнуть дерево или виноградную лозу наподобие обруча, то сгибает постепенно, и они не переламываются; если же согнет вдруг и сильно, то дерево тотчас сломается. Разумей, что говорю» (Ответ 25). Теперь, с приобретением духовной опытности и дара рассуждения, Серид действует иначе: подает каждому совет и наставление сообразно его духовной потребности; с помощью небесной благодати путеводит души других; врачует оскорбленных, преподает всем целительное врачевство, слово, от Духа истекающее, мир ссорящимся. Он долготерпелив, безмятежен, кроток к приходящим, слово его веселое, но с достоинством и приправлено солью мудрости, ибо, по Писанию, мудрость соединялась в нем с незлобием (ср. Мф. 10:16). Увеселяя души братий духовным словом учения и побуждая к добродетели примером собственной жизни и добродетельного действия, он учит тому, что исполняет сам, срастворяя кротость по Богу страхом Его и употребляя вовремя то и другое: обличая, запрещая, умоляя, по слову апостола (см. 2 Тим. 4:2) (Ответ 572). Так, был в киновии некоторый добродетельный и полезный для обители инок. В одно время этот инок, по действию диавола, как говорится в книге «Ответов» преподобных отцов, хотел уйти из обители. Настоятель вразумлял его, убеждал остаться, но все было напрасно. В последний раз добросердечный и долготерпеливый авва принялся уговаривать непослушного инока, но, видя, что тот непреклонен, стал на молитву и положил поклон. Увидев это, брат также стал на молитву и сделал то же самое. Тогда авва, обратясь к нему, перекрестил его сердце и сказал: «Брат, как ты желаешь поступить теперь?» – «Сделаю, как тебе угодно», – отвечал брат уже с мирным настроением духа. «А если так, – сказал настоятель, – то ступай трудись». Брат поклонился авве и спокойно пошел и стал трудиться на послушаниях. Он жил потом в Серидовой обители уже мирно, повинувшись во всем авве-настоятелю и трудясь о Господе для своего спасения (Ответ 574). Был и другой случай подобного же рода. Некоторый брат погрешил в некотором деле,

порученном настоятелем. Когда Серид сделал ему замечание, он ничего не сказал. Настоятель внушал ему: «Скажи: прости – и Господь с тобой!» Брат не слушался и упорствовал. Авва сделал три земных поклона и произнес молитву. Тогда брат смягчился и сказал: «Прости меня, отец». Когда же уходил в келью, настоятель сказал ему: «Брат, находясь в келье, наедине испыттай сам свое сердце, и увидишь, отчего случилось с тобой такое ожесточение». Брат исполнил это и через несколько времени, явившись к настоятелю, повергая себя пред ним, сознал свою вину и чистосердечно просил у него прощения (Ответ 620).

Таков был преподобный Серид, основатель киновии Еваге, таких высоких совершенств нравственных и добродетелей он был исполнен! Неудивительно поэтому, что именно его Варсонофий и Иоанн избрали орудием и посредником для сношений с людьми, когда совершенно затворились; через него они давали ответы лицам, обращавшимся к ним с вопросами.

Преподобный Серид отошел в другую жизнь прежде Варсонофия и Иоанна.

Египет, место рождения величайших подвижников христианской Церкви Антония, Макария и Пахомия, был отечеством и **преподобного Варсонофия Великого** (память 6 февраля). Он родился во второй половине V века в деревне Петроды и происходил от бедных христианских родителей Илии и Евлампии. О воспитании и образовании Варсонофия ничего не известно. Из книги «Ответы» (или «Вопросоответы») его на вопросы учеников видно, что он учился, ибо знал греческий язык, на котором свободно говорил и писал. Рано пробудилась в нем охота к чтению; чтение же развило глубокий ум, которым он наделен был от природы. Особенно любил он читать и изучать Священное Писание. Чтение и изучение слова Божия, размышление об истинах и тайнах веры еще более просветило его ум и сообщило ему то ясное понимание вещей, то здоровое суждение, которое так ярко проявляется в его ответах на самые разнообразные вопросы. В юности же стала обнаруживаться в Варсонофии другая склонность, которая потом сделалась в нем господствующею: это влечение к подвижнической жизни. В молодых еще годах Варсонофий думал не о житейских занятиях и делах, не о развлечении и удовольствиях, а о Боге и душе, желал угодить Господу, жить единственно для Него одного, трудиться и подвизаться для нравственного усовершенствования и спасения своей души. Влечение это разгоралось в нем более и более, питаясь и усиливаясь и внешними явлениями. Проходя однажды мимо конского ристалища⁴⁷⁷, Варсонофий вошел в него с добрым намерением получить здесь назидание. Увидев, с каким рвением люди на ристалище старались обогнать друг друга, чтобы отличиться и заслужить от зрителей похвалу, он сказал себе мысленно: «Видишь ли, как усердно подвизаются угождающие диаволу? Не тем ли более должны подвизаться мы, наследники Царства Небесного?» И вышел из места земных подвигов и наград еще более настроенный к аскетизму, еще более твердый в святом намерении вступить на путь трудов и подвигов ради Бога и Царства Небесного. Но пока живы были родители, Варсонофий оставался при них и заботился о них, помогая им в домашних занятиях; когда же они умерли, сын, не связанный более земными узами, поспешил удовлетворить влечению своего сердца.

По благочестивому обычаю подвижников того времени ходить в святые места на поклонение перед вступлением на путь подвижничества, Варсонофий с двумя товарищами, Аммонием и Акакием, отправился в Палестину. Там, у подножия Креста, на коем распят был величайший Подвигоположник, и у Святого Гроба Господня излив в сердечной молитве свою душу, испросил он у Бога благословение на путь подвижничества. Услышав о старце Маркелле, отличавшемся строгостью подвижнической жизни, особенно любовью к уединению и безмолвию, Варсонофий вступил в его обитель и, предав себя в полное ему послушание, с необычайною ревностью стал подвизаться о Господе. В обители Маркелла провел Варсонофий первые трудные годы своей подвижнической жизни. Здесь под руководством опытного в духовной жизни

⁴⁷⁷ То есть ипподрома. – *Примеч. ред.*

наставника он учился той постепенности в совершении подвигов, какой требовал впоследствии от лиц, находившихся под его руководством, как это мы видим из книги «Ответов»; здесь же развил в себе любовь к уединению и навык к тому безмолвию, которым впоследствии изумлял всех. В этой же обители Варсонофий, вооруженный крепкою верой, упованием на Бога и терпением, выдержал продолжительную плотскую брань, перенес сильнейшие искушения и нападения врага спасения человеческого – диавола. В обители Маркелла он провел, как сам говорил в одном ответе, немало времени. Но не суждено было ему остаться навсегда в этой обители. По кончине Маркелла воля Божия указала Варсонофию другое место подвигов.

Прп. Варсонофий Великий

На юго-западе Палестины, в окрестностях Газы, возникла в то время новая общежительная обитель – это была киновия преподобного Серида. Она уже обращала на себя взоры ревнителей подвижничества; сам основатель ее преподобный Серид славился высокими нравственными качествами. Сюда-то, следуя указанию Божью, и переселился преподобный Варсонофий. Несколько лет провел он в подвигах в самой обители. Но дух его созрел уже для высшего подвижничества; он желал полного уединения, жаждал всецелого безмолвия, чтобы в совершенном безмятежии пребывать в непрерывном общении с Богом, всеми помыслами души погружаясь в созерцание Его бесконечных совершенств. Но этому стремлению своему великий подвижник не находил удовлетворения в общежитии. Братия обители с первого же раза узнали великого подвижника, узнали его богопросвещенную мудрость, его опытность в духовной жизни, а потому стали обращаться к нему со своими душевными нуждами, просили

у него наставлений и духовных советов, разрешения недоумений, особенно по поводу лжеучения оригенистов и монофизитов, которые в то время, успешно действуя повсюду, проникали и в мирные обители. Варсонофий принимал братьев, беседовал с ними о вере и спасении души, давал им духовные наставления, разрешал сомнения и спорные вопросы, которые их смущали, и таким образом их успокаивал. Но этим нарушалась его любовь к безмолвию и уединению, прерывалась его мысленная беседа с Богом. И потому он вышел из общежития в пустыню и поселился в одинокой келье, построенной для него недалеко от обители. Здесь он навсегда затворился и пребывал в самом глубоком безмолвии. С этой поры он никого не принимал к себе, ни с кем не виделся; доступ в его келью имел только один Серида, в известное время приносивший ему скудную пищу и дощечки с вопросами от лиц, желавших получить от Варсонофия духовный совет, наставление или разрешение каких-нибудь сомнений; через Серида же он и отвечал на эти вопросы. Через несколько лет преподобный Варсонофий перешел в другую келью, устроенную также недалеко от киновии, а в первой его келье поселился другой, также великий подвижник Иоанн, прозванный Пророком, живший дотоле в обители и оставивший ее для высших подвигов.

В конце своей жизни преподобный Варсонофий для блага Церкви расставался и с безмолвием. Обстоятельства повели его даже за пределы Святой Земли, а именно в самую столицу Римской империи [– Византии]. Великий подвижник отправился в Иерусалим; он пожелал в последний раз посетить священные и дорогие для верующего места. В Иерусалиме в то время Феодор, патриарх Иерусалимский, составлял собор по тому поводу, что император Юстиниан, склонившись на сторону афтартодокетов⁴⁷⁸, отправил Мариа в Сирию и Палестину принуждать всех к принятию их лжеучения о непричастности плоти Христа во время Его земной жизни тлению, изменению и страданию. Патриарх требовал, чтобы из каждой обители в Иерусалимском Патриархате были присланы на собор опытные мужи. В киновии Серида, по общему совещанию братии, избран был для сего Варсонофий, находившийся в то время в Святом городе. На соборе после совещаний патриарх назначил Варсонофия послом в Константинополь ходатайствовать о мире и благе Иерусалимской церкви. Престарелый подвижник повиновался воле собора и своего владыки и в сопровождении двух пресвитеров, Феодора и Константина, и архидиакона Георгия отправился в далекий путь. Торжеством для святого старца было это путешествие: слава сопровождала его и повсюду привлекала к нему толпы народа, желавшего видеть великого подвижника, получить от него благословение и исцеление от недугов. В местечке Галлассии близ Антиохии св. Варсонофий силою молитвы своей исцелил до 38 больных. Морем он благополучно достиг столицы, где благосклонно и с уважением был встречен и принят Юстинианом. Император, убежденный силою святой жизни великого старца, осознал свое заблуждение, раскаялся в неправом образе действий и тотчас дал приказание остановить Мариа. Отпуская Варсонофия, Юстиниан дал ему грамоту с царской печатью, в которой повелевалось все доходы, собираемые для казны в Палестине, доставить патриарху Иерусалимскому для раздачи по всем церквам его Патриархата. На обратном пути Варсонофий объявил императорский указ антиохийскому префекту и прибыл в Иерусалим. Еще раз святой старец поклонился и Животворящему древу, и Живоносному Гробу; еще раз посетил Вифлеем и Гефсиманию. В Гефсимании, в месте погребения Божией Матери, старец почувствовал приближение кончины, приобщился Святых Таин и, отошедши к горе Голгофе, предал дух свой в руки Божии близ того самого места, где Христос Спаситель предал Себя за все человечество. Кончина св. Варсонофия последовала 13 сентября 563 года⁴⁷⁹.

⁴⁷⁸ Афтартодокеты – монофизиты; утверждали, что тело Иисуса Христа и до воскресения было нетленно. – *Примеч. ред.*

⁴⁷⁹ О том, что Варсонофий Великий перед смертью нарушил свое уединение, чтобы отправиться в Константинополь к императору Юстиниану, говорится в латинской версии жития прп. Варсонофия. Согласно латинскому житию, кончина старца последовала после его возвращения из Константинополя. – *Примеч. ред.*

Преподобный Варсонофий с самого первого шага на пути подвижничества и до кончины своей нес подвиг злострадания и терпения. Ему постоянно была присуща мысль о Христе Спасителе, для нашего спасения воплотившемся и жившем на земле, о Спасителе, Который нас ради обнищал и не имел, где главы преклонить, всю жизнь страдал от клеветы и злословия, вкусил желчь и оцет [уксус], претерпел, наконец, самую ужасную смерть на Кресте. Мысль эта проникала все существо подвижника и разгорелась в нем в пламенную любовь к Господу, и вот он, вступив на путь подвижнический, положил в уме и твердо решил не иметь покоя и удобств в своей жизни, ко всему примешивать скорбь и тесноту, чтобы таким образом ради Господа Спасителя страдать и терпеть. Так Варсонофий и стал подвизаться. Он действительно ко всему примешивал тесноту и скорбь. Уже в первые годы своей аскетической жизни, ревностный к службе церковной и к молитве, усердный и старательный на всех послушаниях, он ограничивает себя в необходимом – в пище, сне, отдыхе, дозволенных беседах, в то же время налагает на себя лишние труды и подвиги. Сделавшись старцем и получив право иметь при себе прислуживающего брата, он не пользуется этим правом, но сам себе служит, сам приготовляет для себя все необходимое, даже в болезни обходится по возможности без брата. «Брат, – отвечал однажды безмолвствующему старцу Варсонофий, – всякий покой телесный мерзок Богу нашему, ибо Он Сам сказал: *узкий и тесный путь, ведущий в жизнь* (ср. Мф. 7:14). Избрать этот путь есть добрая воля, и тот, кто держится его во всяком деле, произвольно избирает себе скорбь по силе своей. Или не знаешь, что говорит апостол: *умерщвляю и порабощаю тело мое* (1 Кор. 9:27)? Видишь ли, что божественный муж волею порабощал тело свое, хотя оно и противилось тому? Имеющий сие доброе желание спасения ко всякому из требуемых нуждою действий своих примешивает небольшую скорбь. Например, могу лечь спать на мягкой, набитой пухом постели, но предпочитаю небольшую скорбь (если это только скорбь) и по собственному желанию ложусь на рогоже ради немощи телесной, стыдясь и этого, потому что другие упокоиваются на голой земле, а иные на изголовьях, набитых мякиной, как св. Арсений и многие другие; а иные клали и терновник под голову, предпочитая скорбь. И еще: когда нахожу близко воду или удобные поварни, то, как делатель, должен я избрать более далекую из них, чтобы нанести телу небольшую скорбь. Еще: могу ли иметь хорошую пищу и чистый хлеб? Должен предпочесть худшее, чтобы поскорбеть хотя немного, вспоминая томящихся голодом и вообще не вкушающих вареной пищи, а тем более владыку нашего Иисуса, Который вкусил желчи и оцта меня ради» (Ответ 132). «Не помню, – говорил о себе тому же старцу в другой раз Варсонофий, – не помню, чтобы, найдя совершенный покой (безмолвие), мы когда-нибудь воспользовались им, но всячески старались примешивать малую тесноту и скорбь, боясь Того, Кто сказал: *ты получил уже доброе твое в жизни твоей* (Лк. 16:25) и: *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14:22). Так поступали мы и тогда, когда многие стяжания приходили в руки наши, и знает Бог, в какой нищете жили мы ради обнищавшего для нас. Нехорошо давать себе покой во всем. Кто ищет сего, тот живет для себя, а не для Бога» (Ответ 133).

Проникнутый мыслью о необходимом и свойственном иноку подвиге злострадания и терпения ради Господа, преподобный Варсонофий со всею горячностью совершал обычные в подвижничестве труды телесные и духовные, каковы: разные послушания и службы, рукоделие, присутствие на молитве при богослужении, чтение слова Божия, размышление и богомыслие. При этих занятиях он превозмогал усталость. Особенно горяча была его молитва. Она непрерывно соединялась у него с плачем и слезами; глубокие сердечные вздохи исходили из его груди и оглашали келью, в которой он пребывал.

Преподобный Варсонофий в первой половине своей подвижнической жизни подвергался искушениям и выдержал жестокую брань с духом злобы, врагом человеческого спасения. Испытания эти были столь сильны и ужасны, нападения на него духа злобы были так велики и необычайны, что другие не в силах были бы не только их вынести на самом деле, но даже и

слухом принять. «Если я напишу тебе о тех искушениях, какие я перенес, – писал однажды Варсонофий Иоанну Миросавскому, – думаю, что еще не понесет сего слух твой, а может быть, и ничей в настоящее время» (Ответ 13). Пять лет Варсонофий страдал и томился от плотской страсти, которую возжигал в нем дух зла, но верой и упованием на Бога, терпением и мужеством духа выдержал брань с этою страстию. «Брат! – отвечал великий старец одному подвижнику, который жаловался, что его смущают нечистые помыслы. – И я в юности моей многократно и сильно бывал искушаем бесом блуда и трудился, подвизаясь против таких помыслов, противореча им и не соглашаясь с ними, но представляя себе пред глазами вечные муки. Пять лет поступал я так ежедневно, и Бог облегчил меня от сих помыслов. Брань сию упраздняет непрерывная молитва с плачем» (Ответ 255). Борьба диавола с Варсонофием проявлялась даже чувственным образом; нападения его на строгого подвижника обнаруживались даже в телесных отправлениях. «И со мной диавол долгое время вел брань, – ободрял и успокаивал великий старец другого подвижника, который жаловался, что он при вкушении пищи очень отягощается, – и очень отягощал меня и каждую ночь возбуждал во мне рвоту, но когда я стал мало вкушать пищи, то он переменил брань свою, и лишь только я начинал принимать пищу и влагал частицу в рот, извергал ее рвотой. Я варил себе по две снеди, чтобы приятнее мне было вкушение, но и то было ухищрение демонское; благодатию же Христовою, терпением и благодарением оно прекратилось. Я так обессилел, что и сказать нельзя, но не уступал [врагу], а понуждал себя, доколе не укрепил меня Господь» (Ответ 509). Подвергался Варсонофий и сильным болезням телесным, но переносил их с такою твердостью, с таким терпением, что не только не восклонялся на одр для своего успокоения и облегчения страданий, но даже не оставлял и рукоделия (Ответ 165).

Преподобный Варсонофий пребыл в затворе неисходно, по свидетельству историка Евагрия, целых пятьдесят лет. Все это столь продолжительное время он никого к себе в келью не принимал, ни с кем не виделся и не говорил, кроме игумена Серида, по нуждам своим или братий по временам его посещавшего; великий затворник пребывал в самом глубоком безмолвии. Подвиг безмолвия и совершенного затворничества, предпринятый Варсонофием, и для своего времени, столь славного разными родами и степенями подвижничества, был необычаен, казался невероятным и смущал многих. Один инок (Феодор), получив на свой вопрос от старца ответ, желал видеть затворника и просил у него через Серида дозволения побеседовать с ним лично, причем говорил, что и авва Моисей, и другие отцы принимали к себе тех, кто желал их видеть. Варсонофий в ответ брату сказал: «Я сам, если возвестит мне Бог, припаду к стопам вашим и облобызаю их, прося моления и молитв ваших». Прошло довольно времени, и брат забыл ответ старца, мало того, до того расстроился мыслями, что стал утверждать: «В келье вовсе нет старца. Серид только вымышляет, будто он там». В это-то время вдруг неожиданно для всех Варсонофий призывает к себе братию обители, в том числе и сомневавшегося инока, и умывает всем ноги. Пораженный этим инок одумался, вспомнил ответ старца, исповедал пред всеми свое неверие и сомнение относительно его и его предсказания (Ответ 60). Когда слух о необыкновенном подвижнике дошел до Евстохия, тогдашнего Иерусалимского патриарха, он не поверил этому и пожелал лично видеть затворника. Прибыв к месту затвора Варсонофия и увидев невозможность войти к нему, патриарх велел подкопать келью, в которой заключил себя старец, но внезапно вырвавшийся из нее огонь едва не сжег Евстохия и его спутников.

Безмолвие, высшая степень святого подвижничества, по книге «Ответов» Варсонофия и Иоанна, есть дар Божий; оно тихое пристанище: в нем покой и мир, а вне его море и ветер; оно беспопечительно, нет в нем ни помыслов, ни забот и попечений о внешнем, житейском (Ответы 8, 9, 49, 50). И для Варсонофия в затворе настало теперь такое состояние; при внешнем покое он обрел и полный покой внутренний, душевный. В нем умерло или, лучше сказать, уснуло всякое страстное движение и мудрование, явился мир помыслов, собранных воедино и устремленных к Богу; почему затворник и называл свою келью гробницей, потому именно,

что, как объяснил другой затворник, Иоанн, он почил от всех страстей, ибо совершенно умер для греха и келья его, в которой он заключился как бы в гробе, ради имени Иисусова, есть место упокоения, куда не входит ни демон, ни князь его диавол; оно сделалось обиталищем, вместив в себя жилище Божие (Ответ 73). Ослабели и, можно сказать, уснули в подвижнике и телесные потребности, и он обнаружил необычайное воздержание. В первое время его затворнической жизни приносили ему из обители в неделю по три небольших хлеба, которыми он и питался (Ответ 72). Но дух его, самособранный и устремленный в мир горний к Богу, весь погружался в созерцание Его бесконечных совершенств, вступал во внутреннейшее общение с Ним, источником жизни, света, радости и блаженства; слезы духовной радости лились из очей его; он ощущал такую неизреченную сладость бытия, что довольствовался одним хлебом, а нередко и совсем забывал о пище. Вкушал он пищу иногда два раза в неделю, иногда один раз, а иногда подходил к пище как бы уже насыщенный и, принимая ее, осуждал самого себя, говоря: «Отчего я не всегда в таком состоянии?» (Ответ 96). Он мог даже и вовсе не вкушать пищи и питья, не облекаться в одежду, ибо пищей, питьем и одеждой его был Святой Дух. «Господь мне свидетель в том, – отвечал великий старец одному подвижнику, просившему его объяснить, почему он не может постоянно сохранять один устав в пище, – что я знаю человека, и он здесь в сем благословенном обществе (да не скажет кто-нибудь, что я говорю о себе, и да не почтет меня, ничтожного, за нечто), который если пребудет как есть, ничего не вкушая, ни пия, ни одеваясь в одежды до дня посещения его Господом, не будет иметь в сем нужды вовек; ибо пища, питье и одеяние его есть Дух Святой» (Ответ 78). Как живой храм Святого Духа, преподобный Варсонофий сподобился и различных духовных дарований, что увидим после.

В венце добродетелей и нравственных совершенств преподобного Варсонофия Великого, как звезды, ярко сияют особенно смирение, любовь к Богу и любовь к ближним.

Дивно было смирение преподобного Варсонофия. Так, он умывает ноги братьям, которых призвал в свой затвор, когда некоторые из них сомневались в его существовании. В ответах своих называет себя малейшим, худейшим, ничего не значащим. Разъясняя предложенный вопрос, давая наставление, вразумляя и обличая кого, просит в то же время прощения и молитвы о своем недостойнстве. Один безмолвствовавший отец просил Варсонофия помолиться о нем. Великий старец послал ему такой ответ: «Молитесь, чтобы я был услышан. Оказывая вам послушание, молюсь я вкратце о здравии и спасении души и тела вашего. И если буду услышан (Бог же всяческих услышит), то припишу сие вашим молитвам. Ибо я не только не схоластик, то есть не праведный, который бы мог ходатайствовать за вас словом, но не имею и дерзновения к Богу, а считаю себя рабом, вами посылаемым. Итак, да услышит Господь наши молитвы; помолитесь и о моем окаянстве» (Ответ 70). Еще некоторому безмолвствовавшему подвижнику, которому пришла мысль, что великий старец скоро умрет, и которого тревожили заботы о спасении своем и своего общежития, Варсонофий послал такой ответ: «Возлюбленный брат! Подвигнутый любовью Божиею, ты изрек глаголы смирения человеку грешнейшему и худейшему, глаголы, которые и в немилостивых людях могут возбудить сострадание. Что же скажу тебе я, человек, не имеющий ни сострадания, ни милосердия? Побуждают меня слова твои, но что подам тебе в утешение, не знаю. Если бы я имел что-либо, сказал бы тебе. Не оставляю вас сырыми ни в сии годы, ни в сие время, но пребуду с вами по повелению Бога, совершающего все на пользу, для спасения душ рабов Своих; ибо сие [Господь делает] не ради меня, но ради вас, просивших сего, дабы вы принесли плод Богу, – соделывая через меня ваше спасение» (Ответ 110).

Кто в состоянии изобразить преизбыточествующую любовь преподобного Варсонофия к Богу? Любовь к Богу горела в нем подобно сильнейшему пламени, как сам он о себе засвидетельствовал в ответе одному иноку (Ответ 109).

И любовь к ближнему, горевшая в нем, была столь же сильна и глубока, как и любовь к Богу. Выйдя из общежития в пустыню и затворившись навсегда в келье, Варсонофий не затво-

рил, однако, для ближних своего сердца; напротив, сердце его расширилось еще более сочувствием к ближним и обнимало своею любовью не только братий-подвижников своей обители, но и всех людей. Он ревнует о нравственном преуспевании братии: спасение брата ему столь же близко и дорого, как его собственное спасение. И вот как прежде братия обращалась к богосмудрому подвижнику со своими душевными нуждами, так они обращаются к нему и теперь, обращаются не лично, а через своего авву-настоятеля. Приняв на себя, по воле Божией, святое дело руководить братией на пути их подвижничества и спасения, Варсонофий прерывает столь возжеленное ему безмолвие, свою сладостную беседу с Богом, и спешит отозваться на голос нуждающегося брата: разрешает его недоумения, наставляет его, ободряет и успокаивает, обличает и вразумляет. Он, как отец, радуется нравственному преуспеванию своих духовных чад, скорбит со скорбящими, болезнует, когда кто из братии падает, подвергается унынию, страдает малодушием, впадает в отчаяние; он не отчаивается в спасении такого брата, но старается возбудить в нем надежду. По собственным словам его, он день и ночь молится о духовном благе и спасении братий (Ответ 129).

Так, одному безмолвствовавшему старцу, который просил его молитв, так как он очень скорбел, преподобный писал: «Я и прежде прошения вашего ради горящей во мне (подобно сильнейшему огненному пламени) любви Христа, сказавшаго: *возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мк. 12:31), не престаю в горении и теплоте духа (ср. Рим. 12:11) день и ночь молиться Богу, чтобы Он соделал вас богоносными, чтобы вселился в вас и походил (ср. 2 Кор. 6:16) и ниспослал вам Духа Святого, Духа истины, Который, когда придет, *научит вас всему* (Ин. 14:26) и *наставит вас на истину* (Ин. 16:13), дабы удостоиться вам наследия вечных благ, которых *не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2:9). Я был для вас как отец, который старается включить детей своих в светлые воинства царские, тогда как они сами не заботятся о сем. Да даст же Бог и вам пламень любви сей» (Ответ 109). Из-за такой пламенной любви своей к ближним преподобный Варсонофий, подражая Христу Спасителю, готов был положить душу свою за братий своих (Ответ 57) и достиг той меры любви к ближним, которую имел Павел и еще прежде Павла боговидец Моисей. «Поверь мне, – писал Варсонофий одному брату, – что дух мой усердно побуждает меня сказать моему Владыке, радующемуся о спасении рабов Своих: Владыко, или вместе со мной введи и чад моих в Царство Твое, или изгладь и меня из книги Твоей» (Ответ 110).

О силе молитв преподобного Варсонофия свидетельствуют следующие случаи. Не в состоянии был преподобный Серид удержать в памяти всего, что говорил ему великий старец, давая ответы братиям. Св. Варсонофий молитвою своею испросил ему у Бога благодать Святого Духа, и Серид мог записать в целости и порядке весь ответ старца, как бы он ни был велик (Ответ 1). Не понимал многого Серид в ответах богосмудрого старца, и Варсонофий молитвою своею просветил его и отверз ему ум, так что он стал разумеать неудобопонятное (Ответ 10). На старца Андрея преподобный Варсонофий своею молитвой низвел Святого Духа, чтобы укрепить его в терпении и благодарении (Ответ 211). Постиг в то время великий гнев Божий Палестину и другие страны: открылось сильное моровое поветрие. И отцы обители, и сам авва-игумен обратились к угоднику Божию и со слезами просили его помиловать мир погибающий, стать среди падших и живых со святым фимиамом молитвы, умолить человеколюбивого Бога, да престанет всегубительство. Великий старец отвечал, что три совершенных мужа умоляют Бога за весь мир, и, назвав двоих, третьего не называл по смирению. Вот его собственные слова: «Братия, я нахожусь в плаче и рыдании, видя грядущий на нас гнев, потому что мы делаем все противное Богу. Он сказал: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царствие Небесное* (Мф. 5:20); а наше беззаконие гораздо больше, нежели у язычников. Многие молят человеколюбца Бога о том, чтобы прекратился сей гнев Его на мир, и нет никого человеколюбивее Бога; но [при всем том] Он не хочет помиловать нас, ибо сопротивляется сему множество грехов, совершающихся в мире. Есть же три мужа,

совершенных пред Богом, которые превзошли меру человечества и получили власть разрешать и вязать, отпускать грехи и удерживать их (см. Мф. 16:19; 18:18; Ин. 20:23). Они-то стоят между губительством и миром, чтобы Господь не вдруг истребил весь мир, и по молитвам их он растворяет наказание милостию; им сказано, что гнев сей пребудет на малое время. Итак, молитесь с ними. Молитвы сих трех мужей сливаются во входе горного жертвенника Отца светов, и они сорадуются и свеселятся друг другу в небесах. Когда же взирают на землю, то вместе плачут и проливают слезы и рыдают из-за совершающихся на ней зол, которые воздвигают гнев Божий. Муже эти суть: Иоанн в Риме, Илия в Коринфе и еще некто в епархии Иерусалимской [то есть сам Варсонофий], и я верую, что они оказывают [миру] великую милость, поистине оказывают. Аминь. Бог мой да укрепит вас услышать и вместить в себе, что для неразумющих непостижимо» (Ответ 566).

Преподобный Варсонофий во всей полноте обладал даром духовного рассуждения. Это показывают ответы и наставления инокам и мирским людям по разным случаям и о разных предметах. Прочитайте любой ответ великого подвижника: в каждом увидите здоровое понимание сущности предмета, верное решение и разъяснение предложенного вопроса. И сам подвижник смотрит на духовное рассуждение именно как на дар Божий. Бог дал иноку рассуждение для того, говорит он в одном ответе, чтобы оно управляло его действиями (Ответ 168).

Великому подвижнику в изобилии дано было от Бога дарование прозорливости и предведения будущего. Духом своим он знал сердечные расположения людей. Так, один брат, уже безмолвствовавший (Евфимий), получив несколько ответов от Варсонофия, по действию врага нашего спасения впал в смущение относительно великого старца, перестал верить его словам и обращаться к нему за советами. Великий старец также узнал, что было на сердце брата, и через Серида послал ему сильное вразумление. Старец-безмолвник предался плачу и слезам и плакал долго. И об этом состоянии старца узнал духом Варсонофий и позаботился успокоить, послав ему через Серида слово утешения (Ответы 160, 161). Проявлял великий старец и предведение будущего. За несколько лет он предсказывал события, которые в свое время на самом деле исполнялись. Так, он за два еще года предвозвестил прибытие в киновию Серида инока Миросавской обители Иоанна (Ответ 1). Также предузнал и предсказал, что некоторые богатые люди придут в их общежитие и останутся в нем на жительство (Ответ 31); предсказал еще о князе, посланном от царя поставить на Газский престол недостойного епископа, что хотя этот епископ и достигнет городских ворот, но в город не войдет (Ответ 812), и все это в свое время исполнилось.

В какой обильной мере обладал преподобный Варсонофий даром чудодейственным, об этом свидетельствует он сам, когда в 181-м ответе говорит об одном рабе Божиим, под которым он, очевидно, разумеет самого себя: «*Богу все возможно* (Мф. 19:26). Как Он действовал через древних, воздвигнул расслабленного и воскресил умершую Тавифу, так может действовать и через нынешних рабов Своих. Пред Ним говорю и не лгу, что знаю одного раба Божия в нашем роде в настоящее время и на сем благословенном месте, который и мертвых может воскрешать во имя Владыки нашего Иисуса Христа, и демонов изгонять, и неизлечимые болезни исцелять, и делать другие чудеса не менее апостольских, как свидетельствует Давший ему дарование или, точнее сказать, дарования. Но он не употребляет власть свою, хотя и брани может прекратить, и заключить и отверзнуть небо, подобно Илии. Господь наш всегда имеет верных рабов Своих, которых не называет более рабами, но сынами, и хотя враг завидует им, но, по благодати Христовой, нисколько не может повредить. Ибо корабль миновал уже волнения, воин – брани, кормчий – злые ветра, земледелец – зиму, купец – разбойников, а инок достиг совершенства в уединении своем. Слыша такие гордые слова, кто не скажет, что я лишился ума? И поистине говорю как бы в безумии; но я не о себе свидетельствую, а о другом. И если кто вздумает сказать: “Он вне ума” (как я уже и сказал), пусть говорит. А кто желает поревновать, чтобы достигнуть оной меры [духовного возраста], тот пусть не ленится». И много чудесных

исцелений совершал о имени Иисусовом Варсонофий. Так, силою молитвы своей он исцелил старца Андрея от болезни, от которой тот жестоко страдал (Ответы 172, 173). До очевидности и вдруг испытал на себе силу молитвы преподобного Варсонофия некоторый брат, подвергшийся тяжкой болезни. Страдая невыносимо, он несколько раз просил великого старца о молитве и помощи в его страданиях. Преподобный Варсонофий внушал ему переносить болезнь с терпением и благодарением и обнадеживал его милостию Божией. Наконец, когда страдания больного достигли высшей степени и он снова и прямо уже молил Варсонофия об исцелении его, старец ответил ему: «Бог мой да пошлет тебе скорое исцеление души и тела. Верую святому Его имени, что ты уже и теперь хорошо себя чувствуешь». Как только великий старец произнес этот ответ, брат тотчас же совершенно исцелился и воздал сердечное благодарение Богу и Его святому угоднику (Ответы 413, 512).

Как платки и опоясания святого тела апостола Павла исцеляли больных и недужных (см. Деян. 19: 12), так и вещи, которые имел при себе и употреблял преподобный Варсонофий, освящаемые благодатью Святого Духа, в нем обитавшего и действовавшего, получали божественную силу и благодать. Посылая Иоанну Миросавскому куколь со своей головы, великий старец велел в письме к нему прибавить: «Сохрани его [куколь] до кончины своей – он покроет тебя от многих зол и искушений; не отдавай его никому: это благословение Божие от руки моей» (Ответ 1).

Один безмолвствовавший отец послал Варсонофию свой куколь и аналав и просил великого старца носить их и потом возвратить ему, надеясь иметь в них покров от всякого зла. Великий старец исполнил просьбу брата и в ответе к нему написал: «Возлюбленный брат, если Владыка Христос, всемогущий Господь неба и земли, сказал приступившему к Нему: *по вере твоей да будет тебе* (Мф. 9:29), то что скажу я, нищий и убогий? Но Бог благословений да благословит тебя *всяким благословением духовным* (Еф. 1:3). А о чем просил ты, [скажу:] если ты веришь так, то я буду носить их [куколь и аналав] три дня и пришлю их тебе, когда освятятся беседою с Богом, совершаемою через молитвы святых, которая да утешит и тебя» (Ответ 123). Благодатная сила благословения св. Варсонофия проявлялась также в хлебе, который он вкушал, и в воде, которую он пил: многие иноки, получив от старца это благословение, чувствовали облегчение от страстей, которыми были боримы (Ответы 43, 44, 169).

Господь иногда ради одного имени Своего раба посылал помощь призывавшим Варсонофия. Игумен Елиан молил другого старца, Иоанна Пророка, испросить ему у Бога дар давать каждому ответ с сердечным смирением и страхом Божиим. Иоанн сказал Елиану: «Благословен Бог! Да будет тебе по воле твоей. Где ты ни будешь, спрашивай мысленно святого старца: «Авва, что сказать мне?» – и не заботься о том, что сказать» (Ответ 592).

Из горячей любви к ближним, братьям по вере и упованию вечной жизни, из ревности об их спасении великий старец брал на себя чужие грехи с надеждою испросить у милосердного Бога прощения их и тем освободить брата от ответственности за них, причем давал слово отвечать за него в тот день, в который Господь будет судить тайны человеческие (Ответы 57, 58); брал на себя иногда половину грехов ближних, иногда и всю тяготу их (Ответы 163, 164, 236).

По любви же к ближним и по власти, данной ему от Бога, преподобный Варсонофий покрывал и прощал грехи ближних. Старец Андрей просил у св. Варсонофия прощения грехов, сделанных в течение всей жизни, со дня рождения его. Великий старец сначала ответил ему, что Бог подаст ему прощение его грехов по истечении сорока дней, с тем чтобы и он был сообщником молитв старца. Когда прошли сорок дней, Андрей снова просил о том же великого старца. Варсонофий отвечал: «Брат Андрей, мысленный твой Лазарь уже воскрес и освобожден от уз» (Ответы 198, 207). Некоторый брат, сделавшись очень болен и боясь умереть в болезни, с великим старанием просил преподобного Варсонофия о прощении его грехов. Великий старец дал ему утешительный ответ: «Говорит тебе Бог, Великий Царь наш: прощаются тебе все грехи твои, преимущественно за молитвы и моления святых и ради твоей веры в Него» (Ответ

144). Другому брату, который был в чахотке и, весьма страдая, просил великого старца испросить ему у Бога оставление грехов, св. Варсонофий сказал: «Не бойся, брат, но да возрадуется душа твоя и да возвеселишься о Господе. И поверь о Господе истине моих слов, что Бог по прошению твоему простил тебе все твои согрешения с детства и до настоящего времени. Да будет же благословен Бог, восхотевший простить тебе все» (Ответ 146). Умиравшим братьям Варсонофий давал разрешение к переходу в другую жизнь, обещая своими молитвами сделать беспрепятственным восход души на небо и сопутствовать им на этом пути (ответ 145).

Таков был великий в отцах, совершеннейший в подвижничестве преподобный Варсонофий. С чувством благоговения относились современники к необыкновенному подвижнику, всецело предавали себя его руководству, просили его святых молитв, твердо веруя, что Бог услышит и исполнит всякое его прошение, называли его рабом Божиим и угодником (Ответ 152). По блаженной кончине Варсонофия началось чествование его в христианском мире. Святая Церковь причислила его к лику святых, назвала его Великим и установила совершать ежегодно честную память его 6 февраля, в каковой день и доселе в честь святого угодника совершает светлое торжество Православная Церковь⁴⁸⁰. Лик св. Варсонофия начертан был на облачении престола в Софийском храме в Константинополе и помещен между изображениями Антония Великого и Ефрема Сирина; об этом свидетельствуют преподобный Дорофей и преподобный Феодор Студит⁴⁸¹. Святые мощи Варсонофия были перевезены в город Ория в Италии и поставлены в соборном храме⁴⁸².

Какого был происхождения **преподобный Иоанн, прозванный Пророком** (память 6 февраля), где родился и в какой обители полагал начало подвижнической жизни, неизвестно; известно только, что, когда преподобный Варсонофий прибыл в киновию преподобного Серида, Иоанн уже находился в ней и был в числе мужей, стоявших высоко на лестнице подвижничества. Когда Варсонофий удалился в пустыню и затворился в келье, некоторое время спустя вслед за ним вышел из обители и преподобный Иоанн и поселился в келье, которую уступил ему великий старец. Иоанн также затворился и неисходно провел в келье восемнадцать лет, до самой своей блаженной кончины.

Преподобный Иоанн был столь же великий подвижник, как и преподобный Варсонофий. И подвиги совершал он столь же великие, как Варсонофий, и совершенств нравственных достиг, и благодатных даров сподобился таких же, как сей великий старец. Посему-то, когда некоторые иноки просили Варсонофия сказать им о жизни преподобного Иоанна, великий старец отвечал: «Касательно жизни единокровного сына моего, благословенного и смиренного послушника, но отвергнувшего все свои хотения даже до смерти, – что сказать вам? Господь сказал: *видевший Меня, видел Отца* (Ин. 14:9); и о ученике сказал, что он может то же, что и учитель его (ср. Мф. 10:25); *кто имеет уши слышать, да слышит* (Ин. 13:9)» (Ответ 129). Так же, когда некоторый брат спросил преподобного Иоанна об одном деле и, получив ответ, послал спросить о том же Варсонофия, скрыв от него, что уже он об этом спрашивал другого старца, великий старец отвечал: «Как сказал тебе брат Иоанн, так и поступи». Тот же брат поступил так же и в другой раз. Тогда великий старец отвечал ему: «Достаточно тебе сказанного. Бог Варсонофия и Иоанна один» (Ответ 220).

Велико было смирение преподобного Иоанна. Так, когда один старец просил объяснить, отчего происходит, что он хочет уменьшить количество пищи и не может, Иоанн отвечал ему: «Бог да помянет любовь твою, брат мой, за то, что ты напомнил мне о страстях моих, ибо и

⁴⁸⁰ *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1–2. М., 1875–1876. Т. 2, под 6 февраля.

⁴⁸¹ *Феодор Студит, прп.* Завещание преподобного отца нашего и исповедника Феодора, игумена Студийского // *Феодор Студит, прп.* Творения. Т. 2. М., 2011. С. 506.

⁴⁸² См.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2, под 6 февраля.

я страдаю тем же. Никто не освобождается от сего, кроме пришедшего в меру того, который сказал: *я забываю есть хлеб мой. От голоса стенания моего кости мои прильпнули к плоти моей* (Пс. 101:5–6). Такой скоро достигнет уменьшения пищи и питья, ибо слезы служат ему хлебом; и наконец доходит до того, что питается Духом Святым. Поверь мне, брат, что я знаю человека [известного Господу] такой меры: в течение недели раз и два и чаще восхищается он в духовной пище и от сладости ее забывает чувственную пищу; когда же приходит вкусить [хлеба], то, как бы пресыщенный и брезгливый, не хочет вкушать его, вкушая же, осуждает себя, говоря: отчего я не всегда в таком состоянии? И желает преуспеть еще более. А мы, брат мой, где находимся? Пойдем – умрем. Прости меня, что, не находя, чем похвалиться из своих трудов, хвалюсь чужими, к своему собственному осуждению» (Ответ 96).

Велика преданность преподобного Иоанна Богу, совершенно упование на Его отеческий Промысл. Один брат просил Иоанна сказать, в чем старец имеет нужду, обещая предоставить ему потребное. Затворник отвечал ему: «Брат, Бог да подаст тебе благое воздаяние за предложение. Впрочем, я еще никогда, нуждаясь в какой-либо вещи, не говорил никому: дай мне; но когда Бог видит, что я имею в чем-либо нужду, то внушает кому-нибудь, и тот приносит; я же принимаю. А когда я сам попрошу, это будет не нужда, а пожелание» (Ответ 567).

Из духовных дарований преподобный Иоанн так же, как и преподобный Варсонофий, в обители обладал даром духовного рассуждения, чудодейственной силы прозорливости, предвидения будущего; преимущественно же он проявлял дар прозорливости, как это видно из многих опытов, записанных в книге «Ответов» (Ответы 785, 786 и 811), за что и прозван Пророком или Прозорливым.

О преподобном Иоанне дал братии такой отзыв игумен Серид, сам великий подвижник: «Я никогда не видал, чтобы сей старец улыбался, или был смущен, или без слез приступал к святому причащению, когда говорил: “Господи, да не будет мне в суд святая сия”» (Ответ 568).

Преподобный Иоанн предугадал свою кончину. Когда преставился игумен обители преподобный Серид, старец объявил новому настоятелю киновии Елиану и братии: «В седмицах аввы Серида я скончаюсь». Пораженные этим известием, Елиан и братия просили святого старца не оставлять их сирыми. Иоанн прямо и решительно сказал: «Если бы авва Серид прожил долее, то и я прожил бы еще пять лет; но так как Бог скрыл его от меня и взял его, то и я не проживу более». Тогда Елиан обратился к Варсонофию, долго и со слезами молил его даровать им старца, испросить у Бога продление его жизни на пользу обители, во благо душ подвижащихся там, так как после кончины Серида Варсонофий не давал уже более ответов. На другой день, когда Елиан и братия снова явились к Иоанну умолять его, старец предупредил их и сказал Елиану: «Зачем беспокоишь из-за меня старца? Не трудись, я не проживу более». Тогда все заплакали, рассказывается в повествовании о кончине Иоанна, и припали к стопам его. Елиан, обняв их, сказал: «Хотя две недели даруй мне, чтобы я мог спросить тебя касательно монастыря и управления им». Старец, сжалившись и будучи подвигнут от живущего в нем Святого Духа, изрек: «Хорошо, я останусь с тобой еще на две недели». Елиан, новоизбранный настоятель, незнакомый еще с трудным делом управления обителью, спешил воспользоваться двухнедельным сроком и спрашивал святого старца обо всем, что находил нужным знать касательно этого дела. Когда две недели окончились, старец Иоанн призвал к себе Елиана, братию и всех бывших в обители и простился с ними, приветствовал каждого, потом отпустил всех, с миром предал дух свой Богу (Ответы 221, 604).

Святые отцы Варсонофий Великий и Иоанн Пророк в назидание и душевную пользу христиан оставили превосходное творение – ответы на вопросы учеников и мирских людей, плод своей богопросвещенной мудрости и духовной опытности. Некоторые ответы писал Иоанн Пророк; большая же часть принадлежит Варсонофию, который давал их через игумена Серида. Собрание их представляет собой книгу из 850 ответов. Ответы Варсонофия и Иоанна давались на вопросы людей различного звания и состояния. Одни ответы даны были подвижникам-без-

молвникам, другие – жившим в общежитии, третьи – облеченным в сан архиерейства и священства, иные – инокам, новоначальным или уже преуспевающим в духовной жизни; некоторые – начальствующим, судьям и другим христолюбивым мирянам. Ответы давались сообразно душевному состоянию вопрошавшего, соответственно той или другой потребности. Главный предмет всех ответов – внутренний человек, душа, сердце, совесть, совлечение ветхого человека и облечение в нового.

Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк

Ответы преподобных Варсонофия и Иоанна исполнены благодатного помазания и духовной силы. Они, можно сказать, происхождения божественного: давались и писаны под непосредственным действием и влиянием Святого Духа. Это видно из слов самого преподобного Варсонофия. Варсонофий в ответах прямо высказывает: «Пищу не по своей воле, но по повелению Святого Духа» (Ответ 13); «приклони сердце твое к сохранению возвешенных тебе божественных глаголов, которые происходят не от человека, но по Духу Святому» (Ответ 113).

Просвещаемый и руководимый Духом Божиим, святой отец давал ответы людям, которых не видал телесно, пребывая в затворе; он духом созерцал внутреннее состояние душ вопрошавших. Отсюда-то ответы Варсонофия Великого могущественно и благотворно действуют на душу; сердце ощущает от них духовную сладость и благоухание. Удостоверяет в этом сам Варсонофий, который в одном ответе выставляет на вид великое достоинство своих слов и духовную их силу. Так, в конце ответа старцу Андрею он прибавляет: «Рассуждай о сем (о том, что я тебе говорил и говорю) часто и деятельно вкушай сладость слов сих, и почувствуешь благоухание, которое они издают душе твоей и другим, кому случится» (Ответ 206). И поистине, говорит Никодим Святогорец, составитель жизнеописания преподобных Варсонофия и Иоанна, каждый может познать это из самого опыта, ибо, когда станет читать сию книгу,

услышит слова невитийственные и простые, но в то же время сокровенно внутри сердца своего ощутит одну чудную благодать и сладость Святого Духа, которая подобно магниту действительно привлекает волю к согласию и несомненному убеждению в истине читаемых слов и познает, как все слова сии породил один просвещенный и богоносный ум, как расположило их одно сердце, в котором обитал Иисус Христос и Святой Дух Христов, и как они (слова сии) истекли из одной души, которая вся была исполнена мира и тишины, вся христовидна, вся вдохновенна тонкими веяниями миротворящего и просвещающего Духа. Книга сия, изобилуя дивным рассуждением, разрешает самые неудоборазрешимые вопросы. Она есть учительница терпения, искоренительница роптания, меч, отсекающий свою волю, секира, поражающая человекоугодие, руководительница к истинному и совершенному смирению, поучающая нас считать себя за ничто, провозвестница покаяния, родительница плача и ходатаица спасения душ и совершенства во Христе. Неудивительно после этого, если книга «Ответов» Варсонофия Великого и Иоанна Пророка пользовалась великим уважением у отцов и учителей Церкви: они прилежно читали ее, с полным вниманием углублялись в богомудрые ответы великих отцов и многие из ответов внесли в свои писания. Преподобный Феодор Студит в «Завещании» своем говорит, что он читал книгу Варсонофия и Дорофея и в учениях их не нашел ничего несогласного с учением святой веры, напротив, получил многую душевную пользу. Преподобный Никон Черногорец, живший во второй половине XI века и подвизавшийся в обители св. Симеона Дивногорца, внес в свои сборники много мест из книги «Ответов» Варсонофия и Иоанна Пророка. Эту книгу читали и также брали места в свои творения Симеон Новый Богослов, Афанасий Афонский, Павел Евергетийский, Петр Дамаскин и другие. Когда книга ответов была издана на славянском и русском языках⁴⁸³, благочестивые христиане с душевным утешением стали читать ее и ею назидаться во спасение; у многих ревнителей нравственного совершенства она сделалась настольною книгою⁴⁸⁴.

Преподобный Иоанн Миросавский – любимейший и преданнейший ученик Варсонофия Великого. О происхождении его, воспитании и других обстоятельствах его жизни нет исторических сведений; из книги «Ответов» Варсонофия и Иоанна видно только, что он был иноком Миросавской обители, прежде чем поступил в Серидову киновию; видно также, что он имел и образование, так как владел знанием строительного искусства, был зодчим. Зато в книге «Ответов» святых старцев ясно изображается внутренняя жизнь Иоанна, ход его подвижничества в Серидовой обители. Отличаясь ревностью о благоугождении Богу и спасении души и пользуясь любовью Варсонофия и Иоанна, он при каждой перемене в ходе внутреннего духовного делания обращался к ним за советом и наставлением и немедленно получал от них исполненные божественного разума и благодатной силы ответы. Из подвижников Серидовой обители ни один не получил от великих старцев столько ответов, сколько их дано было Иоанну Миросавскому. Иоанн, бывший в прежней обители уже аввою, в Серидовой киновии начал с внешних послушаний, как новоначальный, вместе с братьями принимал участие в делах и занятиях по внешнему благоустройству обители, трудясь особенно над ее постройками; постепенно переходил от одной степени подвижничества на другую и наконец достиг последней и высшей степени – совершенного уединения и беспопечительного безмолвия. Все это видно из его вопросов святым старцам и из их ответов. Представим важнейшие вопросы Иоанна и ответы великих отцов.

⁴⁸³ На церковнославянском языке книга издана в 1852 г., на русском – в 1855 г. в Москве.

⁴⁸⁴ Так, это мы знаем о М.О. Бельском, авторе книги «Сказание о жизни митрополита Ионы, бывшего экзарха Грузии». Это был благочестивый человек в истинном смысле этого слова. Книга Варсонофия Великого и Иоанна Пророка занимала в его кабинете первое место между духовно-нравственными творениями; чтение из нее составляло для него, по его словам, ежедневную пищу души, пищу питательную и утешительную.

Иоанн, инок и авва Миросавской обители, в письме к преподобному Варсонофию просит у него благословения поселиться в киновии Серида. Варсонофий одобряет и благословляет его намерение. Через Серида он так отвечал Иоанну: «Апостол написал: *начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа* (Флп. 1:6)... Зная, что твое намерение угодно Богу, я сказал возлюбленному сыну нашему Сериду, ради Бога укrywшему нас от людей (уповаем же на Бога, что и тебя с нами покроет): “Приими брата Иоанна с великою любовью и без всякого сомнения; еще за два года перед сим открыл мне Бог, что он придет сюда и что многие братия соберутся к нам. Я хранил сие откровение в тайне, пока не узнаю, как устроит это Господь; когда же наступило время, объявил его вам”. А как ты думал получить от меня какую-либо из носимых мною вещей, то вот при брате же снял я куколь с головы своей и послал тебе через него, сказав: “Отдай ему сей куколь, а вместо него принеси мне другой”. Сохрани же его до кончины твоей; он покроет тебя от многих зол и искушений; не отдавай его никому; это благословение Божие тебе от руки моей. Итак, поспеши довершить дело свое и освободиться от него, как и мы освободились, и пребудь с нами беспопечительно, безмолвствуя в Боге» (Ответ 1).

Иоанн поступил в Серидову киновию. На первых же порах, трудясь вместе с братиями для благоустройства обители, имея главное попечение о монастырских работах, он испытывает многообразные скорби, как предвозвестил ему о том Варсонофий (Ответ 2). То беспокоит и мучит его телесная брань; то, отправляясь вместе с другими в пустыню собирать запас для рукоделия, боится пустынности места, а в пустыне после долгих поисков не находит нужных растений; то подвергается телесной болезни, когда случайно упавший камень ушиб и повредил ему ногу. Великий старец в ответах своих Иоанну поддерживает и ободряет его, возбуждая его к перенесению скорбей и испытаний, внушая, что скорби и испытания необходимы на пути к нравственному совершенству, и напоминая ему о бдительности над помыслами (Ответы 6, 7, 8, 9, 10). «Оставь все близкие отношения, которые имеешь к некоторым, – внушает Варсонофий Иоанну для ослабления беспокоившей его плотской брани, – и извинения себя тем, что находишься вне обители. Удали от себя повод к брани, прерви близкое сношение с кем бы то ни было, если оно увлекает тебя к прежнему» (Ответ 6). «Внимай себе бдительно, чтобы иметь всегда Бога пред собою, – ободряет Иоанна святой старец, когда тот отправлялся вместе с братиями в пустыню, – да исполнится и на тебе пророческое слово: *Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня: не поколеблюсь* (Пс. 15:8). От всей души своей простри руки свои к тому, что предстоит тебе, и поучайся в оном, чтобы услышать глас Божий: *се, Я пошлю Ангела Моего пред лицем твоим, который приготовит путь твой пред тобою* (Мф. 11:10)» (Ответ 7). «Пока корабль в море, он бывает подвержен опасностям и приражению ветров. Когда же достигнет тихой и мирной пристани, не страшится более скорбей, опасностей и приражений ветров, но пребывает в безопасности. Так и любовь твоя: пока ты пребываешь с людьми, ожидай скорбей, опасностей и приражения мысленных ветров. Когда же достигнешь уготованного тебе пристанища безмолвия, тогда не будешь иметь страха» (Ответ 8). «Не унывай в скорбях и трудах телесных, которые несешь, трудясь ради нас и ради нашего общежития, ибо и это также значит: *положить душу свою за братий* (1 Ин. 3: 16), и надеюсь, что велика будет награда за труд сей. Как Господь поставил Иосифа прокормить братий своих во время голода в Египте, так и тебя поставил Он послужить общежитию сему вместе с сыном нашим Серидом» (Ответ 9).

Для некоей постройки Иоанн начертил план; некоторые из братий, думая поправить его, сделали в нем тайно небольшие изменения. Иоанн оскорбился этим и пришел в сильное душевное расстройство. «Зачем сердце твое расслабевает и изнемогает ради скорби, наносимой тебе от овец Христовых? – высказал между прочим Иоанну Варсонофий, узнав об обстоятельстве, смутившем его. – Или не знаешь, какую боль головную переносит добрый учитель от детей, пока увидит их успехи?... Выслушай со вниманием, что я скажу тебе: долготерпение есть матерь

всех благ. Посмотри на Моисея, избравшего для себя лучше страдать *с народом Божиим, нежели имет временное греховное наслаждение* (Евр. 11:25). И когда смущает тебя бес, внушая помысл на какого-нибудь человека, с долготерпением скажи помыслу: повинуюсь ли я Богу моему так, чтобы мне поработать себе других? И помысл сей отступит от тебя» (Ответ 13).

Заведуя строительной частью в обители, Иоанн производил постройки вместе с братьями, которыми распоряжался как начальник. При этом не могло обойтись у него без столкновений и неприятностей с братьями; столкновения эти и неприятности возмущали его и оскорбляли. Один брат, недовольный Иоанном, поносил и уничижал его, говоря: «Да кто он и откуда, что еще и оскорбляется?» Услышав эти слова, Иоанн не мог перенести их равнодушно, впал в сильную скорбь и совершенно расстроился. Великий старец двумя ответами вразумляет его и настраивает на благодушное перенесение оскорблений от других. «Скажи брату, – говорит старец в первом ответе, – как Архангел Михаил спорил о теле Моисея, так и я подвизаюсь о тебе, пока ты избавишься от ветхого человека. И на Спасителя роптали иудеи, говоря: *не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и мать мы знаем?* (Ин. 6:42). Приведи себе это на мысль и претерпи до конца» (Ответ 14).

«Я думал питать тебя твердою пищею, – говорится в другом ответе, – и вижу, что тебе нужно молоко (ср. Евр. 5:12–14). Смотри, что сказано: *от тайных моих очисти меня* (Пс. 18:13). Остерегайся, чтобы не обокрали тебя лукавые змеи и не отравили ядом своим, он смертоносен.

Никто никогда не совершит добра посредством зла, потому что сам побеждается злом; напротив того, добром исправляется злое (ср. Рим. 12:21). Ты стоишь на поприще, почему и должен бороться со зверями, подобно апостолу в Ефесе (см. 1 Кор. 15:32), который хвалился, победив зверей. Ты ввергнут в бурю морскую, почему и должен претерпеть многие опасности и, подобно нам, подвизаться против обуревания волн» (Ответ 15).

Однажды дождем было испорчено много кирпича. Иоанн приписал это нерадению братьев, разгневался на них, готов был при первом случае упрекнуть и самого авву-настоятеля. Варсонофий спешит вразумить Иоанна и возбудить его к правильному настроению своих мыслей, особенно относительно преподобного Серида, указывая на искреннюю любовь к нему аввы-настоятеля. Получив от великого старца вразумление, Иоанн не вдруг, однако же, успокоился: душевное смущение и расстройство его продолжалось. Он обращается к старцу, открывает ему свое душевное состояние, причем называет себя безумным и виновным, говорит, что не имеет силы отвергать приходящие помыслы, и удивляется, как охладела в нем любовь к братии. Варсонофий на это написал ему новый ответ, в котором между прочим говорит: «Ты называешь себя грешным, а на деле не показываешь себя сознающим сие. Признающий себя грешником и виновником многих зол никому не противоречит, ни с кем не ссорится, ни на кого не гневается, но почитает всех лучшими и разумнейшими себя. И если помыслы, ругаясь над тобою, говорят тебе, что это есть так и на самом деле, то как же они возбуждают тебя против лучших тебя?.. Если ты грешен, то зачем укоряешь ближнего и обвиняешь его, будто через него приходит к тебе скорбь? Разве не знаешь, что всякий искушается собственным сознанием (ср. Иак. 1:14) и это рождает ему скорбь?.. Почему, когда противоречим помыслам, не получаем силы отвергать их? Потому что прежде вдаемся в осуждение ближнего, и через то ослабевает наша сила духовная, и мы обвиняем брата своего, будучи сами виноваты».

Ощущая по временам в сердце холодность, Иоанн спросил великого старца, откуда происходит теплота и холодность и нечувствительность сердца. Старец дал ему такой ответ: «Касательно теплоты и холодности скажу: известно, что Господь назвал Себя огнем (ср. Втор. 4:24; Евр. 12:29), согревающим и разжигающим сердца и утробы (ср. Пс. 25:2). Если это так, то диавол, напротив, холоден и от него происходит всякая холодность. Если же было бы иначе, то как же сказано: *тогда во многих ослабеет любовь* (Мф. 24:12)? Что означает *тогда*, как не время, когда преобладает соперник? Если ощущаем холодность, призовем Бога, и Он, при-

шедши, согреет сердце наше совершенною любовью Своею не только к Себе, но и к ближнему, и от лица теплоты Его изгонится холодность ненавистника добра. Если враг иссушил источник слез твоих, то умножил в тебе телесную влагу, – но приими Господа в доме твоём, и Он иссушит ее и источник слез твоих очистит, да источит он снова мысленную воду» (Ответ 18).

Чтобы избежать соблазнов и искушений, Иоанн положил никому ничего не приказывать, но ограничиться попечением о себе самом. Варсонофий написал ему: «Ты знаешь, брат, что, если кто не переносит досаду, не узрит и славы и, если не очистится от желчи, не ощутит сладости. Ты вступил в среду братий и различных случаев, чтобы быть разжженным и испытанным, а золото испытывается не иначе, как огнем. Отнюдь не назначай ничего себе, ибо через это подвергнешь себя брани и попечениям, но со страхом Божиим испытывай, что прилично времени, и ничего не делай с досадою; сколько возможно удаляйся от гнева, старайся быть для всех полезным примером; не суди и не осуждай никого, но вразумляй, как искренних твоих, братий и особенно возлюби искушающих тебя, так как и я много раз оказывал любовь искушавшим меня. Если вникнем, то найдем, что они-то и приводят нас в преуспевание. Притом знай, брат мой, что всякий помысл, которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно от левой стороны. Господь наш приходит с тихостию, все же вражеское бывает со смущением и мятежом. Хотя бесы и показываются облеченными в одежду овечью, но, будучи внутри волками хищными, обнаруживаются посредством наводимого ими смущения, ибо сказано: *по плодам их узнаете их* (Мф. 7:15)» (Ответ 21).

Для заготовления материалов на рукоделье для подвижников обители Иоанн вместе с несколькими братьями отправился морем в Египет. Неискусные в мореплавании, много горя испытали они на море, а в Египте, незнакомые с местами, долго блуждали, отыскивая запасы, и также много видели бед и напастей. Иоанн расстроился и изнемог душевно и в таком состоянии возвратился в обитель. Великий старец, узнав духом его внутреннее состояние, поспешил возбудить его и восстановить из душевного расслабления и написал ему: «Что изнемогаешь в скорбях, как человек плотский? Разве не знаешь, что *много скорбей* у праведных (Пс. 33:20) и ими они испытываются, как золото огнем? Посему, если мы праведны, то будем испытаны скорбями; напротив, если грешны, то потерпим оные, как достойные того, ибо *от терпения опытность* (Рим. 5:4). Приведем себе на память всех святых, бывших от начала мира, и вспомним, что они потерпели, благое делая, благое говоря и пребывая непоколебимо в тишине. Возлюби скорби во всем, чтобы тебе быть искусным сыном святых. Вспоминай терпение Иова и прочих и старайся идти по следам их. Вспоминай опасности, которые претерпел Павел, скорби и узы, голод и множество иных зол, и скажи малодушию: я чужд тебя. Вспоминай написавшего тебе: успешно ли пойдет дело твое или нет, во всяком случае благодари Бога» (Ответ 31).

Руководимый великим старцем, Иоанн нравственно благоустраивался и зрел. Пришло ему время начать высшее подвижничество, и вот он с благословения Варсонофия и аввы-настоятеля вступает на высшую степень – безмолвия. Он удаляется от занятий и дел по обители, освобождается от внешних забот и попечений, почти постоянно пребывает в келье, проводя время в посте, молитве, духовном размышлении; пищу принимает в келье же один. Но двери кельи его не затворены совершенно: для духовной беседы он принимает к себе братий и христоролюбивых мирян и сам выходит из кельи в храм в праздничные дни, особенно к Святому Причастию. По-прежнему Иоанн обращается к великому старцу за советами и наставлениями и получает их от него. Так провел он несколько лет. Достиг наконец Иоанн того, к чему стремились подвижники Серидовой обители: он взошел на высшую степень подвижничества. Великий старец объявил ему, что время проводить совершенное безмолвие для него наступило, благословил его выйти из обители и поселиться в уединенной келье. Иоанн оставил обитель и поселился вблизи старцев Варсонофия и Иоанна в отдельной келье.

Иоанн – совершенный безмолвник: он в пустыне, один сам с собою; он не принимает никого из братий, прекратил беседы даже с служащим ему братом. Совершенное безмолвие –

совершенный покой, говорит ему много раз святой старец. Но для него это не покой, а только скорби большие, внутренние душевные страдания: настали новые искушения, более разнообразные в его помыслах и сердечных движениях, открылись и усилились нападения истинного врага человеческого спасения – диавола. Иоанн недоумевает и старается отыскать причины искушений. «Брат Иоанн, – отвечал ему великий старец, когда тот сообщил ему о своем внутреннем состоянии, – не убойся ни одного из искушений, восстающих на тебя к твоему же искусству (опытности), ибо не предаст тебя Бог. Когда постигнет тебя что-либо такое, не трудись изыскивать причины сего, но призывай имя Иисуса, говоря: Иисусе, помоги мне, и Он услышит тебя: *близок Господь ко всем призывающим Его* (Пс. 144: 18). Не предавайся малодушию, но стремись усердно вперед, и достигнешь желаемого о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава вовеки, аминь» (Ответ 39).

Овладели безмолвником помыслы о святой обители, в которой он жил и подвизался до того времени, о благосостоянии ее и процветании. Она ему дорога: много труда и забот положил он на те постройки, которые теперь красуются среди нее, радуя взоры братий и посетителей. Что с нею теперь без него? Хорошо ли надзирают за новыми зданиями, хорошо ли их поддерживают? Что будет с местом сим далее? Помыслы такие и думы так сильно занимали Иоанна и волновали, что он открыл их великому старцу. Остановил безмолвника старец, разумил его и успокоил. «Брат, никто не знает, что будет с сим местом, кроме единого Сердце-веда Бога, и Он мне возвестил сие. Веруй же, что Господь не оставит оно, но сохранит и прославит его во славу имени славы Своей. Ему слава вовеки. Аминь» (Ответ 42).

По молитвам святого старца Иоанн почувствовал облегчение от страстных движений сердца и, сознавая душевное спокойствие, произнес: «Ослабели во мне страсти». Но вдруг явились в душе его хульные мысли; тотчас же послал он спросить об этом старца, но ответа от него не получил. Удивлялся этому Иоанн и недоумевал, и вдруг попушением Божиим, для вразумления его, явилось ему страшное мечтание, повторилось еще раз и исчезло. Взмолванный и смущенный до глубины души, Иоанн надел присланный ему некогда старцем куколь и обратился к Богу с молитвою и много и долго молился о помиловании. В это время великий старец и написал ему: «Что ты искушаешь меня, требуя моего слова?.. Ты посмел открыть уста свои пред Богом и сказать, что страсти ослабели в тебе, вместо того чтобы сказать: “Все они лежат во мне, как в хранилище”; за то и был ты оставлен, и все твое окаянство обнаружилось. Если бы не было у тебя того покрывала, которое ты получил от меня, то пришлось бы тебе потрудиться. Но *верен Бог, сказано, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10:13)... О всякой хуле и страсти помолись Богу, и Он мало-помалу поможет тебе. Бодрствуй же и сохрани это в сердце твоём. Никому не нужно знать сего. Что было, то было. Иисус будет с тобою. Прости мне прошедшее, и исправлюсь в будущем во веки. Аминь» (Ответ 44).

Иоанн подвергся тяжкой болезни: у него открылась горячка. Несколько дней он пребывал без пищи и сна. Находясь в беспокойном и раздражительном состоянии, он однажды с ропотом обратился к авве-настоятелю, когда он пришел к больному, набросился и на братий, служивших ему со словами укоризны и порицания. По этому случаю великий старец написал Иоанну: «Брат! Зачем оводняло твое сердце и ты оставил Возлюбленного и устремился вслед врага? Не внял гласу пастыря Христа, а последовал за волком диаволом? Что такое пострадал ты? Что претерпел? Ты ничего не пострадал сверх силы, по слову апостола: *верен Бог, Который не попустит быть искушаемыми сверх сил* (1 Кор. 10:13). Пробудись от этого смятения злых помыслов. Восприими жезл креста, которым отгонишь от себя волков, то есть демонов. Вспоминай слова Писания: *Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего* (Пс. 41:6). А впредь бодрствуй и берегись горячиться, как неразумное дитя, еще не имеющее чувства самосознания; ибо ты должен взойти со Христом на крест, быть пригвожден гвоздями и прободен копием. Чего ожидаешь,

окаянный, вопия противу Христовой силы и укоряя твою братию? Где же сказанное: *в почтительности друг друга предупреждайте* (Рим. 12:10)?.. Потерпи, умолкни и благодари за все, по слову: *за все благодарите* (1 Фес. 5:18)».

Болезнь, постигшая Иоанна, ослабела, он стал поправляться. Но душевные скорби продолжались и еще усиливались. Несколько ночей мучили его страшные сны и мечтания, навешенные на него духом тьмы; потом представлялась ему во сне обитель, которую он оставил, в ней храм Божий и много мирян, приходивших для получения духовной помощи; наконец открылась в нем брань помыслов, объяла его туга душевная: он томился духом и изнывал. Великий старец знал это неизбежное для великих подвижников состояние внутренней борьбы Иоанна и писал ему: «Враг наш диавол ополчился, *как рыкающий лев, ища поглотить* тебя (1 Пет. 5:8), но не попустила ему сего всегда покрывающая нас рука Божия. Когда же он увидел, что не попускается ему исполнить желание его, стал смущать твой ум, почему и представил тебе некоторые вещи посредством скверных своих снов. Видя же, что Господь не попускает тебя искушаться до конца или сверх силы твоей, как лукавый в злобе своей, враг представил тебе во сне церковь и монастырь, как бы для помощи. Ты же утверди сердце твое и полагай на нем без смущения крестное знамение во имя Отца и Сына и Святого Духа, веруя, что сие помогает нам попать главу врага. Прибери смиренное сердце и воздай славу Спасшему тебя от сети диавола; пострадал же ты за нерадение. Желает ли избавиться от скорбей и не тяготиться ими? Ожидай больших – и успокоишься. Поминай Иова и прочих святых, какие скорби претерпели они; приобрети их терпение – и утешится дух твой. Мужайся, крепись и молись обо мне, вспоминая слова мои, и душа моя обновится» (Ответы 46, 47).

Новое искушение постигло Иоанна. Игумен Серида по некоторой причине замедлил доставить безмолвнику последний ответ великого старца. Иоанн остался этим недоволен и позволил себе укорить Серида, чем сильно его опечалил. Потом, когда посетили подвижника некоторые братия и пересказали ему о различных делах, которые будто бы напрасно и бесполезно совершаются в обители, он не удержал посетителей от таких речей, но и сам высказал, что дела эти и ему не нравятся. Услышав от Серида, что дела эти совершены им по совету великого старца, Иоанн сказал: «Старец предоставил тебе действовать по своей воле». Варсонофий, узнав, что произошло в келье безмолвника и что он допустил, послал ему ответ, в котором обличает и вразумляет его, объясняя, что кажущееся нам неправильным делается по особенному устройству Промысла Божия и выше нашего понятия. «По долгом времени снова побуждает нас любовь погрозить тебе жезлом наказания Христова и запрещения... Немощный, где ум твой? Ленивый, где находится мысль твоя? Где заповеди твои, данные тебе? Плачь, рыдай, не ищи, чтобы тебя считали за нечто, ни в чем не равняй себя с другими, оставь наконец мир, взойди на крест, свергни с себя земное, отряси прах от ног твоих, пренебреги посрамление (ср. Евр. 12:2), не разжигай с халдеями печи, чтобы не быть сожжену вместе с ними гневом Божиим. Считай всякого человека превосходнее тебя, восплачь о мертвеце твоём. Вынь бревно твое (ср. Мф. 7:5). Восстанови ниспровергнутый дом твой, воззови: *помилуй меня, сын Давидов, чтобы мне прозреть* (Лк. 18:38, 41). Пойми сказанное: *заграждаются всякие уста* (Рим. 3, 19), и не многословь более. *Затвори дверь твою* (Мф. 6:6) для врага, взвешивай слова свои и сделай запор на двери твои (Сир. 28:29)» (Ответ 48).

Грозные обличительные слова великого старца подействовали на Иоанна; он одумался, осознал свою вину и твердо решил неуклонно следовать наставлениям своего отца-руководителя, печась только о своей душе, о спасении. Он искренно благодарил старца за исправление его и просил чаще писать ему о спасении души. «Брат Иоанн! – отвечал ему великий старец. – Не знаю, что это значит. Я написал тебе все от альфы до омеги, от устройства новонаначального до совершенного, от начала пути до конца его, от совлечения ветхого человека с похотями его до облечения в нового, созданного по Богу (ср. Еф. 4:22, 24), начиная с того, чтобы быть чуждым земли чувственной, до того, чтобы сделаться небожителем и наследником мысленной

земли обетований. Вникни в мои послания, разжуй содержащееся в них, и спасешься. Если ты только поймешь это, в них заключается Ветхий и Новый Завет» (Ответ 49).

Искушения и скорби, которым Иоанн подвергся в первое время своего безмолвия, послужили ему во благо: он еще более благонастроился нравственно, укрепился в подвиге своем, в преданности Богу, в уповании на Него, в терпении скорбей и благодарении Бога. Несколько времени он два дня в неделю еще принимал к себе братий для духовной беседы (Ответы 50, 51), но потом Варсонофий написал ему: «Брат! Оставь все попечения. Чего ты еще хочешь? Внимай самому себе: жатва велика, не оставляй ее, оставь все и займись теперь жатвою и собиранием винограда, чтобы получить плоды от пшеницы и вина; да укрепится и возвеселится сердце твое о Господе» (Ответ 53). Иоанн прекратил всякие беседы и вошел с Богом в пристанище покоя, мирно пошло его беспопечительное безмолвие. Дверей кельи старец, впрочем, не велел Иоанну затворять совершенно: умерщвление от всего состоит не в заграждении дверей, а в заграждении уст, заключил Варсонофий Великий последний ответ свой Иоанну (Ответ 54).

Как потом жил и подвизался преподобный Иоанн в безмолвии, указаний на это в книге Варсонофия и Иоанна Пророка нет. Можно утвердительно сказать, что он в мире довел до конца свое подвижничество, достиг возможного нравственного совершенства и чистым и святым отошел ко Господу. В одном из первых ответов великий старец писал Иоанну: «Когда перенесешь страдания, то войдешь в пристанище покоя Его и будешь безмолвствовать без всяких забот, имея душу, утвержденную в Господе и всегда прилепляющуюся к нему, верую соблюдаемую, упованием радующуюся (ср. Рим. 12:12), любовью веселящуюся, хранимую Святою Единосущною Троицею; и тогда исполнится на тебе сказанное: *да веселятся небеса, и да торжествует земля* (Пс. 95:11). Ибо такова беспопечительная жизнь человека Божия. Отец, Сын и Дух радуются о спасении души твоей, возлюбленный брат мой» (Ответ 2).

Преподобный Авраам родом был египтянином и долго подвизался в египетских обителях. Переселившись в киновию преподобного Серида и узнав, что славный Варсонофий также египтянин, он написал великому старцу письмо по-египетски; в письме просил его молитв о себе и высказал желание видеть его лицом к лицу и с ним побеседовать. Варсонофий на письмо Авраама отвечал по-гречески: «Будучи убежден твоею просьбою, я сказал авве Серида ответ по-гречески, чтоб он написал его тебе, потому что авва не говорит по-египетски. В послании своем ты называешь меня возлюбленным и отцом своим о Господе, знающим труды, нужды и опасности души, посему если я отец твой, как ты пишешь, то даю тебе заповедь: не беспокоить меня просьбою о беседе со мною, ибо я не так живу, чтобы делать различие между людьми. Если для тебя отворю двери, то и для всех; а если не отворю тебе, то – никому другому. И еще сказал ты в послании: “Грех мой разлучил меня с тобою, владыка мой!” Я же, благодатию Христа, Сына Божия, до сих пор не разлучался с тобою, но духом всегда пребываю с любовью твоею. В том же послании ты написал мне: “Помолись о грехах моих”; и я скажу тебе тоже: “Помолись о грехах моих”, ибо сказано: *как хотите, чтоб с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Лк. 6:3). Вступив к нам, подвизайся в терпении, ибо сказано: *претерпевший до конца спасется* (Мф. 10:22). Более же всего старайся умереть для ветхого человека, и спасешься. Скажи помыслу своему: я умер и лежу во гробе. Поверь мне, возлюбленный, что, побуждаемый любовью Божиею сказать любви твоей все сие, я превзошел свою меру. Господа ради прости мне, пустословящему, и помолись обо мне, раб Божий Авраам» (Ответ 55).

Преподобный Павел проходил уже путь безмолвия и мирно пребывал в уединенной келье, со страхом работая Господу и содеявая свое спасение, когда вошел в письменное общение с Варсонофием. Желая еще более угодить Богу, он вознамерился принять к себе в келью некоего слепца, чтобы послужить ему, но сначала спросил об этом великого старца. Варсонофий написал ему: «Брат Павел! Сатана, завидуя, хочет вовлечь нас в злоключение под предло-

гом правды. А того мы не знаем, что многие, желая извлечь других из реки, сами потонули вместе с ними. Будь осторожным, рассмотри, с какой стороны хочет уловить тебя враг. Бог не требует, чтобы ты сверх силы своей делал добро ближнему... Положим, что слепец тот пришел к тебе, а ты и сам сделался сильно болен: кто же послужит тогда тебе и ему? Если же кто-нибудь и послужит тебе охотно, но враг, внушающий тебе сии мнимые правды (добродетели), будет твердить тебе: «Смотри, ты нанес общежитию отягощение, а такой человек, как и сам ты знаешь, несносен для других». Если же соболезуешь слепцу Бога ради и веруешь, что Господь силен помочь ему, помолись Господу, и Он сотворит с ним, что Ему угодно. Я не связал тебя, брат, и не заповедь тебе дал, но совет: поступи же, как хочешь. Прости меня Господа ради и помолись обо мне, малейшем» (Ответ 55).

Старец Павел был человеком простым и неученым; он искренно и просто веровал, держась символа первых двух Вселенских Соборов. Когда лжеучения оригенистов и монофизитов проникли и за ограду Серидовой обители, Павел, ревнуя об истинной вере, позволил себе вступить с одним братом, державшимся неправых мнений, в беседу о православном учении и заблуждении еретиков, но, как человек неученый, не мог с силою и достоинством защитить истинное учение и во время прения пришел в сильное смущение и душевно расстроился. Варсонофий, узнав об этом, поспешил поддержать и вразумить простого старца богомудрыми, полными сердечного сочувствия словами: «Единодушный и искренно любимый брат, извещаю тебя о Господе, что, видя твою скорбь и смущение от искушения, которое тебя постигло, я поболел сердцем так сильно, как никогда. Не будем так скоро принимать смущение от лукавых помыслов, чтобы восставать и смущаться на ближнего нашего: это происходит не иначе, как по действию диавольскому... Да утвердит же сердце твое в страхе своем Тот, Кто утвердил и водрузил небо, и да построит здание твое на твердом камени (ср. Мф. 7:25)». Получив послание великого старца, старец Павел еще большему подвергся смущению и скорби: сомнение, истинно ли он верует, боязнь, что он должен дать ответ Богу на Страшном суде за то, что брался защитить святую веру, а не сделал этого, – все это заставило его снова обратиться к великому старцу. «Владыка и господин мой! – сказал он Варсонофию. – Если тебе известно, что смущаюсь напрасно, дай мне слово, что господин мой ответит за меня Богу, а мне от сего не последует никакого вреда, и тогда я избавлюсь от печали и смущения, а теперь сильно страдаю от них, как человек простой и неразумный и наказуемый за многие грехи мои». Великий старец обнадежил и успокоил смущенного безмолвника, послав ему такой ответ: «Не стыжусь сказать тебе, брат мой, что ты не можешь рассуждать о вере; а если не можешь, то и не рассуждай, ибо сам навлекаешь на себя лишь скорбь и смущение. Твердый в вере, если будет говорить или состязаться с еретиками или неверными, никогда не смутится, потому что имеет внутри себя Иисуса, Начальника мира и тишины, и такой после мирного состязания может с любовью привести многих еретиков и неверных в познание Спасителя нашего Иисуса Христа. Посему, брат, так как рассуждать об иных предметах выше твоей меры, то держись царского пути, говорю, веры трехсот восемнадцати святых отцов⁴⁸⁵, в которую ты и крестился: она заключает в себе все с точностью для совершенно разумеющих. Безмолвствуй, внимательно размышляя о грехах своих и о том, как встретить тебе Бога. И если таким образом соблюдешь заповедь мою, лучше же сказать, Божию, свидетельствую, что я дам за тебя ответ в тот день, в который Бог будет судить тайны человеческие» (Ответ 58).

Преподобный Феодор был уже аввой и имел у себя учеников, которых руководил на пути подвижничества, когда вступил в письменное сношение с преподобным Варсонофием. Из вопросов его к великому старцу видно, что Феодор стоял на высокой степени духовной жизни, истины веры содержал не слепо, а размышлял о них, стараясь, сколько возможно было, понять

⁴⁸⁵ Речь идет о Никейском Символе веры. – *Примеч. ред.*

их и уразуметь. Будучи же не в состоянии сам разрешить некоторые вопросы, он обратился для сего к преподобному Варсонофию.

Преподобный Феодор вместе с другими братьями спрашивал великого старца: кто дал диаволу начальство и власть? Великий старец на это отвечал так: «Если желаете знать то, что для вас вовсе не нужно, то есть кто дал диаволу начальство и власть, то познайте это из ниже-следующего и по неразумию вашему не считайте Бога виновником зла. Возьмите пример с самих себя: если кто из вас по собственному произволу уклоняется ко злу, то он своей властью делает это зло и бывает судим Богом как сделавший зло самовластно. Но кто дал ему власть? Не Бог ли? За что же Он осуждает его? По строптивости врага не считите, будто бы Бог соизволяет на зло. Во все нет, это несправедливо. Хотя некоторые из святых и сказали нечто подобное, но вы не вполне понимаете, в каком смысле они сказали сие. Бог не удержал диавола, не воспрепятствовал ему совершать зло, потому и сказано, что Бог дал ему начальство и власть. Познайте это из сих слов: *Я ожесточил сердце фараона* (Исх. 7:3; 10:20). Если так, то Он осуждает его? Это говорит Он потому, что не наказал его прежде. Каждый может познать сие и из книги Иова, где повествуется, что диавол погубил его имущество и детей; рассуди же, что сказал Иов: *Господь дал, Господь и взял*; как Господу угодно, так и было; *да будет имя Господне благословенно* вовеки (Иов. 1:21). Отчего Иов не именует погубившего, но Того, Кто долго терпел и мог воспрепятствовать и удержать оное зло? Рассуди также, что не по чему иному сказано диаволу: *вот, Я даю его (Иова) в руку твою* (Иов. 1:11), как только потому, что диавол порицал Бога, называя Его виновником благодарений, воссылаемых сим праведником за благодеяния, на него излитые. Итак, поскольку Бог диавола не удержал, то и говорится, что Он как бы дал ему начальство и власть. Бог сначала вверил ему доброе начальство и, однажды дав, не отнял его; он же (диавол), приняв, отвергнул оное, а вместо того облекся в начальство злое. А как Бог не воспрепятствовал ему, то и говорится, что Он дал диаволу начальство и власть. Не сказано в Писании: *не восхотел благословения* Бог и удалил оное от него, но: *оно и удалится от него* (Пс. 108:17). Не почитайте же Бога виновником зол, ибо это мнение подвергнет нас осуждению, но что диавол сам себе избрал начальство над всяким злом, а Бог не воспрепятствовал ему, ибо в Писании сказано: *возлюбил проклятие, – оно и придет на него* (Пс. 108:17), а не говорится, что Бог наложил на него клятву» (Ответ 62).

Преподобный Феодор, не довольствуясь письменным общением с преподобным Варсонофием, просил старца удостоить его личной беседы с ним, причем прибавил, что авва Моисей и другие принимали к себе тех, которые имели в том нужду. Великий старец послал Феодору исполненный глубокого смирения ответ, в котором говорил, что он сам желает видеть Феодора и других братьев и что если Бог известит его, сам припадет к стопам их и будет просить их святых молитв. В ответе старец между прочим говорил: «Брат! Ты перечислил мне святых, богатых по духу, и возвеселил меня знанием твоим, а еще лучше, если бы и делами... Скажи мне, брат, если кто скажет нищему: «Другие много дали, дай и ты, ничего не имеющий», – может ли он исполнить это?»

Недоволен, видно, Феодор был тем, что старец отказался принять его и лично с ним беседовать, и впал в искушение неверия относительно Варсонофия; в душе его явился помысл: существует ли еще старец, может быть, его вовсе нет в келье и авва (Серид) только выдумал, что он там. Вдруг неожиданно для всех Варсонофий призывает Феодора и других братьев к себе в келью и с глубоким смирением оmyвает всем ноги и с любовью отпускает их. «И я, грешный, – говорил о себе авва Серид, – удостоился сего омовения». Феодор, пораженный необычайным поступком великого старца и его нравственным величием, послал ему письмо, в котором ублажал его за его высокие нравственные совершенства и добродетели, просил наставлений и исцеления больных своих глаз. «Брат, – отвечал Феодору старец, – на мне исполнилось через тебя слово Писания: люди, ублажающие вас, льстят вам (ср. Ис. 3:12).

Такое убожество не допускает нам видеть гнусность дел наших; оно, как думаю, вредит и достигшим в меру [духовного преуспеяния] и отлучает от веры в Бога, Который говорит: *как вы можете веровать в Меня, когда друг от друга принимаете славу?* (Ин. 5:44). Тот, кто понимает смирение апостола, избрет скорее безумие, да будет мудр впоследствии (см. 1 Кор. 3:18). Ибо кто показывает себя разумным, а не более духовным, тот удивлюсь, если избежит осуждения, назначенного за кичливость» (Ответ 61).

Преподобный Досифей⁴⁸⁶ (память 19 февраля) только пять лет пробыл в обители Серида и достиг высокой степени нравственного совершенства и духовной чистоты. Когда вступил он на путь подвижничества, имел он цветущее здоровье, был красивым и доброзачатным; в эти пять лет среди подвигов самоотвержения, воздержания и молитвы, развиваясь и усовершеншаясь внутренне – духом, Досифей тлел и таял внешне – телом: он подвергся тяжелой болезни и отошел в другую жизнь нравственно чистым и светлым.

Был он знатного и богатого рода, воспитывался при одном военачальнике, своем родственнике, но по небрежности воспитателя не получил никакого религиозного образования. Будучи уже взрослым и поступив на службу в полк, не знал Досифей даже самых первых начал христианской веры. Услышав однажды в разговоре, что есть Святая Земля и в ней много мест святых: Иерусалим, где пострадал и умер Сын Божий, Вифлеем, где Он родился, Гефсимания, где погребено было пречистое тело Божией Матери, Досифей пожелал видеть святые места. Воспитатель охотно отпустил его в Святую Землю, дав ему спутников из военных. Сильное впечатление произвел на юношу Святой город: пред его очами предстали священные для христиан предметы: Сион, Голгофа, Гроб Господень, величественный храм Воскресения; спутники объяснили ему важность этих мест, рассказали о событиях, на них совершившихся; в сердце его возбудилось глубокое религиозное чувство. В Гефсимании до глубины души поразила его икона Страшного суда. Стоя перед священным изображением, он удивлялся и недоумевал, что значит все то, что он здесь видит. Вдруг явилась около юноши величественная Жена и подробно объяснила все, что на иконе было изображено. Слова дивной Жены еще более поразили Досифея. Будет некогда, подумал он, Суд страшный, после которого грешные люди пойдут в ад, где будут терпеть нескончаемые и ужасные муки; а он не знал этого, не слышал об этом до сих пор. В умилении сердца Досифей обратился к необычайной Жене и спросил Ее, как избежать этих ужасных мук. «Воздержанием, постом и молитвою», – отвечала Она и стала невидима. Это была Пресвятая Богородица. С этой минуты Досифей, к удивлению своих спутников, совершенно переменял образ жизни: перестал есть мясную пищу, начал поститься, часто молился. Некоторые из спутников говорили ему: «Нельзя так жить в мире; из мирских людей никто так не живет. Если хочешь вести жизнь, какую теперь ты ведешь, иди в монастырь, и спасешь свою душу». Досифей просил указать ему монастырь. Спутники его хорошо знали киновию преподобного Серида; некоторые из них были знакомы с самим настоятелем. Эту киновию и указали они Досифею как обитель, славившуюся в то время великими подвижниками и святыми мужами. Оставив Святой город, благочестивые странники направились в Газу и благополучно достигли Серидовой обители.

В смущение пришел преподобный Серид, когда явился пред ним доброзачатный юноша в блестящей воинской одежде и объявил, что он желает поступить в монахи для спасения души своей. Серид не тотчас принял юношу в обитель, а прежде хотел узнать внутреннее его настроение: благоразумный авва опасался, не сделал ли он чего худого, незаконного и хочет, может быть, в стенах обители укрыться от правосудия. Он поручил Дорофею испытать молодого человека и узнать душевное его состояние. Дорофей, побеседовав с юношей, нашел, что он чист душою и невинен.

⁴⁸⁶ См.: Четы-Минси, 19 февраля.

Доложили о юноше преподобному Варсонофию. Великий старец велел принять его без всякого сомнения, провидя его спасение. После этого Досифей был принят в обитель; настоятель отдал его под руководство Дорофеем.

Приняв юного Досифея на свои руки, Дорофей в деле руководства его на пути подвижнической жизни показал великую духовную опытность. Он постепенно вел молодого инок по аскетической лестнице, мало-помалу приучал его к аскетическим упражнениям, именно к упражнениям в воздержании и посте, и в молитве, и в отчуждении от земного, чувственного, и в прилеплении к небесному, божественному. Главным же образом Дорофей старался развить и воспитать в нем самоотречение и послушание, то есть довести его до того, чтобы он не знал и не имел своей воли, а жил и действовал по воле духовного отца-руководителя. Чтобы лучше наблюдать за внутренним состоянием Досифея, за его мыслями и чувствами, влечениями и действиями, Дорофей взял его к себе в больницу, которою заведовал, и возложил на него нелегкую обязанность ухода за больными. И ревностным делателем явил себя Досифей; и воистину сына послушания обрел в нем его блаженный руководитель.

Преподобные Дорофей и Досифей.

Миниатюра из «Поучений аввы Дорофея» (Соловецкий монастырь, 1643). Из Синодального собрания. ГИМ. Москва

К воздержанию и посту мудрый руководитель приучал молодого подвижника таким образом. Настало время принимать пищу в первый раз. Дорофей сказал ему: «Иди ешь, чтобы быть сыту; только скажи мне, сколько съешь». После трапезы Досифей явился к наставнику и сказал: «Я съел один хлеб и полхлеба». Хлеб был в четыре литры. «Сыт ли ты?» – спросил Досифея наставник. «Сыт, господин мой», – отвечал он. «Не чувствуешь более голода?» – «Не чувствую, владыка мой». – «Хорошо, – сказал Дорофей. – В другой раз съешь один хлеб и четверть другого хлеба, другую четверть раздели на две половины и съешь одну половину». Досифей так и сделал. «Чувствуешь ли теперь голод?» – спросил его Дорофей. «Ей, господин мой, немного чувствую», – отвечал Досифей. «Ну и продолжай так принимать пищу», – сказал Дорофей. Прошло несколько дней. Дорофей спрашивает Досифея: «Что, Досифей, чувствуешь ли теперь голод после трапезы?» – «Нет, владыка мой, – отвечал Досифей, – молитвами твоими, хорошо мне». – «Теперь оставь другую половину четверти хлеба и ешь один хлеб и четверть». Послушный ученик в точности исполнил повеление своего руководителя. «Как теперь себя чувствуешь?» – спрашивает его Дорофей через несколько дней. «Хорошо, владыка мой», – отвечал Досифей. «Раздели теперь и другую четверть на две половины и ешь хлеб и половину четверти, а другую половину оставь». Досифей поступил, как приказал наставник. Так продолжалось и далее: Дорофей все уменьшал количество хлеба, и Досифей с четырех литр дошел до восьми унций, и этого количества хлеба было ему достаточно. Благоразумный руководитель не налагал, впрочем, строгого воздержания на молодого подвижника; Досифей принимал пищу каждый день и два раза. Позволено было ему пользоваться и остатками от стола больных: то сок из фруктов, то рыба голова или другое что – все это было отдано в распоряжение и употребление Досифея.

Также постепенно навикал Досифей и молитве внутренней, сердечной, постоянному памятованию о Боге, и навык он этому духовному деланию. Мысль о Боге была постоянно в его душе; слова «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» не сходили с его уст.

Преподобный Дорофей старался с самого начала ослаблять и подавлять в душе Досифея привязанность к чувственным вещам и, напротив, развивать и воспитывать в ней стремление к небесному, воздержание вещей божественных. Мудрый руководитель поступал в этом случае таким образом. Если Досифею нравилась какая-нибудь вещь, Дорофей отнимал ее у него, клал ее перед глазами и не позволял ему даже до нее дотронуться или же отдавал эту вещь другому брату. Однажды принесли в больницу хороший нож. Нож Досифею очень понравился. «Хорошо бы, отче, – обратился он к своему наставнику, – взять этот нож нам для больницы. Смотри, какой он славный!» – «Нет, – строго сказал Дорофей, – положи его и никогда не употребляй. Разве ты хочешь быть рабом этой вещи?» И Досифей ни разу не дотронулся до нового ножа, а должен был обходиться старым. В свободные часы Досифей шил монашескую одежду; работу вел он со всем усердием, одежда выходила хорошая. И что же? Новая одежда обыкновенно отдавалась другому брату, а Досифей носил все старую. Так Дорофей подавлял в молодом подвижнике всякое, даже малейшее, чувственное пожелание.

Поступив под руководство Дорофея, Досифей возымел к нему полное доверие и преданность и мало-помалу так настроился, что ничего от него не скрывал ни из внешних действий и поступков, ни из внутренних состояний и душевных движений. Досифей старательно стлал больным постели: постели выходили мягкими, ими сам он оставался доволен и любовался на них. И вот, когда проходил однажды в это время Дорофей, Досифей обратился к нему со словами: «Отче, отче! Промысл говорит мне: ты хорошо стелешь постели». – «Вот как! – строго заметил ему Дорофей. – Ты оказался отличным слугой и добрым постельничим, но не вышел из тебя добрый инок!» В уходе за больными Досифей действительно показывал великую заботливость и попечение; всеми силами старался услужить им, облегчить их страдания, успокоить и утешить. Но по молодости иногда бывал нетерпелив, вырывались слова упрека,

негодования, гневливости на больного. В таких случаях Досифей уходил в келарню⁴⁸⁷, садился там на пол и горько плакал, и никто, бывало, из братий его не успокоит. Приходил в келарню сам наставник и спрашивал Досифея: «Отчего ты плачешь, что с тобою, Досифей?» – «Прости меня, отче, – отвечал скорбящий Досифей, – я разгневался и сказал жестокое слово больному брату». Наставник укорял его за такой поступок. «Ах ты, Досифей! Что ты делаешь? Не стыдно ли гневаться? Разве не знаешь, что болящий – это Христос, а ты оскорбляешь Самого Христа Господа?» – внушал Дорофей плакавшему своему ученику. И поникал Досифей долгу и ничего не говорил. Когда Дорофей видел, что он довольно уже плакал, то говорил ему: «Бог простит тебя; встань, отныне положим начало исправления, и Бог поможет нам». При этих словах Досифей вставал радостный, как бы от Самого Бога получив прощение, и охотно спешил на свою службу. Так всегда бывало, когда Досифей допускал вновь порывы гневливости на больного. Служащие в больнице об этом знали и, когда, бывало, увидят брата Досифея в келарне, приходили к Дорофею и говорили ему: «Иди в келарню, там тебе есть дело».

Дорофей шел в келарню и, увидев, что Досифей сидит и плачет, понимал, что он опять разгневался и сказал какое худое слово больному, и принимался его бранить и укорять: «Опять ты, Досифей, то же? Опять Христа оскорбил, опять разгневался? Не стыдно ли, не грешно ли? Ты все не исправляешься». Досифей молчал и только плакал. «Ну, Бог тебя простит, – обращался к Досифею наставник, – снова положи начало исправления. Встань и иди на свое дело». С радостью вставал Досифей и шел в больницу на свою службу.

С целью совершенно подавить в Досифее самомнение и тщеславие и укрепить смирение наставник обращался с ним нередко даже сурово, особенно на первых порах его подвижничества. В первое время своей жизни в обители Досифей говорил громко. Дорофей позаботился отучить его от этой несвойственной подвижнику привычки. Однажды он сказал Досифею: «Нужна чаша цельного вина, иди принеси». Досифей принес полную чашу вина и хлеб и подал Дорофею, как бы желая принять от него благословение. «Чего ты хочешь?» – обратился он к Досифею и смотрел на него, как бы очень удивляясь. «Ты велел принести чашу цельного вина: дай мне благословение», – отвечал Досифей. «О, бессмысленный! – воскликнул Дорофей. – Да я так сделал потому, что ты говоришь громко, как гот какой! Готы, когда упьются, кричат и говорят громко. И ты кричишь, как пьяный гот. Поэтому я сказал: “Возьми чашу вина”». Понял Досифей слова своего наставника, молча сделал ему поклон, чашу с вином и хлеб отнес на свое место и с того времени говорил уже тихо. Случилось еще, что Досифей, читая слово Божие, не понимал одного стиха. И вот он приходит к наставнику и просит его объяснить непонятный стих. Дорофей находил, что Досифею рано еще упражняться в чтении и разумении слова Божия, ему необходимее приобрести смирение, и потому на просьбу его отвечал: «Не знаю». И в другой раз явился к своему наставнику Досифей с подобною же просьбою – объяснить другое место Писания. И тут Дорофей поступил таким же образом, сказав: «Не знаю», и послал его к самому игумену. Между тем Дорофей успел предварить Серида о Досифее и сказал авве: «Как придет к тебе Досифей, побей его немного и вразуми». Игумен Серид так и сделал. Когда Досифей явился к нему и просил объяснить ему место из Писания, авва-игумен начал бить его и приговаривал: «Тебе ли братья за разумение слова Божия? Молчать тебе лучше должно, когда не знаешь. Зачем не размышляешь и не заботишься о своей греховной нечистоте?» И другое подобное говорил он смущенному Досифею.

Отпуская его, дал ему еще два заушения. Не возроптал на своего отца-наставника Досифей, не стал жаловаться, зачем он послал его к авве-игумену и сам не вразумил его, – нет, но, возвратившись к Дорофею, простодушно рассказал, как поступил с ним игумен, и прибавил: «У меня остались и знаки ударов на спине». Без размышления принял он и перенес все с ним

⁴⁸⁷ Келарня – кладовая для хранения припасов в монастырях. – *Примеч ред.*

случившееся с полной верою к своему наставнику, с искренним убеждением, что так и следовало быть, как было.

Так жил и подвизался преподобный Досифей пять лет, достиг под руководством богомудрого наставника-руководителя высокой степени нравственной чистоты, и Господь воззвал его к Себе.

Досифей заболел: у него открылась чахотка. Его стали лечить. Дорофей прилагал особенное о нем попечение и употреблял все возможные средства для его излечения, но ничто не помогало: болезнь усиливалась. Досифей тяжело страдал. Болезнь свою он переносил терпеливо и благодушно: не роптал, не жаловался на боль и страдания, не обнаружил ни тени печали или уныния. Но и на одре тяжкого недуга Досифей старался отсекал свою волю. У него появилось кровохаркание. Узнал он, что при кровохаркании полезны недоваренные яйца, и открыл Дорофею желание, возникшее в нем, воспользоваться этим средством, но еще раньше, чем открыл это желание наставнику, просил не давать ему яиц, так как они его занимали, были на уме. Дорофей исполнил его просьбу, вместо яиц употребив другие средства. Видя, как тяжки страдания Досифея, Дорофей старался возбуждать его к непрерывному общению с Богом в помыслах ума, в движениях и чувствованиях сердца, возбуждать к непрестанной молитве. Досифей уже был настроен к постоянной внутренней молитве, но тут он должен был пересиливать телесные страдания, чтобы держать себя в непрерывном молитвенном настроении. «Досифей, – говорил страдальцу Дорофей, – думай и заботься о молитве; смотри, чтобы не потеряться». – «Хорошо, отче, – отвечал он слабым голосом, – молись обо мне». Невыносимы становились страдания Досифея. «Что, Досифей, как твоя молитва?» – спрашивал его Дорофей в это время. «Ей, отче, молитвами твоими пребывает добре». До крайней степени дошла болезнь Досифея; для облегчения страданий больного его носили на простыне. «Что твоя молитва, Досифей?» – спрашивал страдальца его наставник. «Прости, отче, – едва слышно произнес он, – не могу держать ее». – «Оставь теперь молитву, – сказал Дорофей, – памятуй только непрестанно о Боге, помышляй о Нем, представляй, что Он пред тобою, что Он тут же, при тебе». Послал страдалец к великому старцу и просил помолиться о нем и испросить ему у Бога прощения грехов. Старец тотчас же прислал Досифею ответ, в котором успокаивает его и ободряет. «Не бойся, брат, – говорит великий старец, – но да возрадуется душа твоя и да возвеселится о Господе. И поверь о Господе истине моих слов, что Бог по прошению твоему простил тебе все твои согрешения с детства до настоящего времени. Да будет же благословен Бог, восхотевший простить тебе все. Итак, не скорби о том, что ты страдаешь: это не зло, а болезнь, которая пройдет» (Ответ 146). Некоторые из братьев, узнав о том, что ответил Досифею великий старец, обратились к другому старцу, Иоанну, и просили его объяснить, о жизни или смерти больного сказал Варсонофий. Иоанн отвечал, что сказано о смерти Досифея, но святой старец может испросить ему и жизнь, если получит на то извещение от Бога (Ответ 147). Тогда братия снова обратились к великому старцу и просили его помолиться о Досифее, чтобы Господь продлил его жизнь. Варсонофий отвечал: «О брате скажу вам: достаточно ему и того, что он сподобился получить, ибо он обогатился внезапно и из раба сделался свободным. Но да будет благословен Бог, благоволивший так и принявший моление.

Не говорите ничего брату, чтобы не ввести его в скорбь, а сохраните эту тайну: ему предстоит не смерть, а переход от смерти в жизнь вечную и от скорби в покой. Чада моя возлюбленные, радуйтесь о Господе!» (Ответ 148). Настали предсмертные минуты. Умиравший послал великому старцу: «Отпусти меня, отче, не могу более жить». – «Терпи, чадо, – прислал ответ великий старец, – близка к тебе милость Божия». Еще некоторое время мучился и страдал Досифей. Смотря на его страдания, скорбел душою и сердцем Дорофей. Скорбели и братия. Снова обратились они к великому старцу и просили его умолиť милосердного Господа скорее помиловать страдальца. Великий старец отвечал братии: «Болезнь его продлилась для того, чтобы не приписал себе дарованного ему по молению о нем; Бог же сотворил и творит полез-

ное ему молитвами святых, аминь» (Ответ 149). Среди тяжких страданий умирающий снова послал к великому старцу: «Владыка мой, не могу, не могу более жить». – «Иди с миром, – отвечал умирающему старец, – и предстань Святой Троице и молись о нас». С этими словами Досифей предал дух свой Богу.

Преподобный Елиан, землевладелец Газского округа, имевший здесь разные угодья, цветущий молодостью и здоровьем, принадлежал к числу тех христолюбивых мирян, о которых часто упоминается в книге преподобных Варсонофия и Иоанна; эти христолюбцы отличались истинным благочестием, усердно посещали святые обители, любили обращаться к подвижникам за духовными советами и наставлениями. Елиан по влечению своего благочестивого сердца часто посещал Серидову обитель, которую особенно любил; он пользовался расположением настоятеля преподобного Серида, питал глубокую любовь к старцам Варсонофию и Иоанну. Под благотворным влиянием Серидовой обители благочестивое настроение Елиана усиливалось; в его душе возникла мысль о благоугождении Богу и спасении души путем подвижничества; мысль эта развивалась более и более и овладела всем его существом. Он решил поступить в Серидову обитель. Елиан не удерживает то обстоятельство, что на его попечении была престарелая бабка его, жившая вместе с ним; она имела собственное имение, требовавшее распорядительных рук, были у ней рабы и домочадцы, за которыми нужен был строгий присмотр. Не решаясь сам распорядиться своею судьбою, он обратился к старцам Варсонофию и Иоанну и просил у них совета, как ему поступить в его обстоятельствах. Старцы, благословляя Елиана на путь подвигов Бога ради и ради спасения души, дали ему такой совет: бабку поместить близ ее племянников, которые были взрослые, с тем чтобы они заботились о старице, для чего отделить им достаточное количество земли и угодий, остальные свои земли и угодья оставить за собою и продажу их предоставить времени, когда будет на то воля Божия. Согласно совету святых старцев Елиан так и сделал и затем поступил в обитель преподобного Серида и начал со всем усердием трудиться о Господе. Но сверх всякого ожидания его на первых же порах ему суждено было проходить в обители трудное служение ее настоятеля.

Елиан поступил в обитель еще при жизни преподобного Серида. Серид, приготавливаясь к отшествию в другую жизнь, в завещании своем назначил преемниками по себе старших из братий, но так, чтобы они управляли последовательно один за другим, и после всех поместил и Елиана. Старшие братия по смирению все отказались от начальствования; тогда должен был принять на себя управление обителью Елиан, несмотря на то что он был новоначальный и не имел еще иноческого образа. Изумился Елиан, когда узнал о многотрудном иноческом служении, которое ему предстояло: он искренно сознавал себя и недостойным сана игумена, и не подготовленным к великому служению. Старец Иоанн успокоил его, сказав, что тут в избрании его на игуменство в обители действует воля Божия и что Господь поможет ему в исполнении великих обязанностей, на него возложенных. Немедленно Елиан пострижен был в иночество; затем епископ по прошению братий посвятил его в пресвитера и, наконец, произвел его в игумена киновии.

В немалое затруднение поставлен был Елиан, сделавшись настоятелем обители, руководителем душ спасающихся. Великий старец по кончине Серида умолк и не давал более ответов. Старец Иоанн объявил, что через неделю по отшествии Серида к Богу и он отойдет в другой мир. Что делать было Елиану? Как ему управлять многочисленным обществом без руководителя, ему, не подготовленному к великим обязанностям игумена обители, неопытному в делах управления? К кому обратиться за советом и необходимыми указаниями? Потому-то и припадал он с братиями, как нам известно, и к великому старцу, и к самому Иоанну, припадал со слезною мольбою – испросить у Владыки жизни и смерти ему милости, чтобы старец Иоанн остался на земле и прожил хотя две недели: тогда новый настоятель мог бы спросить его и получить от него наставления и правила касательно управления общежитием. По молитве свя-

тых старцев Господь даровал Елиану эту милость: старец Иоанн остался в живых и прожил еще две недели. Он отворил двери своей кельи для нового настоятеля. Елиан прямо входил к нему и лично с ним беседовал. В это время Елиан и спешил расспросить старца обо всем касательно обители и управления ею и получил необходимые наставления и указания. Некоторые из этих наставлений и указаний помещены в книге Варсонофия и Иоанна. Представим здесь важнейшие из них.

1. «Отец мой! – спросил Елиан старца Иоанна. – Я новоначальный и ничего не знаю. Что повелишь мне сказать братии?» – «Скажи им следующее, – отвечал Иоанн, – Господь Иисус, сказавший: *Не оставлю вас сиротами, приду к вам* (Ин. 14: 18), печется о вас; вы же внимайте себе со всяким смиренномудрием и любовью к Богу, и Он благословит вас и будет вам покровом и вождем. Скажи им также: да не скрывает никто помыслов, ибо, если кто скрывает помыслы, злые духи радуются, усиливаясь погубить его душу. И если кто из братии откроет тебе помысл свой, то воззови мысленно: “Господи! Что Тебе угодно для спасения души брата, подай мне, дабы я мог сказать ему и дабы сказал Твое слово, а не мое”, – и приходящее тебе на ум скажи, говоря в себе: “Это не мое слово, ибо написано: *говорит ли кто, говори как слова Божии* (1 Пет. 4:11)”» (Ответ 583).

2. «Когда благословляются у меня братия, давать ли им целовать руку мою или нет? Помысл говорит мне, чтобы я лобызал тогда их в голову, – хорошо ли это?» – «Когда благословляются, дай руку и скажи им: “Смотрите, чтобы это было не по человекоугодию; Бог по вере вашей творит с вами; Сам Господь сказал: *кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника* (Мф. 10:41). Итак, если кто будет пророк и праведник, а кто не примет его, как пророка и праведника, не получит воздаяния. Если же и не будет пророк или праведник, а кто-либо примет его, как пророка и праведника, то получит награду пророка и праведника”. Лобызать же их в голову не следует, ибо это действие включает в себе лицемерие, происходящее от человекоугодия» (Ответ 584).

3. «Каков должен быть я в отношении к братии?» – «Считай себя ниже всех, а равно и правителем всех, долженствующим дать ответ за сан, который ты принял. Надлежит быть ко всем милосердным, как сказал апостол: *носите бремена друг друга* (Гал. 6:2); *вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных* (1 Фес. 5:14); да никто не воздаст злом за зло (Рим. 12:17), но благое; *Если же кто не повинуется, того имейте на замечании* (2 Фес. 3:14). Тот же апостол да вразумит тебя о прочем, что не означено в малом слове моем» (Ответ 585).

4. «Когда кто из братий согрешит, как обличить его: наедине или при братиях?» – «Когда вина будет большая, то при братиях; но прежде должно сказать ему: “Если не исправишься, то я при братиях объявлю о сем”. А когда согрешение будет малое, обличи его наедине и сверх того наложи епитимию» (Ответ 587).

5. «Скажи мне, отец мой, как я должен встречать приходящих мирян, отцов и братий?» – «Ходя в премудрости, принимай всех, не подавая никому соблазна, по примеру апостола, сказавшего, что он был угоден и иудеям, и еллинам, и Церкви Божией (1 Кор. 10, 32–33). ...Когда случится прийти им [мирянам, братиям и отцам], то не слишком угощай их и не совсем отвергай; когда же то будет человек, приходящий собственно с этою целью [то есть с целью угощения], то устранись от него. Тебе не безызвестно обращение аввы [Серида], как он обходился с приходящими; полезнее тебе, чтобы тебя назвали скупым, когда ты не таков, нежели чтобы назвали сластолюбцем. Итак, принимай всех с приличною приветливостью, показывая лишь вид, что вкушаешь наравне со всеми, вкушая, однако же, менее надлежащего. А если кто будет принуждать тебя, скажи ему: “Апостол говорит: *не упивайтесь вином, от которого бывает распутство* (Еф. 5:18). Отцы говорят: молим всякого человека, хотящего спастись и принести покаяние Богу, сохранять себя от излишнего употребления вина, которое рождает все стра-

сти». Наконец, сколько можно остерегайся бесед о плотском с приходящими и не попускай им говорить о мирских делах, ибо иначе пища и все прочее будет у вас плотское» (Ответ 590).

6. «Как должны мы оказывать страннолюбие и исполнять заповедь о нищих? И должны ли мы всех приходящих немедленно принимать? А так как часто беспокоят нас просьбами об одежде, то, если она бывает у нас в излишестве, следует ли давать ее, и кому именно?» – «Оказывать страннолюбие и исполнять заповедь о нищих вы должны по силе своей, но тщательно узнавайте, по какой причине просит приходящий. Если это будет и вор, то, как сказали отцы, дайте ему в благословение хлеб и отпустите. А так как есть и такие, которые приходят сюда лишь отягощать вас, то не давай им повода к дерзости, ибо они приходят отягощать вас из скупости, не имея действительной нужды.

Одежды же не давайте никому без рассмотрения, исключая того, когда нуждающийся будет человеком весьма богобоязненным и стыдится просить. Разузнав истину, если окажется, что он совершенно нестяжателен и просит Бога ради, а не по невоздержанию, окажите ему сострадание» (Ответ 593).

7. «Отчего не должно принимать в общежитие праздношатающихся?» – «Так как они, входя в общежитие, приносят лишь скорбь, то лучше не принимать их, а дать им благословение и отпустить» (Ответ 594).

8. «Иногда приходят к нам, по вере своей, женщины и матери братьев наших, и мы принимаем их в келье вне монастыря, которая имеет окна в монастырь. Должен ли я сквозь эти окна беседовать с ними или нет?» – «Если женщины будут иметь повод прийти к вам Бога ради, а не для того, чтобы видеть место, и не по одному только желанию своему, а единственно для того, чтобы услышать слово Божие или принести что-нибудь для обители, и потому необходимо беседовать с ними, то беседуй, но понуждай себя сохранять глаза твои, ибо *кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5:28). А всякое дело, Бога ради совершаемое, Бог покрывает. Беседуй же не с человекоугодием, не как ищущий похвалы, но от чистого сердца прости помысл свой к Богу, и если это будет мать кого-либо из братьев и придет по какой-либо нужде, побеседуй с нею по заповеди, которую имеешь; без нужды же не должно делать и сего, ибо сын ее может при вашей помощи подать ей требуемое, впрочем, не в излишестве, но сколько ей будет необходимо» (Ответ 601).

Таковы важнейшие вопросы, на которые Елиан считал необходимым получить разрешение от старца Иоанна Пророка. И стал он управлять обителью преподобного Серида в духе ее основателя и великих старцев Варсонофия и Иоанна. Он со всем рвением заботился о благоустройстве и процветании обители и поддержании в ней того духа, какой столь явно обнаружился в поведении и трудах братьев при ее великом основателе. Но и с кругом присных своих Елиан не прерывал сношений; там, за стенами мирной обители, все еще оставалась в живых его престарелая бабка, жили еще и ее племянники. Пожив несколько времени с племянниками, старица захотела жить отдельно. И вот Елиан позаботился устроить для нее особое помещение в близлежащем городе; распорядился, чтобы в свое время доставлялось ей все необходимое, наблюдал, чтобы жизнь старицы была покойна. Он наблюдал за слугами и домочадцами своей бабки, заботился об их нравственном настроении: наставлял их на добрый путь, утверждал в страхе Божиим, питал и одевал их с рассмотрением, чтобы не подать им повода к невоздержанию; он говорил им: «Почитайте себя уже не рабами, но свободными, так как вы обеспечены и успокоены гораздо более, нежели владеющие именьями».

Смотрел Елиан и за именьями бабки, наблюдал, чтобы с разных ее земель и угодий шли полные доходы и чтобы из имения ее ничего не пропадало. Старица по временам посещала обитель и ее настоятеля, своего внука. Елиан ласково принимал ее и беседовал с нею, спрашивая, покойно ли ей жить и что ей особенно нужно. В то же время Елиан должен был заботиться и о своих землях и угодьях, которые еще не были проданы.

Освободился Елиан от внешних забот и попечений, когда бабка его отошла в другую жизнь. Тогда рабов и домочадцев ее он отпустил на волю, земли и уголья распродав. Тогда же Елиан, согласно с волею Божиею, продал и свои собственные земли, и деньги, вырученные за них, употребил на пользу своей обители.

Дальнейших сведений о жизни и подвигах преподобного Елиана в церковно-исторических сочинениях не находим.

Преподобный Виталий (память 22 апреля) жил во второй половине VI и в начале VII века. Вступив в обитель преподобного Серида в молодых годах и взяв на себя спасительное иго подвижничества, он до шестидесятого года своей жизни пребыл в этой обители в посте, воздержании, молитве, распиная и умерщвляя плоть свою со страстями и похотями, совлекаясь ветхого человека и облакаясь в нового, в духовную одежду нравственной чистоты и святости. Но потом Виталий оставил обитель и переселился в Александрию; там он принял на себя необычайный подвиг, стал вести жизнь, которая в глазах людей казалась мерзкою и предосудительною, а в очах Божиих была угодна и спасительна: он спасал блудниц, обращая их от порочной жизни на путь истины и добродетели.

Прибыв в обширный город, кипевший многолюдством, славившийся просвещением и торговлею, преподобный Виталий узнал и записал по именам всех блудниц в городе и начал усердно творить Богу молитву о каждой отдельно: он умолял милосердие Божие помиловать Свои несчастные и погибавшие творения, украшенные образом и подобием Божиим, и обратить их на путь добродетели. Образ жизни он повел такой: целый день он с утра до вечера работал в городе как поденщик и за работу получал двенадцать монет. Из заработанных денег на одну монету покупал бобов и после захода солнца вкушал их; вечером же шел в дом разврата. Там он входил к блуднице, отдавал ей остальные деньги и говорил: «Вот тебе деньги; прошу тебя, соблюди себя в чистоте эту ночь», затем затворялся с ней в комнате. Она спокойно спала, а старец, став в углу, всю ночь пребывал в молитве и прилежно молился о ней Богу. Утром, уходя от блудницы, просил ее никому не говорить, что он тут делал. Следующую ночь старец проводил у другой блудницы и, таким образом обойдя всех, начинал снова с первой. Господь, видя ревность старца о спасении погибавших душ, благословил его святые ревность и труд: некоторые блудницы, видя, как старец целую ночь молится о них, об их спасении, приходили в чувство, стыдились, что во время его молитвы они лежат и спят, вставали с постели и, преклонив колена, начинали вместе с ним молиться. Старец спешил воспользоваться таким минутным их настроением: он увещевал их обратиться на путь правый, грозил им Страшным судом, претил⁴⁸⁸ вечными муками в аду, но в то же время и обнадеживал милосердием Божиим. Они умилялись душой, сознавали гнусность своего поведения и давали обещание исправиться. И вот дивное произошло в Александрии явление: одни из блудниц, оставив дом порока и разврата, вышли за законных мужей; другие удалились в женские обители, где подвигами покаяния, поста и молитвы старались загладить прежнюю порочную жизнь и испросить у Бога прощение своих грехов; иные, и не выходя замуж и оставаясь в мире, проводили, однако же, беспорочную жизнь, питаясь трудами рук своих. Но такие благие успехи достигнуты были с великими скорбями и страданиями для благодетеля падших. Народ, видя, как старец-монах каждый вечер входит в дом разврата и проводит там ночь, соблазнялся о подвижнике: и за глаза и в глаза его поносили и укоряли; встречая его на улице, идущего к непристойному месту, говорили: «Иди, окаянный, ждут тебя блудницы», – и плевали на него. Старец же кротко переносил все укоры и поношения и в сладость душе слушал, как его все почитали великим грешником. Иногда на укоры и брань кротко отвечал: «Не такой же ли человек и я, как все, не тою же ли плотью обложен? Ужели черноризцев Бог создал бесплотными?

⁴⁸⁸ Прещать, претить (кому? чем?) – угрожать, страшать. – *Примеч. ред.*

Поистине и черноризцы суть человеки». Иные говорили старцу: «Отец, отец! Что ты делаешь? Сними лучше с себя иноческий образ, чтобы он не бесчестился твоим поведением, возьми одну из блудниц себе в жены и живи, как все порядочные люди». Старец, как бы гневаясь, отвечал таким: «Не послушаю вас: что мне за выгода – взять жену и заботиться о ней, печься о детях, о доме и проводить дни в заботах и трудах? Зачем меня судите? Ужели вам за меня отвечать Богу? Пекитесь каждый сам о себе, а меня оставьте в покое. Один есть судия всех – Бог, Который и воздаст каждому по делам его». Патриархом Александрийским был в то время знаменитый нищелюбием и благотворениями св. Иоанн Милостивый. Донесли клирики святителю, что некий инок соблазняет весь народ, входя каждую ночь к блудницам, но святитель Божий не верил их словам, помня случай, бывший при нем, как один святой жизни инок, от природы евнух, оклеветанный в том же беззаконии, какое приписывали Виталию, был напрасно наказан. Патриарх увещевал клириков не осуждать никого, особенно же иноков. «Не знаете ли, – говорил он клирикам, – что сделал на Первом Вселенском Соборе император Константин Великий, когда некоторые епископы и клирики вручили ему грамоты, в которых были написаны друг на друга предосудительные их дела? Он велел подать зажженную свечу и, не прочтя записок, сжег их перед всеми, причем сказал: “Если бы я своими глазами видел епископа или инока согрешающего, то я покрыл бы его своею одеждою”».

Прп. Виталий Александрийский

Открыл Господь раба Своего святого старца Виталия, воочию всем показав, что действительно никого не должно судить и осуждать. Однажды, когда старец стоял у дверей непотребного дома и хотел было уже войти в него, оттуда вышел какой-то молодой человек. Увидев старца, он закричал: «И ты туда же, старикашка?» – и ударил его по щеке. Благодушно приняв и с кротостью перенес удар святой старец, но молодой человек был поражен невидимой силою: он вдруг упал на землю, стал дрожать и трястись, появились судороги и корчи, открылось беснование; видимо, в него вошел нечистый дух. Собрался народ; несчастного подняли и повели домой; по дороге он ясно произносил имя Виталия: «За него я наказан, ради него терплю и мучусь», – повторял он. Или говорил: «К Виталию меня ведите, к нему, к нему, к нему». Когда спросили его, кто этот Виталий, что может он ему сделать и где его найти, он отвечал: «Виталий – старец, раб Божий, он может исцелить меня, живет он у городских ворот в малой и убогой хижине». При этом молодой человек рассказал, где он встретил старца и какую обиду ему учинил. Отыскали у городских ворот убогую хижину, где жил Виталий-старец, и привели к нему бесноватого. Сжалился святой старец над несчастным, помолился о нем Богу и исцелил его, бес из него вышел, и он стал здоров. Узнали теперь все старца Виталия, узнали, что он действительно раб Божий и человек святой, увидели, что напрасно осуждали его, напрасно клеветали на него; искренно раскаивались, что делали ему укоры, брань и всячески ему досаждали, – сознали все это и прославили Бога. Старец же, сделавшись известным и не терпя славы человеческой, оставил хижину у городских ворот и поселился в другом потаенном месте, где провел последние годы своей труженической богоугодной жизни.

Когда преподобный Виталий преставился, весь город собрался воздать честь останкам человека Божия, спасавшего блудниц, и проводить его до места его упокоения; сам патриарх совершил обряд погребения.

Киновия преподобного Дорофея

О киновии преподобного Дорофея мало сохранилось сведений в церковно-исторических сочинениях. Известно только, что она находилась в той же части Святой Земли, где была лавра Илариона Великого, именно между Газою и Маюмом, и основана преподобным Дорофеем, славным подвижником Серидовой киновии, в начале второй половины VI столетия⁴⁸⁹. Известно также, что Дорофеева обитель между палестинскими обителями славилась высотой духовной жизни и нравственных совершенств, каких достигали ее подвижники, руководимые столь опытным в подвижничестве мужем, каков был преподобный Дорофей. В нее отшел настоятель Фирминовой обители Зосима разбойника, желавшего совершить подвиг покаяния. В следующем столетии киновия преподобного Дорофея находилась также в цветущем состоянии, как это видно из того, что ее посещают подвижники других обителей. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Не сохранились в истории палестинского подвижничества имена подвижников киновии преподобного Дорофея, зато известна назидательная жизнь самого основателя ее, известны его высокие нравственные качества и совершенства. Жизнеописание преподобного Дорофея и предложим вниманию благочестивых читателей.

* * *

Преподобный Дорофей (память 5 июня), ученик Иоанна Прозорливого (Пророка), родом был из Палестины, именно из города Аскалона, и происходил из семейства, имевшего достаточное состояние. В молодых летах он с великою ревностью заботился о своем образова-

⁴⁸⁹ См.: *Авва Дорофей Газский, прп.* Душеполезные поучения; *Vies des pères du desert d'Orient*. Vol. 2. P. 508.

нии и занимался науками с пламенной любовью. «Когда я обучался внешнему учению, – говорит о себе сам преподобный Дорофей, – мне казалось это сначала тягостным, и когда я приходил взять книгу, я был в таком же положении, как человек, идущий прикоснуться к зверю; когда же я продолжал понуждать себя, Бог помог мне, и прилежание обратилось мне в такой навык, что от усердия к чтению я не замечал, что я ел, или пил, или как спал. И никогда не позволял завлечь себя на обед с кем-нибудь из друзей моих и даже не вступал с ними в беседу во время чтения, хотя и был общителен и любил своих товарищей. Когда философ [то есть учитель] отпускал нас, я омывался водою, ибо иссыхал от безмерного чтения и имел нужду каждый день освежаться водою; приходя же домой, я не знал, что буду есть, ибо не мог найти свободного времени для распоряжения касательно самой пищи своей, но у меня был верный человек, который готовил мне, что он хотел. А я ел, что находил приготовленным, имея и книгу подле себя на постели, и часто углублялся в нее. Также и во время сна она была подле меня на столе моем, и, уснув немного, я тотчас вскакивал для того, чтобы продолжать чтение. Опять вечером, когда я возвращался [домой] после вечерни, я зажигал светильник и продолжал чтение до полуночи и вообще был в таком состоянии, что от чтения вовсе не знал сладости покоя». При такой ревности к изучению наук Дорофей приобрел обширные познания и развил в себе превосходный дар слова. Из поучений Дорофея и вопросов его преподобным Варсонофию Великому и Иоанну Пророку видно, что он хорошо изучил произведения светских писателей, но несравненно лучше знал писания отцов Церкви, как то: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и многих знаменитых подвижников предшествовавших веков. Желание достигнуть высшего духовного совершенства путем христианского самоотвержения и самоумерщвления, возбужденное в нем беседами с ним великих старцев, расположило его оставить мир и вступить на путь подвижничества, – и Дорофей поступил в обитель преподобного Серида и стал здесь подвизаться о Господе под руководством Серида, Варсофония и Иоанна.

Поступив в монастырь, Дорофей предал всего себя в совершенное послушание святым старцам Серида, Варсонофию и Иоанну. Без малейшего замедления или ропота он исполнял всякое их слово, никогда не позволяя себе рассуждать; не скрывал от них ни одного самого незначительного помысла, не делал без их совета ни одного самого простого дела и до такой степени умер собственному суждению, что не верил себе в самых неоспоримых истинах и даже доброму помыслу, возникавшему в его душе, и тогда только утверждался, когда принимал его как бы вновь от своего наставника, которому прежде поверял его. «Когда я был в общежитии, – говорит о себе преподобный Дорофей, – я открывал все свои помыслы старцу авве Иоанну и никогда не решался сделать что-либо без его совета. Иногда помысл говорил мне: не то же ли самое скажет тебе старец? А я отвечал помыслу: анафема тебе, и рассуждению твоему, и разуму твоему, и мудрованию твоему, и ведению твоему! Ибо что ты знаешь, то знаешь от демонов. Итак, я шел и вопрошал старца. И случалось иногда, что он отвечал мне то самое, что у меня было на уме. Тогда помысл говорил мне: ну что же, видишь, это то самое, что и я говорил тебе, не напрасно ли беспокоил ты старца? А я отвечал помыслу: теперь оно хорошо, теперь оно от Духа Святого; твое же внушение лукаво, от демонов, и было делом страстного состояния души. Итак, никогда не попускал я себе повиноваться своему помыслу, не спросив старца». В другом месте Дорофей говорит еще: «Когда помысл говорил мне о солнце, что это солнце, или о тьме, что это тьма, я не верил ему, ибо нет ничего тяжелее, как верить своим мнениям» (Поучение 9). Начав о Господе труд подвижничества, преподобный Дорофей с усилием понуждал себя к иноческим подвигам и добродетелям, поощряя себя в этом случае такими словами: «Если столько любви, столько горячности было у меня для внешней мудрости, так что от всего прочего был я свободен и привык к одному, тем более должно быть при обучении добродетели», – и тем я укреплялся в трудных подвигах иноческих. Видя ревность к подвигам иноческим молодого подвижника, преподобный Серид назначил ему послушание – принимать

странников и служить больным в больнице, устроенной на иждивение его брата. С каким старанием, с какою любовью Дорофей проходил это послушание, показывают собственные слова его. «В то время я только что встал от тяжелой болезни. И вот бывало приходят странники вечером – я проводил с ними вечер; а там погонщики верблюдов – и им приготавливал я нужное; много раз случалось, что, когда уходил я спать, встречалась другая нужда и меня будили, а затем приближался час бдения. Едва только я засыпал, как уже будил меня канонарх, но от труда или от болезни я был в изнеможении, и сон опять овладевал мною так, что, расслабленный от жара, я не помнил сам себя и отвечал ему [канонарху] сквозь сон: “Хорошо, господин, Бог да помянет любовь твою и да наградит тебя; ты приказал, я приду, господин”. Потом, когда он уходил, я опять засыпал и очень скорбел, что опаздывал идти в церковь». Чтобы и в таких случаях быть точным по отношению к церковной службе, надобно было Дорофею бороться с природою, и молодой подвижник упросил двух братьев – одного, чтобы будил его к службе, другого – чтобы не позволял ему дремать во время бдения. «И поверьте мне, – присовокупляет он, – я так уважал их, как бы от них зависело мое спасение» (Поучение 11). С таким же терпением и смирением исполнял преподобный Дорофей и другое послушание, назначенное ему игуменом, – принимать исповедь новоначальных, выслушивать их тайные помыслы и сомнения; ему казалось, что они только по простоте своей или даже ради насмешки доверяют тайные помыслы свои человеку столь неопытному, каким он себя считал (Поучение 11).

*Прп. Дорофей. Тзортзи (Зорзис) Фука.
Фреска монастыря Дионисиат. Афон. 1547 г.*

Преподобный Дорофей развил в себе глубокое чувство смирения; всегда обвинял самого себя, особенно при каких-нибудь случаях и столкновениях с братьями; недостатки ближних старался покрывать любовью и проступки их в отношении себя приписывать искушению или незлонамеренной простоте. Так, в 4-м поучении своем преподобный Дорофей приводит несколько примеров, из которых видно, что он, будучи сильно оскорбляем, терпеливо переносил оскорбления и, проведя, как сам говорит, в общежитии девять лет, никому не сказал во все это время оскорбительного слова. «Однажды, – рассказывает в одном поучении своем сам Дорофей, – один брат, идя вслед за мною от больницы до самой церкви, поносил меня, а я шел впереди него, не говоря ни слова. Когда же авва узнал это, не знаю, кто сказал ему о сем, и хотел наказать брата, я пошел и пал ему в ноги, говоря: “Ради Господа не наказывай его, я согрешил, брат нисколько не виноват”. И другой также, по искушению ли или от простоты, Бог знает почему, немалое время каждую ночь пускал свою воду над моею головою, так что и самая постель моя бывала омочена ею. Также и некоторые другие из братий приходили ежедневно и вытрясали свои подстилки перед моей кельей, и я видел, что множество блох набиралось в моей келье, так что я не в силах был истребить их, ибо они были бесчисленны от жары. Потом, когда я ложился спать, все они собирались на меня, и я засыпал только от сильного утомления; когда же вставал от сна, находил, что все тело мое было изъедено; однако же я никогда не сказал кому-нибудь из них: “Не делай этого” или “Зачем ты делаешь?”» (Почтение 4).

Самым высоким счастьем для себя счел Дорофей, когда игумен Серид поручил ему служить великому старцу Иоанну Прозорливому. Еще и прежде этого он открывал сему старцу все помыслы свои, а теперь он предал себя совершенно в его волю. И такое уважение питал Дорофей к Иоанну Прозорливому, что на коленях принимал от него каждый вечер благословение и наставление и двери кельи его, по собственным словам Дорофея, лобызал извне с таким же чувством, с каким иной поклоняется Честному Кресту. Девять лет служил старцу Иоанну преподобный Дорофей и, как ни считал себя счастливым такою долею, всегда готов был уступить это счастье другому; и когда однажды узнал, что один из братии сильно скорбит, желая служить святому старцу, сам пошел к игумену, сам умолял его уступить этому брату служение великому старцу и даже оправдывал завистливого брата (Почтение 4).

Кроме глубокого смирения, преподобный Дорофей развил и воспитал в себе всецелую преданность воле Божией: к Господу он относил все, что случалось с ним хорошего, радостного или неприятного и скорбного, и потому болезни и скорби переносил с совершенною покорностью воле Господней; от Господа одного ожидал и помощи утешения, когда они постигали его. Однажды преподобный Дорофей находился в тяжелой, невыносимой скорби душевной, но в то же время не переставал с крепким упованием на милость Божию умолять Господа о помощи – милость Божия посетила его. В один день, когда Дорофей находился на монастырском дворе и заглянул нечаянно в храм, увидел там человека в святительской одежде, который нес сосуд со Святыми Дарами и входил в алтарь. Влекомый внутренним чувством, Дорофей вошел в храм и последовал за этим человеком в алтарь. Таинственный муж, воздев руки к небу, стал молиться, и Дорофей стоял позади него в благоговейном страхе. По окончании молитвы таинственный муж обратился к Дорофею, и по мере приближения его к подвижнику умолкали в сердце скорбящего печаль и уныние; потом коснулся рукою его груди и произнес слова псалма: *Твердо уповал я на Господа, и Он преклонился ко мне и услышал вопль мой; извел меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь – хвалу Богу нашему* (Пс. 39:2–4). Трижды он произнес эти стихи тихо, ударяя в грудь Дорофея, и неизъяснимою радостью исполнилось сердце подвижника; он хотел

последовать за небесным пришельцем, но тот уже скрылся от его взора. С этой поры никогда никакое уныние не овладевало сердцем преподобного Дорофея.

По кончине преподобного Серида и Иоанна Прозорливого, когда Варсонофий совершенно заключился в своей келье, Дорофей оставил Серидову киновию, удалился в близлежащую пустыню между Газой и Маюмом и там основал свою собственную обитель, в которой был настоятелем и истинным руководителем других в жизни духовной. Блаженная кончина его последовала около 620 года по Р. Х.⁴⁹⁰

Преподобный Дорофей оставил после себя в назидание христиан несколько подвижнических творений⁴⁹¹. Творения его драгоценны и важны не только для инока, но и для христианина, живущего в мире. Преподобный Дорофей был опытен в духовной жизни. Поучения и наставления его дышат особенною простотою чистой души, свойственной помазанным от Святого Духа, и исполнены необыкновенной сладости. Их очень уважали последующие отцы Церкви. Преподобный Феодор Студит в своем «Завещании» называет авву Дорофея святым и богомудрым.

В двадцати пяти поучениях своих преподобный Дорофей учит об отречении от мира, о смирении, о совести и страхе Божиим, о том, чтобы не полагаться на свой разум, чтобы не судить ближнего, о самоукорении, о том, что не должно лгать, о том, что должно проходить путь Божий с целью, об отсечении страстей вначале, о страхе будущих мучений, терпеливом перенесении искушений, согласии добродетелей, посте и беседах, о должностях начальников и учеников, должности келаря, о нечувствии души, плаче, о должностях инока, о поведении больного брата.

Извлечем из поучений преподобного Дорофея несколько особенно назидательных мыслей.

1. Если случится кому видеть, говорит преподобный Дорофей в 41-м поучении, что брат его согрешает, не должно презреть его и умолчать о сем, попуская ему погибнуть; не должно также ни укорять, ни злословить его, но с чувством сострадания и страхом Божиим должно сказать тому, кто может исправить его; или сам видевший пусть скажет ему с любовью и смирением, говоря так: «Прости, брат мой, если не ошибаюсь, ты нехорошо это делаешь». И если он не послушает, скажи другому, о котором знаешь, что он имеет к нему доверие, или скажи старцу его, или авве, смотря по важности согрешения, чтобы они его исправили, и потом будь спокоен. Но говори с целью исправить брата своего, а не ради празднословия или злословия и не для укорения его, не из желания обличить его, не для осуждения и не с притворством, показывая вид, что исправляешь его, а внутри имея что-либо из упомянутого (Почтение 4).

2. «Некогда, говорит авва Дорофей, в бытность мою в общежитии, покушался я по движениям и по походке человека узнавать о его душевном состоянии, и со мною произошел следующий случай. Однажды, когда я стоял, прошла мимо меня женщина с ведром воды; сам не знаю, как я увлекся и посмотрел ей в глаза и тотчас помысл внушил мне, что она блудница; но лишь только пришел мне сей помысл, я стал очень скорбеть и сказал о сем старцу авве Иоанну: «Владыка! Что я должен делать, когда я невольно замечаю чьи-либо движения и походку и помысл говорит мне о душевном состоянии сего человека?» И старец отвечал мне так: «Что же, разве не бывает, что иной постоянно имеет естественный недостаток, однако с великим усилием и трудами исправляет его? Потому и нельзя из этого узнать чьего-либо душевного

⁴⁹⁰ См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви. С. 203–205; Четьи-Минеи, 5 июня.

⁴⁹¹ См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви. С. 206–208. Из творений прп. Дорофея изданы его поучения и послания (на русском языке книга «Преподобного Дорофея душеполезные поучения и послания» [впервые] вышла в Москве в 1856 г.). Другие его сочинения: «Тридцать глав или Слов о подвижничестве», «Ответы Варсонофия Великого и Иоанна Прозорливого на вопросы Дорофея», запись устных наставлений старца Фирминовой киновии Зосимы – доселе находятся в рукописях.

состояния. Итак, никогда не верь своим догадкам, ибо кривое правило и прямое делает кривым. Мнения человеческие ложны и вредят тому, кто предается им”. Итак, нет ничего тяжелее, как верить своим мнениям. Это если укоренится в нас, то доводит до такого вреда, что мы думаем действительно видеть вещи, коих нет и быть не может. И скажу вам удивительный случай, который произошел при мне, когда я еще находился в общежитии. Там был у нас один брат, которого очень беспокоила сия страсть, и он так следовал своим догадкам, что был уверен в каждом предположении своем; ему казалось, что дело происходит непременно так, как представляет ему помысл его, и не может быть иначе. Зло со временем усилилось, и демоны довели его до такого заблуждения, что однажды, когда он, выйдя в сад, высматривал, ибо он всегда подсматривал и подслушивал, ему показалось, что он видит, будто один из братий крадет и ест смоквы, а была пятница и еще не было даже второго часа. Итак, уверив себя, что он действительно видел это, он скрылся, как говорил, и ушел молча. Потом в час литургии он опять стал замечать, что будет делать во время причащения брат, только что укравший и съевший смоквы. И когда он увидел, что тот умывает руки, дабы войти приобщиться, он побежал и сказал игумену: “Посмотри, такой-то брат идет приобщаться Божественных Таин вместе с братиями, но не вели ему давать Святых Даров, ибо я видел сегодня утром, как он крал смоквы из сада и ел”. А между тем брат тот пошел уже к Святому Причащению с большим благоговением и смирением, ибо он был из благоговейных. Когда же игумен увидел его, то он подозвал его к себе, прежде чем тот подошел к священнику, преподающему Святые Дары, и, отведя его в сторону, спросил: “Скажи мне, брат, что ты сделал сегодня?” Тот удивился и сказал ему: “Где, владыка?” Игумен продолжал: “Когда ты утром вышел в сад, что ты там делал?” Брат, удивленный этим, отвечал ему опять: “Владыка, я сегодня не видел сада и даже не был утром здесь, в киновии, но теперь только возвратился, ибо тотчас по окончании всенощного бдения экононом послал меня на такое-то послушание”. А место того послушания, о котором он говорил, было очень далеко, и брат с трудом поспел ко времени литургии. Игумен призвал эконома и спросил его: “Куда ты посылал этого брата?” Эконом отвечал то же, что и брат сказал, то есть что он посылал его в такое-то село. Игумен спросил: “Почему же ты не привел его принять от меня благословение [на послушание]?” Тот, поклонившись, отвечал: “Прости меня, владыка, ты отдыхал после бдения, и потому я не привел его принять от тебя благословение”. Когда игумен таким образом удостоверился, то он отпустил сего брата причаститься и, призвав того, который верил своим подозрениям, сделал ему выговор и отлучил его от Святого Причащения. И не ограничился он этим, но, созвав всю братию по окончании литургии, со слезами рассказал им о случившемся и обличил брата пред всеми, желая достигнуть сим троякой пользы: во-первых, посрамить диавола и обличить сеющего такие подозрения; во-вторых, чтобы через сие посрамление был прощен грех брата и чтобы он получил от Бога помощь на будущее время; и в-третьих, чтобы утвердить братию никогда не верить своим мнениям. И много поучив о сем и нас и брата, он сказал, что нет ничего вреднее подозрительности» (Поучение 9).

3. Если мы хотим совершенно измениться (в нравственном отношении), то должно научиться отменять хотения свои, и таким образом мало-помалу с помощью Божиею мы преуспеем и достигнем бесстрастия. Ибо ничто не приносит такой пользы людям, как стеснение своей воли, и поистине от сего человек преуспевает более, нежели от всякой другой добродетели. Ибо отсечением своей воли он приобретает беспристрастие, а от беспристрастия приходит с помощью Божиею в совершенное бесстрастие (Поучение 1). «Расскажу вам событие, случившееся при мне, дабы вы узнали, что блаженное послушание и отсечение своей воли избавляет человека и от смерти. Однажды, когда я еще был в обители аввы Серида, пришел туда ученик одного великого старца из страны Аскалонской с некоторым поручением от своего аввы. Старец дал ему заповедь возвратиться в свою келью до вечера. Между тем поднялась сильная буря с дождем и громом, протекавший вблизи поток поднялся вровень с берегами. Брат, помня слова своего старца, хотел идти обратно; мы просили его остаться, полагая, что ему

невозможно безопасно перейти поток, но он не согласился остаться с нами. Тогда мы сказали: «Пойдем вместе с ним до потока; когда он увидит его, то сам возвратится». Итак, мы пошли с ним, и, когда дошли до реки, он снял одежду свою, привязал ее к голове своей, опоясался нарамником и бросился в реку, в эту страшную быстрину. Мы стояли в ужасе, трепеща за него, как бы он не утонул; но он продолжал плыть и весьма скоро очутился на другой стороне, оделся в свою одежду, поклонился нам оттуда, прощаясь с нами, и быстро пошел, продолжая путь свой. А мы стояли в изумлении и удивлялись силе добродетели; тогда как мы от страха не могли смотреть на реку, он безопасно переплыл ее за послушание свое» (Поучение 1). «Авва Пимен говорил: «Воля наша есть медная стена между человеком и Богом». Видите ли силу сего изречения?» И еще присовокупил он: «Она есть как бы камень, противостоящий, сопротивляющийся и противодействующий воле Божией». Итак, если человек оставит свою волю, тогда может и он сказать: *о Боже моем перейду стену; Бог мой, непорочен путь Его* (Пс.17:30–31). Весьма достаточно сказано! Ибо тогда только человек видит непорочный путь Божий, когда оставит свою волю; когда же повинуется своей воле, то не видит, что непорочны пути Божии, но, если услышит что-либо относящееся к наставлению, он тотчас порицает это, унижает, отвращается от сего и действует напротив, ибо как ему перенести что-либо или послушаться чьего-либо совета, если он держится своей воли? Далее говорит старец и о самооправдании: если же и самооправдание поможет воле, то человек совершенно развращается (Поучение 5).

4. «Если мне встретится, – сказал авва Дорофей, – какое-либо дело, то мне приятнее поступить по совету ближнего, даже когда бы случилось и испортить его по его совету, нежели и хорошо исполнить дело, последовав своей воле» (Поучение 19).

5. Все, бывающее с нами, бывает или по благоволению Божию, или попустительно. Например, бывает попустительная воля Божия на то, чтобы город был разорен; но Бог не хочет, чтобы мы, поскольку есть Его воля на разорение города, сами положили огонь и подожгли его или чтобы мы взяли топоры и стали разрушать его. Также Бог попускает, чтобы кто-нибудь находился в печали или в болезни, хотя воля Божия и не такова, чтобы он печалился; но Бог не хочет, чтобы и мы опечаливали его или чтобы сказали: «Так как есть воля Божия на то, чтобы он был болен, то не будем жалеть его». Этого Бог не хочет; не хочет, чтобы мы служили таковой Его воле. Он желает, напротив, видеть нас столь благими, чтобы мы не хотели того, что Он делает попустительно. Но чего Он хочет? Хочет, чтобы мы желали воли Его благой, бывающей, как я сказал, по благоволению, то есть всего того, что делается по Его заповеди, чтобы любить друг друга, быть сострадательными, творить милостыню и тому подобное (Поучение 14).

6. Прежде нежели скажем или сделаем что-нибудь, испытаем, согласно ли это с волею Божией; и тогда, помолвившись, скажем или сделаем сие и повергнем немощь нашу пред Богом, и благодать Его поможет нам во всем (Поучение 18).

7. Отцы сказали, каким образом человек должен постепенно очищать себя: каждый вечер он должен испытывать себя, как он провел день, и опять утром, как он провел ночь, и каяться пред Богом, в чем ему случилось согрешить пред Богом. Нам же [то есть инокам, подвижникам], так как мы много согрешаем, нужно по забывчивости нашей по истечении шести часов испытывать себя, как провели мы время и в чем согрешили. И каждый из нас должен говорить себе: «Не сказал ли мне канонарх или другой кто из братии неприятного слова, и я не перенес его, но противоречил ему?» Так должны мы ежедневно испытывать самих себя, как провели мы день. Таким образом каждый должен испытывать себя, как провел он и ночь, с усердием ли встал на бдение, или пороптал на разбудившего его, или помалодушествовал против него (Поучение 11).

8. Есть три различных вида лжи: иной лжет мыслью, другой лжет словом, а иной лжет самой жизнью своею. Мыслью лжет тот, кто принимает за истину свои предположения, то есть пустые подозрения на ближнего; такой, когда видит, что кто-нибудь беседует с братом своим, делает свои догадки и говорит: «Он обо мне беседует». Если прекращает беседу, он опять

предполагает, что из-за него прекратили беседу. Если кто скажет слово, то он подозревает, что оно сказано для оскорбления его. Вообще, в каждом деле он постоянно таким образом замечает за ближним, говоря: он из-за меня это сделал; он из-за меня это сказал; он это сделал для того-то. Таковой лжет мыслью, ибо он ничего истинного не говорит, но только по одному своему мнению, а от сего происходит любопытство, злословие, подслушивание, вражда, осуждение. Словом лжет тот, кто, например, от уныния поленившись встать на бдение, не говорит: «Прости меня, что я поленился встать», но говорит: «У меня был жар, я до крайности утомился работою, не в силах был встать, был нездоров», – и говорит десять лживых слов для того, чтобы не сделать одного поклона и не смириться. И если он в подобном случае не укорит себя, то беспрестанно изменяет слова свои и спорит, чтобы не понести укоризны. Жизнью своею лжет тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержным, или, будучи корыстолюбивым, говорит о милостыне и хвалит милосердие, или, будучи надменен, дивится смиренномудрию. И не потому удивляется добродетели, что желает похвалить ее, ибо если бы он говорил с сею мыслью, то он сперва со смирением сознался бы в своей немощи, говоря: «Горе мне, окаянному, я сделался чуждым всякого блага», и тогда уже, по сознанию своей немощи, стал бы он хвалить добродетель и удивляться ей. Осуждать себя есть дело смирения, а щадить ближнего есть дело милосердия. Но лжец или для того удивлялся добродетели, чтобы покрыть свой стыд, и говорит о ней, как будто и сам он совершенно таков, или часто для того, чтобы повредить кому-нибудь и обольстить его. Ибо ни одна злоба, ни одна ересь, ни сам диавол не может никого обольстить иначе, как только под видом добродетели. Апостол говорит, что сам диавол преобразуется в Ангела света, потому неудивительно, что и слуги его преобразуются в служителей правды (2 Кор. 11:14–15). Так и лживый человек, или боясь стыда, чтобы не смириться, или, как мы сказали, желая обольстить кого-нибудь и повредить ему, говорит о добродетелях и хвалит их и удивляется им, как будто сам поступал так и знает их по опыту. Таковой лжет самой жизнью своею; это не простой человек, но двойственный, ибо иной он внутри и иной снаружи, и жизнь его двойственна и лукава (Поучение 9).

9. Случается, что бывает необходимость скрыть какое-либо дело, и если кто не скроет малого, то дело приносит большое смущение и скорбь. Когда встретится такая необходимость, то можно уклониться от слова правды, но и тогда человек не должен оставаться беспечальным, но должен каяться и плакать пред Богом и считать такой случай временем искушения. Но и сие позволительно не часто, а разве однажды из многих случаев. Ибо как бывает с териак⁴⁹² и слабительным, когда если кто часто их принимает, то они вредят, если же кто примет однажды в год по великой нужде, то они приносят ему пользу, – так должно поступать и в этом деле. Кто хочет по необходимости изменить слово, то он должен делать это не часто, но разве в исключительном случае, когда он видит, как я сказал, великую необходимость, и это самое, допускаемое весьма редко, пусть делает со страхом и трепетом, показывая Богу и произволение свое, и необходимость, и тогда он будет прощен, потому что он все-таки получает вред (Поучение 9).

10. Знаете ли, какой тяжкий грех осуждать ближнего? Ибо что тяжелее сего? Что столь ненавидит Бог? От чего отворачивается? Как и отцы сказали, что нет ничего хуже осуждения. Однако и в такое великое зло человек приходит от нерадения о по видимости ничтожном. Ибо оттого, что человек дозволит себе малость в отношении ближнего, оттого, что говорит: «Что за важность, если услышу, что говорит сей брат, что за важность, если я посмотрю, что будет делать сей брат или тот странник», – от сего самого ум начинает оставлять свои грехи без внимания и замечать грехи ближнего. И от сего потом происходит, что мы осуждаем, злословим, укоряем ближнего и, наконец, впадаем в то самое, что осуждаем. Ибо оттого, что человек не заботится о своих грехах и не оплакивает, как сказали отцы, своего мертвеца, не может он преуспеть ни в чем добром, но всегда обращает внимание на дело ближнего. А ничто столь не

⁴⁹² Противоядие, лекарство от всех болезней. – Примеч. ред.

прогневляет Бога, ничто так не обнажает человека и не приводит к гибели, как злословие, или осуждение, или укорение ближнего. Одно дело – злословить, другое – осуждать и унижать. Злословить значит сказать о ком-нибудь: «Такой-то солгал, или разгневался, или впал в блуд, или сделал что-либо подобное». Вот такой злословил брата, то есть сказал пристрастно о его согрешении. А осуждать значит сказать: «Такой-то лгун, гневлив, блудник». Вот такой осудил самое расположение души его, произнес приговор всей его жизни, говоря, что он таков-то, и осудил его как такого, а это тяжкое дело. Ибо одно сказать: «Он разгневался», и другое сказать: «Он гневлив», и, как я сказал, произнести таким образом приговор всей его жизни. А грех осуждения во столько раз тяжелее всякого другого греха, что Сам Христос сказал: *лицемер, вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Лк. 6:42), и грех ближнего уподобил сучку, а осуждение – бревну. Так-то тяжело осуждение, превосходящее всякий грех. И фарисей оный, молясь и благодаря Бога за свои добродетели, не солгал, но говорил истину, и не за то был осужден, ибо мы должны благодарить Бога, когда сподобились сделать что-либо доброе, потому что Он помог и содействовал нам в этом. За сие фарисей не был осужден, как я сказал, что он благодарил Бога, исчисляя свои добродетели, и не за то был осужден, что сказал: *я не таков, как прочие люди*; но когда он обратился к мытарю и сказал: *или как этот мытарь* (Лк. 18:11), тогда он подвергся осуждению, ибо он судил самое лицо, самое расположение души его и, кратко сказать, всю жизнь его. Посему мытарь и вышел *оправданным более, нежели тот* (Лк. 18:14). Нет ничего тяжелее, нет ничего хуже осуждения, презрения или унижения ближнего. Почему мы не осуждаем лучше самих себя и наши грехи, которые мы достоверно знаем и за которые должны будем дать ответ пред Богом? Зачем восхищаем себе суд Божий? Чего хотим от Его создания? Не должны ли мы трепетать, слыша, что случилось с великим оным старцем, который, узнав о некоем брате, что он впал в блуд, сказал: «О, худо он сделал!» Или вы не знаете, о каком ужасном событии повествуется в «Отечнике»? Святой Ангел принес к нему душу согрешившего и сказал ему: «Посмотри: тот, кого ты осудил, скончался. Куда же ты повелишь поместить его – в Царство или муку?» Есть ли что страшнее сей тяготы? Ибо что иное значат слова Ангела старцу, как не сие: поскольку ты судья праведных и грешных, то скажи, что повелишь о смиренной душе сей. Помилуешь ли ты ее или предашь мучению? Святой старец, пораженный сим, все остальное время жизни своей провел в стенаниях, слезах и безмерных трудах, молясь Богу, чтобы Он простил ему тот грех, и это уже после того, как он, пав на лицо свое к ногам Ангела святого, получил прощение. Ибо сказанное Ангелом: «Вот Бог показал тебе, какой тяжкий грех осуждение, чтобы ты более не впадал в него» – уже означало прощение; однако душа старца до самой смерти его не могла более утешиться и оставить свой плач (Поучение 6).

Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные и преуспевают. Таков был тот, который, видя, что брат его согрешил, вздохнул и сказал: «Горе мне; как он согрешил сегодня, так согрешу и я завтра». Притом не удовлетворился этим, но и себя повергнул под ноги его, сказав: «И сей покается о грехе своем, а я не покаюсь, как должно, не достигну покаяния, не в силах буду покаяться» (Поучение 6).

11. Некто из старцев сказал: «Прежде всего нужно нам смиренномудрие, чтобы быть готовым на каждое слово, которое слышим, сказать “Прости”, ибо смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и сопротивника». Исследуем, какое значение имеет слово старца, почему он говорит, что прежде всего нужно нам смиренномудрие, а не сказал, что прежде нужно воздержание. Ибо апостол говорит: *Все подвижники воздерживаются от всего* (1 Кор. 9:25). Или почему не сказал старец, что прежде всего нужен нам страх Божий? Ибо в Писании сказано: *Начало мудрости – страх Господень* (Пс. 110:10), и опять: *страх Господень отводит от зла* (Притч. 16:6). Почему не говорит он, что прежде всего нужна нам милостыня или вера? Ибо сказано: *Милостынями и верами очищаются греси, страхом же Господним уклоняется всяк от зла*. (Притч. 15:27), и апостол говорит: *без веры угодить Богу невозможно* (Евр. 11:6).

Итак, если без веры невозможно угодить Богу и *милостынями и верами очищаются греси, страхом же Господним уклоняется всяк от зла*, и если *страх Господень отводит от зла*, и *начало мудрости – страх Господень*, и подвизающийся должен воздерживаться от всего, то как же старец говорит, что прежде всего нужно нам смиренномудрие, и оставил все сие столь нужное? Старец хочет показать нам сим, что ни самый страх Божий, ни милостыня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель не может быть совершенна без смиренномудрия (Поучение 2).

12. Два вида смирения. Первое смирение состоит в том, чтобы почитать брата своего разумнее себя и по всему превосходнее, – одним словом, чтобы почитать себя ниже всех. Второе же смирение состоит в том, чтобы приписывать Богу свои подвиги; сие есть совершенное смирение святых. Оно естественно рождается в душе от исполнения заповедей. Ибо, как на деревьях, когда на них бывает много плодов, самые плоды преклоняют ветви книзу и нагибают их, ветвь же, на которой нет плодов, стремится вверх и растет прямо, и есть некоторые деревья, которые не дают плода, пока их ветви растут вверх, если же кто возьмет камень, привесит к ветви и нагнет ее книзу, тогда она даст плод, – так и душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется. И святые чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными. Ибо Авраам, когда увидел Господа, назвал себя землею и пеплом (см. Быт. 17:24); Исаия же сказал: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами (Ис. 6:5); также и Даниил, когда был во рву со львами, и Аввакуму, принесшему ему хлеб и сказавшему: «Приими обед, который послал тебе Бог», отвечал: «Итак, вспомнил обо мне Бог!» Какое смирение имело сердце его! Он находился во рву посреди львов и был невредим от них, и притом не один раз, но дважды, и после всего этого он удивился и сказал: «Итак, вспомнил обо мне Бог!»

13. Святой Иоанн говорит в соборных посланиях своих: *совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4:18). Что хочет сказать нам через сие святой апостол? О какой любви говорит он нам и о каком страхе? Ибо пророк Давид говорит в псалме: *Бойтесь Господа, все святые Его* (Пс. 33:10), и много других подобных изречений находим мы в Божественных Писаниях. Итак, если и святые, столь любящие Господа, боятся Его, то как же святой Иоанн говорит: *совершенная любовь изгоняет страх*? Святой хочет нам показать этим, что есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный – и что один свойствен начинающим, так сказать, быть благочестивыми, другой же есть (страх) святых совершенных, достигших в меру совершенной любви. Например, кто исполняет волю Божию из-за страха претерпевать муки, тот, как мы сказали, еще первоначальный, ибо он не делает добра для самого добра, но из-за страха наказания. Другой же исполняет волю Божию из любви к Богу, любя ее (волю Божию) собственно для того, чтобы благоугодить Богу; сей знает, в чем состоит существенное добро; он познал, что значит быть с Богом. Сей-то имеет истинную любовь, которую святой называет совершенною. И эта любовь приводит его в совершенный страх, ибо таковой боится Бога и исполняет волю Божию уже не по страху наказания, уже не для того, чтобы избегнуть мучений, но потому что, как мы сказали, вкусив самой сладости пребывания с Богом, он боится отпасть, боится лишиться ее. И сей совершенный страх, рождающийся от этой любви, вон изгоняет первоначальный страх, посему-то апостол и говорит: *совершенная любовь изгоняет страх* (Поучение 4).

14. Посредством заповедей создается дом душевный. Как же создается дом душевный? На примере строительства чувственного дома можем в точности научиться сему делу. Ибо кто хочет построить такой дом, тот должен отовсюду укрепить его и с четырех сторон возводить стену, а не об одной только стороне заботиться, другие же оставить в небрежении, потому что иначе он не получит никакой пользы, но напрасным будет все: намерение, и издержки, и труд. Так бывает и относительно души, ибо человек, желающий создать душевный дом, не должен нерадеть ни об одной стороне своего здания, но равно и согласно возводить оное. Сие-то значит сказанное аввою Иоанном: я хочу, чтобы человек каждый день приобретал понемногу от вся-

кой добродетели, а не так, как делают некоторые, кои, держась одной добродетели и пребывая в ней, только ее одну и исполняют, а о прочих не заботятся. Может случиться, что они и имеют некоторое преимущество в сей добродетели, потому и не тревожит их противоположная ей страсть; однако они незаметно увлекаются другими страстями и бывают тревожимы ими, но не заботятся о них, а думают, что обладают чем-то великим. Таковые подобны человеку, который строит одну только стену и возводит ее сколь возможно выше и, взирая лишь на высоту этой стены, думает, что он совершил нечто великое, а не знает того, что если хоть однажды подует ветер, то он повалит ее, ибо она стоит одна и не имеет связи с другими стенами. Притом же никто не может себе устроить защиты из одной стены, потому что со всех других сторон она открыта. Но поступать так неразумно: желающий построить себе дом и сделать себе защиту должен строить его со всех четырех сторон и утверждать отовсюду. И объясню вам, каким это образом. Сперва он должен положить основание, которое есть вера, ибо *без веры*, как говорит апостол, *угодить Богу невозможно* (Евр. 11:6), и потом на сем основании строить здание равномерно: случилось ли послушание, он должен положить один камень послушания; встретилось ли огорчение от брата, должен положить один камень долготерпения; представился ли случай к воздержанию, должен положить один камень воздержания. Так от всякой добродетели, для которой представляется случай, должно полагать в здание по одному камню и таким образом возводить его со всех сторон, полагая то камень сострадания, то камень отсечения своей воли, то камень кротости и т. п. И при всем том должно позаботиться о терпении и мужестве, ибо они суть краеугольные камни, ими связывается здание и соединяется стена со стеною, почему они и не наклоняются и не отделяются одна от другой. Без терпения и мужества никто не может совершить ни одной добродетели. Ибо если кто не имеет мужества в душе, тот не будет иметь и терпения, а у кого нет терпения, тот решительно ничего не может исполнить. Поэтому и сказано: *терпением спасайте души ваши* (Лк. 21:19). Строящий должен также на каждый камень класть известь, ибо если он положит камень на камень без извести, то камни выпадут и дом разрушится. Известь есть смирение, потому что она берется из земли и находится у всех под ногами. А всякая добродетель, совершаемая без смирения, не есть добродетель. О сем сказано в «Отечнике»: как корабль нельзя построить без гвоздей, так и спастись нельзя без смиреномудрия. Итак, каждый должен все, что он ни делает доброго, делать со смирением, чтобы смирением сохранить сделанное. Дом должен иметь и так называемые связи, кои суть рассуждение: оно утверждает строение, соединяет камень с камнем и связывает стены, а вместе с тем придает дому и большую красоту. Кровля же есть любовь, которая составляет совершенство добродетелей, так же как и кровля дома – совершение дома. Потом после кровли – перила кругом ее. Что же значат перила кругом кровли? В Законе написано о сем: если построите дом и сделаете на нем кровлю, то сделайте около кровли перила, чтобы дети ваши не падали с кровли (ср. Втор. 22:8). Перила суть смирение, потому что оно ограждает и охраняет все добродетели. Итак, каждая добродетель должна быть соединена со смирением: подобно тому, как мы сказали, что на каждый камень полагается известь, так и для совершенства добродетели нужно смирение, ибо и святые, преуспевая, естественно приходят в смирение: чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным. Что же суть дети, о которых сказал Закон, чтобы они не падали с кровли? Дети суть помышления, бывающие в душе, которые должно хранить смирением же, чтобы они не упали с кровли здания. Вот дом окончен, имеет связи, имеет кровлю, о которой мы сказали, что она есть совершенство добродетелей, вот и окружающие ее перила – одним словом, дом готов. Но не нужно ли еще что-нибудь? Да, мы не упомянули еще об одном. Что же это такое? Чтобы зодчий был искусен, ибо если он неискусен, то он покривит немного стену, и дом когда-нибудь обрушится. Искусен тот, кто разумно совершает добродетели, ибо случается, что иной и подымлет труд добродетели, но оттого, что неразумно совершает труд сей, он сам губит его или постоянно портит дело и не может окончить его, но строит и разрушает, и кладет один камень и снимает его; когда же полагает

один, снимает два. Например, вот пришел к тебе один брат и сказал тебе слово, оскорбляющее или огорчающее тебя; если ты смолчишь и поклонись ему, то ты положил один камень. Потом ты идешь и говоришь другому брату: «А такой-то мне досадил и говорил мне то-то и то-то, а я не только смолчал, но и поклонился ему». Вот ты один камень положил, а два камня снял. Опять иной поклонится, желая тем заслужить похвалу, и в нем оказывается смирение, смешанное с тщеславием, – сие значит положить камень и снять его. А кто разумно делает поклон, тот твердо уверен, что он согрешил, и вполне убежден, что он сам виноват, – вот что значит разумно сделать поклон. Другой хранит молчание, но неразумно, ибо он думает, что совершает добродетель, между тем как вовсе не совершает ее. А разумно молчащий думает, что он недостойн говорить, как сказали отцы, и это есть разумное молчание. Опять иной не считает себя лучше других и думает, что он делает нечто великое и что он смиряется, но не знает, что он ничего не имеет, потому что неразумно действует; а кто разумно не считает себя лучше других, тот думает, что он ничто и что он недостойн быть в числе людей, как говорил о себе и авва Моисей: «Чернокожий! Ты не человек, зачем же ты являешься между людьми?» Опять иной служит больному, но служит для того, чтобы иметь награду; это также неразумно. И потому если с ним случится что-либо скорбное, то это легко удаляет его от сего доброго дела, и он не достигает конца его, потому что делает его неразумно. А разумно служащий служит для того, чтобы приобрести милостивое сердце, чтобы приобрести чувство сострадания, ибо кто имеет такую цель, тот, что бы ни случилось с ним, скорбь ли извне или сам больной помалодушествует против него, он без смущения переносит все это, взирая на свою цель и зная, что более больной благоденствует ему, нежели он больному. Поверьте, что кто разумно служит больным, тот освобождается и от браней. Я [авва Дорофей] знаю брата, который терпел брань от нечистых помыслов и освободился от нее тем, что разумно служил больному, страдавшему водяною болезнью. И Евагрий говорит о некоем великом старце, что он одного из братий, смущаемого по ночам, освободил от таковых мечтаний, повелев ему поститься и служить больным, и вопрошаемый о сем говорил, что сии страсти ничем так не погашаются, как состраданием.

[Лавры и киновии, о которых почти не сохранилось сведений]

В VI и VII веках по Р. Х. много было в Святой Земле лавр и киновий, о которых в церковно-исторических сочинениях только упоминается, упоминается мимоходом, случайно, часто без названия обители, без обозначения места, где она находилась. Многие из этих обителей были в цветущем состоянии, как можно судить по именам подвижников, которые иногда также случайно церковными историками упоминаются. Для большей полноты исторического сказания о древних палестинских лаврах и киновиях считаем необходимым указать и перечислить и эти обители. Таковы были следующие обители.

1. Лавра Элусская находилась в Аравийской пустыне в окрестностях города Элусы⁴⁹³, в плодородном оазисе. В ней славился затворник **Виктор**. В «Луге» блаженного Иоанна Мосха рассказывается, что пришел однажды к авве Виктору затворнику в лавру Элусскую некоторый подвижник и говорит ему: «Что мне делать, отец? Одолела меня беспечность». Затворник ответил ему:

«Это болезнь душевная. Больным глазами, когда болезнь усиливается, и малый свет кажется великим, так и малодушные малою беспечностью тотчас смущаются и думают, что они уже крайне беспечны, тогда как крепкие душою более радуются в искушениях»⁴⁹⁴.

2. Киновия св. Сергия, называемая Ксиропотам, находилась близ Вифлеема, на расстоянии около двух верст. Когда эту обитель посетил Иоанн Мосх, настоятелем ее был благочестивый Евгений, сделавшийся впоследствии епископом Гермополя Египетского. От Евгения он выслушал рассказ о славившемся в то время иорданском отшельнике **Александре Киликийском**⁴⁹⁵.

3. Киновия Елпидия⁴⁹⁶.

4. Киновия Чужестранных⁴⁹⁷.

5. Лавра Копраты. В «Луге духовном» помещен рассказ о подвижнике, служившем прежде в войске драконарием (военный чиновник); во время войны с мавританами он спасся от неминуемой смерти призыванием имени Господа Иисуса Христа и св. Феклы⁴⁹⁸. Лавра эта находилась в долине Иорданской.

6. Лавра Фара лежала к югу от Палестины, в начинающейся тут Аравийской пустыне, близ местечка Фары⁴⁹⁹, южнее потока Тавафы, на котором находилась лавра Илариона Великого. В VI веке в лавре Фара был великий подвижник **Сила**. Он удостоился видеть великую подражательницу преподобной Марии Египетской – дивную пустынную, спасавшуюся в той же Аравийской пустыне. Дочь епарха цареградского, избегая замужества и решившись посвятить себя Богу, она скрылась в эту пустыню и 28 лет пробыла в ней, не видя ни одного человека, ведомая одному Господу. Преподобный Сила был первым человеком, которого она увидела и с которым беседовала по прошествии столь долгого времени⁵⁰⁰.

7. Лавра преподобного Иулиана. Она находилась на расстоянии 28 верст от лавры Каламонской. В ней славился в VI веке высотой духовной жизни и даром чудес ее игумен – Иулиан

⁴⁹³ Элуса.

⁴⁹⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 164.

⁴⁹⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 182.

⁴⁹⁶ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 154.

⁴⁹⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 154.

⁴⁹⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 20.

⁴⁹⁹ Ныне название сохранилось – Фара находится в вади эль-Фара.

⁵⁰⁰ См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский.* Святые подвижники Восточной Церкви. С. 157–160.

Столпник. Иулиан знал в лавре Каламонской подвижника Кириака, который был старцем, великим пред Богом, по сказанию «Духовного луга», и имел с этим старцем духовное общение. Однажды, посылая Кириаку приветствие, Иулиан послал ему при этом вретиче с тремя горячими углями. Каламонский старец, приняв приветствие и угли, которые еще не потухли, отослал их обратно к Иулиану, налив еще во вретиче воды и крепко завязав его⁵⁰¹.

8. Монастырь Георгия близ Вифлеема⁵⁰².

9. Монастырь апостола Матфея⁵⁰³.

10. Монастырь в Рамле⁵⁰⁴.

11. Монастырь в Иоппии⁵⁰⁵.

12. Монастырь Фасилидский. Находился в Фасилиде, к северу от горы Сорокадневной⁵⁰⁶.

Руины византийского периода на вершине горы Фавор

13. Монастырь в окрестностях Хеврона⁵⁰⁷.

14. Монастырь на Фаворе. Он существовал еще в VIII веке. В последнее время открыты были основания двух древних храмов: одного IV или V века, другого времени крестоносцев. Древнейший храм состоял из четырехугольного здания; пол был покрыт мозаикой из белых и черных кубических камней. Второй, позднейший, состоял из трех приделов в воспоминание

⁵⁰¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 26, 28.

⁵⁰² См.: *Норов.* Путешествие по Святой Земле. С. 74.

⁵⁰³ См.: Там же. С. 81.

⁵⁰⁴ См.: Там же. С. 118.

⁵⁰⁵ См.: Там же. С. 129.

⁵⁰⁶ См.: *Муравьев.* История святого града Иерусалима. С. 256.

⁵⁰⁷ См.: *Норов.* Путешествие по Святой Земле. С. 82.

трех сеней. В настоящее время на основаниях двух храмов построены два монастыря: православный и латинский⁵⁰⁸.

15. Лавра Несклерава при Иордане⁵⁰⁹.

16. Монастырь Енфенаниф в Скифополе⁵¹⁰.

17. Гадаринская киновия, или Евмафиева, в Заиорданье⁵¹¹.

18. Киновия Занна, ученика Саввы Освященного⁵¹².

19. Монастырь Анны в Кесарии. В нем подвизалась преподобная Феодора, память коей 30 декабря⁵¹³.

20. Монастырь в окрестностях Кесарии. В нем проводил подвижническую жизнь **преподобный Зосима**, удостоившийся видеть и причащать преподобную Марию Египетскую⁵¹⁴.

21. Монастырь св. пророка Илии. Основан в VI веке патриархом Илиею. Существует и в настоящее время. Он находится к югу от Иерусалима, влево, по дороге в Вифлеем⁵¹⁵.

22. Монастырь на горе Кармил, при пещере пророка Илии. В настоящее время здесь латинский монастырь кармелитов, основанный в 1202 году на развалинах древнего православного монастыря⁵¹⁶.

23. Монастырь св. Иоанна Златоуста. Он находился, по свидетельству Иоанна Фоки, к югу от лавры Каламонской, в пяти от нее стадиях⁵¹⁷.

⁵⁰⁸ См.: *Норов*. Путешествие по Святой Земле. С. 205; *Palästina und Syrien*. S. 260; *Оленицкий*. Святая Земля. С. 427.

⁵⁰⁹ См.: *Кирилл Скифопольский*. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 16.

⁵¹⁰ См.: *Кирилл Скифопольский*. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 62.

⁵¹¹ См.: *Кирилл Скифопольский*. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 34.

⁵¹² См.: *Кирилл Скифопольский*. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 42.

⁵¹³ См.: *Вершинский*. Месяцеслов, 30 декабря.

⁵¹⁴ См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Святые подвижники Восточной Церкви. С. 144.

⁵¹⁵ См.: *Оленицкий*. Святая Земля. С. 65.

⁵¹⁶ См.: *Норов*. Путешествие по Святой Земле. С. 267; *Оленицкий*. Святая Земля. С. 406.

⁵¹⁷ См.: *Иоанн Фока*. Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о святых местах Палестины конца XII века // Православный Палестинский сборник. 1889. Т. 8. Вып. 2 (23). С. 52 (далее – *Иоанн Фока*. Сказание о городах и странах...).

Иноческие пустыни Святой земли

[Иноческие пустыни]

В то время, когда одни ревнители подвижничества трудились о Господе, достигая нравственного совершенства и спасения, в лаврах и киновиях, где находили все необходимое для удовлетворения потребностей и телесных, и особенно духовных, под руководством мужей, уже совершенных в подвижнической жизни, – другие ревнители подвигов самоотвержения ради Царствия Небесного спасались в пустынях. Пустынею у палестинских подвижников назывались: собственно пустыня, то есть место ровное, безлюдное, лишенное растительности и воды, с песчаною почвою; дикое и недоступное место в горах, наполненное ущельями и пропастями, со множеством пещер; и вообще всякое место, даже в окрестностях селений и городов, прославившееся подвижническою жизнью того или другого великого подвижника. Название свое получали пустыни или от местностей, на которых или близ которых находились, как, например, пустыня Рува, Иорданская, Кармильская, или по имени славного отшельника, например пустыня Евсторгия⁵¹⁸. В пустынях подвижники проводили жизнь в одиночестве, в строгом уединении и безмолвии, отрешившись от всего земного; многие не сообщались и не виделись с людьми нередко всю жизнь; в сонме их встречаются и жены-отшельницы. Это были сокровенные рабы Божии, неведомые миру, – их знал только единый Господь. Некоторые из них, спасавшиеся в пещерах, так и отходили в другой мир в совершенной неизвестности; неизвестны остались и имена многих пустынников; по Божиему устроению их открывали как бы случайно другие подвижники и поведали о них миру⁵¹⁹. Трогательные рассказы сохранились об этом у летописцев подвижничества. Из обители Сапсас двое отцов ходили на богомолье на гору Синайскую и, возвратясь в обитель, рассказывали Иоанну Мосху и спутнику его Софронию

⁵¹⁸ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 1.

⁵¹⁹ См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский.* Святые подвижники Восточной Церкви. С. 157–160.

следующее: «Поклонившись на святой горе и возвращаясь обратно (так случилось с нами), мы заплутали в пустыне и долго носились по ней, как по морю. В один день, увидя вдали маленькую пещерку, пошли мы к ней. Приближаясь к пещере, увидели небольшой источник, около него несколько травы и след человеческий; верно, сказали мы себе, здесь живет раб Божий. Входя в пещеру, мы никого не видали, только слышали, что кто-то плачет. Осмотрев тщательно, мы нашли что-то вроде яслей, и в них кто-то лежит. Подойдя к рабу Божию, мы просили его сказать нам что-нибудь. Но так как он ничего не отвечал, мы взяли его. Тело его еще было тепло, но душа отошла ко Господу. Тут узнали мы, что в то самое время, как входили мы в пещеру, раб Божий скончался. Взяв тело его из того места, в котором лежал, вырыли могилу в той же пещере; один из нас скинул мантию, в которой был, и мы стали завертывать в оную тело; тогда нашли, что это была жена; прославили Бога и, совершив над нею правило, похоронили»⁵²⁰.

Во время цветущего состояния подвижничества в Святой Земле пустынников и отшельников было, как видно из церковно-исторических сочинений, бесчисленное множество. Некоторые из них были великими подвижниками, дивными по нравственным совершенствам и благодатным дарам. Они сделали известными и прославили самые незначительные и неизвестные дотоле места. Приснопамятны поэтому в летописях христианской Церкви и самые эти места, как места необыкновенных подвигов великих пустынножителей.

Известнейшими в Святой Земле иноческими пустынями были: Иерусалимская, Елеонской горы, Иорданская, Рува, Каламонская, у Мертвого моря и Кармилльская.

⁵²⁰ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 170.

Иерусалимская пустыня

Иерусалимская пустыня лежала в окрестностях Иерусалима и простиралась от него на большее или меньшее пространство во все стороны. О ней часто упоминается в церковно-исторических сочинениях V–VI веков. Так, например, говорится в подписи Исихия, инока киновии Феодосия Великого, на актах Константинопольского Собора, созванного в 536 году против антиохийского лжепатриарха Севира: «Я, Исихий, по милости Божией священноинок обители блаженного аввы Феодосия, местоблюститель Софрония, священноархимандрита сей обители и всей пустыни Иерусалимской, подписался с прочими архимандритами Иерусалима, посланными в сей царствующий град и представляющими собою лицо всех архимандритов и иноков пустыни и трех Палестин»⁵²¹. Отшельники жили и в горах, окружающих Иерусалим, и на ровных местах вблизи селений.

Из подвижников Иерусалимской пустыни известны Филагрий и Иоанн, по прозвищу Огненный.

Иерусалимская пустыня. Панорама

Филагрий всю жизнь провел в Иерусалимской пустыне отшельником; пропитание же имел от труда рук своих и работою занимался усердно и тщательно. В «Достопамятных сказаниях» сохранен случай, показывающий высокие нравственные качества отшельника. Однажды, когда он стоял на рынке и продавал свое рукоделье, кто-то уронил кошелек с тысячью монет. Старец, найдя его, остановился на том же месте, говоря: «Конечно, потерявший воротится». И вот потерявший идет и плачет. Старец отвел его в сторону и отдал ему кошелек. Тот ухватил старца и хотел дать ему что-нибудь из денег, но авва не принял. Тогда потерявший начал кричать: «Пойдите, посмотрите, что сделал человек Божий!» Но старец уже скрылся и вышел из города, не желая прославиться⁵²².

Преподобный Иоанн, по прозвищу Огненный (память 19 июня), был великим подвижником; жил он в VI веке. Два рассказа о нем выслушали Иоанн Мосх и Софроний от Дионисия, пресвитера и сосудохранителя Аскалонской церкви, хорошо знавшего старца, когда они посетили Аскалон.

⁵²¹ Муравьев. История святого града Иерусалима. С. 217.

⁵²² См.: Достопамятные сказания. С. 279.

Да! Это был великий муж пред Богом в наше время, рассказывал Дионисий. Старец жил в пещере в окрестности Соха⁵²³, на расстоянии от Иерусалима около 23 верст. Старец имел в пещере своей образ Пресвятой и Пренепорочной Госпожи нашей Богородицы и Приснодевы Марии с сидящим на Ее коленях Богом нашим. Старец каждый раз, как только намеревался идти куда-нибудь, в необитаемую ли пустыню, или в Иерусалим для поклонения Святому Кресту и святым местам, или на Синайскую гору для молитв, или к мученикам, до коих от Иерусалима было довольно далеко (старец имел особенную любовь к мученикам). Он ходил то в Ефес к св. Иоанну, то в Евхаиту к св. Феодору, то в Исаврию к св. Фекле, что в Селевкии, то к св. Сергию в Сафару, то к тому то к другому святому. Приготавливал свечу и по своему обыкновению зажигал; став потом на молитву, он молил Бога упредить путь его; потом обращался к образу Госпожи Богородицы и говорил: «Пресвятая Госпожа Богородица! Так как я думаю идти в долгий путь, на много дней, приими попечение о свече Твоей, чтоб не потухла до моего возвращения; я отхожу с надеждою на Твою помощь». Произнеся это пред образом, старец уходил. Когда, совершив путь, возвращался (а возвращался он иногда через месяц, иногда через два и три месяца, а иногда спустя пять и шесть месяцев), находил свечу еще горящею, как оставил ее, отправляясь в путь. Никогда не видал он, чтобы свеча потухла сама собою, просыпался ли он, возвращался ли в свою пещеру из путешествия или из пустыни.

Дионисий сообщил еще и следующий случай из жизни дивного отшельника. В один день старец прохаживался в окрестностях местечка Соха, где была его пещера. Во время прогулки он увидел больного льва, который с противной стороны приближался к нему. Старец прохаживался по дороге весьма тесной, между двумя изгородями, которыми обыкновенно земледельцы огораживают поля свои, насаждая колючие растения. Дорога от этих деревьев так была тесна, что едва вмещала одного человека, идущего без ноши; даже и тому нельзя было беспрепятственно пройти по ней. Когда старец и лев приблизились друг к другу, то ни старец не повернул назад, чтобы дать дорогу льву, ни лев не мог воротиться из-за узости дороги, так что нельзя было им обоим разойтись. Лев, видя, что раб Божий хочет пройти и никак не хочет возвратиться, стал на задние ноги прямо, наклонился на изгородь по левую сторону от старца, тяжестию и силою своею сделал небольшое пространство и таким образом открыл свободный проход праведному мужу. Старец прошел, задев льва спиною. Когда он прошел, лев продолжал свой путь.

К отшельнику пришел однажды некоторый брат. Видя, что в пещере у старца ничего нет, посетитель спросил его: «Как ты живешь здесь, отче, не имея даже необходимого?» Старец отвечал: «Пещера эта как бы торговое место: дай – и возьмешь»⁵²⁴.

⁵²³ Соккоф, ныне хирбет-Шувека; к юго-западу от Иерусалима.

⁵²⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 179–180.

Пустыня Елеонской горы

Не одни обители были на горе Елеонской, подвизались на ней и отшельники. Из отшельников Елеонской горы известен Иннокентий.

* * *

Преподобный Иннокентий жил и подвизался во второй половине IV века. Первую половину жизни он провел в Константинополе, где принадлежал к высшему обществу, был в числе особ, приближенных к императорскому двору. Он был женат и имел сына Павла, который служил в отряде царских телохранителей. По внутреннему расположению к богоугождению Иннокентий оставил столицу, свет со всеми его удобствами и удовольствиями, отказался от семейной жизни и удалился в Святую Землю. Там он поселился на Елеонской горе и со всем рвением предался подвигам Господа ради, достиг высокой степени нравственного совершенства и сподобился благодатных даров. Он обладал даром изгонять нечистых духов. Так, привели к нему однажды юношу, одержимого нечистым духом и расслабленного. «Когда я увидел его, рассказывает Палладий [епископ Еленопольский в своем “Лавсаике”], живший с Иннокентием три года, – то никак не думал, чтобы можно было исцелить его, и хотел уже удалить оттуда мать бесноватого вместе с теми, которыми он был приведен. Случилось, что старец подошел к бесноватому в то время, как мы смотрели на его несносное мучение. Увидев бесноватого и с ним мать его, которая плакала и рыдала о невыразимом несчастье сына своего, добрый старец прослезился и, сжалившись над ними, взял юношу и вошел с ним в свою молитвенницу, им самим построенную, в которой хранились части мощей св. Иоанна Крестителя. Помолившись над юношею от третьего часа до девятого, он изгнал из него демона, исцелил его от расслабления и отдал матери здоровым. Расслабление мальчика было таково, что, когда он плевал, слюна падала на его спину: до того был он искривлен!»

Вид на Елеонскую гору с запада

«Сей отличнейший подвижник, – говорит Палладий, – принадлежавший к числу славных мужей при дворе царя Константина, был до чрезвычайности прост... Будучи же чрезвычайно незлобивого и простого нрава, он и удостоился дара изгонять бесов»⁵²⁵.

⁵²⁵ Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик. Об Иннокентии.

Иорданская пустыня

Славная в летописях подвижничества в Святой Земле Иорданская пустыня лежала по обеим сторонам реки Иордан; главная часть ее находилась по ту сторону Иордана и была в собственном смысле пустыню: это песчаная, безводная и лишенная растительности полоса, простиравшаяся к востоку от священной реки на большое пространство. Подвижники любили особенно эту заиорданскую пустыню. По эту сторону Иордана шла низменная плодородная долина на полверсты-версту, а в некоторых местах и более, ограниченная горами Ефраимскими и Самарийскими; горы эти спускались в долину уступами и склонами и заключали в себе множество природных пещер. Отшельники подвизались и в долине – в кельях и кущах, и в горах – в пещерах.

Много было отшельников и в той и в другой части Иорданской пустыни, проводивших строго подвижническую жизнь. Но немного имен их сохранила история; в церковно-исторических сочинениях известны только следующие: Авраамий, Елпидий, Сисиний Каппадокиянин, Гаддан, Илия, Варнава, Сисиний епископ, Феодор Скопец, Феодор, Александр Киликийский, Мария Египетская, Мария Иерусалимская и Матридия.

Иорданская пустыня. Панорама

* * *

Преподобный Авраамий, родом из Египта, долго подвизался в Иорданской пустыне и жизнь вел самую строгую и суровую. Из его отшельничества известен случай, показывающий, каким великим искушениям подвергаются подвижники-отшельники. По действию духа злобы Авраамий впал в самомнение и гордость, стал о себе высоко думать. И вот приходит он однажды в некоторую Иорданскую обитель и является прямо в храм. Там он самоуверенно объявляет братии, что в эту ночь он рукоположен в пресвитеры Самим Иисусом Христом и

что поэтому его должны они принять как пресвитера и допустить к священнодействию. Видя, что отшельник находится в самообольщении, отцы, конечно, не позволили ему совершать божественную службу и уговорили остаться на время в их обители. Он согласился. Жизнь в обществе братьев, участие в общей молитве, беседы с отцами, их святые молитвы благотворно действовали на самомечтателя: он пришел к сознанию своего обольщения, раскаялся и возвратился в пустыню, где продолжал вести прежний образ жизни⁵²⁶.

Преподобный Елпидий, родом каппадокиянин, начал подвижничество в одной Каппадокийской обители, где удостоен был сана пресвитера. Стремясь к высшему нравственному совершенству, он удалился в Святую Землю, поселился в Иорданской пустыне по эту сторону Иордана и стал вести отшельническую жизнь. Елпидий явил себя здесь великим подвижником воздержания и терпения. Встретив одну довольно высокую гору, наполненную пещерами, он взойшел на самую ее вершину, избрал одну пещеру, в которой и остался жить и подвизаться о Господе, и долго жил один в совершенном безмолвии, ведомый единому Господу. Подвиги его были необычайны. С того времени, как Елпидий поселился на горе и вошел в пещеру, он не сходил с горы уже до самой смерти. В продолжение целых двадцати пяти лет он принимал пищу, и то скудную, только по субботам и воскресеньям и так измождал свое тело, что можно было видеть самый состав костей. Ночи все в течение этого времени проводил в бодрствовании: он стоял и пел. Во все двадцать пять лет отшельник никогда не обращался на запад и после шестого часа (после полудня) никогда не видал солнца, которое в это время стояло над его головою; никогда также во все двадцать пять лет не видал он и звезд, которые являлись и видны были на западе.

Высокой степени нравственной чистоты и святости достиг преподобный Елпидий, и Господь в обилии даровал ему Свои благодатные дары. Один поселился на горе подвижник и долго оставался в неизвестности. *Но не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5:14). Узнали о дивном отшельнике люди и стали стекаться к нему: одни, чтобы получить от него духовный совет или исцеление от болезни, другие, чтобы жить с ним и под его руководством подвизаться для спасения души. Отшельник принимал всех и подавал каждому потребное. Как велика была чудодейственная сила, присущая Елпидию, видно из случая, передаваемого Палладием⁵²⁷. Однажды отшельник взял у некоторого брата виноградную ветвь и воткнул ее в землю, как бы сажая, хотя это было и не вовремя. Ветвь скоро принялась, выросла, и явился такой виноград, что распространился на большое пространство и закрыл собою церковь. Явились и ученики у отшельника, подражатели его святой жизни: пустынная гора наполнилась отшельниками. Как матка среди пчел, говорит составитель «Лавсаика», жил Елпидий среди братьев и эту гору населил, как город. Ученики великого отшельника шли его путем и достигали, каждый в своей мере, нравственного совершенства. Из них по именам известны: родной брат Елпидия Евстафий, усердно проходивший скорбную жизнь по Христе; Энезий, муж достохвальный, изумлявший своими подвигами, и Сисиний. Палладий сообщает некоторые черты подвижничества Сисиния, и потому о нем скажем отдельно.

Преподобный Сисиний, родом тоже из Каппадокии, как и Елпидий, происходил из рабского состояния. Отпущенный на волю, он решился сделаться рабом Христовым и посвятить себя всецелому служению Господу. Оставя отечество, дом, родных, Сисиний прибыл в Палестину, отыскал своего уже прославившегося соотечественника и, охотно им принятый, сделался его учеником и послушником. Семь лет прожил с Елпидием Сисиний, подражая его подвигам и усваяя себе его нравственные качества. Потом он оставил старца для высших

⁵²⁶ См.: Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик. Об Авраамии.

⁵²⁷ См.: Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик. Об Елпидии.

подвигов. Сисиний заключился в гробнице и три года стоял в ней, проводя время в непрерывной молитве, углубленный в самого себя, устремляя очи ума и сердца к Богу; приняв этот подвиг, он действительно ни днем ни ночью не садился, не хотел прилечь и не выходил вон из своего заключения. Почувствовав ослабление телесных сил от такого необычайного подвига, Сисиний принужден был ослабить его.

Не остался Сисиний навсегда на Елпидиевой горе: он возвратился в отечество, где продолжал вести самый строгий образ жизни. Скоро явились к нему ревнители подвижничества, и мужи и жены, желавшие жить и подвизаться под его руководством, и просили руководить их на пути подвижничества. Старец согласился, образовались два иноческих общества – подвижников и подвижниц; старец и руководил их на святом пути к нравственному совершенству и спасению.

Сисиний, замечает при этом Палладий, дал свидетельство бесстрастия устроением целомудренной жизни, ибо и собственную мужскую похоть изгнал, и женское вождение укротил воздержанием, так что исполнилось Писание: во Христе Иисусе *нет мужеского пола, ни женского* (Гал. 3:28).

Палладий выделяет в Сисинии еще одну черту: его братолюбие и странноприимство. В обличение скупых богачей, говорит Палладий, он был чрезвычайно странноприимен, хотя и не имел собственности⁵²⁸.

Преподобный Гаддан, подвизавшийся в Иорданской пустыне, был великим подвижником. По словам Палладия, хорошо знавшего Гаддана, он всю жизнь провел без кровли, так как не имел хижины; пещеры доставляли ему место в часы отдыха, убежище от дневного солнечного жара и ночного холода. Благоугодил Господу Гаддан, соделался близким и любезным Ему, и Господь Сам охранял раба Своего от бед и напастей. Так, иудеи, жившие около Мертвого моря, напали раз на отшельника, думая, вероятно, найти у него деньги, и вознамерились убить его; уже обнажен был меч над головою Гаддана. Вдруг рука державшего меч иссохла, и меч нечувствительно у него выпал; отшельник спасся от неминуемой смерти. Такая-то помощь Божия содействовала святому Гаддану, говорит Палладий, и такова была добродетель блаженного мужа до самой его смерти⁵²⁹.

Преподобный Илия вел отшельнический образ жизни в тех же местах Иорданской пустыни, где подвизался и Гаддан; жил постоянно в пещере. Какой нравственной высоты достиг Илия, видно из случая, записанного Палладием в «Лавсаике». Илия отличался особенно братолюбием и странноприимством. Мимо его пещеры шла дорога; он и принимал у себя всех проходящих и старался доставить им отдых и подкрепление сил пищею; в этом случае он обнаруживал особенную любовь и радушие. В один день пришло к отшельнику много братий; у него не достало хлебов накормить всех, и он с клятвою уверял нас, говорит Палладий, посетивший старца: «Едва не потерял я духа от недостатка пищи, и вот, войдя в пещеру в сильной печали о том, как исполнить долг любви к пришедшим ко мне, я нашел три больших свежих хлеба, которые, взяв, я с радостью предложил им. Двадцать мужей ели до сыта и еще остался один хлеб; этот хлеб взял я и употреблял в течение двадцати пяти дней». Такая благодать была со странноприимным Илиею, заключает свой рассказ Палладий⁵³⁰.

Преподобный Варнава подвизался в долине Иорданской в пещере. Он был великим подвижником и богоугодным мужем. В пещере своей он устроил престол, освятил его и совер-

⁵²⁸ См.: Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик. О Сисинии.

⁵²⁹ См.: Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик. О Гаддане.

⁵³⁰ См.: Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик. Об Илии.

шал на нем Божественную службу. Необычайно было терпение святого подвижника. Однажды пошел он за водою на Иордан и нечаянно занозил ногу. Нога скоро разболелась, так что стала гнить. Отшельник оставил свою пещеру и переселился в лавру Пирги; но лечить ноги не хотел, а терпеливо переносил боль, причем всем приходившим к нему для духовной беседы говорил: «Чем более внешний человек страдает, тем более живится человек внутренний» (ср. 2 Кор. 4:16).

Как был угоден Богу преподобный Варнава, показывает следующий случай. Когда Варнава перешел в Пиргийскую лавру, в пещере его поселился другой отшельник. Когда он вошел в пещеру в первый раз, то увидел Ангела, стоявшего около престола, и спросил его: «Что ты здесь делаешь?» Ангел отвечал: «Я Ангел Господень, и с того времени, как престол сей освящен, он поручен мне от Бога в смотрение»⁵³¹.

Преподобный Сисиний прежде был епископом, но потом, чтобы всецело посвятить себя служению Богу и благоугождению Ему, оставил свою епархию и сделался отшельником Иорданской пустыни. Он поселился в пещере близ селения Ветанаварии, что лежало на расстоянии 772 верст от Иордана, и проводил подвижническую жизнь в строгом уединении и безмолвии. Жил отшельник, впрочем, не один, а имел при себе ученика, который прислуживал ему и старался подражать ему в образе жизни. На высокую степень нравственного совершенства взошел преподобный Сисиний, близок и угоден Богу соделался он, когда настал час отшествия его в другую жизнь. Достиг нравственной чистоты и угодил Богу и ученик святого епископа-отшельника. Это открылось в час блаженной их кончины, когда посетил Сисиния архимандрит киновии Феодосия Великого Георгий. О том, что произошло в это время, Георгий рассказывал Иоанну Мосху и Софронию. «Однажды, – говорил Георгий, – пошел я к авве Сисинию отшельнику. Придя к нему, мы долго стучались. Потом отворил нам ученик его и говорит мне: “Авва! Старец опасно болен, при смерти, и молил Бога продлить его жизнь, доколе не услышит, что ты пришел в сию страну”. А я по нуждам киновии ходил в Константинополь к благочестивому императору Тиверии. Ученик пошел к старцу, сказал ему обо мне и спустя довольно времени вышел и пригласил нас к нему. Войдя, мы нашли старца уже мертвым. После я узнал, что, как скоро услышал он, что я стучусь, отошел ко Господу. Когда обнял его, умерший сказал тихо: “Хорошо, что ты пришел, авва!” – и опять умер. Тогда известил я в селении, чтобы пришли похоронить старца. Когда пришли и начали рыть могилу, ученик старца говорит копающим: “Сделайте милость, ройте попросторнее, чтобы для двоих было место”. Как скоро вырыли, он лег на рогожу и скончался. Итак, похоронили мы двоих вместе, то есть старца и ученика его»⁵³².

Преподобный Феодор, по прозванию **Скопец**, подвизался в пустыне близ Иордана в VI веке. Он был богоугодным мужем и исполнен был дара чудес. Отправился он однажды по некоторым делам в Константинополь и плыл на корабле. По причине продолжительного плавания на корабле не стало воды. Корабельщики и плывшие томились жаждой, были в великой скорби и не знали, что делать. Тогда старец Феодор встал со своего места, простер руки к небу, помолился Богу и, осенив море знаменiem святого креста, сказал корабельщикам: «Благословен Господь! Почерпните воды, сколько нужно, и употребляйте». Корабельщики наполнили морскою водою сосуды: вода оказалась сладкою. Все пили ее и прославили Бога, спасающего от смерти через Своих рабов⁵³³.

⁵³¹ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 10.

⁵³² См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 93.

⁵³³ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 173.

Был в Иорданской пустыне и другой отшельник **Феодор**, подвизавшийся также в VI веке. Этот отшельник приснопамятен тем, что имел чрезвычайную любовь к чтению слова Божия и для приобретения священной книги Нового Завета не пожалел никаких трудов и усилий. Представим глубоко поучительный рассказ о нем.

«Близ святого Иордана жил отшельник именем Феодор. Он пришел в мою келью, – повествует Иоанн Мосх, – и сказал: “Сделай милость, отче Иоанне, найди мне книгу, в которой бы заключался весь Новый Завет”. Я искал и узнал, что эта книга есть у аввы Петра, бывшего после епископом Халкидонским. Итак, я пошел к нему и сказал об этом; он показал мне книгу в красивом переплете. Я спросил его: “Сколько стоит?” Он отвечал: “Три нумула”. Потом он спросил у меня: “Сам ты хочешь купить или другой кто?” Я отвечал ему: “Нет, отче, отшельник желает иметь ее”. Тогда авва Петр сказал мне: “Если отшельник желает иметь ее, возьми для него даром; вот и три нумула. Если ему понравится книга, пусть возьмет ее; если же она ему неужгодна, вот три монеты – купи ему по желанию его”. Я, взяв книгу, отнес ее отшельнику, а он, взяв книгу, удалился в пустыню. Проведя там два месяца и возвратившись, отшельник пришел в мою келью и сказал: “Знай, авва Иоанн: беспокоит меня мысль, что я даром пользуюсь книгой”. Я отвечал ему: “Не беспокойся: авва Петр богат и добр и радуется сему”. Отшельник опять говорит мне: “Не успокоюсь, если не заплачу, сколько она стоит”. Я сказал ему: “Есть ли у тебя чем заплатить?” Он отвечал мне: “Нет, но дай мне надеть власяницу (он был нагой)”. Я дал ему власяницу и старый наглавник, и он ушел и работал на озере, которое делал патриарх Иоанн, получая за работу каждый день по пять оболов⁵³⁴. Он ходил в монастырь Илиотский, находившийся близ меня, и ел только по десять волчьих бобов⁵³⁵, а трудился весь день. Когда из платы составилось у него три нумула, он сказал мне: “Возьми деньги и отдай ему; если же он не захочет, то возврати ему книгу”. Я пошел и сказал об этом авве Петру. Хотя Петр не хотел взять ни денег, ни книги, однако же я убедил его взять деньги и не отвергать труда отшельника, и он взял. Итак, я возвратился и отдал книгу отшельнику, и тот с радостью удалился в пустыню»⁵³⁶.

Преподобный Александр Киликийский все время своей долголетней жизни провел в строгих подвигах в Иорданской пустыне и жил все в пещерах. Из обстоятельств, сопровождавших последние дни его жизни и блаженную кончину его, открылось, что он был святой жизни мужем, благоугодил Богу и имел дерзновение пред лицом Божиим и непостыдную надежду на спасение и небесное воздаяние за труды подвижничества. Когда отшельник пришел в глубокую старость, его взяли в монастырь св. Сергия, находившийся близ Вифлеема, где братия имели о нем попечение. Пришло время кончины старца. Он заболел и уже целых три месяца не вставал с одра болезни. За десять дней до смерти на него напал злой дух и стал его смущать и мучить. Изможденный старец твердо противостоял злему врагу и говорил ему: «Бедный! Ты поздно пришел; это не великое дело ты сделал; я лежу на одре и не могу двигаться; ты против воли своей доказал свое бессилие. Ибо если бы ты был могуч и силен, то должен был бы прийти ко мне прежде пятидесяти или шестидесяти лет, дабы я, при помощи укрепляющего меня Христа, показал тебе твое бессилие, разрушив твои козни и сокрушив твою упорную выю. А теперь слабость не от меня: бессильная старость гнетет меня. Впрочем, благодарю Бога, к Которому отхожу. Я открою Ему обиду, которую терплю от тебя; после трудов и бед, спустя столько лет, при исходе, ты так жестоко напал на меня». Так говорил своему врагу старец Александр в продолжение девяти дней, а на десятый спокойно и в мире предал дух свой Господу⁵³⁷.

⁵³⁴ Обол – название денежной единицы. – *Примеч. ред*

⁵³⁵ Желтые семена рода *Lupinus*. – *Примеч. ред*.

⁵³⁶ *Иоанн Мосх, блжс. Луг духовный*, 134.

⁵³⁷ *См.: Иоанн Мосх, блжс. Луг духовный*, 182.

Преподобная Мария Египетская (память 1 апреля) представляет собой образец истинного покаяния. Преподобный Зосима, инок лавры св. Иоанна Предтечи⁵³⁸, в которой его святые мощи видел еще русский паломник иеродиакон Зосима, так рассказывает о своей встрече с этой дивной подвижницей.

По уставу обители Зосима на Великий пост вышел в пустыню. Дней двадцать ходил он в пустыне Заиорданской, тайно предчувствуя, что произойдет что-то особенное. Однажды в полдень усердно молился он с лицом, обращенным к востоку, и неожиданно увидал, что кто-то мелькнул мимо него, как привидение. Опасаясь обольщения, он оградил себя крестным знамением и продолжал молитву. Окончив ее, он обратился и увидел, что кто-то тихо идет мимо его. Нагое тело это было сожжено солнцем; волосы короткие и белые как снег.

Убежденный, что видит одного из святых жителей пустыни, у которого можно научиться совершенству духовному, Зосима воспылал желанием узнать жизнь дивного пустытника. Забывая свои лета, он побежал за явившимся; тот усиливался уходить от старца и перебежал через пересохшее русло реки. Зосима кричал: «Кто бы ты ни был, служитель Божий, сжался над хилым стариком, желающим испросить твоих молитв и благословения. Зачем ты бежишь от меня, бедного грешника? Вспомни, что Сам Бог, Которому ты служишь, не отвергает никого». На краю русла Зосима услышал ответ: «Умоляю тебя Богом, блаженный Зосима, не приближайся более ко мне; если хочешь говорить со мною, брось мне плащ твой; прикрыв наготу мою, я попрошу тебя благословить грешницу».

Удивленный тем, что его называет по имени женщина, вовсе не известная ему, Зосима понял, что его знает она по откровению. Он бросил ей дырявый плащ свой и отворотился. Тогда незнакомка, прикрытая плащом, перешла на его берег и упала к ногам его, прося благословения. В восторге радости и с чувствами уважения Зосима также поклонился и просил благословения. В этой трогательной борьбе смирения святых пустыница защищала свое желание тем, что она жена-грешница. Зосима указывал также на свое недостойство. «У тебя право священное благословить меня и призвать на меня благодать, ты пресвитер», – сказала явившаяся. «Она знает и то, что я пресвитер», – думал Зосима и еще более утвердился в мысли, что это необыкновенный Божий человек. «Я вижу, блаженная мать», – сказал Зосима, – что на тебе покоится Дух Божий и что, умертвив себя для мира, ты возвысилась до Всемиловитого твоим благочестием: не Сам ли Он открыл тебе мое имя и мой сан? Обилие благодати, живущей в тебе, выше сана моего, который без благочестия – осуждение для меня. Потому умоляю тебя любовью Спасителя нашего: благослови меня и молись за грешника, нуждающегося в твоих молитвах». Пустыница, по послушанию, сказала: «Бог милосердный, хранитель душ и тел наших, да будет благословен вовеки». – «Аминь», – отвечал Зосима.

Они поднялись. «Зачем пришел ты к грешнице? Нет, не ты, а Бог привел тебя, чтобы подарить мне духовное подаяние. Скажи же, святой отец, в каком состоянии находится христианство? Как управляется Церковь Божия?» – говорила пустыница. «По благодати Иисуса Христа, Бог даровал твердый мир», – отвечал Зосима и просил рабу Божию помолиться о всем мире. Уступив этой новой, такой же настойчивой, как и прежняя, просьбе, явившаяся обратилась к востоку, подняла руки к небу и стала молиться так тихо, что Зосима не мог слышать слов ее. Молитва лилась к небу довольно долго. Зосима с изумлением видит, что молящаяся поднималась от земли на воздух более, нежели на локоть. Пораженный и испуганный старец пал на землю и повторял слова: «Господи Иисусе Христе! Помилуй меня грешного». Она окончила молитву и, подойдя к Зосиме, сказала: «Зачем, блаженный, впадаешь ты в это смущение? Я – не дух, как подозреваешь ты; я – тело и кости; я грешница, но удостоена святого крещения. – Затем оградила она крестным знамением чело, глаза, уста и грудь и сказала: – Да избавит нас Господь от искушений демона силою святого креста». Зосима, уверенный, что видит избран-

⁵³⁸ См. с. 255–258 настоящей книги.

ную слугу Божию, бросился к ногам ее и умолял рассказать, кто она, как долго живет в пустыне и какую ведет жизнь. Он говорил, что не праздное любопытство просит ее о том, а искреннее желание узнать для себя и других нужное для спасения души.

Преподобные Зосима и Мария Египетская.

Икона. Греция. До 1577 г. Монастырь Дионисиат. Афон

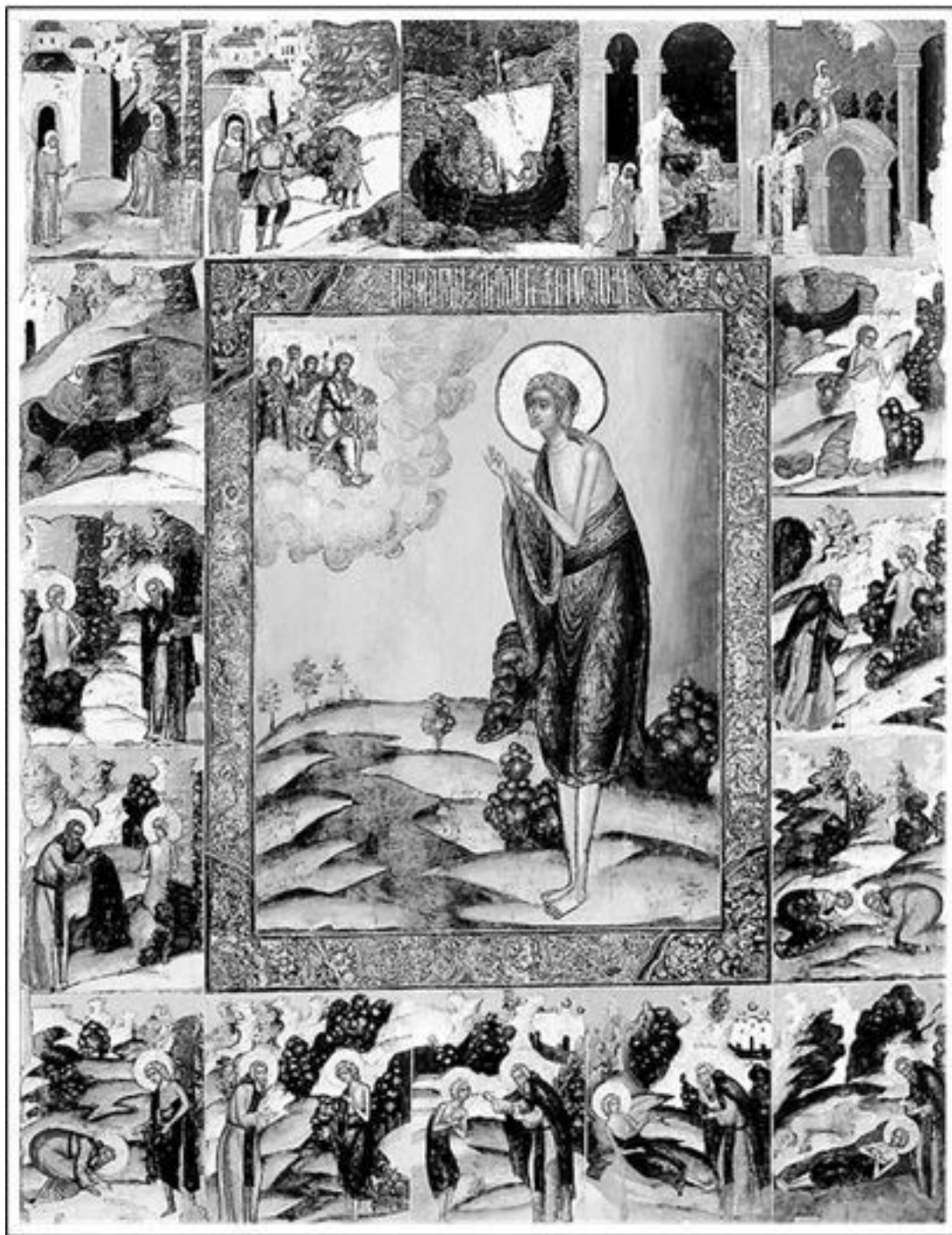
«Я родом из Египта, – говорила пустынножительница, – мне было не более 12 лет, когда, предпочитая преступную свободу долгу питать родителей, я ушла в Александрию... Без ужаса не могу вспомнить, какую вела я там жизнь. Почти 17 лет предавалась я ужаснейшему распутству, и не для того, чтобы получать деньги, но только для того, чтобы удовлетворять похоти; я не просила денег у любовников, лишь бы они служили мне. Живя так, на 29-м году увидела я в летний день множество людей из Египта и Ливии, которые толпами направлялись к морю. Я спросила у кого-то, что это значит. Мне отвечали, что эти люди отплывают в Палестину – праздновать в Иерусалиме праздник Воздвижения Креста. Мне вздумалось отправиться с ними. Я не имела ничего, чтобы заплатить за переезд и прокормление, но была уверена, что преступления мои доставят мне все нужное. С наглостью бесстыдной распутницы привязалась я к молодым людям и с ними вошла на корабль. На пути тонула я в мерзостях и то же делала в Иерусалиме. Когда наступил праздник, пошла и я с другими в церковь. Но когда дошла до дверей, невидимая рука с силою отбросила меня от входа. Все входили, и никто никому не препятствовал. Три и четыре раза употребляла я усилия войти во храм, и каждый раз невидимая рука отбрасывала меня на площадь. Полная смущения и стыда, стала я в углу на паперти и

размышляла о причине необычайного обстоятельства. Она объяснилась мне, лишь я бросила взгляд на мерзость моей жизни. Благодать проникла в мое сердце, и я залилась горячими слезами, била себя в грудь безмолвно и терзалась. Рыдая и стоная, подняла я глаза и увидела, что стою пред иконою Божией Матери. Я обратилась к ней с мольбою умиловаться над грешницею, открыть ей вход в святой храм. Долго молилась я и с некоторою надеждою пошла к дверям церкви. Трепет обнял меня перед входом, но я вошла в церковь. Я вошла и вместе с другими поклонилась Животворящему Кресту. Распростертая пред ним, я изумлялась в трепете, что допускает Он до Себя такую преступницу. Возвратясь к образу Пресвятой Богородицы, излила я благодарность за Ее милость и молила Ее горячими слезами указать мне путь покаяния. Тогда послышался мне голос издали: “Перейди Иордан, и там найдешь покой”. Я чувствовала, что это относилось ко мне, и с горячими слезами воскликнула: “Владычица, Владычица! Не покидай меня!” Тогда же решила я следовать голосу. При выходе кто-то подал мне три монеты с словами: “Прими, Нонна!”⁵³⁹ Я купила на них три хлеба и, узнав дорогу, отправилась за Иордан. Весь день шла я, проливая слезы, и на закате солнца достигла храма Иоанна Крестителя на Иордане. Помолясь, омыла я лицо и руки в водах священной реки и возвратилась в церковь, где присутствовала при богослужении. Съев половину одного из трех хлебов, заснула я на земле, а утром переправилась через Иордан в челноке. Так я достигла пустыни и с тех пор одна, отрешенная от людей, живу здесь в ожидании милосердия Божия, укрепляющего Своею благодатию кающихся и искренно обращающихся».

Пустынница принесла исповедь Зосиме в грешной жизни, но ничего не сказала, как жила она в пустыне. Потому Зосима снова просил ее открыть, давно ли она в пустыне, чем питалась и что испытала.

«Прошло около сорока семи лет, – отвечала она, – со времени выхода моего из Иерусалима в пустыню. У меня оставалось два с половиною хлеба, когда переправилась я через Иордан; понемногу съела я их и потом питалась травой. Борьба моя продолжалась 17 лет. Она была такова, что и теперь содрогаюсь. С одной стороны, невыразимо страдала я от голода и жажды. Мука усиливалась воспоминанием о вкусной пище и вине дней разврата моего. Злой дух воскрешал в мыслях со всею живостью распутные песни, которые я пела, и мерзкие, похотливые картины неисчислимых преступлений моих. С другой стороны, одежда, в которой вышла я, совсем распалась, и я подвергалась влиянию всех перемен, всем жестокостям времен года: то солнце жгло раскаленными лучами, то стужа охватывала меня. Тогда, падая на землю, сожженная или оледенелая, чувствовала я, что умираю, а тысячи искушений нападали на меня с демонскою силою. В этом неизъяснимо жестоком состоянии Пресвятая Богородица была моим пристанищем. Я горько рыдала и, ударяя себя в грудь, простиралась на земле и молила Владычицу не лишить меня помощи. После рыдания и мольбы свет озарял душу, и покой возвращался моему сердцу. Милостивая Царица не отказывала мне в Своей помощи. Вспоминая, – продолжала пустынница, – от каких зол избавил меня Господь, я питалась пищею неистлевающею, надеждою спасения, питаюсь и покрываюсь словом Бога, содержащего все. *Не одним хлебом живет человек* (Втор. 8:3)».

⁵³⁹ Нонна – почтительное название монахини.

*Прп. Мария с житием.
Икона. Россия. XIX в.*

Когда Зосима услышал, что пустыница произносит слова Священного Писания, он спросил ее, как знает она Священное Писание. Она улыбнулась и сказала, что ни в мире не училась она, ни в пустыне не слышала, кто бы читал ей книги. «Голос Божий, живой и действенный, раздающийся в сердце, – один наставник мой. Но довольно, довольно обо мне; я исполнила твое желание».

Упав к ногам Зосимы, она просила благословить ее. Он со слезами произнес: «Да будет благословен Бог, совершающий чудеса! Да будет Он благословен и за милость ко мне».

Пустыница встала и, удержав Зосиму, готового пасть ей в ноги, сказала: «Умоляю тебя именем Спасителя не говорить обо мне никому ничего, пока я не умру. В следующем году

ты не выходи из монастыря с другими в начале поста, да и нельзя будет выйти; в Великий четверток приди на берег Иордана и принеси сосуд с Телом и Кровию Христовою, дабы я удостоилась приобщиться Святых Таин. Дай знать отцу Иоанну, настоятелю, чтобы смотрел за стадом своим, – в нем многое требует исправления. Но об этом скажешь после того, как приобщишь меня».

На следующий год Зосима лежал больной, когда братия в начале поста выходили в пустыню. Он вспомнил тогда слова пустынножизни. В Великий четверток отправился он со Святими Дарами к Иордану. Вечером видит он святую на другом берегу. Она осенила крестом воду и пошла по воде, как по суше. Она просила прочитать Символ веры и молитву Господню «Отче наш». Когда приобщилась она Тела и Крови Господа, то, подняв руки к небу, произнесла: «Ныне отпускаешь Ты рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему, с миром, очи мои видели спасение души моей». Потом, обратясь к старцу, сказала: «И ты, отец Зосима, сотвори для меня любовь, не откажись прийти в следующий пост на то место, где в первый раз говорили мы с тобою». Зосима предложил ей принесенные плоды и чечевицу. Она взяла только три зерна чечевицы и отправилась через реку, как пришла, – по воде как по суше.

В следующем году Зосима пришел на то место, где в первый раз виделся с пустынножизнею. Здесь увидел он мертвое тело праведницы и оросил ноги ее слезами. Он начал петь псалмы, но колебался сомнениями, где похоронить ее. Лицо усопшей обращено было к востоку, а близ головы видит он на песке слова: «Авва Зосима! Погреби здесь тело бедной Марии и, предав землю земле, молись за ту, которая отходит ко Господу после приобщения Святой вечери». Зосима похоронил тело святой в яме, выкопанной львом, явившимся послужить праведнице.

Кончина равноангельной Марии последовала 1 апреля 522 года.

Преподобная Мария Иерусалимская подвизалась в Иорданской пустыне в VI веке. Сведения о ней сообщает Кирилл Скифопольский в жизнеописании преподобного Кириака⁵⁴⁰ со слов Иоанна, ученика Кириака. Иоанн, ученик святого отца Кириака, говорит Кирилл, рассказывал следующее: «За несколько лет пред сим шли мы с другим братом, Парамоном, к отцу Кириаку. И вот вдали видим стоящего человека. Мы, подумав, что это пустынножизнь, поспешили подойти к нему, чтобы поклониться ему. Когда приблизились к тому месту, тот исчез из глаз наших. Мы испугались при мысли, не злой ли это дух. Стали на молитву и, помолясь, осмотрелись кругом, там и здесь, и нашли пещеру. Конечно, здесь раб Божий, сказали мы; он скрылся от нас сюда. Подойдя к пещере, просили мы, чтобы показался он нам и не лишил нас своих наставлений и благословения. Из пещеры услышали мы ответ: “Какой хотите пользы от женщины, грешной и простой? Куда идете вы?” – “Мы идем к отшельнику Кириаку, – сказали мы, – но открой нам, Бога ради, твое имя, твою жизнь и почему ты пришла сюда”. Она отвечала: “Идите, куда идете, и когда возвратитесь, скажу вам”. Мы с клятвою уверяли ее, что не отойдем, пока не выслушаем о ее жизни. Поняв, что не отойдем от нее, она, не показываясь нам, рассказала о себе так: “Я называюсь Мария, была чтницею псалмов при церкви Воскресения Христова; злой дух уязвлял мною многих. Я пришла в страх, как бы мне не быть виновною в соблазне и как бы не приложить грехов к грехам моим. Молилась я усердно Богу избавить меня от напасти. Раз, умилившись душою от страха Божия, пошла я к Силоаму, налила сосуд водою, взяла корзину с мочеными бобами, ночью вышла из Святого города и, поручив себя Богу, отошла в пустыню. Бог привел сюда, и здесь живу я уже восемнадцать лет; благодатию Божиею ни вода не закончилась у меня, ни бобы не убавились. Затем прошу вас, идите теперь к отцу Кириаку и выполните свою службу; когда же будете возвращаться, посетите меня, бедную”. Выслушав это, пошли мы к отцу Кириаку, рассказали ему все, что слышали от блаженной Марии. Отец Кириак, подивившись, сказал: “Слава Тебе, Боже наш! У Тебя есть сокровенные святые мужи

⁵⁴⁰ См.: Палестинский патерик. Вып. 7. С. 16.

и жены, тайно служащие Тебе. Идите, дети мои, – прибавил он, – к угоднице Божией и что скажет вам, сохраняйте”. Возвращаясь от отца Кириака, пришли мы к пещере блаженной Марии. “Раба Божия! – говорили мы, – по твоему приказанию пришли мы к тебе”. Но ответа не было. Войдя во вход к пещере, сотворили мы молитву, но ответа опять не было. Тогда вошли мы в самую пещеру и нашли рабу Божию, скончавшуюся о Господе. От святого тела ее исходило сильное благоухание. С нами не было ничего, чем одеть ее. Поспешив в обитель, принесли мы все нужное; одев ее, похоронили ее в пещере и завалили устье пещеры камнем».

Преподобная Матридия (память 7 февраля) проходила путь подвижничества также в VI веке, как и преподобная Мария Иерусалимская, и также в Иорданской пустыне. О происхождении ее и обстоятельствах жизни мало известно. Некоторые сведения о ней сообщаются в «Луге духовном». Составитель «Луга» Иоанн Мосх передает здесь рассказ, слышанный им от отшельника Иоанна Огненного. «Пришли мы, – говорит Мосх, – к авве Иоанну, отшельнику, по прозванию Огненный. Он рассказывал нам, что сам слышал от аввы Иоанна Моавитского. В Иерусалиме была дева, посвятившая себя Богу, весьма благочестивая и усердная, именем Матридия⁵⁴¹. Дьявол, позавидовав деве, зажег в одном молодом человеке сатанинскую любовь к ней. Великая дева, поняв хитрости дьявола и видя опасное положение молодого человека, положила в корзину немного размоченных бобов и удалилась в пустыню, дабы через то самое как молодого человека избавить от искушения, так и себе самой найти в пустыне безопасность. Прошло немало времени после того. Дабы высокий подвиг ее не остался в неизвестности, по смотрению Божию увидел ее один отшельник Иорданской пустыни. “Мать! Как ты зашла сюда?” – спросил он ее. Она, желая скрыть свое отшельничество, отвечает отшельнику: “Прости меня, я сбилась с пути; сделай милость, ради Бога, отец, укажи мне дорогу”. Отшельник, быв извещен о ней свыше, говорит ей: “Мать! Будь надежна: ты не сбилась с пути; другая дорога не нужна тебе. Скажи же откровенно, как ты зашла сюда?” Тогда дева отвечала: “Прости меня, авва! Один молодой человек соблазнился мною. Признав за лучшее быть здесь, нежели служить соблазном, удалилась я в пустыню”. Старец продолжал: “Давно ли ты здесь?” Она отвечала: “По благодати Христовой, семнадцать лет”. – “Чем же ты питаешься?” – спросил старец. Она, вынув корзинку с лежавшими в ней бобами, сказала отшельнику: “Вот эта корзинка, которую ты видишь, отправилась со мною из города с этою пищею; но Бог явил надо мною такую милость, что с тех пор доселе питаюсь тем же, и пища не убывает. Не забудь, отец, и того, что так прикрыл меня Бог Своею милостию, что 17 лет никто не видал меня, хотя ведала я других”. Услышав это, отшельник прославил Бога. Преподобная Матридия отошла ко Господу около 580 года⁵⁴².

О третьей неизвестной по имени⁵⁴³ палестинской пустыннонице рассказывал великий подвижник Сила, подвизавшийся в аравийской пещере, в ските Фара. «За несколько лет пред сим, – говорил он братиям, – жил вблизи меня отшельник, которого я очень любил. Было у нас обыкновение – посещать его в великие праздники, приносить ему нужное и получать благословение его. В праздник Пасхи взял я милоть, несколько бобов и несколько хлеба и пошел к старцу по обычаю. По смотрению Божию пришлось мне заблудиться среди холмов и пустырей; настал дневной зной, я стал изнемогать от жара и труда. И обратился я ко Господу с крепкою молитвою. Изнемогши от жажды и зноя, лежал я без сил и вошел в тонкий сон. Вот подходит ко мне кто-то и говорит: “Будь бодр, авва, ты не заблудился, и труд твой не напрасен”. Проснувшись, не видал я никого, но с радостью благодарил Бога, помолился, и вот вижу между

⁵⁴¹ См.: Пролог, 7 февраля.

⁵⁴² См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский*. Святые подвижники Восточной Церкви. С. 180–181.

⁵⁴³ См.: Сборный патерик, 26.

холмами следы человека. Я пошел по следам, вижу много хвороста и пещеру; я стал звать: “Благослови меня, отец”; ответа не было. Подошел еще, вижу юного инок, сидящего в молчании. Поклонились мы один другому, и он сказал, чтобы начал я молитву. “Твое это дело, ты пресвитер”, – говорил он. Я отказывался, желая скрыть себя. “К чему лгать, авва пресвитер?” – сказал он. Мы сели, и я терялся в догадках: жена ли это или евнух? “Ты, авва, смущаешься обо мне, жена ли или евнух я, – сказал он. Я растерялся от этих слов. – Дай мне слово не говорить обо мне никому до смерти, и я расскажу тебе о себе”, – сказал пустынный человек. “Бог знает, – отвечал я, – как я желаю знать о подвигах”, – и дал слово молчать.

Я дочь епарха константинопольского, – так говорила она. – Сенатор обручил меня за своего сына, быв другом отцу моему. Мне никак не хотелось выходить замуж, но не говорила я о том родителям. Утешением для меня было заниматься молитвою, и я молила Господа исполнить тайное желание мое. Раз говорит мне отец: «Будь готова к браку, дочь моя, пришло время». – “Нельзя мне решиться на то, – отвечала я, – прежде чем исполню обет”. – “Какой?” – сказал отец. – “Обещалась я поклониться святым местам”, – сказала я. Он шутливо говорил: “Когда выйдешь замуж, тогда исполнишь обещание свое – вместе с мужем”. – “Нет, – сказала я решительно, – я обещалась поклониться девою, и это должно быть выполнено: лгать пред Богом не могу, страшно”. Родитель уступил. Со мною отпущено было множество слуг, служанок и дано три тысячи золотых. На корабле прибыли мы в Святой город. Поклонившись святым местам, отправилась я посетить египетских отцов. Близ Великой лавры египетской видела я трех великих старцев; один из них особенно показался мне Ангелом. По возвращении в Святой город надлежало возвращаться в Константинополь. Я приготовила два письма – одно к родителям, другое к младшему брату, который был со мною. В последнем написала я, что не могу быть в супружестве и посвящаю жизнь свою Господу. Когда выезжали мы уже из города, я сказала брату, что нужно мне побывать в Гефсимании. Оставив письма в одежде моей, с одною служанкою отправилась я в Гефсиманию. Потом, оставив ее здесь, одна поспешила к великому старцу своему. Со слезами просила я его облечь меня в монашество и дать мне книги, какие у него видела. Он исполнил просьбу мою. Пробыв у него день, сказала я ему: “Теперь благослови меня идти, куда Господь повелит”. Со слезами помолившись обо мне, дал он мне свои книги и отпустил с миром. Возложив надежды мои на Господа, пришла я в эту пустыню и вот живу в ней уже 28 лет; ты первый, кого я вижу здесь.

Когда окончила она рассказ свой, я просил ее покушать со мною пищи, какая была со мною. “Тебе нужно подкрепиться пищею, ты устал, а у меня есть другая пища”, – сказала она. Изумительно для меня было то, что, столько лет прожив в пустыне, она не потеряла своей красоты. В пещере ее я не чувствовал жажды, но думал: что-то будет после? Она, отвечая на мысль мою, сказала: “Будь покоен, авва, жажда не будет томить тебя, пока не дойдешь до кельи своей”. Прощаясь с ней, просил я ее: “Дозволь мне приходить к тебе для советов”. Отправившись в путь, я точно не чувствовал жажды. Спустя некоторое время пошел я к ней, но уже не нашел ее в пещере. За все слава Господу».

Кстати присовокупим рассказ об иной палестинской подвижнице, жившей в Заиорданье.

Преподобная Клеопатра⁵⁴⁴ (память 19 октября) – дочь благочестивого и богатого палестинского дома. Клеопатра выдана была в замужество за военного начальника. Он умер на службе царской в Египте, оставив юного сына Иоанна. Для матери-вдовы осталось одно утешение – сын. Она воспитывала его со всею нежною любовью и за него молилась. Когда Уар, начальник египетской сотни военной, за свободное исповедание Христова имени был замучен, а тело его брошено между трупами животных, Клеопатра, без страха и с участием любви смотревшая на подвиги мученика, тайно со слугами своими скрыла святое тело в доме своем, где

⁵⁴⁴ См.: Четы-Минси, 19 октября.

благоговейно положила его в пещере под своею спальней. Это было в гонение Максимиана Геркулия⁵⁴⁵ в 303 году. При Константине закончились гонения. Благочестивая Клеопатра, возвращаясь на родину, благоговейно взяла с собою мощи мученика, а это стоило ей многих забот. Мощи положила она в фамильной пещере в своем поселении Едрея. Каждый день молилась она при мощах мученика и решила построить храм ему. Между тем сын пришел в возраст; воспитанный зоркою любовью матери, это был прекрасный молодой человек, добрый, послушный, готовый на все доброе. Любящая мать озаботилась определить его в военную службу. По просьбе матери и за заслуги отца сын принят был с офицерским чином, для него прислан был военный пояс. Мать очень рада была счастьем сына, но сказала: «Пусть милый сын мой вместе со мною перенесет святые мощи в новый храм, и тогда отправится он на службу». На освящение храма приглашен был епископ с духовенством, собралось множество народа. Когда совершилось освящение и мощи были перенесены в храм, во время литургии мать горячо молила мученика испросить у Господа для сына то, что угодно святой воле Божией, благой и мудрой; более того, она говорила: «Ничего не смею просить, Господь знает полезное для нас».

Святые Иоанн, Уар и Клеопатра

⁵⁴⁵ Максимиан Геркулий – римский император в 285–305 гг. (в 306–308 и 310 г. узурпатор). – *Примеч. ред.*

Для гостей нового храма приготовлено было богатое угощение. Христианская любовь сделала более: мать сама прислуживала при столе, и сын по ее воле также прислуживал. “Мы с тобою после поедим”, – сказала она сыну. В конце обеда сын почувствовал головную боль и лег в постель. Мать собралась вместе с ним поесть, но оказалось, что он в сильном огне. Мать встревожилась и осталась при постели больного сына. К полуночи сын умер. Неутешно рыдала мать о потере единственного сына, единственной радости ее; в волнении души роптала она на мученика за его холодность к ее судьбе. Измученная страданием душевным, она впала в тонкий сон. Являются ей мученик и сын ее, оба в блестящем военном наряде и в чудном свете. Мученик говорит матери: «Напрасно ты жалуешься на меня. Знаю и ценю все дела благочестивой любви твоей: и те, что совершила ты в Египте, и те, что творила тут. Молился и молюсь я за тебя. По молитве моей Господь простил грехи родных твоих, покоящихся в фамильной пещере твоей. Для сына твоего выпросил я у Господа, что он теперь со мною в чине воинов Царя Небесного, близких к престолу Его. Разве это не благая воля Божия, которой желала ты для сына? Если хочешь, сын может поступить и в службу царю земному. Выбирай, но не обманись». Сын просил мученика не возвращать его в мир, полный грехов и бед, хотя бы мать и хотела того. Клеопатра, видя сына в такой невиданной славе, сказала: «Возьмите и меня с собою». Святой отвечал: «Возьмем, когда придет время». И стали невидимы оба. Придя в себя, Клеопатра нашла сердце свое полным радости и веселия. Она рассказала видение священникам, и тело сына положено было близ мощей мученика.

Теперь блаженная поняла, что ей надобно еще трудиться над собою для Господа, небесные не говорят неправды. И она удвоила труды свои. Она раздала имение свое бедным и стала жить только для искреннего благочестия. В постановлениях апостольских предписывалось: да будет всякая вдовица кротка, молчалива, тиха, незлобива, негневлива, не болтлива, не двуязычница, не охотница вмешиваться в чужие дела... Как премудрая Юдифь, известная целомудрием, ночью и днем умоляла Бога за Израиля (см. Иудифь. 9:1–14), так и подобная ей вдовица непрестанно возносит к Богу моление за церковь... Ее и око непорочно, и слух чист, и руки не запачканы, и ноги покойны, и уста говорят должное... Она воздержна, благоговейна, стыдлива – поет псалмы, молится, читает священное, постится⁵⁴⁶. Так жила блаженная Клеопатра. Она день и ночь молилась, соблюдала пост и вела теперь жизнь посвятивших себя Богу. Современный ей палестинский епископ Евсевий так писал об этой жизни. В церкви Божией два рода жизни. Один течет выше природы и обычной жизни, не заботится ни о браке, ни о рождении детей, ни о земном счастье, совершенно и во всем отделяется от обычного житья, посвящает себя на служение Богу по полной любви к небесному; избирающие эту жизнь представляются умершими для смертной жизни, остаются на земле по телу, но духом они на небе. При такой жизни преподобной Клеопатры, сын и мученик часто являлись ей с неба. В подвигах высокой духовной жизни провела она семь лет и мирно переселилась к мученику и сыну. Тело ее положено было близ мощей мученика. Это было не позже 327 года.

⁵⁴⁶ См.: Постановления апостольские. Кн. 3, 5, 7. С. 105, 109, 110.

Пустыня Рува

Пустыня Рува в истории подвижничества на Святой Земле столь же славна и знаменита, как и пустыня Иорданская. В Руву обыкновенно удалялись для высших подвигов на всю Святую Четыредесятницу Евфимий Великий, Савва Освященный, Кириак, Герасим и другие; ее избирали местом подвижничества на более или менее продолжительное время славные в отцах-подвижниках мужи, как, например, Иоанн Хозевит, отшельник Сергей; в ней некоторые отшельники проводили и все время своей жизни. И неудивительно это: пустыня Рува представляла все удобства для высших подвигов – для подвигов строжайшего уединения и безмолвия, злострадания, терпения, богомыслия. Она занимала довольно большое пространство, заключааясь между западным берегом Мертвого моря, Иерихонскою и Вифлеемскою дорогами. Иоанн Фока, паломник XII века, говорит: «Поток, выходящий от Гефсимании, проходит до лавры св. Саввы и пустыни Рувы, которая находится у Мертвого моря Содомского». И в другом месте: «По ту сторону лавры [св. Феодосия] примерно на 12 миль, близ пустыни Рува, есть монастырь св. Харитона»⁵⁴⁷. Так же определяет пустыню Рува и наш паломник игумен Даниил, который говорит: «И ту есть близ лавры [св. Саввы] место на полудня лиц от лавры, имя место тому Рува, и есть близ моря Содомского»⁵⁴⁸. В отеческих книгах пустыня Рува называется большою пустынею⁵⁴⁹, совершенною пустынею⁵⁵⁰ и различаются в ней части, указывается: внутреннейшая пустыня, нижняя часть – склон возвышенности к Мертвому морю и выход к Иордану⁵⁵¹. Рува представляла собой самую дикую возвышенность в Иорданских горах; в глубоких ложбинах текли с нее в отвесных берегах многочисленные потоки; на каждом шагу скалы, ущелья, пропасти; множество пещер; из растительности лишь дикие, горькие и ядовитые травы; в ней было раздолье диким зверям и разбойникам.

Отшельников, подвизавшихся в пустыне Рува, как видно из отеческих книг, было много, но имена их, к сожалению, не сохранились; известен по имени только один отшельник Рувы – Пимен.

* * *

Преподобный Пимен (память 27 августа) был одним из великих подвижников палестинских в царствование императора Маврикия⁵⁵². Агафоник, игумен Кастеллийской киновии, рассказывал о нем Иоанну Мосху и Софронию следующее: «В один день пошел я в Руву посетить авву Пимена, отшельника, и, нашед его, сказал ему свои помыслы; когда наступил вечер, он пустил меня в пещеру. В это время была зима, ночь была очень холодна, и я весьма озяб. Старец утром пришел и, когда стал я жаловаться на холод, сказал мне: “Я не озяб, любезное чадо!” Услышав это, я удивился, ибо на нем не было одежды, и сказал ему: “Сделай милость, скажи, как это ты не озяб?” Он отвечал: “Лев пришел и спал подле меня и согревал меня. Впрочем, я говорю тебе, брат, что меня съедят звери”. Я спросил его: “За что?” Он отвечал: “За то, что, когда я жил в своей стране и был пастухом овец, презрел прохожего странника, и

⁵⁴⁷ См.: *Иоанн Фока*. Сказание о городах и странах... С. 46, 57.

⁵⁴⁸ Житие и хождение игумена Даниила. С. 56.

⁵⁴⁹ См.: *Кирилл Скифопольский*. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 13.

⁵⁵⁰ См.: *Кирилл Скифопольский*. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 22.

⁵⁵¹ См.: *Кирилл Скифопольский*. Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного, 49.

⁵⁵² Правил в 582–602 гг.

его съели мои собаки. Я мог спасти его и не спас, но оставил, и собаки растерзали его. Знай, что и я так умру”. Спустя три года старец был съеден зверями, как сам предсказал»⁵⁵³.

Прп. Пимен Палестинский

⁵⁵³ Иоанн Мосх, блж. Луг духовный, 167.

Пустыня Каламонская

Пустыня Каламонская лежала в окрестностях Каламонской лавры и распростиралась от нее во все стороны и по эту сторону Иордана, и по ту. В ней в VI веке подвизался отшельник Павел Греческий.

* * *

Преподобный Павел Греческий славился высокой степенью духовного совершенства и нравственной чистоты. В «Луге духовном» приведен рассказ о нем, показывающий высоту нравственного совершенства отшельника Павла; рассказ сообщен был составителю «Луга» Александру, иноком Каламонской лавры.

«В один день, – рассказывал Иоанну Мосху Александр, – когда я был у аввы Павла Греческого в его пещере, вдруг кто-то пришел и постучал в дверь. Старец пошел, отворил ему, потом вынес хлеба с размоченными бобами, предложил ему, и тот ел. Я думал, что это странник, но, посмотрев в окно, увидел, что это лев, и спросил старца: “Почему ты, добрый старец, даешь ему есть? Скажи мне причину”. Он отвечал мне: “Я не велел ему обижать ни человека, ни скота, но каждый день приходит ко мне; я буду доставлять тебе пищу твою, сказал я ему, – и вот уже семь месяцев он приходит в день два раза, и я даю ему пищу”. Спустя несколько времени я опять пришел к старцу, чтобы купить у него сосуды для вина, и спросил у него: “Что, добрый старец, как твой лев?” Он отвечал: “Худо!” – “Что такое?” – спросил я его. Он отвечал мне: “Прошедший день он приходил сюда за пищею, и я увидел морду его всю в крови и сказал ему: “Что это? Ты ослушался меня и ел мясо? Благословен Господь! Я уже не дам тебе пищи отцов, плотоядец! Уйди отсюда”. Лев не хотел уйти. Тогда я взял веревку и, свив ее втрое, дал ему три удара, и он ушел”»⁵⁵⁴.

⁵⁵⁴ *Иоанн Мосх, блж. Луг духовный, 163.*

Пустыня у Мертвого моря

Пустыня эта находилась в окрестностях Мертвого моря на западной его стороне. Из отшельников, подвизавшихся в ней, известны Софроний и Сергей.

* * *

Преподобный Софроний был великим подвижником. Семьдесят лет он прожил нагим, питался только пустынными травами и ничего другого не вкушал. Дивный отшельник говорил еще о себе Мине, игумену киновии Севериана, посетившему его в одно время: «Просил я Господа, чтобы бесы не приближались к моей пещере, и Господь услышал мою молитву. Я видел, что бесы находились от меня на расстоянии трех поприщ и не смели приблизиться к моей пещере»⁵⁵⁵.

Преподобный Сергей жил сначала на Синайской горе, а потом переселился в Палестину, где и подвизался в окрестностях Мертвого моря; жил он и в пустыне Рува. Его именем прославилась пустыня у Мертвого моря. Отшельник Сергей был одним из дивных подвижников и стоял на высокой степени нравственного совершенства. Это показывают некоторые случаи, сохранившиеся в отеческих книгах.

Пустыня у побережья Мертвого моря

Во время пребывания Сергия на Синае назначили ему ходить на монастырскую службу с лошадьми. В один день, когда он отправился на работу, на дороге, по которой ему надлежало проходить, встретил он льва; зверь лежал на самой дороге. Лошади и погонщики их, увидев страшного зверя, в испуге разбежались. Тогда Сергей, взяв из сумы своей один благословенный хлеб, подошел ко льву и сказал ему: «Прими благословение отцев и удались отсюда, чтобы нам продолжать путь свой». Лев схватил благословенный хлеб и удалился.

В «Луге духовном» записаны два случая, показывающие прозорливость отшельника Сергия, проникновение его в духовный мир. Первый случай сообщил составителю «Луга» Иоанн, пресвитер монастыря Евнухов, второй – ученик отшельника Сергей, армянин. Представим здесь оба эти случая.

⁵⁵⁵ Иоанн Мосх, блж. Луг духовный, 159.

«Когда авва Сергей жил отшельником в Руве, оставя Синай, – рассказывал Иоанн Мосху и Софронию, – то прислал сюда в монастырь одного молодого человека, чтобы крестить его. Когда мы спросили о причине крещения, то служивший авве Сергию авва же Сергей рассказал нам следующее:

– Приходит брат сей и просит, чтобы остаться с нами в пустыне. Я, как служитель, принял его, много убеждал испытать прежде самого себя, может ли вступить в сие звание. Потом, узнав его твердое намерение, взял с собою и повел к старцу. Старец, как скоро увидел его, прежде нежели успел я что сказать, говорит мне: “Чего хочет брат сей?” Я отвечал ему: “Просит остаться”. Тогда старец сказал мне: “Поверь, брат, он не крещен; отведи его в монастырь Евнухов, чтобы крестили его в святом Иордане”. Изумленный сими словами, я спросил брата, кто он и откуда. Тот отвечал: “С запада; родители мои были язычниками, и я не знаю, крещен ли действительно или нет”. После сего, огласив его, крестили его в святом Иордане. И он стал жить в монастыре, благодаря Бога»⁵⁵⁶.

О другом случае этот ученик дивного отшельника сообщил уже прямо Иоанну Мосху и Софронию. Случай этот касался Григория, игумена Фаранской лавры, бывшего впоследствии патриархом Антиохийским. Об этом случае уже говорено нами в рассказе о Фаранской лавре⁵⁵⁷.

⁵⁵⁶ *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 138.

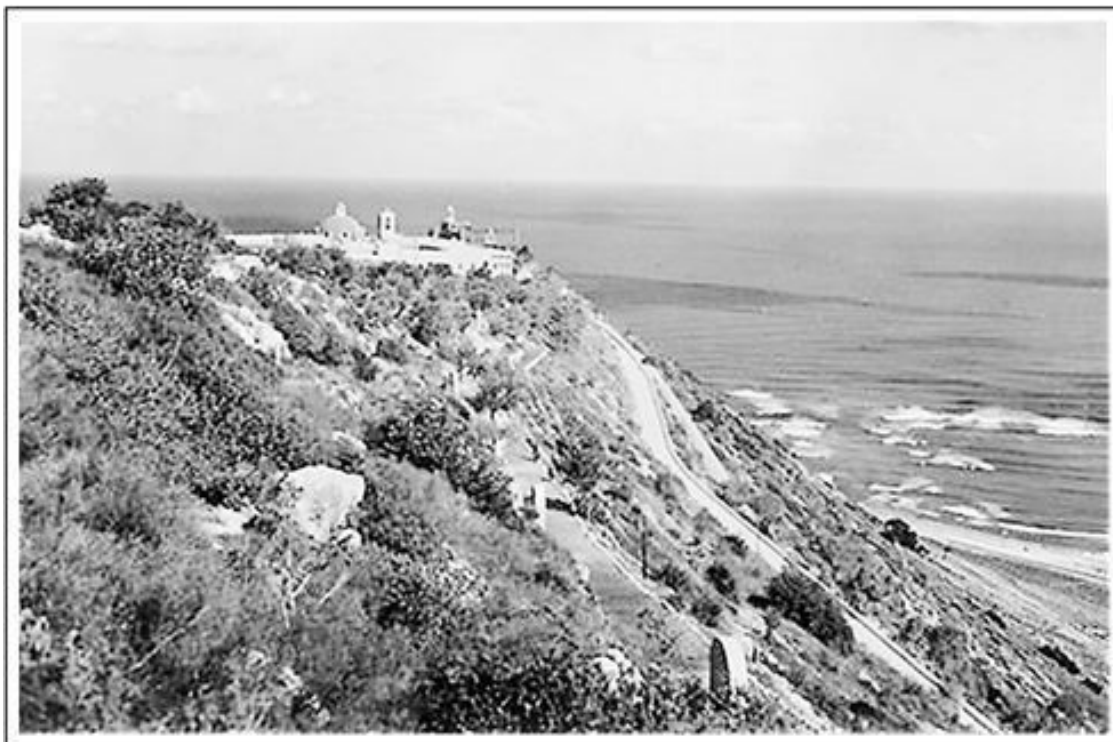
⁵⁵⁷ См. с. 37–38 настоящего издания.

Кармильская пустыня

Кармильская пустыня находилась на горе Кармил, прославленной пребыванием на ней пророка Илии и необычайным его жертвоприношением. Гора эта лежит на северо-западе Святой Земли на берегу Средиземного моря и на юге Акрского залива. Во все времена Кармил славился красотой и живописностью, необычайным плодородием, богатством растительности. И до сих пор всю гору покрывает лес масличных и дубовых деревьев; густая трава, разнообразнейшие цветы украшают ее поляны и луговины. На ней бесчисленное множество пещер, образованных самою природою и удобных для жительства. Память о пребывании пророка Илии на Кармиле и его великих деяниях через длинный ряд веков сохранилась на Святой Земле до сих пор. Гора Кармил у арабов носит название джебел-мар-Елиас – гора св. Илии. Пещера, в которой обитал некогда пророк Божий, составляет в настоящее время святилище латинского монастыря кармелитов, лежащего на северной оконечности горы и возникшего здесь во время крестовых походов; известно и место жертвоприношения пророка Илии: арабское предание указывает его на расстоянии часа пути от монастыря к юго-востоку, на возвышенности, называемой арабами ел-Мухрака, то есть всесожжение или жертвоприношение⁵⁵⁸. Красоты природы, священные воспоминания о величайшем пророке Ветхого Завета, бесчисленное множество пещер влекли на Кармил любителей уединения и возвышенных созерцаний. Неудивительно поэтому, что в века подвижничества в Святой Земле и на эту священную гору явились подвижники христианские. В церковно-исторических сочинениях есть прямые указания, что около пещеры пророка Илии некогда была православная обитель, основанная в честь и память сего ревнителя славы Бога Израилева. Иоанн Фока, путешествовавший по Святой Земле в конце XII века, говорит, что пещера пророка Илии находится на оконечности горы у моря и что там в его время были развалины большого монастыря⁵⁵⁹. К сожалению, не сохранилось больших сведений о древней обители пророка Илии на Кармиле; крайне скудны сведения в церковно-исторических сочинениях и об отшельниках, подвизавшихся на этой святой горе. Не говоря уже об именах кармильских отшельников, неизвестно, с какого времени они явились там и какой род подвижничества вели. Известно только имя одного отшельника, подвизавшегося на Кармиле, – это Иаков Постник.

⁵⁵⁸ См.: *Олесицкий*. Святая Земля. С. 405–406, 409.

⁵⁵⁹ См.: *Иоанн Фока*. Сказание о городах и странах... С. 58.

Вид на гору Кармил

Прп. Иаков Постник.

Миниатюра из Миналогия Василия II. Ватиканская библиотека. Рим

* * *

Преподобный Иаков Постник (память 4 марта) вел отшельническую жизнь на Кармиле в VI веке. Долго он подвизался и работал о Господе для нравственного очищения и усовершеншения своей души и прошел уже много степеней подвижничества, как напал на него со всею силою злобный враг нашего спасения: он возбудил в подвижнике сильнейшую плотскую страсть; Господь попустил, и муж строгого поста и воздержания впал в грех блуда. Один содеянный грех влечет за собой другие грехи. И Иаков, допустив блудодеяние, совершил потом другой тяжкий грех – человекоубийство. Когда отшельник пришел в себя, сознал содеянные им тяжкие грехи, то обратился к Богу, от всего сердца раскаялся в своих грехах и со слезами умолял милосердие Божие помиловать его и простить его беззакония. Целых десять лет раскаивался в своих грехах подвижник; он усилил молитву, сопровождая ее слезами, сетованием и болезнованием о содеянном им, обличал и укорял себя, увеличил пост и воздержание. Милосердный Господь принял его покаяние, простил содеянные им грехи и призрел на него оком Своего благоволения: Иаков сподобился дара чудес и исцелений. За строгий пост и воздержание Церковь удостоила его высокого именованя Постника.